К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

К. ЛЕОНТЬЕВА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ИЗДАНІЕ В. М. САБЛИНА.

К. Леонтьевъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ ХРИСТІАНЪ ВЪ ТУРЦІИ.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ.

МОСКВА.—1912.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
ф-33-4218

2007044887

ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 131-34.
Москва. — 1912.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Сфакіотъ (разсказъ изъ критской жизни) 1

Дитя души (старинная восточная повѣсть) 127

Египетскій голубь (разсказъ русскаго) 273

СФАКІОТЪ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ КРИТСКОЙ ЖИЗНИ.

(1877 г.)

I.

Незадолго предъ критскимъ возстаніемъ 1866 года. Весна. Большое село на одномъ изъ острововъ Архипелага. Бѣлые, чистые каменные домики въ зелени персиковыхъ, апельсинныхъ и миндальныхъ деревьевъ, съ плоскими террасами вмѣсто кровель. Тихое море и дикія, пустынныя скалы въ сторонѣ; по другую сторону виденъ цѣлый лѣсъ маслинъ, узловатые стволы и сѣдая зелень, какъ у вербы. Небо чисто. Вечеретъ. Вдали городъ, котораго зданія все больше и больше краснѣютъ отъ зари, занимающейся за моремъ.

На дворѣ небольшого дома, съ восхитительнымъ видомъ на море и берега, сидятъ бесѣдуя молодые новобрачные: Яни Полудаки и жена его Аргиро́ (то-есть серебряная). Ему двадцать пять лѣтъ, ей семнадцать съ небольшимъ. Онъ критянинъ, родомъ изъ Сфакійскихъ или Бѣлыхъ Горъ, переселился на другой островъ, на родину своей новобрачной и въ ея приданый домикъ.

Яни очень высокъ, легокъ въ движеніяхъ, силенъ и красивъ; онъ бѣлокурый и съ голубыми глазами и потому кажется еще моложе своихъ лѣтъ. Но въ немъ виденъ воинъ по духу и паликаръ настоящій. Одѣтъ такъ, какъ одѣваются молодцы на греческихъ островахъ, въ длинную феску и широкія шальвары, подобранныя подъ колѣна.

Аргиро́ напротивъ того: брюнетка, средняго роста; черты лица ея чрезвычайно нѣжны и строго-правильны; глаза ея велики и необыкновенно черны. Въ лицѣ ея смѣсь чего-то простодушнаго, дѣтски-серьезнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ по временамъ лукаваго. Одѣта она почти по-европейски, довольно

скромно. Дикаго цвѣта шерстяная юбка, красная гарибальдійская рубашка и темный печатный платочекъ на головѣ.

Яни сидитъ на дворѣ своемъ на стулѣ, куритъ и пьетъ кофе, возвратившись изъ лавки, въ которой онъ цѣлый день торговалъ. Аргиро́ стоитъ предъ нимъ съ подносомъ, опершись на столъ; они долго молча смѣются, глядя другъ на друга.

Яни, *съ сіяющимъ отъ счастія лицомъ.* — Айда! Аргиро́ моя, поди ко мнѣ поближе, сядь поближе около твоего мужа. Ну, теперь тебѣ хорошо? Скажи мнѣ, Аргиро́, моя голубица, сколько тебѣ лѣтъ? Я считаю, что тебѣ нѣтъ еще восемнадцати.

Аргиро́, *садясь.* — Перешло за семнадцать этою осенью. Что́ тебѣ?

Яни. — Тебѣ семнадцать, а мнѣ двадцать пять. Давай считать, у насъ теперь шестьдесятъ шестой годъ, а въ шестьдесятъ первомъ мнѣ было двадцать лѣтъ.—*Молча глядитъ на нее и, вздыхая, приближаетъ ее къ себѣ.*—Ты не знаешь, собака Аргиро́, какъ я за тебя и за черные глаза твои умираю! Все мнѣ въ тебѣ нравится. Айда, милая моя, сдѣлай еще такое сердитое лицо.

Аргиро́ *смѣется.* — Не могу теперь, не могу.

Яни. — Знаешь, задушу я тебя когда-нибудь, анаѳемскій часъ твоего рожденья! Весенній цвѣточекъ ты мой; воздухъ около тебя и тотъ для меня лучше всякой розы! Такая у меня къ тебѣ любовь! Что дѣлать. Въ этомъ нѣтъ и грѣха, потому что мы вѣнчались съ тобою. Правда вѣдь? А то, что́ ты говоришь про Критъ нашъ и про братнину жену, это дѣло старое. Что́ я былъ влюбленъ, это правда. И что я отравился, и это тоже правда, моя свѣчечка ты разубранная разукрашенная! Не сердись, не сердись же, радость ты души моей, сокровище ты мое, не сердись. Не уходи съ колѣнъ моихъ. Не огорчай мужа, прошу я тебя, моя душенька. Посмотри сюда. Взгляни, жасминъ мой садовый, чѣмъ я не мужъ молодой? Полюбуйся... Лицо бѣлое и румяное у меня, ростомъ кто у васъ выше меня? У кого глаза синіе такіе, какъ у мужа твоего, Аргиро́, несчастная твоя голова!

Волосики у меня бѣлокурые, еще понѣжнѣе твоихъ будутъ. Цыганка ты черная. Рука моя... Постой немного; отодвинься, дай мнѣ вытянуть руку эту. Гляди теперь. Развѣ не ужасъ моя рука? Только на войну мнѣ итти, — не правда ли? — *помолчавъ, вздыхаетъ.* — Я очень въ тебя влюбленъ, Аргиро́ моя! На мулѣ утромъ ѣду въ городъ — ты на умѣ; думаю, какъ я вечеромъ къ тебѣ возвращусь; въ лавкѣ масло́ продаю, думаю о томъ, какъ я видѣлъ тебя разъ подъ маслиной еще прежде, когда ты и не выросши была. Видишь, я честность твою въ тебѣ люблю и обожаю. Нравится мнѣ очень, что ты, кромѣ меня, жениха своего, никогда ни на одного молодца и смотрѣть не хотѣла. А мало ли у васъ тутъ ихъ? Всѣ дѣти красивыя и лихія. Все «дели-канлы» *), если такъ, для примѣра, по-турецки сказать. Да! Честность твоего поведенія мнѣ нравится. И я скажу тебѣ, золотая моя, что если ты меня обманешь, то я къ деспоту **) разводиться не пойду, какъ другіе, а возьму я тебя вотъ такъ за эту косу твою, выну пистолетъ изъ-за пояса краснаго моего и убью тебя. И разрѣжу потомъ мертвую псицу я тебя на четыре части и на четыре стороны далеко заброшу куски. А головку твою красивую я, за волосики взявъ и слезами моими омывая, снесу и опущу въ самое море, чтобы никто не видалъ, какъ она портиться будетъ и какъ будетъ гнить твое нѣжное личико... А тамъ пусть паша сошлетъ меня работать въ Виддинъ, на дальній Дунай, или пусть повѣсятъ меня за это турки у стѣнъ крѣпостныхъ. И я буду висѣть — молодецъ, какъ гроздіе виноградное качаясь. И скажутъ всѣ люди, проходя мимо: «Это тотъ самый нашъ Япа́ки, тотъ Полуда́аки виситъ какъ виноградное гроздіе и качается, который жену свою милую Аргиро́ пистолетомъ, взявъ за косу, умертвилъ и разрѣзалъ ее потомъ на четыре куска, а головку красивую въ море отнесъ, омывая съ нея слезами теплую кровь!..» Вотъ какъ я за мою честь сердитъ и золъ... А ты ничуть да-

*) Молодцы съ бѣшеною кровью.

**) Епископъ.

же, бре́! не боишься, я вижу. Аманъ! голова твоя глупенькая! Не боишься?.. Ты ее пугаешь, а она все молчитъ и ласкается... А что ты не боишься моихъ угрозъ — это, пожалуй, тоже не дурно. Ты, значитъ это, говоришь: «Что́ мнѣ бояться? Могу я ему измѣнить развѣ?» А я тебѣ, моя дорогая, вотъ что́ скажу. Влюбленъ я былъ въ эту Афродиту, которая за братомъ моимъ замужемъ, и отравиться хотѣлъ, все это правда; только женился я на тебѣ все равно, какъ ты за меня замужъ выходила, безгрѣшнымъ мальчикомъ и такимъ невиннымъ, что меня можно бы сейчасъ въ іеромонахи на Святой Горѣ посвятить *)... Понимаешь? апрѣльскій цвѣточекъ ты мой, гвоздичка моя несравненная. Я согласенъ разсказать тебѣ объ этихъ прошлыхъ дѣлахъ и о любви этой моей... Только ты не ревнуй, потому что это все прошло и теперь пусть ослѣпну я и пусть душа моя не спасется, если я тебѣ, царевна моя и супруга, обвѣнчанная попомъ, когда-нибудь даже въ помыслѣ измѣню! Поняла? Слушай же! Сядь получше... Вотъ такъ!

II.

Яни. — Что жъ, разсказывать?

Аргиро́. — Говори, говори! Давно я хочу все это знать.

Яни. — Хорошо. Разскажу все по совѣсти. Когда нашъ капитанъ Коста Ампела́съ (ты слыхала объ немъ? онъ еще живъ и теперь и изъ первыхъ капитановъ у насъ въ Сфакійскихъ горахъ), когда Коста Ампела́съ пріѣзжалъ по дѣламъ своимъ въ Канею, мы съ братомъ Хри́сто всегда шли при немъ пѣшіе. Христо въ то время было двадцать четыре года, а мнѣ только двадцать. И были мы не одни съ братомъ; бывало насъ при старикѣ капитанѣ молодыхъ ребятъ человѣкъ по шести, по семи, по восьми. Всѣ моло-

*) На Аѳонѣ въ іеромонахи предпочитаютъ посвящать людей, сохранившихъ цѣломудріе во время мірской и безбрачной жизни.

денькія дѣти, смѣлыя, всѣ высокія, всѣ красивыя; у всѣхъ по ружью на плечѣ и по парѣ пистолетовъ серебряныхъ и по большому ножу за кушакомъ краснымъ; всѣ въ новыхъ цвѣтныхъ шальварахъ и курточкахъ, и у всѣхъ рукава выше локтя засучены, точно мы всѣ сбираемся въ кровь турецкую выше локтей руки наши сейчасъ погрузить. И отъ колѣнъ у всѣхъ ноги разутыя, голыя, безъ чулокъ, не потому, чтобы чулокъ не было дома, а такъ... для фигуры, знаешь! И башмаки хорошіе, когда къ городу подойдемъ, надѣнемъ. А дорогой, со своихъ ужасныхъ и невиданныхъ другими людьми горъ спускаемся въ такихъ критскихъ высокихъ сапогахъ съ мягкою и толстою подошвой, какъ ты у меня видѣла, Аргиро̀, и знаешь ихъ сама.

Идемъ. Съ камня на камень и опять съ камня на камень, милая ты моя, какъ козы летимъ, летимъ мы и веселимся страхъ! Коста Ампела̀съ ѣдетъ на большомъ мулѣ; мулъ весь въ красныхъ кистяхъ, и у старца ка̀па *) на красномъ подбоѣ новая, прекрасная, и въ высокой, превысокой фескѣ сидитъ онъ, какъ настоящій ходжа-баши, съ сѣдою бородой.

Такъ ѣдемъ мы по селамъ по всѣмъ; на насъ смотрятъ люди; идемъ черезъ прекрасные сады Серсепилы, на насъ смотрятъ люди, и такъ мы въ ворота Канейской крѣпости прямо вступаемъ!.. Да! и знаешь, что даже аскеры турецкіе, стерегущіе крѣпость, любуясь нами, завидовали... (Ахъ! Аргиро̀ ты моя... лукавая... Всѣ косточки твои когда-нибудь я переломаю тебѣ! должна ты, брѐ, помнить, несчастная, что̀ у тебя за мужъ — за молодчикъ...) Да! Аргиро̀ моя! Турки завидовали и любовались нами. Ѣдетъ Коста Ампела̀съ нашъ въ ворота городскія, а мы около него всѣ красуемся съ ружьями на плечахъ и фески всѣ на бровь и на ухо вбокъ сбиты нарочно. «Впередъ! Кто остановитъ?» Аскеры пропустили насъ, и мы слышимъ, что они говорятъ другъ другу: «Ну! гяуры! Ну, молодцы! Что̀ за дѣти такія! Что́ за гяуры прекрасные».

Такіе мы люди, мы сфакіоты! Вотъ что́! Коста Ампела̀съ

*) Бурнусъ изъ темнаго толстаго сукна.

пріѣзжалъ въ Канею по нашимъ сфакіотскимъ дѣламъ. Ты, куропатка моя, не знаешь, что мы, сфакіоты, издавна податей порядкомъ не платили. Кому бы принудить насъ? Кому бы испугать? Камень у насъ въ горахъ такой ужасный, дорожки такія крутыя, что не то лошади, мулы и ослы изъ нижнихъ селъ къ намъ не ходятъ и оступаются, и люди, сидя на нихъ, боятся.

Тотъ же, кому нужно быть у насъ по дѣламъ непремѣнно, тотъ нашего сфакіотскаго мула нанимаетъ. Сама ты, душенька моя, видишь, какъ низамскому войску трудно бы было итти въ наши горы, чтобы принудить насъ во-время и сполна подати царю платить, если бы мы были приготовлены защищаться. Однако два человѣка все дѣло наше испортили, и начали мы теперь платить. Скажи ты мнѣ теперь, какъ ты думаешь, что́ были это за люди? Предатели или нѣтъ? Турки? Нѣтъ. Худые люди? Не знаю, какъ бы это сказать... А думаю, что не совсѣмъ худые. Чужіе завистники изъ города или изъ другихъ епархій можетъ быть... Нѣтъ, и не предатели, и не турки, и не худые люди, и не чужіе завистники... А мы съ братомъ Христо. Вотъ отчего я и теперь еще вздыхаю, Аргиро́ моя... Родинѣ вредъ мы сдѣлали нехотя... А ты вчера приревновала къ братниной женѣ, свѣтъ мой сладкій, ты, Аргиро́... Вотъ отчего, моя Аргиро̀, я вздыхаю... Родину жалко свободную, а не любви этой старой. Дай Богъ и *ей*, невѣсткѣ моей, Афродитѣ, и брату моему и дѣтямъ ихъ долго жить и состарѣться... А мнѣ, что̀? Сама ты пойми, прошу я тебя!..

Да! Мы вдвоемъ съ братомъ Христо, безбородые мальчишки, головы безумныя и отчаянныя, все это сдѣлали...

Стой же, вотъ какъ это было.

Коста Ампела̀съ пріѣзжалъ не разъ, говорю я, по приказанію новаго паши въ городъ, объ этихъ дѣлахъ разсуждать. Новый паша его хорошо принималъ. И хотя въ городъ людей изъ селъ обыкновенно съ оружіемъ не пускаютъ, но намъ прощали это, и мы красовались.

Паша этотъ былъ тотъ самый Халиль-паша, который и теперь у насъ управляетъ. Но теперь имъ очень недоволь-

ны стали; а тогда, сначала, у него не слишкомъ дурно пошло. И первое дѣло, что онъ былъ обученъ во Франціи, учился тамъ медицинѣ. Сталъ султанскимъ докторомъ, а послѣ ужъ и пашой его сдѣлали. Нашимъ простымъ греческимъ языкомъ онъ говорилъ лучше насъ съ тобой. Въ обращеніи съ людьми онъ былъ простъ и все знать хотѣлъ; онъ обо всемъ разспрашивалъ, и сначала, пріѣхавъ къ намъ въ Критъ, все какъ будто облегчить старался и никого не искалъ притѣснить.

У одного изъ нашихъ грековъ въ лавкѣ, напримѣръ, все картинки висѣли, все наши эллинскія геройства 21-го года. На одной Мавромихали по-майносски одѣтый турокъ пикой колетъ, глаза ужасные раскрылъ. Тутъ бѣднаго дьяка (Господи, прости его душу!) два крѣпкихъ турка схватили и вязать хотятъ, чтобъ изжарить живого. А еще на третьей самъ Маврокордато, въ очкахъ и съ длинными волосами и во франкскомъ платьѣ, съ большою бумагой въ рукѣ, на городской стѣнѣ стоитъ, городъ защищаетъ. А еще на одной картинкѣ, побольше другихъ, Рига Ферѐосъ, который стихи писалъ, знаешь:

До коихъ поръ, о, паликары!
До коихъ поръ въ горахъ, въ лѣсахъ....

и Корайсъ, который грамматику сдѣлалъ, нагую женщину съ земли подымаютъ (жирная такая, и вся въ ранахъ). Это Эллада освобождается. Рига Ферѐосъ и самъ толстый, въ широкой одеждѣ, стоитъ, точно монахъ; а Корайсъ худенькій, худенькій, согнулся, какъ будто ему трудно такую толстую поднять, и одѣтъ онъ въ такую франкскую *вальду**), какую консулы и другіе великіе европейцы на балы надѣваютъ. Паша разъ ѣхалъ мимо его лавки верхомъ, слѣзъ съ коня и вошелъ къ нему въ лавку. Человѣкъ испугался, а паша купилъ у него нѣсколько вещей, посмотрѣлъ на стѣнки и говоритъ: «У тебя много картинъ! Нейдетъ только такъ ихъ открыто держать, спрячь ихъ себѣ въ домъ!» И

*) *Фракъ.*

больше ничего не сказалъ и ничего человѣку не сдѣлалъ. Вотъ онъ какимъ справедливымъ притворялся. Очень хитрый человѣкъ и очень образованный. Во все мѣшался самъ.

Разъ тоже верхомъ за городъ ѣхалъ, и бросились пастушьи собаки на его лошадь и испугали ее. А пастухи не успѣли удержать собакъ, которыя были ужасно злы и рвали многихъ. Паша подозвалъ пастуха, сошелъ съ лошади и сказалъ ему: «Если твои собаки на меня бросились такъ, то что же онѣ могутъ сдѣлать съ пѣшимъ и бѣднымъ человѣкомъ? Развѣ ты держишь ихъ, чтобы за прохожими охотиться? Поди сюда поближе!» И самъ снизошелъ дать пастуху три пощечины. Другой разъ пѣшкомъ пошелъ и увидалъ, что турокъ конный по сельскому засѣянному пшеницею полю ѣдетъ. Остановилъ и въ тюрьму его: хлѣбъ не топчи.

Я хвалю этого человѣка, хотя онъ и турокъ; но мы, христіане, должны помнить, что все это хитрость!

Ну, хорошо! Коста Ампелàсъ къ нему ѣздитъ. Халиль-паша его принимаетъ съ уваженіемъ.

— Что дѣлаешь? Какъ живешь?

Капитанъ Ампелàсъ кланяется.

— Что дѣлаю! Кланяюсь вамъ, моему господину.

Дружба и дружба такая... Страхъ!

— А подати?

— Что жъ, паша-эфенди; земля безплодная, камень, снѣгъ зимой, стужа, дикое-предикое мѣсто... Одиѣми овцами какими-нибудь живемъ. Сами посудите...

— Ну, да, камень и снѣгъ... Овецъ иногда и чужихъ крадемъ десятками въ нижнихъ округахъ... И мула уводимъ — мулъ намъ годится... Даже и невѣстъ богатыхъ, и тѣхъ похищаемъ насильно...

Это, значитъ, паша такъ говоритъ, напримѣръ. И говоритъ онъ еще:

— На васъ, сфакіотовъ, всѣ греки въ городѣ и въ нижнихъ селахъ за это жалуются. Говорятъ, что вы ужасные разбойники.

А капитанъ ему вздыхаетъ и жалуется (чтобъ его какънибудь тутъ въ городѣ паша не задержалъ).

— Это правда, господинъ мой! Такихъ разбойниковъ, какъ наши молодые ребята горные — свѣтъ не видывалъ. Намъ за ними усмотрѣть очень трудно... Что намъ съ ними дѣлать прикажете? Прикажите, мы старшіе, то и сдѣлаемъ съ ними, что вы намъ прикажете.

— Если вы не можете за ними смотрѣть, я начну самъ,— угрожаетъ паша.

Такъ это дѣло идетъ между ними понемножку. А податей все нѣтъ! И терпѣливъ паша, не гнѣвается. Увы! онъ хитрѣе насъ былъ. Вышелъ опять случай, овецъ наши къ себѣ снизу опять загнали и кой-какія дѣла другія молодецки обработали. Халиль-паша не ищетъ строгаго наказанія. А вотъ какимъ среднимъ путемъ идетъ, чтобы жители другіе и горожане видѣли, что паша хочетъ сфакіотовъ обуздать, но вдругъ не можетъ. А наши: «Впередъ, ребята! еще что-нибудь давайте сдѣлаемъ! Не бойтесь, у паши либо *лицо очень мягкое*, либо онъ хочетъ всѣмъ людямъ на островѣ понравиться, чтобъ его всѣ и сфакіоты и не сфакіоты любили. Айда! Впередъ, паликары мои!.. Не бойтесь».

Вотъ глупость-то.

И больше всѣхъ глупостей мы съ братомъ Христо глупость задумали.

Теперь смотри, Аргиро моя, начну я сейчасъ о любви этой говорить. И если ты хочешь правду знать, не мѣшай мнѣ разсказывать, не ревнуй. Зачѣмъ тебѣ ревновать? Я мужъ твой, говорю я тебѣ, и люблю тебя сильно.

III.

Первый разъ мы съ братомъ Христо увидали эту Афродиту, которая теперь ему жена, на арабскомъ праздникѣ около Канеи.

Отца Афродиты зовутъ Никифоръ Акостандудаки; у него есть домъ въ Канеѣ и лавка и еще домъ въ селѣ Гала-

тà, недалеко отъ города. Въ Галатѣ у него есть масляная мельница, большая; виноградники хорошіе; маслинъ цѣлый лѣсъ прекрасный и много овецъ. Видный мужчина, полный, широкій, высокій, бѣлый, усатый; богатый человѣкъ! Одѣвается всегда Акостандудаки такъ чисто, что удивляться надо! Я никогда не видалъ его иначе, какъ въ тонкомъ цвѣтномъ суконѣ, и шальвары, и жилетъ, и все. Онъ на видъ лучше хорошаго бея турецкаго. Лигунисъ-бей и Шерифъ-бей наши, право, кажется, хуже его одѣваются. Это много значитъ, потому что старый Лигунисъ-бей такъ красоту и чистоту, и роскошь любитъ, что до сихъ поръ волосы и бороду краситъ европейскимъ лѣкарствомъ; а старикъ Шерифъ-бей весь бѣлый, не красится, но каждый день не иначе, какъ въ свѣтло-небеснаго цвѣта шальварахъ красуется, и когда лежитъ на коврѣ съ чубукомъ, въ своемъ цвѣтникѣ, между фіалками и розами, такъ самъ издали сіяетъ, какъ цвѣтокъ въ цвѣтникахъ, и феской пунцовою, и этими небесно-голубыми шальварами и бѣлою бородой... Онъ даже на одну зиму въ Парижъ лѣчиться ѣздилъ—Шерифъ-бей; вылѣчился и опять пріѣхалъ. Вотъ какіе беи! А я тебѣ говорю, что Акостандудаки, отецъ Афродиты, никакъ не хуже ихъ на видъ казался. Немного было только лицо его оспой испорчено. А что онъ за человѣкъ — хорошій или дурной, затрудняюсь сказать я тебѣ. Одни хвалятъ, другіе хулятъ. Говорятъ, что денегъ чужихъ процентами много въ жизни своей съѣлъ. Но это его грѣхъ, его забота, а мнѣ онъ худого ничего не сдѣлалъ.

Когда мы его увидали, онъ ужъ давно былъ вдовъ, и было у него еще одно большое огорченье. Сына молодого у него въ кофейнѣ люди зарѣзали за споромъ однимъ, и осталась у него только одна эта Афродита, дочь. Она сначала была въ Сиру на обученье отправлена, но когда убили сына, Никифору Акостандудаки стало слишкомъ скучно одному въ домѣ, и онъ возвратилъ Афродиту изъ Сиры домой.

Нашъ старикъ, Коста Ампелàсъ, имѣлъ нѣкоторыя торговыя дѣла съ Никифоромъ и зналъ его давно. Увидалъ его на арабскомъ этомъ праздникѣ, и стали они между собой

разговаривать, а мы съ братомъ оба смотрѣли на его дочь и ничего другъ другу не сказали тогда. Ни онъ мнѣ не сказалъ ни слова, ни я ему ничего не сказалъ.

Я очень жалѣю, что ты не видала никогда этого арабскаго праздника у насъ, въ Критѣ. Это очень смѣшно и очень красиво. Знаешь, стѣны у канейской крѣпости огромныя, высокія, древнія, у самаго моря; и весь городъ (онъ не великъ, всего 14.000 жителей) внутри стѣнъ. А тутъ море. Вотъ подъ стѣнами у моря есть гладкое мѣсто, песокъ. И тутъ живутъ арабы черные, кажется изъ *Миссира* *). Маленькая деревушка. Есть еще тутъ и другіе арабы—арабы бѣлые; тѣ въ шалашахъ, а не въ домикахъ, немного подальше живутъ. Это совсѣмъ другіе арабы—несчастные люди, оборванные, изъ Сиріи. А черные арабы—это великое утѣшеніе! Веселые люди! Ты знаешь, какъ женщины у нихъ одѣваются? Почти какъ турчанки, только не совсѣмъ. Прежде всего скажемъ, что лицо черное это у нея открыто... Прятать нечего! А вмѣстѣ *фереджѣ* турецкаго на нихъ синія или какія-нибудь другія полосатыя простыя покрывала надѣты.

И станутъ они всѣ въ кругъ, и арабы, и арабки черные, и у каждаго палка въ рукѣ, и у женщинъ тоже палки. Музыка—*дзиннь!!!* И начинается пляска съ пѣніемъ. И начинается, и начинается. За руки не берутся, а навстрѣчу другъ другу въ кругѣ танцуютъ и палками по палкѣ: «дàнга! дàнга! дáнга! дàнга!» стучатъ.

Музыка, пѣсни громкія, палками стукъ, стукъ... А женщины вдругъ всѣ, какъ лягушки въ болотахъ, языкомъ защелкаетъ, ужасъ какъ громко...

Весь народъ кругомъ тотчасъ же и засмѣется. Другой человѣкъ и не можетъ такъ особенно языкомъ сдѣлать, а онѣ умѣютъ.

Очень весело!

Франки, изъ самыхъ большихъ городовъ пріѣзжіе и тѣ не глушаются этимъ зрѣлищемъ и веселятся имъ.

---

*) *Изъ Египта.*

И что̀ еще скажу я тебѣ, моя Аргиро́, очень тогда красиво. Это то, что турчанки городскія изъ лучшихъ домовъ соберутся въ это время на высокую городскую стѣну и оттуда глядятъ, сидя почти всѣ толпой, потому что стѣна широка наверху. Головки у нихъ у всѣхъ въ бѣлыхъ покрывалахъ, а *фередже* свои онѣ на праздникъ лучшія, разноцвѣтныя надѣнутъ. Итакъ, что вся стѣна наверху... не знаю, какъ тебѣ и сказать, до чего это весело и хорошо. Цвѣты ли разноцвѣтные назову это я, или какъ въ цареградскихъ магазинахъ, матеріи дорогія на окнахъ разныя, или... скажемъ, картинки такія бываютъ... Разныя, разныя *фередже* эти: красныя, зеленыя, желтенькія, какъ лимонъ, и голубыя, какъ небо, и черныя... Всякія...

А внизу, подъ стѣной, и христіане, и франки, и евреи, и арабы эти и тоже турки и турчанки сходятся,—народу, народу! И мы стояли, смотрѣли и веселились.

Конечно, мы за родину нашу и за наши горы умираемъ—любимъ родину, но все же городъ, столица вилайета. И мы не такъ глупы, чтобы не могли этого понять, Аргиро̀ моя!

Мы смотрѣли, но видѣли, что и на насъ глядятъ люди хорошо, потому что мы, говорю я тебѣ, всѣ молодцы и красивыя дѣти были.

Вотъ встрѣтились Никифоръ Акостандудаки съ капитаномъ нашимъ и заговорили. Около Никифора матъ его, старуха, и дочь. На видъ ей не больше семнадцати лѣтъ, и платье у нея было короткое...

Аргиро̀, *прерывая его стремительно.* — А какое у нея было это платье?

Яни, *пожимая плечами.* — Какое? à la franca платье. Хорошее...

Аргиро̀ *съ безпокойствомъ.* — Нѣтъ, барашекъ мой, нѣтъ, Яни мой... Цѣлую твои глаза, ты скажи мнѣ, дай Богъ тебѣ жить за это долго, какая у нея, у Афродиты, была одежда?.. Одежда моды?..

Яни, *вспоминая.* — Да! одежда моды. Я говорю, что ее въ Сирѣ учили. Стой, вспомнилъ. Кисейное розовое платье было на ней и косы сзади длинныя. И серьги брилліантовыя.

И поясъ шелковый, черный, большой, широкій съ бантами, съ бантами. Она хорошо была одѣта, Афродита!

Аргиро̀, *съ небольшимъ вздохомъ.*— Да! Это прекрасная одежда! Хорошо. А потомъ что̀? говори, Янàки, свѣтъ мой, говори, я тебя со всею радостью моей слушаю!..

Янн *продолжаетъ разсказъ.*

— Хорошо. Она стоитъ, эта дѣвушка, и мы стоимъ. И мы не глядимъ на нее прямо, и она не глядитъ, конечно. А я думаю, и она насъ видѣла. Что̀ братъ подумалъ тогда, не знаю. Можетъ быть онъ тогда же задумалъ похитить ее и въ горы съ собою силой увезти. Но я для себя ничего такого не подумалъ. Можетъ быть что-нибудь и подумалъ, только не помню что̀, вотъ тебѣ Богъ мой! Конечно, какъ это можетъ быть, чтобы молодецъ двадцати лѣтъ на молодую дѣвушку посмотрѣлъ и ужъ совсѣмъ бы ничего не подумалъ? Что-нибудь дьяволъ непремѣнно внушитъ ему подумать. А иногда можетъ быть и Богъ самъ внушитъ какую-нибудь мысль. Напримѣръ, когда ты стояла три года тому назадъ подъ маслиной и ничего не говорила, а я говорилъ съ сестрою твоею тою двоюродною, которая за капитаномъ Лáмпро замужемъ. А я видѣлъ тебя хорошо. И думаю тогда: должно быть хорошая будетъ скоро невѣста эта черненькая дѣвочка. Что̀ за глаза Богъ ей далъ!.. И такая сама тихая, претихая и смиренная. Вотъ подросли бы хоть годъ еще, такъ бы взялъ ее! А можетъ быть, и демонъ у нея въ сердцѣ! Кто знаетъ! А потомъ отошелъ и забылъ, и уѣхалъ. А потомъ пріѣхалъ, увидалъ опять и сталъ просить тебя за себя. Тутъ судьба, конечно, Божій промыслъ, чтобъ я счастье хорошее имѣлъ, чтобы мы жили благочестиво и пріятно съ тобою. А бываютъ, конечно, и другія мысли у людей молодыхъ и у всякаго даже человѣка, скажемъ и такъ.

Аргиро̀ *проницательно, нѣсколько тревожно.* — А какія это такія были у тебя мысли, когда ты на эту на молодую дѣвушку глядѣлъ?.. Скажи мнѣ...

Янн, *улыбаясь и пожимая плечами.* — Помню я развѣ?

Аргиро̀ *ласково умоляетъ его.* — Скажи, Янàки дай Богъ тебѣ жить.

Яни. — Гдѣ человѣку помнить это?

Аргиро̀. — Скажи, Яни, радость моя! Скажи мнѣ, мальчи́къ мой добрый...

Яни *смѣется и краснѣетъ*. — Что̀ я тебѣ скажу? Стыжусь я, море́, стыжусь!

Аргиро̀. — Ба! жены стыдишься?

Яни. — Конечно, жены-то и стыжусь я.

Аргиро̀, *мрачно*. — А! значитъ худое это?

Яни. — Худа большого не было. А помыслъ одинъ, говорю я тебѣ, море́, помыслъ такой пришелъ. Видишь, Афродитѣ было, какъ сказалъ я тебѣ, всего семнадцать лѣтъ. Косы у нея висѣли сзади изъ-подъ капеллины *) этой франкской толстыя, толстыя И сама она была тоненькая, а лицо у нея было бѣлое, пребѣлое и свѣжее, пресвѣжее. Я посмотрѣлъ на нее и подумалъ: вотъ эта Никифорова дочь на что̀ она похожа? Она похожа, мнѣ кажется, на яйцо переваренное, очень бѣлое и очень твердое, если его облупить и вотъ такъ посмотрѣть.

Аргиро̀, *слегка смущенно, прищуриваясь съ презрѣніемъ*. — Ба! какія глупыя вещи я слышу!

Яни. — Я говорилъ, что пустой помыслъ. Больше ничего я и не думалъ. Посмотрѣлъ и отвернулся. А Никифоръ Акостандудаки говоритъ капитану нашему: «Завтра, капитанъ, буду васъ ждать къ себѣ въ Галату къ полудню. Сдѣлайте намъ честь. И съ молодцами». Посмотрѣлъ еще на насъ, на меня и на брата и на третьяго еще, который былъ тутъ съ нами, посмотрѣлъ и обрадовался. Оглянулся, видитъ, турокъ близко нѣтъ, и говоритъ Ампела̀су нашему, головой на насъ показываетъ: «Надежда родины нашей!» Капитанъ отвѣчаетъ: «Дѣти хорошія». Тѣмъ тутъ все и кончилось. Больше ничего не говорили. А на другой день поѣхалъ нашъ капитанъ въ гости къ Никифору Акостандудаки въ Галату.—*Останавливается и смотритъ на Аргиро̀. Аргиро̀ задумчиво молчитъ, играя концомъ пояса.*

Яни, *помолчавъ*. — Аргиро̀!

Аргиро̀. *не отвѣчаетъ.*

---

*) Ш.ш

Яни. — Аргиро́ моя? Что́ ты?..

Аргиро́ *встаетъ*. — Ничего. Дѣло есть въ комнатѣ. *Входитъ въ домъ.*

Яни *остается одинъ и думаетъ, улыбаясь.* — Дѣвочка еще! Мала, глупенькая. Любитъ и ревнуетъ. Не разсказывай ей этого прошлаго — ревнуетъ. «О чемъ вздыхаешь? О Никифоровой дочери? Разскажи, разскажи». Разсказываешь, обижается. Что́ дѣлать! Терпѣніе. *Вынимаетъ кошелекъ съ деньгами, высыпаетъ на столъ небольшую кучку золота и серебра и считаетъ. Потомъ съ улыбкой.*

— Ставра̀ки теперь меня проклинаетъ. Я дорого взялъ съ него за мула, а мулъ съ норовомъ и людей сбиваетъ на землю. Ставра̀ки завтра скажетъ мнѣ: «Ты наругался надо мной христіанинъ-человѣкъ! Теперь я сталъ человѣкъ глупый предъ всѣми». А я ему скажу: «Что́ дѣлать, Ставра̀ки, другъ мой, зачѣмъ ты не смотрѣлъ на животное это открытыми глазами? Не правда ли, что и я долженъ ѣсть хлѣбъ». Это не вредитъ, и Ставра̀ки помирится. А я куплю теперь для Аргиро̀ золотыя серьги, чтобъ она веселилась. Я очень люблю, когда она какъ коза прыгаетъ предо мною!—*Вздыхаетъ задумчиво и потомъ запѣваетъ клефтскую пѣсню:*

Кто же видѣлъ солнце вечеромъ и звѣздочку полуднемъ,
И чтобы дѣвушка пошла съ разбойниками въ горы?
Двѣнадцать клефтамъ лѣтъ она разбойникомъ отбыла.
Никто не могъ ее изъ молодцовъ узнать, никто!
И Пасхой разъ одной, и Свѣтлымъ днемъ Великимъ,
Пошли играть въ ножи, и камнемъ кто получше кинетъ.
И вотъ отъ молодечества ея, отъ нуженья лихого
Вдругъ разстегнулась пуговка, и показалась грудь...
Одинъ то золотомъ зоветъ, а серебромъ — другіе...
И говоритъ разбойничекъ одинъ—молоденькій имъ молвитъ:
„Не серебро, ребята вы, не золото тутъ вовсе,
Грудь это дѣвушки, сосцы раскрылись красной".
„Молчи! разбойничекъ, молчи, мой умный мальчикъ...
И я хочу ужъ мужа взять, тебя желаю мужемъ!..."

Аргиро̀, *показываясь на порогѣ жилища, съ притворнымъ пренебреженіемъ.* — Довольно тебѣ пѣть. Иди кушать.

Мы знаемъ, кто такая эта дѣвушка съ вами, разбойниками, по горамъ таскалась. Все она же, эта Никифорова дочь! Иди кушать.

Яни *про себя*:—Она ужъ не сердится больше. *Идетъ въ домъ.*

IV.

Послѣ обѣда Яни выходитъ опять на дворъ и садится. Аргиро́ проситъ его опять разсказывать.

Яни.—Хорошо; теперь о томъ, какъ мы познакомились поближе съ этою Афродитой.

У Акостандудаки въ домѣ въ селѣ Галата мы пробыли до вечера. Все видѣли, все смотрѣли у него. Мельницу его масляную видѣли; кушали, вино пили. Афродита сама подавала капитану и намъ кофе и варенье. Бабушка Афродиты, добрая старушка, сидѣла тутъ же; былъ еще и докторъ Вафиди съ женой; лучшій докторъ въ городѣ и у паши въ большомъ уваженіи. Акостандудаки потомъ за музыкой послалъ. Пришли подруги къ Афродитѣ и начали мы съ ними на большой террасѣ наверху танцовать. Хорошо провели нѣсколько часовъ. Я немного стыдился; а братъ Христо ничуть не стыдился даже. Подошелъ прямо къ ней, къ Афродитѣ, и ни... даже не улыбнулся ей... ничего! Просто беретъ ее за руку и выводитъ на середину, въ танецъ съ другими становитъ. Она встала; но вынула тоненькій *лино* платочекъ, подаетъ брату и тихо говоритъ ему:

— За платочекъ будетъ гораздо лучше!—Сама же въ это время краснѣетъ.

Брату это показалось, кажется, обидно. Я замѣтилъ. И, разумѣется, это была гордость:—Зачѣмъ это ей, архонтской дочери, такой богатой, руку прямо въ руку сфакіотскому горцу класть? Однако, они танцовали долго вмѣстѣ; братъ за одинъ конецъ платочка держитъ, а она за другой. Протанцовалъ братъ; я рѣшился вести танецъ; опять взялъ ее же. И я черезъ платокъ. Она танцовала хорошо.

Потомъ сѣла; стали отдыхать и другія дѣвушки. Я (не ей, потому что вижу, что она очень горда), а другимъ дѣвушкамъ говорю:

— Устали?

— Устали немного, — онѣ отвѣчаютъ. — Впрочемъ теперь не лѣто; воздухъ прохладенъ.

Я говорю:

— У насъ въ горахъ еще холоднѣе.

Тогда одна изъ дѣвушекъ спрашиваетъ меня:

— Удивляюсь, какъ это вы терпите тамъ зимою при снѣгѣ?

— Терпимъ! — говорю я. — Очаги зажигаемъ; а у васъ здѣсь внизу, конечно, очаговъ не нужно.

Другая еще дѣвушка тогда говоритъ:

— У насъ здѣсь внизу все хорошо; а у васъ тамъ дикое мѣсто!

Я говорю:

— Что̀ дѣлать! Терпѣніе нужно! Богъ намъ помогаетъ!

Никифорова дѣвушка все молчитъ. Потомъ вдругъ сама:

— Отъ нашихъ танцевъ что̀ за усталость; мы здѣсь тихо танцуемъ. Отъ европейскихъ танцевъ въ Сирѣ я уставала больше: отъ вальса голова кружится, а польку очень скоро иные танцуютъ.

Одна черненькая ей на это:

— Ахъ! наши критскіе молодые люди такіе варвары. Они такихъ танцевъ не знаютъ совсѣмъ. Еврей Жозефъ очень хорошо танцуетъ à la Франка, и польку, и вальсъ. Онъ въ городѣ у австрійскаго консула писцомъ служитъ.

А маленькая Акостандудаки ей съ пренебреженіемъ ужаснымъ:

— А! что̀ ты говоришь, Маріго! Что̀ ты нашла! Этотъ жидъ!..

И точно этотъ Жозефъ былъ вещь ничтожная вовсе.

Потомъ вдругъ Афродита ко мнѣ обернулась и спрашиваетъ:

— Отчего вы съ братомъ не протанцуете вашъ пиррійскій танецъ, что̀ съ позвонками на ногахъ? Кто видѣлъ толь-

ко, его всѣ хвалятъ. Это очень древній и красивый танецъ. Я бы желала видѣть.

Я на это ей, смѣясь, говорю:

— Надо къ намъ пожаловать... Туда, наверхъ. Милости просимъ къ намъ въ Сфакію; тамъ будутъ у насъ и позвонки эти, о которыхъ вы говорите, и мы можемъ для вашей чести съ удовольствіемъ протанцовать все, что вы пожелаете.

Она говоритъ:

— Какъ я туда поѣду! — И больше ничего не сказала.

Докторъ тогда подошелъ къ ней и говоритъ:

— Дитя мое! отчего ты все такая суровая? Глазки у тебя небеснаго цвѣта и волосики золотистые, пріятные такіе, и сама ты бѣленькая и молодая, а глядишь на людей все сердито... Прошу тебя, улыбнись!..

Афродита улыбнулась ему. Докторъ былъ у нихъ въ домѣ давно какъ родной и съ ней обращался какъ отецъ.

— Вотъ,—говоритъ онъ,—какъ я радъ, что ты засмѣялась! Меня твоя суровость съ молодыми людьми огорчаетъ.

Докторша и бабушка Афродиты за нее вступаются.—Дѣвушка должна стыдиться и быть скромною.

А докторъ:

— Пусть будетъ скромна! Но въ благословенномъ Критѣ нашемъ не такъ, какъ въ иныхъ областяхъ турецкихъ заведено, чтобы дѣвицы съ молодыми людьми боялись говорить... Мы здѣсь люди иные... У насъ Венеція тутъ была прежде... Прошу тебя, Афродита, встань для меня, который тебя еще маленькою столько разъ носилъ и баюкалъ, утѣшь меня, встань и протанцуй еще разъ съ любымъ изъ этихъ красивыхъ ребятъ...

Она сказала: — Извольте, съ удовольствіемъ! — встала и ко мнѣ обратилась. — Господинъ Яни, пойдемте съ вами! — Подаетъ руку ужъ прямо, безъ платочка, и глядитъ, и глядитъ на меня, тихо, молча все глядитъ... И танцовала она тоже, то опуститъ глаза, то взглянетъ немного опять на мои глаза. Это все пустяки, это ничего не значило. Такъ она всегда смотритъ. А я тогда возгордился въ умѣ и танцуя

думалъ: «Значитъ изъ всѣхъ молодцовъ я ей понравился. Я сжегъ ей сердце... Какъ это пріятно! Какъ мнѣ это нравится, что она предпочитаетъ меня другимъ!»

А все было оттого, что я къ ней ближе другихъ стоялъ въ это время. Но я былъ глупъ тогда и съ той минуты, какъ подержалъ ее за руку въ танцахъ, полюбилъ ее и сталъ объ ней думать.

Къ вечеру капитанъ и мы всѣ уѣхали въ городъ, и больше ничего въ этотъ день въ домѣ Никифора у насъ не случилось.

Потомъ мы всѣ вмѣстѣ, капитанъ нашъ, и докторъ Вафиди съ женой, и самъ Никифоръ сѣли на муловъ и поѣхали въ городъ. Никифору нужно было по дѣлу ночевать въ городѣ.

Много дорогой шутили и веселились. Никифоръ съ докторомъ опять о туркахъ спорили. Докторъ всѣмъ восхищался.—«И воздухъ хорошъ, и цвѣточки хороши!» Въ это время весной, у насъ въ Критѣ, точно такъ же, какъ здѣсь на нашемъ островѣ, Аргиро̀, по горкамъ и по холмикамъ цвѣтетъ множество этихъ самыхъ розовыхъ цвѣтовъ на низенькихъ кусточкахъ, которые теперь ты видишь... Вотъ смотри прямо. Вся горка отъ нихъ какъ будто красная стала. И на нихъ докторъ Вафиди радовался. Онъ говорилъ: -«Вотъ, киръ Никифоре́, какъ пріятно въ такомъ сладкомъ климатѣ жить! И такіе цвѣты по горкамъ видѣть!» А супруга его смѣется: «На что тебѣ цвѣты, врачъ мой? Когда бы ты былъ молодой, то дѣвицамъ подносить хорошо. А ты ужъ не такъ молодъ!»—«Радуюсь!»—отвѣчаетъ докторъ. А Никифоръ ему:—«Радуйся! Радуйся! А ты забылъ, какъ въ 58 году при Вели-пашѣ насъ хотѣли ночью турки въ Канеѣ всѣхъ перебить? Какъ они трупъ того мальчишки-христіанина за ноги по мостовой волочили? Какъ въ Сиріи они поступали? Не ты ли самъ тогда, въ 58 году, ко мнѣ пришелъ блѣдный, какъ тебя ноги едва держали, какъ зубами ты тогда стучалъ?.. Трехъ лѣтъ тому еще не прошло, а ты забылъ это». Докторъ отвѣчаетъ ему:—«Оставь эти печальныя вещи! Что тутъ до турокъ за дѣло, когда я говорю о цвѣточ-

кахъ и о сладости климата на родинѣ нашей! Освободитесь, я буду радъ; и я эллинъ:—но я говорю, что и теперь намъ жить пріятно; а въ 58 году наши же бунтовали и 10.000 народу изъ горъ собрали... все Вели-паша да англійскій консулъ, его другъ, виноваты одни. Англійскій консулъ двери свои христіанамъ заперъ, когда они бѣжали спастись, а другіе консулы открыли». Такъ они всегда спорили, хотя и были очень дружны. Намъ, молодымъ, было очень полезно и занимательно знать мысли старшихъ людей, и мы молча ихъ слушали. И капитанъ Ампелáсъ больше молчалъ и тоже слушалъ ихъ. Предъ самымъ городомъ, съ этой стороны, въ маленькихъ хижинкахъ живутъ у насъ прокаженные. Ихъ сюда отдѣляютъ, когда на нихъ нападаетъ эта зараза, и они, несчастные, живутъ тутъ всѣ вмѣстѣ. Всѣ они въ ранахъ и болячкахъ какихъ-то ужасныхъ, и лица у нихъ испорчены и гніютъ, такъ что смотрѣть очень противно и жалко. Я и не разглядывалъ ихъ хорошо. Боялся глядѣть. Проѣзжіе имъ деньги бросаютъ, и мы всѣ имъ бросили. И капитанъ, и докторъ, и Никифоръ. Докторша потомъ говоритъ мужу:— «Врачъ мой добрый, зачѣмъ это такое дурное распоряженіе начальства, что эти несчастные люди свое безобразіе на дорогѣ всѣмъ проѣзжимъ показываютъ? Я видѣть этого не могу; ихъ бы въ другое мѣсто убрать». Вафиди говоритъ:— «Да, это непріятно; только не мнѣ, потому что я привыкъ; конечно, не всѣ доктора!» А Никифоръ и тутъ несогласенъ; упрямый былъ человѣкъ!—«Нѣтъ, говоритъ, это хорошо! Надо намъ, богатымъ и счастливымъ людямъ, показывать эти язвы прокаженныхъ. Чтобы и мы помнили, какъ Богъ караетъ людей за грѣхъ!» А капитанъ Ампелáсъ говоритъ ему:— «Почемъ ты знаешь, киръ Никифорé, что у нихъ больше твоего грѣховъ? Душа у несчастныхъ этихъ еще лучше нашей... Стой, я еще дамъ имъ денегъ! Ну-ка и ты дай, киръ Никифорé, еще»... Никифоръ ему:—«Отчего не дать; что эти пустяки значатъ»... И оба довольно много бросили... И всѣмъ было это очень пріятно видѣть, что они по-христіански поступили оба: и капитанъ нашъ, и Никифоръ. Миновали мы прокаженныхъ и подъѣхали къ самой Канеѣ. Чтобъ отъ

Галаты въѣхать въ ворота крѣпостныя, надо ѣхать сначала по широкой дорогѣ около глубокаго рва, и за рвомъ этимъ превысокая стѣна старой крѣпости. Слышимъ, играетъ военная музыка. Стоятъ турецкіе музыканты на стѣнѣ и такъ хорошо и громко играютъ! Прекрасно! Громко, сильно, хорошо! Что-то военное! Никифоръ сейчасъ опять затрогиваетъ Вафиди, смѣется:—«Э! врачъ мой! Смотри-ка, твои друзья честь намъ дѣлаютъ! Съ музыкой насъ встрѣчаютъ. Айда,—сфакіоты мои, прицѣлиться бы вамъ въ нихъ хорошо теперь отсюда и посмотрѣть, какъ бы они внизъ со стѣны падали... Я думаю, феска бы прежде свалилась, а потомъ уже самъ».

Капитанъ за насъ отвѣчаетъ:

— Часъ еще ихъ не пришелъ, киръ Никифорѣ! Я тебѣ, милый мой, скажу вотъ что: ѣздилъ я не такъ давно въ Вѣну по дѣламъ моимъ и видѣлъ тамъ молодого черногорца: было ему всего, кажется, двадцать, не больше, лѣтъ; онъ ѣхалъ въ Россію и имѣлъ рекомендательное письмо отъ своего черногорскаго начальства, гдѣ было такъ сказано: «Онъ отрубилъ уже пять турецкихъ головъ!» Вотъ, друзья мои, такъ бы и я желалъ рекомендацію когда-нибудь дать молодымъ сфакіотамъ! Зачѣмъ черногорцамъ лучше насъ быть?

Мы говоримъ:

— Благодаримъ васъ! и мы очень желаемъ этого.

Музыка все играетъ; мы все ѣдемъ вдоль рва и стѣны шагомъ и веселимся. Предъ тѣмъ, какъ налѣво къ воротамъ крѣпостнымъ поворачивать, на правую руку есть тутъ очень красивое турецкое кладбище. Много бѣлыхъ мраморныхъ памятниковъ и кипарисы стоятъ огромные, темные-темные и очень толстые. Трава была тогда между могилами очень жирная, густая, высокая и зеленая. И много краснаго маку и другихъ цвѣтовъ на этомъ кладбищѣ цвѣло... Никифору захотѣлось опять пошутить надъ докторомъ; но тутъ ужъ докторъ разсердился: видно, наскучили ему эти шутки и разговоры о туркахъ. Никифоръ намъ тихо сдѣлалъ знакъ глазомъ и головой и спрашиваетъ:

— Отчего, докторъ, какъ ты думаешь, трава на этомъ турецкомъ кладбищѣ такая густая и жирная?

Докторъ сначала еще не разсердился и отвѣчаетъ, улыбаясь:

— Люди хорошіе: торговали*) въ городѣ честно, жили покойно, съ хорошею совѣстью. Жиру на нихъ поэтому было много, и трава у нихъ на могилахъ густа.

На это Никифоръ ему отвѣчаетъ съ досадой:

— Этотъ красный макъ, что такое? Это кровь христіанская выступаетъ, которую они столько времени пьютъ!

Тутъ Вафиди разсердился и закричалъ:

— Что ты, Никифоре, сегодня все кровь и кровь... Это непріятно! Развѣ я не грекъ, не патріотъ? я, можетъ быть, лучше тебя! Ты воевать не пойдешь самъ съ турками, не безпокойся! Я люблю свою родину и свой народъ: но ненавижу тѣхъ, которые пустословятъ изъ тщеславія и вредятъ этимъ народу, возбуждая его некстати... Ты все о крови сегодня говоришь, потому что у тебя у самого кровь волнуется отъ вина... Много вина выпилъ ты, вотъ что!

Никифоръ еще больше его оскорбился и говоритъ:

— Я свое вино пилъ, а не чужое.

А докторъ:

— Это глупо.

И начали ссориться. Капитанъ Ампелáсъ и докторша мирятъ ихъ... И такъ мы подъѣхали прямо къ воротамъ крѣпостнымъ. Поворотили... Вижу, вдругъ остановились и капитанъ, и Никифоръ, и Вафиди. Всѣ съ муловъ и лошадей соскакиваютъ на землю... Никифоръ даже поблѣднѣлъ. Всѣ они глядятъ куда-то въ середку, остановились и кланяются. Сошли и мы; и вижу я, стоятъ аскеры подъ воротами. Еще какіе-то люди, не шевелятся. И тотъ начальникъ, который при воротахъ начальствуетъ, стоитъ. А сидитъ, свѣсивъ ноги внизъ на его окошечкѣ, на подушкѣ, одинъ человѣкъ

*) Торговля въ критскихъ городахъ преимущественно въ рукахъ мѣстныхъ мусульманъ, *греческаго же происхожденія*; въ этомъ отношеніи Критъ не сходенъ съ другими городами Европейской Турціи, гдѣ мусульмане обнаруживаютъ мало коммерческихъ способностей.

изъ себя не молодой, красноватый, усы у него подстриженные, рыжіе, и читаетъ какую-то бумагу... Въ одеждѣ простой, черной. Это былъ самъ Халиль-паша. Онъ провѣрялъ самъ какія-то дѣла у того чиновника, что къ крѣпостнымъ воротамъ приставленъ былъ. Тутъ я его въ первый разъ увидалъ. Онъ опустилъ бумагу, доктору особо поклонился и оглядѣлъ насъ всѣхъ и не благосклонно, и не гнѣвно, а просто такъ посмотрѣлъ, и спросилъ Никифора:

— Вы откуда это всѣ вмѣстѣ?

Никифоръ точно какъ будто смущенъ, торопится:

— Это они у меня по дѣламъ въ Галатѣ были...

Потомъ паша какъ будто посуровѣе и очень внимательно посмотрѣлъ на насъ съ братомъ и спросилъ у капитана Ампелáса построже, чѣмъ у Никифора:

— Это кто такіе?

Капитанъ ему почтительно:

— Это, паша, господинъ мой, братья Полудáки, Христо и Яни, наши скафіоты. Дѣти моего друга, который уже умеръ.

Тогда паша обратился къ офицеру, который около него стоялъ, и сказалъ ему:

— А зачѣмъ же на нихъ оружіе, когда это запрещено? И вы сами развѣ это не знаете? Тебя, старикъ Коста, я запру надолго въ тюрьму за это въ другой разъ. Снимите все ваше оружіе и отдайте аскеру.

Что дѣлать! Вынулъ капитанъ пистолетъ и ножъ изъ-за пояса; вынули и мы и отдали аскеру. Э! Свобода! Свобода! Гдѣ ты? Пропала вся наша гордость и вся наша краса! Отдали оружіе аскеру, и тогда паша махнулъ намъ всѣмъ рукой: «Идите». И мы со смиреніемъ и съ почтеніемъ всѣ прошли мимо него пѣшіе подъ ворота въ городъ.

Оружіе это мы никогда уже и не получили назадъ. Такъ мы должны были всѣ купить новое предъ возвращеніемъ въ горы. Такъ непріятно этотъ вечеръ нашъ кончился! Никифоръ послѣ говорилъ доктору, какъ слышали, такъ:

Очень я теперь боюсь, что паша недоволенъ мною. Съ этими скафіотами вмѣстѣ... Ножеизвлекатели, клефты! Очень

боюсь я теперь, чтобы всѣ дѣла мои не испортились послѣ этого!.. Какой анаѳемскій часъ вышелъ мнѣ!

И долго еще онъ все убивался объ этомъ, что паша будетъ что-нибудь о немъ въ политикѣ нехорошее думать.

V.

Послѣ этого капитанъ Ампелáсъ съ остальными паликарами возвратился домой, а намъ съ братомъ поручилъ кончить въ Канеѣ и въ ближнихъ селахъ нѣкоторыя торговыя дѣла. Намъ это было выгодно, и мы получали съ братомъ при этомъ хорошія деньги. Мы думали сначала, не пригласитъ ли насъ къ себѣ въ домъ Никифоръ Акостандудаки, но онъ ничего намъ объ этомъ не сказалъ, и мы жили у другого человѣка по сосѣдству недѣли двѣ, можетъ-быть. Братъ меня посылалъ чаще въ городъ, а самъ чаще оставался въ Галатѣ. Я тогда ничего не замѣчалъ, и даже на умъ мнѣ не приходило, чтобы можно было мнѣ ли самому или брату жениться на Афродитѣ. Былъ въ городѣ Канеѣ одинъ богатый итальянецъ, синьоръ Преціозо, и у него были двѣ дочери. Одну звали Розина, и она была уже не молода и замужемъ, а другую звали Цецилія. Этой Цецилiи было, кажется, не больше шестнадцати лѣтъ. Она была изъ себя полная и веселая, только не очень красивая. У синьора Преціозо былъ въ Галатѣ прекрасный домъ большой, и онъ былъ человѣкъ простой и старинный. Онъ самъ уже давно жилъ въ Критѣ и съ нами свыкся. Его любили у насъ и осуждали только за одно, за то, что онъ хотѣлъ помогать католической пропагандѣ. Лѣтъ шесть-семь назадъ (я думаю столько будетъ) пріѣхалъ очень искусный *фрàнкопапàсъ**) и вмѣстѣ съ французскимъ консуломъ сталъ обращать нашихъ людей въ папистановъ. Франкопапасъ увѣрялъ людей нашихъ, что если только перейдутъ подъ папу и сдѣлаются католиками, то они будутъ сейчасъ всѣ французскими поддан-

*) Католическій священникъ.

ными и что императоръ Наполеонъ будетъ защищать ихъ все равно, какъ подданныхъ настоящихъ. Люди толпами стали итти во французскую церковь, и франкопапасъ всѣхъ ихъ записывалъ въ тетрадку по именамъ. Онъ старался всячески угождать христіанамъ и ласкать ихъ. И если что случится, то сейчасъ и онъ, и купцы-католики, и французскій консулъ, и австрійскій (старичокъ былъ злой такой и скучный; онъ теперь померъ), всѣ франки за этихъ людей. Такихъ людей зовутъ унитами. «Вы будете всегда греками, не бойтесь, говорятъ, а только и будетъ, что папа... Что вы боитесь, вѣдь и мы во Христа Распятаго вѣримъ, и первымъ епископомъ римскимъ былъ самъ апостолъ Петръ, которому Христосъ далъ ключи отъ Царства небеснаго»... За нѣкоторыхъ подати заплатили туркамъ. Турки, кажется, недовольны были, но что же они противъ Наполеона могли сдѣлать? Хорошо! Постой, постой... Немного времени прошло, всего дня три-четыре, кажется. Увидалъ меня въ лавкѣ своей синьоръ Прециозо и узналъ, что мы съ братомъ поселились для дѣлъ нашихъ по сосѣдству Никифора. А у Прециозо домъ былъ тоже близко. Старичокъ и такъ и этакъ предъ нами: «Дѣти мои! Дѣти мои! Отчего вы никогда ко мнѣ не ходите? Я вашего отца зналъ... Милости просимъ ко мнѣ въ Галатѣ въ гости...» А самъ думаетъ и насъ съ братомъ обратить во франкскую вѣру. Мы говорили:—«Что за добрый, что за гостепріимный человѣкъ!..» И стали ходить къ нему. Дочери съ нами свободно разговаривали, особенно младшая. Она была очень свободна; еще когда маленькая совсѣмъ была, то всегда съ греческими нашими дѣтьми по улицамъ бѣгала и играла и не просясь у отца все дѣлала. И всегда веселая, всегда смѣется, или поетъ, или кричитъ, или разговариваетъ. И простота у нея такая, что это удивительная вещь. Другія дѣвушки купеческія гордятся, а она: «Синьоръ Яни! Синьоръ Христо! Хочешь варенья? Хочешь кофею? Я тебѣ принесу». Бѣжитъ, несетъ, угощаетъ, какъ простая служанка намъ служитъ.

И все поетъ: amore!.. (Ты, Аргиро, знаешь это итальянское слово: amore, это значитъ—*эросъ*). Вотъ она все это

слово пѣла; у нея все amore на умѣ была. Съ Афродитой онѣ были дружны. Только Цецилія была проще; а наша разумнѣе была и тише ея. Афродита къ ней часто ходила, и онѣ вмѣстѣ работали что-нибудь у окна, или на террасѣ, или въ тѣни, подъ виноградным̀ъ навѣсомъ. Однажды мы съ братомъ вернулись изъ города, сидимъ на стѣнкѣ въ саду и курим̀ъ, не видимъ, что дѣвушки подошли къ окну и на насъ глядятъ. Цецилія кинула въ насъ апельсином̀ъ. Мы взглянули. Афродита: «Ахъ, что ты дѣлаешь, сумасшедшая». И спряталась. А Цецилія: «Великое дѣло». Я взялъ апельсинъ и мѣчу в ь нее. Она кричитъ: «Стекло, Янаки, разобьешь. Отецъ бранить будетъ». А братъ мой: «Не бойся, синьорина, не бойся! Братъ мой, Яни, сфакійскій стрѣлокъ. У него глазъ вѣрный. Въ тебя попадетъ, а не въ стекло». Я бросилъ и точно попалъ въ нее. Она въ насъ двумя бросила. Мы опять въ нее. Афродита думала, думала и тоже бросила апельсинъ; Христо поднялъ его и говоритъ: «Этотъ я не отдамъ, а съѣмъ его!» И началъ ѣсть, и говоритъ: «Боже! Что за вкусъ». Афродита покраснѣла и ушла домой вскорѣ послѣ этого. Цецилія удерживала ее, однако она ушла. Тогда Цецилія возвратилась и говоритъ намъ прямо: «Смотрите! какая гордая! А сама вчера мнѣ хвалила васъ. Я васъ хвалила прежде, а она начала тоже хвалить васъ послѣ. Я говорю: вотъ они оба какіе хорошіе, какіе красивые, какіе бѣлые, какія у нихъ руки и ноги красивыя! Я говорю еще: какая пріятная вещь, если такихъ любишь!» А она мнѣ говоритъ: «Когда бъ они здѣшніе были и купеческія дѣти». Я ей говорю: развѣ тогда бы другіе были, пріятнѣе были бы? Все равно! Мнѣ они оба нравятся. А она говоритъ: «Я боюсь!» Тогда братъ сказалъ Цецилiи: «Синьора Цецилія! Вы напрасно не сказали Афродитѣ такъ: пусть у братьевъ Полудаки денегъ будетъ много, и они будутъ купцы».

Цецилія говоритъ: «Хорошо, я ей скажу это».

Братъ сочинилъ тогда для Афродиты и Цецилiи такое маленькое письмецо:

«Мы, сфакійскіе молодцы и ребята изъ Бѣлыхъ Горъ, Христо и Яни, братья Полудаки—это пишемъ. Мы очень

огорчены! Есть по сосѣдству въ саду хорошемъ померанчикъ съ померанцеваго дерева и яблочко изъ Италіи, и мы желали бы на нихъ полюбоваться и веселиться ими. Однако боимся, чтобы не было имъ отъ нашихъ мыслей этихъ непріятностей. Если у насъ есть судьба и счастье, у Христо и у Янаки, его младшаго брата, то это будетъ. А если не будетъ, то мы очень огорчимся.

Христо и Яни, братья Полудаки
изъ Сфакіи, или Бѣлыхъ Горъ».

Цецилія прочла и смѣется:

— Если ты католикомъ бы сдѣлался, я бы съ тобой убѣжала.

А хитрый братъ:

— Если бы ты сдѣлалась православной, я бы тоже тебя любилъ. А теперь коли ты меня любишь и намъ съ тобой, синьора, вѣнчаться нельзя, то хоть бы ты изволила снизойти и помочь мнѣ, чтобъ Афродита кого-нибудь изъ насъ полюбила, либо брата, либо меня.

Цецилія говоритъ:

— Хорошо! Я съ удовольствіемъ постараюсь.—И стала стараться.

Сама учитъ брата: «Христо, цвѣточковъ ей поднеси». Братъ нарвалъ жасмина побольше, на тонкую палочку цвѣтокъ къ цвѣтку визалъ и пошелъ къ Акостандудаки въ домъ и отдалъ Афротидѣ, но что они говорили между собою, не знаю.

Только на другой день такое было намъ веселье! Съ утра зоветъ насъ Цецилія и говоритъ:

— Сегодня послѣ обѣда отецъ у сестрицы въ городѣ останется, а я кухарку ушлю, и вы будете тутъ; Афродита придетъ.

VI.

Мы въ величайшей радости оба ждали вечера съ нетерпѣніемъ. Сердца наши горѣли. Только я больше стыдился, и пока въ городѣ были, брату не говорю ничего, а все смотрю на него, то на часы, когда домой...

А Христо на меня взглядываетъ и улыбается. Потомъ говоритъ тихо, при людяхъ: — «Яни! не пора ли намъ къ итальянкѣ возвратиться».

Я отвѣчаю и самъ краснѣю:—Ты знаешь...

Онъ говоритъ:—Поѣдемъ!

Я обрадовался, и мы мигомъ доѣхали до Галаты и точно, что провели время очень пріятно. — Только ты, Аргиро̀, опять будешь гнѣваться.

Аргиро̀. — Не буду, не буду, душенька, разсказывай. Какъ я такія вещи люблю слушать! какъ книжка!

Яни. — У синьора Преціозо въ саду была длинная дорога прекрасная; по сторонамъ ея были каменные столбы; и на столбахъ все перекладины и вился виноградъ, такъ что надъ всѣмъ этимъ мѣстомъ была прекрасная тѣнь отъ винограда. По этой дорогѣ гуляли Цецилія съ Афродитой, ждали насъ изъ города. И служанку они услали во-врѣмя, такъ что мы нашли ихъ однѣхъ.

Афродита показывала нѣкоторую суровость и не улыбалась даже ничуть. Мы ихъ привѣтствовали съ добрымъ вечеромъ, онѣ пожелали намъ того же, и тогда только увидали мы, что Афродита держитъ въ рукѣ маленькую бумажку. Вижу я, братъ краснѣетъ и спрашиваетъ ее:

— «Какъ вы, деспоини моя, провели время?»

Она тоже краснѣетъ и говоритъ серьезно:

— «Благодарю васъ, очень хорошо!» А Цецилія: «Записочка ваша, синьоръ Христо, намъ очень понравилась. Вотъ Афродита держитъ эту бумажку; мы вамъ послѣ ее покажемъ». А братъ говоритъ:—«Я очень радъ, что вамъ моя записочка понравилась. Простите нашей простотѣ; какъ знаемъ, такъ и пишемъ».

Афродита ничего, только поднимаетъ на брата вотъ такъ глаза кверху и спрашиваетъ:—«Вы, Христо (не говоритъ ему ни господинъ, ни синьоръ, а просто — Христо), вы, Христо, развѣ читать и писать умѣете?»

Братъ улыбнулся и говоритъ: — «Немного умѣю».

— Вы, значитъ, сами эту записочку написали?

Братъ смѣется:

— Конечно самъ.

— Вы гдѣ учились? — она еще спрашиваетъ.

Братъ сказалъ ей, что мы съ нимъ оба сперва учились въ селѣ нашемъ у священника, а потомъ у аѳинскаго учителя.

Дѣвицы удивились и спрашиваютъ: «Развѣ вы были въ Аѳинахъ? Удивительное дѣло!» Тогда мы разсказали имъ, что года еще три тому назадъ выписали сфакіоты наши одного хорошаго учителя изъ свободной Греціи. Но паша никакъ его изъ города въ горы выпустить не хотѣлъ, и эллинскій консулъ самъ напрасно объ этомъ старался. Турки говорили, что изъ Аѳинъ учителя, или изъ Россіи всѣ бунтовщики бываютъ и всѣ учатъ по селамъ: «Народность! Народность!» И не пускалъ. Тогда трое нашихъ молодцовъ пріѣхали сами внизъ; переодѣли учителя: сняли съ него европейское платье, надѣли на него критское; верхомъ ночью съ нимъ ускакали въ горы. А оттуда ужъ туркамъ гдѣ его достать!

— Вотъ онъ насъ очень хорошо училъ. Мы ужъ большіе къ нему ходили.

— Любите учиться? — спрашиваетъ Афродита у меня.

Я говорю ей: — Какой же человѣкъ это будетъ, который не будетъ желать имѣть открытые глаза и не будетъ имѣть охоты узнать всѣ Божія вещи на этомъ свѣтѣ.

Афродита замолчала и вдругъ говоритъ:—Я думаю, мнѣ пора домой.

Тогда толстенькая эта Цецилія закричала на нее, всплеснувъ ручками: «Несчастная ты! Перестань ты ломаться. Не вѣрьте вы ей!» — и вдругъ вырвала у нея изъ рукъ бумажку и отдала намъ: «Читайте, это мы отвѣтъ вамъ написали». Афродита ей: «Ахъ, ты какая! Что ты! брѣ такая, брѣ сякая:..»

А мы: «Теперь сердись, бумажка у насъ...» Смотримъ, а на ней написано: «Что жъ мы будемъ дѣлать, чтобы вы были довольны?» И подписано внизу:

«Померанецъ съ померанцеваго дерева и яблочко изъ Италіи».

Мы рады и говоримъ: — Дайте намъ карандашъ, или тростникъ, или желѣзное перышко написать отвѣтъ.

А Цецилія отвѣчаетъ: — На пескѣ палочкой пишите... Мы отойдемъ.

И отошли обѣ далеко. Я говорю брату:

— Что жъ мы имъ напишемъ?

А братъ мнѣ говоритъ:

— Яна́ки, буду я на твои глазки радоваться, мальчикъ ты мой милый, возьми ты скорѣе итальяночку, а мнѣ съ Афродидой поговорить нужно. Не ревнуй, дитя мое, и та недурна. А у меня есть дѣло, отъ котораго и тебѣ будетъ большой выигрышъ. Ты съ Цецилiей будь посмѣлѣе; поцѣлуй ее и понравься ей, она намъ помощницей хорошею будетъ... Слушайся меня, глупенькій...

Я говорю:

— Хорошо, хорошо! Жду; что писать?

Братъ взялъ палочку и написалъ на пескѣ крупно: «Будемъ пріятно проводить часы». Я запрыгалъ даже отъ радости. Бѣжитъ Цецилія назадъ, смотритъ, и Афродита за ней тихонько идетъ и улыбается, а Цецилія прыгаетъ, и громко смѣется, и въ ладоши бьетъ, и поетъ уже свою итальянскую пѣсню: «Amore! Amore!» и потомъ пишетъ на пескѣ по-гречески: *Пос?* (Какъ?) Братъ отвѣчаетъ:

— Какъ вы прикажете.

Тогда Афродита поглядѣла на него и сказала очень важно:

— Такъ, какъ слѣдуетъ честнымъ и благороднымъ паликарамъ, чтобы дѣвицы не оскорблялись.

Братъ говоритъ:

— Конечно, конечно!

А Цецилія зоветъ меня:

— Пойдемъ, Яна́ки, со мной, я хочу, чтобы ты для меня одно удовольствіе сдѣлалъ.

Взяла меня подъ руку и увела къ дому, а братъ съ Афродитой на дорогѣ подъ виноградомъ остались.

VII.

Когда мы съ Цециліей остались одни около дома, она обняла меня и сказала мнѣ:

— Сядемъ здѣсь.

Мы сѣли. И я обнялъ ее тоже; но умъ мой былъ все тамъ, гдѣ остался братъ съ Афродитой. Сказать и то, что Цецилія мнѣ меньше нравилась, чѣмъ Афродита; она чернѣе была, и головка и мордочка у нея была какъ будто слишкомъ велики; а глаза малы и ростъ не великъ и, кто знаетъ, что̀ еще, только она мнѣ не очень нравилась. Потомъ она мнѣ не могла быть невѣстой по вѣрѣ своей; а во грѣхъ какой-нибудь я впадать не хотѣлъ и боялся, потому что отецъ ея былъ человѣкъ въ городѣ сильный. А съ тѣхъ поръ, какъ братъ мнѣ сказалъ: «вотъ бы, если бы за кого-нибудь изъ насъ двоихъ Афродита замужъ вышла, была бы жизнь хорошая намъ всѣмъ...» я сталъ думать, что это возможно и очень пріятно стать мужемъ Афродиты, и безпокоился, о чемъ братъ съ нею тамъ говоритъ и что̀ они дѣлаютъ одни. А Цецилія ужъ очень глупа и проста. Все мнѣ сказала про себя:

— Вотъ, говоритъ, ты, Яна́ки, меня не бойся. И ничего не бойся и не стыдись. Я тебѣ скажу, что я хоть и очень еще молода, а я ужъ любила одного совсѣмъ.

Я говорю ей:

— Я ничего не боюсь!..

И даже поцѣловалъ ее, только безъ охоты; самъ все на виноградъ, *туда*, смотрю. Цецилія болтаетъ мнѣ свое.

— Да, говоритъ; жилъ у насъ тутъ мальчикъ въ услуженіи, Николаки. Отецъ мой прибилъ его палкой и прогналъ. Онъ былъ моихъ лѣтъ; я его любила; только и онъ сначала ужасно боялся; а я умирала отъ любви къ нему. Красивъ онъ былъ, красивъ, красивъ, я сказать тебѣ не могу. Носилъ онъ бархатную черную феску съ кисточкой, а лицо у него было чистое, какъ у Афродиты, а волосы черные, и щечки у него были какъ розы, и глаза

большіе, какъ черешни темныя... и два пятнышка черныхъ, маленькихъ, крошечныхъ на одной щекѣ были! Пришелъ онъ къ намъ служить изъ деревни и очень все печаленъ. Прислонился спиной къ стѣнкѣ и поетъ, и поетъ, наверхъ смотритъ... Я не могла его видѣть; взяла бы его за горло и удавила бы. Прихожу разъ къ нему и говорю: — Николаки, когда ты такъ пѣть будешь, я тебя удавлю. А онъ: «Хорошо, я не буду пѣть». Я разсердилась и укусила ему руку. А онъ заплакалъ. Много я съ нимъ мучилась. Онъ все боится. Потомъ привыкъ. Вотъ сестрица Розина застала насъ, когда одинъ разъ мы съ нимъ сидѣли обнявшись и онъ разсказывалъ мнѣ, что онъ свою мать очень жалѣетъ; а я слушаю, слушаю и умираю отъ любви къ нему... Сестра нашему папаки сказала; а папаки мнѣ далъ двѣ-три пощечины и хотѣлъ меня въ Италію отослать къ роднымъ, чтобы меня тамъ въ монастырь отдали на исправленіе; а его палкой билъ и палку сломалъ; и еще наложилъ камней въ мѣшочекъ и хотѣлъ этимъ мѣшочкомъ его бить; только Николаки сталъ на колѣни и говоритъ ему:— «Синьоръ, не я виноватъ, а синьора Цецилія. Она все меня трогала. Простите мнѣ». Отецъ началъ самъ плакать и отпустилъ его; сказалъ только: «Не хвастайся никому». Николаки отвѣчаетъ: — «Я не буду. Я самъ стыжусь этого грѣха». Такъ никто этого не знаетъ; а тебѣ, Яна́ки мой, я это говорю, чтобы ты ничего не боялся и не стыдился, потому что я хоть и молода, а все знаю...

Я ее обидѣть не хотѣлъ и помнилъ, что братъ мой сказалъ, чтобъ я приласкалъ ее немного и что она помощницей намъ хорошей будетъ; поэтому я ее поцѣловалъ еще раза два и потомъ говорю: — «Жизнь моя, прошу я тебя, если ты меня такъ любишь, пойдемъ тихонько послушаемъ, что̀ братъ съ Афродитой говорятъ одни». Она съ радостью согласилась, и мы пошли тихонько за виноградомъ у стѣнки. Только такая бѣда, сучки и сухіе листья подъ ногами трещатъ, и мы очень долго къ нимъ крались.

Наконецъ я сталъ на четвереньки, подползъ и гляжу. Они сидятъ рядомъ очень серьезно; Афродита зонтикомъ

по песку чертитъ и внизъ смотритъ; а братъ куритъ и тоже внизъ смотритъ. И оба молчатъ. Потомъ Афродита говоритъ: «Это невозможно». Братъ мой говоритъ: «Отчего?» Она отвѣчаетъ: «Развѣ я могу жить въ горахъ? Я тамъ отъ скуки умру». Христо ей на это отвѣчаетъ: «Я могу внизу поселиться и торговать». А она ему: «Ба! развѣ мой отецъ на это когда-нибудь согласится; да и я не желаю. Это все одни шутки, которыя все эта глупая Цецилія начала. Теперь я каюсь, что я съ такою глупою дѣвушкой связалась!»

Цецилія какъ вспрыгнетъ, какъ выскочитъ на дорожку, какъ закричитъ:

— Вотъ ты какая! вотъ ты какая! А сама хвалила ихъ. Сама говорила мнѣ: «Какъ я, Цецилія, скучаю!» А когда я сказала тебѣ: «давай съ молодыми сфакіотами веселиться», ты сказала: «Давай! Они мнѣ нравятся! Только я боюсь (ты, Афродита, это говорила), что отъ нихъ очень лукомъ пахнетъ». А я тебѣ тогда сказала: «Отчего? Теперь у нихъ нѣтъ поста. Можетъ быть не пахнетъ. А теперь я виновата? Я глупая?»

Афродита застыдилась, ничего не отвѣчала, встала и пошла къ воротамъ и ушла одна домой. Цецилія погналась за ней мириться. А братъ говоритъ мнѣ: «Наше дѣло, Яна́ки, не хорошо идетъ!» Я спрашиваю: «Ты самъ сватался?» А онъ мнѣ: «Не совсѣмъ. Я спросилъ только, можетъ ли она за горца изъ хорошаго дома, изъ капитанскаго рода, выйти замужъ; а она говоритъ: «Нѣтъ, не могу!»

Я подумалъ, что онъ немного лжетъ, но ничего не показываю и отвѣчаю: «Значитъ, кончено дѣло. Нельзя». А Христо не отчаивается: «Для насъ нельзя, а для Бога все возможно. Есть Богъ, Яна́ки, есть Богъ... Выйдетъ судьба — тогда все возможно».

VIII.

Послѣ этого мы раза три были у Никифора въ домѣ, но Афродита была съ нами очень сурова и тотчасъ уходила, какъ только увидитъ насъ. А Никифоръ самъ былъ съ на-

ми гостепріимецъ и любезенъ и шутилъ, что мы католиками скоро будемъ. «Посмотрите, васъ скоро Преціозо франками сдѣлаетъ; не ходите къ нему часто». И запѣлъ: «Dominus vobiscum!»

Когда мы съ братомъ къ нему заходили, онъ угощалъ насъ всегда хорошимъ виномъ и сыромъ, и фруктами и много разговаривалъ съ нами. Бывалъ также часто у него въ гостяхъ докторъ Вафиди. И онъ съ нами хорошо обращался. Намъ съ братомъ очень нравился патріотизмъ Никифора. Онъ все думалъ о возстаніи и о свободѣ; докторъ Вафиди, хоть и добрый человѣкъ, иной разъ съ нимъ не соглашался. Онъ говорилъ иногда: «Не знаю, господинъ Никифоръ, не будетъ ли хуже съ этою свободой! Податей будетъ больше; порядку еще меньше. Теперь, когда паша умный, чѣмъ намъ здѣсь худо жить? Въ газетахъ аонскихъ пишутъ про Критъ: «Эта несчастная страна!..» А я скажу, страна счастливая! Много вы боитесь турокъ!.. Народъ лихой, смѣлый—все... Турки васъ боятся... Посмотри въ другихъ мѣстахъ какъ нуждается народъ, какъ бьется, какъ работаетъ... А у насъ, слава Богу, все есть... Посмотрите, какъ хорошо у насъ, какъ весело въ селахъ... У васъ, въ Галатѣ, въ Халѐппѣ, въ Скаларіѣ, въ Анерокуру, въ Серсепилли... Это рай... Домики бѣлые, чистые, садики зеленые, виноградъ, овечки ходятъ, народъ въ новыхъ цвѣтныхъ одеждахъ красуется... Не забудь (это все докторъ говоритъ), что и собственность вся, вся земля поселянъ у насъ въ Критѣ въ руки христіанъ переходитъ... Турки все продаютъ, все сбываютъ, а христіане все покупаютъ понемножку, все покупаютъ... А тебѣ-то, господинъ Никифоръ, что? Тебя турки уважаютъ, совѣтуются съ тобой... съ твоими деньгами ты и несправедливости не боишься...» А Никифоръ ему вздыхаетъ: «Другъ мой!.. Что дѣлать, чувство у меня есть въ сердцѣ! Да! (говоритъ онъ еще), что мнѣ, напримѣръ, эти сфакіотскіе ребята? Они мнѣ не родные, не близкіе, ничего! Но когда я вспомню, какъ въ 21-мъ году восемьсотъ сфакіотовъ предъ глазами 20.000 турокъ знамя съ изображеніемъ Креста во-

друзили геройски, такъ я для нихъ все готовъ сдѣлать. Гляжу на нихъ и думаю: разбойнички вы мои! разбойнички... Живите и здравствуйте... Да! чувство, другъ мой, чувство есть!..» И пальцемъ въ грудь себѣ бьетъ и феску ужъ свою высокую и на затылокъ собьетъ, и на брови надвинетъ, и кулакомъ по столу стучитъ, такъ энтузіазмъ его силенъ. А еще разъ онъ сказалъ: «Критъ, что это такое? Это отечество Миноса! вотъ что! Тутъ одно племя со спартанцами жило. А спартанскія матери что говорили, показывая на щитъ, когда дѣти ихъ шли на войну: «*И такъ и эти тасъ*!.. (или съ нимъ или на немъ). И спросилъ у насъ, говорилъ ли намъ объ этомъ аѳинскій учитель. Мы сказали: говорилъ, и мы это знаемъ. А Никифоръ: «Умный человѣкъ вашъ аѳинскій учитель. Онъ заслужилъ отъ отчизны!..» Докторъ опять ему: «Нѣтъ, здѣсь народъ хорошій живетъ. Вотъ въ Боснѣ, въ Болгаріи народъ притѣсненъ—это правда. Я вездѣ, другъ мой, ѣздилъ, вѣрь мнѣ! Въ Боснѣ бен очень сильны, въ Болгаріи бьютъ сельскій народъ палками безъ страха; а здѣсь? Попробуй!» Это все докторъ, а Никифоръ: «Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ! Чувство, братъ, чувство необходимо! А ты, докторъ мой, человѣкъ хорошій, я знаю, но бен и чиновники турецкіе тебѣ за лѣченіе больше нашего платятъ. А Халиль-паша при всѣхъ въ Портѣ сказалъ тебѣ: «Вы товарищъ мнѣ; я докторъ и вы также». Ты и полюбилъ турокъ сильно за это! А вы, други, его не слушайте... А если станетъ здѣсь народъ еще богаче, тѣмъ лучше—больше денегъ будетъ на оружіе и на порохъ... Не такъ ли?» А мы ему: «Такъ! Господинъ Никифоръ... Такъ! Мы согласны...» Зоветъ дочь: «Афродита, подай Христо и Яна́ки кофею!» Она подаетъ, только такъ глядитъ угрюмо и сердито на насъ, что мнѣ стыдно, а братъ все не унываетъ и даже говоритъ съ нею, какъ будто у нихъ на этой дорогѣ подъ виноградомъ въ саду Преціозо ничего не было! Такъ мы тогда жили—съ отцомъ дружно, а съ дочерью не хорошо.

Я говорю брату однажды:

— Что жъ это, Христо, Никифоръ насъ все хвалитъ, а

дочь отвращается отъ насъ. Я же тебѣ скажу, что она мнѣ и лицомъ и всѣмъ очень нравится. Не попросить ли ее у отца? Можетъ и докторъ поможетъ... Скажемъ доктору.

А братъ говоритъ:—Глупыя ты вещи говоришь, Яна́ки! Ты вѣришь Никифору, что онъ насъ такъ любитъ! Иди проси, когда хочешь, а я сраниться не стану.—Другое дѣло война, или возстаніе, чтобы мы рѣзались съ турками... А другое дѣло—дочь дать намъ съ тобою... Онъ купецъ богатый... Не вѣрь ты ему, когда онъ говоритъ: «Я все для нихъ сдѣлаю».

Я опечалился и говорю:—Значитъ нѣтъ для насъ Аѳродиты?

А братъ съ досадой:—Хорошо! Сказалъ я тебѣ: что́ намъ невозможно, то Богу возможно. Только ты мнѣ вѣрь и слушайся меня во всемъ, что́ я тебѣ скажу.

Я говорю:—Пусть будетъ такъ!—и опять успокоился.

IX.

—В'ъ это самое время случилось намъ съ братомъ Христо, прежде чѣмъ къ себѣ въ Сфакію вернуться, сдѣлать одно удивительное дѣло... Всѣ въ городѣ и кругомъ въ селахъ и потомъ наверху у насъ въ горахъ хвалили насъ и превозносили за это дѣло... И правда, что очень забавная была эта вещь. Я тебѣ разскажу все по порядку. Когда этотъ франкопапа́съ (его фамилія была мсье Аламбе́ръ) взялъ много силы въ нашемъ мѣстѣ, сталъ народъ городской въ Канеѣ и изъ окрестныхъ селъ толпами ходить къ нему во франкскую церковь и записываться у него въ списокъ, чтобъ имѣть защиту французскаго консульства. Люди разумные и хорошіе изъ нашихъ не знали, что́ и дѣлать, чтобы помѣшать анаѳемской пропагандѣ. Докторъ Вафиди давно уже сокрушался и почти плакалъ объ этомъ. Онъ приходилъ въ лавку къ Никифору и говорилъ ему:

— Киръ Никифорѐ! Совсѣмъ *зафранчетвовалъ* народъ! Что́ намъ дѣлать? Никифоръ говоритъ: «Ты не очень пу-

гайся, они это все хитрятъ, чтобы въ торговыхъ и тяжебныхъ дѣлахъ имѣть облегченіе. Эти турки, съ которыхъ ты столько денегъ за дешёвыя пилюли берешь. Правительство слабое, разстроенное, консуловъ боится... Консула распоряжаются здѣсь, какъ хотятъ; если бы католическіе консула не были сильны, пошелъ бы развѣ къ нимъ народъ?»—Другъ мой!—говоритъ Вафиди съ великою горестью,—другъ мой хорошій!.. Паша самъ очень недоволенъ; онъ и мнѣ поручалъ не разъ распространять въ народѣ, что паспортовъ настоящихъ французскихъ выдавать все-таки имъ не будутъ и чтобы не думали, будто они отъ турецкаго начальства будутъ свободны послѣ этого. Я, говоритъ, говорю каждый день; но народъ у насъ хитрѣйшій, не вѣритъ, и все знаетъ, что̀ ему нужно; знаютъ они, что Франція имѣетъ право въ Турціи католиковъ и уніатовъ какъ своихъ подданныхъ защищать, и не слушаютъ меня. Впрочемъ, я съ полгода тому назадъ началъ одно дѣло для спасенія народа, но не знаю еще, будетъ ли плодъ отъ моихъ трудовъ»... Тогда онъ не открывалъ, какое это дѣло. Но позднѣе узнали мы, что онъ на островъ Сиру, гдѣ русскій консулъ былъ, писалъ, что здѣсь также необходимо русскій флагъ поднять и тогда пропаганда эта кончится. Послушались его, и въ тотъ самый годъ, какъ капитанъ Ко̀ста сталъ ѣздить съ нами часто въ Канею, незадолго до этого пріѣзда нашего, пріѣхалъ въ Критъ русскій консулъ и дѣло католиковъ начало портиться. Паша подружился съ русскимъ консуломъ, стали они вмѣстѣ стараться, и паша скоро потребовалъ отъ французскаго консула и отъ мсье Аламбера, чтобъ они объявили на бумагѣ, что тѣ критяне, которые уніатами станутъ, французскими подданными отъ этого не сдѣлаются, а все будутъ турецкими райями, какъ прежде. Французы эти — посмотри какое лукавство!—видѣвъ, что отказать пашѣ въ такомъ законномъ дѣлѣ нельзя, написали объявленіе и повѣсили его во франкской церкви не на виду, а за дверями, въ темномъ углу. Входятъ люди въ церковь, дверь отворена, и объявленія не видитъ никто. Однако Вафиди и Никифоръ

постарались объяснить это людямъ; люди отыскали за дверью объявленіе и стали читать. «Не будетъ настоящей защиты отъ Наполеона въ дѣлахъ! На что̀ жъ ходить къ франкопапа́су, только грѣхъ!» И перестали ходить и каялись у епископа, кланялись ему. Зоветъ тогда насъ съ братомъ Христо однажды докторъ Вафиди и говоритъ: «Паликары мои, что̀ дѣлать! У мсье Аламбера остался списокъ въ тетрадкѣ всѣхъ людей, которые записались унитами. Имъ теперь это непріятно и невыгодно... Не придумаете ли вы, молодцы умные, какъ бы эту тетрадку украсть у него». Братъ смотритъ на меня и смѣется: «Яни можетъ»,—говоритъ онъ... Я не понимаю, что̀ онъ говоритъ... Потомъ, когда мы отъ доктора вышли, Христо говоритъ мнѣ:

— Тебя итальянка маленькая любитъ, не украдетъ ли она для тебя...—А я ему на это умнѣе его придумалъ и говорю: «На что итальянка, пойдемъ сами;—притворимся, будто записаться хотимъ, и украдемъ... У мсье Аламбера окно низкое, въ нижнемъ этажѣ. Такъ займи его разговоромъ, а я украду. Или я займу разговоромъ, а ты возьми и въ окно бѣги, если въ дверь трудно будетъ...» Братъ говоритъ: «Однако и ты уменъ, я вижу...» «Зачѣмъ же мнѣ быть глупымъ»,—отвѣчаю я. И мы пошли къ мсье Аламберу. Согласились было на первый разъ хоть такъ высмотрѣть все и потомъ ужъ, что Богъ дастъ. Однако кончили все вдругъ очень легко.

Приходимъ. Мсье Аламберъ принимаетъ насъ ласково; по-гречески говоритъ хорошо, хоть и не чисто, а все знаетъ. Важный изъ себя, бритое все лицо; полный мужчина, какъ будто пріятный.

— «Добрый день вамъ, дѣти мои, добро пожаловать». Такъ все тихо и пріятно. «Садитесь». Сѣли. Отсюда-оттуда начинается разговоръ. Христо жалобы разныя на турокъ, на бѣдность нашей земли въ горахъ... Мсье Аламбѐръ, какъ узналъ, что мы сфакіоты, обрадовался: «А! вы оттуда!.. Хорошо!.. Знаменитыя горы ваши... Прекрасно! Прекрасно...» И отъ радости на креслѣ сталъ сидѣть непокойно: и такъ сядетъ, и такъ пересядетъ, бѣдный... А мы ему

уже какъ своему священнику: *Геронта-му Геронта-му...* *). Дѣло подвигается. Братъ говоритъ, а я смотрю на столъ его и на бумаги, и на окошечко, на улицу. Народъ ходитъ... Пускай.

Наконецъ и о вѣрѣ заговорили, зашелъ разговоръ. Христо говоритъ: «Клиръ у насъ плохъ; ни отъ турокъ не защищаетъ, ни жить насъ не учитъ хорошо. Мы очень несчастны отъ этого. Такіе помыслы бываютъ!.. Очень непріятно это»... Мсье Аламберъ за нашихъ поповъ сейчасъ вступается. «Не судите строго вашъ клиръ... Бѣдность, рабство, неученость... простота... Нѣтъ, есть у васъ очень хорошіе, очень прекрасные іереи... Почтенные; только незнаніе, незнаніе одно и бѣдность.... Намъ вѣдь легче, говоритъ, католикамъ, у насъ святой отецъ, преемникъ св. Петра, онъ ни отъ кого независимъ... Онъ всегда защититъ нашу паству поэтому легче можетъ... А не достоинство это наше или пороки греческаго духовенства... Что же, церковь, къ которой вы принадлежите, церковь апостольская тоже... Ее надо уважать... И обряды у васъ прекрасные... Очень хорошіе... *мегалопрета* **) говоритъ... Только одного у васъ недостаетъ... Надо, чтобы былъ одинъ пастырь у стада... Больше ничего...»

Братъ тогда прямо говоритъ: «Я давно это думаю, и вотъ младшій братъ со мною согласенъ. Запишите насъ въ книжку вашу».

Мсье Аламберъ встаетъ, книжку беретъ и садится за столъ. Я смотрю черезъ плечо ему. Вижу, тамъ у него Манóли—одѣяльщикъ; Маврокукули Петръ—столяръ... Никóла—сенсъ, и все имена, имена и по-гречески и по-франкски записаны. Пока онъ писалъ, мы съ братомъ переглянулись, и Христо показываетъ мнѣ глазами и руками карту большую на стѣнѣ и на себя показываетъ; а мнѣ показываетъ на тетрадку и на окно. Я понялъ. Какъ только мсье Аламберъ кончилъ, Христо говоритъ ему: «Извините, геронтá мой, я хочу у васъ спросить, гдѣ на этой картѣ Римъ и

*) Старче мой... Старче мой...

**) Пышность, великолѣпіе.

гдѣ Іерусалимъ написаны...» Попъ любезно поспѣшилъ съ нимъ къ картѣ и говоритъ: «Это какъ сапогъ—это Италія». А братъ: «Я знаю, Италія какъ сапогъ—это нашъ учитель говорилъ...»

А я въ эту минуту схватилъ тетрадку и въ окно. Слышу только мсье Аламберъ: «Боже мой! Боже!» А тутъ и братъ за мной вслѣдъ въ окно выпрыгнулъ*). На улицѣ въ эту минуту людей было мало; оглянулись и пошли, а мы къ доктору. Его нѣтъ дома. «Гдѣ?» «У Никифора». Мы туда. «Вотъ тетрадка!» Вотъ была радость всѣмъ, и смѣхъ, и похвальба... Люди просто давились отъ смѣха и радости... Никифоръ опять насъ хвалилъ. А докторъ обнялъ насъ, цѣловалъ и сказалъ Никифору; «Вотъ паликары. Вотъ греки! Вотъ эллины! Вотъ христіане! Такихъ, такихъ я хочу!.. Богъ видитъ, киръ Никифорѐ, что я жалѣю, зачѣмъ мои дочери еще малы для нихъ... Я бы за любого изъ нихъ отдалъ дочь и гордился... И что̀ есть денегъ—все бы отдалъ!.. Что̀ ты на это скажешь, Никифорѐ, друже мой?» А Никифоръ вдругъ ему на это очень сурово: «У всякаго свой вкусъ... и свои интересы... Расти дочерей и отдавай ихъ кому хочешь, мнѣ что̀... А насчетъ тетрадки это очень хорошо они сдѣлали».

Тутъ я увидѣлъ, что братъ мой правду говоритъ: «Нельзя свататься!» Лицо стало у Никифора ужасно сердитое.

Франкопасъ бѣдный жаловался на похищеніе, но мы на другое же утро уѣхали къ себѣ въ горы, и намъ за это ничего не сдѣлали. Самъ паша, говорятъ, очень смѣялся нашему искусству, и люди всѣ въ городѣ насъ хвалили за это. Паша не хотѣлъ (и докторъ Вафиди такъ говорилъ) потворствовать франкамъ; все старался, чтобы съ нами, греками, самому жить получше и заслужить у насъ хорошее имя, а потомъ уже сжать насъ крѣпко. И точно онъ былъ управитель хорошій; но развѣ угодитъ турокъ когда христіанину! Это невозможно.... Христіанинъ не можетъ забыть старое зло и новаго зла боится.

---

*) Истинное событіе. *Авт.*

Ты сама, Аргиро̀ моя, слышала много о старыхъ турецкихъ обидахъ. Я же тебѣ скажу только одно теперь для примѣра. Не помню я когда, только на островахъ было возстаніе. Знаешь ли, что̀ тогда дѣлали турки? Они на нашихъ монаховъ надѣвали узду и сѣдло ослиное и ѣздили на нихъ верхомъ и били ихъ, заставляя бѣжать, пока тѣ падали и умирали. Объ этомъ есть въ книгахъ. Да!

И турки тоже не вѣрятъ христіанамъ, даже и тогда, когда христіане поклоняются и служатъ имъ. Армянъ и жидовъ они больше любятъ *). Жилъ въ старину, напримѣръ, одинъ паша, и пришли къ нему одинъ разъ вмѣстѣ жидъ, армянинъ и грекъ. Паша принялъ армянина и жида благородно и посадилъ ихъ на диванѣ, а грека не посадилъ. Былъ при этомъ одинъ другъ паши; когда они всѣ ушли, этотъ другъ спросилъ его: «Отчего ты, паша, армянина и жида посадилъ, а грека принялъ такъ холодно?» Паша говоритъ ему: «Армянину нужны только деньги мои и мнѣ вреда нѣтъ отъ этого, а греку денегъ моихъ мало, ему *нужно мѣсто мое на диванѣ*, и онъ отъ этого ненавистенъ мнѣ! Онъ такъ ненавистенъ мнѣ, что я иногда желалъ бы *руку* себѣ до плеча отрубить за то, что она на нашемъ языкѣ называется—*Эль* и какъ скажу я: «*Эль*», такъ вспоминаю это имя *эллинъ*, которымъ греки любятъ себя называть. А жидъ? Жидъ—это веселость и великое утѣшеніе человѣку (это все паша другу своему объясняетъ)... Однажды одинъ падишахъ сказалъ: «Отчего у меня нѣтъ жидовскаго войска? Я читаю въ древнихъ книгахъ, что жиды были великіе и страшные воины. Пусть жиды богатые въ Эдирне **) полкъ соберутъ». Жиды въ Эдирне съ радостью ополчились, одѣлись хорошо, собрали тысячу человѣкъ съ оружіемъ и подъѣхали къ конаку паши. Паша приказываетъ имъ ѣхать въ Стамбулъ. А жиды: «Мы не можетъ». «Какъ? отчего?» «Разбойники можетъ

*) У грековъ есть изстари привычки въ просторѣчіи *христіанами* называть только *православныхъ*, противополагая ихъ не только туркамъ и евреямъ, но и армянамъ и *франкамъ*.

**) *Эдирнѐ* — Адріанополь.

быть есть на дорогѣ; намъ нужно пять-шесть провожатыхъ турокъ!..» Вотъ что̀ такое жидъ. Отчего же мнѣ не посадить его?» Видишь, Аргиро̀ моя, такъ думаютъ турки. Мужъ твой, не безпокойся, бѣдная, тоже не глупый и въ политикѣ кой-что понимаетъ, хотя и молодъ еще!

Вотъ и Халиль-паша лѣтъ шесть или больше у насъ правилъ, а теперь *) слышно, люди у насъ опять стали требовать прежнихъ правъ, тѣхъ же самыхъ, за которыя напрасно при Вели-пашѣ и при Маврогении поднимали оружіе въ 58 году. Это вѣрно. А мы съ братомъ Христо возвратились въ Сфакію со славой. Тогда и у насъ въ горахъ, когда узнали люди о нашемъ дѣлѣ съ мсье Аламберомъ, то точно такъ же, какъ и горожане канейскіе, всячески насъ чествовали и очень превозносили...

X.

Дорогой, когда мы ѣхали вмѣстѣ въ Сфакію, братъ ничего не говорилъ мнѣ объ Афродитѣ и тамъ долго не говорилъ ничего. Только разъ сестра наша, вдова Смарагдица, которая съ нами жила, говоритъ брату Христо:

— Христо, я такъ думаю, что тебѣ время жениться... Онъ отвѣчаетъ и смѣется: «Скоро женюсь. Только не на здѣшней. Мнѣ Афродита, Никифорова дочь, понравилась. Я поѣду внизъ и буду ее просить».

А сестра, бѣдная, ужаснулась: «Что̀ это ты мнѣ говоришь, Христо мой... Это ты такую богатую за себя возьмешь!.. Она *эмпора* **) хочетъ, человѣка политическаго. Она ученая и богатая; она за архонтскаго великаго сына пойдетъ». А Христо все смѣется: «За меня она пойдетъ! За меня. Я кой-что понялъ тогда и имѣю въ умѣ моемъ нѣчто...»

Смарагдица ко мнѣ обращается:

— Что̀ ты, Янаки мой, мнѣ скажешь? Этотъ человѣкъ смѣется или съ ума сошелъ.

---

*) *Теперь, т.-е. въ 1866 году.*

**) *Эмпоръ* — негоціантъ, богатый купецъ.

А я говорю: «Я почему это знаю?»

И вниманія большого не далъ всему этому дѣлу; однако, братъ Христо не смѣялся напрасно такъ.

Вечеромъ онъ мнѣ говоритъ: «Яни, что я тебѣ скажу». «Говори!» «Любишь меня?» «Конечно, люблю, развѣ я не братъ твой?» «Хорошо! говоритъ: украдемъ Афродиту силой. А кто изъ насъ ей понравится, пусть за того замужъ и пойдетъ. И когда помиримся съ отцомъ ея, и если она за меня пойдетъ, то ты тогда проси у меня денегъ, сколько ты хочешь. А я дамъ тебѣ сколько могу. А если она за тебя пойдетъ, то ты тогда мнѣ будешь деньгами помогать. Теперь же пока молчи!» Я согласился, такъ какъ думалъ, что я ей больше брата нравлюсь и все оттого, что она меня рука за руку взяла.

Мы все приготовили; молодцовъ другихъ подговорили, собрали; сѣли на муловъ своихъ и дня черезъ два внизъ поѣхали.

Пріѣхать надо было поздно, когда городскія ворота турки уже запрутъ. Мы такъ и сдѣлали.

Всѣхъ насъ было четверо. Трое должны были послѣ войти въ домъ Никифора, а одинъ прежде. Первый постучался самъ братъ. На счастіе наше никого лишняго въ домѣ не было въ этотъ вечеръ. Отворилъ работникъ; братъ ему руку на ротъ; а мы его связали и положили къ сторонкѣ.

Мы трое остались пока въ саду, а братъ идетъ прямо въ домъ. Въ одномъ окошкѣ внизу свѣтъ.

Никифоръ ужинать сѣлъ; служанка ему служила; а дочь въ этотъ вечеръ кушать не хотѣла, легла на диванъ и говоритъ отцу:

— Нѣтъ мнѣ, отецъ, охоты ужинать сегодня; я нездорова и полежу, посмотрю, какъ ты кушать будешь.

Старуха же, мать Акостандудаки, была наверху и спала уже. Она ничего не слыхала.

Братъ вошелъ сперва одинъ и поклонился. Акостандудаки былъ сначала удивленъ, не встаетъ и брата садиться не проситъ и говоритъ съ досадой: «Что такъ поздно, хо-

рошій мой, вы являетесь?» Братъ съ почтеніемъ, извиняясь говоритъ ему: «Поздній часъ! Что дѣлать! Посланы мы отъ капитана Ампеласа въ городъ по дѣлу; но одинъ изъ товарищей ушибся, и вотъ мы запоздали. Простите, что я къ вамъ зашелъ».

— Садись,—говоритъ Никифоръ,—что дѣлать! Покушай. А гдѣ же твои товарищи? Позови и другихъ сюда; что же имъ ночью на воздухѣ сидѣть...

Пока братъ Христо съ нимъ совѣщается и кушаетъ, мы сидимъ и все смотримъ то на дверь темную, то на окно свѣтлое, знака какого-нибудь ждемъ.

Работникъ лежитъ около насъ на травѣ, не шевелится. Я говорю: «Не задохнулся ли?» Нагнулись къ нему и говоримъ: «Василій братъ! Мы зла никакого не сдѣлаемъ ни тебѣ, ни господину; мы не грабить пришли; мы только Афродиту увеземъ. Распустимъ мы тебѣ повязку на рту, только ты не кричи». И приставили ему къ лицу пистолетъ, чтобы не кричалъ, а повязку поослабили. Онъ человѣкъ былъ хорошій, мы его знали и пожалѣли.

Вышла служанка изъ дверей, наконецъ, и кричитъ:

— Василій, Василій! Поди позови другихъ сфакіотскихъ ребятъ въ домъ; пусть поужинаютъ. Василій, гдѣ ты? Василій...

Я толкнулъ локтемъ товарища Маноли и думаю: «Бросимся на нее. Какъ закричитъ она, все дѣло испортитъ!» и говорю тихонько: «Маноли, я пойду одинъ въ домъ, брату помогу, а ты ей тутъ два-три комплимента сдѣлай!» Онъ говоритъ: «а Василій?»

И это правда. Пошелъ я къ ней одинъ навстрѣчу, поздоровался и говорю: «Василій за воротами съ другимъ нашимъ товарищемъ около муловъ». А она говоритъ: «Господинъ приказалъ всѣхъ звать» и прямо съ этимъ словомъ бѣжитъ на то мѣсто, гдѣ Маноли сидитъ въ тѣни съ Василіемъ связаннымъ. Тогда, что дѣлать! Я какъ схвачу ее прямо за ротъ сзади рукой и говорю: «убью на мѣстѣ! молчи!» Она въ обморокъ почти отъ страха упала; на руки мнѣ опустилась, и тогда мы съ Маноли ее очень легко

связали и ротъ затянули ей платкомъ не очень крѣпко; рядомъ съ Василіемъ въ тѣни положили, и Маноли при нихъ обоихъ съ оружіемъ остался. А я скорѣй, скорѣй бѣгу за ворота и зову того Антонаки, который при мулахъ остался. Говорю ему: «Бросай муловъ! Что будетъ—будетъ. Идемъ въ домъ вмѣстѣ скорѣй».

Оставили муловъ однихъ и побѣжали въ домъ съ Антоніемъ вмѣстѣ. Входимъ. Никифоръ сидитъ, и братъ сидитъ за столомъ и разговариваютъ и пьютъ вино. Афродита тоже сѣла за столъ и на брата смотритъ.

Только что мы вошли, братъ всталъ и говоритъ намъ: «Айда!»

И самъ къ невѣстѣ. А мы къ отцу. Никифоръ былъ очень силенъ; но... человѣкъ городской, изнѣженный! Испугался и кричать не сталъ громко, а только руки опустилъ и говоритъ намъ: «Дѣти, дѣти мои... За что вы меня губите?..» Онъ думалъ, что мы убить его хотимъ. Я говорю: «Не безпокойся, киръ Никифорѐ... Позволь мнѣ ротъ тебѣ завязать». Онъ говоритъ: «Вяжи, Яни, вяжи... Не безчестите только мою бѣдную Афродиту. Я вамъ денегъ дамъ много». Мы съ Антоніемъ его связали и на диванъ положили. А братъ между тѣмъ сразу, какъ только Афродита закричать собиралась, ей жгутъ въ роть и потомъ положилъ ее бережно въ капу большую и обвязалъ кругомъ кушакомъ большимъ крѣпко и понесъ — бѣгомъ побѣжалъ съ ней, и мы за нимъ къ воротамъ. Маноли выскочилъ тоже, и бросились мы всѣ къ муламъ. Христо мнѣ Афродиту на руки, самъ вскочилъ на сѣдло, я ему ее подалъ опять; и ударили мы всѣ муловъ и поскакали въ гору по мостовой... Сейчасъ за поворотъ и вонъ изъ села... И слышимъ уже крикъ въ селѣ. Это работникъ Василій кричалъ, развязался.

Мы слышимъ крикъ и своротили тотчасъ же въ сторону и къ городу, вмѣсто того, чтобы своей дорогой ѣхать. Бѣжали, бѣжали... Христо говоритъ: Чтобы она не задохлась! и вынулъ ей жгутъ изо рта; раскрылъ капу, сказалъ что-то ей тихо; она молчитъ, а мы опять скакать пустились...

Проѣзжали потомъ мимо самаго города. Съ этой стороны идетъ широкая и гладкая дорога подъ самою стѣной, именно, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы съ Никифоромъ и капитаномъ турецкую музыку слушали. Луной вся почти дорога освѣщена; только поближе къ стѣнѣ тѣнь. Братъ передалъ мнѣ Афродиту и говоритъ:

— Держи ей ротъ теперь крѣпко рукой; пойметъ она, что мѣста жилыя, и начнетъ кричать.

Я взялъ ее къ себѣ и зажалъ ей ротъ рукой крѣпко. Проѣхали мы подъ стѣной подъ самой благополучно; потомъ мимо кипарисовъ большихъ и мимо турецкаго кладбища направо поворотили; отыскали съ трудомъ, потомъ еще подальше одного шейха особая могила есть на перекресткѣ; она вся въ лоскуткахъ и въ тряпочкахъ, потому, что отъ болѣзни къ ней турки эти лоскутики и тряпочки привязываютъ.

Какъ только мы ее, эту могилу шейха, увидали, я говорю: «Вотъ и шейхъ нашъ. Отсюда назадъ поворотъ намъ самый лучшій. Безъ всякой дороги прямо черезъ поле и черезъ горки переѣдемъ!» «Правда!» — сказалъ братъ и всѣ товарищи, и поскакали мы опять назадъ, чтобы запутать, понимаешь, людей галатскихъ, если гнаться вздумаютъ...

Все было благополучно, однако. Не гнался никто; мы проѣхали очень хорошо и не спѣша слишкомъ по большому оливковому лѣсу, мимо многихъ имѣній и домовъ всевъ, черезъ два села, мимо монастыря небольшого; тишина, всѣ спятъ и отдыхаютъ, и никто не потревожилъ насъ. И такъ мы ободрились и повеселѣли, что когда проѣзжали черезъ одно изъ послѣднихъ нижнихъ селъ, то безъ всякой осторожности начали кричать: «Айда, айда!» и свистать, и опять кричать молодецки и, ударивъ муловъ, поскакали вскачь со стукомъ и шумомъ по мостовой и потомъ кинулись тоже вскачь по большимъ камнямъ ручья, который со скалы внизъ бѣжалъ, и всѣ разомъ кричимъ на все село: «ай-да-а-а!»

Пропала было тутъ моя бѣдная головка и съ Афродитой нашей вмѣстѣ. Я ужъ своего мула и не держалъ со-

всѣмъ. Гдѣ жъ держать его? Одною рукой ее предъ собой держу, а другой ей ротъ всякій разъ зажимаю, когда мѣсто жилое, а когда опять мѣсто дикое, опять открываю ей ротъ. Такъ вотъ мулъ мой всѣми четырьмя ногами поскользнулся вдругъ. И гдѣ же? На большомъ гладкомъ камнѣ, съ нашъ дворъ величиной и вода черезъ него бѣжитъ, и весь онъ мокрый. Христосъ и Панагія! Но сказано, мулъ нашъ сфакіотскій былъ, не упалъ и опять побѣжалъ впередъ. Я тогда открылъ ей на лицѣ капу, нагнулся пониже къ ней и гляжу. Лицо ея при лунѣ все такъ хорошо видно бѣлое! Я гляжу на нее близко, и она смотритъ на меня глазами своими большими. Мнѣ показалась она точно маленькое дитя, которое еще не умѣетъ хорошо говорить, а лежитъ на рукахъ у матери лицомъ кверху и на мать глядитъ. Вдругъ мнѣ стало очень ее жалко, и я спрашиваю у нея тихо: «Чего ты желаешь, кокоиица моя? Хорошо ли тебѣ такъ лежать?» Она и слова на это мнѣ не отвѣтила. Все молча вверхъ смотритъ. Я поглядѣлъ направо и налѣво. Братъ впереди, другіе не смотрятъ; я нагнулся еще пониже и тихонько поцѣловалъ ее. Разъ, и два, и три. Она лежитъ какъ мертвая и все мнѣ глядитъ въ глаза. Мнѣ стало какъ будто стыдно, и я оставилъ ее въ покоѣ.

Взобрались мы потомъ потихоньку на высокую скалу одинъ за другимъ; выѣхали на ровное мѣсто между горами, ѣхали тихонько съ полчаса и пріѣхали къ ручью. Братъ говоритъ: «Пусть отдохнутъ теперь мулы, и она пусть успокоится, здѣсь на сѣдло ее уже одну пересадимъ».

Такъ мы рѣшили. Сошли съ муловъ, стали воду пить, а ее, Афродиту, развязали, коврикъ съ сѣдла на землѣ ей разстелили; братъ говоритъ: «Посади и ее!» Я ее на руки какъ маленькую взялъ и посадилъ у ручья на коврѣ, завернулъ ее въ капу и говорю ей:

— Не простудитесь, деспосини *), моя!

Она все молчитъ.

---

*) Барышня.

Потомъ вздохнула и говоритъ: «Дай мнѣ воды!» Мы обрадовались всѣ, что она наконецъ заговорила, и другъ у друга тазикъ серебряный отнимаемъ, кто напоитъ ее. Я напоилъ. Радъ, что живая!

Стали ребята улаживать ей попокойнѣе сидѣнье на томъ лишнемъ мулѣ, котораго для нея взяли, наклали сколько могли помягче. А я около нея стою и смотрю, чѣмъ бы еще ей услужить и чѣмъ утѣшить.

Она долго опять молчала; и личика ея не видать въ башлыкѣ. Только вздыхаетъ. Потомъ вдругъ я слышу: «Яни! тебя вѣдь Яни зовутъ?» Я говорю съ радостью: «Да! государыня, Яни слуга вашъ». Она мнѣ опять тоже: «Дай мнѣ воды!»

Выпила и спрашиваетъ:

— Яни, ты скажи мнѣ, зачѣмъ вы меня увезли? Выкупъ съ отца взять хотите?

Я отвѣчалъ ей:

— Не знаю, милая, госпожа моя, это не я, а братъ мой Христо тебя увозитъ. Онъ мнѣ старшій братъ, я ему помогаю. И что онъ мнѣ скажетъ, то я и дѣлаю.

Она опять замолчала.

Когда все на сѣдлѣ изготовили, поднялъ ее самъ братъ Христо на руки и посадилъ на сѣдло по-мужски. Она не противилась, ножки ей вставили въ ремни повыше стремянъ, и она сама подавала ножки и говорила: «Повыше, повыше!» а потомъ: «Хорошо!» И сама взяла узду въ руку и поѣхала съ нами вмѣстѣ.

Тутъ ужъ мы были въ мѣстѣ вовсе дикомъ, и никто ея крика услышать не могъ, и мы всѣ повеселѣли страхъ... и Антоній говоритъ намъ:

— Будемъ теперь пѣсни пѣть!

— Будемъ!

И запѣли всѣ громко и поѣхали понемножку впередъ: трахъ-трахъ, трахъ-трахъ. И пѣсни! и пѣсни! Луна свѣтитъ на дорогу. Я ѣду съ ней рядомъ и думаю: «Сдѣлали мы дѣло теперь!»

А она бѣдная ѣдетъ какъ мальчикъ, не жалуется ничего и ручкой своею маленькою сама узду держитъ.

Я гляжу съ боку на нее и думаю: «Ахъ, ахъ, ахъ! Когда бы она мнѣ досталась, а не брату! Я бы ему много денегъ далъ тогда. Кажется бы всѣ маслины въ Галатѣ у тестя продалъ и брату Христо деньги отдалъ, только бы она мнѣ досталась!»

Аргиро̀, *перебивая насмѣшливо.*—Переваренное яичко.

Яни *весело.*—Да! переваренное яичко! Такъ мы ѣхали долго и очень покойно; и на разсвѣтѣ уже были у себя дома. Не довольно ли сегодня разсказывать? Уже ночь. Въ другой разъ, Аргиро̀, я тебѣ все остальное разскажу.—*Яни встаетъ; идетъ запирать двери.*

Аргиро̀ *гаситъ огонь.*—Однако правда, очень смѣлые вы люди, сфакіоты.

Яни.—Смѣлые! Да! только не на пользу наша смѣлость была этотъ разъ. Повредила народу!

XI.

(На другой день; на томъ же мѣстѣ.)

Яни.—Теперь о чемъ разсказать тебѣ прежде? Какъ братъ Христо мучился съ Афродитой нѣсколько дней, чтобъ она согласилась обвѣнчаться съ нимъ? Или о сестрѣ нашей Смарагдѣ, какъ она испугалась? Или о пашѣ? Или о себѣ самомъ, можетъ быть?

Аргиро̀.—О себѣ! О себѣ самомъ разскажи прежде всего.

Яни.—Что мнѣ о себѣ говорить? Я брату завидовалъ, вотъ мой разговоръ о себѣ самомъ. Оставь это пока. А о сестрѣ Смарагдѣ это гораздо любопытнѣе и веселѣе. Когда мы на разсвѣтѣ на самомъ въ дверь нашу постучались, Смарагда говоритъ: «Кто это?» «Кто!» говорю я. «Мы конечно!» Отперла; я сейчасъ Афродиту съ рукъ долой и поставилъ ее на землю; она сама руками за мою шею схватилась и прыгнула, а башлыкъ съ головки ея и упалъ.

А сестра какъ закричитъ: «Ахъ! Христосъ и Всесвятая! Чью же это вы привезли такую?!»

Христо смѣется надъ ней: «Я говорилъ тебѣ, несчастная! что привезу Никифорову дочь; я въ словѣ моемъ твердъ. Вотъ тебѣ Никифорова дочь».

Но Смарагдица вовсе не обрадовалась этому, а начала кричать и поносить насъ всячески и ругать.

— Несчастіе!—кричитъ:—несчастіе! Ба! ба! ба! Изъ такого архонтскаго дома дочь увезти! Изъ дома купеческаго, великаго и богатаго... Разбойники вы... Анаѳемскій часъ вашъ! Разбойники! воры! Мальчишки вы несмысленные! Турки вы старые! Преступники вы, чтобы души ваши не спаслись... бре́ такіе! бре́ сякіе!

Мы ей: «Хорошо, хорошо, Смарагдица... Что дѣлать! Постой.... Постой!» Ничего и не слышитъ! Клянетъ насъ и одежду свою на груди рветъ. А потомъ ужъ къ Аѳродитѣ самой:

— Иди, иди сюда, жалкая ты моя... Иди, птичка моя... Увы тебѣ, бѣдненькой! Увы тебѣ, архонтской дочери... Не бойся, душечка ты моя, отдадутъ тебя отцу твоему, отдадутъ господину хорошему Никифору Акостандудаки... Не дадутъ тебя горнымъ разбойникамъ этимъ въ забаву... Иди со мной...

И обнимать ее начала и волосики ей рукой расправлять и цѣловать ее стала. Женщина простая, рукой самой себѣ вытретъ ротъ прежде, а потомъ уже ее въ глаза и въ губы и въ щеки цѣлуетъ и ласкаетъ.

Аѳродита все молчала; только тутъ, когда сестра такъ ее жалѣть и ласкать стала, и она стала сильно плакать и рыдать.

Братъ застыдился и гонитъ насъ всѣхъ: «Что жъ вы стоите, муловъ убирать надо... Идите!..»

А Смарагда увела Аѳродиту въ комнаты и хотѣла ее успокоить.

У насъ была одна очень хорошая комната, выбѣленная, чистая, лучшая въ домѣ. Туда сестра наша отвела Аѳродиту и посадила ее на подушкахъ у очага. Я принесъ сухихъ сучьевъ и большое полѣно и растопилъ очагъ, а братъ ковры принесъ и говоритъ: «Постелемъ такъ, такъ будетъ

лучше! Извольте!» А она, Афродита, отвернулась къ очагу и на брата не смотритъ, и все у нея слезы бѣгутъ.

Сестра говоритъ брату: «Иди ты вонъ, что ты тревожишь ее. Не видишь ты, она на тебя какъ на врага не глядитъ».

— Уйду!—сказалъ братъ, и ушелъ.

А мнѣ Смарагда говоритъ: «Свари кофе скорѣе». Я было хотѣлъ достать изъ шкапчика кофей, а шкапчикъ надъ головой у барышни былъ, въ той стѣнѣ, у которой она сидѣла, потянулся черезъ нее и говорю: «Извините меня!» Только вдругъ Афродита, какъ встанетъ на ноги, какъ разорветъ на груди своей одежду, какъ схватитъ себя ручками за косы, какъ закричитъ громко: «Оставьте, оставьте меня! Воды я въ вашемъ домѣ, въ вашемъ этомъ проклятомъ домѣ... воды я пить не буду!.. Оставьте, оставьте меня... Оставьте меня умереть одну здѣсь, дайте мнѣ умереть, несчастной, чтобъ я глазки ваши любила, добрые вы мои люди...»

Потомъ стала предо мною, прямо мнѣ въ глаза глядитъ, ногтями себѣ эти бѣлыя щеки до крови царапаетъ, потомъ бросилась на землю, начала кататься туда и сюда, все платьице на груди себѣ въ клочки разорвала, и какъ могла только громко, кричала на весь домъ:

— Папàки! Папàки мой дорогой! Зачѣмъ ты не защитилъ меня? Зачѣмъ ты покинулъ меня одну-одинешеньку, милый папàки мой!..

Братъ было на крикъ ея хотѣлъ войти, нагнулся въ дверь, лицо испуганное. Но мнѣ уже такъ жалко стало, я его толкнулъ: «Ну, ужъ и ты тоже, куда все лѣзешь сюда? Не видишь, бѣдненькая, она убивается какъ... Айда! Иди прочь». Христо смутился и сказалъ: «Смотри, какая сердитая дѣвушка! А я думалъ, она какъ ягненокъ!» Мы съ нимъ вышли вмѣстѣ, и я говорю: «Что мы будемъ дѣлать теперь?»

Вижу, что и Христо задумчивъ, вздыхаетъ и молчитъ. Мы сѣли.

Я говорю: «А если старшіе теперь и капитаны всѣ ее тре-

бовать будутъ, чтобы отцу возвратить отдадимъ ее или не отдадимъ?»

Христо мнѣ на это: «А ты какъ скажешь, Яни, отдавать?»

Я тоже не хотѣлъ ему прямо сказать, и говорю: «Тебѣ, старшему, распоряжаться. Я не знаю».

Христо говоритъ: «Это правда; однако, если она меня ненавидитъ, возьми ты ее. Можетъ быть ты ей лицомъ больше нравишься. Съ тобой она говоритъ, а на меня даже и смотрѣть не хочетъ. Что жъ, возьми ты ее. Опять-таки ты мнѣ братъ, и я твоей судьбѣ радъ буду, и ты тоже меня въ богатствѣ и въ счастіи не обидишь и пожалѣешь меня всегда».

Мнѣ эти слова брата моего очень были пріятны. Я обрадовался и застыдился, и покраснѣлъ, и смотрѣть на него не могу. А онъ опять: «Яни! Скажи, очень ли желаешь ты ее имѣть женой твоею? Возьми ты ее, если она отъ меня все будетъ отвращаться. Что ты стыдишься?» Я говорю: «Ты давно видишь, что желаю».

Тогда Христо взялъ меня одною рукой за руку, а другою рукой по лицу погладилъ и сказалъ такъ: «А когда ты, сынокъ мой, того же желаешь, будемъ все дѣло вмѣстѣ до конца дѣлать. Если придутъ старшіе ее требовать, мы скажемъ, что и дѣвушку убьемъ и самихъ себя убить дадимъ, а по согласію ее не возвратимъ никому изъ капитановъ и изъ всѣхъ нашихъ старшихъ. Возьмемъ наши ружья, возьмемъ пистолеты, возьмемъ и ножи и станемъ у дверей, гдѣ она заперта будетъ, а потомъ, какъ Богу угодно, такъ пусть и будетъ... Хорошо?..»

Я говорю: «Хорошо!» И мы съ нимъ поцѣловались, согласились и дали клятву другъ другу.

Тогда мы стали думать объ Афродитѣ опять, что она дѣлаетъ теперь, и безпокоились объ ней; но сестра пришла и сказала, что она плакала, плакала и никакихъ ея утѣшеній не слушала, и потомъ на коврѣ, какъ каталась, такъ у очага и уснула, и теперь крѣпко спитъ у огня!

Мы обрадовались и согласились такъ: не оставлять ее въ домѣ одну съ сестрой, чтобы сестра не выдала ее обратно; а

чтобы всегда хоть одинъ былъ при ней вооруженный дома. Надо было къ Антонаки и къ Маноли сходить и ихъ подговорить помощь намъ подать, если нужно будетъ. Я думалъ самъ пойти къ нимъ; а братъ говоритъ: «Нѣтъ, я пойду къ нимъ. А ты за ней смотри. Если проснется, окажи ей всякое гостепріимство и уваженіе, и такъ какъ она съ тобой говоритъ, а не со мной, то тебѣ и легче будетъ узнать, кого она предпочитаетъ. А я и твоей судьбѣ буду очень радъ».

Онъ ушелъ къ другимъ молодцамъ, а мы остались съ сестрой дома. Я очень усталъ, не спавъ всю ночь и, не раздѣваясь, какъ былъ, легъ въ углу темномъ на бурку, оружіе около себя къ стѣнкѣ положилъ и заснулъ такъ крѣпко, что не помню даже, сколько часовъ я спалъ.

Сплю, и вотъ что любопытно, вижу я во снѣ, что братъ Христо то кладетъ мнѣ вѣнчальный вѣнецъ на голову, то отодвигаетъ его; а я будто говорю: «Благослови!» А онъ: «Ты все спишь и невѣсту во снѣ потерялъ...» Я говорю во снѣ: «Нѣтъ, она спитъ, а не я». А братъ еще громче и смѣется: «Потерялъ ты ее во снѣ, Янаки... Все спишь»... Я разсердился и вдругъ проснулся... А братъ и въ самомъ дѣлѣ нагнулся надо мной и смѣется: «Проснись, паликаръ... ты сторожъ худой. Я у тебя Аѳродиту укралъ. Былъ у нея, и она говорила со мной... и кофей у меня кушала и варенье приняла изъ моихъ рукъ!..»

Я отвернулся опять къ стѣнѣ и сказалъ: «О! ну, и хорошо тебѣ... А мнѣ дай же спать еще».

Христо говоритъ: «Спи!» и ушелъ.

А когда онъ ушелъ, я уже заснуть не могъ; весь сонъ мой пропалъ, и я сталъ думать и безпокоиться о томъ, что она ему говорила въ это время и что онъ ей говорилъ. И какъ звѣрь, я вдругъ разсердился, зачѣмъ я такъ долго спалъ и зачѣмъ далъ брату время прежде моего заговорить съ ней.

Всталъ, посмотрѣлъ на часы—ужъ время къ полудню близится. Такъ я проспалъ долго... Подумалъ я, что мнѣ дѣлать? И пошелъ въ ту комнату, гдѣ она сидѣла, и думаю: «Можетъ быть я и точно лицомъ ей больше нравлюсь?»

Не ревнуешь ты, Аргиро? Не ревнуешь? Это хорошо. Оставь, это дѣло прошлое, и ты увидишь послѣ, что она даже ненавистна мнѣ стала, какъ врагъ... Погоди, все разскажу я тебѣ, мой апрѣльскій цвѣтокъ... Все разскажу!

XII.

Видишь ли, милая моя, братъ это шутя солгалъ, что Афродита съ нимъ помирилась и кофей изъ рукъ его приняла и варенье, онъ все не отчаявался, шутилъ, а дѣло было иначе. Пока я спалъ, какъ дуракъ, Афродита проснулась; а какъ проснулась, такъ опять стала тосковать и плакать неутѣшно. Сестра въ это время, пока она спала, приготовила кушанье, какое умѣла лучшее, и братъ самъ смотрѣлъ, чтобы все было получше и чище, и чтобы все ей было пріятно. Однако она кушать не стала: даже хлѣба не ѣла, а только опять все воду пила и молчала.

Только спросила у сестры: «Какъ васъ зовутъ, кира моя?» И какъ узнала, что ее зовутъ Смарагдицей, такъ и замолчала опять.

— Покушайте этого. Извольте вотъ этого.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ! Благодарю!

Наконецъ сестра сказала ей: «Очень ты брезгаешь нами, сельскими людьми, я вижу. А мы тебя любимъ, кокоиица ты наша. Дай я тебѣ чистымъ платкомъ слезки твои вытру»...

Афродита еще больше стала плакать и сказала сестрѣ: «Я вижу, у васъ, Смарагдица, добрая душа. И если вы меня жалѣете, спасите меня и попросите вашихъ добрыхъ братьевъ, чтобъ они меня домой къ отцу возвратили».

Сестра обѣщала ей непремѣнно это сдѣлать, а братъ какъ увидалъ, что Афродита на него все-таки не смотритъ, ушелъ, и я ихъ такъ и засталъ вдвоемъ съ Смарагдицей.

Вижу, Афродита сидитъ у стѣнки, блѣдная и ничего не говоритъ.

Я говорю: «Кланяюсь вамъ, деспосини моя!» Она отвѣча-

стъ: «Доброе утро, Яни!» Потомъ вдругъ встала и упала мнѣ въ ноги и начала просить меня жалобно: «Янаки мой, братецъ мой хорошій, мальчикъ мой добрый, отпусти меня домой къ отцу моему, милый. Отпусти, эффенди мой! Золотой мой... Дастъ тебѣ Богъ за это все пріятное, все хорошее и въ этой жизни, и въ той».

И ноги мои схватила; я нагнулся поднимать ее; она руки цѣловать начала.

Ахъ! Увы мнѣ! Не ожидалъ я этого, Аргиро̀ моя, чтобъ Афродита такъ просила.

Пропало и ушло отъ меня все мое мужество, и я сказалъ сестрѣ: «Что̀ будемъ дѣлать, Смарагда?..» Сестра говоритъ: «Ты знаешь». Я отвѣчаю ей: «Нѣтъ, ты скажи». А она: «Что́ ты меня спрашиваешь; развѣ это не грѣхъ? Развѣ это не жалость? Должны вы, разбойники, ее назадъ отцу отдать». А та все проситъ, все плачетъ, все съ полу не поднимается, все руку мою держитъ и къ губамъ ее подноситъ.... и не слушаетъ меня; я прошу ее: «встаньте, барышня, встаньте!» Но она: «Нѣтъ, Яна̀ки мой, Полуда̀ки мой, я не встану отъ ногъ твоихъ, пока ты клятвы мнѣ не дашь, что къ отцу меня возвратишь въ домъ...»

Всплеснулъ я руками: что̀ было мнѣ дѣлать? Брату далъ клятву не уступать ее никому, убить ее даже, а ей надо теперь другую клятву давать!

И смутился я, и застыдился такъ, что о любви или о женитьбѣ не могу слова сказать, ни за себя, ни за брата. Что̀ было мнѣ дѣлать? Потерялъ я голову, оторвался отъ нея и вышелъ вонъ; сѣлъ за воротами и думаю, и думаю... Послѣ этихъ ея просьбъ она мнѣ еще больше понравилась; я очень пожалѣлъ ее послѣ этихъ просьбъ.

Въ это время, когда я такъ думалъ сидя за воротами, возвратился братъ Христо и привелъ съ собой нашего священника отца Иларіона.

Яни *останавливается и смѣется тихо.*

Аргиро̀: — Чему ты, Яна̀ки, теперь засмѣялся?

Яни, *продолжая весело улыбаться.* — Я радуюсь потому, что объ этомъ попѣ нашемъ вспомнилъ. Очень мы его

любили. Вотъ ты видишь, Аргиро̀, что меня Богъ не обидѣлъ. И сила, и ростъ, и плечи у меня какія... Но, я думаю, что я саранчой показался бы тебѣ, если бы ты попа Иларіона нашего увидала. Красный, бородатый; въ спинѣ ширина вотъ какая. Ужасъ! Ходилъ онъ разъ вмѣстѣ съ нами еще прежде въ городъ, и увидалъ его тамъ одинъ австрійскій купецъ, изъ Вѣны пріѣзжалъ, только православный. Онъ по-гречески хорошо зналъ. Когда онъ увидалъ около насъ попа, говоритъ намъ: «Этотъ герой кто такой?..» Мы говоримъ: «Попъ нашъ!» А австрійскій купецъ удивляется: «Какой у васъ ужасный попъ. Я думалъ, это турокъ! Отчего же, говоритъ, онъ у васъ не въ широкой одеждѣ, а въ синихъ шальварахъ и въ короткой жилеткѣ какой-то?» Я говорю: «Такъ у насъ въ горахъ привыкли попы; короткое носятъ. Легкость въ этомъ находятъ». Тогда этотъ купецъ говоритъ: «Отче, благословите меня». Священникъ ему: «Отчего же— это мы можемъ... Во имя Отца и Сына...» Купецъ пожалъ ему руку и еще насмѣшилъ насъ. «Я, гѐронта, до сихъ поръ турецкимъ пашамъ такъ завидовалъ, такъ завидовалъ ихъ власти и чести ихъ, что хотѣлъ потурчиться и въ службу падишаха вступить, а теперь говорю, нѣтъ! Не желаю болѣе быть туркомъ, когда у христіанъ въ горахъ священники такъ крупны и такъ ужасны... Спаси меня Боже!..» А попъ купцу на это отвѣчаетъ: «Не по страху человѣческому тебѣ, мусье мой, турчиться не надо, а по страху Божію, ибо хотя ты и въ этой Австріи живешь, а все-таки Христа Распятаго исповѣдуешь и ты душу свою пожалѣть долженъ. А что я великъ и силенъ, такъ это у Бога немного значитъ; Голіаѳъ и сильнѣе насъ съ тобой еще былъ, а Богу былъ неугоденъ и Господь его силу рукой отрока сокрушилъ. Всѣ мы, мусьё, какъ трава; завтра высохнемъ...» Очень былъ умный священникъ и хитрѣйшій! А смѣлость его паликарскую ты можешь видѣть вотъ изъ чего. Незадолго до того, какъ намъ Афродиту украсть, случилось въ Канеѣ другое дѣло. Сговорился одинъ красивый, молодой и богатый купеческій сынокъ съ дѣвушкой молодою. Эта дѣвушка была собой очень нѣжная и очень красивая,

дочь вдовы Ставрулы, небогатой вдовы. Отецъ и мать молодца не хотѣли, чтобъ онъ на дочкѣ Ставрулы женился, а на богатой. Родители запрещаютъ, и потому ни одинъ священникъ ни въ городѣ Канеѣ, ни въ ближнихъ селахъ вѣнчать ихъ не можетъ. Сталъ молодецъ искать попа подальше, и вотъ нашъ попъ Иларіонъ переодѣлся въ фустанеллу бѣлую арнаутскую и эллинскую длинную феску надѣлъ на голову и на бокъ, какъ отчаянный ее сбилъ и оружіе за поясъ. Это значитъ, эллинъ пріѣхалъ изъ свободной Эллады по своимъ интересамъ въ Критъ. Очень онъ былъ великъ и красивъ; боялись люди наши, чтобы его въ городѣ всѣ не замѣтили, и такъ какъ у него борода была огромная черная до пояса, то боялись мы, чтобы не подумало начальство турецкое: «Не разбойникъ ли это бѣжалъ сюда изъ Эллады? Когда онъ пріѣхалъ? Зачѣмъ? Да кто онъ? Да откуда онъ?» Однако, все хорошо кончилось. Ночью съ пустого берега за селомъ Халеппой сѣлъ онъ въ лодку и въѣхалъ въ пристань Канейскую тихо, и на берегъ сошелъ съ другими не ночью, чтобы обходы турецкіе не остановили ихъ, а на разсвѣтѣ, уже когда сталъ открывать двери свои и лавки народъ. Прищелъ прямо въ домъ къ Ставрулѣ и обвѣнчалъ тамъ молодыхъ. Такъ въ фустанеллѣ и вѣнчалъ, только эпитрахиль надѣлъ и что́ еще слѣдуетъ все имѣлъ за пазухой. Обвѣнчалъ, взялъ горсточку золотыхъ съ жениха и, сейчасъ же, не спѣша, черезъ базаръ прямо на дорогу; всѣ оглядываются, и турки и райя: «Ну, эллинъ!» И кулаки сжимали, то-есть: «вотъ какой ужасный эллинъ!» Пошелъ тихонько къ друзьямъ въ Халеппу; въ Халеппѣ переодѣлся, на мула и домой. Купецъ тотъ и жена его къ пашѣ, къ епископу, къ консуламъ. Никто и понять не можетъ, откуда попъ взялся. А на этого клефта бородатаго, который по базару красовался, никто и не думалъ.

Оттого мы всѣ много его и любили, что онъ былъ молодецъ и очень умный человѣкъ.

Вотъ пришли они вмѣстѣ, попъ Иларіонъ и братъ мой Христо́ и застали меня въ великомъ смущеніи. Я поцѣловалъ у попа руку и сказалъ ему «добрый день». Сѣли мы

потомъ, и попъ Пларіонъ спрашиваетъ: «Что же ваша плѣнница, Янаки, здорова ли? И кого она изъ васъ выбираетъ? Пусть скорѣй выбираетъ, а я обвѣнчаю мигомъ».

Я говорю: «Никого она, попъ мой хорошій, не желаетъ. Она плачетъ и убивается по отцу, и я того мнѣнія, что ее бы надо отправить домой опять. Насиліе—что̀ хорошаго—грѣхъ». Тогда попъ мнѣ отвѣтилъ такъ: «Насиліе, которое вы сдѣлали, грѣхъ конечно, не только тѣмъ, что это противу воли родителя ея, но и ее вы оскорбили сильно. И она права, что гнѣвается и убивается; она, это правда, не совсѣмъ вамъ, простымъ, ребятамъ пара. Хотя, впрочемъ, и Никифоръ Акостандудаки, отецъ ея, больше деньгами, чѣмъ ученостью, или званіемъ какимъ-нибудь, или родомъ славится. А деньги—даръ случайный. И я думаю, отчего бы, Христо, или тебѣ, Яни, не жениться на ней. Я думаю даже, что она теперь по неразумію дѣвичью и по пустому страхованію, либо по гордости не хочетъ обвѣнчаться. Она еще глупенькая и не понимаетъ, что честь ея все равно теперь потеряна. Люди у насъ осуждать и злословить любятъ. Скажутъ, «гдѣ ея честь теперь, когда она съ четырьмя ребятами лихими и красивыми по горамъ ѣздила ночью?» Не скажутъ люди: «чѣмъ она виновата?» а кто и скажетъ это, тому отвѣтятъ: «Виновата, нѣтъ ли, а все ужъ не то! Чистоту утратила». И пусть Никифоръ Акостандудаки ей супруга богатаго тогда ищетъ. Придется ему опять за своего же мальчика какого-нибудь, который въ лавкѣ служитъ, съ великою охотой и радостью ее отдать, а не за архонтскаго сына. А она, глупенькая, объ этомъ по молодости своей не размышляетъ. Вотъ что̀ вамъ я, попъ, говорю!..»

Братъ Христо на это говоритъ: «Я самъ такъ еще прежде думалъ. Теперь, когда она будетъ пристыжена, отчего бы ей за насъ не выйти?» А я говорю: «А я вотъ и неподумалъ объ этомъ! И, если это такъ, такъ ты бы, геронта, такъ ей самой и сказалъ».

— Я такъ ей самой и скажу,—отвѣчаетъ попъ и говоритъ.—Сведите меня къ ней.

Мы встали и повели его къ Афродитѣ. И какъ ни были

озабочены оба, а все-таки засмѣялись, когда увидали, съ какимъ трудомъ попъ въ низенькую дверь нагибается, чтобы пролѣзть къ ней...

Господи Боже мой, что̀ за попъ! Что̀ за звѣрь былъ большой!

XIII.

Когда попъ Иларіонъ вошелъ къ Афродитѣ, она встала и поцѣловала его десницу; однако на всѣ рѣчи его отвѣчала одно и то же: «Вы бы меня домой къ отцу моему, господину Никифору Акостандудаки, отправили».

Попъ сказалъ ей: «Тебя теперь уже всѣ люди въ городѣ осуждать будутъ. Такая твоя горькая судьба, моя дочь! Что̀ дѣлать. И трудно будетъ тебѣ, кромѣ Христо, либо Яни, этихъ братьевъ Полудàки, за кого-нибудь замужъ хорошо выйти».

Афродита же на это отвѣчала ему: «Я монахиней лучше буду, чѣмъ мнѣ за простого деревенскаго человѣка, за горца-мальчишку выйти замужъ. Я на островъ Тиносъ уѣду. Пусть Богъ за мной смотритъ и хранитъ меня, когда люди будутъ ко мнѣ несправедливы». Попъ Иларіонъ вышелъ отъ нея недовольный и сказалъ: «Много ума и много мужества у этой дѣвчонки. Она очень краснорѣчива и разумна!.. Какъ ее убѣдить?»

Мы съ братомъ посмотрѣли съ сожалѣніемъ другъ на друга; но я еще скажу, что я и обрадовался, когда подумалъ, что она не его мнѣ предпочитаетъ, а отъ обоихъ насъ отвращается.

Сестра Смарагдица сказала намъ: «Она не ѣстъ ничего; кромѣ воды свѣжей ничего не желаетъ... Чтобъ она не умерла у насъ!»

Смутился братъ мой сильно; подумалъ и пошелъ къ Афродитѣ самъ, и я за нимъ.

Братъ поклонился ей съ великимъ уваженіемъ и спросилъ ее о здоровьѣ.

Она очи свои свѣтлыя возвела на насъ и отвѣтила брату кротко: «Благодарю васъ. Я здорова».

Братъ не садясь сказалъ ей:

— Ты ничего, деспосини моя, не кушаешь. Ты огорчаешь насъ этимъ ужасно!

Афродита ни слова. Все сидитъ и молчитъ. Сѣли и мы противъ нея и тоже молчимъ. Братъ говоритъ улыбаясь: «Ты хоть бы, госпожа моя добрая, съ братцемъ моимъ, Янàки вотъ этимъ, удостоила поговорить что-нибудь. Можетъ быть онъ тебѣ больше нравится, чѣмъ я?..»

Какъ покраснѣетъ она, какъ поглядитъ на насъ на обоихъ!.. Гордость, гордость!.. Боже мой... Что̀ дѣлать! Терпѣніе!

Такъ мы отъ нея даже ни одного добраго слова не дождались и ушли опять.

Попъ ждетъ и спрашиваетъ: «что̀ новаго?» Я говорю: «Отчаяніе!» а Христо братъ: «Зачѣмъ ты говоришь—отчаяніе! Я тебѣ еще въ городѣ говорилъ: есть Богъ. Я законнымъ бракомъ хочу соединиться съ ней... Можетъ быть она перемѣнитъ еще мнѣніе».

Сестра Смарагда все ее защищаетъ и насъ осуждаетъ: «Что̀ ты Христо—*бре*, говоришь *есть Богъ!* Что̀ имени Божію дѣлать тутъ въ вашихъ воровскихъ дѣлахъ? Всесвятая Матерь Божія не на васъ разбойниковъ и злодѣйскихъ мальчишекъ смотритъ, а на людей честныхъ и добрыхъ... Анаѳемскій вашъ часъ, несчастные...»

Смарагда за нее, а попъ за насъ: «Грѣхъ сдѣлать; семья дѣвушки опозорена; поправлять бракомъ надо, а не препятствовать. А впрочемъ, если она въ монастырь пойдетъ—это разговоръ иной! За другого же кого-нибудь выходить ей замужъ не сто́итъ труда».

Пока мы такъ спорили, бѣгутъ Антонаки и Маноли и говорятъ:

— Идутъ къ вамъ старшіе, и капитанъ Амиелàсъ самъ пріѣхалъ.

Тогда братъ въ первый разъ пожелтѣлъ весь отъ испуга, хлопнулъ себя по колѣнкѣ и сказалъ:

— Э! братья!.. Не выдайте меня теперь, добрые братья мои...

Мы всѣ укрѣпились духомъ и сказали:

— Будь покоенъ! Вмѣстѣ дѣло дѣлали, вмѣстѣ и все понесемъ!

Рѣшилъ и я не отставать отъ другихъ; иначе мнѣ было бы очень стыдно передъ другими паликарами, и хотя мнѣ было очень жалко Афродиту, однако я побѣжалъ къ ея двери и заперъ ее тамъ.

Смарагда намъ кричитъ:

— Что́ вы хотите дѣлать, разбойники, пожалѣйте вы душу невинную и меня, вдову бѣдную, и маленькихъ дѣтей моихъ...

А я кричу ей:

— Прочь, глупая! Чтобъ ты даже «кхх!» не смѣла бы сдѣлать...

Вотъ пришли капитаны и старики.

— Добрый день вамъ, молодцы.

— И вамъ тоже добрый день, капитаны!

— Здоровъ ли ты, Христо? Здоровъ ли ты, Яни?

— Благодаримъ васъ... Садитесь, капитаны!..

— Благодаримъ, садитесь и вы...

— Ничего, капитаны! Мы постоимъ. Мы за честь считаемъ, что вы удостоили сами потрудиться къ намъ...

Такъ приняли мы старшихъ съ уваженіемъ великимъ и посадили ихъ всѣхъ на стулья, а сами стоять остались и велѣли сестрѣ кофе скорѣе сварить.

Начали мы сами разносить кофе со всевозможными комплиментами и *селямами*.

Наконецъ самъ капитанъ Ко́ста началъ такъ:

— У васъ, Христо, новости есть?

Братъ отвѣчаетъ:

— Какія новости? Кажется у насъ все по-старому.

— А Никифорова дочка здорова? — спрашиваетъ капитанъ Ко̀ста.

Братъ молчитъ и глаза опустилъ. Старики улыбаются и просятъ его отвѣчать. Братъ долго молчалъ и стыдился

(все это, понимаешь, притворно) и, наконецъ, отвѣчалъ имъ такъ:

— Вы, какъ старшіе, свѣтъ лучше насъ молодыхъ знаете. И я не смѣю скрыть отъ васъ, что я Афродиту увезъ у отца. Только вотъ вамъ Богъ мой, что я ни ей самой, этой молодой, ни ея отцу, ни даже служанкѣ ихъ вреда не сдѣлалъ никакого... А только связали ихъ всѣхъ, кромѣ Афродиты. Она же, Афродита, по волѣ своей со мной бѣжала, потому что, капитанъ, съ того дня какъ мы съ тобой въ Галатѣ кушали у Никифора, уже началась между нами любовь. Но такъ какъ она знала, что Никифораки, отецъ ея, имѣетъ гордость и по согласію ее не отдастъ мнѣ, то и приказала себя украсть какъ будто силой. И все въ надеждѣ на милость Божію и на то, что Никифораки послѣ проститъ насъ.

Я удивился, слушая брата. Дивился его уму и какой онъ на всякій случай молодецъ и мошенникъ. А впрочемъ сталъ думать съ досадой въ то же время: «А если и въ самомъ дѣлѣ у нихъ соглашеніе было? Гдѣ же это они успѣли? И не зналъ уже, что̀ подумать. Старики сказали на это: «Что̀ жъ, когда ея воля была на это, то это счастье этому молодцу Христо и нашимъ сфакіотамъ гордость, что ихъ горожанки молодыя изъ архонтскихъ семействъ такъ любятъ!»

Потомъ спросили у меня:

— А ты, Янàки, какъ объ этомъ обо всемъ скажешь?

Я говорю:

— Что мнѣ думать? Онъ братъ мнѣ и старшій!

— Хорошо ты это говоришь, Янàки! — сказали старики. И капитанъ Кòста пожелалъ самъ видѣть Афродиту. «Я, сказалъ онъ, очень бы желалъ самъ съ ней поговорить и утѣшить ее и даже я могу много для васъ постараться, чтобы Никифораки вамъ простилъ».

Христо согласился какъ бы съ радостью и сказалъ:

— Я только пойду посмотрю, не почиваетъ ли она. Устала отъ дороги. Сейчасъ она васъ приметъ.

Побѣжалъ къ ней и затворился съ ней. Старики сидятъ, говорятъ между собой, смѣются и рады какъ будто этому дѣлу; только капитанъ Кòста вздыхаетъ немного: «Боюсь,

чтобы Никифоръ этотъ мнѣ у паши не повредилъ и всѣ дѣла мои не испортилъ, не сказалъ бы мнѣ: это ты привелъ разбойниковъ въ мое жилище и черезъ тебя лишился я возлюбленной и единородной дочки моей. Затрудненіе большое! И стыдно моей бѣлой бородѣ будетъ слушать такія рѣчи».

— Напишите ему письмо, — совѣтуютъ ему другіе.

— Я думаю поговорить съ ней и отъ нея письмо взять. И самъ поѣду туда, когда обвѣнчаютъ ихъ. Когда же брата будутъ вѣнчать, Яна̀ки?

Я говорю: — Еще не знаю я.

А всѣ другіе старики капитану закричали:

— Ни, ни, ни! Не ѣзди туда, капитане! Умъ ты потерялъ что ли? Тебя-то непремѣнно по жалобамъ Никифора паша схватитъ велитъ, и всѣмъ намъ будетъ труднѣе.

Потомъ старики успокоились и спрашиваютъ у Ампела̀са и у меня:

— Хороша ли она?

Я смотрю, что̀ капитанъ Ко̀ста отвѣтитъ.

А капитанъ отвѣчаетъ: «Э! нельзя и дурной назвать: нѣжная, — горожанка, архонтопула!»

А братъ все нейдетъ.

Наконецъ онъ пришелъ и сталъ извиняться передъ стариками.

— Афродита, невѣста моя, — сказалъ онъ, — очень много вамъ кланяется и проситъ извиненія, что теперь никакъ даже видѣть не можетъ никого. Прошу васъ, капитанъ Ко̀ста господинъ мой, простите ей. Дѣвушка! Вы сами лучше меня все это знаете... Стыдится! Очень стыдится... И я васъ прошу и пренизко вамъ кланяюсь, чтобы за это на нее не сердились... Что̀ дѣлать, стыдится!.. Я завтра уговорю ее, чтобъ она хоть васъ, капитанъ Ко̀ста, повидала. Я и теперь говорю ей: «Вѣдь онъ твоему отцу другъ, чего ты боишься?» «Стыжусь!» говоритъ.

И началъ еще просить, чтобы капитанъ завтра непремѣнно бы повидался съ ней.

Старшіе говорятъ: «Конечно такъ! Дѣвушка застыдилась. Сама убѣжала съ паликаромъ, разумѣется стыдно».

А старикъ Ко̀ста спрашиваетъ у брата: «Скажи мнѣ, однако, Христаки, отчего жъ ты вязалъ отца и работника, когда она по волѣ убѣжала? Развѣ она не могла изъ дверей вечеромъ сама къ тебѣ выйти?»

— Все стыдъ, все стѣсненіе, капитанъ! Дѣвушка! Пусть лучше думаетъ народъ, что ты, Христо, силой меня унесъ! Что̀ жъ мнѣ дѣлать!

Ампела̀съ головой покачалъ и сказалъ: «Этого я не хвалю со стороны ея. Хорошо! Люби молодца, хочешь уйти съ нимъ противъ воли отцовской и обвѣнчаться—одинъ грѣхъ; а изъ лукавства любовнику приказывать, чтобъ онъ родителя веревками вязалъ насильно и ротъ ему затыкалъ—еще больше грѣхъ... Нехорошо Афродита сдѣлала. Но можетъ быть ты, Христо, и лжешь?»

Братъ началъ клясться капитану, что онъ говоритъ правду, все правду, и капитаны ушли.

Христо еще разъ просилъ, чтобъ Ампела̀съ повидался съ Афродитой, когда она больше привыкнетъ.

— Я на вашу помощь надѣюсь,—сказалъ онъ ему. — Что вы у господина Никифора Акостандудаки попросите прощенія за насъ обоихъ и что онъ насъ съ Афродитой своими благодѣяніями не забудетъ.

Капитанъ ничего ему не отвѣчалъ; все онъ брату не вѣрилъ кажется, и ушли всѣ старшіе отъ насъ.

Ушелъ и попъ Иларіонъ къ себѣ.

Братъ тогда сказалъ мнѣ: «Я ужъ отдохну теперь, Яна̀ки! Спать хочу̀». Онъ легъ, а я пошелъ къ Антонію и къ Маноли и долго у нихъ сидѣлъ. Мы покушали тамъ и пили вино и пѣсни пѣли; но я все думалъ объ Афродитѣ и сказалъ наконецъ друзьямъ: «Послушайте, Антонаки, и ты, Маноли, я вамъ какъ друзьямъ скажу. Какъ вы думаете, что братъ мой Христо правду говорилъ капитанамъ, будто согласился прежде съ Афродитой или нѣтъ, такъ что даже и я этого не зналъ?» Они подумали и сказали, что скорѣе лжетъ. Я же ободрился послѣ этого и думалъ, что еще повернется дѣло въ мою пользу; и брату рѣшился объ этомъ ни слова не говорить изъ гордости.

XIV.

Дня два-три еще мучились мы съ Афродитой. Сначала она все отвращалась отъ насъ и все отвергала. Только съ одною сестрой говорила и отъ нея принимала все. Спать одна боялась и вѣрила только Смарагдѣ.

— Спи со мной ты, моя милая, во имя Божіе прошу я тебя.

Такъ она Смарагду просила. Сестра затруднялась черезъ дѣтей своихъ, мальчикъ былъ еще малъ и кричалъ по ночамъ, а старшая дочь ея, хотя ей было уже пять лѣтъ, боялась спать одна безъ матери. Сестра говорила Афродитѣ: «Кокоиица моя! тебѣ мои дѣти спать не дадутъ». Но Афродита клялась, что ей это ничего. Братъ узналъ объ этомъ, велѣлъ Смарагдѣ затвориться съ нею и взялся самъ дѣтей нянчить и баюкать.

— Пусть только ей во всемъ удовольствіе будетъ, — сказалъ онъ.

И какъ только вечеръ, онъ отъ дѣтей не отходитъ, уговариваетъ, ласкаетъ ихъ и мальчика самъ пѣснями баюкаетъ и качаетъ.

На - на*),
На—на, дитятко!
Бѣлое, пребѣлое,
Сахаромъ кормленное,
Мускусомъ политое,
Пригласили въ городъ.
Дѣвушки двѣ видятъ
Схватились, дерутся...
— Я не дамъ дитятко!
— Я возьму себѣ!!

Мальчикъ у него спрашиваетъ: «Это я бѣлый?»
Христо говоритъ: «Ты бѣлый».
— А ты развѣ не бѣлый; не хорошій?

*) На—на, На—на!—баюшки-баю!

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ братъ, — и я бѣлый, а ты еще лучше меня.

Мальчикъ говоритъ:—А ты сахару мнѣ не дашь?

— Если ты не будешь кричать, эта хорошая дѣвочка, которая тамъ спитъ, тебѣ много сахару дастъ.

Мальчикъ и молчитъ.

Я говорю брату: Однако, ты, Христо, кормилица хорошая!—Онъ смѣется: «что̀ дѣлать!»

Терпѣніе было у этого молодца, чудная вещь!

На второй день сестра Смарагда уговорила Афродиту немного покушать. Мы съ братомъ обрадовались, сами изготовили лучшее кушанье и хотѣли подавать ей, но сестра опять сказала: «Оставьте вы ее; она хочетъ, чтобы только я одна съ ней обѣдала».

Послѣ этого Афродита стала два раза въ день кушать; и кушала хорошо, какъ слѣдуетъ; и кофе пила, и варенье наше кушала, а на третій день даже иголку взяла, начала сестрѣ въ работѣ помогать и съ дѣтьми ея немного играла; но все печальная, все вздыхаетъ.

Мы съ братомъ по нѣскольку разъ въ день входили къ ней, все въ надеждѣ, что она проститъ намъ и помирится съ нами. Входили и оба вмѣстѣ, и порознь; она здоровалась съ нами благородно, но разговаривать все не хотѣла; всякій разъ закрывала лицо платочкомъ, прислонясь головой къ стѣнѣ, и молчала.

Я говорю сестрѣ:

— Она спокойнѣе стала; не плачетъ и не сердится больше.

А сестра отвѣчаетъ мнѣ:

— Я ей сказала: «не убивайся, не заболѣй, глазки мои. Богъ поможетъ. Подожди еще немного, либо твой папа̀ки изъ города пришлетъ кого-нибудь сюда, либо капитанъ Ко̀ста заставитъ ихъ тебя отправить домой».

Я не зналъ, что̀ подумать и чего намъ ожидать. Въ селѣ объ этомъ дѣлѣ все разговоры и смѣхъ; одни радуются, другіе осуждаютъ. А снизу, изъ города, никакихъ слуховъ, ни худыхъ, ни хорошихъ. Капитанъ Ко̀ста не показывается.

Отъ Никифора ни письма, ни выкупа, ни посланнаго какого-нибудь человѣка нѣтъ. Такъ прошла недѣля. И къ намъ никто въ домъ не ходитъ. Тишина!

Я началъ уже скучать и толковать и думать: «Не лучше ли бы ее вернуть къ отцу? Она насъ знать не хочетъ, и Богъ насъ за насиліе наше какъ бы не наказалъ».

Братъ же Христо въ это время то сердится, то вздыхаетъ, то опять радуется и терпитъ все. То выйдетъ отъ Афродиты разгнѣванный, ударитъ себя въ грудь и кричитъ мнѣ: «Надо бы, Янàки, эту псицу маленькую убить! Зачѣмъ она нами такъ пренебрегаетъ? Развѣ съ деньгами и мы купцами не будемъ?» То опять идетъ къ ней, старается служить ей, смиреніе и почтеніе всякое обнаруживаетъ, стоитъ передъ нею какъ рабъ и спрашиваетъ:

— Что̀ вамъ нужно для вашего удовольствія, госпожа моя?

Но у нея одинъ отвѣтъ: «Ты самъ знаешь, что̀ мнѣ нужно!»

Однако одинъ разъ я вернулся домой отъ попа Иларіона и вижу, что братъ выходитъ отъ Афродиты веселый, смѣется тихонько. Я къ нему бросился: «Что̀ новаго?» А онъ сейчасъ серьезнѣй сталъ опять и холодно отвѣчаетъ: «Ничего».

Я спросилъ у Смарагды, а Смарагда съ простотой говоритъ мнѣ всю правду.

— Видишь, Янàки, Христо не велѣлъ тебѣ этого сказывать; но я тебѣ скажу. Онъ радъ оттого, что Афродита сама его позвала къ себѣ и долго съ нимъ говорила. О чемъ они говорили, не знаю. Только потомъ она мнѣ сказала: «Кира Смарагда, если я вашего брата упрошу отослать меня къ отцу моему, я вамъ за вашу доброту большіе подарки сдѣлаю: для Маригò, для вашей дочки, сдѣлаю платье какое хотите и платочекъ желтенькій на голову ей куплю съ бахромой хорошею. А вамъ серьги изъ золотыхъ монетъ; и мальчику вашему пришлю то, что̀ вы мнѣ прикажете. Просите и вы вашего брата».

Я спрашиваю:

— А обо мнѣ, Смарагда, она ничего не сказала?

— О тебѣ она ничего не сказала,—говоритъ сестра.

Я обидѣлся, оставилъ сестру и подумалъ такъ:

«Я, кажется, глупъ въ этомъ дѣлѣ. Не должно быть глупымъ. Человѣкъ долженъ имѣть умъ пробужденный. Посмотрю—не обманываетъ ли меня теперь братъ».

И вотъ я дождался, когда Христо опять пошелъ къ Афродитѣ и затворилъ дверь. Я спрятался, чтобъ онъ думалъ, что меня дома нѣтъ, а потомъ подкрался къ дверямъ и сталъ въ щель смотрѣть и слушать.

Есть пѣсенка одна; если ты, Аргиро̀, у меня спросишь, изъ какого мѣста эта пѣсенка, я не могу тебѣ сказать, а кажется мнѣ, что она смирніотская. Въ ней поется о томъ, какъ молодой одинъ сватается за дѣвушку. Онъ ей комплименты дѣлаетъ. А она ему съ гордостью: «А ты кто же это такой?» А онъ ей: «Я изъ дому хорошаго, извѣстнаго». Потомъ она соглашается, потому что уже любитъ его. Понравились ей эти вещи, которыя онъ ей говорилъ. Такъ точно и Христо съ Афродитой говорилъ; а я въ дверь все видѣлъ и слышалъ.

Онъ ей любезно, и такъ, и такъ: «Деспосини моя! Кокона моя! Коконица моя!»

А она ему: «Любопытное это дѣло. Развѣ я могу насильно тебя любить?»

Я жду за дверью и думаю, что братъ скажетъ ей еще разъ: «Можетъ быть, тебѣ мой младшій братъ Янàки больше лицомъ нравится».

Но онъ, лукавый, обо мнѣ ужъ пересталъ говорить, а все о себѣ.

— Я (говоритъ онъ ей) благодарю тебя за честь, которую мнѣ дѣлаешь, что приглашаешь меня сама говорить. Только не просись домой, потому что я тебя люблю!

— Деньги ты отцовскія любишь,—говоритъ на это ему Афродита.

Братъ ей на это отвѣчаетъ очень умно: «Напрасно ты говоришь, что я деньги твоего отца Никифора люблю, а не тебя. А если я тебѣ скажу такъ, что отецъ твой, можетъ

быть, денегъ и не дастъ намъ, если мы женимся съ тобой. Прогнѣвается и не дастъ. А если я теперь потребую большой выкупъ и отпущу тебя домой, такъ выкупъ этотъ я, конечно, получу. Отецъ твой мнѣ, вѣрно, сюда съ нарочнымъ человѣкомъ пришлетъ. А я все-таки хочу, чтобы ты женой моею была и безъ денегъ. Теперь ты слышала? Повѣнчайся только со мной; а я тебѣ поклянусь, что не стану ни слова о приданомъ говорить, пока ты сама не соскучишься безъ денегъ и не скажешь мнѣ: «Христо! пойдемъ поклонимся отцу моему, чтобъ онъ насъ простилъ и денегъ намъ далъ».

Я гляжу, гляжу въ щель на лицо ея — что она скажетъ и какъ поглядитъ? Задумалась. Подумала немного и спрашиваетъ у него очень ласково: «Ты когда жъ меня полюбилъ, Христо?»

Онъ говоритъ: «Я тебя полюбилъ, Афродита, съ перваго дня, какъ увидалъ тебя на гуляньѣ, когда арабы плясали. Я тогда подумалъ: Господи Боже! Господи Боже! Какой такой счастливый человѣкъ возьметъ за себя эту дѣвушку. Я бы, кажется, жизнь отдалъ, чтобы только поцѣловать ее разъ. Вотъ что, госпожа ты моя, я тогда подумалъ, когда смотрѣлъ на бѣлое лицо твое и на ручки твои, которыя въ перчаточкахъ были, и на сережки красивыя. Ты мнѣ показалась точно жасминъ душистый и бѣлый, или померанцевый цвѣтокъ».

А я стою за дверьми и говорю себѣ: «Вотъ что братъ думалъ на арабскомъ праздникѣ, а я тогда думалъ, что она на переваренное яичко похожа. Его мысли лучше моихъ были».

Афродита въ первый разъ улыбнулась тогда и поглядѣла на брата весело. «Я думаю, ты все это лжешь, Христо!» сказала она ему.

Всталъ мой братъ и сталъ ужасно ей клясться. Она слушала его; начала вздыхать и сказала ему вотъ что: «Смотри ты, Христо мой, что я скажу тебѣ. Вотъ если ты меня такъ любишь и жалѣешь, ты долженъ меня отдать отцу моему назадъ. Пошли за капитаномъ Ампеласомъ за старымъ. Онъ меня и отвезъ домой».

— А твой отецъ,— отвѣчаетъ братъ, — пашу попроситъ, и меня схватятъ здѣсь старшіе и запрутъ въ тюрьму и пошлютъ въ изгнаніе. Такъ ужъ если терпѣть наказаніе, такъ за вину, а не за хорошія дѣла. А если я покаюсь и отвезу тебя, а меня все-таки накажутъ, какой мнѣ выигрышъ? Потомъ бы ты, кокоиица, подумала о томъ, что худые люди про тебя скажутъ... Потому что ты съ паликарами по горамъ ѣздила ночью. Скажутъ, ты согласна была на это.

Она опять молчитъ и внизъ смотритъ.

Братъ ей говоритъ: «Что жъ ты молчишь? Скажи ты мнѣ хотя одно доброе слово».

— Вотъ мое доброе слово, отправь меня назадъ къ отцу моему и возьми съ него побольше денегъ, сколько хочешь. Онъ тебѣ много за меня выкупу дастъ, хотя бы мельницу и всѣ маслины свои продать пришлось, на то онъ согласится, чтобы только меня у себя опять въ домѣ видѣть. Сколько ты хочешь денегъ, Христо, скажи мнѣ, я тебя прошу, мой милый Христо! Скажи, скажи... Я напишу отцу — онъ дастъ, сколько ты прикажешь.

Братъ говоритъ ей на это съ усмѣшкой: — А если я тебѣ такъ скажу: мнѣ бы лучше на тебѣ безъ денегъ отца твоего жениться. Деньги я могу еще найти, потому что я молодъ и очень уменъ; а такую дѣвушку пріятную я не скоро найду. Я въ тебя очень влюбленъ. Лучше я тебя безъ денегъ возьму, чѣмъ деньги возьму большія и тебя отдамъ.

— Что ты во мнѣ такое нашелъ хорошее? Ростомъ я мала!

— И лира золотая, — говоритъ братъ, — гораздо меньше, чѣмъ подкова желѣзная, но она золотая. Что мнѣ искать хорошаго въ большой ослицѣ?

Афродита на такія его дьявольскія слова покраснѣла и сказала, застыдившись: «Какія, однако, ты слова хорошія знаешь! Я думала, ты не знаешь такихъ разныхъ словъ!»

Потомъ она взяла обѣими ручками своими брата за руку и заплакала тихонько и сказала: «Вотъ что я тебѣ скажу, мой бѣдный Христо, можетъ быть ты и правда въ меня влюбленъ. Такъ если ты такъ влюбленъ, то пожалѣй меня и

отошли назадъ отцу. И если онъ благословитъ, можетъ быть я привыкну къ тебѣ и выйду за тебя замужъ...»

Братъ печально отвѣчалъ ей на это:

— Увы! кокона моя, если я тебя отошлю внизъ, ты никогда за меня, несчастнаго и простого горца, замужъ не выйдешь... Гордость тебѣ помѣшаетъ.

Афродита побожилась ему, что она не имѣетъ къ нему отвращенія и сказала еще такъ, очень для него пріятно: «Если ты мнѣ не вѣришь, спроси когда-нибудь у Катинко и у Аѳины, что̀ я про тебя имъ говорила, когда вы всѣ у насъ въ Галатѣ кушали. Аѳина̀ говоритъ: «какіе прекрасные паликары, всѣ эти сфакіоты молодые». А Катинко спросила: «Который лучше? Я не могу сказать — всѣ хороши!» И я тогда сказала: «Всѣ хороши. Только братья Полуда̀ки эти оба лучше всѣхъ; а изъ братьевъ Полуда̀ки старшій мнѣ больше нравится еще, чѣмъ младшій. Посуди самъ, развѣ бы я стала твои записочки принимать безъ этого? Не стала бы я къ Цецилiи ходить, чтобы съ тобою видѣться. И все, что̀ эта Цецилія въ саду тогда говорила, это все правда... Только я думала, что мы немного пошутимъ и оставимъ все это! Что̀ дѣлать, Христо, я виновата, я знаю... Только, ты если меня любишь, ты долженъ пожалѣть меня!»

И послѣ этого она долго просила и руку его держала въ своихъ рукахъ. А братъ сидитъ вотъ такъ, облокотившись, печальный и задумчивый и слушаетъ ее.

Наконецъ онъ ей сказалъ вотъ что̀:

— Я согласенъ, Афродита, отвезти тебя къ отцу твоему, потому что я вижу, что гордость тебѣ мѣшаетъ за меня замужъ выйти. Ты богатаго купца городская дочь, а я горецъ сельскій! Хорошо! Только пожалѣй же и ты меня, паликара. У меня тоже гордость и любочестіе есть. Развѣ не стыдно мнѣ будетъ, когда всѣ скажутъ: «Испугался и отдалъ ее». Или скажутъ: «Она такимъ дуракомъ брезгала!» Или: «Люди отняли ее у него. Плохой паликаръ!» Если уже отдавать тебя отцу, я отдамъ самъ тебя ему, я самъ отвезу тебя опять внизъ, а другому никому не дамъ. Только дай мнѣ время — напишу отцу своему обо мнѣ хорошее и по-

хвальное письмо и чтобъ онъ отвѣтилъ и поклялся, что схватить меня не велитъ тамъ внизу и никакого зла предательскаго мнѣ за мою вину не сдѣлаетъ, когда я приду самъ къ нему въ домъ съ покаяніемъ. Напишешь, кокона моя?

— Ба! а то не напишу? Конечно напишу. И сейчасъ! сейчасъ! — говоритъ съ радостью Афродита.

Проситъ бумаги и чернилъ, и перо. Встала, отъ радости почти что прыгаетъ...

Братъ ей говоритъ на это: «Вотъ ты какъ рада, что оставишь меня!.. Это мнѣ очень обидно! И даже никакой награды мнѣ не будетъ отъ тебя за то, что я пошлю къ отцу твоему письмо это?»

Она сжала ручки предъ нимъ и глаза къ небу вотъ такъ подняла и начала удивляться, что онъ ей не вѣритъ, и еще разъ сказала: «Или ты, глупенькій, не вѣришь мнѣ, что отецъ мой всѣ маслины свои продастъ и наградитъ тебя, когда ты ему меня возвратишь...»

Братъ покраснѣлъ и въ землю смотритъ, на нее не глядитъ и молчитъ.

Она говоритъ: «Не довольно тебѣ этого?» Христо отвѣчаетъ: «Ты все о деньгахъ отцовскихъ... А я тебѣ другое ужъ сказалъ... Когда бы ты хоть эти дни, пока отвѣтъ отъ отца придетъ, любила бы меня, а потомъ какъ хочешь...»

Афродита тогда тоже помолчала, и сидятъ они другъ противъ друга. Онъ внизъ глядитъ; она на него смотритъ внимательно, внимательно!

Потомъ она закрылась ручками и говоритъ:

— Можетъ быть ты хочешь цѣловать меня и ласкать... за это. Такъ, если хочешь, цѣлуй...

Христо отнялъ ей ручки отъ лица, и они стали цѣловаться и обниматься. И она спрашиваетъ:

— Пошлешь письмо, пошлешь, утѣшь ты меня, душенька ты моя? А онъ: «Не письмо — я жизнь мою пожертвую для тебя... Когда ты меня хоть немного полюбишь и такъ поласкаешь... Ты — моя жизнь!..»

Я уже не могъ больше стоять за дверьми и смотрѣть. Мнѣ стало завидно и такъ грустно, что онъ ей больше мое-

го нравится, что я ушелъ скоро, скоро, и сталъ думать о томъ, какъ бы все это ихъ дѣло разстроить. Всѣ хитрости брата я теперь понималъ и задумалъ я въ злобѣ моей помѣшать ему.

Я думалъ: Ты, лукавый мальчишка, меня вначалѣ обманывалъ, а теперь я тебѣ помѣшаю счастье твое получить. Подожди!

Такъ я думалъ и скрежеталъ зубами.

XV.

Воскресный день послѣ литургіи. Народъ толпой выходитъ изъ церкви.

Янн и капитанъ Лампро, высокій, худой мужчина, шкиперъ, мужъ старшей сестры Аргиро, выходятъ вмѣстѣ и отдаляются въ сторону отъ другихъ.

Капитанъ Лампро. — Вчера вечеромъ пріѣхалъ изъ Аѳинъ Анастасій Пападаки. Онъ тебя спрашивалъ: имѣетъ что-то передать тебѣ отъ брата твоего Христо. Я звалъ его сегодня къ тебѣ; только онъ сказалъ, что ему теперь некогда; и хотѣлъ завтра утромъ самъ къ тебѣ въ городѣ въ лавку зайти.—*Осматриваясь кругомъ.*— А гдѣ же Аргиро наша?

Янн. — Она осталась около церкви съ другими женщинами; она сейчасъ придетъ. Это и лучше, что ея нѣтъ; свободно поговоримъ о дѣлахъ. Скажи мнѣ, что слышно новаго изъ нашего Крита. Что старшины сбирались и послали свои требованія Халиль-пашѣ, это я знаю. А больше ничего еще и по газетамъ не слышно.

Капитанъ Лампро *вздыхая.*— Не хорошо! Мнѣ не нравится все это. Не выгодно. Положимъ, въ Европѣ дѣла запутаны... И Австрія съ Пруссіей на ножахъ. Однако, Наполеонъ — лисица, бодрствуетъ, и никому неизвѣстно, что у него на умѣ...

Янн. — Изъ Аѳинъ совѣтуютъ, слышно...

Капитанъ Лампро *съ упрекомъ.* — Друже мой! Ты еще молодъ... Аѳины! Аѳины! Не видишь ты, какъ тамъ

падаютъ одно за другимъ министерства... Несчастный! Несчастный! Пустятъ они вашихъ критянъ въ танецъ, а потомъ?.. Островъ; запрутъ васъ турки и однимъ голодомъ замучаютъ возставшихъ. Что дѣлать! Что дѣлать! Видишь ты эти масличныя рощи? Видишь это село наше, въ которомъ ты домъ теперь имѣешь?.. Станутъ критскія масличныя деревья и критскія села ваши какъ эта моя рука гладкія... Все погубятъ, все пожгутъ, все разорятъ и погубятъ турки... А деньги, гдѣ деньги? Деньги нужны...

Яни. — Хорошо! Ты все отчаиваешься... Имѣютъ же люди сердце! Мы всѣ будемъ жертвовать... Я что могу, то дамъ... А Россію забылъ?..

Капитанъ Лампро. — Вотъ развѣ Россія... Посмотримъ... — *Приближается къ дому.*

Капитанъ Лампро прощается съ Яни у дверей.

Аргиро *въ эту минуту тоже подходитъ и, здороваясь съ капитаномъ Лампро, говоритъ ему:* — Не зайдешь ли къ намъ покушать немного и кофе выпить?

Капитанъ Лампро. — Благодарю, Аргиро, право надо домой. Дѣла есть. *Смѣется и показываетъ на Яни.* Вотъ и онъ все противъ меня говоритъ; я хочу мира, спокойствія, а онъ желаетъ войны, кровопролитія...

Яни. — Ба! великая разница, — ты грекъ свободный, а я райя...

Капитанъ Лампро *съ притворнымъ удовольствіемъ осматриваетъ его съ головы до ногъ и качаетъ головой.* — Что тебѣ турки дѣлаютъ?

Яни. — Турки! одно слово! Вотъ что они мнѣ сдѣлали!

Капитанъ Лампро. — Пустыя слова! Живешь ты хорошо съ этою красоткой... Веселишься съ ней... Людей въ лавкѣ своей обманываешь, деньги наживаешь... Братъ богатый, все мѣшочки тебѣ присылаетъ... Ну и будь райя, человѣче ты мой добрый... Я тебѣ говорю: бѣдный султанъ что тебѣ сдѣлалъ? *смѣется.*

Яни. — Ты тоже! Я тебя знаю! Ты первый бунтовщикъ противъ султана въ сердцѣ своемъ. Я тебя знаю... Все шутишь...

Капитанъ Лампро *продолжаетъ въ томъ же тонѣ.*—Райя! Что ты понялъ изъ того, что будешь свободнымъ эллиномъ? Министромъ тебя сдѣлаютъ? Все-таки въ лавочкѣ торговать будешь и съ женой сидѣть своею...

Аргиро̀.—А съ кѣмъ же ему сидѣть, какъ не со своею женой? Съ чужой онъ будетъ сидѣть?

Капитанъ Лампро, *перемѣняя вдругъ тонъ, грозно.*—На войну долженъ молодецъ итти... *Съ ожесточеніемъ.* Пусть все горитъ, пусть все пропадаетъ, къ дьяволу! Пусть будетъ стонъ, и крикъ и отчаяніе!.. На войну! Да! *приподнимаетъ феску.* Видишь, Аргиро̀, сѣдые волосы эти... Мнѣ пятьдесятъ семь лѣтъ... Ты не считала моихъ лѣтъ, но я считалъ ихъ вѣрно, дочь моя! И я пойду, и корабль мой сожгу, если нужно, и твою сестру, жену мою, и дѣтей моихъ брошу... И домъ пусть гибнетъ... А я пойду въ Критъ... А твой мужъ будетъ здѣсь около тебя красоваться и цѣловать тебя...

Аргиро̀ *горячо.*—Хорошо! Что̀ ты хвалишься? И Яна̀ки пойдетъ въ Критъ сражаться... Ты одинъ что ли пойдешь? У тебя одного сердце въ груди есть...

Капитанъ Лампро *притворно.*—Пустяки... Ложь... Не вѣрю... Яни съ тобой самъ дѣвушкой сталъ... Все любовь у него на умѣ... Онъ ужъ не тотъ, что̀ былъ прежде... И ты его пустишь, я повѣрю этому?

Аргиро̀.—Что̀ за бѣда? Пусть идетъ на войну.

Капитанъ Лампро *съ видомъ сомнѣнія.*—Пустишь его? Плакать и просить не будешь? Хорошо!.. Помни ты это, Аргиро̀ моя... Помни!.. *Треплетъ ее по спинѣ, гладитъ отечески по головѣ и вздыхаетъ.* Э! Куропатка моя, куропатка!.. Не знаешь ты еще, что такое война!.. Не шутка это, куропатка моя... Ты росла въ мирное время и въ мирномъ мѣстѣ... И не знаешь ты, что̀ за ужасъ воевать христіанамъ съ турками... Я тебѣ говорю. Мнѣ шестнадцать лѣтъ ужъ было, когда наши бились съ турками при Караискаки, при Колокотрони и при другихъ... Страшная вещь!.. И не дай тебѣ Богъ милосердый глазками твоими черными и

красивенькими такія вещи видѣть, какъ начнутъ старикамъ горло разрѣзывать, какъ старушкамъ сѣдыя головы разрубать и дѣтей за ноги головками внизъ вѣшать и пополамъ разсѣкать ихъ... Вотъ что̀ такое, свѣтъ мой Аргиро̀, война съ турками... Поняла? Отпустишь мужа, теперь я тебя спрашиваю?

Аргиро̀ *смѣясь.*—Жила я жила, ничего такого еще не было, какъ ты говоришь. Дѣлайте вашу войну, какъ хотите. Тогда увидимъ. Напрасно ты только почему-то не хочешь зайти къ намъ... У насъ есть сыръ молодой, и черешни, вино старое... Поди къ намъ, зайди, Лампро!

Капитанъ Лампро.—Некогда, некогда, въ другой разъ... *Уходитъ.*

Аргиро̀ идетъ въ домъ и выноситъ на тарелкахъ черешни, связанныя въ большую кисть; сыръ, хлѣбъ и вино. На дешевыхъ тарелкахъ портретъ короля Георгія въ національной одеждѣ.

Яни *разсматриваетъ тарелку.* — Красивый паликаръ нашъ Йоргаки *). Хорошо бы, когда его на русской принцессѣ поскорѣй женили... Дай Богъ! Можетъ быть тогда и мы всѣ лучше будемъ жить. Перваго мальчика, который у нихъ родится, мы назовемъ Костаки и сдѣлаемъ его царемъ въ Византіи! Это называется «великая идея!»

Аргиро̀.—Кушай черешни.

Яни начинаетъ ѣсть черешни съ сыромъ и хлѣбомъ, запивая виномъ. По окончаніи завтрака Аргиро̀ приноситъ мужу кофе и уголекъ на мѣдномъ блюдечкѣ, чтобъ онъ закурилъ папиросу.

Яни *пьетъ кофе и куритъ.*—Вотъ, напримѣръ, на войнѣ, кто подастъ мнѣ такъ хорошо кофе и огонекъ на блюдечкѣ! Несчастіе!

Аргиро̀ *спокойно.*—Перестань все объ этой политикѣ и о войнѣ! Давно уже я слышу: война, война, возстаніе, возстаніе... А никакой войны и никакого возстанія все нѣтъ. Все это неправда и никогда не будетъ. Разскажи мнѣ луч-

*) Йоргаки — Егорушка.

ше, что̀ съ тобой было послѣ того, какъ ты на брата разсердился за то, что онъ съ Афродитой цѣловаться сталъ.

Янн *возобновляетъ разсказъ свой.*— Да, Аргиро̀! послѣ того, какъ я узналъ, что братъ Афродитѣ больше чѣмъ я нравится, взяла меня такая зависть, что я не знаю, какъ и разсказать тебѣ! Тоска, скука, смерть моя приходитъ! Въ кофейню пойду, злость владѣетъ моею душой; пойду къ друзьямъ, къ Антонаки и къ Маноли, все хочу имъ жаловаться на брата Христо, хочу его ругать обманщикомъ и злодѣемъ... зачѣмъ это онъ ей больше нравится! И зачѣмъ я, дуракъ, клятвѣ тогда на первыя сутки вѣренъ остался. Мнѣ бы съ сестрой Смарагдой согласиться, такъ какъ она очень ее жалѣла, и почью бы первою увезти ее къ отцу! Можетъ быть отецъ и отдалъ бы мнѣ ее за мою честность... А то бы возилъ ее, возилъ бы гдѣ-нибудь по дикимъ мѣстамъ и, можетъ быть, она привыкла бы ко мнѣ, когда бы мы были все одни и одни съ ней въ горахъ и подъ деревьями бы сидѣли одни... И когда начиналъ я думать о ней и о томъ, что мы сидѣли бы съ нею долго, долго одни гдѣ-нибудь въ прохладѣ, ужасная жалость брала меня, и я вздыхалъ и плакать хотѣлъ.

И досада моя была тогда такъ велика, что на другой день было воскресенье, и я пошелъ въ церковь къ литургіи и свѣчу большую для души моей хотѣлъ Панагіи поставить и вотъ подрался тутъ же съ другимъ молодцомъ... Этою свѣчей самою (прости мнѣ Господь!) его прибилъ и свѣчу сломалъ пополамъ. За что̀, Господь Богъ знаетъ за что̀! За то, что онъ прежде меня хотѣлъ тоже свѣчу поставить и толкнулъ меня немного; а я оскорбился. Дѣтскія вещи! Однако мы начали спорить и браниться. А попъ Иларіонъ выглянулъ со священнаго порога *) и воскликнулъ: «Стыдно, *бре*, ребята, вамъ! Стыдно, *бре!* Храмъ Господень это. Замолчите, безумные!» Мы и замолчали; и хотѣли насъ старшіе за это запереть обоихъ; но я зналъ, что виноватъ, и у попа Иларіона, когда кончилась литургія, просилъ при

*) Алтаря.

всѣхъ прощенія и поклонился ему. Онъ сказалъ: «Богъ тебя проститъ!»

А она, проклятая, то-есть, Афродита, повеселѣла за эти дни! Поетъ пѣсни, кушаетъ, спитъ хорошо, съ дѣтьми Смарагды играетъ. По утру рано встанетъ и къ дверямъ даже выйдетъ сама и смотритъ и съ сестрой говоритъ: «Ничего ваше мѣсто теперь, лѣтомъ; а зимой страшно, я думаю... Вотъ, говоритъ, эта большая такая, темная скала предъ окнами, что̀ это такое за ужасъ! Что́ за скука и за стѣсненіе. Теперь на ней хоть травка зеленѣетъ, а зимой вѣдь она у васъ будетъ въ снѣгу, эта скала, и все на нее смотрѣть?» Сестра ее утѣшаетъ: «Уѣдешь! Скоро уѣдешь къ папа̀кѣ своему; тамъ все городскія хорошія вещи увидишь... И сады, и дома хорошіе, — все хорошее»...

Разъ я вхожу на нашъ дворъ и вижу, стоитъ у стѣнки какая-то наша сельская дѣвушка, задомъ ко мнѣ, и мою племянницу, маленькую Маригò, поднимаетъ подъ плечи, чтобъ она могла видѣть что-то черезъ стѣнку, и слышу, Маригò говоритъ: «Теперь вижу!» И вдругъ у этой сельской дѣвушки голосъ Афродиты, и такой нѣжный, любезный: «Ангельчикъ мой, Маригò, видишь, видишь теперь; поди, моя душка, я тебя поцѣлую», отпускаетъ дѣвочку и оборачивается. Боже мой! Это она и есть въ сельскомъ платьѣ съ толстымъ фартукомъ. Улыбается мнѣ и спрашиваетъ еще, демонъ: «Япа̀ки, вотъ я сфакіоткой стала теперь. Хорошо?» Я отвѣчаю: «Очень хорошо!» и самъ ухожу, ухожу скорѣй. А это вотъ какъ случилось. Платья у Афродиты другого не было, конечно, съ собой, а та вся одежда, въ которой мы ее привезли, еще дорогой измаралась, и ей стало тяжело въ ней. Она сама попросила переодѣться по-сельски, и Смарагда побѣжала мыть ея вещи. И по правдѣ сказать, не знаю, въ чемъ она мнѣ больше нравилась: въ городскомъ платьѣ или въ этой простой одеждѣ и въ платочкѣ на головѣ.

Она такъ ободрилась послѣ того, какъ братъ обѣщалъ ей послать ея письмо къ отцу, что стала даже и съ нимъ шутить: «Христо, спой ту пѣсенку, говоритъ, въ которое все поется: эта смугленькая, эта смугленькая».

А братъ ей отвѣчаетъ съ насмѣшкой: «Крѣпко я хочу теперь *смугленькихъ!* (Потому, что она была бѣлокурая, видишь, какая хитрость!). Я хочу о бѣлокурыхъ пѣть теперь!» говоритъ онъ ей.

А она поглядитъ на него вотъ такъ, снизу вверхъ. (Бѣда моя! ахъ! Когда бы она на меня такъ смотрѣла! Я тогда жаловался.) Поглядитъ сладко, очень сладко и скажетъ ему:

Ну, пой про бѣлокурыхъ. Ты хорошо поешь.

А братъ поетъ пѣсенку, — знаешь:

Ты видѣлъ часомъ позднимъ
Вчера въ ладью вошла
Та русая красотка —
Въ чужбину отплыла.

Зачѣмъ мнѣ бѣлый парусъ...
На что̀ мнѣ та ладья...
Нужна мнѣ лишь красотка,
Что̀ въ лодкѣ уплыла...

— А ты, Яна̀ки, не поешь теперь? Доро̀гой ты какъ громко пѣлъ; много пѣлъ; больше всѣхъ не ты ли пѣлъ? (Это *она* у меня спрашиваетъ, понимаешь?)

А я, какъ звѣрь: «Не хочу пѣть!» И уйду.

Она веселилась въ той надеждѣ, что черезъ нѣсколько дней получится отвѣтъ отъ отца ея, что онъ Христо все проститъ и Христо самъ отвезетъ ее домой. Иногда на нее часикъ-другой найдетъ тоска, и она говоритъ Смарагдѣ: «Отецъ мой, боюсь я, на меня разсердился, онъ не проститъ меня теперь... Онъ скажетъ: Проклятая дѣвочка! она сама съ паликарами, развратная, согласилась и отца связать велѣла».

Сестра утѣшала ее. Сестра ужъ такъ привыкла къ ней, что все хвалила ее и говорила: Что̀ за ангелъ! Христосъ и Панагія! Ангелъ она, ангелъ. Если она уѣдетъ, какъ мнѣ будетъ безъ нея скучно! Спрашиваю, наконецъ, у сестры: Что же, какъ она теперь съ Христо? Сестра смѣется: Хорошо! Все цѣлуются! — А письмо къ отцу? я все спрашиваю.

— Она написала, а Христо спрятал его за кушак. Вѣрно ищетъ, кого послать, а ей говоритъ, что уже послалъ.

Ну, думаю, терпѣніе! А гдѣ тутъ терпѣніе! Посидѣлъ я на камнѣ; пошелъ по хозяйству кой-что сдѣлалъ, оружіе свое почистилъ. Все непріятно! Пошелъ, наконецъ, къ Антонаки и говорю ему: «Антонаки, Афродита Никифоровна согласилась съ Христо отцу написать, что Христо ее самъ домой отвезетъ, и чтобъ отецъ на него не жаловался и ничѣмъ бы ему не мстилъ. А самъ письма не послалъ; говоритъ ей, что вчера послалъ, а самъ положилъ его за поясъ свой и не послалъ. Обманулъ ее. Во имя Божіе, Антонаки, позволь мнѣ открыть тебѣ сердце мое. Я самъ въ Афродиту страхъ какъ влюбленъ теперь. Очень хочу на ней жениться и пускай бы отецъ мнѣ и денегъ не далъ за ней и не простилъ бы насъ. А если я на ней не женюсь, я или ножомъ себя зарѣжу или отравой отравлюсь! Поэтому я хочу пойти къ ней и сказать ей, что братъ ее обманываетъ».

Антонаки на это сказалъ мнѣ: «Что ты *понялъ* изъ этого? Выигрышъ не великъ! Себя убить грѣхъ. А чтобъ она влюбилась въ тебя оттого, что брата предашь? Кто знаетъ, влюбится ли. Можетъ быть и не влюбится; а если Христо ей уже понравился, а ты скажешь ей: онъ тебя обманываетъ. Она скажетъ: какой злой молодой этотъ Янаки. Что ты понялъ изъ этого? Братъ судьбы хорошей лишится, если она разсердится, для примѣра, такъ сказать. А самъ, что выиграешь? А когда она его очень полюбила, тогда опять что? Тогда они смѣяться надъ тобой оба будутъ. И интереса своего лишишься; потому что, послѣ, когда брата твоего Никифоръ Акостандудаки проститъ и много денегъ ему дастъ, тогда братъ будетъ на тебя злобу имѣть и не дастъ тебѣ ничего».

Я разсердился и выбранилъ его; сказалъ ему: «Какъ братъ Христо васъ всѣхъ обѣщаніями купилъ! Скажи, сколько онъ тебѣ изъ денегъ Никифора Акостандудаки обѣщалъ удѣлить? Погодите, анаѳемскій вамъ часъ! Онъ всѣхъ васъ умнѣе, хотя у него еще и усовъ почти нѣтъ, а у васъ большіе усы, а онъ всѣхъ васъ обманетъ».

И ушелъ я отъ него въ гнѣвѣ. А онъ, Антопаки, говоритъ мнѣ: «Это правда, что Христо очень умепъ!»

Иду какъ звѣрь по улицѣ; смотрю, попъ Иларіонъ сидитъ на камнѣ около церкви и куритъ и веселый кричитъ мнѣ: «Яни! Янàки! Иди сюда! Добрый мой!»

Подхожу я, цѣлую его руку, сажусь около него. «Что дѣлаешь? Какъ живешь? Что Афродита у васъ? Что́ братъ?»

— Очень хорошо, очень хорошо, очень хорошо...

И потомъ я сталъ сидѣть молча, ждать, чтобъ онъ спросилъ, отчего я не веселъ. Онъ не понимаетъ. «Хочешь сигарку?» Я ему: «благодарю, не хочу». «Хочешь, зайдемъ ко мнѣ, чашку кофе выпьешь?»—«Благодарю, не хочу кофею!» Такъ я ему все сухо. Наконецъ, онъ замѣтилъ и говоритъ: «Имѣешь какое-нибудь сожалѣніе или печаль?»

Я и началъ: «Какъ же мнѣ не имѣть сожалѣнія и печали».

И ему говорю то же, что̀ Антонію. А попъ сказалъ мнѣ на это такъ:

— Это отъ врага у тебя. Врагъ не любитъ, чтобы братья купно хорошо жили.

— А что братъ мой все лжетъ, говорю̀ я: — это не отъ врага...

— Что̀ ему дѣлать! Я еще разъ тебѣ говорю (это попъ мнѣ такъ объяснялъ), грѣхъ уже сдѣланъ. Дѣвушка насильно похищена и отецъ оскорбленъ. Она, я тебѣ говорю, неразумна еще. А честь ея, скажутъ злые люди и у насъ, и внизу въ городѣ, гдѣ ея честь теперь? Это ясно. Поэтому хорошо онъ дѣлаетъ, что желаетъ жениться на ней и возвратить ей честь въ мірѣ. Ты знаешь, ястребокъ злой какъ схватитъ горлицу, какъ начнетъ ей, бѣдной, перышки изъ головки рвать и головку клевать. Отнимешь ты горлицу у него; улетѣлъ ястребокъ, нѣтъ его. А горлица уже не та. Она можетъ заболѣть и все равно издохнетъ. Такъ лучше не отнимать ужъ ея. Ястребокъ имѣетъ указаніе отъ Бога питаться кровью и мясомъ. Что̀ дѣлать, хорошій мой Янàки! Да! А Христо ястребокъ перваго нумера, и горлицу нѣжную и голубку бѣлую ты лучше у ястребка такъ не отнимай.

Христосъ и Панагія! думалъ я, всѣ они за него. И говорю попу дерзко: «А тебѣ, попъ, братъ мой за такія притчи хорошія сколько денегъ изъ приданаго Аѳродиты обѣщалъ?»

А попъ нашъ очень кротко отвѣчаетъ: «Конечно, Янàки мой, и попу надо хлѣбъ ѣсть. И за требы брать попу, живущему въ міру съ семьей, законъ никакой не запретитъ. И я, обвѣнчавъ ихъ, могу взять съ брата твоего деньги». Я же все сержусь: «Я думаю, что не такъ, какъ за требы платятъ, а за хитрость твою братъ тебѣ, я думаю, лишь десять золотыхъ обѣщалъ». Попъ улыбается и ласково мнѣ отвѣчаетъ: «Не десять, дитя мое, а двадцать пять онъ мнѣ обѣщалъ за свадьбу, твой братъ. Вотъ какое дѣло!..»

Вижу, всѣ смѣются надо мной, и я просто вздулся отъ гнѣва, я, говорю тебѣ, какъ дикій звѣрокъ сталъ... Такъ бы ятаганомъ всѣхъ и началъ рѣзать. Таскался я до самой ночи туда-сюда и все не могъ успокоиться.

Наконецъ, я рѣшился все ей сказать и вернулся домой.

Я въ мысляхъ моихъ думалъ такъ ей сказать: «Деспосини моя! Прости мнѣ. А я жалѣю тебя и очень тебя люблю, отъ всей души моей, и скажу тебѣ, что братъ мой, Христо, тебя обманываетъ; онъ письма твоему отцу не посылалъ ни съ кѣмъ. А положилъ это письмо за кушакъ». Такъ думалъ я ей сказать и съ этою мыслью дошелъ до самыхъ дверей. Вхожу я и вижу, она сидитъ съ сестрой и заплетаетъ себѣ косу; плететъ и смѣется, и глядитъ вотъ такъ, внизъ и въ сторонку немножко на свою бѣлокурую косу (а толщиной она была, право, какъ твоя рука, моя Аргиро). Я остановился, и какъ увидалъ эту косу ея и какъ она пріятно расчесывала ее и такъ вотъ на нее, смѣясь, смотрѣла, разгорѣлось еще сильнѣе мое сердце!

— Увы мнѣ! какая она пріятная! Погоди жъ вы всѣ, злодѣи мои лютые!.. Погодите...

Я еще и слова ей сказать не успѣлъ, а она сейчасъ заговорила: «Янàки, а Янáки! Ты гдѣ пропадаешь? Братъ твой ищетъ тебя вездѣ. Онъ хочетъ просить тебя, чтобы ты къ моему отцу письмо отъ меня отвезъ... Мы совсѣмъ

помирились и очень подружились теперь съ твоимъ братомъ».

Я стою; ничего не могу отвѣчать. Понялъ я, конечно, что друзья уже сказали брату все, что я имъ говорилъ. А она оставила гребень и глядитъ на меня и любезно и пріятно и потомъ говоритъ: «Добрый мой Яни. Ты паликаръ молодой и ничего не боишься, я думаю, на этомъ свѣтѣ. Братъ твой искалъ, кого послать внизъ, и лучше тебя человѣка и не нашелъ. И я тоже очень прошу тебя и умоляю, и любить и обожать тебя я буду, какъ брата милаго, душенька ты, очи ты мои, если ты поѣдешь съ этимъ письмомъ къ отцу. И онъ, знаешь, богатый человѣкъ, обрадуется и наградитъ, и угоститъ тебя, какъ только ты желаешь. И если чего желаешь, скажи мнѣ, и я клятву тебѣ дамъ, что все, что ты желаешь, я у отца тебѣ выпрошу. Паду въ ноги отцу и скажу ему: я, отецъ, не встану, пока ты не исполнишь всѣхъ желаній этого Яни Полудаки, который мой другъ и спаситель. Что ты желаешь? Муловъ хорошихъ; оружія европейскаго; изъ одежды что-нибудь дорогое... Или денегъ большихъ... Скажи только»...

Встала и подаетъ мнѣ письмо: «Вотъ письмо, милый мальчикъ мой... Будь ты счастливъ всегда, живи ты долго, будь здоровъ, чтобы мнѣ всегда на глазки твои веселиться... Вотъ это письмо свези отцу моему въ Галату секретно».

Я уже не смотрю на нее, а внизъ гляжу и молчу; и гнѣвъ и стыдъ во мнѣ кипитъ, кипитъ! Ни слова я ей не отвѣтилъ и письма не взялъ изъ рукъ ея, и вышелъ вонъ.

Вышелъ я за ворота и вижу, что сестра Смарагда развѣшиваетъ и раскладываетъ на кустики и на стѣнку бѣлье Афродиты, которое она сама ей вымыла. Около сестры стоятъ сосѣдки, смѣются и глядятъ на юбки Афродиты и на рубашку ея и говорятъ:

— Городскія вещи! нѣжныя вещи! Посмотри то, посмотри вотъ это!

Смарагда по своей добротѣ не сердится и отвѣчаетъ имъ на все, что онѣ спрашиваютъ; но я уже былъ такъ разсерженъ, что на всѣхъ кидаться хотѣлъ, и закричалъ на этихъ

женщинъ: «Идите къ себѣ по домамъ! Что вы здѣсь удивляетесь и смотрите? Стыдно вамъ! Вы хозяйки-женщины и должны дома своимъ хозяйствомъ заниматься, а не безчинствовать здѣсь и смѣяться. Идите! Идите!» Такъ просто я на нихъ кричу, хотя всѣ эти женщины гораздо старше меня были и хорошихъ домохозяевъ жены и дочери.

Сосѣдки обидѣлись, ушли и сказали сестрѣ: «Такой безбородый мальчишка такъ на насъ кричитъ! Что мы сдѣлали вамъ злого? Развѣ глазъ у насъ нѣтъ посмотрѣть!..» Одна же изъ нихъ и хуже этого сказала: «Хорошо это! Вы съ братомъ привозите себѣ изъ города распутныхъ потаскушекъ всякихъ; и еще насъ оскорбляете. Жени поскорѣй брата, оселъ ты, Яни, а то мы ее выгонимъ отсюда, безстыдницу, или камнями голову ей проломимъ! Слышишь ты?»

И очень обиженныя всѣ онѣ ушли; а сестра говоритъ мнѣ:

«Нехорошо ты сдѣлалъ, Яна́ки, зачѣмъ ты сосѣдокъ оскорбляешь такъ. Стыдно. Онѣ изъ любопытства на бѣлье Афродитино смотрѣли только и ничего для насъ обиднаго не сказали. Теперь же вотъ и тебя изругали и ее оскорбили, и брата!»

Но я и на нее крикнулъ: «Пропадите вы всѣ, и ты, и сосѣдки!»

И не зналъ я, куда бы еще скрыться, чтобы не душили меня ревность и злость. И сосѣдка эта сердитая, и та сказала: «не самъ женись, а брата жени скорѣй».

Всѣ противъ меня! думалъ я. Никто меня знать не хочетъ.

XVI.

Яни *продолжаетъ свой разсказъ.*

— Наконецъ я задумалъ куда-нибудь уѣхать, такъ, чтобы никто и не зналъ куда, и легъ спать съ вечера въ темномъ и скрытомъ мѣстѣ. И еще солнце не вставало, а только я увидалъ, что верхушечки кой-какія, на кото-

рыхъ снѣгъ еще съ зимы оставался, засвѣтились разсвѣтомъ, тотчасъ я всталъ, вошелъ въ домъ, взялъ все оружіе свое, взялъ денегъ изъ своего ящичка. Братъ спитъ спокойно въ углу на полу, и дѣти спятъ около него. Смарагды не вижу; она все еще у Афродиты ночевала.

Надъ головой брата ружье мое висѣло... Какъ мнѣ достать его, чтобъ его не разбудить?.. Тянулся, тянулся я, однако онъ проснулся немного испуганный и говоритъ мнѣ: «Что ты! Что ты!..» А я говорю: «Ничего!.. Спи!..» и вышелъ. Снарядилъ лучшаго мула и уѣхалъ изъ села. Куда уѣхалъ? И самъ я сначала не зналъ куда ѣду... Ѣхалъ внизъ и мула подгонялъ скорѣй... Чтобъ ихъ всѣхъ забыть и чтобъ увидать скорѣе другихъ людей и душу мою съ другими людьми успокоить.

Я въ дорогѣ ужъ придумалъ, куда мнѣ ѣхать. Есть около самой Канеи село Халеппа; оно у моря и мѣсто тамъ очень веселое. Въ этомъ селѣ много хорошихъ домовъ и садовъ. У англійскаго консула въ срединѣ села большой домъ съ черепичною кровлей; у русскаго консула тоже свой домъ и тоже большой, желтаго цвѣта, у самаго моря. И другіе консула нанимаютъ тамъ дома на лѣто. Домá беевъ турецкихъ есть, и христіане есть не бѣдные, которые очень чисто одѣваются и дома имѣютъ хорошіе и лавочки въ городѣ. Отъ Канеи близко крѣпость очень хорошо видна изъ Халеппы. И наша Сфакія видна оттуда... зимой вся въ снѣгу. Мѣсто веселое, многолюдное, чистое, хорошее мѣсто.

За самымъ селомъ гора и за горой ужъ ничего не видно; только и видны, что камень и трава на горѣ. По горѣ, къ селу поближе, есть маслины и большіе домá беевъ; тутъ одинъ большой каменный домъ стоитъ на полгорѣ, а тамъ другой. Они чаще пустые стоятъ. Есть тамъ на горѣ этой одинъ домъ больше и выше всѣхъ другихъ; онъ каменный и похожъ даже на крѣпость; онъ очень высокъ и по угламъ у него какъ-будто башенки маленькія. Этотъ домъ былъ тоже турецкій, хозяина звали Арифъ-бей. Жилъ тамъ сторожемъ одинъ черный арапъ, съ которымъ я еще

прежде имѣлъ большую дружбу и знакомство. Его звали Саали и онъ былъ очень добрый человѣкъ. Жилъ онъ наверху, въ самой маленькой комнатѣ, и весь домъ стоялъ совсѣмъ пустой.

Саали былъ вдовъ, и жила съ нимъ только одна дочь его маленькая, черная, такая же, какъ и онъ. Эту дѣвочку звали Икбаль, что по-турецки значитъ *великое счастье*. Такъ ее назвалъ отецъ потому, что очень былъ радъ, когда она у него родилась.

Саали меня очень хорошо принялъ и угостилъ.

Сначала онъ, правда, немного испугался, когда увидалъ меня, и сказалъ: «Какъ это ты, несчастный, сюда подъ городъ пріѣхалъ? Народъ кипитъ теперь, и васъ, сфакіотовъ, всѣ проклинаютъ за дѣло Никифора. Не узналъ бы Арифъ-бей! Онъ и меня хлѣба лишитъ и тебя предастъ. Тебя въ тюрьму и будутъ мучить, чтобы ты все открылъ. Никифоръ вездѣ ходитъ и подписи людей противъ васъ собираетъ. Кричитъ: Пытку имъ надо!»

Такъ я узналъ, что наше дѣло стало дѣломъ большимъ и что нашѣ всѣ согласны жаловаться на насъ. А мы наверху, въ тишинѣ и пустынѣ, не знали этого. Я подумалъ такъ: «Не бѣда! Я уѣду дальше въ монастыри Агія-Тріада и Агіе-Яни и скроюсь, а здѣсь только отдохну. И буду я отмщенъ. Предадутъ, наконецъ, наши капитаны брата Христо начальству; не захотятъ ему въ угоду всѣхъ здѣшнихъ христіанъ имѣть врагами, а Афродиту у него отнимутъ, и не придется ему веселиться ею и деньгами ея отца; и еще отвезутъ внизъ, и отдадутъ нашѣ и его, и Антонія, и Манóли и попа Иларіона, и всѣхъ ихъ запрутъ надолго въ тюрьму; а я буду знать это все, и буду свободенъ, и я буду тогда надъ ними смѣяться, а не они надо мной!»

Когда я сказалъ арапу, что я пробуду у него недѣлю и уѣду куда-нибудь дальше (а не сказалъ — куда) онъ успокоился и обѣщался не предавать меня. «Бей мой,—сказалъ онъ,—очень рѣдко ѣздитъ сюда. Ничего. Отдохни». Мы легли спать. Но я не могъ заснуть; начну дремать и вдругъ проснусь и не знаю, гдѣ у меня голова и гдѣ ноги; кричу

во снѣ; Икбаль испугалась, плачетъ и зоветъ отца: «Отецъ, отецъ!.. Боюсь Янаки, этотъ очень кричитъ!» Саали мнѣ говоритъ: «Что ты, бѣдный, что съ тобой?» Я говорю ему: «Ахъ, Саали мой хорошій... Я не могу спать.» Саали всталъ, развелъ огонь, сварилъ кофе, и мы съ нимъ стали разговаривать. Разговаривали долго, почти до разсвѣта. Сначала Саали все спрашивалъ у меня: «Что съ тобой? Отчего ты такъ скученъ? Здоровъ ли ты? Скажи мнѣ правду». Я стыдился сказать ему правду, а только отвѣчалъ ему все, что у него много крысъ и что онѣ будили меня. Саали тогда пересталъ у меня спрашивать и началъ разсказывать мнѣ разныя любопытныя вещи. Онъ былъ *курьезный* человѣкъ и зналъ все, что дѣлается на свѣтѣ. Зналъ, кто бываетъ у русскаго консула и кто не бываетъ; кто служитъ у англійскаго консула и за сколько лиръ въ мѣсяцъ и кто у австрійскаго нанимается; и почему англійская консульша отпустила служанку свою Мальтезу, которую она изъ Мальты съ собою привезла... Кто кого любитъ и кто кого ревнуетъ въ Халеппѣ и въ христіанскихъ домахъ, и въ мусульманскихъ. Мы всегда его за это любили и не разъ и прежде съ братомъ Христо заходили къ нему въ гости, и всякій разъ онъ намъ открывалъ какую-нибудь тайну или исторію разсказывалъ. Такъ и теперь. Сначала онъ сталъ говорить о крысахъ и о томъ, что одинъ бей турецкій въ городѣ умѣетъ дѣлать для нихъ кушанье съ ядомъ и выводитъ ихъ; а потомъ разсказывалъ что на-дняхъ въ Канеѣ случилось. Были очень дружны между собою два турченка. Одинъ былъ побогаче, а другой побѣднѣе. Богатый былъ сынъ табачнаго торговца, а бѣдный служилъ въ кофейнѣ. Купеческому сынку было семнадцать лѣтъ, а кафеджи двадцать. Все, что у нихъ было, они дѣлили и жить другъ безъ друга не могли. Потомъ поссорились; кафеджи (тотъ, который былъ побѣднѣе и постарше) выбранилъ того младшаго всякими обидными словами и сказалъ ему: «Я больше знать тебя не хочу!» А тотъ отъ огорченія досталъ яду и отравился; онъ не могъ безъ этого друга жить. Мать послала за докторомъ Ва-

фиди; Вафиди пришелъ и вылѣчилъ его, и онъ теперь живъ. Но родные его чуть-чуть было не убили другого турченка, того, который въ кофейнѣ служилъ. Вафиди и его спасъ. Кафеджи не зналъ, что тотъ отравился и умираетъ; соскучился безъ него и пришелъ мириться. Входитъ и видитъ, что онъ лежитъ и около него мать и докторъ и всѣ родные. Какъ только кафеджи вошелъ, всѣ родные бросились и хотѣли растерзать его на куски; однако докторъ успѣлъ его отнять и увелъ его оттуда.

Такую исторію разсказалъ мнѣ Саали. И когда онъ кончилъ, я подумалъ:

Вотъ и моложе меня мальчишка, но отравиться не побоялся, когда его оскорбили. Отравлюсь и я!

Такъ я задумалъ и Христа-Бога совсѣмъ забылъ.

Утромъ, когда Саали собрался за провизіей въ городъ, я сказалъ ему:

— Принеси мнѣ яду сильнаго для крысъ. И я знаю, какъ отравлять ихъ; я для нихъ приготовлю кушанье.

Пока Саали уходилъ въ городъ, я съ его дочкой развлекался дѣтскими разговорами; я эту маленькую Икбаль всегда любилъ; забавно было на нее смотрѣть: личико у нея было очень черное и блестѣло такъ, какъ вотъ этотъ мой башмакъ, когда его чисто вычистишь; а зубы бѣлые, какъ жемчужинки ровные... Превеселая была дѣвочка и служить умѣла въ домѣ какъ большая. Бей, хозяинъ Саали, ее тоже любилъ и подарилъ ей хорошее платьице, полосатое — бѣлое съ желтымъ. Я въ немъ ее и засталъ. Я съ отцомъ говорю и слышу, что она мнѣ шепчетъ: «Яна́ки, Яни!» гляжу, она и стыдится такъ въ углу, и ручками полы платьица держитъ и приподнимаетъ ихъ ко мнѣ, то-есть: «смотри, какое у меня платьице!» Ахъ, Аргиро̀, не могу я тебѣ сказать, какъ мнѣ стало жалко тогда и дѣвочки этой бѣдной, черненькой, и самого себя, и я сказалъ себѣ: «надо скорѣй мнѣ убить себя; всѣ люди у насъ надо мной смѣются и считаютъ меня теперь глупымъ: и попъ Иларіонъ, и сосѣдки и товарищи; и братъ съ Афродитой радуются моей глупости. Я такъ жить не могу. А все, что̀

есть со мной теперь денегъ, отдамъ, когда буду умирать, этой маленькой Икбаль. Пусть она радуется! Вѣдь это приданое ей и счастіе! И скажетъ послѣ отецъ ея: «и въ самомъ дѣлѣ Икбаль! *Большое счастіе* ей было отъ этого христіанина Яна̀ки... Пусть меня никто не жалѣетъ; я за то этихъ бѣдныхъ людей пожалѣю въ смертный часъ мой!»

Когда Саали привезъ изъ города яду и отдалъ мнѣ его, я сказалъ ему:

— Саали! Дай теперь мнѣ воды. Я начну дѣлать кушанье для крысъ.

А онъ смѣется:

— Посмотрю я, какъ ты это будешь дѣлать!

И дочка говоритъ: «И я, папа̀ки, буду смотрѣть!»

— Я опять ему говорю: «Дай стаканъ воды». Онъ подалъ. Я высыпалъ ядъ и говорю ему еще: «Теперь сходи за хворостомъ, разведи огонь; я буду варить». Онъ вышелъ, а я выпилъ ядъ при дѣвочкѣ. Она на меня смотритъ и говоритъ: «Пьешь?» Я говорю ей: «Такъ надо!» Какъ *только я выпилъ его, зажгло у меня внутри огнемъ и что̀* со мной начало дѣлаться—я разсказать тебѣ не могу! Начало меня рвать ужасно и рѣзать внутри, какъ ножами, и упалъ я на полъ и сталъ кататься по полу и старался я не кричать, но не могъ удержаться. Дѣвочка заплакала, бѣжитъ и кричитъ отцу: «Папаки! Яни Полудѐки умереть хочетъ!»

Ужаснулся бѣдный Саали: «Что̀ ты сдѣлалъ! Что́ ты сдѣлалъ!.. Я говорю: «Прощай, Саали... Дай тебѣ Богъ счастье всякое за твою доброту! Прощай, Саали»... И сказалъ ему еще: «вынь мнѣ изъ-за пояса: вотъ тутъ двадцать золотыхъ. Это для твоей дочери... Прощай, Икбаль, моя душенька!.. Господи, говорю, прости мнѣ»...

Яни останавливается и задумывается, Аргиро̀ начинаетъ плакать.

Яни.—Плачешь?

Аргиро̀ *молча плачетъ.*

Яни *тоже молча и задумчиво глядитъ на нее; потомъ говоритъ съ улыбкой:*

— Вотъ теперь ты, глупенькая, плачешь о прошломъ! А если въ нашемъ Критѣ будетъ война и я пойду туда, что ты тогда сдѣлаешь? Тогда тебѣ ужъ умирать надо, если ты о прошлыхъ вещахъ такъ плачешь. *Помолчавъ еще.* Аргиро, ты бы перестала плакать теперь. Зачѣмъ?

Аргиро *сквозь слезы.*—Мнѣ стало жалко очень тебя; какъ ты сказалъ, что тебя рвало и какъ ты по полу катался и деньги дѣвочкѣ отдавалъ... Проклятая эта Афродита! Проклятая вѣдьма! Чтобъ ей душу свою не спасти!..

Янни *улыбаясь лукаво и самодовольно.*— Я у тебя, свѣтъ мой небесный Аргиро, спрашиваю вотъ что: отчего же ты не плакала, когда заходилъ сюда капитанъ Ламиро и сказалъ: «Надо скорѣе возстаніе въ Критѣ сдѣлать»; отчего же ты, я тебѣ говорю, объ этомъ прошломъ дѣлѣ плачешь, а того не боишься, что ядовитая оттоманская пуля мнѣ прямо въ уста попадетъ и весь ротъ мой полонъ крови будетъ и зубы мои всѣ побьетъ... И я буду на травѣ лежать мертвый и люди скажутъ: «Вотъ какой молодой за отчизну погибъ!» Или возьмутъ турки дьяволы и ножомъ мертвому мнѣ голову отрѣжутъ и понесутъ ее въ лагерь свой начальству своему хвастаться... И въ турецкомъ войскѣ скажутъ: «Это чья головка? Это Янаки Полудаки изъ Бѣлыхъ Горъ паликаръ хорошій!» А между нашими разговоръ иной будетъ. Наши христіане спросятъ: «Это чье тѣло безъ головки, такъ что узнать нельзя? Неизвѣстно чье это тѣло. Турки голову унесли. Должно быть молодецъ былъ. Да проститъ Богъ его душу!..» Такъ что враги будутъ знать, гдѣ я, а друзья знать не будутъ... Отчего ты этого не боялась, когда мы съ капитаномъ Ламиро говорили, и сказала капитану: «Я пущу его, пусть идетъ на войну!»

Аргиро.—Хорошо! Ты тоже думаешь, что я совсѣмъ глупая. Любопытное дѣло! Чтобъ я не понимала, какая разница! Одно дѣло—отчизна, и совсѣмъ другое дѣло такой грѣхъ, за эту женщину злую тебѣ отравиться... Ахъ! чтобы никогда глаза мои ее, скверную Афродиту эту, не видали. Я ей глаза сейчасъ вырву...

Яни *нѣсколько веселясь ревностью жены.*— А я думаю, очи ты мои Аргиро̀, напротивъ того, тебѣ бы увидать ее надо. Ты бы успокоилась, потому что она съ тѣхъ поръ много должно быть испортилась въ лицѣ. И тогда даже она гораздо хуже тебя была... А теперь!.. Гдѣ!.. Далеко ей до тебя... Что жъ, разсказывать?

Аргиро̀.—Нѣтъ, не хочу больше! Я очень разсердилась теперь.

XVII.

На слѣдующій день Яни, возвратившись изъ города домой, сходитъ съ мула. Аргиро̀ хочетъ взять мула, но онъ смѣясь говоритъ ей:

— Подожди; я мула самъ уберу. Держи руки.

Аргиро̀.—Что̀ такое?

Яни *достаетъ изъ-за пояса довольно большой мѣшочекъ, полный золотыхъ монетъ, и кладетъ ей въ руки.*

Аргиро̀ *съ радостью.*—Деньги!

Яни *все веселый.*—Подожди! Постой! *достаетъ другой такой же и даетъ ей.*

Аргиро̀.—Боже мой! Что̀ такое! Все деньги... *Хочетъ бѣжать съ ними въ домъ.*

Яни.—Постой! Держи еще вотъ это! *Подаетъ ей конверт съ векселемъ.* Это полегче мѣшочковъ; а силы столько, сколько въ двухъ мѣшочкахъ...

Аргиро̀ *какъ растерянная отъ радости.*—Что̀ мнѣ дѣлать, куда я это все возьму! Постой, я положу деньги на столъ. *Уходитъ въ домъ.*

Яни *смѣется.*—Какъ радуется. Это хорошо, что она такъ рада! Хозяйка!

Убираетъ мула и потомъ идетъ въ домъ. Застаетъ Аргиро̀ предъ столомъ, на которомъ разсыпаны деньги. Она предлагаетъ ему считать ихъ вмѣстѣ; но Яни, прикрывъ ихъ руками, говоритъ ей: «Не дамъ тебѣ считать, пока ты не пообѣщаешь мнѣ одну вещь».

Аргиро̀.—Какую?

Яни. —Не брани больше Афродиту бѣдную. Это ея деньги.

Аргиро́.—А! Это отъ нея?

Яни.—Братъ прислалъ, и письмо пишетъ мнѣ она сама...

Аргиро́ *забывъ о деньгахъ.* —Покажи! Что́ она пишетъ, какъ она пишетъ. Покажи...

Яни *подаетъ ей письмо.* —Тише! Тише! вексель не разорви... Теперь читай...

Аргиро́ *читаетъ громко:* «Мужъ мой поручилъ мнѣ, такъ какъ онъ самъ уѣхалъ въ Аѳины на мѣсяцъ по дѣлу, о которомъ вамъ скажетъ нашъ знакомый господинъ Анастасій Папада́ки...» Какъ она красиво пишетъ, скверная!

Яни.— Опять бранить ее...

Аргиро́ *отдавая письмо.* —О дѣлахъ торговыхъ пишетъ и мнѣ велитъ кланяться.

Яни.—А ты думала—о любви какой-нибудь? У тебя все женскія вещи на умѣ. А я тебѣ скажу вотъ что́. Деньги ты теперь оставь считать. Я ихъ въ городѣ счелъ. Запри ихъ. А къ вечеру что-нибудь получше приготовь; этотъ Анастасій Папада́ки придетъ. Онъ человѣкъ очень хорошій. *Садится у дверей дома и закуриваетъ папироску.*

Аргиро́ *уноситъ деньги и возвращается съ чашкой кофе, которую ставитъ на столъ около мужа; потомъ садится сама около него съ работой и говоритъ:* —Конечно я не буду больше бранить Афродиту. Это глупость моя, больше ничего и грѣхъ. Чрезъ нее братъ твой хорошо торгуетъ и намъ присылаетъ деньги. Дай Богъ ей жить долго и радоваться на дѣточекъ своихъ! Что жъ ты, будешь еще разсказывать объ этой исторіи сегодня? Мнѣ такъ пріятно все это слышать, что я даже сказать тебѣ не могу!

Яни *смотритъ на часы.*—Анастасій Папада́ки придетъ. А пока онъ не пришелъ, я могу разсказать. Теперь-то, Аргиро́ моя, ты должна слушать съ радостью о томъ, какъ меня вылѣчили отъ яду. Саали побѣжалъ въ Халеппу, хотѣлъ на ослѣ въ городъ ѣхать за докторомъ; оселъ нейдетъ, онъ на улицѣ осла бросилъ. Бѣжитъ... До города все-таки больше получаса. Я бы умеръ въ это время.

Но не пришелъ мой часъ. Саали бѣжитъ по селу, встрѣтились женщины: «Куда ты, Саали? Что имѣешь такое, что бѣжишь?» А онъ: «Дистихія! Дистихія! (несчастіе, несчастіе!) Стой, стой!» Онъ забылъ о своемъ хлѣбѣ и объ Арифъ-бегѣ и всѣмъ разсказываетъ, что я у него и что я отравился. Говорятъ ему люди: «Докторъ Вафиди здѣсь; онъ пріѣхалъ изъ города, ищи его». Саали въ одну минуту отыскалъ Вафиди, и докторъ сейчасъ поспѣшилъ ко мнѣ. А я въ это время крещусь и вздыхаю и закрываю глаза,— умирать собираюсь; только говорю: «Прости мнѣ, Господи Боже, прости мнѣ!» Тоска, тоска въ сердцѣ моемъ ужасная! Раскрою на минуту глаза и зову дѣвочку: «Дитя мое, дай еще водицы». Она даетъ и все плачетъ.

Пришелъ Вафиди и сейчасъ мнѣ помогъ, я даже до сихъ поръ удивляюсь его наукѣ и уму, а больше всего милости Божіей, надо такъ сказать. Какъ ты думаешь, чего онъ мнѣ далъ? Яичный бѣлокъ. Я пилъ при немъ и мнѣ легче стало. Приказалъ онъ еще, чтобы Саали съ нимъ въ городъ ѣхалъ и оттуда мнѣ лѣкарство прислалъ. А пока вся Халепна узнала, что я здѣсь лежу у Саали и что я отравился. Пришли нѣкоторыя женщины и ходили за мной. Богъ да хранитъ ихъ бѣдныхъ за это! Ни минуты я не былъ одинъ. «Хочешь того, Янаки? Хочешь этого, Полудаки?» И старики приходили, и молодые паликары халеппскіе, и священникъ отецъ Хрисанѳъ ходилъ исповѣдывалъ меня и говорилъ: «Съѣзди послѣ помолись въ монастыри св. Троицы и св. Яни, когда выздоровѣешь». Я скоро веселиться сталъ и всѣ люди мнѣ стали пріятны. Докторъ Вафиди говоритъ мнѣ: «Что, Янаки, я думаю, ты теперь какъ второй разъ на свѣтъ родился?» Правда, что второй разъ родился! Я его руку поцѣловалъ и очень низко ему поклонился и также какъ и попу все ему открылъ, изъза чего я принялъ ядъ.

Вафиди удивился и говоритъ:

— Вотъ молодость! Вотъ глупость! Не все ли одно, что Афродита, что Катинко, что Маригò?

Потомъ, когда онъ увидалъ, что я сталъ покойнѣе и

немного покрѣпче, онъ сталъ говорить, что мнѣ надо поскорѣй уѣхать отсюда подальше, а то меня схватятъ, когда узнаютъ въ городѣ, что я здѣсь. И разсказалъ мнѣ то же, что и Саали, что всѣ горожане за наши дѣла у Никифора въ домѣ противъ насъ разгнѣваны и въ Портѣ жалуются, говоря: «Это не жизнь, если сфакіотовъ не накажутъ!»

Я хотѣлъ ѣхать на другое же утро въ монастырь и потомъ еще дальше; но не позволилъ мнѣ Богъ исполнить этого.

Скоро узнали многіе и въ городѣ, что я у Саали живу, и о болѣзни моей и обо всемъ этомъ стали много разговаривать. Никифоръ Акостандудаки пошелъ къ Арифъ-бею, къ хозяину Саали, и говоритъ ему:

— Что же это у насъ, бей-эффенди мой, разбойничій притонъ Саали въ домѣ держитъ? А вы не знаете? Тамъ у васъ одинъ изъ погубителей дочери моей живетъ.

Бей на лошадь и пріѣзжаетъ. Я его никогда не видалъ и не узнаю, кто это. Вижу, пришелъ человѣкъ старый, сердитый, лицо красное какъ свекла и въ серебряныхъ очкахъ (этотъ бей былъ очень золъ и фанатикъ, въ 58 году при Вели-пашѣ и при Маврогени *) онъ возбуждалъ турокъ простыхъ противъ консуловъ, и Сами-паша его долго въ тюрьмѣ продержалъ за дерзости, которыя онъ французскому консулу сдѣлалъ). Такъ вотъ я сижу и вижу — входитъ сердитый старикъ этотъ. Я встаю и кланяюсь, а не знаю кто. Я еще слабъ былъ тогда, однако, кланяюсь. Саали не было въ комнатѣ.

А бей какъ закричитъ на меня: «Гяуръ разбойникъ! воръ! собака! Какъ ты смѣешь тутъ быть, въ моемъ домѣ! Саали! Саали, собачій сынъ... Гдѣ ты?» Саали пришелъ и упалъ ему въ ноги: «Прости, мой господинъ, я пожалѣлъ его!» А бей: «Хорошо!» ударилъ Саали въ лицо разъ, ударилъ другой. А я пошелъ и говорю (ужъ догадался я, что это хозяинъ): «Бей-эффенди, за что его бить, накажи меня; я виноватъ, а онъ правъ». Тутъ бей обернулся ко

*) Смотри повѣсть *Хамидъ и Маноли*, тамъ эти историческія событія описаны.

мнѣ и задрожалъ весь и вскрикнулъ на меня: «Ты бастардико *)! будешь указывать мнѣ тутъ? Ты гяуръ, собака, ты мальчишка гадкій». И меня и меня по лицу. А я еще былъ слабъ и со второго удара упалъ на полъ. Я думаю: «Что дѣлать! Не Сфакія наша вольная тутъ! И ножа моего теперь нѣтъ за поясомъ, и все оружіе далеко отъ меня, на стѣнкѣ виситъ! Терпѣніе!»

Бѣдная малютка арапочка одна только не испугалась Арифъ-бея; она схватила его за шальвары и стала просить:

— Эффенди! не бей больше Янаки моего! Эффенди! буду я на твои глазки радоваться—не бей его больше!

Старикъ пожалѣлъ дѣвочку и оставилъ меня, но сказалъ Саали такъ:

— Я тебѣ, старая собака, на этотъ разъ для души твоей дѣвочки и чтобъ она ѣла мой хлѣбъ это прощаю. А надо бы избить тебя крѣпко и прогнать!

Послѣ этого Арифъ-бей приказалъ Саали взять мое оружіе, которое висѣло на стѣнкѣ, посадить меня на осла и везти въ городъ. Онъ хотѣлъ, чтобъ я ѣхалъ на ослѣ со связанными руками; Икбаль опять начала просить его: «Не вяжи его, не вяжи!» И я сказалъ ему: «Не вяжите меня. Я боленъ и куда я отъ васъ двоихъ убѣгу!»

Но бей на это не согласился; руки мнѣ связали, и мы поѣхали въ городъ. Я ѣхалъ верхомъ на ослѣ; Саали, вооруженный моимъ оружіемъ, шелъ около меня, а бей самъ ѣхалъ за нами на конѣ шагомъ.

Встрѣчные люди кланялись бею, и съ нимъ онъ останавливался и разговаривалъ, хвастаясь, что поймалъ меня.

Однимъ онъ говорилъ такъ:

— Вотъ везу въ Порту одного изъ этихъ злодѣевъ, которые у Никифора дочь увезли. Вотъ безпорядокъ у насъ въ Критѣ какой!

А другимъ говорилъ:

— Это я къ пашѣ везу его; онъ изъ тѣхъ сфакіотовъ,

*) Незаконный сынъ, бранное слово.

которые дѣвицъ изъ домовъ похищаютъ. Хорошо бы повѣсить его для страха другимъ. Сегодня они изъ христіанскаго дома дѣвушку увезли; а что же они завтра въ нашемъ домѣ готовы сдѣлать!

Почти всѣ, и христіане, и турки, съ которыми Арифъ-бей говорилъ, хвалили его и льстили ему: «Такъ, бей-эффенди мой! такъ ихъ надо! будь живъ и здоровъ!»

И я думалъ опять, что я какъ сирота на этомъ свѣтѣ и что меня ни у насъ наверху, ни здѣсь внизу никто, даже вотъ... никто—кромѣ маленькой Икбаль не жалѣетъ!.. Маленькое дитя, какъ оно меня спасетъ и утѣшитъ?

Подъ самымъ городомъ Арифъ-бей поздоровался еще и заговорилъ съ однимъ старымъ туркомъ, Ахмедомъ, который продавалъ баранки. Этотъ старикъ Ахмедъ всегда почти сидѣлъ или лежалъ у дороги подъ стѣнкой и около него лотокъ съ баранками. Много онъ ходить не любилъ. Ноги у него были длинныя-предлинныя, сухія, босыя и черныя. И онъ вытягивалъ ихъ лежа на самую дорогу, такъ что народъ долженъ былъ иногда обходить ихъ... Мнѣ кажется, онъ для кареты самого паши не отодвинулъ бы ихъ. Одинъ только этотъ Ахмедъ Арифъ-бея не похвалилъ за то, что онъ меня поймалъ.

Бей поздоровался съ нимъ, и старикъ такъ полюбопытствовалъ посмотрѣть на меня, что даже всталъ, подошелъ къ намъ и спросилъ:

— Это кто такой и куда ты его везешь?

Арифъ-бей опять свое хвастовство.

— Это изъ тѣхъ сфакіотовъ... Я его такъ, я его этакъ!..

Но Ахмеду эта исторія не понравилась, и онъ съ пренебреженіемъ сказалъ:

— Удивляюсь я! Какая тебѣ нужда—это Никифорово дѣло!.. Одинъ невѣрный у другого невѣрнаго дочь силой взялъ! Не все ли намъ съ тобой равно, что свинья ѣстъ собаку или что собака ѣстъ свинью!

И ушелъ отъ насъ.

Такъ мы пріѣхали въ городъ; бей отдалъ меня подъ присмотръ офицеру въ караульню, а самъ поѣхалъ къ пашѣ.

Саали остался со мной въ каралульнѣ; ему все еще было жалко меня оставить и онъ поэтому не уходилъ отъ меня долго. Потомъ собрался уходить. Говоритъ мнѣ: «Прощай, Япаки!»

Я сказалъ ему тоже «прощай» и просилъ его извѣстить моего благодѣтеля доктора Вафиди, что меня схватили, и Саали обѣщалъ тотчасъ зайти къ нему.

Тогда я вдругъ вспомнилъ, что я всѣ деньги мои отдалъ маленькой Икбаль и что у меня теперь ничего съ собою нѣтъ и говорю Саали: «Саали, у тебя мои деньги, которыя я твоей дочери завѣщалъ, если умру. Теперь, когда помиловалъ меня Богъ, онѣ мнѣ нужны...» Деньги были съ нимъ. Онъ досталъ ихъ и отвѣчаетъ:

— Конечно, тебя Богъ помиловалъ... а не грѣхъ тебѣ будетъ ихъ назадъ у моей дочки взять?..

Мнѣ стало жалко и денегъ, и дѣвочки и его самого... И я не зналъ, что мнѣ дѣлать... Саали вынулъ деньги, и лицо его стало очень печально. Я взялъ ихъ и держалъ ихъ въ рукѣ. Потомъ подумалъ: «Какъ же я буду безъ денегъ въ тюрьмѣ? съ деньгами вездѣ облегченіе». А съ другой стороны, *душевное* дѣло не хотѣлось испортить. Поэтому я оставилъ у Саали только двѣ лиры изъ двадцати и сказалъ ему:—«Знаешь—тюрьма! А ты моли Бога, чтобъ я былъ здоровъ и чтобы меня скорѣй освободили. Тогда я дочкѣ твоей еще больше дамъ».

Аргиро̀ *перебивая.*—А послѣ далъ?

Яни *вздыхая и потупляя глаза.*—Забылъ!.. не далъ... забылъ, что̀ дѣлать!.. *еще разъ вздыхаетъ.* Надо бы это сдѣлать... грѣхъ... вѣдь грѣхъ, Аргиро̀?..

Аргиро̀ *пожимаетъ плечами съ недоумѣніемъ.* Мнѣ кажется, какъ-будто грѣхъ. Какъ знаешь...

Яни.—Вотъ теперь мы получили много денегъ, слава Богу, отчего же не послать, какъ ты думаешь? Я пошлю.

Аргиро̀ *измѣняясь немного въ лицѣ.*—Пошли, когда это для *души* обѣщано! Что̀ дѣлать! *поднимаетъ глаза печально къ небу и качаетъ головой.* Всесвятая Госпожа моя Богородица! что это, какъ въ этой человѣческой жизни

всe затрудненія! Правду, правду говорилъ всегда мой отецъ: «Суетный этотъ свѣтъ, суетный!» Много затрудненій! Э! пусть будетъ такъ! Говори, что было послѣ этого съ тобою?

XVIII.

Яни *продолжаетъ*. — Сидѣлъ я въ караулынѣ долго; наконецъ пришли за мной аскеры и чаушъ отъ паши и повели меня въ Порту.

Чаушъ, который велъ меня, былъ сердитый. Дорогой онъ спросилъ меня: «Какъ это ты сдѣлалъ, что укралъ изъ дома дѣвушку?» И когда я сказалъ ему, что объ этомъ я буду отвѣчать въ Портѣ и просилъ его оставить меня въ покоѣ, то онъ разсердился, выбранилъ меня и сказалъ: «Погоди, я тебѣ покажу сейчасъ одну хорошую вещь! Она какъ разъ для тебя, эта вещь».

И точно, только что мы поворотили въ одну улицу, я увидалъ вдругъ повѣшеннаго человѣка. Онъ былъ повѣшенъ просто на навѣсѣ одной лавочки около угла, надъ самою дорогой, и качался. Покачнулся онъ немного еще, и я увидалъ, что это черный арапъ! Ужаснулся я, и сердце мое задрожало; мнѣ вдругъ показалось, будто это бѣдный Саали и что пока я сидѣлъ въ караулынѣ его уже повѣсили за то, что онъ жалѣлъ меня и помогалъ мнѣ. И я не зналъ, что подумать мнѣ и чего ожидать для самого себя! Но тотчасъ же я понялъ, что это не Саали, а совсѣмъ другой арапъ. У Саали была небольшая сѣдая бородка, а у этого, у повѣшеннаго, не было бороды, и цвѣтомъ онъ былъ не такъ черенъ, какъ Саали.

Народу вокругъ было немного. Человѣка два аскеровъ караулили мертваго, дѣти какія-то смотрѣли и смѣялись. Лавочники сидѣли въ лавкахъ. Другіе люди проходили мимо.

Чаушъ остановился на минуту и началъ разговаривать съ другими аскерами. Я стоялъ. Въ это время подошло ко мнѣ нѣсколько христіанъ и одинъ изъ нихъ спросилъ:

— Ты ли это Яни Полудáки сфакіотъ? Не ты ли взятъ по дѣлу Никифора?

Я сказалъ: «да».

Тогда одинъ старый лавочникъ, очень чисто одѣтый, закричалъ на меня: «Негодяй! Хорошо сдѣлали, что поймали тебя! У меня тоже три дочери есть... у всякаго человѣка есть семья. Вотъ съ тобой что̀ надо сдѣлать за это!»

И онъ тоже указалъ на повѣшеннаго арапа. Я молчалъ; что̀ мнѣ было говорить!

Послѣ этого люди стали разговаривать между собою, и старый лавочникъ спросилъ у другого человѣка: «Кажется этотъ арапъ не здѣшній? Не тотъ ли это, изъ города Ираклiонъ, который старую турчанку убилъ?»

А другой человѣкъ отвѣчалъ:

— Кажется онъ оттуда... Я не знаю, за что́ его повѣсили. Его три года все судили и все не кончили дѣло, а новый паша кончилъ.

На это старикъ сказалъ:

— Пусть живетъ и здравствуетъ нашъ Халиль-паша. Онъ такой! Любитъ кончать дѣла.

Я все молчалъ и думалъ: «Видно Богъ спасъ меня отъ яда по милосердію Своему, чтобы мнѣ не отъ своей руки, а отъ турецкаго правительства умереть и чтобы не въ смертномъ грѣхѣ засталъ меня послѣдній часъ».

Этимъ я старался укрѣпить себѣ сердце; но все-таки было мнѣ очень страшно.

Когда чаушъ кончилъ свой разговоръ съ другимъ аскеромъ, то оборотился ко мнѣ и сказалъ съ насмѣшкой, указывая еще разъ на арапа:

— Видѣлъ ты это? Говори, собака, видѣлъ?

Я отвѣчаю: вижу.

— Гляди хорошо! Съ тобой слѣдуетъ это сдѣлать!

Такъ сказалъ чаушъ, а старый лавочникъ очень обрадовался и закричалъ чаушу:

— Прекрасно ты говоришь, ага мой, прекрасно. Дай Богъ тебѣ жить!

Привели меня послѣ этого въ конакъ паши и оставили

въ большихъ сѣняхъ. Народу въ этихъ сѣняхъ было довольно много; каждый пришелъ по дѣлу своему или по должности; одни сидѣли на полу съ прошеніями въ рукахъ; другіе стояли у стѣнокъ; иные ходили туда и сюда; солдаты, евреи, турки, греки, женщины... всякій народъ; и никому не было до меня нужды; всякій о себѣ думалъ. И я сѣлъ въ углу на полъ и сталъ тоже о себѣ думать.

«Неужели это въ самомъ дѣлѣ меня осудятъ на смерть? А братъ спасется и возьметъ богатую невѣсту и будетъ жить хорошо... И что же я сдѣлалъ, Боже мой, чтобы мнѣ во всемъ былъ такой дурной часъ и такое несчастіе?»

И я смотрѣлъ то на улицу, не идетъ ли Вафиди, чтобы спасти меня, то на всѣ двери по очереди—не шевелятся ли на нихъ занавѣски и не выходитъ ли кто-нибудь звать меня къ пашѣ. Думалъ я также, что Саали разсердился на меня за деньги и къ доктору не ходилъ. И я каялся, что мало оставилъ ему денегъ.

Законовъ я тогда хорошо не зналъ и не понималъ, могутъ ли меня повѣсить за похищеніе Афродиты или нѣтъ... И какіе законы у турокъ!.. Объ этихъ законахъ я даже и не думалъ тогда; мнѣ уже послѣ докторъ Вафиди объяснилъ, что за такое дѣло, какъ Никифорово, никто не повѣситъ, и смѣялся надъ моею неопытностью и страхомъ... А тогда почемъ я зналъ?.. И чаушъ, и бей, и старый лавочникъ, всѣ они знали дѣло лучше моего, всѣ годами были старше и всѣ пугали меня... И я имъ вѣрилъ и думалъ: «Вотъ паша и мусульманъ сталъ безъ пощады вѣшать... Онъ только сначала притворился смирнымъ. Что же ему стоитъ убить меня въ угоду городскимъ христіанамъ, какъ при Вели-пашѣ убили безъ суда на лѣстницѣ этого самаго конака молоденькаго грека въ угоду туркамъ».

Вафиди долго не шелъ. Я утомился, пересталъ отъ отчаянія думать и началъ уже дремать въ углу, какъ вдругъ на одной двери поднялась занавѣска и оттуда выскочилъ главный драгоманъ паши, старичокъ Михалаки Узунъ-Тома.

Я его видѣлъ еще прежде не разъ. Капитанъ Коста Ампеласъ ходилъ къ нему въ домъ по дѣламъ и своимъ

собственнымъ и сфакіотскимъ, когда пріѣзжалъ съ нами въ городъ. Онъ давно уже былъ драгоманомъ въ Критѣ и служилъ еще при прежнихъ пашахъ. Онъ былъ фанаріотъ, изъ хорошаго и стараго константинопольскаго рода. Человѣкъ очень воспитанный и добрый. У насъ всѣ почти его уважали и были довольны имъ. Только онъ былъ очень боязливъ и очень смѣшно было смотрѣть, какъ онъ хотѣлъ всѣмъ на свѣтѣ людямъ угодить. Ко всѣмъ все съ комплиментами и лестью. Самъ маленькій, худенькій, брови сѣдыя, пребольшія и прегустыя! Туда и сюда все припрыгиваетъ, все кланяется, все руку протягиваетъ, и большимъ людямъ и маленькимъ, все равно! Всѣмъ онъ «слуга», и по-турецки, и по-гречески, и по-французски. «Вашъ слуга!» направо, «вашъ слуга!» налѣво! «Дулосъ-сасъ, эфендимъ, дулосъ-сасъ». И по-французски такъ протяжно: «Serviteu-eu-eur!» Я по-французски вотъ и не знаю, а это слово мы всѣ запомнили: «serviteu-eu-eur!»

Подбѣжалъ ко мнѣ Узунъ-Тома и спрашиваетъ:

— Вѣдь это вы Яни Полудаки? Кажется я васъ видѣлъ съ капитаномъ Костой прежде еще?

Я всталъ, поклонился и отвѣчалъ почтительно:

— Да, это я, господинъ мой!

Узунъ-Тома вдругъ отскакиваетъ отъ меня, поднялъ руки кверху и ужаснулся:

— Боже мой! Боже! возможно ли это! Изъ почтеннаго дома похитить дѣвушку силой! Отца вязать! Ужасъ! Ужасъ!

Я молчу.

Онъ опять:

— Такой молодой! Дитя почти! Это ужасъ! Ужасъ!

Я опять, конечно, ничего ему на это не сказалъ; онъ помолчалъ, посмотрѣлъ на меня и такъ и этакъ, какъ-будто пожалѣлъ меня и говоритъ:

— Вы знаете, что подвергнетесь за это очень строгому наказанію?

А я отвѣчаю:

— Какъ будетъ угодно прежде всего Богу, а потомъ

господину нашему Халиль-пашѣ; я же надѣюсь на Бога и на добрыхъ людей.

Узунъ-Тома на это говоритъ:

— Что̀ тутъ могутъ добрые люди!

Въ это самое время, я вижу, входитъ Вафиди и прямо идетъ ко мнѣ. Я очень обрадовался и смотрѣлъ на него какъ маленькое дитя на отца своего.

Узунъ-Тома сейчасъ прыгнулъ къ нему: «Serviteu-eu-eur!» Они отошли отъ меня и стали тихо шептать что̀-то другъ другу.

Вижу я, они заспорили. То Вафиди топнетъ ногой и рукой махнетъ и опять говоритъ ему тихо; то Узумъ-Тома отъ доктора отскочитъ и опять къ нему подскочитъ и руки кверху подниметъ и, слышу я, опять онъ говоритъ: «ужасъ!»

Я жду, что̀ будетъ! Узунъ-Тома ушелъ. Вафиди подошелъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ такъ:

— Тебя позовутъ скоро къ самому пашѣ; смотри, не будь дуракомъ предъ нимъ. Имѣй обращеніе почтительное и умное; а главное говори ему всю правду; что̀ у тебя на сердцѣ есть, то и говори. Ему это понравится и онъ пожалѣетъ тебя. Онъ человѣкъ тонкій, и ты его ничѣмъ не обманешь, а веди себя предъ нимъ какъ доброе дитя... Это я, Вафиди, твой другъ, тебѣ, несчастный, говорю!..

Я благодарилъ доктора, но сказалъ ему такъ:

— Господинъ Вафиди! Вы, конечно, благодѣтель и жизни моей спаситель, и я долженъ теперь какъ рабъ повиноваться вамъ; только какъ же я буду все пашѣ разсказывать, если онъ меня о братѣ и о товарищахъ будетъ спрашивать? Развѣ я брату и своимъ сфакіотамъ не буду предателемъ?

— Что̀ имъ тамъ наверху могутъ сдѣлать!—говоритъ докторъ.—Они далеко! Попробуй твоего брата сюда привести! Не шутка! Ты по глупости самъ отдался. Такъ ты и думай только о себѣ, человѣче мой!.. И какое же предательство, когда и Никифоръ самъ, и Василій, слуга его, и служанка, всѣ васъ знаютъ и видѣли, кто ихъ вязалъ и кто что̀ дѣлалъ!.. Говори у паши все, что̀ тебѣ Богъ на сердце положитъ... Слушай ты меня, море!

Однако я еще думалъ и такъ и иначе, и говорю доктору довольно громко:

— Какъ же я это турку буду все открыто про своихъ говорить?

Я сказалъ это доктору и самъ испугался. У Вафиди вдругъ побѣднѣло лицо; онъ началъ оглядываться и потомъ сталъ смотрѣть на меня какъ звѣрь, молча поскрежеталъ зубами и сказалъ мнѣ тихонько: «оселъ! варваръ! фанатикъ! оселъ!» и, озираясь еще на меня съ великимъ гнѣвомъ, оставилъ меня одного.

Я понялъ, что сказалъ непристойную вещь, и гдѣ же — въ самой Портѣ! Положимъ, около насъ никого близко не было и сѣни были очень велики, но все-таки я очень глупо назвалъ пашу такъ грубо: турокъ!

Но что̀ дѣлать! И отъ болѣзни, и отъ печали и отъ боязни я совсѣмъ сталъ глупый.

Только что отошелъ отъ меня Вафиди, какъ пришелъ Узунъ-Тома звать меня къ самому пашѣ. Съ нами вошелъ еще одинъ вооруженный заптіе. Мы вошли и стали у дверей.

Узунъ-Тома тоже не двигался, стоялъ согнувшись, сложа руки напереди, и ожидалъ приказаній.

Паша сидѣлъ въ креслахъ около длиннаго дивана. На диванѣ около него было много бумагъ, а предъ нимъ стояло нѣсколько человѣкъ чиновниковъ и писцовъ.

Паша прикладывалъ печать къ каждой бумагѣ и отдавалъ писцамъ и чиновникамъ. Они кланялись и уходили.

Наконецъ паша обернулся въ нашу сторону и спросилъ у Михалаки Узунъ-Тома:

— Это онъ самый?

Узунъ-Тома сказалъ, что это я тотъ самый.

Паша не показалъ ничего, ни даже гнѣва, а сталъ опять смотрѣть и печатать бумаги. Потомъ онъ махнулъ рукой тѣмъ писцамъ, которые еще стояли тутъ, чтобъ они отошли въ сторону, и спросилъ у меня:

— Тебя какъ зовутъ?

Я говорю:

— Яни Полудаки, сфакіотъ.

Паша тогда сказалъ:

— Да! Я тебя гдѣ-то видалъ. Ты это увезъ дочь у Никифора Акостандудаки?

Я отвѣчаю:

— Мы, паша-эффенди мой, увезли.

— Кто мы?

Я, въ намѣреніи всю правду говорить ему по совѣту доктора, отвѣчаю такъ:

— Я съ братомъ моимъ Христо и съ товарищами.

Паша замолчалъ и опять началъ печатать бумаги и что-то-говорить по-турецки писарямъ. Потомъ, отпустивъ писарей, еще спросилъ меня:

— Зачѣмъ же ты уѣхалъ оттуда? Развѣ ты не для себя ее кралъ?

Я говорю:

— Для брата больше, для старшаго.

— А ее не перевѣнчали еще съ братомъ?

Я отвѣчаю:

— При мнѣ не вѣнчали, а безъ меня что было, не знаю.

— Отчего же ее не вѣнчали?

— Она не хотѣла.

Паша помолчалъ и спросилъ внимательно:

— Такъ ты говоришь, она не хотѣла? Почему же она не хотѣла? развѣ она не была съ вами въ соглашеніи?

Какъ только онъ спросилъ это такъ особенно и посмотрѣлъ на меня внимательно, я забылъ весь гнѣвъ мой и всю зависть мою и сейчасъ вспомнилъ только, что Христо мнѣ братъ, а это турокъ предо мной. Я подумалъ тотчасъ, какъ бы брату вреда больше не сдѣлать, и отвѣчаю не совсѣмъ ложь и не совсѣмъ правду:

— Не знаю этого; со мной и съ другими товарищами она не была въ соглашеніи, а съ братомъ моимъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ была въ тайномъ соглашеніи. Они говорили не разъ прежде между собою. Я ничего не знаю. Можетъ быть они и согласились.

Я очень стыдился и боялся, чтобы паша не сталъ меня объ отравѣ разспрашивать; однако, онъ не спросилъ объ

ней, слава Богу, ничего, а обернулся къ Михалаки Узунъ-Тому и приказалъ ему:

— Хорошо! велите пока отвести его въ тюрьму.

Тогда Узунъ-Тома подбѣжалъ къ пашѣ, началъ кланяться ему и присѣдать низко и руку къ фескѣ прикладывать, и улыбался и говорилъ на турецкомъ языкѣ жалобнымъ голосомъ.

Такъ какъ я, ты знаешь, по-турецки не говорю, то и понялъ только немного словъ... Слышалъ я «джуджукъ» (дитя) и потомъ «Вафиди, Вафиди!» И потомъ начиналъ Узунъ-Тома̀ шептать такъ тихо пашѣ, что ничего уже не было слышно. Паша все не гнѣвался ничуть, но подставлялъ ему ухо и разъ даже засмѣялся громко чему-то. А Узунъ-Тома̀ отскочилъ отъ него тогда отъ радости.

Послѣ этого паша сказалъ громко:

— Хорошо. Я велю. Уведите его.

Мы вышли въ сѣни съ заптіе, и я не зналъ, радоваться мнѣ или еще нѣтъ.

Докторъ Вафиди уже ждалъ меня за дверями и спросилъ:

— Э? Что̀ у васъ было?

Гнѣвъ его прошелъ. Но я самъ не понималъ еще, какъ паша рѣшилъ мое дѣло. Михалаки еще не выходилъ отъ него; поэтому я сказалъ доктору:

— Не знаю я еще ничего; а мнѣ кажется, что г. Михалаки Узунъ-Тома̀ просилъ за меня. Паша не былъ сердитъ и говорилъ со мной очень благородно.

Докторъ отвелъ меня послѣ этого еще подальше въ сторону и началъ усовѣщевать меня за мою грубость.

— Какъ же это можно (такъ онъ мнѣ сказалъ потихоньку) генералъ-губернатора и гдѣ же? *здѣсь* называть *туркомъ!* Турокъ... хотя бы и тихо... Мальчикъ ты умный, но этотъ анаѳемскій и ослиный фанатизмъ, который васъ одушевляетъ, портитъ всѣ дѣла на островѣ... Ты видишь, я зналъ, что все кончится для тебя хорошо. Эти ржавыя, старинныя идеи вашего молодечества надо бросить.

Я тутъ подумалъ про себя: «Что̀ же онъ самъ, Вафиди, хвалилъ наше молодечество, когда мы не побоялись украсть

со стола списокъ у такого сильнаго человѣка, какъ мсьё Аламберъ! Но, конечно, ничего ему объ этомъ не сказалъ».

Въ это самое время, пока мы съ докторомъ говорили, вдругъ началась въ сѣняхъ большая суета.

Выскочилъ отъ паши Михалаки, побѣжалъ въ другую дверь; оттуда опять назадъ къ пашѣ; прошелъ мимо насъ совсѣмъ блѣдный и не глядѣлъ даже на насъ съ докторомъ.

Вафиди къ нему:

— Постойте, постойте, киръ-Михалаки!

Куда! и не слышитъ.

Выбѣжалъ другой человѣкъ, кричитъ:

— Али-бея, Али-бея зовите!..

Али-бей, офицеръ, побѣжалъ къ пашѣ, побывъ немного у него, опять выбѣжалъ на лѣстницу, что-то сказалъ и назадъ опять. Какъ только онъ сказалъ что-то на лѣстницѣ, такъ сейчасъ забилъ на улицѣ барабанъ и заиграла музыка... Потомъ стала музыка удаляться, какъ-будто уходилъ полкъ... Люди побѣжали смотрѣть въ окно. Мы съ Вафиди слушали, и опять я началъ чего-то бояться. Вафиди говоритъ:

— Что такое это? Куда это полкъ идетъ? Не понимаю!

Тутъ вдругъ аскеръ поднялъ занавѣску, и вышелъ самъ Халиль-паша. На немъ была надѣта кривая сабля на золотомъ поясѣ, и онъ придерживалъ ее рукой. Все замолкло, утихло; кто сидѣлъ на полу, вскочилъ... Вафиди сейчасъ согнулся немного и сложилъ напередъ руки, и я сдѣлалъ такъ же.

— Али-бей!—сказалъ паша.

Али-бей подбѣжалъ.

Паша приказалъ ему что-то, и тотъ, поклонившись, хотѣлъ итти, но паша ему вслѣдъ сказалъ громко:

— Скорѣй! скорѣй! Сейчасъ!..

Али-бей пошелъ къ лѣстницѣ, а паша осмотрѣлъ всѣхъ кругомъ и позвалъ рукой насъ съ Вафиди. Мы подошли и стали передъ нимъ.

Тутъ одна женщина, христіанка, въ черной одеждѣ, бросилась къ нему изъ толпы съ бумагой въ рукѣ; упала на колѣни и закричала жалобно:

— Эффенди! Эффенди мой!

Но паша сказалъ ей строго:

— Подожди немного, встань...

И обернулся ко мнѣ.

— Вотъ, — сказалъ онъ мнѣ, — докторъ Вафиди желаетъ тебя взять на поруки къ себѣ въ домъ. По молодости твоей и по болѣзни я это позволяю. Иди. Но помни, что если ты убѣжишь куда-нибудь, то благодѣтель твой, докторъ Вафиди, за тебя, какъ поручитель, будетъ наказанъ. Иди!

Вафиди сдѣлалъ мнѣ знакъ глазами, показалъ глазами на полу паши... Я бросился и поцѣловалъ его полу. Тогда паша взялъ у женщины бумагу, положилъ ее себѣ въ карманъ и сказалъ:

— Успокойся... я твое дѣло знаю!

И ушелъ въ другую дверь.

Я радовался своей свободѣ, глядѣлъ на Вафиди и мнѣ хотѣлось плакать, такъ мнѣ было пріятно. А Вафиди ходилъ по сѣнямъ и все спрашивалъ у людей: «Что такое? куда паша ѣдетъ? Куда пошло войско?..» Люди говорили: «Кто знаетъ!» Онъ ходилъ туда-сюда, и я за нимъ молча ходилъ, какъ собачка.

Наконецъ, пришелъ опять Михалаки, блѣдный и какъ-будто испуганный, подошелъ къ намъ и прямо мнѣ шепчетъ, а не доктору.

— Вотъ вы съ братомъ какихъ дѣлъ надѣлали... паша съ войскомъ идетъ въ Сфакію... Съ утра одинъ батальонъ ушелъ... а теперь остальное войско ушло, и мы сейчасъ ѣдемъ... и я долженъ бросить жену и дѣтей и ѣхать въ это дикое страшное мѣсто... Это ужасъ!

Мы съ Вафиди оба не знали, что на это сказать, и молчали... Я вѣрить не хотѣлъ, что это правда... Когда же паша ходилъ въ Сфакію съ войскомъ и среди мирнаго времени, безъ всякаго возстанія и войны!..

Вафиди, наконецъ, сказалъ мнѣ:

— Что̀ дѣлать, пойдемъ, Яна̀ки, домой...

И мы пошли и всю дорогу ничего не говорили.

Какъ пришелъ я въ домъ къ доктору, какъ только поздоровался съ докторшей, такъ прислонился къ стѣнѣ и началъ горько стонать и плакать о несчастьѣ моей родины...

Докторша и докторъ старались утѣшить меня. Докторъ говорилъ:

— Сфакіоты не приготовлены. Никто не могъ ожидать, что паша туда съ войскомъ пойдетъ и потому защищаться оружіемъ они не будутъ и не будетъ пролитія крови. Ваши капитаны покорятся и заплатятъ подати, какъ и прочіе люди.

А докторша говоритъ:

— Не бойся, Яна̀ки, Халиль-паша человѣкъ не жестокій. Онъ у васъ никого убивать не будетъ. А только брата твоего схватятъ и Афродиту у него отнимутъ и отдадутъ отцу; а его въ цѣпяхъ въ тюрьму запрутъ за это. И будетъ это ему по заслугамъ! Онъ васъ всѣхъ запутать въ это худое дѣло. Я думаю, надо бы его помучить немного за это въ тюрьмѣ; поставить его въ тѣсный и темный шкапъ въ самыхъ тяжелыхъ цѣпяхъ, чтобъ онъ ложиться спать не могъ, и жаждой помучить его, или что-нибудь горячее ему привязывать подъ мышки... Ты, Яна̀ки мой бѣдный, я думаю, будешь радъ, что Афродита никому не достанется, если она тебя такъ огорчила, что ты даже черезъ нее отравился...

Но я на всѣ эти утѣшенія отвѣчалъ одно:

— Что̀ мнѣ братъ теперь и что́ мнѣ Афродита! Не прежде, а теперь мнѣ, окаянному и жалкому, нужно бы отравиться. Я плачу о родинѣ нашей, которой мы сдѣлали столько вреда!

И долго я плакалъ такъ и убивался, и докторъ съ докторшей долго не могли утѣшить меня.

Домъ Вафиди былъ на большой улицѣ, и скоро мимо насъ проѣхалъ самъ паша на конѣ и съ саблей на боку. За нимъ вели хорошаго осѣдланнаго мула для сфакіотскихъ дорогъ; ѣхали съ нимъ арнауты вооруженные, въ бѣлыхъ юбкахъ, и небольшой отрядъ кавалеріи. Ѣхалъ на мулѣ и Михалаки

Узунъ-Тома, согнувшись и вытянувъ шею, все такой же блѣдный и печальный. Онъ даже не посмотрѣлъ на окошко доктора,—такъ былъ испуганъ, что ему надо въ Сфакію ѣхать.

Докторъ съ женой смѣялись, глядя на него; но я уже не могъ тогда ничему въ свѣтѣ смѣяться!.. Такой дурной былъ для меня этотъ день, такой черный день!.. Никогда въ жизни моей я этотъ день не забуду!

XIX.

Послѣ этого я прожилъ въ домѣ доктора нѣсколько дней, все ожидая вѣстей изъ нашихъ горъ. Въ здоровьѣ я поправился, но все было мнѣ скучно, и я никого не хотѣлъ видѣть.

Вафиди и докторша все еще боялись, чтобъ я не убилъ себя опять; докторъ свои лѣкарства запиралъ въ шкапу отъ меня; а докторша все оружіе, которое у мужа въ домѣ было, куда-то спрятала. Докторша была очень добрая женщина и жалѣла меня какъ мать. Она, увидавъ, что у меня только съ собой одна рубашка, послала купить для меня еще три рубашки и за одеждой моею смотрѣла и разговорами пріятными старалась меня развеселить. Шутила о невѣстахъ:

— Постой, Янаки, я тебѣ невѣсту нашла! Имѣю въ виду одну прекрасную. Что Афродита!.. маленькая и блѣдная! Я тебѣ найду вотъ какую! кусокъ!.. жасминъ! голубочка! Съ ума ты сойдешь, когда ты увидишь ее.

Такъ шутила докторша, но меня ничто это не веселило, и я не хотѣлъ никого видѣть. Когда къ Вафиди приходили больные или друзья, я уходилъ въ дальнюю комнату и тамъ сидѣлъ одинъ. Я желалъ только одного—знать, что дѣлается у насъ наверху, и еще, скажу тебѣ, я очень часто вспоминалъ о Никифорѣ и жалѣлъ его. Я все вспоминалъ, какъ я вязалъ ему руки и ротъ. Какъ этотъ сильный и высокій человѣкъ испугался меня, мальчишки, и какъ онъ смиренно

и жалобно тогда сказалъ: Вяжи, вяжи меня, Янàки! Только мою бѣдную Афродиту не безчестите, прошу васъ!

Вотъ, думалъ я, гдѣ мой грѣхъ! Вотъ онъ гдѣ! Оттуда все мое горе и всѣ обиды!.. Когда бы этотъ человѣкъ простилъ мнѣ!..

Никифоръ былъ даже одинъ разъ въ домѣ у Вафиди въ эти дни, но я узналъ, что онъ приходилъ ссориться и укорять доктора, зачѣмъ онъ взялъ меня на поруки и освободилъ изъ тюрьмы; и говорилъ ему такъ: «Ты пристанодержатель разбойниковъ!» Видѣвъ его такую на меня злобу, и показаться ему не смѣлъ.

Изъ Сфакіи всѣ эти дни не было никакихъ извѣстій; наконецъ, пріѣхалъ оттуда въ Канею одинъ сосѣдъ нашъ, женатый человѣкъ, и жена его съ сестрой Смарагдой имѣла большую дружбу.

Я ему очень обрадовался, и онъ разсказалъ мнѣ, что̀ было безъ меня въ нашемъ домѣ.

Какъ только я уѣхалъ, пришло къ капитану Ампелàсу письмо отъ Никифора. Акостандудаки писалъ ему: «Это неправда, чтобы дочь моя согласилась съ этими негодяями». И всячески онъ поносилъ и капитана, стыдилъ и укорялъ. Съ нарочнымъ человѣкомъ послалъ изъ выкупа, какъ задатокъ 40.000 піастровъ, все золотыми лирами, обѣщалъ клятвенно гораздо больше, если нужно, и просилъ капитана во имя Божіе и въ знакъ старой дружбы освободить Афродиту изъ нашихъ рукъ и признавался въ письмѣ, что на распоряженіе начальства турецкаго онъ ничуть не надѣется. «Куда имъ изъ Сфакіи дочь мою достать!»

— Вотъ, (говорилъ мнѣ этотъ сосѣдъ) вооружилось нѣсколько человѣкъ и пошли въ вашъ домъ съ капитаномъ Кòста. Капитанъ говоритъ сестрѣ твоей Смарагдѣ: «Вызови брата». А братъ все съ Афродитой затворившись сидитъ. Какъ ты уѣхалъ, такъ больше у нихъ съ дѣвушкой дружбы стало (то-есть у Христо). Посланный отъ Никифора съ деньгами тоже самъ съ ними пришелъ. Когда Смарагда вошла и сказала брату объ этомъ, Христо сталъ блѣдный совсѣмъ. Товарищей тутъ цѣтъ; онъ одинъ!.. Что̀ дѣлать? Однако

онъ рѣшился и при сестрѣ схватилъ Афродиту за руку и говоритъ ей: «Слушай ты, Афродита! Я знаешь кто! Я Христо Полудаки, разбойникъ—вотъ кто я! Я живой не отдамся и тебя убью, если ты сама не откажешься съ ними отъ меня уйти. Скажи имъ такъ: Вотъ вамъ Христосъ, что меня отцу моему отвезетъ самъ Христо и больше никто! А я денегъ не возьму теперь отцовскихъ: я сказалъ, что я *тебя* хочу, и если ужъ я тебѣ далъ слово, что я тебѣ никакого зла дѣлать не буду и самъ отцу отвезу, такъ и ты меня несчастнаго не стыди и не позорь передъ людьми...» И за пистолетъ берется.

Афродита говоритъ: «Милый мой, я все сдѣлаю по-твоему, только не убивай ты ни меня, ни себя и ни въ кого не стрѣляй!..» Братъ твой согласился, и позвали всѣхъ и Никифорова человѣка въ ту комнату, гдѣ Христо съ Афродитой были вмѣстѣ. Говорили, говорили, часа три кричали и спорили. Христо стоитъ около нея съ оружіемъ въ рукахъ и кричитъ: «Не безчестите меня, оставьте! Это ея дѣло и мое. Я увезъ, я отвезу отцу, когда она прикажетъ». А она тоже: «Нѣтъ, ужъ лучше оставьте насъ съ нимъ, мы сами къ отцу поѣдемъ». И посланному отцовскому также сказала: «Оставь насъ, мы сами пріѣдемъ, и папаки моему доброму скажи, чтобъ онъ мнѣ простилъ. Деньги же Христо теперь не хочетъ». Капитанъ сказалъ: «Смотри, Христо, мы и тебя свяжемъ сейчасъ и ее силой возьмемъ». Но Афродита упала ему въ ноги и просила оставить Христо. Всѣ удивились и ушли. Человѣкъ Никифора съ деньгами уѣхалъ; а на другое утро, только солнце взошло, слышимъ, поетъ Иларіонъ уже вѣнчать ихъ пошелъ. Вотъ это дѣла!..

Когда сосѣдъ мнѣ сказалъ это, мнѣ опять стало очень больно и обидно, и я спросилъ: «Какъ же случилось это такъ, что Афродита вдругъ согласилась вѣнчаться?» Сосѣдъ сталъ смѣяться и говоритъ: — Сестра ваша Смарагда женѣ моей все разсказала. Что жъ! Все вмѣстѣ и вмѣстѣ цѣлый день... Одни и одни съ дѣвушкой цѣлую почти недѣлю... Надо думать, что онъ ей давно нравился, только она, или отъ гордости какой-нибудь, или противъ воли отца, вѣнчаться не

хотѣла. А когда онъ понемножку уговорилъ ее стать его возлюбленной... Что жъ ей было дѣлать? Она и сама тогда сказала: «Что жъ это? Надо за священникомъ ужъ послать...» Сестра вошла къ ней въ одно утро (потому что ужъ три послѣдніе дня сестра твоя не спала съ ней вмѣстѣ; Христо уговорилъ ее не ходить туда, да и Афродита перестала бояться). Сестра твоя входитъ къ ней поутру и говоритъ: «Доброе утро, Афродита моя, что подѣлываешь?» А та ей: «Что жъ мнѣ дѣлать! Я думаю, надо за священникомъ посылать скорѣе!.. Твой братъ заколдовалъ меня, и теперь мнѣ ужъ, Смарагда, придется просить его, чтобъ онъ взялъ меня въ жены и не обманулъ бы меня и не сказалъ бы мнѣ: ты безчестная теперь; я на тебѣ не женюсь». И стала опять плакать. А то все была довольно веселая всѣ эти дни. А Христо вошелъ и обрадовался.

— Бѣгу, бѣгу сейчасъ за попомъ, госпожа моя, и твои глазки цѣлую и ручки за честь, которую ты мнѣ дѣлаешь...

А она ему отвѣчаетъ: «Нѣтъ, мой Христо, не тебѣ теперь, а мнѣ ужъ надо твои руки цѣловать и господиномъ тебя называть. Ты теперь мнѣ глава, душенька мой... Пожалѣй ты меня...» А тотъ ужъ не слышитъ ничего, бѣжитъ за попомъ... А Смарагда отъ радости тутъ же къ намъ прибѣжала и все моей женѣ разсказала, вотъ такъ, какъ я тебѣ говорю.

Я сижу, слушаю сосѣда и думаю: «Постойте, анаоемскій вамъ часъ, Афродита и братъ мой! Теперь самъ паша пошелъ, разведутъ все-таки васъ. Никифоръ Акостандудаки человѣкъ сильный и богатый! Разведетъ дочь, и съ деньгами, все-таки, женихъ ей найдется».

И говорю сосѣду, какъ-будто жалѣя ихъ: «Не развели бы ихъ!» А сосѣдъ отвѣчаетъ: «Это, конечно, возможно». Онъ ушелъ, а я остался одинъ опять въ большой тоскѣ. Все было противно, точно я самъ былъ проклятый какой-нибудь. И даже стыдился попрежнему на людей смотрѣть, которые къ доктору въ домъ приходили.

Однако разъ доктора не было дома, я изъ своей комнаты слышу—въ пріемной докторша съ кѣмъ-то громко разговари-

ваетъ и какъ-будто споритъ. Подошелъ я къ двери, поглядѣлъ въ щель и вижу, кто-то сидитъ задомъ къ дверямъ на креслѣ; вижу только, что хорошо одѣтъ по-критски, въ тонкомъ, коричневомъ суклѣ, вижу высокую феску и красный кушакъ. Какъ-будто Никифоръ, а навѣрное не могу сказать. Когда я подумалъ, что это Никифоръ, мнѣ очень захотѣлось войти туда, помириться съ нимъ и попросить у него прощенія. Докторша говоритъ: «Это все благополучно кончится». А мужчина отвѣчаетъ ей (и тутъ я узналъ голосъ Никифора): «Хотѣлъ бы я и самъ хоть этого разбойника младшаго видѣть и спросить его что-нибудь, но боюсь взглянуть на него». Я тотчасъ вошелъ, поклонился ему и говорю: «Киръ-Никифорѐ, простите мнѣ во имя Божіе. Умоляю васъ! Я много виноватъ предъ вами, и я черезъ это уже былъ много наказанъ».

Такъ я сказалъ, но Никифоръ тотчасъ же вскочилъ съ кресла; лицо стало багровое, глаза ужасные, и онъ закричалъ: «Убійца! Злодѣй! Оскорбилъ ты меня... Меня! меня... Рогъ вязать... Дитя несмышленое и злое... За мое гостепріимство!..» Докторша говоритъ ему: «Успокойтесь! Спросите его, онъ всю правду скажетъ вамъ... Я вамъ говорила, и мужъ мой объяснялъ вамъ всю правду. Успокойтесь». Я стою передъ нимъ сложа руки, опустивъ глаза въ землю, и повторяю: «Простите мнѣ, киръ-Никифорѐ!» Онъ съ минуту тоже постоялъ предо мной и глядѣлъ на меня съ великимъ гнѣвомъ и молчалъ; потомъ вдругъ махнулъ рукой и закричалъ: «Нѣтъ! Нѣтъ! Я этого не могу имъ простить... Будь они прокляты, анаѳемы! Не могу, не могу!..» Закрылся руками и ушелъ.

А я говорю докторшѣ:—«Нѣтъ, кира моя, пока этотъ человѣкъ мнѣ не проститъ, и самъ Богъ не проститъ мнѣ...

XX.

Пока я жилъ у доктора, Халиль-паша кончалъ всѣ дѣла свои въ нашихъ Сфакіотскихъ горахъ. Люди, которые были при немъ, разсказывали, какъ онъ былъ веселъ и доволенъ,

что перессорилъ христіанъ другъ съ другомъ. Эти жалобы горожанъ на сфакіотовъ были ему великою радостью! «Христіанамъ же, мирнымъ торговцамъ, въ угоду онъ на сфакіотскихъ клефтовъ этихъ походомъ идетъ». Вотъ причина хорошая! Такъ онъ былъ веселъ, что надъ своимъ драгоманомъ, надъ этимъ бѣднымъ Михалаки, смѣялся и пугалъ его.

Говорятъ люди, онъ все спрашивалъ его:

— Господинъ Узунъ-Тома, какъ твое здоровье?

— Хорошо! паша эффендимъ! прекрасно!

А паша ему: «Я очень радъ, что тебѣ прекрасно! Погоди, еще лучше будетъ! Сфакіоты и въ древней Элладѣ вашей славились, какъ стрѣлки первые въ свѣтѣ. Тутъ каждый камень и каждый кустъ не то, что у насъ внизу камень и кустъ. Тутъ человѣкъ за каждымъ кустомъ и за камнемъ».

А Узунъ-Тома: «Долгъ мой, эффенди, долгъ!.. Гдѣ вы, тамъ и я долженъ за счастіе и блаженство считать быть съ вами!»

А паша ему: «Хорошо! Погоди, погоди! Ваши греки хуже черногорцевъ. Я все думаю, чтобы съ тобой не случилось того, что съ однимъ другомъ моимъ полковникомъ... Ему на войнѣ черногорцы носъ отрубили... И тебѣ отрубятъ, увидишь...» Тотъ все свое: «Долгъ, мой эффенди, долгъ!.. Что дѣлать!» И дрожитъ.

Такъ пугалъ Халиль-паша своего драгомана. Но самъ онъ былъ спокоенъ и зналъ, что дѣлать. Я говорилъ, что онъ былъ умнѣе и хитрѣе насъ! Увы!

Онъ все устроилъ, все приготовилъ и все сдѣлалъ скоро и неожиданно.

Какъ только Никифоръ Акостандудаки принесъ ему жалобу на насъ, онъ сказалъ ему: «Ты бы нашелъ себѣ и другихъ людей, которые бы тебя поддержали; больше будетъ жалобъ, больше наказанія. Только не медли».

Никифоръ въ гнѣвѣ на насъ великомъ тотчасъ набралъ много людей; одни тоже были обижены сфакіотами, а другіе предательствовали въ угоду Никифору и другимъ богатымъ людямъ.

Паша слушалъ ихъ, слушалъ и вдругъ приказалъ выступить войску небольшими отрядами въ наши горы. И никто не зналъ сначала, зачѣмъ идутъ и куда пошли войска. Самъ же съ небольшою стражей вслѣдъ за ними выѣхалъ, потомъ обогналъ пѣхоту и поѣхалъ смѣло впередъ съ одною этою стражей и чиновниками.

Разнеслась вездѣ вѣсть: «Паша въ Сфакію пошелъ!»

У насъ къ возстанію были не приготовлены. Люди побѣжали изъ жилищъ своихъ. Только немногіе оставались дома; однако вездѣ оставляли продовольствія для войска обильно; нарочно, чтобы покорность свою показать. Такой ужасъ напалъ на людей, что не понимали, что имъ дѣлать теперь.

Халиль-паша вездѣ, гдѣ останавливался и гдѣ видѣлъ хоть немногихъ людей, былъ съ ними очень милостивъ. И посылалъ тѣхъ людей, которыхъ видѣлъ, сказать другимъ: «Паша не войной идетъ, а только городскіе люди и христіане и турки всѣ жалуются на нестерпимые разбои ваши. Вотъ и Никифорову дочку силой у отца увезли изъ дома. Выдайте мнѣ вотъ тѣхъ и тѣхъ людей; приведите сами. Вы вѣдь подданные султана вѣрные и послушные». Тогда старшинамъ и капитанамъ было дѣлать нечего. Стали они брать людей и привозили ихъ къ пашѣ. Иные скрылись, а иные нѣтъ. Иные сами къ нему явились, чтобы краю не было чрезъ нихъ худа.

Паша никого изъ нихъ строго не наказалъ. У него хорошая политика, анаѳемскій часъ его! Ему нужно было показать только, что есть дорога въ Сфакію для умнаго человѣка.

Пришли поклониться ему всѣ капитаны. И Коста Ампеласъ. Съ ними же и братъ мой Христо и товарищи его пріѣхали. И Афродиту самое Халиль-паша приказалъ привезти къ себѣ. Привезли и ее вмѣстѣ съ братомъ; они уже были обвѣнчаны. Но брата, въ угоду пашѣ, привезли связаннаго; а она свободная ѣхала. Говорятъ, она упала въ ноги капитанамъ и просила мужа не связывать. Но Христо сказалъ: «Пусть свяжутъ. Все-таки я былъ не правъ!»

Когда ихъ привезли къ пашѣ, паша узналъ, что они уже

обвѣнчаны, онъ очень удивился и велѣлъ пригласить ее. Афродита поклонилась, стала у дверей и заплакала. Паша ужасно сталъ жалѣть ее и сказалъ ей: «Сядь, сядь. Не бойся, моя дочь. Я защитить тебя, а не вредить тебѣ пришелъ».

О дѣлѣ онъ у нея и не спрашивалъ сначала; а сталъ спрашивать, долго ли она въ Сирѣ была, чему училась, по-французски знаетъ ли. И когда она сказала, что не знаетъ, паша говоритъ: «И не надо, дочь моя, и не надо! мнѣ нравится, что ты такъ хорошо по-гречески говоришь. У васъ свой языкъ лучше всѣхъ!»

Потомъ, когда она успокоилась и стала смѣлѣе, паша сказалъ ей: «Не бойся, мы этихъ негодяевъ-мальчишекъ накажемъ и тебя къ отцу возвратимъ. И бракъ твой ни во что сочтется, потому что онъ насиліе... деспотъ-эфенди сейчасъ же разведетъ тебя. Такъ желалъ и отецъ твой. Онъ тебя съ нетерпѣніемъ ждетъ. И я обѣщалъ ему, что сейчасъ же тебя отправлю. Ты желаешь къ отцу?»

Афродита говоритъ: «желаю!»

Паша хотѣлъ уже отпустить ее и приказалъ старику-драгоману смотрѣть за ней и чтобы Смарагда наша была при ней. Но Афродита поклонилась и сказала ему со слезами: «Я васъ прошу, паша мой, я умоляю васъ, будьте такъ благоутробны, чтобы моего мужа не наказывали. Потому, что я во всемъ согласилась съ нимъ». Паша даже всталъ, говорятъ, съ мѣста отъ удивленія. «Вы развѣ любите этого негодяя?» спрашиваетъ. Она говоритъ: «Да! я его люблю, потому что онъ мнѣ мужъ!»

Паша говоритъ: «Это любопытно!» и велѣлъ ввести моего брата.

Когда же брата ввели, и онъ поклонился пашѣ и сталъ около нея рядомъ у дверей, паша осмотрѣлъ его всего и сказалъ только: «а!» и поглядѣлъ, говорятъ, на всѣхъ своихъ съ улыбкой и еще сказалъ: «а? господинъ Узунъ-Тома! что ты объ этомъ скажешь?»

— Какъ вы прикажете! — кинулся тотъ къ нему. Паша все улыбается: «я у тебя спрашиваю!» тогда Узунъ-Тома: «имѣетъ она основаніе, паша господинъ, имѣетъ основаніе!..»

— Вотъ и я то же думаю,—говоритъ паша,—что она имѣетъ основаніе...

А Узунъ-Тома́ все кланяется: «молодость, физическая вещь, эффендимъ! физическая вещь!» а паша ему еще: «вѣдь и у тебя есть дочка молодая... а если она убѣжитъ такъ?..»

— Нѣтъ,—говоритъ Узунъ-Тома́,—пока вы будете главный здѣсь, подобные безпорядки не повторятся. Вы въ страхъ и трепетъ привели уже однимъ мановеніемъ вашимъ весь островъ сей!..

Тогда паша приказалъ Афродиту вёзти все-таки къ отцу; а брату Христо сказалъ: «я тебя велю развязать, но ты тоже долженъ въ городъ ѣхать, и тамъ разберемъ ваше дѣло».

Капитаны, которые были въ гнѣвѣ на брата за все это, говорили пашѣ: «Прикажите въ цѣпи самыя тяжелыя его заковать! онъ уйдетъ».

Но паша сказалъ: «Нѣтъ, пусть такъ съ молодой женой вмѣстѣ ѣдетъ въ городъ. Вотъ она ему цѣпь. Онъ ее не оставитъ. Мы теперь съ вами поговоримъ».

Да! вотъ тутъ онъ началъ о томъ, зачѣмъ пріѣхалъ. И началъ рѣчь о податяхъ, и о порядкахъ и о покорности, чтобъ и они были такъ же, какъ другіе люди острова нашего.

Люди наши смирились и начали сбирать деньги... и собрали, а паша поѣхалъ домой...

Аргиро́. *задумывается.*—А потомъ?.. Какъ же ты увидался съ братомъ и съ Афродитой, и что вы другъ другу сказали, когда увидались?

Яни.—Потомъ... *молчитъ и вздыхаетъ*—оставимъ теперь это все, моя голубка, скучно мнѣ что-то.

Аргиро́ уходитъ въ домъ заниматься хозяйствомъ.

XXI.

Яни *одинъ сидитъ у дверей своихъ задумчиво.*—Анастасій Папада́ки говоритъ правду. «Вы съ братомъ, говоритъ онъ, все-таки вредъ родинѣ сдѣлали. Положимъ, что сфакіотовъ вашихъ тѣснить безпрестанно туркамъ не легко. Мѣсто ва-

ше слишкомъ недоступное. Однако ужъ и то дурно, что паша къ вамъ дорогу узналъ и съ тѣхъ поръ отъ времени до времени посѣщаетъ Сфакію и не боится. Вамъ съ братомъ Христо прежде всѣхъ надо за Критъ нашъ отдать и деньги и головы ваши!.. Теперь вы разбогатѣли». Да! «Будетъ у насъ скоро возстаніе», говоритъ онъ. Онъ прямо изъ Аѳинъ теперь и всѣ тайны знаетъ. Онъ хотя человѣкъ и простой, а умѣетъ, собака, дорогу ко всѣмъ великимъ людямъ находить, и Комундуроса знаетъ и Делгіяни и Цели-Георгія... Сколько разъ со старикомъ Булгарисомъ говорилъ... Конечно, это правда, долгая жизнь безъ войны, что это такое? Гнилая жизнь! Только вотъ Аргиро̀ оставить мнѣ теперь... Только что человѣкъ взялъ жену молодую, узналъ, что такое удовольствіе на этомъ свѣтѣ, что такое пріятная жизнь... Боже мой и Всесвятая! Это развѣ не рай, теперь моя жизнь... И деньги есть и все... Что дѣлать! Увы мнѣ! Увы мнѣ!!! Однако и то сказать. Первый я что ли пойду на войну отъ молодой жены!.. Развѣ это не стыдъ, сокрушаться? Развѣ съ войны люди домой не приходятъ? Любопытное дѣло, какъ это человѣкъ вдругъ всю смѣлость потерять можетъ... (*Достаетъ письмо Аѳродиты и перечитываетъ его.*) Аргиро̀ не стала дочитывать письмо. Она, бѣдняжечка, не такъ-то грамотна и тяготится долго читать рукописанія. Женщина, какъ только увидала, что ничего любовнаго нѣтъ, такъ и бросила: а тутъ есть нужныя вещи... (*читаетъ*):

«Любезный супругъ мой и братъ вашъ господинъ Христо братски лобзаетъ васъ и, отправляясь на время въ Аѳины, приказалъ мнѣ вамъ еще сказать, чтобы вы Анастасію Папада̀ки вѣрили во всемъ. Будьте спокойны: все готово для великой цѣли. Супругъ мой, подобно другимъ, исполнитъ свой долгъ для свободы и славы отчизны, и онъ надѣется что и вы, Іоанне, послѣдуете его примѣру!» (*Задумывается опять, потомъ встаетъ и дѣлаетъ рукой движеніе, какъ будто ятаганомъ.*) Разъ! два! Полетѣли головы турецкія... Хорошо говорилъ Никифоръ тогда о томъ черногорцѣ молодомъ, что дипломъ имѣлъ такой: «срубилъ уже пять турец-

кихъ головъ!» Я вѣдь и прежде всегда думалъ о томъ, какъ хорошо быть воиномъ и изо всѣхъ иконъ въ церкви мнѣ всегда больше всѣхъ нравилась икона Архистратига Михаила, воинъ молодой, въ латахъ и съ мечомъ въ рукѣ... (*Прицѣливается, какъ-будто у него въ рукахъ ружье.*) Разъ! Упалъ!.. «Браво тебѣ, Янаки нашъ Полудаки! Браво тебѣ! А ну-ка вотъ въ того, въ офицера помѣть... Сказано, стрѣлокъ сфакійскій... Разъ!.. Пропалъ офицеръ... Браво тебѣ, Полудаки. Что за золото у насъ сфакіоты, эти разбойники... Собаки дикія они всѣ... А лучше всѣхъ Полудаки!» Вотъ какъ надо... А жена здѣсь побудетъ съ своими родными... Конечно, жалко мнѣ! Что дѣлать! Я имѣю душу и люблю ее! (*Запѣваетъ унылую пѣсню.*

Аргиро̀ *выходитъ изъ дома, снова садится около него съ работой и опять проситъ докончить разсказъ.*—Мнѣ бы хотѣлось узнать, какъ вы съ Афродитой встрѣтились и что вамъ съ братомъ послѣ турки сдѣлали. Отчего тебя послали въ изгнаніе, а братъ въ Критѣ остался?

Яни. — Что такое Афродита! Я тебѣ скажу и объ этомъ, если хочешь, только это ничего не значитъ. Пустяки! Вотъ, когда ихъ привезли въ городъ, то разлучили тотчасъ же, Афродиту отвели прямо къ отцу, а брата въ тюрьму заперли. Никифоръ въ лавкѣ былъ, когда ему сказали, что дочь на мулѣ къ нему въ домъ прямо со старикомъ драгоманомъ проѣхала. Онъ, говорятъ, закричалъ отъ радости, заплакалъ, побѣжалъ по улицѣ, всю свою важность и гордость забылъ. Бѣжитъ по базару домой. Ничего не говоритъ, и слезы у него бѣгутъ, бѣгутъ по лицу... Такъ весь народъ его видѣлъ и жалѣлъ: «Вотъ какъ его эти разбойники мальчишки обидѣли! Глаза бы имъ вырвать надо!» А потомъ черезъ день, черезъ два люди другое заговорили. Всѣ узнали, что братъ уже обвѣнчанъ съ нею и что Никифоръ гнѣвается и старается развести ихъ. Всѣ стали говорить: «Вотъ глупый человѣкъ! На что жъ ему теперь дочь порочная? Зять хорошій молодецъ. Бракъ законный; попъ вѣнчалъ. Чего онъ теперь хочетъ, глупый?» Такъ перемѣнились у людей скоро мысли. Никифоръ не уступаетъ; къ пашѣ бѣжитъ,

къ епископу бѣжитъ, консуловъ иностранныхъ проситъ; паша говоритъ: «Мнѣ что! Это дѣло церкви. Я накажу за похищеніе и разбой, за безчинство вашего зятя». «Онъ мнѣ зять? Онъ!.. Онъ злодѣй мнѣ! Онъ побродяга!..» Паша еще прибавляетъ: «Вамъ, впрочемъ, господинъ Никифоре, это по заслугамъ. Зачѣмъ вы, горожанинъ мирный, такую тѣсную дружбу съ этими сорванцами горными водите». Идетъ Никифоръ къ епископу. А епископъ ему: «Бракъ твоей дочери по желанію ея состоялся. Оставь ужъ это; что Богъ сосдинилъ, людямъ зачѣмъ расторгать!» А дочь на колѣни предъ нимъ: «Папаки! папаки! Я не хочу разводиться съ Христо! Люблю его! Люблю всею душой!»—«Отчего ты его любишь, псица! Псица ты анаѳемская! Распутная! За что? Вѣдь братъ его, Яни, говорилъ доктору, что ты противу воли обвѣнчана, что ты все плакала и отказывалась».—«Лжетъ, папаки, Янаки братъ, лжетъ отъ зависти. Онъ самъ въ меня влюбленъ... Лжетъ онъ! Возьми, мой золотой папаки, Христо моего изъ тюрьмы»... «Такъ, значитъ, негодная дѣвчонка ты такая, твоего стараго отца, ты сама теперь говоришь, вязать приказывала? А, такъ ты говоришь! Прочь, прочь отъ меня!»—«Нѣтъ, говоритъ Афродита, пусть я пропаду и погибну сейчасъ, если я приказывала тебя вязать. Такой грѣхъ.... Богородица Госпожа моя! Развѣ можетъ дочь на такое дѣло согласиться?.. Это они сами сдѣлали». Никифоръ въ словахъ ея путался и не зналъ, что подумать. Истерзали этого человѣка въ тѣ дни... Туда, сюда его тиранятъ люди. Звѣрь былъ изъ себя и ростомъ и толщиной, похудѣлъ ужасно! Кричитъ: «Разведу ее! Разведу!» А епископъ не разводитъ: «Дочь сама желала!»

Пришелъ онъ къ доктору Вафиди при мнѣ, сѣлъ на диванъ, заплакалъ и говоритъ мнѣ: «Янаки, другимъ радость, а намъ съ тобой обида. Помиримся, мой сынъ! Поди сюда, обними меня. Ты чрезъ псицу эту, Афродиту мою, отравился и похудѣлъ, и я вотъ—смотри». И подсунулъ руку подъ жилетъ и показываетъ, какъ у него животъ уменьшился... Я хотѣлъ еще разъ ему въ ноги поклониться и сказалъ ему: «Меня, господинъ Никифоръ, Господь Богъ жестоко за

васъ наказалъ, но я васъ еще разъ прошу простить мнѣ». Онъ обнялъ меня и сказалъ: «Ты проще брата, видно, сердцемъ, Янаки мой». А жена доктора ему: «И тотъ хорошъ, киръ-Никифоре́, и Христо хорошій... Простите и его... Простите». И я говорю: «Простите брата.... Простите!» И докторъ къ нему: «Э! прости, прости, зять онъ тебѣ теперь... Да и герой онъ какой... Онъ у насъ, погоди еще, полководцемъ будетъ при случаѣ». Видишь, Вафиди даже бунтовщикомъ и патріотомъ ужаснымъ притворился, чтобы только помирить насъ всѣхъ и чтобы сказать что-нибудь въ угоду Никифору. А у меня отъ радости, что мнѣ Никифоръ простилъ, сердце смягчилось, и я кланяюсь ему и умоляю его:

— Вы, господинъ Никифоръ, не сами ли насъ хвалили и говорили прежде, что мы отечеству надежда... Не гордитесь же, что братъ не богатъ: онъ вамъ всячески заслужитъ за это послѣ...

Никифоръ смирился и сказалъ, что онъ приметъ брата. На другой день брата паша выпустилъ изъ тюрьмы часа на три, и онъ пошелъ къ тестю и къ молодой женѣ въ домъ. Пошелъ и я туда обнять брата и поздравить его. Пили мы всѣ тамъ вино. Афродита всю одежду и бѣлье на братѣ перемѣнила и сокрушалась, какъ это ему въ тюрьмѣ быть. Никифоръ какъ выпилъ и говоритъ дочери: «Ты, птичка моя, что смотришь? Поцѣлуй при мнѣ мужа». Они поцѣловались. Тогда Никифоръ топнулъ ногой и кричитъ:

— Извольте видѣть! Извольте видѣть разбойника! А, bastardico! И рукой своею еще придерживаетъ ее за шею... Э! ну, воля Божія... Что дѣлать!..

И всѣмъ была радость! Братъ, я видѣлъ, очень жалѣлъ меня; онъ обнималъ, и цѣловалъ и звалъ меня: «Янаки мой, сынъ мой! Я тебя не обижу и не забуду никогда!» И уходя опять въ тюрьму, приказалъ Афродитѣ посѣщать меня безъ него, и чтобы сдѣлала все, чтобы со мною примириться. Афродита приходила ко мнѣ съ большою роскошью: платье шелковое небеснаго цвѣта; шляпка бѣлая съ бѣлыми цвѣтами; зонтикъ съ бахромой; перчатки, благоуханія... Я ей

все такъ холодно! Она мнѣ ласково: «Янаки мой, Янаки мой!» А я ей угрюмо: «Кира моя, кира моя!» Непріятно мнѣ все-таки было ее видѣть. Такъ она и ушла. Помирились мы уже позднѣе. Наконецъ рѣшилъ паша нашу участь. Наши сфакіотскіе начальники были противу насъ за то, что Сфакія чрезъ насъ пострадала; а Никифоръ и городскіе люди теперь уже за насъ у паши старались, чтобъ облегчить намъ наказаніе. Паша рѣшилъ, чтобы всѣхъ насъ, которые помогали, меня, Антонаки и Маноли, въ изгнаніе отправить. А брата въ тюрьмѣ годъ строго продержать, чтобы въ дома не врывался для похищенія. Но была тутъ хитрость великая! Афродита сама, по совѣту отца, ходила просить нашу, чтобы брата не изгонять; и хотя повидимому наказаніе ему строже было, но ни въ шкапъ узкій никто его не ставилъ, какъ докторша тогда пугала, ни даже цѣпей никакихъ на него не надѣли, и мѣсяца не прошло, какъ взяли его сильные люди на поруки, и пошелъ опъ къ тестю въ домъ, и стали они жить прекрасно. Я собрался ѣхать въ Сиру и потомъ сюда, и Никифоръ самъ принесъ мнѣ на дорогу пятьдесятъ золотыхъ лиръ и сказалъ уже шутя: «Это братъ тебѣ твой посылаетъ за то, что ты ему разбойничать у меня въ домѣ пособлялъ и завязывалъ мнѣ ротъ, на здоровье тебѣ». Также и Антонаки и Маноли обоимъ братъ помогъ деньгами. Никифоръ ему все свое хозяйство поручилъ. Черезъ годъ, не больше, всѣхъ насъ простили; Антонаки и Маноли вернулись въ Критъ; а я остался здѣсь, и судьба мнѣ вышла здѣсь съ тобой... Вотъ твои глаза черные удержали тутъ меня. И съ тѣхъ поръ я и въ Критъ все не хотѣлъ... (*Останавливается и молча глядитъ пристально на Аргиро.*) Да! Я все не хотѣлъ... А теперь хочу...

Аргиро смотритъ на него вопросительно.

Яни.—Теперь опять хочу... (*Безпокойно взглядываетъ еще разъ на нее.*) Если будетъ возстаніе... пусти меня!..

Аргиро *опускаетъ глаза на работу.*—Иди!.. (*Начинаетъ потихоньку плакать.*)

Яни *взволнованнымъ голосомъ.*—А ты что будешь дѣлать, когда я буду сражаться?

Аргиро̀. — Я? *пожимая плечама.* Мнѣ что дѣлать одной безъ тебя! Я буду Богу молиться...

Стучатся въ дверь. Входитъ полный мужчина съ большими усами, Анастасій Пападаки, въ европейскомъ платьѣ, въ широкой шляпѣ, и говоритъ, обращаясь къ Яни и подавая ему бумагу съ величайшимъ энтузіазмомъ:

— Янаки! Читай! Пошло дѣло наше! Капитаны критскіе воззваніе къ оружію обнародовали... Zito!.. *Машетъ шляпой и обращается къ Аргиро̀ восторженно:* Не плачь, кира моя, не плачь... Будь Эллинидой крѣпкою!.. Положи себѣ сталь въ сердце твое!.. Мужъ твой вернется къ тебѣ героемъ, капитаномъ великимъ, кира моя! Не бойся, не бойся, милая дочка моя! Онъ вернется къ тебѣ, и ты сладкими поцѣлуями твоими смоешь съ рукъ его вражью турецкую кровь! Zito!

Аргиро̀ начинаетъ рыдать.

ДИТЯ ДУШИ*).

(СТАРИННАЯ ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.)

(1876 г.)

*) *Дитя души* — на Востокѣ значитъ пріемышъ, воспитанникъ, дитя не *тѣломъ рожденное*, а *душой принятое*, по душѣ признанное, а не по плоти; по-гречески — *псйхо пэдй*. Разсказъ этотъ основанъ на дѣйствительныхъ греческихъ или греко-молдавскихъ преданіяхъ, сообщенныхъ мнѣ однимъ придунайскимъ жителемъ.

I.

Жилъ мужъ съ женой.

Былъ у нихъ домикъ, былъ одинъ оселъ, одна корова, куры были, собака, кошка и больше ничего. Не было у нихъ и дѣтей.

Мужъ по чужимъ домамъ въ работу нанимался; рыбу ловилъ, людямъ помогалъ; уголь въ городъ привозилъ продавать на ослѣ. Жена рубашки ему ткала, домъ прибирала, пищу варила, коровой занималась, цыплятъ выводила.

Пока была у нихъ сила, они терпѣли и не плакали и даже пѣсни пѣли веселыя и одни и при людяхъ. Мужъ никогда не пьянствовалъ, но когда были лишнія деньги, онъ заходилъ въ кофейню и выпивалъ одну маленькую чашечку кофею и стаканъ холодной воды, съ людьми бесѣдовалъ благочестиво, и весело, и тихо и въ ссоры никогда не вступалъ, а напротивъ того, другихъ примирять старался. Звали его Христо. Жену его звали Христина и она тоже была женщина хорошая, какъ мужъ. Съ сосѣдками хоть и ссорилась, потому что была женщина, но все-таки ссорилась рѣдко, и сосѣдки ее любили...

Всѣ звали ее кира-Христина, хоть и знали, что она была бѣдна.

— Кира-Христина! Какъ здоровье твое? Что подѣлываешь? Бѣдная ты моя!

И Христо люди звали и на базарѣ и вездѣ:

— Добрый ты человѣче!.. Какъ время свое проводишь? Какъ живешь? Здоровъ ли ты? Жена твоя здорова ли?..

Однажды порубилъ Христо топоромъ ногу и долго лежалъ; а Христина простудилась и въ лихорадкѣ лежала. Жаркое было время; мухи ихъ въ бѣдной хатѣ тревожили. Мужъ лежитъ и жену жалѣетъ, а жена мужа. Мужъ не можетъ за лѣкаремъ сходить, чтобы жену полѣчилъ; жена разъ въ день едва до угла дойдетъ воды принести. Хлѣба имъ сосѣди давали.

Долго болѣли они. Слышитъ Христо, однажды ночью, что жена не спитъ, а молится. Сталъ онъ слушать, о чемъ она молится. И слышитъ, что она говоритъ Богу: «Господи Боже мой! Не послалъ Ты намъ богатства, мы работали и пѣсни пѣли, не плакали; послалъ Ты намъ болѣзни, мы на Тебя не роптали; пошли Ты намъ дитя, чтобъ оно кормило и поило насъ, когда мы постарѣемъ и изувѣчимся».

Тогда Христо сталъ смѣяться надъ ней и сказалъ:

— Мнѣ сорокъ лѣтъ, жена, а тебѣ тридцать пять; двадцать лѣтъ у насъ дѣтей не было, а теперь будутъ?

Христина разсердилась и сказала:

— Для Бога все возможно!

Пришелъ къ нимъ старый попъ, — посѣтитъ и утѣшитъ ихъ, и спросилъ у него бѣдный Христо: кто правѣе, онъ или жена?

А попъ ему:

— Жена правѣе. Для Бога все возможно; только не всякій чудесъ достоинъ! Вотъ наша бѣда!

Попъ ушелъ. А Христо сталъ послѣ этого скоро поправляться и началъ ходить на работу. Нога его зажила. Лихорадка тоже у Христины прошла, и она стала въ домѣ работать попрежнему. Только прежде она и за пряжей сидя и предъ печкой одна стоя все пѣла что-нибудь веселое; а теперь, какъ она останется, такъ молиться начнетъ: «Недостойна я, Боже мой, чтобъ утроба моя разверзлась и чтобы безплодіе мое прекратилось; ибо я исполнена всякія скверны и грѣха; но какъ Ты знаешь, такъ и устрой мое дѣло!»

Такъ ее священникъ научилъ.

Вотъ однажды слышитъ она, вечеромъ, что стучится мужъ, и она пошла отворить ему.

— Божій даръ! — сказалъ онъ улыбаясь и раскрылъ одежду; а тамъ дитя уснувшее — мальчикъ.

— Не тебѣ, а мнѣ Богъ послалъ его, — сказалъ ей Христо шутя; вошелъ въ домъ и положилъ дитя у очага на коврикѣ, а самъ досталъ изъ-за пазухи четыре прекрасныхъ цвѣтка: одинъ красный, одинъ бѣлый и два желтыхъ и положилъ ихъ на столъ. Жена на нихъ и не поглядѣла.

Дитя спитъ, а Христина плачетъ.

— О чемъ же ты плачешь, глупая, когда Богъ намъ послалъ то, о чемъ ты молилась?

Но она, хотя и занялась тотчасъ же младенцемъ, долго еще слезы утирала украдкой.

Мужъ ей говорилъ:

— Милая ты моя, ты вѣрно отъ радости плачешь?

А она ему:

— Да, киръ-Христо ты мой, я отъ радости плачу.

Понимала она, что это-то и было исполненіе ея молитвъ и что роптать ей не слѣдуетъ теперь; но все-таки ей было немного обидно, что это дитя не ея дитя родное, не ею рожденное, не въ ея утробѣ выношенное съ тяжкою болью. Женщина!

Ей бы нужно тотчасъ предъ иконой стать и благодарить Бога; а она и не молится, и на ребенка не смотритъ. Пошла за дверь и сѣла на камнѣ у порога; не хочетъ ничего видѣть. И мужу стало обидно, что онъ напрасно радовался и бѣжалъ почти къ ней съ младенцемъ; и онъ забылъ помолиться; надѣлъ башмаки опять и ушелъ изъ дома на весь вечеръ и дверью хлопнулъ.

Такъ Христина, по глупости своей, Божій даръ нехорошо приняла и мужа смутила и разстроила.

Сидѣла она на камнѣ у воротъ, однако, недолго. Ночь была хотя и лунная, но осенняя, скучная...и очень холодная; вѣтеръ сильный былъ, и листья шумѣли, и деревья качались предъ ней, и начала думать она, и сказала себѣ наконецъ: «Эти деревья качаютъ главами своими мнѣ въ

укоръ и насмѣшку: вотъ, говорятъ они, эта дура Христина, которой Богъ послалъ сына, и она оскорбляется и на дитя невинное и безродное смотрѣть, какъ псица злая, не хочетъ. Это такъ шепчутъ деревья эти страшныя и такъ они укоряютъ меня!..»

Возвратилась она въ комнату, зажгла огонь, и младенецъ проснулся на коврикѣ у горящаго очага.

Присѣла Христина на землю и стала на него смотрѣть пристально.

Мальчикъ не плачетъ и ничего не говоритъ. На видъ ему года два.

Глаза веселые, большіе-большіе, синіе, такіе синіе, какъ небо въ самый зной бываетъ, или какъ бирюзовый камень дорогой у богатыхъ людей на запястьяхъ и перстняхъ, или еще какъ цвѣтокъ рѣдкій. Посмотрѣла Христина послѣ глазъ на волосики мальчика; они какъ шелкъ темные или какъ соболиный мѣхъ на шубѣ царской, и курчавые, какъ у агнца молоденькаго. И лицо у мальчика здоровое и румяное, брови у него какъ шнурки темные, рѣсницы какъ черныя острыя стрѣлочки. Стала она уже любоваться на красоту младенца и развеселилась, и засмѣялась, и стала сама себѣ шутя говорить:

«Вотъ Господь Богъ-то знаетъ, кого посылаетъ... Я вѣдь такъ и молилась: какъ Ты знаешь, такъ и устрой мое дѣло... а не такъ, какъ я хочу. Намъ съ бѣднымъ Христо моимъ не родить бы такого красавца! И мы некрасивы, и дитя, отъ насъ рожденное, въ кого жъ бы вышло такое? Мужъ мой и смолоду, какъ сушеная рыбка, худой былъ и глазами коситъ немного; а я хоть получше его всегда была, а все не изъ первыхъ. Можетъ выйдетъ такой красоты молодецъ у насъ, такая картина и сокровище, что царскія дочери объ немъ убиваться станутъ... И женится онъ на богатой, если не на царевнѣ самой... И будетъ наша старость съ бѣднымъ Христо богатая, богатая, веселая и спокойная!..»

И задумалась она теперь уже совсѣмъ иначе. Стали ее мысли все веселыя. Стала она ребенка молокомъ и хлѣ-

бомъ кормить; воды нагрѣла, мыть его стала и радуется, что и дитя тихое и покорное, все глазками на нее глядитъ и не плачетъ; въ чистое бѣлье его одѣла и на коврѣ опять спать положила.

Мужъ утромъ вернулся и увидалъ, что жена уснула у очага и младенецъ около нея тихо спитъ. Онъ обрадовался и самъ легъ. И все-таки Бога не подумалъ поблагодарить; вечеромъ такъ же, какъ и жена, съ досады забылъ, а теперь отъ радости.

На другой день Христина вспомнила, когда мужъ ушелъ на работу, что она и не спросила у него, откуда онъ взялъ ребенка. Стала она объ этомъ тревожиться и сокрушаться и насилу-насилу мужа дождалась. Какъ только онъ пришелъ, она приступила къ нему:

— А я и не спросила тебя, гдѣ ты этого младенца нашелъ.

Христо говоритъ ей:

— Не спрашивай у меня объ этомъ никогда. Я долженъ открыть тебѣ это тогда, когда отъ вчерашняго дня пройдетъ восемнадцать лѣтъ и одинъ день. А до тѣхъ поръ на мнѣ лежитъ великая клятва. И я умру, если скажу объ этомъ кому-нибудь...

Христина оскорбилась, и любопытство, какъ червь, начало точить ея сердце.

— Чѣмъ же я хуже тебя предъ Богомъ и предъ людьми, что мнѣ нельзя того знать, что̀ ты знаешь? Не хуже я. Жена безъ мужа не бываетъ, да и мужъ безъ жены что̀ такое... Ты мужъ, а я жена.

— Не хуже ты меня, моя дорогая, предъ людьми. А предъ Господомъ Богомъ можетъ быть и несравненно меня ты честнѣе. Но вѣрь ты мнѣ, моя жемчужина драгоцѣнная, что если я тебѣ скажу это прежде восемнадцати лѣтъ и одного дня, то я сейчасъ же умру лютою смертью грѣшника, который клятву великую нарушилъ.

Такъ отвѣчалъ ей Христо, какъ мужъ разумный и добрый. А она все свое:

— Не знаю, отчего ты мнѣ этого открыть не хочешь! И почему ты не вѣришь мнѣ? Не знаю!

— Хочу, но смерти боюсь, — отвѣчалъ ей вздыхая мужъ.

И правда, зарокъ на немъ былъ великій и страшный. Но не вѣрила ему жена и знать не хотѣла о страхѣ его. Допустила она въ сердце свое злого духа, и началъ онъ, вселившись въ нее, искушать ее всячески. То думала она, что ребенокъ этотъ отъ какой-нибудь блудной и дурной женщины мужемъ прижитъ отъ нея тайно, и начинала она его вдругъ ненавидѣть; то думала, что хоть и не отъ мужа онъ въ грѣхѣ прижитъ, то по крайней мѣрѣ отъ худой какой-нибудь вѣтви происходитъ, и вотъ потому-то въ домъ ихъ раздоръ съ нимъ вмѣстѣ пришелъ. А иногда мерещилось ей, что дитя совсѣмъ даже не простое дитя, а страшное, не человѣческое.

Плачетъ дитя, ѣсть и пить проситъ; она пожалѣетъ, дастъ ему ѣсть и пить, а сама качаетъ головой и думаетъ: «сердитое дитя будетъ, безпокойное... Не отъ злой ли матери оно рождено на мое несчастье!..»

Тихо дитя, долго не плачетъ и все смѣется и на нее все глядитъ; станетъ ей страшно вдругъ, и она подумаетъ, «что дитя это не по-дѣтски смотритъ. Не человѣческое дитя. И плачетъ рѣдко. Нѣтъ ли тутъ чего-нибудь дурного?» И раскрывала волоски ему надо лбомъ, смотрѣла, не растутъ ли у него рожки. А когда ей опять этотъ вздоръ приходитъ на умъ, что это мужа ея незаконный ребенокъ, то входила она въ такую ярость, что невинную душу иногда погубить хотѣла. Либо задушить, либо утопить ребенка желала, либо думала: «Погоди ты, дитя анаѳемское, я тебя не буду кормить, и умрешь ты съ голоду, и мужъ не догадается; подумаетъ, что ты отъ болѣзни умеръ».

Такъ допустила въ душу свою злого духа добрая Христина. И мужу ея все это время было дома очень тяжело жить.

Съ горя онъ въ первый разъ въ жизни пить вина много сталъ, и хотя слишкомъ пьянъ не напивался, а все-таки денегъ трудовыхъ своихъ тяжкихъ сталъ больше на пустое тратить. Такъ и онъ подчинился грѣху больше противъ прежняго.

А съ женой все кротокъ былъ. И когда она его укоряла этимъ ребенкомъ и распутнымъ человѣкомъ его звала, и побродягой, и дуракомъ, Христо молчалъ и уходилъ изъ дома въ кофейню или кабакъ.

Испортилась вовсе ихъ благочестивая жизнь, и сосѣди корить ихъ начали и смѣялись надъ ними.

Придумала, наконецъ, Христина новую хитрость, чтобы мужа заставить себѣ тайну открыть и успокоиться.

Легла въ постель, не прядетъ и пищи не готовитъ, и за водой не ходитъ на фонтанъ и при мужѣ и ребенка не кормитъ, а потихоньку встанетъ безъ мужа и кормитъ дитя, все-таки жалѣетъ его.

Мужъ лѣкарей приводилъ, и съ сосѣдками совѣтовался, и хо́джу въ чалмѣ бѣлой приглашалъ, и хо́джу въ чалмѣ зеленой, и оба они надъ Христиной читали изъ Корана, и еще хуже ей стало. Не пьетъ, не ѣстъ и ни слова не говоритъ, и все стонетъ и стонетъ такъ жалобно, что Христо и слышать не могъ безъ слезъ.

Наконецъ промолвила она слово:

— Скажи мнѣ свою тайну; а если не скажешь, я завтра умру.

Пришли опять хо́джи: и тотъ, который въ бѣлой чалмѣ былъ, и тотъ, который былъ въ зеленой, и оба сказали: «умретъ, потому что безъ вѣры наши молитвы слушала».

Священникъ сказалъ:

— Умретъ, пожалуй, потому что отъ хо́джей приняла заклинанія. За мной не послала во время подобное!

Убивается Христо.

Послѣднія мѣдныя деньги, какія были, понесъ въ церковь, подошелъ къ образамъ, по три раза поклонился и по малой свѣчкѣ поставилъ, сколько было силъ. И опять по три раза поклонившись, изъ церкви домой вернулся. И открылись у него глаза и уши, и умъ просвѣтлѣлъ.

«Глупый я: изъ хитрости она притворилась, а я убиваюсь, плачу, а ее не побью. Палка, которая неразумныхъ наказываетъ и усмиряетъ, изъ райскаго сада, сказано, вы-

шла. Только надо бить не въ сердцахъ, а въ спокойствіи и съ разсудкомъ»...

Обрадовался Христо; взялъ палку и со скорбью, безъ гнѣва, но крѣпко прибилъ ею Христину, чтобы встала и не притворялась.

Начала плакать Христина какъ малое дитя предъ нимъ и просить его:

— Христо, мой золотой, душенька моя, никогда ты руки на меня не накладывалъ, прости ты меня и не бей больше.

И приказалъ онъ ей въ церковь пойти помолиться.

Христина взяла мальчика и пошла съ нимъ въ церковь, и поставила его предъ образомъ чудотворнымъ и сказала:

— Вотъ я умѣю пестрые прекрасные чулочки вязать зимніе, изъ разноцвѣтной и нелинючей шерсти пестрыми звѣздочками и цвѣточками. Буду я вязать теперь такіе чулочки и продавать ихъ буду и каждый годъ три раза ставить свѣчи въ ростъ этого младенца, котораго мнѣ Богъ послалъ. Теперь младенецъ еще малъ и свѣча въ его ростъ небольшая; а я потомъ каждый годъ прибавлять буду по росту его до тѣхъ поръ, пока онъ перестанетъ расти. Пусть только Богъ пошлетъ глазамъ моимъ силу и рукамъ проворство, чтобъ я могла вязать всегда эти прекрасные чулочки изъ нелинючихъ шерстей, разноцвѣтными звѣздочками и цвѣтками пестрыми.

Такъ молилась Христина и цѣлый золотой къ образу положила. Золотой этотъ ею давно спрятанъ былъ, и много нужды терпѣла она за все это время, а золотого не тратила, на случай своихъ желаемыхъ родовъ берегла. Теперь же отдала его и о своемъ собственномъ ребенкѣ перестала думать и успокоилась.

Съ этого дня отошелъ отъ нея злой духъ и опять возвратились къ нимъ въ домъ и молитва усердная, и здоровье, и смѣхъ безгрѣшный, и радость, и согласіе, и любовь... А бѣдны они были попрежнему и трудились. Мальчикъ же сталъ расти благополучно и съ каждымъ годомъ все становился умнѣе и красивѣе.

II.

Выросло, наконецъ, *дитя души* у Христо и Христины. Было ему уже около 20 лѣтъ, и перестала Христина вязать пестрые чулочки, и перестала ставить свѣчи во весь ростъ его.

Выросъ Пе́тро большой и сильный; выросъ онъ бѣлый и румяный, синеокій и чернобровый, выросъ добрый и умный.

Скажетъ ему Христо:

— Пе́тро! сынъ мой! поди сюда!

Пе́тро отвѣчаетъ:

— Прикажи, батюшка.

И когда Христо прикажетъ ему вмѣсто себя поработать пойти или зимой за угольями сходить съ осломъ, навьючить его и отвести въ городъ, Пе́тро поклонится и руку къ сердцу приложитъ и скажетъ:

— Сейчасъ, батюшка мой!

И головой такъ пріятно кивнетъ: «понимаю», значитъ, «и все съ радостью сдѣлаю!»

Скажетъ ему Христина:

— Пе́тро! сынъ мой, поди сюда!

Пе́тро отвѣчаетъ:

— Прикажи, матушка!

И когда Христина прикажетъ ему вмѣсто себя очагъ растопить, или за водой сходить, или корову загнать домой, Пе́тро поклонится ей и руку къ сердцу приложитъ и скажетъ:

— Сейчасъ, матушка! И головой такъ же, какъ и отцу и ей въ отвѣтъ такъ мило и внимательно склонится, чтобы показать ей радость свою и готовность, что Христина ужъ ему и словъ ласковыхъ не находитъ, а только вздохнетъ и перекрестится и подумаетъ:

«Прости Ты меня, Господи, грѣшную, что я такъ худо думала прежде о младенцѣ этомъ, который есть Твой даръ и Твоя милость къ намъ, несчастнымъ и бѣднымъ!»

И всякое благословенье было на дѣлахъ рукъ прекраснаго Пе́тро. Очагъ ли онъ топилъ, приклонившись къ землѣ, у материнскихъ ногъ, пылалъ огонь быстро и трескъ стоялъ по всей хаткѣ, и дымомъ не дымило въ глаза, и пламень къ небу рвался... Рыбу ли онъ вмѣсто отца съ рыбаками ловилъ, рыбаки боялись, чтобы сѣть не порвалась отъ множества рыбы, и шептали другъ другу:

— Не даромъ этого мальчика назвали Пе́тро; онъ, какъ Петръ апостолъ, рыбу ловить счастливъ!

За угольями ли поѣдетъ, уголь все крупный и чистый у него въ мѣшкахъ; за водой ли поѣдетъ, вода у него въ рукахъ и холоднѣе, и чище и слаще станетъ.

Другіе молодцы любили его за то, что силенъ былъ и ласковъ, и пѣсни пѣлъ хорошо, и плясалъ красиво по праздникамъ, и смѣлъ былъ, и борецъ онъ былъ страшный; никто съ нимъ бороться не могъ.

Какъ увидятъ его товарищи, всѣ смѣются отъ радости и говорятъ:

— Вотъ и Пе́тро идетъ къ намъ!

Любили его старцы и старицы за уваженіе и смиреніе предъ ними. Увидитъ старца — поклонится, къ рукѣ подойдетъ, и старушку увидитъ, тоже поклонится и къ рукѣ подойдетъ. Заговоритъ съ нимъ пожилой человѣкъ, онъ покраснѣетъ и глаза опуститъ, и руки спереди сложитъ; а самъ ничуть не боится и не теряется и все слышитъ, и все понимаетъ, и все исполняетъ, что̀ ему старшіе говорятъ. И когда отойдетъ Пе́тро отъ нихъ, всѣ старики и старухи про него такъ отзываются:

— Если краснѣетъ юноша предъ старшими, знай, что это хорошо. Это значитъ — онъ чувствуетъ все!

Сосѣдки молодыя кланялись ему и заговаривали съ нимъ, когда онъ проходилъ мимо; всѣ онѣ любили ему сказать: «Здравствуй, Пе́тро!» а самыя молодыя дѣвушки взглянуть на него прямо не смѣли, а изъ калиточекъ смотрѣли или изъ-за оконъ; а одна изъ нихъ, богатой матери дочь, какъ увидитъ, что онъ идетъ, тихонько отъ матери выбѣгаетъ или приподнимается на что-нибудь, встанетъ, чтобы черезъ

стѣнку взглянуть, или нагнется куда-нибудь, бѣжитъ, прячется, чтобъ изъ-за угла или въ щель на него порадоваться. А Пе́тро идетъ не смотритъ; а самъ все видитъ и про себя улыбается, и молчитъ, никому не признается, что онъ все понимаетъ.

Бѣдна одежда на немъ — шальвары простой абы, темной, изъ овчины, простой безрукавникъ, ветхій, отцовскій; но и въ убогой одеждѣ этой высится онъ между другими юношами кипарисомъ прямымъ и душистымъ между другими деревьями; а изъ-подъ бѣлаго валянаго колпачка, какъ грозді́я винограда полныя и какъ лозы гибкія, и какъ шелкъ мягчайшій, и какъ соболиный темный мѣхъ зимою на шубѣ царской, ниспадаютъ кудри его молодыя, длинныя, на широкія плечи. И руки его сильны и ловки, и поступь какъ у королевскаго сына, и ноги въ простыхъ кожаныхъ сандальяхъ, по колѣна нагія, красивы какъ столбы мраморные и какъ желѣзо крѣпки и быстры какъ стрѣла, которую мечетъ искусный генуэзскій стрѣлокъ или житель критскихъ снѣжныхъ вершинъ — сфакіотъ бѣлокурый.

Духовенство тоже восхваляло молодого Пе́тро. Онъ былъ благочестивъ, въ церковь часто ходилъ и отъ трудовъ своихъ удѣлялъ на храмъ и свѣчи къ иконамъ. Когда видѣлъ на дорогѣ попа или монаха, не медля подходилъ и цѣловалъ десницу его, говоря: «благослови, отче!»

И попы и монахи говорили съ нимъ любезно, подавая десницу, и звали его всегда: «благословенный нашъ Пе́тро». И радовались на благочестіе Пе́тро Христо и Христина.

Христина восклицала:

— Воистину отъ Бога намъ это дитя!

А мужъ отвѣчалъ ей:

— Я тебѣ говорилъ, что отъ Бога, а ты сердилась!

Христина иногда опять просила, чтобы Христо разсказалъ ей, какъ и гдѣ послалъ ему Богъ этого мальчика; но Христо отвѣчалъ ей:

— Глупая! помни, что не прошло еще́ сполна восемнадцать лѣтъ.

И Христина перестала просить, но ждала этого срока съ нетерпѣніемъ.

Пришелъ. наконецъ этотъ срокъ.

Однажды Пе́тро шелъ по улицѣ и увидалъ, что двѣ сосѣдки говорятъ между собою у воротъ. Когда онъ проходилъ мимо ихъ, одна изъ нихъ сказала другой:

— Вотъ идетъ этотъ Пе́тро, пріемышъ, котораго Христо, сосѣдъ нашъ, неизвѣстно откуда принесъ, восемнадцать лѣтъ тому назадъ.

Пе́тро огорчился, слыша такія слова; онъ до той минуты все думалъ, что Христо и Христина ему настоящіе отецъ и мать. И никто никогда не говорилъ ему, что онъ пріемышъ.

Онъ огорчился и, возвратившись домой, сталъ просить Христо и Христину сказать ему правду: сынъ ли онъ ихъ или нѣтъ?

Христо ужаснулся и, сочтя годы и мѣсяцы и дни въ умѣ своемъ, понялъ, что прошли тѣ восемнадцать лѣтъ, о которыхъ была столько разъ рѣчь у него съ женою и что въ этотъ самый день приходилась годовщина тому дню, когда онъ принесъ съ собою маленькаго Пе́тро.

Онъ велѣлъ женѣ и пріемышу сѣсть и, сѣвъ самъ противъ нихъ, сталъ разсказывать:

— Въ этотъ самый день, восемнадцать лѣтъ тому назадъ, возвращался я поздно вечеромъ домой. Уставши я былъ отъ работы, и хотѣлось мнѣ домой и не хотѣлось; зналъ я, что застану жену опять печальную и что денегъ не было ни піастра. Стемнѣло, когда проходилъ я по лѣсу, мимо пустынной церкви св. Николая; я остановился и помолился еще разъ, чтобы Богъ послалъ намъ сына на помощь въ старые годы, и какъ сталъ я спускаться съ осломъ моимъ послѣ этого подъ гору, такъ увидалъ я, что сидитъ въ сторонѣ на камнѣ старушка въ изодранной одеждѣ и держитъ на рукахъ ребенка и плачетъ надъ нимъ. Такъ какъ мѣсто это было очень дикое и отъ всякаго села далекое и время было вечернее, то я очень испугался и принялъ ее за видѣніе; оселъ мой тоже остановился и не

хотѣлъ итти. Я сказалъ тогда старушкѣ этой: «Добрая моя старуха, если ты человѣкъ живой, то скажи мнѣ слово какое-нибудь, а если ты не человѣкъ, то именемъ Господнимъ заклинаю тебя, исчезни и дай мнѣ пройти домой по этой узкой дорожкѣ». На это старушка отвѣчала мнѣ человѣческимъ голосомъ: «Я, господинъ Христо, человѣкъ такой же, какъ и ты, и вышла я сюда нарочно тебя ожидать». Я ужаснулся, слыша свое имя, еще больше потому, что старухи этой никогда не видалъ и не могъ понять, почему она знаетъ мое имя; такъ ужаснулся, что ноги и руки у меня задрожали. Тогда старушка сказала мнѣ: «Не бойся и выслушай меня. Была у меня шестнадцатилѣтняя внучка, прекрасная и скромная Севастица. Честнѣе и смиреннѣе моей Севастицы во всемъ сосѣдствѣ не было. Солнечный свѣтъ не видалъ ея, никогда она не гуляла, все дома трудилась и шила. Выдала я ее замужъ за хорошаго молодца, и родила она мнѣ черезъ годъ вотъ этого сиротку, котораго ты видишь, и мы жили прекрасно. Однако пришла буря и погибель моя, пришелъ черный день, и остались мы съ маленькимъ Пе́тро оба сиротами. Поссорился ея мужъ молодой съ другими людьми въ городѣ, и убили его, а внучка моя была въ тягости, и отъ испуга и жалости сама тотчасъ же скончалась. Вотъ ужъ тому годъ, какъ живу я такъ, и стала въ тягость всѣмъ людямъ и не знаю, чѣмъ прокормить младенца этого. Ему ужъ два года. Много я плакала, много людей просила, но не жалѣли меня люди; вздумала я помолиться Богу, и было мнѣ во снѣ видѣніе, и сказано мнѣ: Поди, старуха, и сядь подъ горку, съ которой узкая дорожка внизъ идетъ, отъ пустынной церкви св. Николая въ лѣсу, и когда увидишь ты человѣка съ осломъ, навьюченнымъ хворостомъ, и будетъ онъ спускаться съ этой горы, то ты сядь и заплачь и отдай ему ребенка, онъ и возьме́тъ. Зовутъ его Христо. А твои дни сочтены, старуха, и ты послѣ этого тотчасъ умрешь. И я очень рада разрѣшиться отъ бремени жизни, ибо мнѣ и хлѣбъ надоѣло ѣсть въ одиночествѣ, и жила я лишь для этого маленькаго Пе́тро, а когда ты возьмешь его, то умру

я въ ту же ночь. Такъ возьми же его, господинъ мой. Это дитя тебѣ отъ Бога и принесетъ тебѣ великое счастіе». Тогда я взялъ тебя, Пётро, отъ твоей бѣдной бабушки и, какъ ты спалъ, то и не замѣтилъ этого и не испугался. Она поклонилась мнѣ въ ноги; имени же своего сказать мнѣ не хотѣла. И такъ я ушелъ и унесъ тебя на рукахъ. А что все это была правда, и что она была человѣкъ живой, то это я знаю вотъ почему. Черезъ нѣсколько дней разсказали мнѣ люди изъ ближняго къ этому лѣсу села, что на томъ поворотѣ тропинки, о которомъ я говорилъ, они нашли умершую, какую-то чужую старушку, и отнесли къ себѣ въ село и по-христіански погребли ее.

Христо кончилъ. И Христина и Пётро плакали, слушая его разсказъ. И Христина сказала:

— А потомъ что̀ было? Куда жъ ты потомъ пошелъ?

Христо началъ было такъ:

— Оттуда я пошелъ, и ночь стала совсѣмъ темная. Какъ вдругъ... какъ вдругъ увидалъ я...

— Что̀ жъ ты увидалъ?—спросила жена съ любопытствомъ.

Христо смутился, а потомъ засмѣялся и сказалъ:

— Тебя увидалъ, домой пришелъ и его тебѣ отдалъ. Вотъ и все.

Христина тоже стала смѣяться и радоваться, глядя на Пётро, и удивлялась, про себя молча, какъ она молга прежде думать, что ея прекрасный воспитанникъ какое-нибудь не человѣческое, а худое дитя, что̀ и назвать страшно. Звала она себя дурой и радовалась тому, что Пётро былъ настоящее дитя души, дитя милосердія; и что имъ, людямъ бѣднымъ, пришлось оказать милосердіе другимъ, еще болѣе несчастнымъ, чѣмъ они сами.

Христина радовалась, но мужъ ея и Пётро были оба печальные и задумчивы.

Пётро, какъ узналъ, что они не родные ему отецъ и мать, а по милосердію столько лѣтъ кормили и ростили его, такъ сейчасъ и рѣшился на другой день отъ нихъ

уйти, чтобы заработать имъ, въ свою очередь, подъ старость хорошее пропитаніе.

А Христо былъ печаленъ, потому что зналъ, что Пе́тро на другой день уйдетъ, хотя Пе́тро ему этого и не говорилъ.

Пе́тро, на другой день вставъ, поклонился въ ноги своимъ воспитателямъ и сказалъ имъ:

— Не для того вы взяли меня и ростили, чтобы въ старости я васъ бѣ́дными видѣлъ. Благословите меня на дальнюю чужбину. Тамъ я либо погибну, либо богатыми васъ сдѣлаю.

Христина стала плакать и сказала ему:

— Зачѣмъ намъ богатство? Живи съ нами, Пе́тро; и когда мы очень постарѣемъ, ты насъ здѣсь простымъ хлѣбомъ прокормишь и простымъ виномъ напоишь.

Но мужъ сказалъ ей:

— Не удерживай его, Христина. Ему такъ написано—на чужбину уйти.

Тогда они приготовили ему пищу, для дороги, и Пе́тро, взявъ пищу и посохъ, ушелъ на чужбину.

III.

Когда Пе́тро ушелъ на чужбину и остались одни Христо и Христина, они много плакали и старались другъ друга утѣшить.

И Христо сказалъ ей:

— Пойдемъ, моя добрая жена, сядемъ у очага, и теперь-то я тебѣ́ открою ту великую тайну, которую ты такъ желала знать и о которой теперь совсѣмъ и забыла. Пока дитя души наше было здѣсь, я при немъ не могъ этого сказать. Не долженъ онъ этого знать. И оттого и тебѣ́ я не могъ прежде его ухода открыть эту тайну, чтобы ты не сказала ему по материнской любви. Когда покинулъ я съ великимъ сожалѣніемъ и страхомъ бѣ́дную бабушку Пе́тро на узкой тропинкѣ, стало въ лѣсу уже совсѣмъ темно.

И оселъ нашъ не зналъ куда итти, и я самъ шелъ съ великимъ страхомъ по дорогѣ, боясь оступиться и ушибить младенца, котораго послалъ намъ Господь. Ты знаешь, жена, какіе въ томъ лѣсу большіе и широкіе каштаны; шумъ и вѣтеръ отъ нихъ все усиливался, а ночь все чернѣла. Наконецъ показался мнѣ вдали небольшой огонекъ. Однако огонекъ этотъ былъ не похожъ на такой, какой виденъ ночью изъ человѣческаго жилья, а былъ онъ какой-то слишкомъ красный, такъ что я итти къ нему не желалъ. Но смотри ты, какое дѣло. Оселъ мой привелъ меня къ нему: по другой дорогѣ онъ не захотѣлъ итти. Какъ сталъ я подходить ближе — огонь этотъ все выросталъ, и, наконецъ, увидалъ я предъ собою прекрасную дверь, какъ бы изъ кристалла, багрянаго цвѣта. Сквозь нее, я видѣлъ, блистали несмѣтные огни. Что было дѣлать? Тутъ слышу я изнутри голосъ... голосъ самый пріятный и нѣжный, который говоритъ мнѣ ласково: «Взойди, Христо, не бойся». Коснулся я только двери, такъ она сейчасъ отворилась, и увидалъ я предъ собой, жена, большую храмину, такую богатую, изукрашенную и прекрасную, что я никогда такой не видалъ, да и вѣрно никогда не увижу. Скажу я тебѣ только, что она была многоцвѣтнѣе и изукрашеннѣе самыхъ дорогихъ иконостасовъ въ большихъ городскихъ церквахъ. И столбы меня окружали со всѣхъ сторонъ изъ разноцвѣтнаго мрамора, и не зналъ я, куда мнѣ между ними итти. Однако пошелъ прямо и прошелъ я нѣсколько такихъ покоевъ, одинъ прекраснѣе другого, и опять увидалъ другую дверь предъ собою, но эта была бѣлая какъ брилліантъ и вся она сіяла въ граненыхъ украшеніяхъ, но сквозь нее ничего не было видно, и опять раздался ласковый голосъ: «Не бойся, Христо, взойди». И опять едва я коснулся рукой этой двери, какъ она отворилась, и я взошелъ. И тутъ что увидалъ я, жена, то мнѣ разсказать тебѣ еще труднѣе, ибо первая храмина и другіе покои были подобны, хотя бы и царскому, но все-таки человѣческому жилищу. Здѣсь же было нѣчто вовсе иное, ни на жилище, ни на храмъ не похожее. Сказать тебѣ — похоже это было какъ бы на большой куполъ, опу-

щенный надъ самою землей и не слишкомъ обширно, но непостижимо и чудно. Какъ бываетъ въ тѣхъ пещерахъ, ты знаешь, въ которыхъ сверху просачивается вода и натекаетъ известь сосцами, и ты, стоя въ той пещерѣ, ничего не слышишь, только слышишь, какъ падаютъ сверху капли. Такъ съ этого чуднаго купола надъ бѣдною головой моей висѣли и сіяли, и сіяли, и свѣтились все сплошь драгоцѣнные камни, изумруды, яхонты алые и синіе, и зеленые смарагды, и алмазы чуднаго блеска разной величины и всякаго вида. Одни изъ нихъ спускались длинные, какъ острыя, длинныя льдинки, которыя въ морозные дни въ холодныхъ земляхъ на краяхъ крышъ натекаютъ; другіе были круглые, подобные женскимъ сосцамъ; а иные походили больше на вымя тучной коровы съ четырьмя сосцами. Благоуханіе въ пещерѣ той было необъяснимое, и по чемъ я ступалъ босыми ногами моими, я долго не могъ понять. Мягко оно было, какъ самый нѣжный коверъ, и свѣжо и пестро, какъ цвѣты, и все въ узорахъ, все въ узорахъ, но сыро оно какъ цвѣты не было, и, нагнувшись, увидалъ я, что это все были самыя нѣжныя и разноцвѣтныя перышки и пухъ разныхъ птичекъ, такихъ, какихъ мы съ тобой и не видали. И всѣ узоры были въ порядкѣ, какъ на коврѣ; гдѣ быть травѣ, тамъ перышки были зеленыя, а гдѣ цвѣтамъ — тамъ разноцвѣтныя. И ни одной лампады или другой свѣтильни, вѣрь мнѣ, жена моя, не было, однако все сіяло, какъ будто было много свѣчей. И вотъ чему удивишься ты, когда я скажу тебѣ, что смарагды, и яхонты алые, и алмазы таяли безпрестанно, капая сверху, и какъ только отдѣлялась капля отъ застывшаго камня, такъ становилась она яркою звѣздочкой, и огонь былъ такого же самаго цвѣта, какого былъ самъ камень. Такъ что вся пещера была наполнена какъ бы огненнымъ многоцвѣтнымъ дождемъ; и падая внизъ на коверъ, обращались эти звѣздочки, опять застывая, въ маленькія капли драгоцѣнной росы. Посредине пещеры стояло что-то, какъ золотой столикъ, и на столикѣ этомъ увидалъ я три кристальные сосуда. Въ одномъ изъ нихъ были большіе цвѣты пурпуровые — налѣво. Въ среднемъ сосудѣ цвѣты были

какъ червонцы золотые, желтые, а въ третьемъ, направо, были бѣлые и чистые какъ кринъ. Голосъ опять сказалъ: «Подойди!» Я сначала не зналъ, какъ итти мнѣ подъ этимъ огненнымъ дождемъ; держалъ крѣпко Пётро руками (а онъ все спалъ у меня подъ одеждой) и закрывалъ ему лицо, чтобъ его не обожгла какая-нибудь изъ этихъ звѣздочекъ. Однако, вспомнилъ я тотъ ласковый голосъ, который говорилъ мнѣ: взойди и не бойся, и подошелъ къ столу. И опять услыхалъ я тотъ же голосъ, и онъ сказалъ мнѣ вотъ что:

— Христо, добрый человѣкъ! Судьба младенца этого, Пётро, котораго тебѣ Богъ послалъ, теперь въ твоихъ рукахъ. Счастье людямъ бываетъ разное и разные бываютъ у нихъ грѣхи и пороки. Уйти ты отсюда не можешь, не взявъ цвѣтовъ изъ одного изъ этихъ сосудовъ. Если ты возьмешь цвѣты пурпуровые, которые похожи на молодую кровь, твоего Пётро будутъ любить всѣ женщины и жены молодыя, и дѣвушки, всѣ красавицы, и бѣдныя, и богатыя, и простыя, и изъ хорошихъ домовъ, и такія, что хлѣбъ свой трудомъ зарабатываютъ, и царскія дочери, что на золотѣ и серебрѣ ѣдятъ. Честныя за него честь свою захотятъ потерять, а развратныя развратъ оставить, чтобы его любви удостоиться. Такое ему будетъ счастье, если ты возьмешь пурпурный цвѣтъ. Если ты возьмешь изъ средняго сосуда желтый цвѣтокъ, подобный червонцамъ — богатство будетъ этому Пётро рѣкою литься безъ большого труда, и будутъ люди завидовать ему, но даже и ненавидящіе его за глаза — въ глаза будутъ льстить ему, ожидая отъ него помощи и даровъ. И будутъ и не любя исполнять, въ угоду ему, всѣ его желанія. Но бойся, чтобы не сталъ онъ сребролюбивъ и скупъ и безжалостенъ къ чужой бѣдности. Если ты возьмешь изъ средняго сосуда бѣлый цвѣтокъ, подобный крину, бѣлый и чистый, не будетъ Пётро ни на женщинъ счастливъ, ни богатъ; будетъ далекъ отъ всякаго плотскаго грѣха, будетъ твердъ какъ адамантъ и свободенъ отъ сребролюбія, чревоугодія, властолюбія; будетъ святымъ человѣкомъ въ этой жизни. Но бойся — и здѣсь для него скрытъ ядъ, непонятный твоей простотѣ. Ядъ этотъ не-

зримый зовется духовная гордость. Онъ можетъ счесть себя выше ангеловъ, людей другихъ будетъ судить безпощадно и душу свою не спасетъ на томъ свѣтѣ; ибо этотъ грѣхъ есть отецъ всѣхъ грѣховъ и чрезъ него въ міръ вошли другіе грѣхи». Переставъ тогда говорить голосъ, а я подумалъ: «Если я возьму красныхъ цвѣтовъ — будетъ Пётро буянъ и женолюбецъ, либо забудетъ насъ, либо его какой-нибудь ревнивый и гнѣвный мужъ убьетъ, заставъ его съ женой; а если я возьму только желтыхъ — будетъ онъ богатъ и скупъ и намъ помогать не будетъ, и будутъ его ненавидѣть всѣ люди; а если я возьму только бѣлыхъ, которые какъ душистый кринъ чисты, — тогда онъ будетъ скучать мірскою жизнью, уйдетъ далеко отъ насъ на Аѳонскую гору, либо въ Іерусалимъ или на пустынный Синай. И такъ какъ я тогда уже ободрился, то и взялъ, поразмысливъ, одинъ красный цвѣтокъ, одинъ бѣлый, а изъ средняго сосуда два желтыхъ вынулъ. И думалъ такъ: «Пусть его любятъ всѣ красивыя жены и дѣвушки; выйдетъ одна изъ нихъ и богатая, что̀ принесетъ ему за собой деньги большія. Чтобъ ихъ было побольше, я взялъ два желтыхъ цвѣтка. А бѣлый я взялъ, чтобъ онъ былъ воздержанъ, чтобы Бога и насъ помнилъ, чтобы блудной жизни не велъ, но чтобы въ честномъ бракѣ съ богатою и красивою дѣвушкой жизнь бы свою благочестиво прожилъ». И какъ взялъ я эти цвѣты—такъ опять услышалъ я голосъ: «Теперь ты можешь итти». И еще сказалъ голосъ: «Что̀ ты видѣлъ здѣсь и слышалъ, ты младенцу этого никогда открывать не долженъ; а женѣ можешь сказать отъ сегодняшняго дня чрезъ восемнадцать лѣтъ и одинъ день; иначе погибнешь ты лютою смертью». И растворилась предо мной сперва бѣлая, алмазная дверь, а потомъ, когда я прошелъ всѣ другіе разукрашенные покои и храмины, растворилась и красная дверь, и вышелъ я опять въ лѣсъ на холодный воздухъ. И скажу я тебѣ, жена, что когда я, вышедши изъ той пещеры, проходилъ по большимъ покоямъ, замѣтилъ я, что все рубище мое было покрыто многоцѣнными камнями отъ тѣхъ звѣздочекъ, что̀, падая внизъ, застывали яхонтами и смарагдами. Вспомнилъ я о

тебѣ, жена, и смѣялся и думалъ: вотъ я ей за одинъ разъ и сына и богатство несу; сынъ подъ рубищемъ скрытъ, а рубище подъ алмазами и смарагдами. А все-таки, скажу тебѣ, какъ вышелъ я на холодный воздухъ въ лѣсъ, такъ мнѣ стало легче. Вижу я—мѣсяцъ свѣтитъ, дорога къ нашему дому видна, оселъ нашъ травку щиплетъ, а каштаны кругомъ хоть и велики и шумятъ они сильно, только вовсе не страшно, а какъ всегда они шумятъ. Я перекрестился, а потомъ оглянулся назадъ на красную дверь, изъ которой вышелъ, и вижу: нѣтъ ничего — ни красной двери, ни пещеры, ни свѣта изъ нея. Поглядѣлъ я на мѣсячномъ свѣтѣ на одежду мою и провелъ по ней рукою, и осталась у меня на рукѣ простая роса. Но я, скажу тебѣ, жена, не опечалился, а вздохнувъ все-таки благодарилъ Бога и раскрылъ лицо младенца, чтобы поглядѣть на него; а онъ открылъ глаза и улыбнулся мнѣ. Тогда я опять запахнулъ его и пошелъ по дорогѣ домой съ осломъ и мальчикомъ. Вотъ какая это была великая тайна, а остальное ты знаешь сама. Ему же говорить этого не слѣдовало.

Христо кончилъ, а Христина обрадовалась и сказала:

— Слава Господу Богу! А это ты, Христо, хорошо сдѣлалъ, что два желтыхъ цвѣтка взялъ, а не одинъ. Все можетъ быть невѣста побогаче будетъ.

Больше они объ этомъ не говорили.

IV.

Много ли мало ли дней шелъ Пѣтро дорогой, только пришелъ онъ наконецъ въ большой городъ.

Домовъ было много—и высокихъ и небольшихъ, и богатыхъ, и бѣдныхъ, и новыхъ и старыхъ; сады и церкви были; въ лавкахъ купцы торговали. На базарѣ толпа толпилась. Пѣтро увидалъ въ толпѣ старика усатаго въ черной чалмѣ и одеждѣ хотя и изъ домашняго и толстаго сукна, изъ такой же *абы*, какую носили и Христо и онъ самъ, однако гораздо новѣе и цвѣтомъ темнѣе и лучше. Предъ стари-

комъ стояли два молодца, оба оборванные, и нанимались ему въ работники.

— Много ты, юнакъ, денегъ желаешь,— говорилъ старикъ одному молодцу.

— Нельзя меньше, господинъ Брайко,— отвѣчалъ ему молодецъ оборванный.— Работа у васъ трудна.

Старикъ сказалъ другому оборванцу:

— А ты, Стоянъ, что желаешь?

Сказалъ Стоянъ ему свою цѣну, и ее нашелъ старый Брайко не малою.

— Вы дорого просите,— сказалъ онъ и отвернулся отъ нихъ.

Тогда Пѣтро подошелъ къ старику и сказалъ ему, низко кланяясь:

— Возьми меня, чорбаджи, я не желаю многаго. У меня нѣтъ ни отца родного, ни матери; добрые люди, мужъ и жена, меня воспитали, но они старѣютъ уже, и я хочу теперь ихъ кормить. А цѣну ты самъ назначь, по твоей совѣсти и правдѣ. Потому что я вижу, что ты человѣкъ опытный и справедливый.

Понравился Пѣтро старому и скупому чорбаджи; понравился его низкій поклонъ и лицо молодое, какъ у дѣвушки чистое, и плечи широкія, и руки большія рабочія, и ноги могучія, и рѣчь его умная. А больше всего понравилось старику то, что онъ и справедливымъ его зоветъ, и цѣны не назначаетъ.

Онъ сказалъ Пѣтро:

— Пойдемъ со мной!

И отвелъ его съ собою за городъ въ село свое.

Село было богатое, и чорбаджи Брайко былъ самый богатый въ этомъ селѣ.

И Пѣтро началъ работать у него и пасти его овецъ, и тотчасъ же овцы въ стадѣ стали плодиться; за это хозяинъ полюбилъ его больше своихъ сыновей и сталъ думать, какъ за него дочь свою Раду замужъ отдать.

Рада была собою красива; годовъ ей было всего шестнадцать, и она была у отца уже всему дому хозяйка, такъ

какъ ея мать умерла давно. Трудилась она, работала цѣлый день, цѣлый день отцу съ братьями помогала. А въ праздничные дни, когда на ней былъ новый красный передникъ, на рукахъ серебряныя запястья и серебряное ожерелье на шеѣ, пряжки на поясѣ богатыя, изъ-подъ бѣлаго платочка на вискахъ розы или гвоздичка висѣли... Не могъ человѣкъ сказать, что̀ лучше: гвоздичка та или роза, или пряжки богатыя, или сама дѣвушка.

Хозяинъ сшилъ для Пѣтро новое платье, и Пѣтро въ праздникъ сталъ въ *коло* *) съ дѣвушками и молодцами плясать. Стали они съ Рàдой рядомъ не тотчасъ, — оба стыдились, — а потомъ какъ-то перемѣнили мѣста и, не глядя другъ на друга, положили другъ другу на плечи руки по обычаю круговой этой пляски. И какъ почувствовала только Рàда у себя на плечѣ тяжелую руку Пѣтро, сердце въ ней затрепетало все, и сказала она себѣ: «Вотъ это мужъ мнѣ!»

И долго они плясали рядомъ и не смотрѣли другъ на друга.

Старикъ же Брайко радовался на нихъ и думалъ о томъ, что у Пѣтро овцы плодятся.

И Пѣтро тогда думалъ: «Вотъ эта Рàда жена мнѣ видно будетъ. И овцы всѣ будутъ мои... Пусть онѣ плодятся...»

Но ошиблись Пѣтро и Рàда. Не была имъ судьба стать мужемъ и женой.

Напустилъ дьяволъ волковъ на овчарню хозяйскую; а Пѣтро и собаки спали, и съѣли волки много овецъ.

Разсердился Брайко, ударилъ Пѣтро за то, что спалъ и овецъ не уберегъ, и прогналъ его со стыдомъ. Когда же Пѣтро сказалъ ему о деньгахъ, Брайко отвѣчалъ ему:

— Глупый ты! Ты самъ сказалъ, что я человѣкъ справедливый; много овецъ ты мнѣ погубилъ въ одинъ мѣсяцъ, какія же я тебѣ деньги дамъ?

Ушелъ Пѣтро со слезами; жалко и стыдно ему было, что не успѣлъ онъ ничего для Христо и Христины заработать.

---

*) *Коло* — круговой славянскій танецъ.

Шелъ онъ два дня, на третій усталъ и сѣлъ на дорогѣ хлѣбъ ѣсть у фонтана...

Видитъ — ѣдетъ попъ простой, сельскій, на мулѣ. Подъѣхалъ къ фонтану и сталъ мула поить.

Пѣтро помогъ попу напоить мула и поцѣловалъ его десницу. Попъ спросилъ у него:

— Откуда ты, дитя, куда идешь и отчего ты печаленъ?

Пѣтро разсказалъ ему, какъ онъ служилъ у чорбаджи Брайко и какъ чорбаджи обидѣлъ и прогналъ его.

Попъ пожалѣлъ его и сказалъ ему:

— Пойдемъ со мной; я возьму тебя при церкви крахтомъ кандильанафтомъ служить; будешь свѣчи и кадила зажигать; будешь до свѣта людей къ утрени и литургіи будить, стуча въ двери скобкою желѣзной съ фонаремъ. И благословитъ Богъ всѣ твои начинанія. А отъ меня за то будешь ты долю отъ требъ получать. И когда я пойду перваго числа каждаго мѣсяца по домамъ святить со святою водой и миртовою связкой кропить буду всѣ стѣны у христіанъ, ты понесешь за мной чашу съ освященною водой, и со всего, что опустятъ въ эту воду христіане, я буду тебѣ десятую долю давать: съ десяти піастровъ одинъ піастръ и съ пяти піастровъ половина піастра и съ одного піастра десятую его часть, четыре пары. А имя мнѣ попъ Георгій.

Пѣтро пошелъ къ попу Георгію и сталъ служить у него при церкви.

Прослужилъ Пѣтро крахтомъ кандильанафтомъ мѣсяцъ у попа. Не проспалъ ни разу времени; вставалъ до свѣту и съ фонаремъ въ рукѣ и по дождю и по снѣгу зимою, темною ночью, обходилъ улицы и будилъ христіанъ, стуча скобкой въ дверь и восклицая пріятнымъ голосомъ:

— Пожалуйте въ церковь.

И христіане вставали и говорили другъ другу:

— Хорошаго крахта кандильанафта отыскалъ попъ намъ. И зоветъ онъ людей пріятнымъ голосомъ.

Въ церкви Пѣтро, потупивъ очи, возжигалъ лампады и свѣчи и снова гасилъ ихъ, обходя иконы поочереди и ни

на кого не глядя. Свѣчу предъ Св. Дарами (когда священникъ выносилъ ихъ, выходя изъ сѣверныхъ дверей и вступая въ царскія) Пѣтро несъ хорошо, пятясь бережно задомъ все время, и кадилъ Дарамъ, и всегда осторожно обходилъ больныхъ дѣтей, которыхъ матери клали на дорогѣ священнику, чтобъ онъ перешагнулъ черезъ нихъ со Св. Дарами. Люди сельскіе, даже и такіе, которые въ городахъ бывали и службу епископскую видѣли, часто хвалили Пѣтро.

И женскій полъ изъ-за рѣшетокъ съ хоръ высокихъ смотрѣлъ невидимо на Пѣтро и говорилъ про него одобрительно.

Были и тутъ Пѣтро соблазны.

Пришла къ нему однажды худая женщина и сказала ему:

— Пѣтро, прекрасный Пѣтро! Ждетъ тебя этимъ вечеромъ и этою ночью тебя ожидаетъ Маригò, молодая жена *кафеджи* *) нашего. Кафеджи по дѣлу въ дальній городъ уѣхалъ, и надѣла она, чтобы принять тебя, шелковую голубую юбку съ золотою бахромой вокругъ и на головку безумную повязала платочекъ розовый, искусными шелковыми цвѣточками обшитый, цареградской работы. Такіе платочки фанаріотскія госпожи и купчихи богатѣйшія носятъ.

А Пѣтро отвѣтилъ на это ей грозно:

— Иди ты прочь отъ меня, худая ты женщина! Не нужна мнѣ ни кафеджидина, не нужна мнѣ и юбка ея голубая, ни платочекъ цареградскій, ни красота мнѣ ея не нужна. Я не гляжу на дѣвицъ и женщинъ; я крахтъ и кандильщафтъ цѣломудренный, при Божьемъ храмѣ служу и обхожу почью всѣ улицы съ фонаремъ въ рукѣ, чтобы христіанъ звать въ церковь, стуча скобкою желѣзной въ дверь и восклицая пріятнымъ голосомъ: «Пожалуйте въ церковь!» И думаю лишь о томъ, какъ послѣ перваго числа мѣсяца мы съ попомъ пойдемъ по домамъ святить со святою водой и какъ я получу десятую часть со всего, что̀ положатъ христіане

*) *Кафеджи* — содержатель кофейни.

въ чашечку, которую я буду въ рукѣ держать, пока попъ Георгій будетъ миртовою вѣточкой стѣны жилищъ христіанскихъ кропить. И ото всего прибытка моего я буду посылать воспитателю моему Христо и женѣ его Христинѣ ровно половину.

Женщина ушла и больше его не безпокоила и не искушала.

И посчастливилось Пѣтро въ первое число наставшаго мѣсяца.

Пошли они по домамъ святить съ попомъ Георгіемъ.

Пришли къ одному — двѣ пары дали; къ другому — два піастра; а къ третьему и богатому — и этотъ большой бѣлый талеръ со звономъ и съ гордостью бросилъ имъ въ чашу. Пришли, наконецъ, къ скупому человѣку. Кропилъ попъ и подалъ ему крестъ и десницу для поцѣлуя. Скупой человѣкъ поцѣловалъ крестъ и десницу попа, поклонился и сказалъ имъ: «Добрый часъ вамъ, идите по добру. А денегъ я тебѣ, попъ Георгій, не дамъ сегодня, потому что ты не любишь меня и не такъ, какъ у другихъ людей, кропишь. У другихъ все мокро по стѣнамъ, а у насъ ты едва брызнулъ отъ ненависти твоей ко мнѣ, чтобы не было мнѣ здоровья и прибыли».

Попъ Георгій сталъ спорить.

А скупой хозяинъ, взявъ толстую палку, сказалъ ему:

—Я тебя, если ты не замолчишь, по головѣ этою палкой ударю такъ, что ты и живъ едва будешь!

Пѣтро же, поставя бережно чашу со святою водой на землю, взялъ за руку оскорбителя и палку ему сломилъ и, поваливъ его на землю, сказалъ:

— Сейчасъ дай двѣ лиры золотыхъ, злой человѣкъ, священнику за труды, иначе я тебя убью какъ собаку.

Испугался скупой хозяинъ и далъ двѣ лиры. Такъ посчастливилось Пѣтро въ первый же мѣсяцъ. Отдалъ ему попъ Георгій десятую часть со всего, съ двухъ паръ, и съ двухъ піастровъ, и съ серебрянаго талера, и съ двухъ золотыхъ лиръ. А Пѣтро сейчасъ же половину всего отправилъ Христо и Христинѣ съ вѣрнымъ человѣкомъ, по обѣщанью.

Всѣ люди хвалили Пѣтро за то, что старца своего защитилъ и оскорбителя наказалъ, и попъ Георгій полюбилъ Пѣтро сильно и сказалъ ему: «Я тебѣ теперь пятую часть, а не десятую буду со всего отдавать и желаю, чтобы ты вмѣсто сына былъ при мнѣ, пока я жизнь кончу. Я старъ и вдовъ и дѣтей не имѣю, и домъ мой, и мула моего, и овецъ, и посуду всю, и одежду я тебѣ завѣщаю; ты тогда продашь все это и возвратишься къ своимъ».

Но не была судьба Пѣтро и у попа долго жить.

Пришелъ однажды въ село янычаръ ужасный. Колпакъ на немъ былъ красный съ хвостомъ краснымъ же сзади; и руки обнажены выше локтя, и взоръ страшный, и усы длинные, и за поясомъ золотымъ у него былъ ножъ дамасскій драгоцѣнный, и за плечами два страшныхъ крыла какъ у дракона.

Сталъ онъ надъ христіанами издѣваться; и въ церковь взошелъ и воскликнулъ: «О, идолопоклонники вы невѣрные! Вы иконамъ поклоняетесь писанымъ».

Подошелъ онъ къ иконамъ и сталъ концомъ ятагана своего глаза святымъ выкалывать, чтобъ они на людей не глядѣли, чтобы хоть какъ-нибудь христіанскую святыню оскорбить и унизить.

Не стерпѣлъ поруганія Пѣтро и ударилъ его прежде по рукѣ такъ сильно и неожиданно, что дамасскій острый ятаганъ, золотомъ испещренный, вылетѣлъ изъ злодѣйской руки и далеко упалъ, звеня, на каменный полъ. А потомъ (когда страшный янычаръ къ нему, угрожая, лицомъ обернулся) вытянулъ онъ вдругъ руку свою ладонью вверхъ и прямо подъ сердце, въ животъ поверхъ пояса угодилъ янычару такъ, что рука его вся по локоть въ животъ янычару вошла, и упалъ янычаръ съ воплемъ предсмертнымъ навзничь и затылкомъ ударился о камень. А Пѣтро изъ растерзанной груди его вынулъ окровавленную руку и лизнулъ немного крови врага, чтобъ ободриться и не потерять головы отъ страха *).

*) Это иные дѣлаютъ на Востокѣ по существующему повѣрью, чтобы не потеряться послѣ такого событія. *Авт.*

V.

Когда люди увидали, что янычаръ упалъ мертвый, они всѣ испугались, разбѣжались изъ церкви и позаперлись въ домахъ своихъ. Мужчины вздыхали и говорили: «Боже! Боже! Что теперь будетъ!» Иные сидѣли молча, иные даже попрятались, въ очаги влѣзли и на рукахъ и ногахъ тамъ держась долго висѣли, другіе въ пустыя цистерны скрылись, ожидая, что придутъ агаряне и сожгутъ село ихъ и церковь съ землею сравняютъ, и молодыхъ дочерей и женъ въ плѣнъ уведутъ, дѣтей ихъ возьмутъ въ рабы, чтобы потомъ янычарами свирѣпыми воспитать, а ихъ самихъ на кольяхъ всѣхъ вокругъ села воткнутыхъ въ лютыхъ мученіяхъ уморятъ. Женщины плакали и причитали и выли, ломая руки и падая на землю, рвали на себѣ волосы, одежды и лица себѣ съ отчаянія ногтями до крови раздирали.

Только Пе́тро, лизнувъ крови врага, головы не потерялъ и хотѣлъ выйти изъ церкви и уйти изъ села, и скрыться заблаговременно въ горы и лѣсъ.

Подошелъ онъ къ дверямъ церковнымъ; но онѣ были уже заперты снаружи. Ихъ заперъ уходя попъ Георгій, и когда Пе́тро увидалъ его изъ окна и сталъ просить старца, чтобы выпустилъ его, попъ Георгій сказалъ ему: «Ты очень хорошо сдѣлалъ, мой сынъ, что убилъ злого врага нашей вѣры, но если я тебя не выдамъ агарянамъ за это, то меня, старика несчастнаго, они удавятъ позорно и тѣло мое поруганію предадутъ. Поэтому я тебя выдамъ начальству».

Заплакалъ Пе́тро, но дѣлать было нечего; на окнахъ были рѣшетки толстыя и уйти ему было нельзя.

Пошелъ тогда старикъ кликать кличъ по селу и созвалъ людей, и ободрилъ ихъ и сказалъ имъ громко: «Люди-христіане, отчего вы всѣ такъ напуганы? Не бойтесь, я говорю вамъ. Пойдемте, свяжемъ прекраснаго Пе́тро, нашего крахта кандильанафта, и предадимъ его начальству

невѣрному, чтобъ его удавили, а не меня. Ибо я за него поручителемъ».

Образумились люди, отворили двери, связали Пе́тро и отвели его въ городъ.

Въ городѣ Сарацыны судили Пе́тро за убіеніе янычара и присудили повѣсить его въ пятницу на большой площади, на вѣтви большого платана.

Было это предъ самою Пасхой, и благочестивые христіане по тюрьмамъ къ празднику, для спасенія души своей, посылали хлѣбъ, елей, рисъ и барановъ для раздачи плѣненнымъ, заключеннымъ людямъ.

Въ то время сидѣлъ и Пе́тро въ особой темной и тѣсной комнаткѣ на сырой землѣ, въ тяжкихъ цѣпяхъ скованный, молясь угоднику Николаю и апостолу Петру и проливая слезы надъ черною судьбою своей.

Пришелъ въ тюрьму тогда одинъ великій купецъ христіанскій, чтобы при себѣ велѣть раздать милостыню заключеннымъ; имя ему было Хаджи-Дмитрій.

Былъ онъ въ городѣ великій богачъ и дружбу большую имѣлъ съ самимъ княземъ того города, и много денегъ князю давалъ, когда тому было нужно. Онъ носилъ каждый день длинную шелковую одежду изъ дорогого сирійскаго шелку и шубу многоцѣнную, всю изъ куницы и соболя, и колпакъ на головѣ его высокій также изъ куницы и соболя былъ.

Хаджи-Дмитрій сказалъ стражамъ:

— Покажите мнѣ этого разбойника, крахта кандильнафта, прекраснаго Пе́тро, который благороднаго агу нашего умертвить осмѣлился. Покажите мнѣ его, чтобъ я могъ ему въ очи плюнуть за это и надругаться надъ нимъ.

Стражи съ радостью впустили Хаджи-Дмитрія къ Пе́тро. Хаджи-Дмитрій поднесъ къ лицу его фонарь, и когда Пе́тро приподнялъ на него прекрасныя очи и сказалъ ему:

— Эффенди, спаси меня!

Хаджи-Дмитрій плюнулъ ему три раза въ очи и воскликнулъ:

— Пусть св. Николай и апостолъ Петръ спасаютъ; а

я тебѣ не спаситель, ибо ты нашего благороднаго агу умертвилъ!

И громко ругая его, закричалъ слугамъ своимъ, которые за нимъ корзины съ пищей носили:

— Этому негодяю крафту кандильнафту прекрасному не давать ни крохи отъ хлѣба нашего, ни косточки отъ мяса нашего и ни капли елея!

И вышелъ изъ тюрьмы хитрый купецъ.

Тотчасъ же пошелъ онъ къ князю, поцѣловалъ край его одежды и сѣлъ у ногъ его на коврѣ.

А князь былъ гнѣвенъ въ тотъ день и молчалъ.

И Хаджи-Дмитрій долго не молвилъ слова ему, чтобы свою душу не погубить.

Наконецъ грозный князь сказалъ ему:

— Что ты молчишь? Развѣ ты не знаешь моей къ тебѣ милости? Чего бояться тебѣ?

— Государь мой и владыко мой!—воскликнулъ Хаджи.— Всеславности твоей развѣ не извѣстно, что нищій смѣлѣе богатаго человѣка?

— Что эти слова твои означаютъ? — спросилъ князь благосклонно.

Хаджи-Дмитрій объяснилъ:

— А то они означаютъ, что если бъ я не богатъ былъ твоими милостями, то я бы и не трепеталъ такъ утратить ихъ. И трава полевая къ солнцу блестящему цвѣткомъ обращается и безъ теплоты его жить не можетъ. И курица, когда пьетъ воду изъ лужицы малой, къ небу послѣ всякаго глотка голову свою куриную поднимаетъ, чтобы Бога за утоленіе жажды благодарить; а у меня развѣ куриная голова, что я забуду, какъ я твоею добротой живу и въ городѣ всѣми почтенъ.

Князь велѣлъ ему сѣсть поодаль на диванъ и чубукъ приказалъ ему дать и спросилъ, что новаго.

— Мало новаго, владыко мой! все старое, — сказалъ Хаджи. — Одно только есть новое: привезли трехъ дѣвушекъ изъ черкесскихъ дальнихъ горъ. Одной 16 лѣтъ, другой 15, а третьей 14. У одной волосы черные, какъ сталь бле-

стятъ, у другой какъ ленъ, а у третьей красные, какъ огонь. У черноволосой глаза голубые, а у бѣлокурой глаза черные, а у третьей, рыжей, такіе зеленые, какъ смарагдъ. Я такихъ и не видывалъ. Имя первой Гюзель, то-есть красивая, вторую зовутъ Назикъ—нѣжная, а третью Тюрлю-Тюрлю — разная-разная, потому что она очень любопытная и разныя вещи знаетъ, чтобы веселить и смѣшить человѣка.

Повернулся къ нему князь и велѣлъ ему еще поближе къ себѣ сѣсть и другой чубукъ приказалъ ему подать, золотомъ весь оплетенный, съ большимъ янтаремъ, который былъ жемчугомъ окруженъ снизу.

А Хаджи продолжалъ:

— И ножки у нихъ у всѣхъ трехъ малы и вогнуты въ ступнѣ хорошо. Я водой ноги имъ мочилъ и мокрыми ногами на полъ ихъ ставилъ и увидалъ, что ножки ихъ въ подъемѣ высоки и не плоски. И ночью спятъ онѣ не храпятъ и покорны сердцемъ. Гюзель изъ нихъ на тамбурѣ играетъ, Назикъ пѣсни поетъ, а Тюрлю-Тюрлю пляшетъ искусно, бряцая серебряными звонками.

Князь опять задумался и сказалъ Хаджи:

— Которую выбрать?

— Не выбирай, господинъ мой милостивый... Зачѣмъ тебѣ выбирать? Выберешь ты ту, которая пляшетъ, безъ пѣсни и безъ тамбуры какъ она будетъ плясать? Выберешь одну тамбуру безъ пѣсни и пляски, — одинъ звонъ пустой безъ словъ для души и безъ очей услажденія будешь слышать. Выберешь пѣсельницу одну, — надоѣстъ тебѣ и она. Не выбирай, онѣ всѣ для тебя приготовлены... Прими отъ раба твоего смиренный даръ и не гнѣвайся...

— Приму, — сказалъ князь.

Послали тотчасъ за дѣвушками, и когда подняли на дверяхъ большихъ занавѣсъ, то вошли онѣ разомъ всѣ три въ эти двери, — одна черная, съ голубыми очами, другая бѣлокурая, съ черными, и третья рыжая, огненная, лучше всѣхъ, съ очами смарагду подобными; одна въ пурпуровой одеждѣ съ золотомъ, другая въ голубой съ серебромъ,

а третья въ свѣтло-зеленой съ серебромъ и золотомъ вмѣстѣ. Гюзель тотчасъ же сѣла на коверъ и играть на тамбурѣ стала; Назикъ пѣсню запѣла:

Скажи, о скажи мнѣ, прекрасная птичка...
Скажи, соловей мой вечерній...
Есть ли на свѣтѣ всемъ князь молодой
Храбрѣе льва разъяреннаго, и змѣя мудрѣе.
И голубя кротче, и розы душистѣй,
И крѣпче желѣза, и звѣздъ пресвѣтлѣе?..
— Я его вижу! сказалъ соловей.

А Тюрлю-Тюрлю, приподнявъ руки съ серебряными звонками и загнувъ назадъ голову, топнула слегка ногой и еще не успѣла плясать начать, какъ князь уже обратился съ радостью и любовью къ Хаджи-Дмитрію и сказалъ ему:

— Друже мой, проси ты у меня, чего хочетъ сердце твое, я все исполню, но проси разумнаго и возможнаго, дабы я и впередъ тебѣ вѣрилъ... Ты не человѣкъ, а какъ бы садъ прекрасный, такъ съ тобой весело мнѣ всегда!

Хаджи-Дмитрій поклонился ему низко и сказалъ:

— Я, господинъ мой, неразумнаго просить у тебя не буду. А прости ты, ради меня, слугу твоего, Пётро, крахта кандильанафта, который агу нашего храбраго умертвилъ. Онъ по глупости и по юности такъ поступилъ. Онъ мнѣ нуженъ для дѣла въ домѣ моемъ; поэтому не для него, а для меня пощади его жизнь.

Князь охотно согласился и, тотчасъ же доставъ печать свою, помазалъ ее малымъ пальцемъ съ чернилами и, приложивъ ее къ чистому листу бумаги, отдалъ ему этотъ листъ и сказалъ:

— Иди! видишь, какъ я вѣрю тебѣ. Прикажи написать на этомъ листѣ прощеніе Пётро. Иди скорѣе, пока его не повѣсили; а я одинъ тутъ посмотрю, какъ онѣ играютъ, поютъ и пляшутъ. Иди, спаси душу,—это дѣло доброе!

А Пётро между тѣмъ уже привели на площадь и поставили на деревянную скамью, подъ вѣтвью большого пла-

тана, и шею его продѣли уже въ петлю и стали кричать народу, что̀ онъ за человѣкъ и за что̀ его вѣшаютъ.

Пе́тро уже въ темницѣ осушилъ слезы, и хотя ему было очень жалко умирать, однако, онъ, помолившись усердно, хотѣлъ не посрамить себя предъ людьми и сбирался уже самъ оттолкнуть ногой скамью и повиснуть, какъ вдругъ раздалась команда громкая: «Разступись, толпа!» И разступилась толпа, и выѣхалъ Хаджи-Дмитрій на бѣлой княжеской лошади, вся въ кистяхъ, и окруженный слугами княжескими и арапами. Въ рукахъ его былъ фирманъ прощенія.

Онъ издали махалъ имъ, и люди, шедшіе съ нимъ, кричали:

— Стойте! стойте! Нашъ благоутробный князь приказалъ простить прекраснаго Пе́тро, того молодого кандильанафта, который агу убилъ. Вотъ какъ милосердъ нашъ князь! А вы, собаки, смотрите, — не всякій разъ вамъ такое прощеніе будетъ!

Такъ спасся Пе́тро. Съ него сняли петлю, и Хаджи-Дмитрій возвратился въ домъ свой, ведя Пе́тро за руку чрезъ весь многолюдный городъ.

VI.

Сталъ жить Пе́тро у Хаджи-Дмитрія, купца богатѣйшаго. Дѣла его купеческія дѣлалъ; счеты ему сводить помогалъ, на одну *пару* его не обманывалъ. Гнѣвенъ и буренъ дома былъ Хаджи-Дмитрій и на руку слишкомъ былъ скоръ. Многихъ слугъ онъ изгонялъ въ гнѣвѣ отъ себя понапрасну. Но Пе́тро былъ уменъ. Когда Хаджи-Дмитрій въ гнѣвѣ обзывалъ его ругательными словами, Пе́тро молчалъ, потупивъ очи и сложивъ на груди крестомъ руки, и утихалъ купецъ, отходя отъ него прочь. Билъ онъ его и рукою своей и жезломъ драгоцѣннымъ. Пе́тро наклонялъ голову предъ нимъ и говорилъ:

— Бей меня, бей, господинъ нашъ честный; если я ви-

новать — это мнѣ наказаніе; а если я правъ — это мнѣ на будущее урокъ, а тебѣ услада и утоленіе!

И снова отходилъ отъ него въ смущеніи Хаджи-Дмитрій.

И полюбилъ Пе́тро купецъ всею душой. Сталъ онъ звать его «сынъ мой!» и сказалъ ему:

— Теперь весною у насъ здѣсь обычай шелковыхъ червей разводить. Я тебѣ отдамъ подъ начальство весь *бедженклыкъ* мой, величайшій въ городѣ нашемъ, и всѣхъ слугъ, и рабовъ, и рабынь моихъ, чтобъ они подъ командою твоей шелковичныя вѣтви для червей рѣзали по росту ихъ, для маленькихъ — самыя маленькія, для среднихъ червей — среднія, а для крупныхъ — самыя большія вѣтви рѣзали бы. И да исправитъ Господь дѣло рукъ твоихъ. А когда выведутся черви всѣ безъ болѣзни и мора на нихъ и совьютъ коконы и когда выйдутъ изъ нихъ бабочки икру разводить благополучно, и дамъ тебѣ пятьдесятъ червонцевъ за трудъ, и со всего моего прибытка, когда нагружу я многіе большіе корабли шелкомъ, отдамъ тебѣ десятину.

Поклонился Пе́тро въ ноги Хаджи-Дмитрію, купцу богатѣйшему; а Хаджи-Дмитрій велѣлъ ему снять тѣ темныя и простыя одежды, въ которыхъ Пе́тро у попа Георгія ходилъ по ночамъ будить христіанъ, стуча скобкою желѣзной въ двери и восклицая пріятнымъ голосомъ: «Пожалуйте въ церковь!» до тѣхъ поръ, пока старецъ не предалъ его, и вмѣсто этой простой одежды Хаджи-Дмитрій одѣлъ его въ одежды яркія и широкія, какія самъ носилъ, и шубку господскую на него съ откидными рукавами и колпакъ надѣлъ на него, не большой, но хорошаго мѣха.

И вывелъ его предъ всѣми домашними своими, предъ женою молодой (всего годъ тому назадъ повѣнчанною) и предъ слугами и всѣми рабами своими и сказалъ имъ всѣмъ:

— Вотъ помощникъ мнѣ и начальникъ грозный всѣмъ вамъ. Кто ему покоренъ будетъ, тому и я другъ; а кто противъ него пойдетъ, тотъ и мнѣ врагъ будетъ. Я сказалъ, а вы помните это!

Еще прекраснѣе сталъ молодой Пётро въ господской яркой и широкой одеждѣ. Принялъ онъ видъ иной, властительный и строгій, и сталъ за всѣмъ домомъ купца и беджеклыкомъ его смотрѣть.

Трудъ его благословенъ былъ, и черви кишмя кишѣли по шелковичнымъ вѣткамъ, до тла объѣдая ихъ въ беджеклыкѣ Хаджи-Дмитрія, богатѣйшемъ въ городѣ. Коконовъ и желтыхъ и бѣлыхъ было множество.

Вывелись бабочки и повязались попарно на полотнѣ и икры дали видимо-невидимо, самаго лучшаго качества.

Не было на червей въ этотъ годъ ни болѣзни, ни мора.

Радовались оба, и Хаджи-Дмитрій и Пётро, на нихъ. И Пётро день и ночь разсчитывалъ, сколько онъ можетъ послать своимъ воспитателямъ, когда Хаджи-Дмитрій нагрузитъ шелкомъ дорогимъ корабли большіе и продастъ его въ чужихъ городахъ за Бѣлымъ моремъ.

Однако врагъ рода человѣческаго не хотѣлъ дать отдыха сиротѣ и внушилъ молодой и честной супругѣ Хаджи-Дмитрія къ молодому Пётро грѣховное чувство.

Въ тотъ самый день, какъ Хаджи-Дмитрій вывелъ его въ господской одеждѣ яркой и широкой предъ всѣми домашними и сказалъ: «Вотъ помощникъ мнѣ и начальникъ всѣмъ вамъ», такъ запала эта искра ей въ сердце, и она сказала себѣ въ сердцѣ своемъ: «Люблю я этого юношу, и пусть жестокая смерть постигнетъ меня, а я совращу его!»

И начала молодая купчиха призывать его безпрестанно по всякому ненужному дѣлу, отрывая его отъ нужной работы. Она говорила ему тогда:

— Прикрѣпи завѣсу эту надъ моимъ окномъ, добрый Пётро, чтобъ я радовалась на глаза твои. Я другихъ слугъ не могу видѣть. Стоянъ ростомъ очень великъ и обширенъ, и всю комнату наполняетъ; у Ставри глазъ кривой; а у Яни лицо разбойничье — такъ что ночью онъ мнѣ снится и я боюсь и кричу на ложѣ моемъ супружескомъ, и господина нашего, Хаджи-Дмитрія, безпокою. Я желаю, чтобы ты у меня работалъ.

И хотя у Пётро были въ домѣ и въ беджеклыкѣ дѣла гораздо важнѣе этого, но не смѣлъ онъ противорѣчить госпожѣ своей и повиновался, прибивая ей завѣсу надъ окномъ.

А она, пока онъ работалъ, все ходила вокругъ него и сама гвозди ему подавала краснѣя.

А Пётро не замѣчалъ сначала, что она краснѣетъ.

Потомъ сказала ему однажды госпожа:

— Красивъ ты былъ Пётро и въ бѣдной одеждѣ, а въ этой ты много лучше даже мужа моего Хаджи-Дмитрія.

— Это лишь доброта твоя ко мнѣ, а не правда, госпожа моя! — сказалъ ей смиренно Пётро и пошелъ отъ нея по дѣламъ своимъ.

Обезумѣла отъ страсти жена Хаджи-Дмитрія и съ утра и до утра думала о немъ. Мысли ея кипѣли и бились какъ морская волна. Во снѣ она его видѣла и кричала громко во снѣ. Просыпался и Хаджи-Дмитрій и спрашивалъ ее:

— О чемъ ты кричишь, моя милая, чего испугалась ты?

— Ахъ! я видѣла во снѣ, мой другъ, что тебя злые враги умертвить хотятъ...

— Спи спокойно, — говорилъ ей купецъ, — это значитъ мнѣ долго жить.

И самъ засыпалъ спокойно, думая: «Вотъ какъ она меня любитъ!»

А она думала о Пётро.

Потомъ она вставать по ночамъ стала и, открывъ окно, сидѣла и въ садъ вздыхая смотрѣла.

— Ты не спишь? — говорилъ ей мужъ.

— Отъ жара, прости мнѣ, не сплю, — говорила она.

Наконецъ, однажды позвавъ Пётро къ себѣ, она сказала ему:

— Слезамъ моимъ нѣтъ мѣры, Пётро; я бы желала въ горы во мраморныя уйти и лежала бы я тамъ все ничкомъ и рыдала бы до тѣхъ поръ, пока сталъ бы тамъ отъ слезъ моихъ ключъ холодный и озеро чистое. И пришелъ бы ты той воды испить, и пріѣхалъ бы ты въ синемъ озе-

рѣ искупаться... А я бы издали закричала тебѣ: «Не хочу веселиться, да и жить не хочу, пока не скажешь ты мнѣ... что я для тебя лучше серебра и золота, лучше матери родной, лучше сладкой жизни самой...»

Ужаснулся прекрасный Пе́тро и отвѣтилъ ей такъ:

— Не годится тебѣ говорить, госпожа моя, такія слова. Я мальчикъ простой, сирота, а мужъ твой великій купецъ и мой благодѣтель и тебѣ законный супругъ. Твои слова — грѣхъ ужасный, и ты, я вижу, дьявола въ сердце свое безъ борьбы допустила. Поэтому я убѣгу отъ тебя и все открою твоему мужу, ибо онъ спаситель жизни моей, и я оскорбленія имени его не потерплю.

Но она, притворивъ дверь, не пустила его, достала изъ сундука кипарисnаго всѣ свои драгоцѣнности: ожерелье, запястья и серьги, и кольца, рубины, алмазы, бирюзу и кораллы, пала къ ногамъ Пе́тро и сказала ему:

— Жестокій, возьми всѣ эти сокровища мои! Ты сирота, и купишь ты на нихъ себѣ земли и домъ и овецъ и все, что́ хочешь. Возьми все, только не говори мнѣ такъ грозно, а улыбнись мнѣ любезно и пожалѣй ты меня окаянную. Я и сама не рада злой мукѣ моей!..

Пе́тро посмотрѣлъ на сокровища, пожалѣлъ ее, улыбнулся и, взявъ ея руку, сказалъ ей:

— Добрая госпожа моя! хорошо ты сказала, что я сирота и бѣденъ. Если ты точно такъ меня жалѣешь и любишь, отдай мнѣ всѣ эти запястья, ожерелья, кольца и серьги безъ грѣха. Я продамъ ихъ и куплю себѣ домъ хорошій и земли, чтобы кормить и покоить Христо и Христину, моихъ воспитателей. И я тогда скажу тебѣ, что ты для меня лучше матери, лучше золота и серебра...

Когда услыхала молодая купчиха разумные отвѣты Пе́тро, озлобилась она сильно и ударила Пе́тро въ лицо, говоря:

— Такъ ты, несчастный, золото любишь, а не меня, — и какъ были на рукѣ ея дорогіе перстни, то расшибла она ему лицо до крови.

Пе́тро ушелъ, а она немедленно побѣжала къ мужу и

сказала ему, что Пе́тро хотѣлъ ограбить ея драгоцѣнности; привела мужа къ себѣ въ комнату и показала ему запястья, ожерелья и серьги, которыя она сама же разсыпала предъ Пе́тро, и сказала мужу:

— Видишь, я застала его за этимъ дѣломъ и, отнимая у него всѣ эти вещи, дары твоей любви, ударила его въ лицо и у него пошла кровь.

Хаджи-Дмитрій ужасно разгнѣвался и закричалъ:

— Приведите мнѣ сюда этого несчастнаго; я его при себѣ умертвить велю.

Пе́тро привели, и хозяинъ приказалъ его крѣпко бить по пятамъ. И когда Пе́тро хотѣлъ просить позволенія вымолвить только слово, то гнѣвный Хаджи-Дмитрій не допускалъ его до этого, восклицая:

— Не говори ни слова, неблагодарный человѣкъ, которому я жизнь спасъ. Я ее спасъ, я ее у тебя и отниму.

Насытивъ свое сердце истязаніями, Хаджи-Дмитрій хотѣлъ заключить Пе́тро въ тюрьму, чтобы, по совершеніи надъ нимъ суда, приговорили его снова къ казни, но жена Хаджи-Дмитрія пожалѣла его и въ то же время боялась, чтобы на судѣ не раскрылась какая-либо истина. Поэтому она, поклонившись мужу, стала просить его, чтобъ онъ отпустилъ Пе́тро, не заключая его въ тюрьму.

Хаджи-Дмитрій согласился не безъ труда и велѣлъ его только съ шумомъ и позоромъ гнать изъ дома по улицамъ. Одинъ изъ слугъ, желая пріобрѣсти себѣ дорогое платье, которое было на молодомъ управителѣ, сказалъ хозяину:

— Господинъ, не снять ли съ него хорошее платье и не выгнать ли его въ томъ рубищѣ, въ которомъ ты привелъ тогда его изъ тюрьмы?

Но Хаджи-Дмитрій на это не согласился и сказалъ:

— Нѣтъ! въ богатомъ платьѣ ему будетъ больше позору. Пусть въ немъ скитается и ищетъ пропитанія. Въ бѣдномъ его не такъ люди замѣтятъ, а въ этомъ всѣ будутъ на него дивиться.

И прибавилъ еще:

— Гоните его съ шумомъ скорѣе, чтобъ я не умертвилъ руками его самъ.

И слуги, отворивъ большую дверь на улицу, стали съ крикомъ, проклятіями и побоями гнать Пе́тро на улицу. И всѣ сосѣди и сосѣдки смотрѣли изъ оконъ и дверей, смѣялись, и даже дѣти бѣжали за нимъ, кидая въ него камешками, и кричали: «юхга́! юхга́!»

VII.

Пе́тро ушелъ подальше отъ того мѣста, гдѣ жилъ Хаджи-Дмитрій, сѣлъ на камень подъ деревомъ платаномъ и сталъ плакать черными слезами.

Въ это время ѣхалъ мимо епископъ въ ряснѣ на прекрасномъ мулѣ. Онъ былъ человѣкъ уже престарѣлый, и около него справа шелъ юноша и смотрѣлъ, чтобы мулъ не шелохнулся ни направо, ни налѣво и чтобы не уронилъ епископа. Впереди ѣхалъ тѣлохранитель съ оружіемъ, а сзади шли слуги безъ оружія.

Ѣхалъ еще писецъ въ широкихъ одеждахъ и съ чернильницей, заткнутой за краснымъ поясомъ.

Этотъ писецъ былъ родной племянникъ епископа.

Епископъ увидалъ Пе́тро, пожалѣлъ его, что онъ плачетъ, и велѣлъ юношѣ остановить мула... Пе́тро подошелъ къ рукѣ его, и епископъ спросилъ:

— Отчего ты, сынъ, сидѣлъ подъ деревомъ платаномъ и лилъ черныя слезы?

— Я скажу тебѣ, деспо́тъ эффенди мой,—отвѣчалъ Пе́тро. — Только не здѣсь при всѣхъ, а у тебя въ домѣ исповѣдую все по истинѣ и по правдѣ.

Епископъ согласился и велѣлъ ему итти по лѣвую руку около мула. Пе́тро шелъ, и такъ они пріѣхали въ епископскій домъ, гдѣ была церковь — митрополія на большомъ дворѣ.

Епископъ, возвратившись домой, сѣлъ на софу, велѣлъ Пе́тро стать предъ собой и во всемъ исповѣдывалъ его,

И Пе́тро сказалъ ему:

— И еще скажу тебѣ, владыка, что молодая кровь моя очень душитъ меня и днемъ и ночью и мнѣ отъ этого великое стѣсненіе въ жизни моей, потому что всѣ дѣвушки молодыя и замужнія женщины за меня убиваются; мнѣ же это соблазнительно, а я не хочу взять на душу грѣха.

Епископъ тогда далъ ему цѣловать свою десницу и сказалъ ему такъ:

— Достоинъ ты, сынъ мой, великаго восхваленія, какъ за то, что пошелъ на тяжелый трудъ и чужбину для того, чтобы пріобрѣсти временный покой въ старости благодѣтелямъ твоимъ Христо и Христинѣ, а также и за то, что ты хочешь добродѣтеленъ быть и бѣжишь грѣха. Пріими за это все сей скудный даръ отъ меня и пошли его своимъ воспитателямъ.

Епископъ далъ ему двѣ золотыя монеты; а когда Пе́тро упалъ ему въ ноги и благодарилъ его, епископъ сказалъ еще:

— Отнынѣ принимаю я тебя въ домъ мой. Ты будешь начальникомъ надъ всѣми моими тѣлохранителями, и я велю снять съ тебя широкія эти одежды и одѣну тебя въ воинскія и короткія. А ты не обнаруживай никому въ жилищѣ этомъ, что я тебѣ далъ золотые, ибо врагъ рода человѣческаго силенъ въ насъ всѣхъ, и есть вездѣ худые люди, которые въ зависть впадаютъ легко. Помни это! Скажу тебѣ еще, что здѣсь тебѣ будетъ легче, ибо ты въ митрополіи моей, кромѣ старой параманы *), сестры моей, и двухъ монахинь почтенныхъ, никакого лика женскаго не встрѣтишь. Еще скажу я тебѣ, что здѣсь у меня ты можешь больше прежняго и божественнымъ предметамъ обучиться, уставамъ и молитвамъ; но знай, что послѣ этого и взыщется съ тебя больше. И епископъ благословилъ его еще разъ и отпустилъ.

Одѣли Пе́тро въ красную куртку съ откидными рука-

*) Парамана — экономка, няня, кормилица, вмѣсто матери.

вами и въ голубые шальвары и въ красные башмачки съ загнутыми носками, а на носкахъ были пушистыя шишки пестрыя изъ разнаго шелка, величиною съ яблоко; и все по швамъ было расшито золотомъ и черными шнуркомъ. Дали ему также въ руки большую трость, разгонять народъ, когда не будетъ мѣста епископу двигаться и свершать богослуженіе; а за кушакъ пестрый дамасскій ножъ и два пистолета серебряные заткнули, и самъ епископъ, увидавъ его, усмѣхнулся, далъ ему цѣловать десницу и сказалъ:

— Вотъ теперь хорошо!

А Пѣтро думалъ: «Теперь ужъ никто меня не обидитъ и никто соблазнять не будетъ. А я думалъ, что оставилъ меня вовсе Богъ».

Оба же тѣ золотые, которые ему далъ епископъ, онъ спряталъ и сказалъ себѣ: «зачѣмъ я буду торопиться посылать благодѣтелямъ моимъ Христо и Христинѣ эти деньги? Они и такъ привыкли жить. У нихъ хижина есть. Отъ этихъ золотыхъ имъ много перемѣны не будетъ въ счастьѣ; а я оттого и сокрушился, что все безъ денегъ уходилъ изъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ меня обижали и изъ которыхъ меня прогнали. Лучше я себѣ оставлю эти деньги на случай несчастья!..»

Сталъ жить Пѣтро тогда у епископа хорошо. Другіе тѣлохранители ему повиновались; онъ сталъ теперь похитрѣе прежняго и сталъ думать, что не епископу одному въ домѣ угодить надо, а всякому. И началъ стараться. Старухѣ параманѣ, сестрѣ епископа, говорилъ:

— Не трудитесь, почтенная госпожа сестрица епископа. Позвольте мнѣ за васъ подмести это!—И бралъ вѣникъ изъ рукъ ея и подметалъ соръ.

Другіе же тѣлохранители говорили ему:

— Тебѣ ли, воину и начальнику нашему, подметать соръ? Тебѣ ли мараться? Это дѣло рабовъ и женщинъ. Это для насъ для всѣхъ оскорбленіе.

Пѣтро отвѣчалъ имъ:

— Старость я очень уважаю, вотъ что!

И замолчали другіе воины и епископскіе тѣлохранители.

И чтобъ они любили его, онъ изъ тѣхъ двухъ золотыхъ удѣлилъ часть на угощеніе ихъ и сказалъ имъ:

— Будемъ всѣ побратимами.

И сказали тѣ ему:

— Съ радостью!

Тогда призвали священника, и онъ прочелъ надъ ними молитву; они связались всѣ кушакомъ и поклялись въ вѣчной дружбѣ и согласіи.

И монахинямъ старымъ угодилъ Пѣтро; и всѣ приходящіе по дѣламъ любили его, ибо онъ у всѣхъ спрашивалъ вѣжливо, что̀ имъ нужно, и говорилъ:

— Погодить извольте здѣсь, а я пойду скажу владыкѣ!

Всѣ говорили:

— Ласковый *ясакчи**) этотъ новый у епископа. При немъ лучше стало намъ всѣмъ! А ужъ красота его невообразимая, и словами нѣтъ возможности сказать, какъ онъ прекрасенъ!

Смотрѣть на него такъ пріятно, какъ въ кіоскѣ въ тѣни на берегу моря тихаго и на легкомъ вѣтеркѣ кушать шербетъ съ ключевою водой и курить персидскій *тюмебки* въ наргилѣ хрустальномъ, и ничего не слышать, какъ только клокотанье воды въ наргилѣ.

Племянникъ же епископа, который у него главнымъ писаремъ былъ, и его мать парамана возненавидѣли Пѣтро за то, что его стали любить въ домѣ всѣ: обѣ старыя монахини и всѣ тѣлохранители и слуги владыки, и самъ владыка и всѣ просители, которые приходили по дѣламъ и тяжбамъ своимъ къ владыкѣ.

Стали они перечить Пѣтро во всѣхъ его дѣлахъ и оскорблять его. Приходили бѣдные люди къ вратамъ епископскимъ за подаяніемъ. Пѣтро шелъ къ владыкѣ и говорилъ ему:

— Благослови, владыка, слѣпой женщинѣ подаяніе изъ твоей пастырской сокровищницы. Она очень несчастна.

---

*) *Ясакчи* — стражъ, кавассъ, тѣлохранитель.

Владыка давалъ ему милостыню для слѣпой женщины. Самъ вставалъ съ софы, сидя на которой четки перебиралъ, вздыхая о преклонности лѣтъ своихъ и о страшномъ судилищѣ Христовомъ, самъ вставалъ и доставалъ подаяніе изъ кованаго кипарисоваго сундука.

А злой писарь и его мать парамана восклицали:

— Довольно тебѣ обнажать престарѣлаго владыку нашего! Онъ уже въ дѣтство впалъ и все раздаетъ безумно. Что̀ намъ, роднымъ, послѣ него останется? И мы старѣемъ на его службѣ.

Пѣтро же отвѣчалъ писарю, кланяясь:

— Господинъ мой писарь и племянникъ владычній, прости мнѣ, я человѣкъ подначальный. Если ты велишь всѣхъ гнать отъ воротъ епископскихъ, то и тогда я гнать ихъ безъ благословенія епископа не могу. А посмотрю, что̀ самъ старецъ скажетъ.

Тогда злой писецъ и племянникъ владычній скрежеталъ зубами на него и отходилъ прочь и говорилъ:

— О! да будетъ три раза проклятъ тотъ черный день, когда этотъ красивый побродяга переступилъ порогъ этой митрополіи.

И его мать парамана проклинала также Пѣтро.

Однажды пришелъ кто-то и сказалъ писарю:

— Вотъ у этого хлѣбопашца жена троихъ разомъ родила и всѣ живы.

Хлѣбопашецъ былъ не очень бѣденъ, и слухи были, что у него деньги зарыты въ землѣ.

Писарь обрадовался и, призвавъ этого хлѣбопашца, сказалъ ему:

— Троихъ родить разомъ не законъ! Это отъ дьявола. Если ты не дашь мнѣ десять золотыхъ, я владыкѣ донесу, и онъ разведетъ тебя съ женою! Иди домой и принеси.

Хлѣбопашецъ пошелъ домой въ горести, потому что онъ жену очень любилъ и жалѣлъ, и, не зная что̀ дѣлать, принесъ нѣсколько золотыхъ.

Увидавъ его въ горести, Пѣтро спросилъ у него:

— О чемъ ты, добрый христіанинъ, убиваешься?

Хлѣбопашецъ сказалъ ему о своемъ несчастьѣ, и Пѣтро доложилъ всю правду епископу.

Епископъ самъ позвалъ хлѣбопашца и утѣшилъ его, а на племянника такъ разгнѣвался, что долго видѣть его не хотѣлъ и говорилъ:

— За десять золотыхъ ты мою честь и душу мою сатанѣ продаешь, безстыдный ты лжецъ, отойди отъ меня и скройся, мучитель ты моей слабости и престарѣлыхъ дней моихъ ты отрава!

Послѣ этого съ ранняго утра и до ночи писецъ и его мать размышляли, какъ бы удалить Пѣтро изъ дома.

И искалъ онъ случая обвинить и оклеветать Пѣтро передъ епископомъ, и не находилъ; Пѣтро все оправдывался. Наконецъ, онъ съ матерью пришли къ епископу, стали передъ нимъ оба, и сперва мать сказала ему:

— Говори ты, ты мужчина!

А сынъ ей:

— Нѣтъ, ты говори, ты мнѣ мать!

И начала она:

— Владыка и братъ мой по плоти! Я не могу больше выносить лицезрѣнія этого мальчишки, Пѣтро прекраснаго, и прошу тебя изгнать его изъ дома нашего. А если ты не благословишь изгнать его, то благослови мнѣ уйти отъ тебя и никогда въ домъ твой не возвращаться. И не я буду, а другая старуха, чужая тебѣ по плоти, изготовлять любимую пищу твою, и другая будетъ твои святительскія ноги мыть, и другая пусть ложе твое стелетъ, на которомъ отдыхаютъ престарѣлые члены твои, и другая варенье для угощенья гостей сановныхъ будетъ варить въ твоемъ домѣ: желе изъ айвы, шербетъ розовый, и кофейный, и розовый листъ, и орѣхи съ гвоздикой, и другая пусть вокругъ чела твоего повязываетъ черный печатный платочекъ поверхъ клобука. Я сказала, владыка, а впрочемъ, воля твоя.

Послѣ чея началъ говорить сынъ ея, злой писарь:

— Владыка святый и по плоти мой дядя, я ненавижу твоего ясакчи Пѣтро всѣмъ сердцемъ моимъ и всею душою моей. Удали ты его съ позоромъ изъ дома этого или

мнѣ благослови уйти отъ тебя. И пусть другой писарь и чужой тебѣ по плоти человѣкъ заботится впредь о сборѣ податей съ народа въ пользу твоей казны; пусть другой избавляетъ тебя отъ распрей съ начальниками агарянскими и ходитъ по судилищамъ ихъ, кланяясь и снимая башмаки у проклятаго порога ихъ, пусть другой ссорится съ сельскими *чорбаджіями* и запираетъ въ тюрьму ихъ, когда они подати поздно платятъ, пусть другой писецъ всѣ бумаги и грамоты тебѣ готовыя приноситъ на подпись и думаетъ за тебя, и ходитъ, и голодаетъ, и зябнетъ, пока ты куришь наргилé или молишься въ одиночествѣ о спасеніи твоей души престарѣлой, сидя на широкой софѣ и прислонясь къ подушкѣ изъ сирійскаго пестраго шелка, у большой мѣдной жаровни на львиныхъ лапкахъ, которую три человѣка едва поднять могутъ руками (такъ она велика и вся литая мѣдная). Я за тебя, пока ты молился и отдыхалъ, бралъ на свою окаянную душу всѣ грѣхи твои и ссоры, и ненависть, и любостяжаніе, и обиды, и ругательства бѣднымъ людямъ, и угожденія неправедныя сильнымъ и князьямъ міра сего. Отынѣ же пусть другой это все дѣлаетъ, а меня, владыка, отпусти, если не хочешь Пéтро изгнать отъ себя!

— Что онъ вамъ сдѣлалъ, этотъ юноша? — сказалъ епископъ съ большимъ сожалѣніемъ, но согласился на изгнаніе Пéтро.

Тогда обрадовались злой писарь и его мать и пошли гнать Пéтро; велѣли ему снять одежду золотую и оружіе, и поясъ, въ которомъ были спрятаны у него деньги, и денегъ его ему не отдали, но дали ему самую простую ветхую одежду и велѣли итти куда хочетъ.

— И если и въ городѣ этомъ ты останешься, то живъ не будешь! — сказала ему сестра епископа.

Пéтро ушелъ далеко отъ города въ пустынное мѣсто и поколебалась въ немъ въ первый разъ его вѣра. Онъ сказалъ себѣ: «Не увижу я правды никогда на землѣ живыхъ!» Упалъ лицомъ на землю и не хотѣлъ уже ни жить на свѣтѣ, ни молиться.

Онъ думалъ: «На что̀, если такъ, молиться?» И не поднималъ лица отъ земли, на которой лежалъ, пока не услышалъ топота конскаго по камнямъ; тогда онъ поглядѣлъ, кто ѣдетъ, и увидалъ, что ѣдетъ богатый франкъ купецъ.

Платье на немъ было узкое и непристойное, такое, какъ носятъ всегда франки, чулки и башмаки, и на головѣ его былъ большой *трикантòнъ* *), точно капкъ морской. Лицо его было безобразно и злобно, и изъ очей блистали молніи.

Онъ остановилъ коня и сказалъ Пѐтро:

— Дитя души! Хорошо ты дѣлаешь, что молиться не хочешь. Это все напрасно. Но я человѣкъ хорошій и жалѣю тебя. Хочешь, я возьму тебя къ себѣ на фабрику и, если ты молиться и тамъ не будешь никогда и въ церковь ходить не будешь и постовъ содержать не будешь, то я съ тебя мало работы потребую. Ты будешь у меня только одинъ разъ въ день въ большой лѣсъ ѣздить на телѣгѣ и привозить оттуда по три полѣна. И если ты когда-нибудь захочешь уйти, проси у меня что̀ хочешь, я все дамъ тебѣ. Зовутъ же меня мусье Фра̀нко.

Пѐтро согласился съ радостью и пошелъ за мусье Фра̀нко. А это и былъ самъ дьяволъ, и Пѐтро не понялъ этого.

VIII.

Сталъ жить Пѐтро у мусье Фра̀нко. У мусье Фра̀нко около моря былъ большой заводъ съ длинными, черными трубами, изъ этихъ трубъ цѣлые дни и ночи дымъ черный поднимался и пламя поднималось и искры летѣли. Мѣсто было низкое, болотистое, все въ высокихъ камышахъ, гнилое и самое скучное. Съ ранняго утра и до самой поздней ночи убивались христіане у Фра̀нко въ огнѣ и въ пламени неугасимомъ. Лица ихъ были худыя, желтыя и печальныя. Они ничего не говорили. Мусье Фра̀нко заставлялъ ихъ работать по воскресеньямъ и по другимъ праздникамъ;

*) Треугольная шляпа.

только и отпускалъ ихъ на Пасху, на Рождество Христово, на Успеніе Божіей Матери и еще на три праздника: на Николинъ день, на св. Димитрія Солунскаго и св. Георгія Побѣдоносца. Въ эти дни онъ не смѣлъ не отпускать ихъ; въ эти дни онъ боялся.

Пе́тро пожалѣлъ работниковъ и спросилъ у одного изъ нихъ:

— Ты, христіанинъ-человѣкъ, за какую цѣну по воскресеньямъ и по праздникамъ трудишься и такой грѣхъ на душу здѣсь берешь?

— За великую, за великую цѣну, Пе́тро!—отвѣчалъ ему работникъ и отошелъ отъ него.

Пе́тро спросилъ другого. И другой точно такъ же сказалъ ему:

— Мы, Пе́тро, трудимся здѣсь за такую великую цѣну, которую избави тебя Господь когда-нибудь взять.

И тоже отошелъ отъ него.

На первый же день мусье Фра̀нко приказалъ Пе́тро ѣхать, по условію, въ лѣсъ за полѣньями и указалъ ему, какую лошадь въ телѣгу запречь, и приказалъ ему:

— Не забудь, не говори лошади «э!», а говори ей «ну!»

Пе́тро поѣхалъ въ лѣсъ, срубилъ три полѣна и поѣхалъ домой.

На возвратномъ пути онъ подумалъ: «Скажу я лошади «э!» и посмотрю, что̀ будетъ!»

И сказалъ: «Э!»

Какъ только онъ сказалъ «э!», лошадь сейчасъ обратилась въ чорбаджи Брайко.

Увидалъ Пе́тро своего бывшаго хозяина и спросилъ у него:

— Какъ ты это здѣсь, чорбаджи?

Чорбаджи отвѣчалъ ему:

— Вскорѣ послѣ того, какъ я прогналъ и обидѣлъ тебя, я умеръ. И теперь моя душа здѣсь мучится за мою скупость и за то, что я у многихъ людей бѣдныхъ, такъ же какъ и у тебя, *деньги съѣлъ*, иногда обманомъ, иногда лихвою, иногда хитростью иною... За это мучится душа моя.

— Хорошо! — сказалъ Пётро. Взялъ полѣно и билъ его крѣпко; потомъ простилъ и сказалъ «ну!» Чорбаджи опять сталъ лошадью и отвезъ его на заводъ.

На второй день мусье Франко приказалъ ему взять другую лошадь —черную и ѣхать опять въ лѣсъ за тремя полѣньями. И опять сказалъ ему:

— Не забудь, не говори лошади «э!», а говори ей «ну!»

Пётро поѣхалъ; срубилъ три полѣна, а на возвратномъ пути сказалъ опять «э!» и ждалъ, что будетъ. Увидалъ онъ тотчасъ же передъ собой въ оглобляхъ черную спину попа Георгія. Попъ сказалъ ему:

— Вскорѣ послѣ того, какъ я предалъ тебя агарянамъ, милый сынъ мой, я умеръ, и за то, что я не тебя одного, а и другихъ еще изъ малодушія и боязни не разъ въ жизни врагамъ предавалъ, и за то, что слишкомъ свою старую жизнь жалѣлъ во вредъ другимъ людямъ, и жилъ не какъ добрый пастырь, полагающій душу свою за овцы своя, а какъ наемникъ бѣгалъ отъ лютыхъ волковъ, за это душа моя здѣсь теперь мучится, милый сынъ мой. Бей и ты меня за грѣхи мои... только не крѣпко, потому что я все-таки, какъ отецъ, хлѣбъ мой съ тобою дѣлилъ...

Ударилъ его не очень крѣпко Пётро раза два, простилъ и сказалъ «ну!» И попъ опять сталъ черною лошадью и повезъ его на заводъ.

На третій день мусье Франко опять сказалъ Пётро:

— Поѣзжай въ лѣсъ за тремя полѣньями; только не говори лошади «э!», а говори ей «ну!»

Поѣхалъ Пётро на хорошей рыжей лошади.

Срубилъ онъ три полѣна въ лѣсу и сказалъ и этой лошади «э!» Онъ уже зналъ, что увидитъ передъ собой Хаджи-Дмитрія, и какъ только лошадь обратилась въ купца, Пётро сказалъ ему:

— Здравствуй, господинъ мой, за что тебя наказалъ такъ Богъ? Ты былъ человѣкъ хорошій и добрый и мнѣ жизнь даже спасъ.

— За гнѣвъ необузданный. За то, что я не тебя одного, а многихъ во гнѣвѣ напрасно обидѣлъ, билъ, истя-

залъ, изъ дома своего изгонялъ и, можетъ быть, иныхъ и жизни во гнѣвѣ лишилъ. Вотъ за что̀ моя душа мучится.

Пе́тро отвѣчалъ ему:

— Я бы тебя за это сильно избилъ полѣномъ, но такъ какъ ты мнѣ прежде жизнь спасъ, то я тебя много наказывать не буду.

И ударилъ его только разъ, и то не крѣпко.

На четвертый день, когда мусье Фра̀нко велѣлъ заложить ему большую бѣлую лошадь и опять напомнилъ, какъ говорить съ нею. Пе́тро не вытерпѣлъ и, еще не доѣзжая до лѣса, сказалъ: «э!», и бѣлая лошадь стала епископомъ.

— И ты скончался, владыко?—спросилъ Пе́тро, снимая шапку.

— И я скончался, дитя мое!—сказалъ епископъ, печально потупивъ очи. — Когда тебя изгнали изъ моего дома, другіе тѣлохранители мои и твои побратимы задумали отмстить за тебя, исполняя клятву побратимства и любви, которую они тебѣ дали. Они зарѣзали племянника моего писаря и удавили сестру мою параману, сами же разбѣжались; а я отъ такого огорченія и стыда всенароднаго скоро послѣ этого умеръ. Теперь прошу я тебя, прости мнѣ и не бей меня, твоего старца, потому ты знаешь, что грѣхъ мой былъ больше всего лѣнь и еще то, что я противъ людей и лукавыхъ слугъ моихъ имѣлъ *лицо слишкомъ мягкое*. Усилій я дѣлать не любилъ. Ни въ чемъ не нудилъ себя. А только принуждающіе себя восхитятъ царство небесное. Но не былъ я ни гнѣвенъ, ни алченъ, ни любострастенъ, ни завистливъ, ни гордъ.

— Я не могу бить тебя, владыко, — отвѣчалъ Пе́тро. — Хоть бы ты и худшее сдѣлалъ, я бить тебя не могу: твой санъ очень великъ.

Тогда сошелъ Пе́тро съ телѣги и сказалъ: «ну!» Епископъ опять сталъ лошадью, и Пе́тро около телѣги пѣшкомъ до лѣсу дошелъ.

Въ лѣсу выѣхалъ онъ на большую пустынную полянку, посреди которой стояло превысокое дерево все до верху сухое, безъ листьевъ. Пе́тро подошелъ къ нему съ топо-

ромъ и хотѣлъ ударить. Наверху на деревѣ сидѣла одна птичка, такая маленькая, что Пётро ея не замѣтилъ.

Тогда маленькая птичка сказала ему:

— Милый мой Пётро, пастухъ мой бдительный, крахтъ кандильнафтъ цѣломудренный, домоправитель искусный, ясакчи богатырь прекрасный, прошу тебя, не руби этого дерева. Мнѣ оно нужно. Руби другія деревья въ лѣсу. И за это я открою тебѣ тайну. Скажи мнѣ, сколько дней ѣздишь въ этотъ лѣсъ?

— Четыре дня, — сказалъ Пётро.

— Это значитъ четыре года, — сказала птичка.

Слыша это, Пётро пришелъ въ великій ужасъ и воскликнулъ:

— Горе мнѣ! Горе несчастному! Я уже прожилъ здѣсь, не зная того, четыре года, и что сталось съ отцомъ моимъ Христо и съ бѣдной матерью Христиной? Ужъ не померли ли они отъ бѣдности и трудовъ...

— Объ этомъ я тебѣ сказать не могу,—отвѣчала птичка. — А скажу тебѣ о другомъ. Живешь ты теперь четыре года у самого дьявола въ домѣ. Хозяинъ твой Франко — самъ дьяволъ.

Еще больше испугался Пётро, упалъ на землю и началъ волосы и одежду свою рвать и плакать, восклицая:

— Увы! увы мнѣ, черная моя судьба! Увы мнѣ! Скажи мнѣ птичка моя золотая, ужъ не умеръ ли я тоже, несчастный... скажи, живъ ли я?

— Ты живъ, не бойся, — отвѣчала птичка.—Возвратись домой и скажи дьяволу смѣло, что служить у него больше не хочешь и спроси расчета, а когда онъ будетъ давать тебѣ деньги—не бери ихъ, хотя бы онъ далъ тебѣ ихъ цѣлый мѣшокъ. Сколько бы онъ ихъ тебѣ ни далъ—всѣ эти золотые его обратятся въ луковую кожицу золотистую, которая на луковицахъ бываетъ, и не успѣешь ты и десяти шаговъ отъ дома его отойти, какъ мѣшокъ твой изъ тяжелаго станетъ легкимъ, и ты пожалѣешь тогда. А ты скажи дьяволу: «Мусье Франко, дайте мнѣ ту старую большую баранью бѣлую шубу, которая у васъ на гвоздѣ ви-

ситъ; больше ничего мнѣ не нужно». Онъ отдастъ тебѣ ее. А когда ты будешь уходить, что̀ бы ты за собой ни слышалъ—не бойся и не оглядывайся, но иди прямо. Иначе погибнешь ты; только взойдя на гору высокую въ часѣ ходьбы отъ того мѣста, остановись, и съ нея ты можешь оглянуться назадъ.

Послушался Пе́тро; срубилъ другое дерево; взялъ отъ него три полѣна, положилъ ихъ на телѣгу, а самъ всю дорогу шелъ пѣшкомъ назадъ, жалѣя сѣдины епископа, и вздыхая думалъ о томъ, какъ страшно умирать и какъ трудно безъ грѣха сохраниться намъ на свѣтѣ этомъ.

Возвратившись домой къ мусье Фра̀нко, Пе́тро потребовалъ у него расчета и сказалъ ему, что желаетъ получить ту старую баранью шубу, которая виситъ на стѣнѣ.

Дьяволъ и гнѣвался, и ласкалъ Пе́тро, и разсыпалъ передъ нимъ серебро и золото, говоря: «Не лучше ли это, чѣмъ старая шуба?» Но Пе́тро, кланяясь ему, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, господинъ мой, ты слово далъ ни въ чемъ не отказывать мнѣ.

— Я не помню! — сказалъ дьяволъ.

Пе́тро тогда перекрестился и воскликнулъ:

— Вотъ тебѣ Богъ, вотъ тебѣ хлѣбъ мой, что ты обѣщалъ!

Смутился тогда дьяволъ, поглядѣлъ на него дикимъ взглядомъ и отдалъ шубу.

Пе́тро надѣлъ ее и вышелъ изъ дверей не оглядываясь. Но едва только онъ вышелъ, какъ услышалъ, что его зоветъ пріятнымъ голосомъ его мать Христина:

— Пе́тро, сынокъ мой... Поди сюда, оглянись.

И Христо за ней кричалъ ласково:

— Пе́тро!

Вздрогнулъ Пе́тро и чуть-чуть не вернулся къ двери, но вспомнилъ о словахъ птички и воскликнулъ: «помилуй меня Боже, помилуй меня!..» пошелъ дальше.

Тогда поднялась ужасная буря и свистъ, и гамъ и пыль, гонимая страшнымъ вѣтромъ, неслась за Пе́тро и обгоняла

его и, возвращаясь вихремъ, засыпала ему глаза, чтобъ онъ обернулся.

Потомъ раздался топотъ погони конской. Слышалъ Пётро, скачутъ какъ-будто сотни людей и кричатъ издали: «вотъ онъ! вотъ онъ!»

Онъ все шелъ впередъ, не оглядываясь.

И все мало-по-малу утихло. Но до горы, съ которой птичка ему позволила оглянуться, было еще далеко, и какъ утихло все, успокоился Пётро и задумался, и шелъ не спѣша.

И взошелъ онъ въ узкую дорогу между двухъ высокихъ скалъ, и взошла тогда луна и стало и свѣтлѣе и страшнѣе ему. Какъ только взошелъ онъ на эту узкую дорогу, такъ и ужаснулся. Увидалъ онъ на скалѣ, на лѣвой рукѣ, чью-то большую тѣнь и длинную; вытягивалась тѣнь дальше его впередъ, и видно было, что она отъ кого-то, кто сзади его тихо крадется. Уменьшалась тѣнь и опять выростала. И чувствовалъ Пётро чье-то тихое дыханіе сзади на шеѣ своей, и весь онъ трепеталъ и содрогался отъ холода и отъ ужаса, стараясь не оглянуться.

Наконецъ грянулъ надъ ухомъ его такой громовой ударъ, что онъ упѣлъ только пасть ницъ и закрылъ шубой голову. Однако, все-таки онъ не оглянулся.

Послѣ все утихло; дьяволъ отошелъ отъ него, и онъ достигъ благополучно той горы, о которой говорила птичка.

Тогда, помолившись еще разъ, онъ оглянулся и увидалъ, что на берегу моря, гдѣ была фабрика съ большою трубой, метавшею искры, не было ничего. Только былъ виденъ скучный, плоскій берегъ, да море неподвижное, да луна на небѣ.

И шелъ съ той стороны навстрѣчу отвратительный смрадъ.

На горѣ Пётро побылъ недолго; по ту сторону онъ увидалъ прекрасныя поля и хорошія деревья высокія, и веселые ручейки, которые по кусточкамъ бѣжали и по камешкамъ прыгали. А гдѣ конецъ этому мѣсту, онъ не видалъ.

Когда Пётро туда сошелъ, онъ увидалъ, что у дороги подъ большимъ платаномъ, у ручейка, сидятъ два старца.

Бороды у обоихъ бѣлыя, чистыя, не великія и не малыя, и лица у нихъ обоихъ были свѣтолѣпныя и пріятныя, а другъ на друга совсѣмъ не похожія.

Пе́тро тотчасъ же подошелъ къ первому старцу и хотѣлъ поцѣловать его десницу, но тотъ велѣлъ ему прежде подойти къ другому, а потомъ ужъ къ себѣ.

Потомъ старцы сказали ему:

— Продай, молодецъ, намъ свое большое стадо.

Пе́тро удивился и спросилъ:

— Гдѣ жъ у меня стадо?

Тогда старцы сказали ему:

— Положи на землю шубу.

Пе́тро отвѣчалъ съ радостью: «извольте» и снявъ шубу поспѣшно положилъ ее на землю у ногъ ихъ.

И вотъ, только что онъ положилъ, въ одинъ мигъ стала разрастаться шуба, и разрасталась, и разрослась, и раскинулась далеко по красивому полю... и между деревьями изгибалась, и пропадалъ ея конецъ... Точно снѣгомъ покрылось все это поле. И заиграла, заиграла золотомъ на лунномъ свѣтѣ чистая бѣлая волна, и изъ каждаго волосика вышло по овечкѣ бѣлой... и заблеяли и запрыгали кругомъ ягницы и ягнята маленькіе и начали матерей сосать, а матери травку щипать, тѣснясь такъ, что едва ступить можно было...

Пе́тро удивлялся и веселился, глядя на свое стадо, и даже самъ запрыгалъ отъ радости, говоря:

— Вотъ стадо! Я такого стада никогда не видалъ.

Старцы улыбались на его невинную радость. Потомъ они встали съ мѣста, и одинъ далъ ему въ руки новый кожаный кошелекъ, совсѣмъ пустой, и сказалъ ему:

— Вотъ тебѣ, Пе́тро, плата за стадо твое. Только не искушай кошелекъ безъ крайней нужды. А когда будетъ очень нужно, ты въ немъ все найдешь. Богатство твое теперь будетъ неистощимо на этой землѣ; съ нимъ ты всего достигать можешь, даже и того, чего и не посмѣешь теперь искать. Но помни, что какъ только построишь ты своему благодѣтелю Христо и женѣ его Христинѣ такой большой домъ,

въ какихъ воеводы градскіе живутъ и купцы богатые, и какъ только купишь имъ землю доходную, чтобъ успокоить ихъ до смерти ихъ въ изобиліи, такъ сейчасъ изсякнетъ золото изъ кошелька этого и больше ты не будешь получать ничего. А строить ты домъ долго не долженъ. Въ одинъ мѣсяцъ. Иди же ты съ Богомъ, благословясь, и насъ, своихъ старцевъ, не забывай никогда!

И какъ сказали они эту рѣчь, вдругъ оба исчезли; и стадо необъятное исчезло, какъ бѣлый туманъ исчезаетъ, когда взойдетъ солнце и подуетъ вдругъ вѣтерокъ.

И Пётро остался опять одинъ съ пустымъ кошелькомъ въ рукахъ. Только луна свѣтила и деревья шелестили вокругъ чуть слышно, а ручейки по кусточкамъ и камешкамъ всѣ журчали и прыгали.

Тогда только образумился Пётро и понялъ, что святые то были старцы, овцы же были все души, которыя до тѣхъ поръ томились у дьявола.

Тогда Пётро подумалъ:

— Теперь вещь конченая! я могу теперь итти домой и заплатить за добро моимъ воспитателямъ такъ, что они и надѣяться не могли! Пойду, куплю земли и домъ имъ построю огромный въ одинъ мѣсяцъ и самъ успокоюсь.

И пошелъ по дорогѣ прямо.

IX.

Пётро шелъ долго по горамъ, полямъ и лѣсамъ, не встрѣчалъ живого человѣка и жилья человѣческаго не видалъ. Когда онъ садился отдыхать на камень или подъ деревомъ, всякій разъ вынималъ свой пустой кошелекъ, разглядывалъ его, мучась желаніемъ достать изъ него золотой, но всякій разъ вспоминалъ о томъ, что старецъ запретилъ ему испытывать Бога безъ крайности, и не опускалъ въ него руки и, творя молитву, со вздохомъ пряталъ его снова за поясъ. Такъ шелъ онъ долго, пока сталъ чувствовать голодъ, и испугался, что и съ неистощимымъ источникомъ

золота за поясомъ онъ можетъ погибнуть голодною смертью въ пустынѣ.

Вдругъ увидалъ онъ передъ собою двѣ дороги, направо и налѣво, и не зналъ онъ, по которой ему итти домой къ Христо и Христинѣ.

У дороги сидѣлъ на камнѣ нищій старикъ въ разодранной одеждѣ. Онъ ѣлъ хлѣбъ, и за спиной его была большая сума.

Пѣтро подошелъ къ нему и попросилъ у него хлѣба, потому что былъ очень голоденъ. «Я тебѣ денегъ дамъ», сказалъ онъ ему. Нищій отвѣчалъ, что онъ и безъ денегъ съ радостью готовъ раздѣлить съ нимъ убогую пищу свою. Онъ далъ ему большой кусокъ сухого хлѣба. Пѣтро сѣлъ съ нимъ рядомъ, и они начали ѣсть. Хлѣбъ этотъ показался пріемышу слаще всѣхъ кушаній, какія онъ прежде ѣдалъ, и онъ сказалъ нищему:

— Такого вкуснаго хлѣба я не ѣлъ никогда и съ такою радостью я еще никогда не вкушалъ никакой пищи!

Нищій улыбнулся и отвѣчалъ:

— Отъ всей души я тебѣ его далъ, — это вотъ отчего.

— Ты, я вижу, человѣкъ опытный и все знаешь, — сказалъ ему Пѣтро, — научи меня, какою дорогой мнѣ итти въ мѣста, гдѣ живутъ мои воспитатели Христо и Христина?

Нищій сказалъ ему:

— Направо дорога эта, а налѣво дорога въ царство добраго и великаго царя Агѣна, у котораго нѣтъ ни одного сына, а только одна дочь, царевна Жемчужина. И за эту прекрасную дочь теперь у царя Агѣна съ грознымъ царемъ Политѣкномъ, у котораго двѣнадцать сыновей и ни одной дочери, идетъ война. Произошелъ между ними раздоръ за то, что любимый и младшій сынъ грознаго царя Политѣкна поѣхалъ свататься за царевну Жемчужину и пропалъ безъ вѣсти, и теперь царь Политѣкнъ требуетъ, чтобъ ему выдали сына живого или, если онъ умеръ, то чтобы заплатили ему семь бочекъ золота. И идетъ жестокій бой вокругъ города. Добрый царь Агѣнъ самъ уже старъ

и тученъ и сражаться не можетъ; онъ сидитъ все на открытой башнѣ, на одномъ концѣ города, смотритъ въ трубу, а на другомъ концѣ города, за высокими стѣнами, есть другая башня островерхая и закрытая. Тамъ заперта дочь его, царевна Жемчужина; она больна, и къ ней никого, кромѣ кормилицы и двухъ старыхъ нѣмыхъ евнуховъ, не пускаютъ, ни мужескаго пола, ни даже женскаго... И никто въ городѣ не знаетъ, что̀ за болѣзнь у нея, и что̀ за великая тайна есть у царя Агѳна. Теперь я сказалъ тебѣ, куда идетъ дорога налѣво и куда направо. А ты иди домой къ Христо и Христинѣ.

Пѣтро сказалъ тогда нищему:

— Отчего же царь Агѳнъ не откупится? Развѣ нѣтъ у него семи бочекъ золота?

Нищій, смѣясь, отвѣчалъ ему такъ:

— На что̀ ты спрашиваешь? Не ты ли откупишь царя?

Пѣтро смутился (потому что онъ и въ самомъ дѣлѣ объ этомъ подумалъ) и спросилъ:

— Развѣ ты знаешь мое сердце?

Нищій отвѣчалъ:

— Не только сердце твое я знаю, но и больше того; знаю я, если ты пойдешь налѣво, то выкупишь царя и женишься на царевнѣ и вознесешься ты надо всѣми людьми.

Пѣтро обрадовался и вставъ вынулъ изъ кошелька первый золотой и далъ его нищему. Но тотъ не принялъ его и сказалъ:

— На что мнѣ золото! Дай мнѣ мѣдь.

Пѣтро опустилъ опять руку въ кошелекъ, но онъ не давалъ ни серебра, ни мѣди, а только чистое золото.

— Не могу! — сказалъ Пѣтро.

Нищій засмѣялся и воскликнулъ:

— Не нужно мнѣ ничего; я радъ и тому, что ты налѣво пойдешь. Ты человѣкъ молодой, прекрасный и храбрый; зачѣмъ тебѣ со стариками такъ рано у очага спокойно сидѣть. Поди повоюй и прославься и царскую дочь возведи на брачное ложе. Ты только объ этомъ подумай, — каково это!

Удивился Пѣтро добротѣ этого нищаго и его любви и простился съ нимъ какъ съ отцомъ. А это былъ опять тотъ самый дьяволъ, который уже въ образѣ мусье Франко хотѣлъ погубить душу пріемыша.

Пѣтро пошелъ налѣво, размышляя такъ: «Христо и Христина привыкли такъ жить, какъ они живутъ. И я подожду немного имъ строить этотъ домъ, чтобы вдругъ не изсякъ кошелекъ. А пока и свѣтъ и разныя вещи увижу и сладостями упьюсь такими, какихъ я не знаю еще!» На разсвѣтѣ увидалъ Пѣтро съ высокой горы у ногъ своихъ большую долину, зеленѣющую зеленою травой, и по ту сторону долины такую же стѣну горъ, какъ и та, на которой онъ теперь стоялъ. По долинѣ текли двѣ большія рѣки, и на берегахъ этихъ рѣкъ стоялъ большой городъ. Онъ имѣлъ видъ двуглаваго орла; одно изъ предмѣстій его шло къ одной рѣкѣ, и на концѣ предмѣстья стояла одна крѣпость съ высокою башней, наверху открытою, — и это было какъ правая глава; другая часть города направлялась въ другую сторону, уходя къ небольшому ущелью, и тамъ, на концѣ, была другая какъ бы крѣпость съ царскимъ дворцомъ и островерхою башней, — это было какъ лѣвая глава орла. На правой башнѣ, открытой, сидѣлъ всегда въ небольшомъ кіоскѣ добрый царь Агóпъ, а въ лѣвой, островерхой башнѣ и закрытой была заперта царевна. Крылья же выходили далеко въ обѣ стороны до самыхъ горъ налѣво и направо, — дома большіе, храмы, базары богатые сіяли разными цвѣтами; а на сторонѣ противоположной главамъ, какъ широкій, распущенный хвостъ, разсыпалось по густымъ садамъ бѣлыми домиками и красными кровлями особое предмѣстье.

Весь городъ былъ со всѣхъ сторонъ обнесенъ двумя высокими земляными валами и глубокими рвами, и на валахъ были укрѣплены крѣпкіе колья, а за кольями стояло множество молодцовъ для защиты города.

По долинѣ съ двухъ концовъ за рѣками и по сю сторону рѣкъ и по ту, и по сторонамъ, по уступамъ горъ, и у ногъ Пѣтро, и съ другой стороны, стоялъ страшный

лагерь; войско двигалось по лагерю несмѣтное. Со всѣхъ холмовъ и высотъ на городъ смотрѣли черныя, большія пушки на колесахъ, и, казалось, что всѣ онѣ были, какъ страшные звѣри черные и лѣсные, которые прилегли только и хотятъ броситься на городъ и растерзать его.

Посреди лагеря стоялъ особый большой шатеръ пурпуровый съ золотою короной наверху, а другой желтый около него и кругомъ этихъ двухъ — десять меньшихъ голубыхъ шатровъ и пятьдесятъ зеленыхъ шатровъ. Въ пурпуровомъ шатрѣ жилъ грозный царь Политѣкнъ, а въ желтомъ — наслѣдникъ его, знаменитый боецъ и воевода; въ десяти голубыхъ — десять главныхъ начальниковъ; а въ пятидесяти зеленыхъ — пятьдесятъ меньшихъ начальниковъ войска; бѣлымъ же шатрамъ для простыхъ воиновъ не было видно конца на травѣ долины и въ ущельяхъ, и у рѣкъ на берегахъ, и по холмамъ въ виноградникахъ до самыхъ большихъ садовъ городскихъ. И въ городѣ по разнымъ мѣстамъ, и близко, и далеко, и въ непріятельскомъ лагерѣ играли трубы, барабаны били громко, и народъ шумѣлъ и кричалъ. Но сраженія не было.

Пѣтро спустился съ горы и вошелъ въ лагерь. Воины тотчасъ же окружили его и свели къ одному начальнику.

— Кто ты такой? Не соглядатай ли? — спросилъ начальникъ этотъ грозно.

— Если бъ я былъ соглядатай, не съ горы сошелъ бы я, а пришелъ бы я изъ города и не отдался бы въ руки самъ, господинъ мой. Я путникъ, умираю съ голоду и не знаю ни мѣстъ этихъ, ни города, который вы осаждаете, ни народа вашего никогда не видалъ, а слышалъ только о великомъ царѣ Политѣкнѣ, какъ о самомъ грозномъ и справедливомъ изъ всѣхъ царей. Оттого я и прошелъ сюда, ибо справедливаго царя невинному человѣку зачѣмъ бояться?

Начальнику понравились почтительныя и разумныя слова Пѣтро; онъ приказалъ накормить и пустить его свободно въ лагерь, только чтобъ онъ въ городъ не ушелъ.

— Можетъ быть онъ все-таки нехорошій человѣкъ и намъ вредъ сдѣлаетъ, — сказалъ этотъ начальникъ.

Тогда воины увели Пѣтро къ себѣ и накормили его любезно, и успокоили его, и начали дружески жаловаться ему, что имъ уже давно наскучило тутъ стоять и осаждать этотъ городъ. Они разсказали, что войско все уже ропщетъ и желаетъ домой, что силой взять этотъ городъ трудно и потому царь его хочетъ голодомъ заставить сдаться. Но хоть и слышно, что въ городѣ нужда большая, однако сдаваться они еще не желаютъ, и потому ихъ царь приказалъ сказать царю осажденному, что онъ сниметъ осаду, если тотъ ему выплатитъ семь бочекъ золота. «Вчера предложили это осажденному царю и дали три дня сроку на соглашеніе, а если чрезъ три дня не дадутъ намъ этихъ семи бочекъ золота, то ударимъ всѣмъ войскомъ на городъ и возьмемъ его и разграбимъ, и камня на камнѣ не оставимъ, и царя этого нашъ царь ослѣпитъ и дочь его позору и поруганію предастъ, или всѣ мы сами погибнемъ тутъ вмѣстѣ съ нашимъ царомъ». Такъ говорили воины.

Пѣтро, желая узнать, правду ли ему сказалъ дьяволъ, котораго онъ принималъ за добраго нищаго, спросилъ: «А за что́ эта война?» Тогда одинъ престарѣлый воинъ разсказалъ ему такъ:

— Царя этого города зовутъ царь Аго́нъ, а нашего царя зовутъ Политѐкнъ. У царя Аго́на сыновей не родилось, а только одна дочь, царевна Жемчужина. У царя Политѐкна родилось двѣнадцать сыновей. Царь Политѐкнъ сокрушался о томъ, что у него много сыновей, а царь Аго́нъ жалѣлъ о томъ, что у него нѣтъ ни одного. Царь Политѐкнъ опасался, что по смерти его сыновья начнутъ между собою распри за́ наслѣдіе престола, а царь Аго́нъ боялся, что по смерти его некому будетъ царствовать. Поэтому царь Политѐкнъ спѣшилъ всѣхъ сыновей своихъ женить на иностранныхъ принцессахъ и разослалъ ихъ по тѣмъ странамъ, въ которыхъ ихъ невѣсты. Такъ что скоро у него дома остались только двое — старшій, нашъ князь и наслѣдникъ, и самый младшій. Младшаго этого нашъ царь Политѐкнъ

любилъ столько же, сколько Іаковъ любилъ Веніамина и не хотѣлъ его отпускать отъ себя. Онъ послалъ пословъ ко всѣмъ царямъ и сосѣднимъ и дальнимъ въ самые отдаленные края земли требовать портреты ихъ дочерей и объявилъ своимъ вельможамъ: «что та царевна, которая понравится моему любимому и младшему сыну — будетъ жить у насъ здѣсь, ибо если отецъ ея не отдастъ, я ее силой возьму для моего любимца!» Всѣ цари прислали портреты дочерей. Царь Агóнъ тоже прислалъ, но приказалъ сказать: «Я дочь на сторону не отдамъ; а хочу, чтобы зять у меня наслѣдникомъ былъ». Младшему же царевичу ни одна царская дочь не понравилась, кромѣ царевны Жемчужины, и онъ отъ всѣхъ другихъ отказался, и когда онъ узналъ, что царь Агóнъ на сторону ее не отдастъ, то онъ еще сильнѣе влюбился въ нее и сказалъ отцу: — Государь мой и отецъ, позволь мнѣ самому туда ѣхать и похитить ее. Жалѣлъ и боялся отецъ отпустить его; но, наконецъ, отпустилъ. Царевичъ перемѣнилъ одежду и сказалъ, что онъ безъ царевны не вернется; постарается ей простымъ человѣкомъ понравиться, а послѣ, одной ей открывшись, что онъ самъ царскій сынъ, похититъ и привезетъ ее. Было ему всего восемнадцать лѣтъ и былъ онъ краше нѣжной дѣвицы, а сердце имѣлъ смѣлое и мужественное. Поѣхалъ онъ и не возвращался болѣе. Тогда, прождавъ его годъ, нашъ царь грозно потребовалъ отъ царя Агóна отвѣта о томъ, что̀ сталось съ его сыномъ, который на дочери его жениться поѣхалъ; но царь Агóнъ отвѣтилъ, что дочь его нездорова и никого не видитъ, и что сына его тоже никто не видалъ и не знаетъ. Вотъ за это объявилъ нашъ царь Политѐкинъ ему эту кровавую войну, и вотъ почему мы тутъ стоимъ болѣе года и осаждаемъ напрасно столько времени столицу добраго царя Агóна. Царь нашъ ужасно и самъ утóмился и согласенъ оставить осаду, лишь бы ему уплатили осажденные семь бочекъ золота.

Такъ разсказывалъ старый воинъ, и Пѐтро послѣ этого еще больше повѣрилъ нищему, утвердился въ надеждахъ своихъ и подумалъ: «Жалко мнѣ этого царя Агóна! Да и

мнѣ уже стало очень тяжело безъ молодой жены... Трудно мнѣ уберечь себя, когда меня вездѣ и дѣвушки и молодыя жены такъ крѣпко любятъ. Дамъ я этому царю Агóну семь бочекъ золота, женюсь я на его дочери, буду счастливъ, богатъ и знатенъ, и благодѣтелямъ моимъ Христо и Христинѣ выстрою такой большой домъ, въ какихъ живутъ начальники городовъ или купцы богатѣйшіе.

И сталъ Пѣтро говорить этому воину:

— Отведи меня къ царю Политѣкну и къ сыну его и къ начальникамъ вашимъ; я откуплю царя Агóна и васъ всѣхъ возвращу домой и успокою.

Старый воинъ отвѣчалъ ему:

— У насъ этого нельзя. Не могу я повести тебя ни къ царю, ни къ начальникамъ, ни къ сыновьямъ царскимъ. Какъ бы меня не наказали за это. Можетъ быть ты какой-нибудь глупый и пустой человѣкъ. Гдѣ у тебя деньги такія, какихъ цари не имѣютъ? У насъ же государь такой грозный и справедливый, что съ нимъ очень страшно. И сынъ такой же грозный и справедливый, и начальники всѣ такіе же. Когда взошли мы на землю добраго царя Агóна, то царь намъ приказалъ такъ: «Гдѣ народъ въ какомъ городѣ защищаться будетъ и власти нашей не будетъ покоряться, сжигать тотъ городъ и то село, и всѣхъ людей даже съ грудными младенцами избивать. А гдѣ покоряться будетъ народъ, тамъ не касаться ничего и себѣ не брать воинамъ!» И приказалъ, когда захотимъ въ садахъ мирныхъ жителей виноградъ ѣсть, то ѣсть можемъ, но чтобы за каждый кустъ мѣдныя монетки класть, какая будетъ въ то время цѣна винограду и отъ всякихъ плодовъ, не иначе. И удивился бы ты, увидавъ, какъ спокойно выходили мирные жители и собирали виноградъ свой и поднимали наши монетки подъ лозами. Они говорили намъ: «О такой справедливости мы еще не слыхали!» И еще я тебѣ скажу. Повелѣлъ грозный нашъ царь въ одномъ мѣстѣ для отдыха ковры себѣ разостлать и сошелъ съ коня. Въ это время подошла къ нему здѣшняя одна бѣдная женщина вдова и сказала: «Ты, государь, не приказалъ своимъ воинамъ у насъ насильно

брать ничего; а одинъ изъ воиновъ твоихъ взялъ у меня кувшинъ молока насильно и выпилъ». Подозвалъ тогда царь всѣхъ воиновъ, которые тутъ съ нимъ были (а было ихъ тутъ немного) и сказалъ вдовѣ: «Укажи лицо его, если помнишь; но если ты ошибешься, ты умрешь». Она сказала: «Вотъ онъ». Тогда царь Политѐкнъ приказалъ его къ дереву привязать и разрѣзать ему животъ, и оттуда потекло молоко вмѣстѣ съ кровью. Оставилъ царь его тамъ умирать и поѣхалъ дальше. А вдовѣ, которая въ ужасѣ ницъ пала, царь сказалъ: «Это тебѣ хорошо, что ты не ошиблась; а ошиблась бы, то тебѣ еще хуже бы было». Такой у насъ царь и такое начальство, а ты говоришь, веди меня къ царю!

Однако Пѐтро настаивалъ, и старый воинъ наконецъ сказалъ:

— Я отведу тебя къ нашему сотнику только.

Они пришли къ сотнику. Сотникъ же, выслушавъ, что Пѐтро хочетъ откупить цѣлое царство, воскликнулъ:

— Дайте этому дураку палокъ двадцать и пусть идетъ спать спокойно.

Воины побили Пѐтро, и старый воинъ опять отвелъ его въ свой шатеръ.

Когда совсѣмъ стемнѣло, старый воинъ сказалъ пріемышу:

— Спи теперь.

Но Пѐтро:

— Нѣтъ, я спать не буду; а прошу тебя, отведи меня къ стѣнамъ городскимъ, чтобъ я могъ взойти въ городъ.

Старый воинъ отвѣчалъ ему:

— Либо свои насъ убьютъ, думая, что мы перебѣжать хотимъ, либо городскіе убьютъ насъ, какъ соглядатаевъ. Въ умѣ ли ты?

— Я въ умѣ, — отвѣчалъ Пѐтро. — И скажу тебѣ вотъ что́. Пусть убьютъ меня, это не твоя забота. А тебя либо убьютъ, либо ты обогатишь всю свою семью. Есть ли у тебя жена?

— Есть, и много дѣтей! — сказалъ воинъ.

— Видишь! И безъ того тебя убить могутъ, а я тебѣ теперь полную суму золота дамъ, а подъ стѣнами другую еще насыплю.

Велѣлъ ему выйти изъ шатра и, въ одинъ мигъ наполнивъ ему большую кожаную суму золотомъ, позвалъ снова. Увидавъ золото, воинъ согласился и сказалъ ему:

— Нѣтъ, ты точно, я вижу, въ своемъ умѣ и все говоришь разумно! Это правда, что и безъ того завтра я могу умереть, а если не убьютъ меня, то и жена и дѣти мои богаты будутъ... Я отведу тебя!

Повелъ старый воинъ Пѣтро съ великою осторожностью и искусствомъ, такъ какъ онъ во всемъ воинскомъ былъ очень опытенъ. Съ большою опасностью прошли они въ темнотѣ весь лагерь царя Политѣкна, и никто ихъ не потревожилъ, а когда у рѣки окликнулъ ихъ часовой, старый воинъ сказалъ ему:

— Не бойся, мы искупаться въ рѣкѣ лишь хотимъ. Это тоже нашъ человѣкъ и онъ тебѣ денегъ дастъ.

Пѣтро далъ часовому пригоршню золота, и тотъ пропустилъ ихъ. На берегу, въ тишинѣ, насыпалъ онъ своему помощнику, старому воину, еще другую суму, кинулся въ рѣку и переплылъ ее благополучно. Начало уже разсвѣтать, когда онъ сквозь сады достигъ городскихъ окоповъ и, спустившись въ ровъ, сталъ укрываться въ немъ, выжидая, когда люди городскіе увидятъ его. Увидали его наконецъ и хотѣли стрѣлять, но онъ закричалъ имъ:

— Добрыя вѣсти царю несу я!

Тогда ему приказали итти къ воротамъ. У воротъ онъ долго ждалъ, опасаясь, какъ бы его внезапно кто-нибудь не умертвилъ. Наконецъ отворили предъ нимъ низенькую желѣзную дверь, велѣли ему согнуться и почти ползкомъ ползти, и какъ только успѣлъ онъ голову опустить туда, такъ его схватили и, завязавъ ему глаза, повели.

Долго вели его люди эти, наконецъ остановились и развязали ему глаза.

Пѣтро услышалъ шумъ многихъ голосовъ и увидалъ, что онъ стоитъ на многолюдномъ базарѣ. Людей было много,

но всѣ были печальны и говорили, что стѣсненіе въ городѣ такъ велико, что люди платятъ по золотому за хлѣбъ. А бѣдные умираютъ отъ голода и всѣ хотятъ уже отворить ворота непріятелю, но еще жалѣютъ своего престарѣлаго государя, который и безъ того огорченъ безъ мѣры и цѣлые дни сидитъ наверху башни, самъ не ѣстъ и не пьетъ и горько плачетъ о своемъ народѣ.

Пётро сказалъ тогда:

— Ведите меня къ царю; я утѣшу государя, и онъ будетъ опять ѣсть и пить и перестанетъ проливать слезы.

Вельможи и воеводы долго не хотѣли пускать Пётро къ царю Агѐну, опасаясь, не съ худымъ ли какимъ-нибудь намѣреніемъ онъ пришелъ; они совѣтовались такъ долго, что Пётро проголодался, подошелъ къ хлѣбному продавцу и, взявъ у него самый маленькій хлѣбъ, опустилъ руку въ кошелекъ и заплатилъ за него новый золотой.

Потомъ взялъ другой хлѣбъ и заплатилъ за него еще золотой... Увидали нищіе и голодные люди, старухи, калѣки, безрукіе и безногіе, которые на рукахъ ползали, услыхали слѣпые старики, увидали и услышали всѣ они, что Пётро достаетъ изъ-за пояса все золотые, и окружили его. Кто плакалъ, кто кричалъ, кто молча протягивалъ руку или шапку къ нему, говоря только: «Господинъ, господинъ! Пожалѣй, господинъ!..» Пётро желалъ бы имъ раздать мѣдныхъ, но мѣдныхъ въ его кошелькѣ не бывало и не могло быть, и хоть жалко ему было давать золото, но вспомнивъ, что кошелекъ неистощимъ, онъ сталъ давать имъ всѣмъ по золотому и всѣхъ одѣлилъ поровну. Нищіе и голодные бросились сейчасъ же хлѣбъ у пекаря раскупать, и въ мигъ всѣ хлѣбы были до одного раскуплены, такъ что пекарь затворилъ свою пекарню. Какъ только увидали это люди, то сейчасъ побѣжали къ вельможамъ и сказали имъ:

— Вельможи и воеводы царскіе! тотъ юноша, который изъ вражескаго лагеря пришелъ, на базарѣ по золотому за хлѣбъ платитъ и множеству нищихъ и голодныхъ людей роздалъ по золотому. А они раскупили у пекаря всѣ

хлѣбы, такъ что пекарь заперъ свою пекарню и ушелъ домой!

Тогда вельможи и воеводы рѣшились допустить Пе́тро къ царю и повели его по лѣстницѣ на ту высокую башню, которая была около рѣки въ крѣпости и на которой сидѣлъ всегда царь, сокрушаясь и проливая слезы о томъ, что не можетъ спасти свой народъ и себя самого.

X.

Пе́тро засталъ добраго царя Аго́на очень печальнымъ. Царь былъ уже старъ и тученъ, и борода у него была бѣлая, ниже расшитаго пояса. Онъ сидѣлъ на престолѣ, около столика. На столикѣ же этомъ лежала большая зрительная труба, въ которую онъ глядѣлъ всегда съ башни на вражескій лагерь, ожидая, когда начнутъ непріятели снимать съ зеленой долины палатки и уходить за горы. Еще на столикѣ стояла золотая тарелка, а на тарелкѣ лежалъ кусокъ сухого хлѣба, которымъ царь Аго́нъ давно уже питался, смачивая его слезами, чтобы показать примѣръ терпѣнія простымъ людямъ и чтобы они не роптали. И люди всѣ въ городѣ знали о томъ, что добрый царь ѣстъ сухой хлѣбъ на золотой тарелкѣ, и не роптали.

Пе́тро никогда не видывалъ царя и сначала такъ смутился, что не могъ поднять на него глазъ; но царь любезно обратился къ нему и самымъ кроткимъ и ласковымъ голосомъ сказалъ ему:

— Здравствуй, молодецъ, откуда ты и какія ты намъ хорошія вѣсти принесъ?

Тогда Пе́тро ободрился и увидалъ, что царь Аго́нъ не столько ужасенъ, какъ онъ думалъ, а скорѣе внушаетъ къ себѣ любовь и уваженіе. Пе́тро палъ на колѣни и сказалъ царю:

— Господинъ мой и царь, я изъ далекихъ странъ и имѣю тебѣ сказать нѣчто для тебя полезное и пріятное.

Царь велѣлъ всѣмъ выйти за дверь, и наверху башни

остались только двое черныхъ евнуховъ большого роста и великой силы; они были вооружены мечами, а на плечахъ носили огромные топоры. Они были глухіе и нѣмые и ничего не слышали изъ того, что говорилъ Пётро съ царемъ. Но глаза ихъ были исполнены крови, и губы были необычайно велики и страшны. Они никогда не оставляли царя одного.

Тогда царь повелѣлъ Пётро ласково:

— Встань, молодецъ, и скажи мнѣ свою пріятную вѣсть.

Пётро всталъ и началъ такъ говорить царю:

— Государь! Тебѣ нужно семь бочекъ золота, чтобы царь Политёкнъ отступилъ отъ города и снялъ осаду. Въ его лагерѣ говорятъ, что царь Политёкнъ, если ты, государь, ему на третій вечеръ не пришлешь всѣхъ семи бочекъ, рѣшился итти на послѣдній приступъ и сказалъ, что онъ на стѣнахъ твоихъ положитъ все свое войско до одного человѣка и до главнаго воеводы и самъ одинъ съ сыномъ войдетъ въ городъ и погибнетъ, или возьметъ его и не оставитъ ни души человѣческой, ни камня на камнѣ, и тебя, государь, ослѣпитъ, а царевну, дочь твою единственную, предастъ всякому поруганію...

— Это ли вѣсти добрыя твои?.. За такія добрыя вѣсти мы тебя благодарить не будемъ! — воскликнулъ царь Агѳнъ.

И удивился даже дерзости, съ которой говорилъ ему это Пётро. Въ сердцѣ его вспыхнулъ гнѣвъ; онъ взглянулъ на губастыхъ и большихъ евнуховъ, и тѣ тотчасъ выступили впередъ съ топорами...

Однако престарѣлый царь сдержалъ тотчасъ же свой мгновенный гнѣвъ и подалъ евнухамъ знакъ, чтобъ они встали пока опять на свои мѣста. Они стали опять неподвижно, а царь, принявъ болѣе прежняго суровый видъ, обратился снова къ Пётро и сказалъ ему:

— Ты, молодецъ, не глумиться ли надъ нашимъ горемъ пришелъ, что зовешь такія вѣсти хорошими и говоришь ихъ такъ дерзновенно и глупо? Правда, мы теперь въ великомъ и неслыханномъ горѣ, но есть еще у насъ и силы, пока я живъ, не только тебя, несчастнаго, лютымъ истяза-

ніямъ предать, но и царя Политéкна съ великимъ урономъ и стыдомъ отразить отъ стѣнъ нашего города. Когда Богъ за насъ, кто противу насъ?

Но Пéтро, не смущаясь, продолжалъ такъ:

— Не гнѣвись, государь, на смиреннаго раба твоего! Не та моя добрая вѣсть, что царь Политéкинъ твой городъ возьметъ и разрушитъ, и тебя ослѣпитъ, и плѣнитъ, и дочь твою царевну позорнымъ поруганіямъ предастъ, а то я зову моею доброю вѣстью, что въ моихъ рукахъ сдѣлать такъ, чтобы ни капли крови больше не пролилось подъ стѣнами твоего великаго и славнаго города и чтобы кончился голодъ и плачъ сиротъ и вдовицъ, и чтобы царь Политéкинъ со всѣмъ своимъ великимъ войскомъ и съ шатрами и пушками и съ конницею быстрой ушелъ за эти высокія горы, которыя мы видимъ по обѣ стороны города... Въ моихъ рукахъ это... А если это оскорбляетъ тебя, государь, то прости рабу твоему.

И Пéтро поклонился въ землю, говоря это.

Царь удивился и спросилъ съ улыбкой:

— Какъ же это въ твоихъ рукахъ, повѣдай намъ это диво!

— Я насыплю тебѣ, государь, всѣ семь бочекъ золота, и если желаешь и больше. Только, чтобы никто не видалъ, какъ я это сдѣлаю и откуда я золото достану. Но могу я это тогда только сдѣлать, когда ты мнѣ отдашь въ награду царевну, дочь твою...

Пéтро, сказавъ эти слова, съ безпокойствомъ поглядѣлъ, не гнѣвается ли опять царь и не поднимаютъ ли на него опять топоры ужасные евнухи за такое смѣлое требованіе.

Но на лицѣ царя не было видно гнѣва, когда онъ слушалъ эти слова Пéтро. Онъ, напротивъ того, засмѣялся и воскликнулъ:

— Спасибо тебѣ, молодецъ, за то, что въ столькихъ горестяхъ развеселилъ насъ. Я вижу, что ты можешь быть у меня при дворѣ дуракомъ, смѣлымъ и утѣшительнымъ! Даю тебѣ обѣщаніе взять тебя въ шуты, если только кон-

чу благополучно эту войну и останусь живъ. Былъ у меня одинъ такой утѣшительный человѣкъ, который всегда и въ горницу ко мнѣ какъ четвероногій скотъ на рукахъ и на ногахъ входилъ. Но онъ скончался.

Сказавъ это, царь Агóнъ ударилъ въ ладоши, и когда всѣ царедворцы, воеводы и евнухи, которые ждали его зова за дверьми и на лѣстницѣ, взошли толпой на площадку башни, царь велѣлъ сказать имъ:

— Посмотрите на этого смѣлаго дурака и наградите его чѣмъ-нибудь... Онъ развеселилъ и насмѣшилъ меня.—И много смѣясь, царь Агóнъ приказалъ, чтобы Пéтро при всѣхъ повторилъ свое предложеніе.

Пéтро повторилъ снова при всѣхъ, что у него больше семи бочекъ золота для выкупа есть, и прибавилъ еще:

— Я радъ, государь мой, что насмѣшилъ тебя и всякую должность при дворѣ твоемъ, хотя бы и дурацкую, я по волѣ твоей радъ исполнять, потому что ты царь и мнѣ все это будетъ въ честь. Но изволь приказать въ подвалъ отнесть семь пустыхъ бочекъ и дай мнѣ отъ подвала ключъ, чтобы я могъ запереться въ немъ на одинъ часъ. И если чрезъ часъ не будетъ у тебя полныхъ семи бочекъ золота, то не убивай меня, но пусть буду я у тебя при дворѣ дуракомъ и шутомъ утѣшительнымъ. А если будутъ полны чрезъ часъ семь бочекъ, то дай мнѣ царское свое слово, что исполнишь ты все, о чемъ я тебя попрошу.

О царевнѣ же Пéтро при другихъ людяхъ умолчалъ.

Царь Агóнъ поглядѣлъ внимательно на Пéтро; помедлилъ нѣсколько времени, замѣтивъ, что онъ умолчалъ о царевнѣ при другихъ людяхъ, и наконецъ сказалъ ему такъ, уже безъ смѣха:

— Вотъ видишь ли, мальчикъ мой любезный, что̀ я тебѣ скажу... Очень ты смѣлъ и дерзокъ и боюсь я, не безумный ли ты совсѣмъ... Но рѣчь твоя тверда и очи твои прекрасны и разумны... Пусть будетъ по-твоему... И я даю тебѣ мое царское слово, что я и больше того, что̀ ты попросишь, сдѣлаю, если чрезъ часъ будутъ всѣ семь бочекъ полны золота. Больше сдѣлаю... Слышишь?

— Слышу, государь, слышу! — отвѣчалъ Пётро.

Тогда царь велѣлъ ему встать и, вставъ самъ со вздохомъ, опять сдѣлался печаленъ и приказалъ вести себя подъ руки домой во дворецъ, потому что уже свечерѣло: и въ непріятельскомъ лагерѣ по всей долинѣ, и по горамъ, кромѣ огней, у которыхъ воины пищу себѣ варили и грѣлись, ничего уже не было видно.

Люди царскіе взяли Пётро и погнали его съ насмѣшкой и бранью въ погребъ, въ который и скатили тотчасъ же семь огромныхъ пустыхъ бочекъ.

Одни изъ нихъ ругали Пётро и говорили:

— Вотъ избавитель пришелъ! Кто и откуда! Кожу бы съ него живого съ негодяя содрать, чтобъ онъ государя въ такіе дни пустыми дѣлами не утруждалъ.

Другіе жаловались, что не золото нужно, а пища и что лучше такого жирнаго молодчика зарѣзать въ погребѣ и съѣсть его, потому что мяса уже давно въ городѣ никто не видалъ.

А иные были подобрѣе и только смѣялись надъ нимъ, говоря:

— Царь обѣщалъ не убивать его, а если не будетъ семи бочекъ, то палокъ не миновать ему... Хоть и голодно, но по крайней мѣрѣ посмѣемся надъ самохвальствомъ этого дурака!

Пётро, подкрѣпляя себя вѣрою, не впадалъ въ уныніе, и высматривалъ лица всѣхъ тѣхъ, которые оскорбляли его и желали ему зла, стараясь не забывать ихъ, и думалъ про себя спускаясь съ ними вмѣстѣ по лѣстницѣ въ подвалъ:

«Подождите, завтра я буду вамъ всѣмъ господинъ и тогда каждому изъ васъ воздамъ, смотря по дѣламъ и по словамъ вашимъ!»

Царскіе слуги привели Пётро къ желѣзной двери темнаго подвала, отворили дверь и втолкнули его туда, говоря:

— Ну, волхвуй тутъ, собака дерзкая... пока мы тебѣ палками пятки не разогрѣли! Часъ тебѣ сроку!—и заперли за нимъ тяжелую дверь большимъ запоромъ снаружи, не оставили ему даже ни свѣтильни, ни фонаря.

XI.

Когда царскіе слуги, глумясь, затворили за Пе́тро тяжелую дверь, онъ остался въ такой темнотѣ, что не могъ ничего видѣть. Однако онъ замѣтилъ, въ какой сторонѣ стоятъ бочки, и со страхомъ, чтобы не упасть въ какую-нибудь глубокую яму, пошелъ туда и ощупалъ одну рукой.

И, взявъ кошелекъ изъ-за пояса, раскрылъ его надъ пустою бочкой, и посыпалось золото изъ него съ великимъ звономъ, и не только бочка наполнилась, но золото издавало особый и прекрасный свѣтъ, отъ котораго освѣтилось все ужасное подземелье. Такъ онъ наполнилъ всѣ семь бочекъ и, уставъ сильно, сѣлъ на сырой землѣ и, приклонившись къ бочкѣ, крѣпко уснулъ.

Добрый царь Аго́нъ между тѣмъ сѣлъ на коня и объѣзжалъ съ воеводами и вельможами своими всѣ стѣны и окопы города, возбуждая сердца воиновъ къ защитѣ жилищъ и семействъ своихъ и достоянія (ибо онъ не вѣрилъ, что Пе́тро насыпаетъ семь бочекъ, и ждалъ на разсвѣтѣ жестокаго боя).

Онъ проливалъ слезы и говорилъ людямъ:

— Потщитесь дѣти, потщитесь... Я, конечно, состарѣлся, одряхлѣлъ и тѣломъ сталъ слишкомъ тученъ, такъ что только съ большого камня могу влѣзть на сѣдло; но если я не могу оружіемъ враговъ поражать, ни начальствовать вами, я завтра утромъ приду сюда умереть вмѣстѣ съ вами!

Воины тоже плакали и обѣщали всѣ до одного умереть, если врага прогнать будетъ невозможно.

Такъ немного успокоивъ свою душу, царь возвратился домой и, не будучи въ состояніи спать отъ печали, вспомнилъ о Пе́тро и захотѣлъ опять посмѣяться. Онъ спросилъ:

— Гдѣ этотъ красивый шутъ, который спасти насъ хотѣлъ? Посмотрите, что онъ дѣлаетъ въ погребѣ, и позо-

вите его сюда. Можетъ быть онъ опять утѣшитъ меня какою-нибудь глупостью.

Но люди, пошедшіе за Пе́тро, возвратились въ страхѣ и радости и сказали:

— Государь, бочки исполнены золота; а самъ юноша на сырой землѣ покоится сномъ невинности... Что̀ прикажешь дѣлать?..

Царь не хотѣлъ имъ вѣрить и приказалъ свести себя подъ руки по скользкой лѣстницѣ въ ужасное подземелье. И увидавъ, что это все правда, и самъ разбудивъ Пе́тро, облобызалъ его, говоря:

— Истинный ты спаситель этого города и моего царскаго дома!

Тогда во всемъ городѣ настала внезапная радость; забили барабаны, заиграли трубы, множество факеловъ загорѣлось, и когда въ станѣ царя Политѐкна всѣ испугались и думали, что горожане внезапно изъ воротъ хотятъ выйти и начать битву, тогда люди городскіе и воины царя Агѐна кричали имъ:

— Миръ! миръ!.. Золото вамъ шлемъ...

А тѣ не вѣрили и всѣ проснувшись и одѣвшись вооружились и ждали.

Слуги царя Агѐна между тѣмъ подъ его собственнымъ присмотромъ нагружали бочки на большія телѣги, запряженныя каждая шестью буйволами, и при кликахъ радости и съ шумомъ, съ огнями, съ пѣніемъ и плясками повезли въ непріятельскій лагерь. Отвезли и отдали. И считалъ царь Политѐкнъ деньги до разсвѣта и не могъ счесть, потому что близилось утро, и онъ легъ на ложе свое и воскликнулъ:

— Не хочу больше считать, — довольно!

А какъ только проснулся царь Политѐкнъ, такъ велѣлъ сниматься съ поля лагерю и итти всему войску домой.

Добрый же царь Агѐнъ отъ радости всю ночь не спалъ и приказалъ, чтобы Пе́тро на его конѣ по городу возили и восклицали: — Вотъ тотъ благословенный и добрый человѣкъ, который выкупилъ царя нашего и всѣхъ насъ отъ

лютой смерти и отъ жестокаго рабства и плѣненія спасъ!.. Самъ же царь Агóнъ взошелъ на башню свою и любовался, какъ снимались палатки вражескія съ долины.

Снимались палатки и уходили войска въ разныя стороны и по разнымъ дорогамъ, чтобы поскорѣе уйти; изъ селъ уже хлѣбъ везли и другіе запасы для продажи въ городѣ.

Послѣ этого царь Агóнъ заперся у себя на три дня и три ночи и на башню не восходилъ болѣе, а только ѣлъ, пилъ и отдыхалъ, возлегая на драгоцѣнномъ ложѣ и омывая слезами радости тюлевую подушку на аломъ шелку...

Про Пéтро онъ какъ будто забылъ въ эти дни, и Пéтро скучалъ, думая: «видно и отъ царя этого мнѣ, кромѣ обмана, ничего не видать!»

Однако на четвертый день добрый царь Агóнъ надѣлъ порфиру, возложилъ на себя вѣнецъ и, взявъ въ одну руку скипетръ, а въ другую державу, возсѣлъ на престолъ свой и велѣлъ позвать къ себѣ Пéтро.

Пéтро пришелъ и поклонился ему.

— Ты видѣлъ меня въ горестяхъ; теперь ты видишь меня во всемъ моемъ величіи,—радуйся,—сказалъ ему царь и далъ ему цѣловать десницу свою.

Потомъ царь сказалъ ему:

— Чего ты, сынъ мой, желаешь отъ меня теперь? Скажи мнѣ по сердцу, и я постараюсь исполнить твое желаніе...

— Ты, государь, знаешь мое желаніе,—отвѣчалъ Пéтро очень почтительно.

Царь посмотрѣлъ на него внимательно и сказалъ:

— Мнѣ нравится твоя почтительность, сынъ мой, но я не знаю твоего желанія.

— Я желаю, государь, чтобы ты царевну твою, Жемчужину, мнѣ въ жены отдалъ. Ты же, государь, на высокой башнѣ своей, въ то время, когда грозный царь Политéкнъ облегалъ безконечнымъ лагеремъ городъ твой и грозился умертвить тебя самого, при царедворцахъ твоихъ сказалъ мнѣ, что ты и больше этого сдѣлаешь для меня.

Царь вздохнулъ глубоко и сказалъ ему:

— Зачѣмъ тебѣ моя дочь?

— Государь мой милостивый и благоутробный! Пожалѣй меня, — воскликнулъ Пе́тро, — молодъ я! Дѣвушки и жены даже замужнія смертью за меня умираютъ отъ любви и искушаютъ меня... Я же грѣха трепещу и хочу невиннымъ и чистымъ въ бракъ законный вступить. Когда я на твоей дочери прекрасной и юной женюсь, буду я знать тогда, что мнѣ нужно будетъ обнимать и ласкать ее сколько моему сердцу угодно, не опасаясь гнѣва Божія! Вотъ почему я хочу царевну твою въ жены себѣ.

Царь сказалъ ему на это:

— А кто ты такой? Можетъ быть ты какой-нибудь незаконнорожденный и дурной женщины сынъ! Разскажи мнѣ все, кто ты и откуда?..

Велѣлъ ему царь Аго́нъ сѣсть на полъ противу себя и разсказывать.

Разсказалъ ему Пе́тро все о Христо и Христинѣ и о бабушкѣ своей, которую онъ не помнилъ и которая умерла на дорогѣ въ лѣсу, и о неправдахъ, которыя онъ претерпѣлъ у чорбаджи Брайко, и у попа Георгія, и у Хаджи-Дмитрія купца, и у епископа добраго... И о мусье Фра́нко, самомъ дьяволѣ, и о птичкѣ, и о томъ, какъ померли всѣ тѣ, которые обидѣли его, и какъ души ихъ мучились у дьявола... Умолчалъ Пе́тро только о томъ, что́ было послѣ, о кошелькѣ и о святыхъ, которыхъ онъ подъ горою встрѣтилъ.

Царь все слушалъ его и жалѣлъ, а когда онъ кончилъ, сказалъ ему:

— Пока ты не разсказалъ своихъ бѣдствій, я и своихъ не помнилъ такъ, а теперь ты мнѣ мои всѣ горести напомнилъ, несчастный...

И сказавъ это, царь положилъ на столикъ около себя державу и скипетръ и началъ горько плакать.

Пе́тро же, сидя противу него на полу, сталъ думать: «Это онъ все лицемѣритъ, чтобы дочери мнѣ не отдать». И молчалъ.

Утерши слезы свои, добрый царь Агóнъ сказáлъ:

— Сынъ мой, я жалѣю тебя. Ты, можетъ быть, слышалъ, что дочь моя больна, но ты не знаешь настоящей тайны, тайны великой, чрезъ которую всѣ бѣдствія мои приходятъ, чрезъ которую и война съ грознымъ царемъ Политѐкномъ у насъ была, чрезъ которую и эти черныя слезы мои текутъ, чрезъ которую и тебѣ я говорю, проси лучше бóльшаго, а дочь мою не проси.

— Я бóльшаго ничего не желаю, государь мой,— сказалъ Пѐтро.—Ты мнѣ дочь пожалуйста отдай свою. Если она нездорова, я помолюсь, и ей будетъ легче. Позволь мнѣ по крайней мѣрѣ видѣть ее.

— А когда такъ ты желаешь ее,—сказалъ царь Агóнъ,— да будетъ судьба твоя.

Велѣлъ царь тотчасъ позвать къ себѣ кормилицу царевны, которую ужъ давно никто не видалъ, и сказавъ ей сперва что-то тайно, чего слышать Пѐтро не могъ, прибавилъ громко:

— Этотъ юноша хочетъ видѣть царевну и можетъ быть вылѣчитъ ее своими молитвами. Разскажи ему прежде все, чтобы не былъ я противъ него измѣнникомъ и предателемъ... И да будетъ судьба его!

Послѣ этого царь Агóнъ сошелъ съ престола своего и удалился; а кормилица сказала Пѐтро:

— Иди за мной, несчастный! — и повела его.

Долго вела она его; спустились они въ подземелье длинное и пришли наконецъ къ низенькой желѣзной дверкѣ, и кормилица отперла ее, ввела Пѐтро въ небольшой покой, сѣла и сказала ему:

— Садись и ты, горькій ты мой сирота; я тебѣ теперь вѣсть скажу страшную и недобрую.

Ужаснулся Пѐтро и спросилъ:

— Что такое?

— Кто изъ юношей, сирота ты мой черный и бѣдный, чрезъ порогъ царевны переходилъ, тотъ назадъ не возвращался.

И открыла она ему другую дверь въ сырой подвалъ, и отступилъ Пѐтро въ смятеніи.

Тамъ лежали въ гробахъ двое мертвыхъ юношей. И пахло оттуда страшно человѣческимъ трупомъ; потому что они еще не распались въ прахъ, а тлѣли медленно и издавали ужасный запахъ. Ближе другихъ къ дверямъ лежалъ трупъ, по виду, молодой дѣвушки необычайной красоты, въ простомъ одѣяніи съ вѣнцомъ высохшихъ цвѣтовъ на головѣ. Были эти трупы бѣлы и блѣдны какъ воскъ свѣчей, и печальны были лица ихъ, какъ будто они оплакивали раннюю гибель свою.

— И это не дѣвушка,—сказала кормилица.—Этотъ юноша лучшій изъ всѣхъ, послѣдній сынъ грознаго царя Политéкна. Изъ-за него была ужасная война, отъ которой ты насъ спасъ на гибель свою.

Сказавъ эти слова, кормилица затворила снова дверь, возвратилась въ свой покой и, сѣвъ сама, посадила Пéтро и сказала ему:

— Садись и ты. Я разскажу тебѣ всю правду. А ты слушай и готовься къ смерти, если хочешь видѣть царевну. Возврата отъ нея нѣтъ, сирота ты мой горькій!..

Смутился Пéтро еще больше, сѣлъ и слушалъ, а кормилица разсказывала ему о великой и страшной тайнѣ, о той горести, которая добраго царя Агóна сокрушила.

XII.

Кормилица говорила ему такъ:

— Ты самъ, сынокъ мой и молодой чужестранецъ, знаешь, что у добраго царя нашего нѣтъ другихъ дѣтей, кромѣ одной этой дочери царевны Жемчужины, которую я моимъ молокомъ вскормила и носила долго на груди моей. И потому, что она была у царя одна, берегъ и любилъ ее царь какъ очи свои и не зналъ съ самаго начала уже, чѣмъ угодить ей и порадовать ее. Какая подруга маленькая ей нравилась, царь приказывалъ тотчасъ ее взять въ палаты свои. Говорила она: «Когда бы этотъ евнухъ или этотъ слуга ушелъ изъ дома нашего. Опротивѣлъ онъ

мнѣ!» И изгонялъ его безжалостно добрый царь Агóнъ, хотя бы онъ ничѣмъ и виноватъ не былъ, а только тѣмъ, что царевнѣ маленькой не понравился. Особый дворецъ онъ ей выстроилъ и эту большую островерхую башню, въ которой она теперь заключена. И съ башни этой видъ на городъ и поля открывается еще лучшій, чѣмъ съ той, на которую самъ царь выходитъ, чтобы на царство свое смотрѣть. Пожелала она, картинки чтобъ у нея на стѣнѣ въ комнатѣ нарисованы были; царь художника искуснаго призвалъ, и художникъ нарисовалъ большую и страшную женщину съ рыбьимъ хвостомъ; около нея море, а въ морѣ корабликъ, и женщина эта большая съ рыбьимъ хвостомъ корабликъ веревкой къ себѣ тянетъ, а на корабликѣ маленькіе, маленькіе, чуть видные люди воздѣли руки и ужасаются. Посмотрѣла царевна и сказала: «Долго трудился художникъ, а что́ хорошаго вышло? Не утѣшаетъ меня эта нагая баба съ хвостомъ. Я еще, можетъ быть, отъ страха ночь не буду всю спать!»

И потомъ сказала: «Государь мой и отецъ дорогой! прикажи мнѣ лучше нарисовать такъ, чтобы все были деревья и деревья такъ, какъ около моего дворца. И чтобы между деревьями все зайчики прыгали, а на деревьяхъ чтобы такія птицы сидѣли, какихъ никто въ жизни своей не видалъ!»

Смыли страшную женщину съ рыбьимъ хвостомъ и взяли другого художника, и онъ написалъ все деревья и деревья, и зайчиковъ и птицъ такихъ, какихъ никто въ жизни не видывалъ.

Долго на эту картину веселилась и утѣшалась милая царевна наша и прыгала даже предъ нею и говорила: «Кормилица! когда зимой будетъ холодно, я въ садъ не пойду; а буду здѣсь гулять и за зайцами этими бѣгать. А птицы ужъ эти утѣшительнѣе и гораздо пріятнѣе настоящихъ!»

И такъ дорого за эту радость заплатилъ царь художнику, что тотъ большія палаты себѣ на эти деньги выстроилъ.

А какъ настала зима, погуляла разъ царевна около этой картинки по комнатѣ, два раза погуляла, а на третій говоритъ съ большимъ пренебреженіемъ: «Зайцы все скачутъ и никуда не ускачутъ; а птицы какія это такія? это неправда, такихъ никогда не бываетъ!..» И стала просить отца своего, государя, чтобы новую картинку ей написать и зайцевъ и птицъ уничтожить вовсе; согласился царь съ радостью и призвалъ третьяго художника изъ далекаго города, лучшаго, и царевна говоритъ: «пусть онъ самъ придумаетъ!» И придумалъ этотъ художникъ хорошо. Онъ нарисовалъ цвѣтникъ и дорожки и кругомъ все кипарисы до самаго конца, а въ серединѣ кіоскъ; а кругомъ кіоска на золотыхъ креслахъ сидятъ все рядомъ и поочереди одинъ мужчина богатый съ чубукомъ въ рукѣ и одна женщина богатая съ цвѣткомъ въ рукѣ, который она нюхаетъ; а потомъ опять мужчина и опять женщина; и всѣ они глядятъ на кіоскъ и наслаждаются. Тогда царевна сказала: «вотъ это хорошо!» и больше не просила мѣнять картины.

Такъ любилъ царь Агóнъ царевну и только и думалъ о томъ, какъ онъ ее выдастъ замужъ и за какого царевича или вельможнаго сына, чтобы тотъ могъ ему стать вмѣсто сына родного и наслѣдовать ему, когда онъ умретъ.

Когда еще царевна была мала, царь Агóнъ веселился на ея красоту и пріятность и спрашивалъ ее: «Жемчужина моя маленькая! скажи ты мнѣ, за кого ты замужъ хочешь? я тебя отдамъ!» а она дитя неразумное еще была, и ничего не понимала и лаская отца говорила: «за тебя я, отецъ, хочу замужъ. Чужихъ я не хочу!» Много мы всѣ смѣялись и веселились на ея дѣтское неразуміе. А потомъ, когда ей стало уже четырнадцать лѣтъ, и царь опять спрашивалъ ее: «Жемчужина ты моя, скажи мнѣ душу свою, за кого ты хочешь замужъ?.. Я бы не хотѣлъ ни въ чемъ перечить волѣ твоей... чтобы ты была счастлива, какъ только можетъ быть счастливъ человѣкъ на свѣтѣ этомъ». Царевна уже стыдилась и молчала, закрывая покрываломъ лицо; и царь снова приступалъ къ ней: «скажи!» а она

отвѣчала ему: «воля твоя на это, государь! а мнѣ гдѣ такія вещи знать!» Сама же смотрѣла однимъ глазомъ изъ-за покрывала, что́ дѣлаетъ отецъ и что́ онъ сказать собирается. А когда со мной она была, то мнѣ говорила, открывая свою душу: «все царскихъ дѣтей намъ ждать? А я хочу вотъ что́: чтобы мужъ мой былъ больше меня, сильнѣе меня, красивѣе меня!» И я говорила ей: «и больше и сильнѣе найти легко, а чтобы былъ онъ красивѣе тебя, найти вотъ это трудно!» Она, вздохнувъ, отвѣчала: «это правда, что трудно!» Пошла я тайно отъ нея и передала эти слова царю; царь затруднился тоже и сказалъ: «трудно это, чтобы красивѣе найти, чѣмъ она сама! боюсь ужъ, не слишкомъ ли во всемъ я ей потворствовалъ!»

Стали показывать ей разныхъ дѣтей вельможъ, самыхъ лучшихъ, а она глядѣла изъ окна и говорила: «Ба! какой холодный!..» а про другого говорила: «Слабенькій онъ и худой...» а про другого: «Что за сокровище вы нашли такое!» И никого не хотѣла. И стала она вдругъ блѣднѣть и тосковать и плакать, и не знали мы, что съ ней сталось. И удаляться стала отъ меня и отъ подругъ своихъ и отъ всѣхъ людей, и начала биться объ землю и одежды на себѣ разрывать и волосы свои, которые до земли у нея, вырывала цѣлыми прядями, сокрушаясь. Сказалъ тогда царь: «Нѣтъ, надо ее замужъ отдать»: и самъ выбралъ ей сына одного изъ царедворцевъ своихъ, юношу прекраснаго, и приказалъ ей обвѣнчаться съ нимъ. И обвѣнчали ихъ. Она ничего не сказала. Я ввела его въ комнату ея и ушла. На другой же день вошла опять я къ нимъ поздно и ужаснулась... Юноша лежалъ на брачномъ ложѣ мертвый и блѣдный, потому что она кровь изъ него всю высосала и онъ умеръ. А она какъ была, такъ и осталась и сидѣла печальная и еще блѣднѣе и страшнѣе его, только губки ея были всѣ въ свѣжей крови. Я сказала ей: «Что́ ты сдѣлала, царевна?» Она ничего не отвѣчала, только: «Убери его!» Тогда мы похоронили его въ томъ погребѣ, который ты видѣлъ, и зналъ объ этомъ только одинъ царь Агóнъ и два нѣмыхъ евнуха, а больше никто. Оставили это дѣло

такъ; повеселѣла опять немного царевна, и подумалъ царь: «Это оттого, что онъ ей былъ не милъ. Пусть сама выберетъ». Тогда царевна открылась мнѣ: «Я видѣла во снѣ одного. Отыщите мнѣ его». Она сказала, какой онъ былъ; мы отыскали ей такого и привели ей, и она обрадовалась и воскликнула: «Этотъ самый!..» И обвѣнчалась съ нимъ. Опять я вошла на другое утро и опять нашла его мертвымъ; а она уже смѣялась и говорила мнѣ: «Вашимъ женихамъ сладкая смерть... Приводите ко мнѣ юношей, и я ихъ кровь высосу!»

Тогда мы поняли, что она стала такою дѣвушкой, которая у юношей кровь пьетъ, и заперли ее въ эту башню и въ этотъ дворецъ не стали сюда пускать никого изъ молодыхъ мужчинъ, а только женщинъ и престарѣлыхъ людей для работы.

Начала она биться опять и просить меня, чтобы привела я ей юношу пить его кровь. Но я не соглашалась и никого не приводила ей.

Въ это время царь Политéкнъ прислалъ сюда посланцевъ просить царевну въ замужество за младшаго сына своего; но царь Агóнъ сказалъ: «Я ищу къ себѣ зятя взять, а не туда отдавать дочь мою. У меня нѣтъ сыновей». Благодарилъ за честь и отказалъ царю Политéкну. Сынъ же царя Политéкна возгорѣлъ тогда сильнымъ желаніемъ похитить нашу царевну и придумалъ сдѣлать это такъ: одѣться простымъ человѣкомъ если нужно, и если нужно дѣвушкой, и похитить ее отсюда и жениться на ней.

Вотъ онъ пришелъ сюда простымъ мальчикомъ, и никто его не зналъ, онъ же узналъ, что царевна нездорова и что юношей и молодыхъ мужчинъ никакого званія ко дворцу ея подходить даже не пускаютъ евнухи, и было ему это очень досадно. Переодѣлся онъ тогда въ женское простое платье и сѣлъ у воротъ, говоря евнухамъ: «когда бы меня къ царевнѣ въ служанки взяли. Я все знаю». Пришли евнухи и сказали мнѣ: «Дѣвушка очень молодая и красоты необычайной пришла къ воротамъ и въ служанки просится; и она говоритъ, что все знаетъ».

Я велѣла привести эту дѣвушку; и она была царевичъ; а я этого не знала и спросила ее: «собой ты очень пріятна, а что́ ты знаешь?» Она сказала: «Пѣсни пою и на тамбурѣ играю, и пляшу, и все другое знаю. А чего не знаю, тому сейчасъ выучусь, потому что я очень умна!..» Я сказала: «Что жъ, оставайся! Царевна наша нездорова; можетъ быть ты развеселишь ее...» Царевна же тотчасъ же почуяла, что это не дѣвушка, и выбѣжала къ ней и обрадовалась и обнимала ее, восклицая: «Милая ты моя! Сколько времени я тебя ждала!..» Та спросила: «Не прикажешь ли пѣть или на тамбурѣ играть?..» А царевна: «До пѣсенъ ли намъ теперь... Я тебѣ игру лучшую покажу, радость ты моя!..» Увела она царевича къ себѣ, затворилась съ нимъ и высосала его кровь, вышла ко мнѣ и сказала мнѣ: «Поди, кормилица, погляди на эту милую дѣвушку, какъ она уснула хорошо...» Увидала я тутъ, что это юноша и что онъ умеръ; но кто онъ, не знали мы ничего, пока не потребовалъ царь Политéкнъ отъ насъ сына. Тогда узнали мы, что это былъ царевичъ, потому что на правой рукѣ у него знакъ былъ, и по всему другому. И послѣ этого началась война; остальное все ты самъ знаешь. Добрый царь Агóнъ приказалъ тебѣ сказать всю правду, чтобы не было и намъ грѣха и чтобъ онъ за добро твое предателемъ противу тебя не сталъ. Оставайся теперь на три часа одинъ для размышленія, и послѣ, если захочешь итти къ царевнѣ, пусть будетъ воля твоя, я тебя отведу.

Кормилица ушла, а Пéтро, притворивъ за нею дверь, началъ усердно молиться и клалъ земные поклоны до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ утомившись не прилегъ отдохнуть на диванъ. Тогда сомкнулись глаза его такимъ пріятнымъ и легкимъ сномъ, какимъ онъ прежде никогда не спалъ. Во снѣ явился ему старецъ и сказалъ: «Хотя ты и вступилъ по лукавому совѣту ищаго не на правый и тернистый, а на лѣвый и широкій путь, но Богъ все обратить можетъ на благо. Я говорю тебѣ теперь: дерзай! Ты излѣчишь царевну». Говоря это, старецъ далъ ему небольшую книжку съ молитвами для изгнанія злыхъ духовъ и приказалъ ему

такъ: «Пошли въ городъ и пусть принесутъ тебѣ двѣнадцать восковыхъ свѣчей, такихъ большихъ, чтобъ онѣ всю ночь горѣли, и *моско-ливана*, и чернаго газу, и самыхъ вкусныхъ конфетъ. Изъ свѣчей сдѣлай кругъ и въ него пусть войдетъ царевна. Ты накроешь ее этимъ газомъ и читай ей молитвы по книжкѣ до тѣхъ поръ, пока погаснетъ и послѣдняя двѣнадцатая свѣча, которую ты зажжешь, и упадетъ фитилекъ ея на каменный полъ. А когда царевна захочетъ броситься на тебя, ты давай ей конфетъ съ сердечнымъ, ласковымъ словомъ, и она усмирится и излѣчится». Старецъ удалился, сказавъ это, а Пе́тро, пробудясь, нашелъ около себя книжку и, обрадовавшись, сталъ звать кормилицу. Онъ велѣлъ ей купить все, что́ приказалъ старецъ, газъ и двѣнадцать большихъ святовосковыхъ свѣчей, которыя бы всю ночь горѣли, и ливану, и конфетъ.

Всѣ эти вещи скоро принесли, и тогда Пе́тро сказалъ кормилицѣ: «Теперь я могу излѣчить царевну. Веди меня къ ней».

Такъ какъ кромѣ царя Аго́на никто еще не зналъ, что Пе́тро сватается за царевну, то кормилица сказала ему ласково:

— И то правда, добрый мой молодчикъ, что ты можетъ быть и излѣчишь ее молитвами твоими и она не убьетъ тебя. Потому что ты, я вижу, только для души это дѣлаешь. Вельможи эти и сынъ царя Полите́кна по плоти старались, а не по душѣ. А тебѣ, простому человѣку, куда жъ на нее глаза подымать!..

Пе́тро отвѣчалъ:

— Все въ волѣ Божіей, кормилица! Ты это хорошо говоришь. — И они пошли вмѣстѣ.

Кормилица вела Пе́тро долго по крутой лѣстницѣ на островерхую башню, въ которой заперта была царевна Жемчужина; привела и отперла желѣзную дверь за тремя замками, а какъ только Пе́тро вошелъ, она тотчасъ же заперла ее за нимъ и оставила его одного, такъ что ему назадъ некуда было выйти.

Пе́тро, укрѣпясь молитвой, пошелъ дальше и пришелъ

въ большую комнату темную и ничего сначала видѣть не могъ. Только слышалъ онъ гдѣ-то тихіе жалобы и вздохи.

Тогда онъ сталъ зажигать по одной всѣ свои двѣнадцать восковыхъ свѣчей, составляя изъ нихъ кругъ. И только что зажегъ онъ три, какъ царевна Жемчужина вышла изъ темноты и, ставъ предъ нимъ, спросила его:

— Безумный, кто тебя привелъ сюда?

Пе́тро отвѣчалъ:

— Меня Богъ привелъ.

Царевна сказала ему:

— Въ черный же день тебя бѣдная мать твоя родила, потому что я выпью сейчасъ твою теплую кровь.

Но Пе́тро продолжалъ ставить свѣчи и поставилъ уже шесть.

Тогда царевна спросила:

— Зачѣмъ же ты эти свѣчи ставишь?

— Чтобы ты въ середку ихъ вошла и сѣла,—сказалъ ей Пе́тро.

— Я войду,—отвѣчала царевна.

И сѣла на полъ, а Пе́тро докончилъ весь кругъ. Но когда, покапавъ на полъ воску, онъ приложилъ двѣнадцатую свѣчу, царевна вдругъ приподнявшись растерзала на себѣ одежды свои, начала рвать свои волосы, которые у нея до пятъ ниспадали въ прекрасныхъ завиткахъ, и воскликнула ужаснымъ голосомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Отойди отъ меня, мучитель!.. Кто тебя привелъ сюда, врагъ ты мой ненавистный!..

Стали тогда очи ея непомѣрно велики, и страшны, и злы... А уста ея были яркія, кроваваго цвѣта, какъ будто кораллъ. Лицо же было совсѣмъ бѣлое, какъ слоновая кость.

Но какъ ни была она страшна, однако понравилась сердцу пріемыша, и онъ сказалъ ей ласково:

— Усмирись, возлюбленная моя! — и, вынувъ конфеты, далъ ихъ ей говоря:—Кушай... Онѣ лучше крови моей. Онѣ — *душа моя*, потому что я тебѣ ихъ съ любовью даю...

Царевна скушала и опять сѣла на полъ, а Пе́тро сказалъ ей:

— Ты только дай мнѣ накрыть тебя этимъ чернымъ газомъ.

Она нагнула голову; Пе́тро осторожно, чтобы не зажечь газа на свѣчахъ, подалъ ей и сказалъ:

— Во имя Божіе, приказываю тебѣ, накройся сама.

И скрежеща зубами, она накрылась. Пе́тро сталъ послѣ этого внѣ круга изъ свѣчей, зажегъ ѳиміамъ и, раскрывъ книжку, началъ громко читать молитвы. Онъ читалъ ихъ долго, пока не догорѣли всѣ двѣнадцать большихъ свѣчей, до самой зари утренней. Двѣнадцать разъ вставала царевна во время молитвы и опять рвала на себѣ одежды и волосы и двѣнадцать разъ хотѣла на него броситься и впиться въ него и двѣнадцать разъ просила оставить ее... Но Пе́тро всякій разъ повторялъ ей, давая конфеты: «Возьми, кушай, моя миленькая, это часть самой души моей и слаще чѣмъ кровь моя...» И опять читалъ молитвы...

Предъ самымъ разсвѣтомъ, когда послѣдній фитилекъ отъ послѣдней свѣчи упалъ на камень и погасъ, и заря занялась за городомъ... царевна, закрывъ глаза, упала на камни и вскрикнула такимъ страшнымъ и дикимъ крикомъ, что самъ Пе́тро отбѣжалъ къ двери, и птицы, которыя вили гнѣзда на башнѣ, разлетѣлись въ испугѣ; слуги, бывшіе внизу, проснулись, а кормилица, взявъ ключъ, побѣжала было наверхъ по лѣстницѣ... Однако вспомнила она, что вѣрно это Пе́тро предъ смертью такъ закричалъ, и пошла за двумя старыми нѣмыми евнухами, чтобы положить его въ приготовленный гробъ.

Пе́тро между тѣмъ видѣлъ, что царевна утихла и лежала какъ мертвая на полу; волосы ея прекрасные были распростерты по камнямъ; а какъ солнце въ эту минуту выходило за горою и проникъ яркій лучъ его въ окошечко, то увидалъ Пе́тро, что семь клубовъ черноватыхъ одинъ за другимъ вылетали изъ открытаго рта ея и какъ дымъ стелились къ окну и пропадали всѣ понемногу.

Сказалъ тогда Пе́тро царевнѣ:

— Не моею силой и не по моему достоинству, а во славу Божію говорю тебѣ, Жемчужина моя, встань...

Поднялась съ полу царевна молоденькая, веселая, какъ малый ребенокъ, и улыбаясь и стыдясь и краснѣя стала передъ нимъ, не поднимая на него очей, а все улыбалась и краснѣла такъ, какъ краснѣетъ дѣвушка и улыбается, когда стыдится, что ее неубранною и неукращенною со сна застали.

И Пётро вдругъ стало стыдно. Онъ не зналъ съ минуту, что̀ сказать ей. Потомъ сказалъ:

— Ты бы поглядѣла на меня теперь....

Она, поглядѣвъ на него, отвѣчала:

— Я теперь буду дѣлать, что̀ ты мнѣ прикажешь.

Пётро опустилъ тотчасъ же глаза и самъ стыдясь сказалъ царевнѣ:

— Дай мнѣ руку!

Она подала; онъ взялъ ее за руку и повелъ въ другую чистую и свѣтлую комнату и сѣлъ на диванъ, а она шла за нимъ какъ агнецъ за матерью. Онъ ей сказалъ:

— Садись со мной рядомъ здѣсь.

Но она отвѣчала:

— Нѣтъ, милый господинъ и повелитель мой, одно позволь мнѣ: у ногъ твоихъ сѣсть и обнять твои ноги. Такъ хочетъ моя душа.

— Обними, — позволилъ ей Пётро.

Тогда она спросила его:

— Скажи мнѣ, кто ты и откуда? Какого великаго государя ты сынъ переодѣтый и какъ ты пришелъ въ наши земли? Все мнѣ скажи ты, спаситель ты мой!

Пётро отвѣчалъ ей такъ:

— Я, царевна, не царскій сынъ переодѣтый; я бѣдный сирота, пріемышъ у бѣдныхъ людей, который пошелъ зарабатывать для старости ихъ хлѣбъ насущный. Служилъ я во всякихъ низкихъ званіяхъ и къ ремесламъ простымъ привыкъ... Я уголья жегъ и продавалъ, дровосѣкомъ былъ и пастухомъ сколько служилъ, я у попа Георгія кандильанафтомъ въ убогомъ селѣ былъ; я управлялъ домомъ куп-

ца одного, а потомъ я какъ *ясакчи* у епископа былъ; вотъ я что. И если тебѣ непріятенъ я, то встань и удались отъ меня; я уйду.

Но царевна прижалась еще крѣпче къ ногамъ его и воскликнула:

— Я ли отъ тебя уйду!..

И просила его все разсказать, какъ было. Пётро все разсказалъ ей, только о кошелькѣ и о встрѣчѣ со святыми онъ утаилъ и не открылъ ей, откуда онъ беретъ столько золота, сколько хочетъ.

Въ это время кормилица подошла къ дверямъ и привела съ собою двухъ нѣмыхъ евнуховъ, чтобъ унести мертваго Пётро въ подвалъ.

Она отперла дверь и вошла, и за нею оба евнуха. И увидали они, что Пётро сидитъ на диванѣ въ простой и старой одеждѣ своей, какъ былъ, а царевна у ногъ его веселая и здоровая и смѣется.

Удивились евнухи и ушли извѣстить царя Агòна; кормилица же хоть и рада была, но ей не понравилось, что царевна такъ унизила себя передъ простымъ человѣкомъ, и она сказала ей:

— Не идетъ тебѣ, царской дочери, обнимать ноги у пастуха либо дровосѣка. Онъ тебѣ не пара: ты царскими дѣтьми пренебречь можешь по твоей красотѣ и величію отца твоего.

Но царевна прижалась еще крѣпче лицомъ къ ногамъ Пётро и, обратясь къ кормилицѣ своей, съ досадой отвѣчала:

— Что мнѣ твои царскія дѣти... Они всѣ для меня противны, какъ щипнатъ съ лукомъ въ водѣ вареный; а онъ для меня все равно, что гвоздичка и мускусъ.

Изумилась кормилица и, ни слова больше не сказавъ, тоже поспѣшила къ царю.

Пётро же подумалъ въ душѣ своей: «Я этихъ словъ не забуду!»

Скоро пріѣхалъ и самъ царь Агòнъ въ величайшей радости: и по всему городу и по селамъ окрестнымъ сей-

часъ же разнеслась вѣсть, что царевна здорова, и народъ веселился.

Царь Агѳнъ спросилъ у дочери:

— Когда желаешь, чтобы сдѣлать свадьбу?

Но она при немъ стыдилась и молчала.

Пётро понялъ, чего она желаетъ, и сказалъ царю:

— Государь, я желаю, чтобы свадьба наша завтра была; не знаю, какъ угодно царевнѣ твоей.

Царевна же сказала въ великой радости:

— Развѣ есть у меня другая воля, кромѣ воли моего господина?

И опять изумился царь ея любви и смиренію.

На другой же день ихъ обвѣнчали съ пышностью. Пётро одарилъ щедро всѣхъ подругъ, служанокъ и слугъ царевны Жемчужины. Каждой подругѣ далъ онъ по цвѣтной шелковой ткани, а кормилицѣ далъ ткань бумажную, черную съ бѣлыми крапинками и сказалъ:

— На что тебѣ цвѣтная ткань? Ты ужъ немолода.

XIII.

Послѣ свадьбы началъ жить Пётро съ царевной Жемчужиной пріятно и весело въ ея загородномъ дворцѣ.

Мѣсто тамъ было веселое и ровное, у рѣки: было много вязовъ высокихъ и дубовъ, были каштаны такіе толстые, что пяти человѣкамъ и больше развѣ охватить ихъ руками, ставъ рядомъ; а на берегу рѣки прекраснѣе всѣхъ другихъ деревьевъ росли старые платаны, у которыхъ давно уже ничего внутри не было, а только одна кора, и все они зеленѣли и до того были обширны, что для забавы царевны Жемчужины были внутри ихъ устроены небольшіе кіоски. Обширный дворъ былъ обнесенъ высокою стѣной съ тремя желѣзными воротами, и на самомъ концѣ двора стояла та островерхая башня, въ которой была заключена царевна, когда была нездорова; съ одной стороны двора были все кухни, и бани, и конюшни, и жилье для прислуги, а съ другой—дворецъ царевны.

Дворъ весь былъ изукрашенъ дорожками изъ мелкихъ камешковъ, изъ камешковъ бѣлыхъ, сѣренькихъ и черныхъ, все узорами и узорами, какъ мозаика, изображавшая разные звѣзды и цвѣты. Дорожки эти всѣ были обведены стриженымъ низенькими миртами, которыя и зимой были зелены. А между дорожками цвѣли разные цвѣты, и розы, и лиліи, и другіе цвѣты, и желтые, и красные, и голубые. Фіалки вездѣ цвѣли весной, и около камней, и подъ кустами миртъ, и около дорожекъ.

Внутри дворца была большая зала; всѣ стѣны были выложены голубыми расписными изразцами, чтобы было тепло зимой, а лѣтомъ прохладно. Только на одной стѣнѣ была та картина, которую любила царевна: все богатые мужчины съ чубуками и богатыя женщины нюхали цвѣтки, сидѣли на престолахъ и веселились. Кругомъ всей залы было возвышеніе съ кипарисными столбиками; на возвышеніи за столбиками софа во всю залу кругомъ, вся въ многоцвѣтномъ и драгоцѣнномъ азіатскомъ шелку, голубомъ и розовомъ, все золотыми *марафетами**) заткашномъ; этотъ безцѣнный шелкъ закрывали по будиямъ тончайшею льняною тканью съ кружевами, чтобъ его, садясь, не изнашивали и не марали... На мраморномъ полу зимой стелили *аджемскій* коверъ во всю залу, и онъ былъ еще узорнѣе цвѣтника и дорожекъ; кругомъ его вездѣ по краямъ желтые барсы ловили за спину зайцевъ и ѣли ихъ. Посреди залы ставили два серебряные золоченые *мангала***) съ угольями, когда было холодно; на чудовищахъ крылатыхъ были они утверждены, и въ нихъ посыпали куренія. Потолокъ же надъ этою залой былъ кипарисовый, весь фіолетовымъ цвѣтомъ раскрашенный, и по всему этому полю были видны все алыя и бѣлыя розы съ листиками зелеными, совершенно такими, какіе у розъ бываютъ, съ мелкими зубчиками. И былъ среди потолка еще куполъ широкій, тоже искусно выложенный кипарисными изогнутыми дощечками, и онъ былъ фіолетовый, и

---

*) Турецкое слово: фигура, изображеніе.

**) Жаровня.

по немъ были розы алыя и бѣлыя съ листьями. Изъ средины же самаго купола висѣлъ цѣлый фунтъ квасцовъ, обернутый въ тюль. Это было отъ дурного глаза. Кипарисовые же были и всѣ столбики вокругъ залы, около помоста, на которомъ учреждена была большая софа по всѣмъ стѣнамъ. И эти столбики были также фіолетовые, и на нихъ живописцами были изображены обвивающія ихъ вязи изъ алыхъ и бѣлыхъ розъ съ листиками.

Такой удивительный залъ сдѣлалъ царь Агонъ для своей возлюбленной и милой дочери!

И спальня была хороша, и бани. Въ спальнѣ мастера изъ дальнихъ странъ чудную печку сложили, островерхую, снизу широкую, всю изъ блестящихъ зеленыхъ изразцовъ; въ каждомъ изразцѣ было круглое углубленіе, какъ бы съ полстакана глубиной, тоже зеленое. Коверъ въ спальнѣ былъ не аджемскій, а проще, изъ Балканскихъ горъ, красный, какъ киноварь, и по немъ все синіе и бѣлые узоры. Около печки стелили рабыни каждый вечеръ одинъ на другой три шелковые тюфяка и накрывали ихъ каждый день чистою тончайшею льняною кисеей съ золотою бахромой кругомъ и шелками по краямъ расшитою; подушечки клали для Пётро и для царевны шелковыя, цвѣтныя, наволокою тюлевой покрытыя. Одѣяламъ же шелковымъ и бархатнымъ и шелкомъ и золотомъ расшитымъ счета не было. Каждый день царевнѣ подавали всѣ чистое, и Пётро тоже. Умывались они критскимъ мыломъ въ золотыхъ рукомойникахъ. Царевнѣ подавали рабыни. А когда Пётро хотѣлъ мыть себѣ руки, то царевна наполняла иногда розовою водой, а иногда померанцевою золотой рукомойникъ и, взявъ на плечо разукрашенное полотенце, отгоняла служанокъ и сама смиряясь становилась предъ диваномъ на колѣни и лила ему воду на руки; а каждую субботу сама хотѣла мыть ему ноги и грозно кричала на рабовъ и рабынь: «Отойдите!»

Кормилица ея огорчалась этимъ, говорила ей тайно:

— Какъ ужъ тебѣ пастушескія ноги его понравились!

Но царевна строго запретила ей говорить это другой

разъ и обѣщала мужу сказать, чтобъ онъ изгналъ ее изъ дворца.

— И не тебя я, государя, отца моего, за него отдамъ!— сказала царевна.

И не знала царевна, какъ еще показать молодому мужу, до чего она его любитъ и уважаетъ, и боится.

Шесть недѣль прожили они такъ вдвоемъ; кушали, пили, отдыхали, музыка для нихъ играла, сколько ихъ душѣ было угодно.

Они часто гуляли вдвоемъ по саду, взявшись за руки, и говорили другъ другу о своей любви.

— Любишь ли ты меня, царевна?—спрашивалъ ее Пётро.

— Развѣ можно не любить тебя?—говорила ему Жемчужина.—Развѣ видалъ кто звѣзды въ полдень или солнце ночью? Что ты спрашиваешь?

И его она спрашивала:

— Чего ты теперь желаешь, Пётро? Прикажи.

А онъ только плечами пожималъ и говорилъ:

— Чего мнѣ теперь желать? Не знаю. Ничего кажется я не желаю.

По окончаніи шести недѣль Пётро вспомнилъ о своихъ воспитателяхъ Христо и Христинѣ и подумалъ: «Теперь я конечно могу построить имъ большой домъ, такой домъ, въ какомъ живутъ градоначальники и самые богатые купцы; но если я построю имъ сейчасъ такой домъ, то кошелекъ мой перестанетъ давать золото, и не буду я всемогущимъ человѣкомъ какъ теперь. А я прежде узнаю, какъ они живутъ...»

Призвалъ онъ нарочнаго гонца и сказалъ ему такъ:

— Перемѣни одежду твою цвѣтную и новую и надѣнь одежды простыя и ветхія. Возьми эти десять золотыхъ и поѣзжай въ городъ, гдѣ живутъ Христо и Христина, и посмотри, что имъ нужно. Не течетъ ли крыша у нихъ; не обвалились ли стѣны, есть ли у нихъ теплая одежда на зимнее время; довольно ли у нихъ хлѣба, вина и масла. Посмотри и сдѣлай все, что имъ нужно. И скажи имъ такъ: сынъ вашъ Пётро нашелъ себѣ должность выгодную и по-

слалъ вамъ эти деньги; и еще будетъ вамъ посылать. Вы старый домикъ вашъ чините, а новый онъ самъ скоро построитъ. Подождите. Но если ты скажешь имъ всю правду, что я выкупилъ царя Агóна изъ осады и на царевнѣ Жемчужинѣ женился, то ты въ лютыхъ мученіяхъ умрешь. Какъ нашелъ я семь бочекъ золота, чтобы царю Политéкну уплатить дань за моего тестя царя Агóна, такъ я и другія семь найду, чтобы подкупить людей, которые тебя и въ чужихъ странахъ разыщутъ и умертвятъ.

Гонецъ этотъ ѣхалъ день и ночь, пріѣхалъ въ то мѣсто, гдѣ жили Христо и Христина, и сказалъ имъ:

«Вашъ сынъ Пéтро нашелъ себѣ выгодную должность и прислалъ вамъ деньги; вы что нужно купите себѣ и почините себѣ стѣны и крышу, если вамъ это нужно; и онъ еще вамъ пришлетъ; но сколько бы онъ вамъ ни прислалъ, вы дома новаго не стройте, потому что онъ самъ скоро пріѣдетъ и построитъ вамъ большой новый домъ».

Христо и Христина радовались и благодарили Бога; но когда они спросили у этого гонца: «А гдѣ же теперь нашъ милый сынъ Пéтро живетъ? Въ какомъ городѣ? чтобы мы знали, далеко ли онъ отъ насъ и чтобы мы могли иногда написать ему письмо и благословеніе и поклонъ нашъ послать ему?» На это гонецъ, который боялся Пéтро, отвѣтилъ такъ:

— Я не знаю, гдѣ онъ живетъ и какая его должность; я его на дорогѣ встрѣтилъ и познакомился съ нимъ. И какая его должность и у кого, также не знаю».

И уѣхалъ отъ нихъ. Имъ же этихъ денегъ на нужды ихъ скоро недостало, и они стали опять терпѣть и нуждаться. Съ Христиной опять сдѣлалась лихорадка; она лежала, не могла за водой сама на фонтанъ сходить и пищу готовить не могла.

Христо же, хотя и постарѣлъ, но продолжалъ черезъ силу работать, тяжести большія носить, дрова рубить и самъ уже за водой ходилъ на фонтанъ и все время сухимъ хлѣбомъ питался.

Пéтро сказалъ себѣ: «Хорошо я придумалъ такъ, чтобы

посылать имъ понемногу; они люди бѣдные и старые; на что имъ много? они и этому рады будутъ; а мнѣ здѣсь всегда деньги нужны. Здѣсь у меня враговъ теперь и завистниковъ будетъ много; надо объ этомъ скорбѣть и заботиться».

Вставъ разъ поутру, онъ поцѣловалъ въ уста жену молодую и сказалъ ей:

— Жемчужина моя, я поѣду къ отцу твоему, царю Агóну, поклониться.

Царевна отвѣчала ему ласково:

— Поѣзжай, мой господинъ прекрасный... только скорѣй возвращайся. Царь-отецъ мой пригласитъ тебя пировать у себя, а я, бѣдная, какъ безъ тебя цѣлый день здѣсь буду одна... мнѣ и пища будетъ безъ тебя непріятна...

Пéтро вышелъ за ворота дворца своего съ радостью въ душѣ, что царевна Жемчужина, за которую прекрасные сыновья царей и вельможъ сватались, такъ за него умирать и когда увидалъ онъ рѣку свою въ зеленыхъ берегахъ и поле зеленое предъ собой, все въ пестрыхъ цвѣточкахъ, и за рѣкой городъ, сіяющій на солнцѣ, а у воротъ своихъ злого коня, бѣлаго и долгогриваго, всего въ кистяхъ и чепракѣ расшитомъ шелками и стремена золоченыя, столько слугъ вокругъ увидалъ молодцовъ и всадниковъ, подъ которыми играли лошади... и когда замѣтилъ онъ, что всѣ люди смотрятъ на него съ боязнью и любовью... тогда онъ занесъ ногу въ стремя, сѣлъ на коня и подумалъ: «Боже! за что Ты такъ награждаешь меня?.. Съ кѣмъ Ты только не приравнялъ меня... И чего мнѣ еще желать на этомъ свѣтѣ?»

Поѣхалъ онъ къ тестю своему, царю Агóну. По всему городу народъ опять провожалъ Пéтро и чествовалъ его, и кричалъ: «Вотъ онъ, нашъ избавитель какой... Посмотрите на красоту его, люди хорошіе. Полюбуйтесь... Вотъ онъ зять нашего добраго царя Агóна... Вотъ онъ наслѣдникъ его престола!»

Царь принялъ его тоже съ радостью, обнялъ его, цѣловалъ, сажалъ, виномъ поилъ и смѣялся съ нимъ, говоря:

— Вотъ, Пе́тро, прости меня, я думалъ тебя шутомъ при себѣ сдѣлать, а теперь ты мнѣ наслѣдникъ и сынъ... Я радъ этому и превознесу тебя еще больше надо всѣми... Скажи, чего ты желаешь...

Пе́тро на эту рѣчь отвѣчалъ почтительно:

— Государь и отецъ мой, не говори объ услугѣ, которую удалось рабу твоему сдѣлать. Я всю мою жизнь желаю быть тебѣ полезнымъ и угоднымъ. У меня еще есть деньги, не прикажешь ли ты мнѣ сдѣлать еще какой-нибудь расходъ. Прикажи, я готовъ.

Царь Аго́нъ задумался и потомъ отвѣчалъ:

— Много разныхъ нуждъ въ государствѣ...

Тогда Пе́тро сказалъ ему:

— Вотъ кругомъ столицы твоей множество селъ разорено и сожжено царемъ Полите́кномъ. Не прикажешь ли, я выдамъ деньги на устройку ихъ, чтобы бѣднымъ людямъ не жить зимой въ шатрахъ и пещерахъ?

Царь Аго́нъ удивился и обрадовался.

Пе́тро велѣлъ принести множество малыхъ боченковъ. Заперся и наполнилъ ихъ самъ золотомъ, потомъ, растворивъ двери, приказалъ навьючить муловъ, и разослалъ ихъ по всѣмъ разрушеннымъ селамъ.

Царь Аго́нъ не вѣрилъ, и повѣрилъ только, когда, взойдя на свою каменную семиэтажную башню, подъ деревянный зеленый навѣсъ, въ зрительную трубу увидалъ, что по двумъ большимъ дорогамъ и по долинѣ къ сѣверу и по долинѣ же къ югу идутъ мулы и на каждомъ по два боченка съ золотомъ; а по всѣмъ горнымъ тропинкамъ и направо и налѣво отъ города съ трудомъ великимъ одинъ за другимъ всходятъ тоже мулы, и у каждаго на спинѣ по два боченка съ золотомъ.

Тогда царь сказалъ завистникамъ:

— Видите, вы напрасно говорили мнѣ, что этотъ Пе́тро лѣнивый пастухъ, и только и знаетъ, что гулять съ моей дочерью по саду, спать и кушанье царское кушать.

— Подожди еще, царь, что будетъ дальше!—сказали лукавые люди.

Пе́тро еще одну недѣлю прожилъ съ царевной, не выходя изъ загороднаго ея дворца. Всю недѣлю они кушали, музыку слушали, веселились, ходили, взявшись за руки, одни по саду и любовались другъ на друга.

Царевна спрашивала у Пе́тро:

— Пе́тро, мужъ мой, апрѣльскій цвѣточекъ мой и майскій розанъ, много ли любишь ты меня?

А Пе́тро ей отвѣчалъ:

— Апрѣльскій цвѣточекъ и майскій мой розанъ, видно много я тебя люблю, когда я заплатилъ за тебя семь полныхъ бочекъ золота.

— А самъ чего ты желаешь теперь, Пе́тро мой прекрасный? Хочетъ чего-нибудь душа твоя?

Пе́тро качалъ головой и говорилъ ей:

— Ничего, кажется мнѣ, душа моя уже и не хочетъ. Все хорошо.

Въ слѣдующій воскресный день послѣ литургіи Пе́тро опять въ многоцѣнныхъ одеждахъ сѣлъ на долгогриваго коня своего и поѣхалъ посѣтить царя Аго́па, тестя своего... А за нимъ и всѣ молодые слуги его.

Царевна, прощаясь и цѣлуя руку его, сказала ему:

— Возвращайся скорѣе ко мнѣ, звѣзда моя утренняя!

Такъ она полюбила его и такъ смирялась передъ нимъ. Оставаясь же одна, собирала вокругъ себя подругъ и рабынь своихъ, и они ей пѣли все печальныя пѣсни, пока не подавали имъ съ башни вѣсти, что Пе́тро ѣдетъ назадъ.

Она спѣшила выйти ему въ садъ навстрѣчу въ другой одеждѣ, а не въ той, въ которой утромъ была, чтобы не наскучить ему.

Крестьяне же тѣхъ разоренныхъ селъ, на которыя Пе́тро деньги послалъ, всѣ тотчасъ же призвали строителей и каменщиковъ и начали строить жилища свои, а всѣхъ своихъ женъ и матерей, и дѣтей малолѣтнихъ, и старухъ, на работу негодныхъ, прислали въ городъ благодарить и славить царскаго зятя Пе́тро. Десятки тысячъ ихъ пришли прославлять Пе́тро, и городъ исполнился шума, какъ отъ войны или возстанія. Самъ царь Аго́нъ испугался и вос-

кликнулъ: «Что это такое?» съ трудомъ взошелъ на высокую башню и, сѣвъ подъ зеленый деревянный навѣсъ свой, дивился, какая была большая толпа, слышалъ прославленіе Пе́тро и видѣлъ въ зрительную трубу, какъ ѣхалъ къ нему въ гости зять на бѣломъ долгогривомъ и зломъ жеребцѣ, какъ развѣвалась на немъ величаво красная богатая одежда, какъ старцы сельскіе спѣшили ноги его и стремена цѣловать; а женщины, простирая руки, поднимали къ нему дѣтей своихъ. Такъ была густа толпа, что ѣхать Пе́тро почти не могъ впередъ. Когда же слуги его хотѣли бичами и палками разогнать народъ, то онъ сдѣлалъ знакъ рукой и запретилъ имъ это.

Видѣлъ все это царь Аго́нъ, и огорчился, и подумалъ: «Онъ больше моего на царя похожъ, и если такъ терпѣть, то меня низвергнутъ и его вмѣсто меня возведутъ на престолъ!» Но скрылъ до времени свое огорченіе и принялъ опять зятя любезно, и ласкалъ, и обнималъ его, и благодарилъ его за помощь, оказанную селамъ.

Пе́тро же, улыбнувшись, сказалъ ему:

— Государь и отецъ мой, эта услуга не́велика, и я радъ тебѣ, господину моему, услужить. Нѣтъ ли еще какой нужды въ государствѣ, чтобы мнѣ порадовать тебя, отецъ мой?

— Мало ли нуждъ въ государствѣ,—сказалъ царь Аго́нъ съ досадой;—самъ если хочешь найди.

— Не прикажешь ли, государь, собрать всѣхъ бѣдныхъ вдовъ и сиротъ людей, павшихъ на послѣдней войнѣ противу царя Полите́кну, и наградить ихъ такъ, чтобъ они изъ самыхъ бѣдныхъ стали самыми богатыми гражданами въ городѣ твоемъ... Такихъ вдовъ и сиротъ достаточно у тебя.

Не полюбилась и эта мысль царю Аго́ну. Онъ подумалъ: «И это все его злоумышленія, чтобы народъ его какъ Авессалома любилъ». Но препятствовать царь этому также не могъ, чтобы народъ на него не озлобился. Тогда онъ сказалъ своему зятю, Пе́тро прекрасному:

— Дѣлай, мой сынъ, какъ хочешь!

Пе́тро вышелъ и послалъ по городу кличъ кликать, что-

бы сзывали вдовъ, сиротъ и стариковъ и матерей старыхъ, которыхъ мужья, сыновья и отцы во время нашествія царя Политéкна были убиты.

Онъ вышелъ изъ воротъ своего сада съ царевной вмѣстѣ; тамъ сѣли они на престолахъ за воротами и до поздней ночи раздавали золото, онъ старикамъ и увѣчнымъ мужчинамъ, а царевна вдовамъ и матерямъ. Люди эти пришли въ рубищахъ и голодные, и несчастные, а на другой уже день узнать нельзя ихъ было: такіе они всѣ стали веселые и нарядные. Старики ободрились, и старухи разукрасились и помолодѣли. Изъ самыхъ бѣдныхъ гражданъ города стали они самыми богатыми и важными гражданами. Всѣ они говорили открыто: «Что теперь значитъ царь Агóнъ? Мы Пéтро прекраснаго знаемъ...» Строго запрещалъ Пéтро такъ говорить людямъ, но удержать ихъ уже не было возможности. И съ перваго дня брака въ первый разъ задумался Пéтро и сталъ печаленъ.

— Увы! нельзя, кажется, всего купить деньгами,—сказалъ онъ...

Тогда еще разъ спросила его царевна Жемчужина:

— Любишь ли ты меня, мой апрѣльскій цвѣточекъ и розанъ мой майскій? И чего ты желаешь теперь для себя?

— Я тебя очень люблю, цвѣтокъ мой апрѣльскій и майскій мой розанъ, но боюсь, что твой отецъ, царь Агóнъ, разлюбитъ меня за преданность ко мнѣ народа, и теперь есть у меня одно желаніе, чтобъ онъ мнѣ вѣрилъ и опять бы полюбилъ меня!

Тогда царевна посовѣтовала ему такъ:

— Поѣзжай еще разъ къ нему и предложи ему денегъ, но не говори ему самъ, на какое дѣло ты ихъ израсходуешь, а пусть самъ онъ тебѣ скажетъ. Тогда ему не на что будетъ жаловаться.

Послушалъ Пéтро этого умнаго совѣта и опять поѣхалъ къ царю.

Царь принялъ его любезно и весело, обнялъ его, цѣловалъ и, посадивъ его съ собою рядомъ, спросилъ, какъ его здоровье.

Тогда Пе́тро отвѣ́чалъ ему:

— Здоровье мое твоимъ благословеніемъ хорошо. Но мучитъ меня неотступно мысль о томъ, доволенъ ли ты мной? Часто я думаю, на что мнѣ все мое золото и бѣлое серебро, если я милости твои утрачу? Только глупые люди думаютъ, что въ однѣхъ деньгахъ счастье... Любви на деньги не купишь. А я нахожу, что твоя любовь дороже всякаго золота и бѣлаго серебра!—И прибавилъ еще:—Услади ты душу мою, государь, прикажи ты самъ мнѣ, какое бы мнѣ дѣло сдѣлать и какой расходъ еще предпринять, чтобъ это дѣло было тебѣ пріятно и чтобы расходъ этотъ былъ тебѣ выгоденъ. А самъ я больше предлагать ничего не буду.

Царь Аго́нъ обрадовался, отпустилъ Пе́тро и созвалъ совѣтъ свой тайный, чтобъ ему посовѣтовали, что у Пе́тро просить.

Царедворцы же и воеводы царскіе знали сердце царя и согласились между собой:

— Теперь пришло время намъ свергнуть иго этого пастуха и понамаря молодого! Онъ всѣмъ завладѣлъ, всѣми сердцами; сперва сердцемъ царя, потомъ сердцемъ царевны, а потомъ и сердцемъ всего народа.

И сказали царю:

— Если, государь, твой зять такъ любитъ тебя, то пусть отмститъ за твое униженіе и смоетъ съ тебя и народа твоего пятно обиды, которую нанесъ тебѣ царь Полите́кнъ, побѣдивъ насъ и взявъ съ насъ позорную дань... Пусть Пе́тро снарядитъ войско на свой счетъ и пусть самъ пойдетъ на войну эту начальникомъ...

А другой совѣтникъ сказалъ:

— И пусть хоть одного изъ царскихъ сыновей или внучатъ сюда плѣнникомъ живого приведетъ, чтобы стыдно было царю Полите́кну и чтобы мы могли за одного этого царевича съ него уже не семь, а четырнадцать бочекъ золота требовать...

Царю, который очень сталъ бояться Пе́тро, совѣтъ этотъ понравился; онъ надѣялся, что Пе́тро будетъ либо убитъ

на войнѣ, либо, не умѣя начальствовать, разстроитъ войско и заслужитъ себѣ за это смертную казнь, отъ которой не спасутъ его деньги. Онъ послалъ за зятемъ своимъ и приказалъ ему снарядить войско большое на свой счетъ, срокомъ въ двѣ недѣли всего, взять его и, приявъ надъ нимъ начальство, перейти горы и напасть внезапно на царя Политéкна. Такъ приказывалъ царь Агóнъ и, отпуская Пéтро, сказалъ ему еще, проливая притворныя слезы:

— Берегись, бѣдный мой сынъ, у насъ законъ старый и строгій: военачальникъ, который не исполнитъ своего назначенія, долженъ быть удавленъ шелковымъ шнуркомъ съ зóлотыми кистями!

Пéтро поклонился тестю своему и сказалъ:

— Если, государь, я не исполню моего назначенія, боюсь того, что прикажешь удавить меня шелковымъ шнуркомъ съ золотыми кистями; только назначь меня не начальствовать, когда есть старше меня, а быть вторымъ послѣ великаго и престарѣлаго архистратига твоего. Онъ будетъ первымъ, а я вторымъ и во всемъ я ему повиноваться буду.

Удивился царь мудрости и смиренію Пéтро и приказалъ, чтобы было такъ, какъ всегда, чтобъ архистратигъ былъ первымъ, а Пéтро бы служилъ у него и повиновался ему.

XIV.

Пéтро по приказанію тестя своего, царя Агóна, собралъ скоро войско и вооружилъ его и выпустилъ въ походъ самъ, но подъ начальствомъ врага своего архистратúга царскаго.

Злóбился и мучился архистратигъ, что попалъ въ сѣти, которыя хотѣлъ разостлать молодому Пéтро, но уже не могъ ничего перемѣнить и вынужденъ былъ побѣждать, хотя бы и желалъ пораженія, ибо онъ былъ человѣкъ способный, честолюбивый и мужественный и на свое имя позора и стыда не желалъ. Цѣлый мѣсяцъ опустошали они

вмѣстѣ съ Пе́тро области царя Полите́кна и множество добычи и плѣнниковъ отправили на родину доброму царю Аго́ну, и все не встрѣчали большого войска. Наконецъ встрѣтили его на широкой долинѣ, и былъ тутъ бой великій. Сначала наслѣдникъ и полководцы грознаго царя Полите́кна начали было одолѣвать войско добраго царя Аго́на, но Пе́тро сказалъ архистратигу:

— Господинъ и начальникъ мой, позволь мнѣ, неопытному и юному человѣку, тебѣ совѣтъ дать!

Архистратигъ отвѣчалъ:

— Ты царскій зять, какъ же мнѣ не слушать твоихъ совѣтовъ. Говори.

Тогда Пе́тро сказалъ:

— Дай мнѣ скрыться съ отборными молодцами за эту гору, а ты стяни все остальное войско въ ущелье, потому что ихъ больше нашего; а когда они за тобой бросятся, я нападу на нихъ внезапно, и мы будемъ гнать ихъ до самой столицы грознаго царя и посѣчемъ множество и убьемъ всѣхъ, кромѣ царскихъ дѣтей и самыхъ молодыхъ и красивыхъ юношей, которыхъ живыми отведемъ служить нашему доброму царю Аго́ну и веселить его старость.

Архистратигъ согласился. И сдѣлалъ онъ такъ, какъ сказалъ Пе́тро. Стянули войска, и когда воины грознаго царя Полите́кна въ радости съ воплями разсѣялись по широкой долинѣ, чтобы сѣчь и рубить отступающихъ, Пе́тро, помолясь, подалъ знакъ своимъ... Молодцы его полились густымъ потокомъ съ горы на долину. Какъ свѣтлый потокъ лились они, шумя и звеня, съ отлогой горы, ибо они всѣ были въ мѣдныхъ латахъ и шлемахъ высокихъ съ мѣдными крылышками на нихъ. Такъ одѣвались новые полки, снаряженные самимъ Пе́тро.

Встрепенулось войско грознаго царя Полите́кна, разсѣянное погоней по широкой долинѣ, стали люди бѣжать назадъ къ своимъ и смыкаться снова въ тѣсный строй... Но уже не могли, такъ какъ были разсѣяны по долинѣ. Архистратигъ же вышелъ изъ ущелья и тоже гналъ ихъ. И падали

иные пищъ и просили пощады, а другіе притворялись убитыми; иные же не хотѣли сдаться, и всѣхъ ихъ и бѣгущихъ и упавшихъ, и покорныхъ и отважныхъ безпощадно рубили и кололи, вздѣвая блѣдныя головы ихъ на длинныя копья, убранныя конскою гривой...

Такъ гнали войско царя Политéкна до самыхъ стѣнъ столицы и осадили столицу.

Архистратигъ добраго царя Агóна въ это время думалъ такъ: «Я хотѣлъ погубить этого Пéтро, а онъ теперь отличился; ибо я скрыть не могу, что битва на долинѣ чрезъ его совѣтъ выиграна. Что теперь дѣлать? Былъ онъ богатъ несмѣтно; былъ онъ красивъ непомѣрно; былъ онъ любезенъ царю Агóну, сталъ онъ любезенъ народу всему, а царевнѣ Жемчужинѣ сжегъ сердце любовью и смирилъ ея гордость и своеволіе... Все ему, анаѳемѣ, дано... Горе мнѣ, старику, горе мнѣ! Лучше бы ядовитая пуля этихъ воиновъ царя Политéкна или ножъ ихъ безжалостно прекратилъ дни мои и взялъ бы меня Харонъ, чѣмъ терпѣть мнѣ такую досаду! Что мнѣ дѣлать?»

И призвавъ Пéтро, онъ сказалъ ему:

— Твоя милость, я вижу, великій военачалышкъ будешь. И наше царство много увидитъ отъ тебя пользы. Но ты, я знаю, еще и благочестивый человѣкъ и живешь въ страхѣ Божіемъ. На что намъ губить столько народа и своего и чужого; пошлемъ вѣстника въ городъ, чтобы царь Политéкнъ выслалъ всѣхъ своихъ сыновей, которые при немъ, а если ихъ нѣтъ, то лучшихъ вельможныхъ дѣтей, подъ начальствомъ старшаго сына и наслѣдника, чтобы числомъ ихъ всѣхъ было двѣнадцать, а твоя всеславность вышелъ бы противъ нихъ на единоборство съ одиннадцатью нашими отроками изъ лучшихъ домовъ, и мой сынъ любимый единственный при тебѣ первымъ будетъ. И какую вамъ Богъ судьбу пошлетъ, такая и будетъ; когда вы ихъ побьете, наложимъ мы на нихъ дань и уйдемъ, а когда они васъ побьютъ, то, государь мой, изъ твоихъ несмѣтныхъ сокровищъ заплатимъ дань грозному царю Политéкну, и мы тоже уйдемъ. Зачѣмъ людей томить понапрасну? Городъ же

укрѣпленъ очень сильно и боюсь, не было бы намъ стыда подъ его стѣнами.

Пётро приложилъ руки къ сердцу и сказалъ:

— Съ радостью исполню я приказаніе твое, такъ какъ ты начальникъ всему войску и архистратигъ знаменитый добраго царя Агона.

Протрубили предъ войскомъ трубачи и кричали людямъ, на стѣнѣ стоящимъ, чтобъ укротили стрѣльбу, и объявили волю архистратига и царскаго зятя Пётро. Царь Политёкнъ согласился смѣясь и сказалъ:

— Мой сынъ и наслѣдникъ—воинъ страшный и сильный; а у нихъ кто тамъ есть? Ужъ не пастухъ ли этотъ, который выручилъ бѣднаго царя Агона недавно отъ нашей грозы? Слышали мы и здѣсь о немъ... Придется ему платить еще четырнадцать бочекъ золота, если пощадитъ его мечъ моего старшаго сына.

Послѣ этого архистратигъ призвалъ тайно сына своего любимаго и единственнаго и сказалъ ему:

— Дитя мое милое. Вотъ вамъ предстоитъ завтра подъ начальствомъ Пётро, царскаго зятя, сразиться въ смертномъ единоборствѣ съ одиннадцатью лучшими юношами этого царства. Царевичъ и всѣ люди у нихъ опытные и мужественные, кромѣ двоихъ внучатъ царя Политёкна, которые еще очень юны. Но ты не бойся, дитя мое. Вы выйдете съ утра изъ шатровъ вашихъ и одѣнетесь во все лучшее и вооружитесь; и выберу я вамъ десять помощниковъ съ вечера и назначу ихъ; а ты, дитя мое любимое и единственное, не тревожь напраснымъ страхомъ сердце твое, а сдѣлай такъ, какъ я тебѣ скажу. Созови всѣхъ десятерыхъ юношей къ себѣ въ шатеръ и угости ихъ и скажи имъ такъ: «На что намъ на такую опасность итти?.. Мы выйдемъ въ поле и подойдемъ вмѣстѣ съ царскимъ зятемъ къ противникамъ нашимъ поближе; а потомъ оставимъ его одного и убѣжимъ въ лагерь, какъ будто испугались. А его убьютъ».

Но сынъ архистратига очень любилъ Пётро; жалостью исполнилась такъ его душа, что вся утроба его задрожала,

когда онъ подумалъ: «Убьютъ нашего прекраснаго Пётро и головку его враги на копье вздѣнутъ высоко!» И пошелъ онъ къ Пётро и, упавъ въ ноги ему, сказалъ:

— Милый мой Пётро, розанъ мой майскій и апрѣльскій цвѣтокъ... Ты для насъ всѣхъ, молодыхъ отроковъ въ войскѣ, все равно, какъ царь, даже и лучше царя... Поклянись мнѣ великою клятвою, государь мой грозный и товарищъ прекрасный нашъ, что ты не выдашь меня отцу моему, а я о тебѣ забочусь.

Пётро поклялся, и тогда юноша сказалъ ему все.

Пётро подумалъ и отвѣчалъ ему такъ:

— Поди созови всѣхъ этихъ юношей и вельможныхъ дѣтей на пиръ въ свою ставку и угости ихъ, какъ бы желая открыть имъ ту тайну, которую отецъ тебѣ довѣрилъ, и уговори ихъ; а самъ напой ихъ до-пьяна, чтобъ они завтра на разсвѣтѣ съ перепоя были слабы и сонливы и не годны къ единоборству... Ты жъ дѣлай завтра, какъ знаешь.

— Я отъ тебя не отстану, — отвѣчалъ сынъ начальника, — ты для меня почтеннѣе старшаго брата и страшнѣе царя и милѣе самой младшей сестры въ родительскомъ домѣ.

— Это хорошо! — сказалъ ему Пётро, и они разстались.

Пётро всю ночь молился въ ставкѣ своей, а сынъ архистратига угощалъ (какъ велѣлъ ему Пётро) избранныхъ знатныхъ дѣтей въ своей ставкѣ. Они всѣ согласились бѣжать отъ врага, смѣялись тому, какъ Пётро будетъ убитъ, и напились пьяны до того, что утренній звукъ трубъ не могъ пробудить ихъ.

Когда заря только что занялась, Пётро кончилъ молитву свою, одѣлся и вооружился. Онъ не надѣлъ наружныхъ мѣдныхъ латъ, а надѣлъ подъ парчевую короткую одежду свою крѣпкую и легкую кольчугу, которой совсѣмъ не было видно. На головѣ его былъ золотой шлемъ съ золотыми же крылышками по сторонамъ. И изъ-подъ шлема кудри ниспадали у него до самыхъ широкихъ плечъ. Ножъ безцѣнный дамасскій былъ за поясомъ и пистолеты и маленькій ножъ. Отрокъ за нимъ несъ копье.

Когда занялась на небѣ красная заря, заиграли трубы и барабаны и въ станѣ и въ станицѣ вражеской.

Пе́тро вышелъ на средину стана. И всѣ восхищались его красотой и воинственнымъ видомъ.

Архистратигъ же думалъ: «Боюсь, не перебилъ бы онъ всѣхъ двѣнадцать противниковъ!»

Онъ приказалъ позвать скорѣе остальныхъ одиннадцать бойцовъ, но они были всѣ пьяны, слабы и сонливы и къ бою не годны. Одинъ только его любимый сынъ вышелъ готовый. Поблѣднѣлъ архистратигъ и сказалъ сыну въ гнѣвѣ:

— Погибнутъ тебѣ сегодня отъ вражеской руки!.. И бейся на смерть; анаѳема тому черному дню и ядовитому часу, въ который я родилъ тебя на свѣтъ!

Пе́тро тогда сказалъ:

— Это не великое несчастіе, я выберу лучшихъ воиновъ простыхъ и одѣну ихъ въ одежды этихъ знатныхъ юношей, чтобы противники наши приняли ихъ за людей большихъ.

И собралъ десять самыхъ ужасныхъ воиновъ, такихъ, что одинъ могъ на троихъ безъ страха выходить на бой, и одѣлъ ихъ, и велѣлъ имъ умыться чище и волосы дорогими мастями умастить, и одѣлъ ихъ всѣхъ въ свои богатѣйшія одежды; и ни на одного латъ не надѣлъ снаружи, а всѣмъ имъ надѣлъ снизу крѣпкія кольчуги и сказалъ:

— Теперь пойдемте, и вы дѣлайте, какъ знаете, когда я начну. А пока стойте.

Сынъ архистратига пошелъ вмѣстѣ съ нимъ. Всѣ бойцы вышли подъ начальствомъ Пе́тро на поле, между лагеремъ и городскими стѣнами; тогда ворота столицы открылись, и вышло оттуда сперва большое войско, чтобы охранять своего царевича, внуковъ царскихъ и знатныхъ юношей на случай измѣны. Потомъ выѣхали и двѣнадцать всадниковъ въ позлащенныхъ латахъ и шлемахъ съ голубыми перьями; всѣ на вороныхъ жеребцахъ. И сошли съ коней.

Всѣхъ впереди шелъ наслѣдникъ царя Полите́кна, зна-

менитый боецъ и полководецъ. Онъ былъ уже не очень молодъ и имѣлъ при себѣ двоихъ юныхъ еще безбородыхъ сыновей, ибо братья его, сыновья царя Политéкна, были далеко. Онъ говорилъ имъ: «Держитесь ближе ко мнѣ. Я сейчасъ убью побродягу Пéтро и вамъ на помощь приду скоро».

Сперва оба войска молчали, и подъ стѣнами, и въ лагерѣ, и на стѣнахъ народъ не кричалъ ничего.

Но потомъ изъ города люди стали кричать, смѣяться и говорили:

— Посмотримъ, что́ сдѣлаетъ вашъ богатый пастухъ! Здѣсь желѣзо ядовитое нужно, сердце въ груди, а не бочки съ золотомъ!..

А люди изъ лагеря отвѣчали имъ тоже ругательствами.

И наслѣдникъ самъ былъ веселъ сначала, но когда остановился онъ предъ Пéтро и взглянулъ на него вблизи, взялъ его внезапный страхъ, и онъ сказалъ, обращаясь къ Пéтро вѣжливо:

— Здравствуй... Господинъ мой и царскій зять. Здоровъ ли ты? Хорошо ли тебѣ?

А Пéтро, улыбаясь, отвѣчалъ ему вѣжливо:

— Я здоровъ и мнѣ́ хорошо, а скоро и еще лучше будетъ. А и тебѣ, господинъ мой, воину знаменитому, не прилично въ крѣпкихъ латахъ выходить, когда мы безъ латъ. Ты знаменитый воинъ и волосы твои побѣлѣли уже; а я безбрадый пастушокъ, глупенькій... Хорошо ли будетъ, если мы васъ всѣхъ въ латахъ да сами безъ латъ побѣдимъ?..

Смутился старшій сынъ царя Политéкна и велѣлъ всѣмъ своимъ снять латы; и въ смущеніи своемъ о кольчугахъ и не подумалъ; ибо Пéтро ему казался очень великъ и широкъ и смѣлъ, и въ это время трубы трубили и барабаны играли и въ лагерѣ́ и въ городѣ, и онъ былъ очень смущенъ.

Тогда оба вождя крикнули своимъ:

— Ай-да! Впередъ! — и кинулись въ смертный бой.

Не долго бой этотъ длился.

Внуки царскіе не хотѣли отъ отца отходить, и осталось

съ ихъ стороны отъ этого противу одиннадцати враговъ только девять человѣкъ.

Одинъ вельможескій сынъ былъ сразу убитъ копьемъ въ глазъ, и копье въ затылокъ ему вышло насквозь.

Другой ранилъ копьемъ и ножомъ двоихъ воиновъ царя Агòна, и они упали; но одинъ изъ раненыхъ, падая, вынулъ изъ-за пояса пистолетъ и выстрѣлилъ, и попала одна пуля другому вельможескому сыну въ грудь; и вынулъ этотъ воинъ другой пистолетъ и выстрѣлилъ, и та пуля попала ему прямо въ ротъ. Кровью наполнился ротъ его, и онъ только успѣлъ вскрикнуть:

— Маменька моя! Маменька милая! — и умеръ.

Тогда всѣ остальные семь сыновъ вельможескихъ побѣжали къ своимъ; а страшные воины добраго царя Агòна погнались за ними и хотѣли всѣхъ ихъ убить; но народъ со стѣнъ сталъ кричать:

— Оставьте, оставьте, не бейте у насъ всѣхъ княжескихъ дѣтей... Мы за нихъ выкупъ дадимъ!..

Остановились люди царя Агòна; а княжескія дѣти вскинулись на коней и ускакали въ городъ.

Въ это самое время Пе́тро и старшій сынъ царя Полите́кна сломали оба копья и вынули мечи и хотѣли биться мечами; но Пе́тро сказалъ:

— Брось мечъ, государь мой, и я брошу мой и поборемся просто руками. Кто кого поборетъ, тотъ сдѣлаетъ тому, что̀ хочетъ!

Сказалъ же онъ потому, что опасался искусства и опытности противника своего на мечахъ.

Они оба бросили мечи и стали бороться, и ощупалъ руками кольчугу сынъ царя Полите́кна подъ платьемъ Пе́тро и сказалъ:

— Ты, пастухъ подлый, обманулъ меня...

И закричалъ сыновьямъ своимъ:

— Бейте, дѣти, его сзади сильнѣе, въ самыя почки...

Тогда, вырвавшись, нагнулся взять опять ножъ свой съ земли, но Пе́тро стиснулъ ему грудь такъ сильно, что у того выступила кровь въ ротъ... Онъ захрипѣлъ и упалъ.

Пе́тро оставилъ его и вдругъ обратился на юныхъ дѣтей его...

— А вы, мои дѣточки, что́ пришли сюда? — и сбилъ съ нихъ разомъ руками золотые шлемики ихъ; тогда черные кудри ихъ разсыпались у нихъ ниже плечъ, а Пе́тро схватилъ ихъ обоихъ за волосы и потащилъ къ своему лагерю смѣясь и отдалъ ихъ своимъ воинамъ.

Послѣ этого Пе́тро возвратился въ лагерь, а люди царя Полите́кна понесли въ городъ наслѣдника, который былъ какъ полумертвый отъ ушиба.

Сзади Пе́тро воины царя Агона несли своихъ убитыхъ и, впереди другихъ, тѣло молодого его друга, архистратигова сына, котораго проклялъ въ гнѣвѣ отецъ. Его, когда побѣжали княжескія дѣти отъ воиновъ царя Агона, застрѣлилъ одинъ изъ нихъ, обернувшись.

Возвратившись въ лагерь, Пе́тро сталъ посреди и сказалъ воинамъ такъ:

— Воины добраго царя Агона! меня тесть мой и государь хотѣлъ назначить воеводой надъ всѣми вами, но я, смиряясь въ неопытности моей, опасался нанести вредъ народу и подчинился начальству архистратига. Однако и подъ его начальствомъ Богъ помогъ мнѣ въ долинѣ той, которую вы знаете, побѣдить войско грознаго царя Полите́кна и осадить столицу его. Теперь узнайте же коварство и злобу вашего архистратига. Вотъ что онъ замыслилъ противу меня вчера.

И Пе́тро разсказалъ все, какъ было: и какъ убережся онъ отъ козней архистратига, и какъ другъ его молодой выдалъ отца, который и царю своему и всему народу хотѣлъ погибели, лишь бы зависть и злобу свою противу Пе́тро насытить.

И сказалъ еще Пе́тро:

— Теперь судите насъ съ нимъ сами. А я, по возвращеніи домой, каждому изъ васъ по небольшому боченку золота дамъ!

Какъ только онъ это сказалъ, воины бросились на стараго начальника своего и искололи его копьями и мечами

рубили, и хотѣли отрѣзать ему голову, и какъ вражескую вздѣть на копье, но Пётро запретилъ это поруганіе, приказалъ убрать тѣло и везти его домой, чтобы похоронить вмѣстѣ съ тѣломъ сына его, съ почетомъ и пышностью.

Потомъ, когда вечеромъ царь Политёкнъ прислалъ просить мира и повезли уже изъ города четырнадцать бочекъ золота, Пётро возвратилъ эти бочки назадъ и велѣлъ тайно сказать царю Политёкну: «Грозный и справедливѣйшій царь изъ всѣхъ царей, Пётро, зять царя Агòна, низко кланяется тебѣ и говоритъ вотъ что̀: чего другого, а золота у него такъ много, что онъ и тебѣ еще своихъ можетъ подарить много бочекъ. Поэтому онъ твоихъ не желаетъ, а проситъ тебя помнить только, что сына твоего и наслѣдника онъ не убилъ, а только ушибъ, и внучатъ твоихъ милыхъ тебѣ невредимыми возвращаетъ; онъ могъ бы ихъ пѣшкомъ у стремянъ своихъ заставить какъ плѣнныхъ итти, когда будетъ въ столицу царя Агòна съ торжествомъ въѣзжать. Но, уважая тебя, онъ этого сдѣлать не можетъ. У Пётро, при тестѣ его, много враговъ и завистниковъ, и за все, что̀ онъ уступаетъ тебѣ, проситъ онъ одного лишь: если придется ему бѣжать въ несчастіи отъ царя Агòна или о помощи какой-нибудь просить тебя, помоги ему и прими его, какъ союзника и вѣрнаго друга!» Царь Политёкнъ со скрежетомъ зубовъ принялъ тайнаго посла отъ Пётро и показалъ видъ, что радуется уступкамъ его и союзу и все обѣщалъ исполнить. Но по уходѣ посла сказалъ своимъ:

— Мерзкій простолюдинъ этотъ и понамарь счастливый унизилъ насъ, и теперь даритъ и ласкаетъ! Не прощу я ему этого и не забуду, что онъ и въ единоборствѣ сына моего обманулъ, надѣвъ кольчугу! Мнѣ дары и благодѣянія его мерзки!

И царедворцы согласились, говоря:

— Когда бы тамъ, у царя Агòна прогнали или убили его! И тебѣ бы, государь, объ этомъ постараться при случаѣ.

Пётро же, полагая, что онъ теперь всѣхъ хитрѣе, и счастливѣе и сильнѣе, съ торжествомъ возвратился домой.

За войскомъ везли тѣла ненавистнаго ему архистратига и милаго друга его, архистратигова сына, который изъ любви къ нему отца своего ему предалъ.

По возвращеніи войска съ войны, когда добрый царь Агóнъ узналъ о побѣдахъ и подвигахъ прекраснаго Пéтро и о жестокой и позорной смерти любимаго архистратига своего, онъ испугался, скрылъ въ сердцѣ печаль свою и со вздохомъ сказалъ:

— Теперь мы всѣ въ его власти!

Онъ послѣ этого смирился совсѣмъ предъ зятемъ и не обнаруживалъ ему болѣе ни зависти, ни вражды.

Царедворцы же его, которые были Пéтро враги, говорили между собою:

— Намъ и убить его теперь неудобно; какъ бы насъ не растерзалъ народъ. Всѣ бѣдные люди отъ него золота ждутъ! А теперь, послѣ великихъ подвиговъ своихъ на войнѣ, онъ еще больше распухнетъ и превознесется!

А Пéтро, между тѣмъ, смѣялся и, успокоившись въ гордости своей, думалъ такъ: «Никогда я не поколеблюсь уже болѣе! У меня теперь все есть и я все умѣю дѣлать!»

Онъ предался послѣ этого спокойствію и нѣгѣ съ молодою женой; они всячески старались увеселять другъ друга, и Пéтро отдавалъ ей всю свою душу.

Царевна же Жемчужина скорѣе пресытилась имъ и думала про себя: «Чѣмъ бы мнѣ еще утѣшиться?» И придумавъ, ласкала Пéтро и говорила ему умилительно:

— Господинъ мой, Петро! Что я тебѣ скажу... Позволишь?..

А Пéтро отвѣчалъ ей:

— Зачѣмъ тебѣ, царской дочери и возлюбленной моей супругѣ, благоуханнѣе и милѣе которой я не видывалъ дѣвицы, зачѣмъ тебѣ говорить мнѣ такъ: господинъ мой!.. Ты мнѣ госпожа и очи главы моей!

— Все-таки ты мнѣ мужъ, и я должна почитать тебя,— сказала царевна.

— Говори, что̀ ты желаешь! — приказывалъ ей тогда Пéтро.

— Есть у меня подруга, тоже царская дочь; она прежде ко мнѣ въ гости пріѣзжала вотъ какъ: сама на бѣломъ большомъ мулѣ, разубранномъ, изъ дальняго Египта его купили. А за ней двадцать пять подругъ и служанокъ на черныхъ большихъ мулахъ, и двадцать пять евнуховъ черныхъ и двадцать пять евнуховъ бѣлыхъ и 200 человѣкъ отборнаго войска съ копьями; только безъ музыки она ѣхала. А я хочу теперь съѣздить къ ней и погордиться предъ нею, что я гораздо лучше ея. Прикажи, чтобы для всѣхъ подругъ и служанокъ моихъ изъ Египта, бѣлыхъ муловъ иословъ большихъ привезли, и чтобы евнуховъ было около меня пятьдесятъ черныхъ и пятьдесятъ бѣлыхъ, и войска чтобы было еще больше, и чтобы всю дорогу, какъ я поѣду, играла предо мною музыка.

— Хорошо, — сказалъ Пе́тро.

И тотчасъ же снарядилъ корабли въ Египетъ, чтобы везли скорѣе бѣлыхъословъ и муловъ и войско изготовили бы все въ роскошномъ одѣяніи.

Когда привезли бѣлыхъ ословъ и муловъ и все было готово къ путешествію царевны, кормилица ея, которая ненавидѣла Пе́тро, сказала ей:

— Что ты радуешься и гордишься. Ты бы попросила мужа, чтобъ онъ велѣлъ всѣхъ муловъ и ословъ этихъ серебромъ чистымъ подковать слабо, чтобы, какъ въ городъ будешь въѣзжать къ подругѣ своей, такъ подковы бы эти падали и народъ бы подбиралъ ихъ. Посмотри, онъ тебѣ откажетъ въ такомъ великолѣпіи!

Сердце царевны раздражилось; она пошла къ мужу и сказала ему такъ, какъ говорила кормилица, и прибавила:

— Я тебя царскимъ сыновьямъ предпочла и всячески предъ тобою смиряюсь, поэтому и ты долженъ уважать меня!..

— Я уважаю тебя! — отвѣчалъ Пе́тро. И приказалъ, смѣясь, подковать не серебромъ, а чистымъ золотомъ, и не только тѣхъ бѣлыхъ ословъ и муловъ, на которыхъ царевна и другія женщины должны были ѣхать, но и всѣхъ коней подъ евнуховъ и подъ войско.

Царевна поѣхала къ подругѣ своей, превознесенная отъ гордости и отъ радости, и въ той странѣ всѣ изумлялись и завидовали ей. Народъ бѣжалъ за ней по улицѣ и подбиралъ золотыя подковы.

Возвратившись домой, царевна начала опять думать, что бы еще удивительное достать или сдѣлать.

И каждый день придумывала, а Пе́тро, хотя и занятъ былъ умъ его царскими дѣлами и ежеминутною опасностью отъ враговъ и завистниковъ и даже отъ самого добраго царя Агѳна, которому онъ не вѣрилъ, однако онъ старался исполнять всѣ ея пожеланія, даже и самыя пустыя. Часто онъ думалъ такъ: «Никому я вѣрить не буду; только Же́мчужинѣ, женѣ моей». И всю душу отдавалъ ей, однако и ей не открывалъ, ѣткуда у него столько денегъ и гдѣ онъ достаетъ.

Одинъ день увидала царевна въ лиловое стекло окошечка, что луна въ это стекло не желтая, а какъ бы розовая, и ужасно обрадовалась и приказала: «Чтобы всѣ стекла были въ залѣ лиловыя! Пусть у насъ и луна будетъ не такая, какъ у другихъ, у простыхъ людей!»

Въ одинъ день перемѣнили всѣ стекла. А на другой день она взяла сама трость и начала бить ихъ сама, и служанки ея бѣгали за ней и тоже били всѣ лиловыя стекла.

Услыхалъ Пе́тро звонъ этотъ и шумъ и спросилъ:

— Зачѣмъ вы бьете стекла?

Царевна же подбѣжала къ нему и воскликнула:

— Радость моя... Я такъ испугалась, чтобы ты не разлюбилъ меня... Даже дурно мнѣ сдѣлалось... Очень блѣдное, точно у мертваго человѣка сдѣлалось мое лицо отъ этихъ стеколъ. Румянца не видно. На что́ жъ мнѣ розовая луна, когда я отъ этого буду дурная? Пусть лучше она ужъ будетъ и у насъ желтая, какъ у всѣхъ людей...

Пе́тро смѣялся и ничего ей не сказалъ; а себѣ сказалъ такъ: «Очень жена моя любопытна и весело съ ней. Я такой не видывалъ!»

Потомъ царевна хотѣла такихъ плодовъ купить, какіе

въ царствѣ ихъ не росли, а надо было два-три мѣсяца изъ-за моря везти. Потомъ говорила:

— Умираю я теперь, до того мнѣ хочется видѣть, какія у обезьянъ дѣти бываютъ, и какъ онѣ сами за ними смотрятъ.

Обезьянъ въ царствѣ ихъ не бывало; а до Египта было далеко. Потомъ говорила:

— Хочу я снѣга лѣтомъ, а зимой хочу всякихъ плодовъ, такихъ, какіе зимой не бываютъ...

Снаряжалъ Пётро дорогою цѣной корабли за этими плодами плыть; корабли потонули; снарядилъ другіе, еще дороже. Привезли плоды. Но царевна не стала ихъ ѣсть и сказала:

— Такъ долго ѣхали! Теперь пусть ихъ поросята ѣдятъ!

Послалъ Пётро нарочныхъ людей за разными рѣдкими обезьянами. Людей нарочныхъ тамъ, гдѣ были эти обезьяны, людоѣды поймали и съѣли, и они не вернулись. Послалъ Пётро побольше людей къ самому царю въ Египетъ просить обезьянъ. Множество денегъ истрачено было и обезьянъ достали, и нѣкоторыя изъ нихъ, самыя цѣнныя и рѣдкія, издохли въ пути. А которыхъ привезли, тѣ царевнѣ не понравились, и она сказала:

— Надоѣли мнѣ эти обезьяны. Что въ нихъ?

И не стала заниматься ими.

Потомъ, когда она начала жаловаться, что мужъ не можетъ учредить все такъ, чтобы зимой всѣ цвѣты цвѣли, какіе зимой не бываютъ, а лѣтомъ чтобы снѣгъ падалъ, Пётро уже оскорбился немного и сказалъ:

— Довольно съ тебя, Жемчужина, и деньги воздуха не перемѣнятъ.

Этотъ отвѣтъ огорчилъ царевну, и она тайно жаловалась кормилицѣ своей, говоря:

— Что жъ деньги могутъ? Не въ тотъ самый день привезли мнѣ плоды, а чрезъ многіе мѣсяцы! И обезьяны лучшія подохли въ дорогѣ, и воздухъ перемѣнить мужъ мой не можетъ!

Кормилица радовалась ея огорченію и говорила:

— Много больше сдѣлать можетъ мужъ твой съ такими деньгами, но не хочетъ. Деньги все могутъ, но ты не властна надъ сердцемъ его. Испытай его еще въ чемъ-нибудь.

Царевна думала долго и призвала къ себѣ всѣхъ строителей и художниковъ, и мастеровъ лучшихъ, какіе были въ царствѣ добраго царя Агѳна, и выписала еще нѣсколькихъ изъ сосѣднихъ царствъ и сказала имъ:

— Мнѣ надоѣлъ этотъ дворецъ мой. Онъ и малъ и обыкновенный. А я хочу такой дворецъ, какого ни у кого еще не было!

Долго думали всѣ художники и мастера, порознь каждый и всѣ вмѣстѣ, совѣщаясь. И все, что̀ придумывали, говорили царевнѣ; а она отвѣчала имъ:

— Что̀ тутъ дивнаго! А вы помните, что мужъ мой, когда захочетъ, все можетъ! Такъ у него денегъ много!..

Наконецъ одинъ иноземный зодчій сказалъ царевнѣ:

— Я, царевна и госпожа моя благая, придумалъ нѣчто такое, что̀ понравится, быть можетъ, твоему величію и будетъ тебя достойно. Мы сдѣлаемъ куполы огромные, больше, чѣмъ на св. Софіи, а кругомъ подъ ними сдѣлаемъ много окошекъ!

— Сдѣлай тысячу окошекъ, — сказала царевна.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ зодчій, — тысячу я не сдѣлаю, а сдѣлаю я девятьсотъ девяносто девять, потому что это будетъ важнѣе и ты больше прославишься. На какомъ ты языкѣ ни скажи: «тысяча», все будетъ слово малое и ничтожное; а на всѣхъ языкахъ «девятьсотъ девяносто девять» будетъ важнѣе. Скажи ты по-эллински тысяча — *хиліа!* Не важно. А скажи ты: *Эніакосіа энеинда энэа.* Великая разница! Скажи ты по-агарянски тысяча — *бинъ!* Еще ничтожнѣе, чѣмъ по-эллински; а скажи ты по-агарянски же: *токузъ юзъ токусенъ токусъ!* то гораздо славнѣе будетъ и твоему величію сообразнѣе.

Царевна отвѣчала ему на это:

— Мнѣ нравится, мастеръ, то, что ты говоришь!

Зодчій продолжалъ:

— И еще я скажу тебѣ, государыня моя, слышалъ я,

прости мнѣ, будто твоя милость скучаешь иногда,—зачѣмъ зимою не лѣто, и лѣтомъ зачѣмъ не зима. Хорошо дѣлаешь ты, что недовольна этимъ, потому что у супруга твоего богатство несмѣтное; и хотя воздухъ точно что перемѣнить деньгами нельзя, но есть зато у людей искусство и разумъ. Я сдѣлаю тебѣ во дворцѣ твоемъ двѣ огромныя залы. Одна будетъ зима, а другая будетъ лѣто. Лѣтомъ ты можешь, когда эти храмины будутъ готовы, сидѣть въ той, которая будетъ изображать зиму, а зимой утѣшаться, сидя въ той, которая будетъ изображать лѣто.

Царевна восхитилась и спросила:

— А какъ ты ихъ сдѣлаешь?

— Зиму,—отвѣчалъ художникъ,—я изображу такъ. Изъ лучшаго бѣлаго мрамора, который мѣстами какъ снѣгъ блеститъ, я сдѣлаю тебѣ великій кіоскъ круговидный; потолокъ кіоска будетъ подъ великимъ куполомъ образованъ и тончайшимъ изваяніемъ весь покрытъ. И будешь ты думать, что потолокъ этотъ не мраморный, а тончайшей деревянной рѣзьбы, покрывшейся нѣжнымъ инеемъ. Окруженъ кіоскъ будетъ рѣшеткою узорной необычайнаго великолѣпія и тонкіе изукрашенные ваяніемъ столбики (все по два, по два на приличныхъ разстояніяхъ) будутъ также изображать столбики деревянные, рѣзные, какъ будто покрытые инеемъ. И изъ лучшаго бѣлаго хрусталя изображу я натёки ледяные, неравномѣрные по краямъ крыши кіоска. А диванъ вокругъ изъ бѣлаго атласа съ серебрянымъ шитьемъ; все будетъ въ храминѣ бѣлое; полъ кіоска будетъ только одинъ цвѣтной, и будетъ онъ такой, какъ будто ты приказала постелить для тепла царскихъ ногъ своихъ красный коверъ съ небольшими фигурками. А въ самомъ дѣлѣ коверъ этотъ будетъ холодить, а не грѣть, ибо онъ будетъ мозаичный и красное поле его будетъ изъ кораловъ составлено. На стѣнахъ за рѣшеткой и столбиками кіоска закажу я лучшимъ живописцамъ изобразить сосны и кедры зеленые и такія деревья, которыя зимой листья теряютъ, и рѣчки замерзшія, и домики дальніе... И все въ туманѣ и въ снѣгу, и въ ледяныхъ сіяющихъ радугой

кристаллахъ, и въ узорномъ инѣ... И еще пропущу я откуда-нибудь свѣтъ на все не сквозь простыя, а сквозь алыя стекла, чтобы думала ты, что видишь предъ собою сладкій свѣтъ алой зари печальнаго вечерняго часа... Въ такой-то храминѣ ты будешь лѣтомъ прохладой и размышленіемъ заниматься.

Царевна еще болѣе прежняго восхитилась и, всплеснувъ руками, воскликнула:

— Живи, живи, мастеръ мой дорогой! И будь ты вѣчно здоровъ и достигни ты глубокой старости... Какъ ты мое сердце обрадовалъ! Говори, говори скорѣй о другой храминѣ, о той, которой лѣто изобразишь и въ которой я лютою зимой буду грѣться и веселиться, когда другіе люди будутъ дрожать...

Мастеръ продолжалъ:

— Въ этой второй храминѣ многое подобно первой. А многое вовсе иное и несходное. И въ ней будетъ обширный и отлогій куполъ, подобный куполу св. Софіи, и въ ней будетъ подъ куполомъ не тысяча, а девятьсотъ девяносто девять оконъ, всѣ изъ круговидныхъ стеколъ. Внутри также будетъ кіоскъ; до сихъ поръ сходство ихъ, этихъ двухъ великихъ твоихъ храминъ. Далѣе же настаетъ чередъ различію. У кіоска второй храмины крыши съ самимъ куполомъ сливающейся не будетъ, а будетъ на верху лишь великій круглый вѣнецъ изъ колосьевъ, злаковъ и дикихъ цвѣтовъ, въ полѣ растущихъ; вязь великую круглую они образуютъ; возложенъ будетъ вѣнецъ этотъ на высокіе столбы круговиднаго кіоска, на столбы, попарно все стоящіе, и промежутки отъ пары до пары должны быть приличные. Столбы эти изобразятъ тоже какъ бы снопы на снопы поставленные, снопы изъ пшеницы и маиса, и ячменя, и изъ другихъ злаковъ съ травами и цвѣтами. И такая же будетъ рѣшетка круговая вокругъ всей этой храмины. И вѣнецъ наверху, и столбы, и рѣшетка будутъ либо изъ серебра золоченые, или изъ чистаго золота. Это уже твой выборъ и твой расходъ, государыня. Цвѣты будутъ изъ разноцвѣтныхъ дорогихъ каменьевъ; макъ полевой, крас-

ный, въ пшеницѣ распускающійся, будетъ изъ лучшихъ коралловъ; а зерна маиса—изъ настоящаго жемчуга. Диванъ сама изберешь какой тебѣ угодно—драгоцѣнный златотканый или иной, сообразно съ мѣстомъ. Это твой выборъ, государыня. Но въ промежуткахъ между столбами золотыми я прикажу лучшимъ художникамъ мозаическою тончайшею работой изобразить пригорки, и виноградники, и ручьи; жнецовъ молодыхъ и дѣвушекъ у фонтановъ, и ловцовъ, звѣрей травящихъ, и виноградарей, виноградъ собирающихъ, и сады, и лѣса, и жилища людскія. На полу, если желаешь, разстелешь особый, невиданный шикѣмъ и удивительный коверъ, который ты въ Азіи заказать можешь, чтобъ онъ былъ и зеленъ и многоцвѣтенъ, какъ прекрасные лѣтніе дни; я же знаю свое дѣло и сдѣлаю полъ мозаичный тоже зеленый и многоцвѣтный, лѣтнему лугу совершенно подобный. Куполъ обширный, надъ кіоскомъ сверху отверстымъ, я весь сдѣлаю мозаичный, голубой съ небольшими облаками; а по небесной лазури будутъ летѣть туда и сюда крылатые прекрасные херувимы съ младенческою улыбкой, радуясь на благораствореніе воздуха и на обиліе плодовъ земныхъ. И если желаешь ты, чтобы богатство было неслыханное, то всю небесную лазурь мозаики я въ куполѣ изъ многоцвѣтной бирюзы сдѣлаю... Это ужъ твой выборъ, государыня, и твоего супруга расходъ... Согрѣвать эту храмину самою лютою зимой будетъ не трудно; можно, если желаешь, и снизу незримо ее согрѣвать наподобіе бани... Можно и иное средство найти.

— А еще что?—спросила царевна.

— Еще, государыня, вотъ что. Эти двѣ храмины, снаружи восьмиугольныя, соединены будутъ длиннымъ обиталищемъ. И будетъ въ этомъ обиталищѣ множество удобствъ и покоевъ отдѣльныхъ; но объ этомъ мы послѣ разсудимъ. А пока я скажу тебѣ только, какія будутъ у тебя трапезы и сколько ихъ будетъ. И это будетъ не безъ мысли и мудрости. Прошу я тебя, государыня, скажи мнѣ: сколько въ недѣлѣ дней? Не семь ли?

— Конечно семь,—сказала царевна.

— А сколько, царевна, цвѣтовъ въ радугѣ?

Царевна затруднялась, и мастеръ сказалъ ей, что тоже семь, назвалъ ихъ всѣ и еще спросилъ: «А сколько у тебя самой, государыня, даровъ прекрасныхъ есть?..»

Царевна покраснѣла и спросила:

— Это что за разговоръ? Почемъ я знаю мои дары! И что́ тебѣ до того! Это не постройка!

Но мастеръ, поклонившись ей въ землю, просилъ позволить сказать ей, сколько у нея даровъ, и она соизволила.

—И даровъ у тебя семь,—сказалъ онъ ей тогда.—Красота тѣлесная знаменитая, разумъ, милосердіе, пріятность, царскій родъ высокій, любовь супружеская и цѣломудріе. И вотъ я сдѣлаю семь трапезъ зимнихъ, солнечныхъ и веселыхъ, на полдень окнами, и семь лѣтнихъ трапезъ, безсолнечныхъ и прохладныхъ. Будутъ онѣ раскрашены и убраны по цвѣтамъ радуги, и будешь ты кушать съ супругомъ чередомъ въ разныхъ; въ воскресный день въ красной, а въ субботу въ фіолетовой, въ послѣдней. И это еще не все...

Царевна, слушая его, стала какъ бы изступленная отъ удовольствія.

Мастеръ же продолжалъ, улыбаясь ей и радуясь тоже, какъ онъ прославится и обогатится этою постройкой.

— Сказалъ я, что обѣ восьмигранныя великія храмины будутъ соединены длиннымъ домомъ жилымъ и болѣе низменнымъ, чѣмъ эти двѣ храмины. Сказалъ я еще, что будутъ на обѣихъ великихъ храминахъ обширные куполы, но я не сказалъ, что куполы эти будутъ снаружи золочены, а что они будутъ снизу окружены двумя вѣнцами круглыхъ главокъ, шаровидныхъ, такихъ, какими въ великой индійской странѣ капища украшаютъ зодчіе; первый вѣнецъ, нижній, будетъ казаться крупнѣе, а второй, верхній, мельче; потребуется же ихъ, главъ этихъ, множество... Наверху купола будетъ тоже соразмѣрная небольшая подобная же главка; такъ будетъ на обѣихъ храминахъ... А жилой домъ, соединяющій ихъ, кровли имѣть не будетъ, а широкую террасу для прогулки, и по обѣимъ сторонамъ террасы, во

всю длину одной ограды ея и всю длину другой, будетъ итти отъ храмины ко храминѣ рядъ такихъ же индійскихъ главъ шаровидныхъ. Всѣ эти главы и на куполахъ, и вокругъ ихъ, и по сторонамъ террасы будутъ по твоему выбору, государыня, либо тоже золочены, либо, еще лучше, покрыты многоцвѣтною глазурью на подобіе изразцовъ или фарфора. Вотъ что́ я задумалъ, моя государыня. А что́ нужно будетъ еще, тогда увидимъ и скажемъ...

И художникъ, снова поклонившись царевнѣ въ землю, ушелъ.

Царевна не знала послѣ этого, что́ ей дѣлать; она боялась даже мужу все это изобразить и разсказать, какъ бы не отказалъ онъ ей. И такъ она обезумѣла отъ пристрастія къ знаменитому дворцу этому, что спать по ночамъ не могла и пищу ѣсть перестала. И безпрестанно говорила кормилицѣ:

— Умру я съ горя, если онъ мнѣ въ этомъ откажетъ! Теперь я этотъ домъ, который отецъ мнѣ построилъ, не могу видѣть. Онъ мнѣ кажется самымъ простымъ жилищемъ!

Кормилица все раздражала ее, отвѣчая:

— Я тоже думаю, что мужъ твой откажетъ въ этомъ тебѣ. Онъ скупъ.

И царевна опять не знала, что́ дѣлать.

Въ то время, когда царевна Жемчужина задумала строить новый дворецъ, Пе́тро былъ очень занятъ дѣлами и не замѣчалъ безпокойства жены. Люди царя Полите́кна тайно подкупили людей царя Аго́на противу Пе́тро на тѣ самыя четырнадцать бочекъ золота, которыя онъ подарилъ царю Политѐкну, и Пѐтро еще не могъ понять, откуда идетъ зло и откуда идутъ ему во всѣхъ дѣлахъ препоны и трудъ. Еще онъ былъ огорченъ и смущенъ тѣмъ, что тѣ самые поселяне, которымъ онъ роздалъ послѣ войны столько денегъ на поправку жилищъ, не хотѣли уже работать, и поля ихъ оставались невспаханными, и податей они не платили, и хлѣбъ надо было въ чужихъ странахъ покупать. Изъ тѣхъ воиновъ также, которые убили врага его архистратига стараго и которымъ всѣмъ по боченку золота роз-

далъ, многіе хотѣли разойтись по домамъ на отдыхъ и убѣгали, и сотникамъ не повиновались, и пьянствовали, и увидѣлъ онъ, какова неблагодарность и гнусность народа, который онъ осыпалъ щедротами! Его огорчило это и прогнѣвало, и долженъ онъ былъ съ сокрушеннымъ сердцемъ сперва изъ воиновъ многихъ наказывать и казнить, а потомъ на села съ войскомъ итти и селянъ угрозами и побоями принуждать къ соблюденію порядка. Когда одному сельскому человѣку воины заключили въ колодки ноги, чтобы бить по нимъ тростями, человѣкъ этотъ закричалъ: «Пётро, Пётро, прекрасный! Самъ ты человѣкъ простой, а простыхъ не жалѣешь ты!» И сердцу Пётро это слышать было горько, хотя онъ все-таки приказалъ наказать этого человѣка.

Даже во дворцѣ, томъ самомъ, въ которомъ онъ жилъ съ царевной, поймалъ одинъ вѣрный рабъ его человѣка, который хотѣлъ умертвить Пётро, и этого человѣка пытали и денегъ ему предлагали, но онъ самъ не могъ сказать, кто такой его подкупилъ, а говорилъ только: «люди!» Его повѣсили на деревѣ. Было же это все отъ царя Политёкна и отъ его сына, знаменитаго воителя, которыхъ Пётро унизилъ и обманулъ, надѣвъ кольчугу.

Послѣ этого стало ему не весело и въ самомъ дворцѣ у царевны Жемчужины, потому что онъ этою кольчугой сталъ себя ежедневно обременять подъ одеждой, остерегаясь ножа, и когда онъ за обѣдъ съ женою садился, то три особо для этого назначенныхъ человѣка должны были приходить и каждаго кушанья ѣсть при немъ по нѣскольку ложекъ, чтобы не отравили его.

Видѣвъ его заботу и смущеніе, царевна, жена его, не осмѣливалась долго сказать ему о задуманномъ ею великомъ зданіи, а только все на стѣны и потолокъ стараго дворца смотрѣла, а когда мужъ спрашивалъ: «Что ты смотришь на стѣны и потолокъ?», царевна отвѣтила: «Потолокъ этотъ очень низокъ для царскаго жилища, и всѣ эти изразцы и розы мнѣ наскучили!» Но Пётро отвѣтилъ ей: «А мнѣ нравится все это!» И она послѣ этого молчала.

Наконецъ сказала она ему:

— Ты мой майскій розанъ и апрѣльскій цвѣтокъ, или не видишь, что жена твоя бѣдная и не спитъ и не ѣстъ?

И открыла ему, ласкаясь, свой замыселъ, прося выслушать художника самому.

Наскучили давно уже Пётро всѣ эти замыслы, и сказалъ онъ ей опять:

— Довольно съ тебя, моя Жемчужина. Полно тебѣ все новаго желать. И такъ хорошо. Мои руки устали уже насыпать въ бочки золото для твоихъ утѣхъ. Я цѣлые дни чрезъ тебя въ подвалахъ провожу.

Но царевна ему:

— Ты бы только выслушалъ этого мастера! Когда услышишь рѣчь его, самъ плѣнишься.

Велѣлъ позвать мастера Пётро и принялъ его благосклонно; слушалъ долго и потомъ сказалъ:

— Хорошо зданіе будетъ! А сколько времени на него нужно тебѣ?

— Три дня?—спросила царевна.

Художникъ сказалъ:

— Три года, съ величайшею трудностью.

— А на что́ жъ деньги наши!—воскликнула царевна.

Зодчій разъяснилъ ей, что никакими деньгами нельзя создать иныхъ вещей внезапно; что бирюзу и кораллы для мозаикъ безцѣнныхъ и жемчуга для колосьевъ маиса въ зимней храминѣ надо издалека привозить, и рабочихъ людей и мастеровъ по разнымъ странамъ собирать, и время тоже хоть и сокращается деньгами, однако, не совсѣмъ.

Пётро въ утѣшеніе женѣ сказалъ смѣясь:

— Я бы, милая моя, изъ тѣхъ семи трапезъ, которыя мастеръ хочетъ тебѣ учредить, одну исключилъ,—это трапезу твоей *разумности*... Или ты не понимаешь, что тебѣ же пріятнѣе будетъ не спѣша заниматься созданіемъ такого прекраснаго дворца? А скоро построишь—и въ немъ, быть можетъ, соскучишься...

Царевна Жемчужина отвѣчала:

— Ну, хорошо! Это правда, что ты гораздо меня разумнѣе.—И успокоились немного.

Пе́тро же находилъ все это лишнимъ; къ тому же не рѣдко и вѣра слабѣла въ немъ, что кошелекъ неистощимъ, пока Христо и Христинѣ домъ не готовъ; онъ не безъ страха всякій разъ спускался въ подвалъ и раскрывалъ кошелекъ надъ бочками, думая: «Можетъ быть, сегодня уже ничего не посыплется изъ него! И я, исполняя волю жены моей, лишу себя послѣ всего!..»

День ото дня онъ это сталъ больше и больше бояться, и не грѣха того боялся, что онъ воспитателей своихъ забываетъ на дальней чужбинѣ и въ нищетѣ, а боялся одного, чтобы кошелекъ не изсякъ.

Въ этихъ опасеніяхъ еще больше стала наскучать ему царевна Жемчужина своими просьбами; ибо только что онъ наполнилъ сотни бочекъ золотомъ на тотъ случай, что завтра кошелекъ изсякнетъ, какъ государство, и жена, и другіе люди требовали новыхъ большихъ расходовъ, бочки пустѣли, и опять онъ исполнялся страха, и опять шелъ сыпать въ подвалъ, говоря: «Не изсякъ бы кошелекъ завтра! Кто знаетъ!»

Поэтому, призвавъ тайно отъ царевны знаменитаго зодчаго, онъ сказалъ ему:

— Ты можешь ли мнѣ зарокъ дать, что кончишь все зданіе въ три года?

Зодчій сказалъ:

— Могу постараться, государь, когда твоя милость золота жалѣть не будешь.

— Я не буду жалѣть,—сказалъ Пе́тро,—но если ты день опоздаешь, я тебя казню. Но и до тѣхъ поръ, пока ты не кончишь, я тебя здѣсь подъ стражей содержать буду, чтобы ты́ никуда уйти не могъ и скрыться отъ боязни моего гнѣва, если увидишь, что окончаніемъ запоздалъ!

Художникъ ужаснулся и въ ту жу ночь тайно бѣжалъ изъ царства царя Аго́на.

Пе́тро этого самаго и желалъ и смѣялся.

Но царевна Жемчужина, которой великій и прекрасный

дворецъ ея не давалъ ни сна, ни покоя, горько рыдала и рвала свои волосы, жалѣя объ этомъ, не смотрѣла на прекраснаго мужа и, затворяясь одна въ своей комнатѣ, никого не хотѣла видѣть.

Пе́тро смутился, пожалѣлъ ее, пришелъ къ ней и сказалъ ей:

— Неужели, Же́мчужина, я, молодой мужъ твой, уже тебѣ не утѣха?

Но царевна, отстраняясь отъ него, отвѣчала ему, горько плача:

— Жизнь бы я отдала за такой прекрасный дворецъ!

На это Пе́тро сказалъ ей ласково:

— Подожди еще хоть немного. Есть вещи нужнѣе такого дворца. Отъ него никому, кромѣ насъ съ тобою, удовольствія не будетъ. Я еще хочу по всѣмъ городамъ мостовыя подѣлать и на рѣчкахъ множество мостовъ, чтобы насъ народъ больше любилъ, потому что тогда сельскимъ людямъ въ непогоду легче будетъ овощи и хлѣбъ на вьючныхъ ослахъ въ городъ привозить. Ослы падаютъ теперь, тонутъ и не могутъ итти, и въ городѣ все дороже. Это полезно. А я не могу въ подвалѣ все жить. Надо прежде эти бочки, сколько есть теперь, на полезное для народа опростать. Что́ ты скажешь, мой апрѣльскій цвѣтокъ?.. Не лучше ли мостовыя и мосты кончить прежде?

Царевна въ гнѣвѣ отвѣчала ему неразумно. Она отвѣчала ему такъ:

— Что́ я тебѣ скажу, ты спрашиваешь? Я скажу тебѣ одно только любопытное слово, которое мнѣ моя кормилица говорила, когда я еще мала была. Она сказала мнѣ: Шли два мальчика мимо прекраснаго дерева. И одинъ мальчикъ сказалъ: «Какое хорошее дерево! Я бы его срубилъ на дрова и на уголья!» А другой мальчикъ сказалъ: «Какое хорошее дерево! Я бы подъ тѣнью его сидѣлъ и музыку слушалъ!» Слышалъ ихъ одинъ мудрый и опытный старецъ; этотъ старецъ воскликнулъ: «Первый мальчикъ простой, а второй мальчикъ высокаго рода и *голубой* крови

дитя». И было это такъ, какъ сказалъ старикъ. Вотъ что́ я тебѣ отвѣчу о твоихъ мостахъ и дорогахъ!

Пе́тро сильно оскорбился ея словами, но, преодолѣвъ гнѣвъ свой, отвѣчалъ ей, помолчавъ и пожирая самъ себя въ терпѣніи своемъ:

— Много хорошихъ словъ твоя кормилица знаетъ. Правда, я человѣкъ простой и о простомъ размышляю. Только въ простотѣ моей я народъ твоего отца, государя нашего, отъ жестокаго побоища избавилъ и самого царя отъ плѣна и ослѣпленія глазъ его; и ты бы, если бы не я, теперь бы воду у царя Полите́кна, можетъ быть, носила и мыла ноги старшему сыну его и старшей невѣсткѣ и за счастье бы считала, если бы тебя худшему поруганію не предали тамъ!

Послѣ этихъ словъ онъ ушелъ отъ нея и такъ былъ огорченъ, что утратилъ сонъ и на разсвѣтѣ въ безпокойствѣ и горести вышелъ за ворота своего дворца, строго запретилъ кому-либо изъ слугъ и сторожей за собою слѣдовать и, отошедши подальше, въ пустынное мѣсто у рѣки, сѣлъ и предался тамъ своей тоскѣ и размышленію. Онъ говорилъ себѣ такъ: «Всѣ мы сильные люди здѣсь стали врагами и завистниками; а народъ простой хуже непотребной женщины продаженъ, я вижу, и глупъ какъ дитя. Всѣ дѣла мнѣ здѣсь тяжки и опасны. Я бы ушелъ, но куда я пойду? Пойду я къ царю Полите́кну—развѣ я тамъ сильнѣе и больше буду? Нѣтъ, я тамъ буду много меньше, чѣмъ здѣсь. Пойду я домой къ Христо и Христинѣ и построю имъ домъ большой и поле куплю... Но мнѣ не весело ужъ теперь будетъ у нихъ, испытавъ здѣсь все лучшее. У нихъ изъ царскаго зятя и престолонаслѣдника я купцомъ стану, изъ полководца земледѣльцемъ и вмѣсто жены моей, несравненной Жемчужины, которой красивѣе и пріятнѣе, забавнѣе и благоуханнѣе и веселѣе нѣтъ на свѣтѣ и которая царская дочь, а мнѣ ноги мои моетъ, вмѣсто нея возьму я тамъ какую-нибудь простую сосѣдку нашу! Жемчужина къ тому же и законная супруга, Богомъ мнѣ данная. Какъ мнѣ оставить ее одну? Еще скажу, и страсть мря къ ней

такъ велика, что мнѣ легче сейчасъ на смертельный бой съ пятью царями и войскомъ ихъ выйти, чѣмъ ее огорчить и ей поперечить... Но и деньги все издерживать страшно мнѣ! Если завтра какъ-нибудь вдругъ кошелекъ изсякнетъ... боюсь я!..

Онъ мучился нестерпимо волненіемъ этихъ мыслей, и борьба сердца его была самая тяжкая, покуда онъ сидѣлъ въ уединеніи на берегу рѣки.

XV.

Въ то время, когда Пе́тро въ печали своей, размышляя въ сокрушенномъ сердцѣ, сидѣлъ одинъ у рѣки, внезапно явился предъ нимъ одинъ юродивый, давно жившій въ городѣ, по прозванію *Синдонитъ* *), потому что онъ, кромѣ старой простыни, никакой одежды не носилъ ни лѣтомъ, ни зимой.

Юродивый Синдонитъ былъ ростомъ очень малъ, на спинѣ имѣлъ горбъ, грудь у него была острая, какъ у птицы, голова велика непомѣрно и безъ волосъ, борода клинообразная, впередъ стоящая, и тѣло не было у него, какъ у другихъ людей, бѣлѣе лица и рукъ, но все черное, обожженное солнцемъ и сухое, изможденное постомъ.

Многіе считали въ городѣ Синдонита святымъ, а другіе—лицемѣромъ и безумнымъ. Ни золота, ни серебра онъ не бралъ никогда отъ людей, а только мѣдь, и часто и вовсе нагой ходилъ, потому что другимъ нищимъ отдавалъ свою простыню и ходилъ безо всего, пока ему другой не дарили. И эту опять отдавалъ. Иные, не вѣря въ святость его, отвращались и брезгали его наготою и безобразіемъ, и жаловались царю Агбну. Царь Агбнъ приказывалъ стражѣ вездѣ смотрѣть за Синдонитомъ, чтобъ онъ впредь безъ простыни не ходилъ. Но Синдонитъ, узнавъ это, издали передъ стражей надѣвалъ простыню и проходилъ мимо, а

*) *Синдонъ* — по-гречески *простыня*.

потомъ, снявъ ее, бралъ подъ мышку; простые люди и дѣти на базарѣ смѣялись этому, радовались и говорили: «Хитрый юродивый!»

Однажды, еще прежде того дня, какъ поссорился Пётро съ женою Жемчужиной, вышла изъ воротъ царевна съ подругами своими и кормилицей и слугами погулять подъ платаны и вязы; и Синдонитъ пришелъ туда. Царевна, увидавъ его, приказала дѣтямъ городскимъ и молодымъ слугамъ дворцовымъ смѣяться надъ нимъ, искупать его насильно въ рѣкѣ, гонять его туда и сюда и прыгать на его горбъ. Когда же одинъ большой слуга вспрыгнулъ на его горбъ, Синдонитъ упалъ и ушибся.

Пётро, въ это время возвращаясь изъ города домой, увидалъ это и велѣлъ его отпустить домой, далъ ему мѣдныхъ денегъ и бесѣдовалъ съ нимъ ласково, а Жемчужинѣ сказалъ послѣ, когда она была одна:

— Милая моя, прошу я тебя, никогда не обижай такихъ Божіихъ людей. Лучше другого человѣка убить, если необходимо, чѣмъ такого святого обидѣть.

И царевна просила его простить сій, ибо тогда она только одного и желала: нравиться молодому и прекрасному мужу своему и спасителю отъ бѣсовъ и отъ недуга, которыми она долго страдала.

Этотъ самый юродивый Синдонитъ явился предъ Пётро въ то утро, когда онъ, погрузившись въ тяжелые помыслы, сидѣлъ въ уединеніи на берегу рѣки и никуда не смотрѣлъ, а чертилъ пальцемъ по песку, вздыхая.

Пётро, видя Синдонита, сказалъ ему:

— Здравствуй, Божій человѣкъ, чего ты желаешь?

Синдонитъ отвѣчалъ:

— Я желаю, чадочко Божіе, вотъ чего: я желаю, чтобы ты меня послушалъ и исполнилъ то, что я скажу тебѣ.

— Говори,—сказалъ Пётро.

Тогда юродивый воскликнулъ:

— Пётро, Пётро, прекрасное чадочко Божіе! Пётро, Пётро, дитя души человѣческой! Пётро, Пётро, сынъ праха земного! Пётро, Пётро, хорошій человѣкъ! Пётро, Пётро,

грѣшный человѣкъ!.. Пе́тро, Пе́тро, слушай меня, который еще хуже и грѣшнѣе тебя.. Люби ты плоть свою, Пе́тро, люби, Пе́тро, люби жену молодую, Пе́тро; но не люби ты, Пе́тро, ни плоть свою больше души своей, ни деньги больше правды, ни жены молодой больше Бога!..

И, сказавъ это, заскакалъ онъ, какъ скачетъ дитя или какъ молодой козленокъ, играя, и скрылся за деревьями.

А Пе́тро, хотя и смутился немного его словами и начали мысли его принимать иной путь и другое теченіе, однако онъ скоро сказалъ себѣ: «Это онъ по злобѣ на Жемчужину говорилъ такъ, за тѣ оскорбленія, которыя она ему наносила!» И опять страсть, которою онъ пылалъ къ молодой женѣ, и сребролюбіе опять все затмили въ умѣ его, и опять сталъ онъ только думать о томъ же и мучиться тѣмъ же,—какъ бы денегъ поменьше тратить и какъ бы жену утѣшить сообразно съ ея желаніями удивительными и неистощимыми. Онъ придумалъ наконецъ и успокоился. Одну только правду сказалъ юродивый, что я *дитя души* Христо и Христины, и надо имъ немного послать.

Послалъ онъ тотчасъ же двухъ гонцовъ: одного къ тому художнику, опять его звать, предлагая ему несмѣтныя богатства на окончаніе зданія, а другого къ Христо и Христинѣ съ небольшою помощью (потому небольшою, чтобъ они вдругъ на его деньги большого жилья не построили и не изсякъ бы его кошелекъ).

Послѣ этого Пе́тро пошелъ къ женѣ, желая съ ней примириться.

Царевна между тѣмъ встала поутру разгнѣванная и печальная, одѣлась, раздѣлась снова и легла какъ больная на ложе; не принимала пищи и, отвернувшись лицомъ къ стѣнѣ, не отвѣчала ни слова своимъ прислужницамъ на ихъ вопросы и утѣшенія и, наконецъ, прогнавъ ихъ всѣхъ, осталась одна и плакала молча.

Такъ засталъ ее Пе́тро, состраданіе и любовь наполнили его сердце, и онъ заговорилъ съ ней смиренно и ласково:

— Милая моя Жемчужина и сладкая ты радость моей

жизни многотрудной.. порадуй и утѣшь своего мужа .. или лучше я скажу—раба и слугу твоей красоты... Встань ты съ ложа этого и развеселись. Не могу я видѣть, что ты нездорова. Никогда я не видалъ еще, что ты какъ сиротка несчастная такъ лежишь одна... Разрывается душа моя при этомъ видѣ. И что я такое и что ты! Правду ты сказала, что я простой человѣкъ и грубый! Конечно, мнѣ все кажется хорошо, потому что я угольщикъ и пастухъ овечій, а тебѣ надо все самое хорошее. Поэтому, если раскаяніе мое и стараніе могутъ поднять тебя съ этого ложа, вотъ я, мужъ твой и твоя глава по закону Господню, говорю тебѣ: прости мнѣ. И за мастеромъ этимъ я уже послалъ гонца. Онъ пріѣдетъ скоро и начнетъ дворецъ не спѣша намъ строить, весь по вкусу твоему и желанію.

Тогда царевна Жемчужина встала съ ложа своего и сказала ему тоже покорно:

— Не тебѣ, мужу, у жены своей прощенья просить. Я безумна, а ты во всемъ правъ, и отнынѣ пусть во всемъ будетъ воля твоя.

И они примирились.

Скоро возвратился тотъ гонецъ, который къ Христо и Христинѣ ѣздилъ, и донесъ Пе́тро, что деньги небольшія онъ имъ отдалъ и они были въ великой радости, потому что крыша у нихъ падать стала и снѣгу была полна горница; кромѣ того, у Христины язвы на ногахъ открылись, лѣчить ее было не на что, и угольевъ даже имъ добрые сосѣди давно понемногу давали. Когда же спросили они у гонца: «Гдѣ же возлюбленный Пе́тро нашъ и когда онъ къ намъ будетъ?» то гонецъ, какъ и первый разъ, отвѣчалъ имъ: «Я не знаю, гдѣ онъ живетъ. Я его на пути случайно встрѣтилъ, и онъ просилъ меня вамъ это отдать; у него работа очень трудная». Христо ничего не сказалъ, а Христина воскликнула:

— Что это онъ все тебя на пути встрѣчаетъ! И никто не знаетъ, гдѣ онъ! — и больше ничего.

Потомъ возвратился и другой гонецъ, отъ художника, и сказалъ Пе́тро такъ: этотъ знаменитый зодчій очень про-

гнѣванъ и говоритъ: «Не нужно мнѣ богатствъ несмѣтныхъ его. У меня и здѣсь есть чѣмъ прожить. Меня настоящіе цари и вельможи родовитые уважаютъ за мое великое искусство. А онъ, бѣдный, все по-сельски судитъ, и меня стращать сталъ, и обращался со мной, какъ будто я кузнецъ или плотникъ». И не поѣхалъ.

Ни тотъ, ни другой отвѣтъ не былъ для Пе́тро сладокъ, и больше всего сталъ онъ бояться, чтобы жена опять съ горя не заболѣла. Тогда придумалъ онъ ей солгать и сказалъ:

— Этотъ зодчій сейчасъ быть не можетъ, но онъ начнетъ всѣ запасы готовить, и планъ чертить, и работниковъ созывать, и когда все изготовитъ, пріѣдетъ. А пока ты бы хоть что-нибудь поменьше придумала, чтобы тебѣ не скучать.

Царевна въ тайнѣ души своей недовольна была тѣмъ, что зодчій не сейчасъ будетъ. Она пошла опять къ своей кормилицѣ, разсказала ей все и спросила:

— Не знаю, что́ бы теперь придумать, по его собственному желанію?

Кормилица ей отвѣчала на это:

— Придумай что-нибудь потруднѣе. А про зодчаго не вѣрь. Онъ хитрѣйшій изъ хитрѣйшихъ, твой домоправитель купеческій, и къ зодчему онъ, вѣрно, не посылалъ. Это все ложь.

Царевна сказала:

— Посмотримъ! — А сама стала придумывать, что́ бы сдѣлать, и, наконецъ, сказала мужу:

— Пе́тро, моя радость, вотъ что́ сдѣлай: эти двѣ рѣки текутъ по долинѣ врозь; а ты ихъ соедини, чтобы воды вмѣстѣ смѣшались; я буду въ *каикѣ* ѣздить изъ одной въ другую и буду думать о томъ, какъ и наши съ тобой сердца согласны во всемъ и все у насъ вмѣстѣ, какъ въ этихъ слившихся рѣкахъ.

— Хорошо, — отвѣчалъ Пе́тро; пошелъ въ тотъ подвалъ, куда ему всегда бочки пустыя приносили и онъ, запираясь, со тщаніемъ насыпалъ сколько нужно изъ пустого

кошелька своего. Насыпалъ и, позвавъ людей, приказалъ собрать сколько можно больше народа, чтобы въ три дня все было кончено.

На этомъ мѣстѣ, гдѣ должны были рыть новое русло, жили въ домахъ своихъ многіе жители; они всѣ тотчасъ же повиновались и оставляли жилища свои; Пётро щедро одарилъ ихъ золотомъ изъ своихъ неистощимыхъ бочекъ. Одна только бѣдная женщина, у которой былъ тутъ небольшой домикъ, не хотѣла уйти и не брала никакой платы. Она говорила такъ:

— Обидѣть бѣдную женщину легко; а золото мнѣ не нужно. Что̀ я съ нимъ буду дѣлать? Здѣсь въ виноградникѣ моемъ погребены кости моего отца и матери моей, и мужъ мой тоже два года погребенъ здѣсь, и переносить его кости прежде трехъ лѣтъ нельзя; у насъ это не обычай.

Пётро уговаривалъ ее долго, угрожалъ и просилъ; но она не соглашалась, и работы остановились.

Кормилица въ это время говорила царевнѣ:

— Великую любовь имѣетъ къ тебѣ твой попамарь! Этой злой женщинѣ надо бы тотчасъ дать палокъ сто, потому что ей слѣдуетъ съ радостью думать о твоемъ царскомъ удовольствіи...

Царевна передала это мужу, и Пётро притворился, что ему понравилось это. Онъ сказалъ:

— Да, это очень умный человѣкъ придумалъ. Я бы желалъ знать его имя.

Царевна обрадовалась и не скрыла отъ него, что это кормилица ее научила.

— Умная женщина твоя кормилица! — сказалъ Пётро.

И,ославъ людей за тою женщиной, которая земли своей уступить не хотѣла, Пётро приказалъ призвать и кормилицу, и при той вдовѣ велѣлъ кормилицѣ дать сто палокъ, и смѣясь утѣшалъ ее, говоря:

— Попробуй и ты на себѣ, что̀ другому невинному человѣку хотѣла сдѣлать! Сладко ли?

Потомъ, обратясь ко вдовѣ, которая была очень испугана этимъ зрѣлищемъ, сказалъ:

— А ты, бѣдная моя, подумай, что я могъ бы тебѣ сдѣлать то, что̀ я сдѣлалъ твоей злодѣйкѣ этой, и вразумись, и возьми съ меня за переносъ костей родителей и мужа твоего сколько хочешь денегъ на постройку пышнаго храма надъ этими гробницами въ новомъ мѣстѣ. Я, царскій зять, прошу тебя и низко тебѣ кланяюсь, ибо мнѣ очень нравится твое уваженіе къ этимъ могиламъ.

Вдова тогда согласилась; снесли рабочіе люди ея домикъ и кости отнесли бережно, куда она приказала, и соединеніе рѣкъ произошло, но только двумя днями позднѣе, чѣмъ обѣщалъ Пе́тро женѣ своей.

Царевну Жемчужину такъ разсердило обращеніе мужа съ кормилицей и то, что не въ три дня новая рѣка была готова, что она не только кататься въ каикахъ, но и глядѣть изъ окна на рѣки не хотѣла. Подруги и прислужницы говорили ей:

— Полюбуйся же, царевна, на новую эту рѣчку, которую возлюбленный мужъ твой тебѣ создалъ. Посмотри, какъ тихо течетъ она въ мраморныхъ берегахъ и какъ прекрасно около нея цвѣты цвѣтутъ и травы зеленѣютъ. Соединились теперь по желанію твоему обѣ большія рѣки, и воды ихъ текутъ вмѣстѣ, такъ же согласно, какъ ваши супружескія сердца.

Когда ей говорили такъ подруги и прислужницы, царевна къ окну не шла и отвѣчала:

— Рѣки слились, но наши сердца раздѣлились.

Она не ласкала болѣе молодого мужа и въ гнѣвѣ своемъ не почивала съ нимъ, а уходила къ кормилицѣ, которая послѣ наказанія проводила дни и ночи, лежа и стеная на постели своей. Царевна оставалась у нея всю ночь и прислуживала ей сама со слезами. Открывая ей душу свою, она говорила:

— Остыло сердце мое къ нему, моя кормилица! Вижу я, что не всемогущъ и онъ съ деньгами своими надъ всѣми людьми и надъ всѣми вещами, и вижу еще, что и я не всемогуща надъ его сердцемъ. Что̀ мнѣ въ немъ!

Тогда кормилица, поразмысливъ, посовѣтовала ей сми-

риться предъ супругомъ, и быть ласковой, и привлечь его сердце ласковыми рѣчами, такъ, чтобъ онъ къ ней возгорѣлся любовью такой, какой еще не было у него, и выпытать у него тайну, откуда онъ беретъ свои несмѣтныя сокровища.

— Нѣтъ ли у него неистощимаго кошелька за пазухой или въ обуви, или въ поясѣ скрытаго, — сказала кормилица, которая была очень опытна, — и если узнаешь, то укради кошелекъ, и скроемся вмѣстѣ отъ его гнѣва въ первые дни. Мы дадимъ о томъ вѣсть отцу твоему, доброму царю Агóну; онъ обрадуется и, узнавъ, что Пéтро лишился всей силы своей въ народѣ, прогонитъ его со стыдомъ и позоромъ и разведетъ тебя съ нимъ, и мы найдемъ юношу, не хуже его на свѣтѣ, когда у насъ въ рукахъ будетъ его золото. Государь, отецъ твой, съ радостью все это сдѣлаетъ, ибо и ему наскучило быть какъ подручникомъ зятя и бояться его. И еще я тебѣ посовѣтую, — продолжала кормилица, — изгони меня изъ дворца этого лицемѣрно, какъ будто въ угоду ему, потому что онъ меня ненавидитъ; я уйду къ отцу твоему, доброму царю Агóну, и скроюсь у него, пока не придетъ часъ нашъ бѣжать съ кошелькомъ изъ города.

Царевнѣ Жемчужинѣ такой злой совѣтъ очень понравился, и демонъ лукавства вселился въ сердце ея; она изгнала кормилицу и стала опускать глаза предъ мужемъ, и вздыхать, и закрываться отъ него покрываломъ, выглядывая только однимъ глазомъ потаенно, чтобы видѣть, что́ онъ дѣлаетъ и какъ смотритъ онъ на нее.

Когда же Пéтро спрашивалъ у нея:

— Что́ ты, Жемчужина, такъ глядишь на меня?

— Развѣ я могу насытиться, глядѣвши на тебя, — отвѣчала она ему.

И другой разъ спрашивалъ:

— Что́ ты, Жемчужина, такъ глядишь на меня?

Она отвѣчала:

— Боюсь, не сердишься ли на меня ты за что-нибудь?

Но Пéтро сказалъ:

— Нѣтъ, я на тебя не могу сердиться. Я тебѣ всю душу мою отдаю, и ты надо мною всевластна. Я вижу, что и ты меня любишь, ты и кормилицу свою изгнала мнѣ въ угоду.

Тогда царевна, выждавъ время, сказала ему:

— Ты говоришь, что я надъ тобою всевластна. Неправда это. Я тебѣ въ угоду любимую кормилицу прогнала, которая мнѣ какъ мать была; а ты до сихъ поръ таишь отъ меня, откуда у тебя столько денегъ. Я думаю, у тебя кошелекъ неизсякаемый есть?

Сердце Пе́тро не устояло противъ словъ жены, и онъ, доставъ кошелекъ, раскрылъ его предъ нею, и тотчасъ же ручьемъ полились изъ него золотые на полъ. А когда онъ подбиралъ ихъ и снова влагалъ, они пропадали въ кошелькѣ безъ слѣда.

Царевна обрадовалась, узнавъ, что кормилица угадала тайну мужа, и сказала:

— Теперь я вижу, что ты любишь меня.

Когда же ночью Пе́тро беззаботно уснулъ, она похитила кошелекъ и вышла тихо и прошла переодѣтая съ одною вѣрною рабыней чрезъ дворъ въ малую дверцу стѣны и убѣжала къ рѣкѣ. У рѣки ее ждала кормилица на конѣ, съ другими еще конями и нѣсколькими провожатыми. Онѣ бѣжали тогда быстро изъ города, боясь, чтобы въ въ первомъ гнѣвѣ ихъ не убилъ Пе́тро.

XVI.

Когда Пе́тро проснувшись увидѣлъ, что нѣтъ около него жены, что кошелекъ его похищенъ, онъ въ гнѣвѣ хотѣлъ отыскать ее и убить...

Потомъ вспомнилъ онъ, что послѣ этого и его убьютъ; такъ какъ уже силы прежней у него въ царствѣ безъ кошелька не будетъ, и умретъ онъ въ гнѣвѣ и грѣхѣ безъ всякаго покаянія, не успѣвъ даже по своей винѣ исполнить то дѣло богоугодное, для котораго вышелъ изъ дома Христо и Христины.

Тогда показалось ему, что онъ самъ одинъ всему виноватъ, и началъ онъ плакать.

И еще плакалъ онъ, говоря себѣ: «Жемчужина! моя Жемчужина! Ты ли это обманула меня и такъ надругалась надо мною!..»

Такъ какъ здѣсь всѣ (думалъ онъ еще) были ему враги и самому царю Агóну онъ не вѣрилъ, то замыслилъ онъ сначала ѣхать скорѣй къ царю Политéкну и напомнить ему о своемъ тайномъ къ нему посольствѣ. Но Господь пожалѣлъ его, видя его горе и раскаяніе, ибо его тамъ еще скорѣе, чѣмъ здѣсь унизили или умертвили бы, и внушилъ ему лучшую мысль: «на людей не надѣяться, а только на Бога».

Тогда, подумавъ это, взялъ онъ у раба самую простую одежду, надѣлъ ее и такъ же, какъ царевна, вышелъ тайно изъ дворца и сказалъ себѣ: «Пойду безъ всякой дороги въ горы. Пустъ Богъ хранитъ меня, какъ Онъ хранилъ меня до сихъ поръ и все прощалъ мнѣ всѣ мои грѣхи, которымъ, я вижу теперь, и счету нѣтъ!»

Онъ шелъ цѣлый день, размышляя и сокрушаясь о своей горькой участи. Шелъ онъ, не зная самъ, куда онъ идетъ. Ему было стыдно и въ этомъ царствѣ остаться и стать послѣднимъ человѣкомъ послѣ величія, въ которомъ онъ жилъ; а домой къ воспитателямъ своимъ Христо и Христинѣ возвратиться было ему еще стыднѣе. «Пошелъ безъ денегъ и пришелъ назадъ безъ денегъ, пустой человѣкъ какой!» скажутъ люди.

Уже стало темнѣть, когда онъ почувствовалъ голодъ и жажду и сталъ думать о томъ, что въ такомъ дикомъ мѣстѣ нельзя будетъ и хлѣба достать. И это его мучило.

Наконецъ подошелъ онъ къ одному страшному мѣсту; онъ увидалъ въ большой горѣ глубокую, широкую, длинную безъ конца каменную разсѣлину. Она шла туда и сюда, зіяя и чернѣя, и, подойдя къ краю ея, Пéтро увидалъ, что подъ ногами его летаютъ и кричатъ черные вóроны и большіе орлы вылетаютъ изъ кустовъ.

Сѣлъ Пéтро на краю и подумалъ: «Не убиться ли мнѣ

теперь? Не броситься ли мнѣ отсюда, чтобы не видѣть позора и стыда моего, чтобъ эти черные во́роны съѣли глаза мои и чтобъ орлы растерзали мое тѣло?..»

Но, вспомнивъ, что это грѣхъ и что епископъ сказалъ ему: «Кто больше закона знаетъ, съ того больше и взыщется...» воздержался и положилъ на себя крестное знаменіе.

Въ эту самую минуту въ глубинѣ пропасти засвѣтился яркій огонекъ, и Пе́тро, помолившись и со слезами возблагодаривъ Бога, сталъ спускаться въ ту сторону, гдѣ онъ свѣтился.

Долго онъ шелъ съ великимъ трудомъ и опасностью и когда спустился и подошелъ, то увидалъ, что свѣтъ выходитъ изъ малаго окошечка. Около окошечка была ветхая дверь, и онъ постучался въ нее. Тогда окошечко отворилось; изъ него выглянулъ старецъ такой худой и истощенный, такой ветхій днями, что Пе́тро почувствовалъ страхъ. Старецъ сказалъ ему: «Аминь!» и Пе́тро, взошедши въ пещеру его, поклонился ему въ ноги и поцѣловалъ его десницу.

Пещера была такъ мала, что Пе́тро едва умѣщался въ ней. Старецъ лежалъ въ рубищѣ на одной цыновкѣ у окошечка и кромѣ горшка чистой ключевой воды, каштановъ и сухого чернаго хлѣба въ пещерѣ не было ничего. У окошечка на стѣнкѣ, на гвоздикѣ, висѣла лампадка и горѣла.

Пе́тро увидалъ еще, что рубище не покрываетъ ногъ старца, и что ноги его всѣ въ большихъ ранахъ, источающихъ смрадный гной.

Сначала онъ молчалъ долго, и старецъ молчалъ и, не глядя на него, шепталъ про себя молитву.

Потомъ Пе́тро сказалъ ему:

— Старче мой... Я очень голоденъ и жажду. Позволь мнѣ взять этотъ хлѣбъ и этой ключевой воды.

Но старецъ отвѣчалъ ему:

— Нѣтъ, не коснешься ты ни до хлѣба, ни до воды этой, ни до каштановъ, пока не исповѣдуешь мнѣ предъ Бо-

гомъ всемогущимъ и всевѣдущимъ, кто ты такой. Вотъ уже болѣе вѣка, какъ я не видалъ человѣческаго лица, и пищу эту мнѣ носятъ во́роны, а воду орлы. И сколько времени я лежу на этомъ одрѣ — не знаю, и сколько мнѣ лѣтъ — не помню, и сколько гноя смраднаго источили эти язвы — не измѣрилъ... Хочу я знать, кто ты? Сядь и скажи.

Пе́тро сказалъ ему, что онъ зять добраго царя Аго́на, разсказалъ, какъ у него былъ неистощимый кошелекъ и какъ кошелекъ этотъ украла у него любимая жена его, царевна Жемчужина, которой онъ душу отдавалъ, потому что до брака законнаго, боясь грѣха, ни на какую дѣвушку или замужнюю жену смотрѣть не хотѣлъ, и пожирало его волненіе молодой крови, и не могъ онъ иногда спать ночей отъ тоски.

— Хорошо, — сказалъ ему старецъ, не поднимая на него очей. — Но не родился же ты зятемъ царя Аго́на. Кто ты самъ такой, разскажи...

Пе́тро разсказалъ ему о Христо съ Христиной, и объ уходѣ своемъ, и о чорбаджи Брайко.

Старецъ все не поднималъ на него очей и только и видны были, что бѣлыя брови его на лицѣ его черномъ отъ изнуренія и ветхости такой, что онъ и самъ не помнилъ годовъ своихъ.

Пе́тро разсказалъ ему о жизни своей у попа Георгія, когда онъ кандильанафтомъ былъ и агу убилъ.

Старецъ опять не поднималъ очей и только глубоко вздохнулъ, когда онъ кончилъ.

Потомъ Пе́тро разсказалъ ему о Хаджи-Дмитріи и о грѣшной страсти, которую питала къ нему молодая жена Хаджи-Дмитрія.

Старецъ отверзъ очи свои и съ такимъ удивленіемъ сталъ смотрѣть на Пе́тро, что Пе́тро спросилъ: «Что́ ты, старче?» Но старецъ только вздохнулъ, снова опустилъ голову и закрылъ очи свои.

Пе́тро продолжалъ говорить и объяснилъ ему, какъ онъ жилъ у епископа, и какъ неправедно, по малодушію далъ обидѣть его добрый епископъ...

Тогда старецъ вдругъ отверзъ совсѣмъ очи свои, лицо его озарилось радостнымъ свѣтомъ и стало какъ будто моложе, и опъ дрожащимъ голосомъ спросилъ:

— А послѣ гдѣ ты былъ и кого видѣлъ?

И едва Пе́тро успѣлъ сказать, какъ онъ встрѣтилъ въ полѣ мусьё Франко въ большомъ *трикантонѣ* и узкомъ платьѣ, какъ старецъ прервалъ его слова тихимъ плачемъ умиленія и, воздѣвъ руки къ небу, сказалъ:

— О, Боже, чудный въ дѣлахъ Твоихъ Боже, приспѣлъ наконецъ часъ моей столь давно чаемой кончины! И я вижу, что Ты все мнѣ простилъ!

Проговоривъ это, старецъ обратился къ Пе́тро съ осіявшимъ радостью и тихимъ лицомъ и говорилъ ему:

— Теперь подумай, мой сынъ, исповѣдуйся мнѣ, не было ли у тебя на душѣ какого особаго грѣха и злоумышленія? Какъ употребилъ ты тѣ несмѣтныя деньги, которыя получилъ? Построенъ ли тотъ домъ и тѣ поля куплены ли тобою, которые должны были успокоить благихъ воспитателей твоихъ до кончины?

Вздохнувъ и опустивъ очи, молодой Пе́тро сознался, что онъ медлилъ сдѣлать это, ибо зналъ, что золото изсякнетъ въ тотъ день и часъ, когда онъ купитъ это поле и построитъ этотъ домъ для Христо и для Христины. И сознавая, что грѣхъ его великъ и что сребролюбіе, любоначаліе и гордость обуяли его съ той минуты, какъ онъ услышалъ въ себѣ силу этого злата, Пе́тро началъ неутѣшно сокрушаться передъ старцемъ и говорилъ:

— Теперь я и въ той жизни душу свою не спасу за это, и въ этой мнѣ отъ стыда скрыться некуда. Домой мнѣ безъ денегъ лучше не возвращаться никогда, а въ царствѣ добраго царя Аго́на меня теперь не примутъ назадъ... Увы мнѣ грѣшному! въ какой черный день и часъ родился я! Видно въ самомъ дѣлѣ я въ беззаконіи зачатъ былъ и въ грѣхѣ родила меня несчастная мать моя!..

Но старецъ велѣлъ ему утѣшиться и сказалъ:

— И не такіе еще бываютъ грѣхи. Вотъ я ужаснѣе твоего грѣхи совершилъ. Я и отцеубійца, и кровосмѣситель,

и богохульникъ былъ, а и меня, наконецъ, простилъ Богъ!

— Посмотри сюда наверхъ, Пе́тро, — продолжалъ онъ, указывая ему высоко на стѣну около одра своего посохомъ. — Видишь эти знаки на стѣнѣ?

— Вижу, — отвѣчалъ Пе́тро.

— Это я, — говорилъ старецъ, — отмѣчалъ года жизни моей въ этой пустынѣ... Сочти ихъ.

Пе́тро началъ считать, счелъ гораздо болѣе ста знаковъ и наскучило ему считать.

Тогда отшельникъ началъ снова рѣчь свою:

— Ты усталъ считать, я же давно уже усталъ ихъ чертить. Мнѣ было сказано, что я буду прощенъ и умру послѣ того, какъ поживутъ у меня временно въ ученикахъ и послушникахъ безотвѣтныхъ разные люди: угольщикъ и дровосѣкъ, пастырь овчій и кандильнафтъ церковный, и управитель купеческій, и епископскій *ясакчи*, работникъ самого дьявола, и одинъ зять царскій, и одинъ полководецъ, и еще одинъ человѣкъ, богатый несмѣтными сокровищами богачъ. Гдѣ была надежда ихъ увидать здѣсь всѣхъ? Но я надѣялся и не смѣлъ унывать. И ждалъ, и долгіе годы отмѣчалъ, а послѣ пересталъ и помнить года и вспоминалъ о томъ, что еще одинъ годъ начался и одинъ кончился только тогда, когда весенній снѣгъ съ той горы сходилъ водою и когда ласточки начинали вить гнѣзда надъ моими дверьми. И вотъ, наконецъ, пришелъ же ко мнѣ ты; ты одинъ занимался всѣми тѣми ремеслами и ты одинъ прошелъ чрезъ всѣ тѣ званія, и низшія, и высокія, о которыхъ мнѣ было сказано. И теперь я умру.

Кончивъ рѣчь свою, отшельникъ благословилъ Пе́тро поѣсть хлѣба и каштановъ и выпить ключевой воды, а потомъ уснуть у ногъ его. Пе́тро подкрѣпился пищей, выпилъ воды и уснулъ на холодной землѣ около смрадныхъ ногъ болѣзненнаго старца слаще и покойнѣе, чѣмъ тогда, когда онъ спалъ на кисейныхъ простыняхъ около нѣжной отроковицы, супруги своей, умащенной лучшими благоуханіями.

На разсвѣтѣ старецъ толкнулъ Пе́тро костылемъ, который стоялъ около него, и воздвигъ его на молитву. Долго молились они вмѣстѣ и оба были радостны и бодры.

Потомъ старецъ всталъ съ одра своего и, опираясь на костыль, вышелъ изъ пещерки и повелъ Пе́тро къ двумъ яблонямъ, растущимъ неподалеку. Онѣ были въ цвѣту тогда, и старецъ сказалъ ему:

— Когда яблоки эти поспѣютъ, тогда ты восторжествуешь надъ врагами твоими, и будетъ для тебя, юный сынъ мой, то время началомъ богобоязненнаго, спокойнаго и многолѣтняго живота на сей землѣ, а для меня окаяннаго ударитъ часъ переселенія изъ этой земли въ лучшій міръ, туда, гдѣ жилище веселящихся и гдѣ все озаряетъ свѣтъ лица самого Го́спода Бога и милосердаго Создателя нашего. А пока ты постись со мной вмѣстѣ и соблюдай все, что́ я тебѣ прикажу.

Пе́тро съ радостью согласился, и прожили они такъ три лѣтнихъ мѣсяца. Кромѣ воды, хлѣба и дикихъ каштановъ никакой пищи и питья не видалъ Пе́тро за все это время. Старецъ былъ суровъ и безжалостенъ къ нему по внѣшности, соблюдая его душу и желая отогнать отъ него всякое искушеніе. Сна было Пе́тро всего три часа въ день. На зарѣ старецъ воздвигалъ его на долгую молитву; въ полночь будилъ его костылемъ на чтеніе псалмовъ; ѣлъ и пилъ Пе́тро пять минутъ и благодарилъ послѣ Бога на молитвѣ пять часовъ... Старецъ его ко всему непріятному побуждалъ и за все прощалъ; онъ и билъ его крѣпко, и каждый день Пе́тро окапывалъ тѣ двѣ яблони и поливалъ ихъ по́томъ своимъ; а за ночь все опять около нихъ высыхало, и земля становилась какъ камень, и старецъ, замѣтивъ, что Пе́тро усталъ отъ молитвы и что его клонитъ сонъ оттого, что ночью не дали ему уснуть пѣснопѣнія и псалмы, тотчасъ говорилъ ему:

— Грѣшникъ окаянный, ты спишь и дремлешь! Посмотри, засохнутъ яблони и не дадутъ плода... Вижу я, что ты подобно мнѣ пролежишь въ язвахъ въ пустынѣ безчисленные годы...

И Пе́тро въ страхѣ бѣжалъ и окапывалъ землю вокругъ яблонь спасенія своего, обливая ихъ по́томъ труда и обильною слезой молитвы.

Какъ ни утруждалъ и ни мучилъ его старецъ, онъ все принималъ съ радостью, и протекли эти три мѣсяца испытанія, какъ три дня тихой радости, непримѣтно.

Однажды увидалъ Пе́тро утромъ, что на яблоняхъ созрѣли плоды, на одной очень большіе и пурпуровые, а на другой поменьше и хуже на видъ. Пе́тро извѣстилъ объ этомъ старца, и старецъ въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ испытывать Пе́тро, усмѣхнулся ласково и сказалъ ему:

— Иди, дитя мое милое, и сорви по одному яблоку съ каждаго.

Когда же Пе́тро возвратился съ яблокомъ, старецъ посадилъ его и сказалъ:

— Ѣшь на здоровье большое!

Пе́тро сталъ ѣсть яблоко; оно было необычайной сладости и благоуханія. Наслаждался имъ Пе́тро долго, ибо оно было очень велико, и жалѣлъ даже кончить его; но едва только кончилъ, почувствовалъ онъ выше лба своего на головѣ какъ бы небольшую тяжесть и боль и, взявшись рукой за голову, вскрикнулъ: на этихъ мѣстахъ у него выросло два небольшихъ рога, величиною не болѣе лѣсного орѣха. Старецъ, глядя на ужасъ его, смѣялся и говорилъ:

— Посмотри, еще растутъ!

И ощупалъ рукой Пе́тро и увидалъ, что рога уже выросли такіе, какъ у дикихъ козъ бываютъ, и все росли и росли. Онъ не зналъ, что́ дѣлать... Но старецъ сказалъ ему:

— Не бойся и скушай второе яблоко.

Началъ Пе́тро поспѣшно ѣсть второе яблоко; оно хотя было и мало, однако, онъ не зналъ, какъ бы скорѣе докончить его, ибо оно было нестерпимо горько и отвратительно.

Но какъ только кончилъ онъ его, рожки, которые вы-

росли, разсыпались прахомъ, и, ощупавъ голову, онъ не нашелъ на ней ничего.

Тогда старецъ возсталъ опять съ болѣзненнаго одра своего и помолившись приказалъ, чтобы Пе́тро одѣлся въ монашеское одѣяніе и, набравъ полную корзинку большихъ пурпуровыхъ яблокъ, отнесъ бы ихъ въ городъ, гдѣ царствовалъ добрый царь Аго́нъ, и чтобы неузнанный никѣмъ продалъ бы женѣ своей, царевнѣ Жемчужинѣ, этихъ яблокъ, отъ которыхъ у нея вырастутъ рога, въ наказаніе за ея коварство, гордость и своеволіе.

Пе́тро собралъ яблоки такъ, какъ приказывалъ старецъ, и, принявъ отъ него благословеніе, въ монашеской одеждѣ, пошелъ немедленно въ городъ.

XVII.

Въ городѣ многіе люди были печальны и громко соболѣзновали о судьбѣ царскаго дома, который постигли новыя бѣдствія. Пе́тро спросилъ у этихъ людей:

— Какія же бѣдствія постигли нашего царя и весь его домъ?

— Не знаешь ты видно, монахъ, ничего, — сказали ему эти люди. — Ты можетъ быть и не слышалъ, что́ у насъ случилось за послѣднее время. Былъ зятемъ и наслѣдникомъ у добраго царя Аго́на одинъ Пе́тро прекрасный; лучше его, кажется, не можетъ родиться человѣкъ. Царевну нашу единственную онъ плѣнилъ своею красотой и смирилъ ее сильнымъ духомъ своимъ. Всѣ козни враговъ своихъ царедворцевъ уничтожилъ; войско грознаго царя Полите́кна побѣдилъ и сына его, знаменитаго воителя, унизилъ въ единоборствѣ. Людей бѣдныхъ обогатилъ у насъ въ городѣ и селахъ и превознесъ ихъ надъ богатыми. Городъ нашъ украшалъ зданіями прекрасными; ко всѣмъ былъ привѣтливъ и ласковъ. Но поссорился онъ съ женою своей и скрылся внезапно... куда — неизвѣстно; и съ тѣхъ поръ и царь Аго́нъ, и Жемчужина царевна живутъ въ печало-

вѣрной печали, и всѣ радости въ странѣ нашей прекратились. Въ иныхъ мѣстахъ народъ волнуется; у царя Агóна хотя и безмѣрно много денегъ теперь, но нѣтъ ни Пéтро у него, ни друга искуснаго и безстрашнаго воеводы. Разбойники и непріятели опустошаютъ страну и жгутъ селенія; а селяне грозятся, что сами перейдутъ къ врагамъ, если не водворится миръ и порядокъ. Они кричатъ: «Гдѣ царскій зять, нашъ Пéтро прекрасный?» Царевна Жемчужина безъ молодого мужа тоскуетъ, и мы не можемъ утѣшить ее. Вотъ наши бѣдствія... а ты не знаешь ничего и спрашиваешь, какія у царя бѣдствія...

Тогда Пéтро сказалъ: — У меня есть яблоки очень хорошія, и они могутъ утѣшить царевну; когда царевна развеселится, тогда и царю старому пріятнѣе будетъ. Отведите меня къ ней, чтобъ я могъ ей поднесть эти яблоки.

— Попробуй, — сказали ему эти люди и повели его къ тому загородному дворцу, гдѣ онъ самъ жилъ еще недавно.

Ввели его въ садъ. И когда пошелъ онъ по узорнымъ дорожкамъ, окруженнымъ миртами, стало ему жалко жены и не хотѣлъ онъ давать ей этихъ яблокъ, чтобы не выросли у нея рога и не обезобразили ея красоту, которая ему была такъ дорога и усладительна.

Однако, помня завѣты великаго старца пустыни, онъ укрѣпился духомъ и предсталъ предъ царевной, стараясь укрывать лицо свое чернымъ монашескимъ покрываломъ.

Онъ увидалъ, что царевна была очень печальна и одежда на ней была простая и грубая. Она сидѣла на диванѣ въ темномъ углу комнаты, волосы ея были распущены, и прекрасное лицо свое она держала скрытымъ между колѣнами, обвивая ихъ руками.

Когда Пéтро вошелъ къ ней и сказалъ: «Здравствуй, царевна, здорова ли ты?» Она, не поднимая головы, тихо и печально отвѣчала: «Чтó тебѣ нужно, монахъ? Я нездорова и здорова не буду больше. Все меня тяготитъ теперь, одежды богатыя и украшенія золотыя, а больше всего тяготитъ меня кровь моя, обременяетъ любовь...»

Пе́тро сказалъ ей: «Скушай это яблоко, царевна, оно освѣжитъ тебя!»

Но она головы не поднимала и не хотѣла глядѣть на него. Пе́тро спросилъ у нея: «Отчего же ты, царевна, не хочешь смотрѣть на меня?» Царевна отвѣчала: «Я не хочу смотрѣть на тебя вотъ отчего. Голосъ твой, монахъ, очень пріятенъ и похожъ на голосъ того человѣка, о которомъ я денно и нощно жалѣю; а взгляну я на тебя и увижу другого человѣка. Можетъ быть ты безобразенъ, или старъ, или ходишь, какъ другіе иноки, оборваннымъ и смраднымъ... Я не хочу ни смотрѣть на тебя, ни яблокъ твоихъ ѣсть. Если же тебѣ нужны на что-нибудь деньги, то поставь, когда тебѣ угодно, корзину съ яблоками здѣсь предо мной и поди скажи кормилицѣ моей, чтобъ она велѣла тебѣ десять боченковъ золота за это отдать... Только объ одномъ я тебя прошу и умоляю, инокъ, скажи ты всѣмъ людямъ, съ которыми говорить будешь, чтобъ они не думали, что на золото можно все купить. Радости души на него не купить. Такъ имъ скажи!»

Пе́тро обѣщалъ говорить такъ и, взявъ съ нея слово, что она скушаетъ хотъ одно яблоко, поставилъ предъ нею корзинку и, не сказавъ ни слова никому изъ людей о томъ, что царевна приказала выдать ему десять боченковъ золота (потому что на это онъ благословенья отъ старца своего не имѣлъ), ушелъ изъ города и поспѣшно возвратился въ пустыню.

Черезъ три дня старецъ на разсвѣтѣ, воздвигая его на молитву, сказалъ ему такъ:

— Теперь возьми, милый сынъ мой, горькія яблоки и ступай лѣчить свою неразумную супругу. Она теперь въ ужасныхъ страданіяхъ. Мѣра наказанія ея исполнилась. Правда, она и прежде, какъ ты видѣлъ, тосковала о тебѣ, но, желая возвратить молодого мужа, она не каялась еще искренно въ похищеніи твоего кошелька, и властолюбіе, и своеволіе въ сердцѣ ея не исторглись съ корнемъ. Теперь она совсѣмъ смирится передъ тобою. Ты исповѣдай ее и прости и излѣчи и, возвративъ себѣ даръ святыхъ угодни-

ковъ, не вступай на прежній путь, не отдавай безумно душу юной супругѣ, но исполни скоро долгъ свой противъ твоихъ воспитателей благихъ Христо и Христины. Построй имъ спокойное жилище и поле хлѣбное купи. И успокойся самъ и да будетъ надъ тобой благословеніе Божіе и мое старческое. И еще я скажу тебѣ, благословенный мой Пе́тро, когда все устроишь, какъ слѣдуетъ, приди похоронить здѣсь грѣшное и пресыщенное жизнью тѣло мое. Ибо я тебя только и ждалъ, чтобы переселиться туда, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, и гдѣ присѣщаетъ свѣтъ Господня лица.

Пе́тро съ радостью поспѣшилъ опять въ городъ и нашелъ тамъ людей уже не въ печали, а въ великомъ смятеніи.

Увидавъ его, люди стали кричать:

— Не пускайте, не пускайте его! Это монахъ! . Царь Аго́нъ приказалъ всѣхъ монаховъ изгонять изъ города; это вѣдь монахъ принесъ царевнѣ яблоки, отъ которыхъ у нея выросли теперь такіе рога, что уже во дворцѣ началъ потолокъ трещать и пошли рабочіе люди на крышу, чтобы разбирать ее.

Но Пе́тро невидимо для людей прошелъ сквозь толпу, проникъ во дворецъ свой и, вошедши въ большую залу, предсталъ внезапно предъ царевной Жемчужиной.

Онъ попрежнему скрывалъ свое лицо монашескимъ покрываломъ, и если бы даже онъ не накрывалъ его, то ей трудно было бы узнать его, до того постъ и бдѣніе изнурили его.

Она же не могла теперь прятать лица своего въ колѣнахъ, какъ въ первый разъ, потому что огромные рога ея проникли давно чрезъ расписной потолокъ и разломали его, и теперь рабочіе крышу разбирали, чтобы дать имъ просторъ и чтобы царевна не такъ мучилась болью въ головѣ.

Когда Пе́тро поглядѣлъ на прекрасную жену свою, ему стало очень жаль ее. Слезы лились изъ очей ея, и она сидѣла молча на ложѣ, не смѣя даже пошевелиться, ибо всякое движеніе ея причиняло ей нестерпимыя муки.

Кругомъ ея сидѣли женщины, рыдали и вздыхали. Въ сторонѣ сидѣлъ самъ старый царь и печально глядѣлъ въ землю, не говоря ни слова.

Всѣ удивились, увидавъ монаха, и царь сказалъ:

— Что́ это за человѣкъ? Не тотъ ли злодѣй, который ее погубилъ? Если это онъ, то надо сейчасъ же казнить его!

— Государь, — сказалъ Пе́тро, — казнить меня легко. Но легко ли излѣчить твою дочь? Я же могу излѣчить ее, если вы меня съ ней оставите наединѣ.

Царевна Жемчужина воскликнула тогда:

— Уйдите, уйдите, когда любите меня. Я думаю, что этотъ человѣкъ мнѣ поможетъ.

Когда всѣ ушли, она начала рыдать и умолять его:

— Божій человѣкъ!.. Скажи мнѣ, тотъ ли ты монахъ, который далъ мнѣ эти вредныя яблоки?

Пе́тро отвѣчалъ:

— Да! Я тотъ самый; но у меня есть другія яблоки, которыя исцѣлятъ тебя, если ты во всемъ, что́ ты сдѣлала, покаешься мнѣ.

Царевна подозвала его поближе; онъ сѣлъ около ложа ея и началъ исповѣдывать ее. Она все разсказала ему, достала кошелекъ изъ-подъ подушки и показала ему.

Пе́тро тогда сказалъ ей:

— Каешься ли ты отъ всего сердца?

— Что́ ты говоришь, старче? — отвѣчала она; — какъ же не каяться мнѣ?

— Такъ отдай мнѣ этотъ кошелекъ! — сказалъ онъ; — иначе я не могу исцѣлить тебя и ты умрешь въ этихъ мукахъ!

Но царевна Жемчужина отвѣчала:

— Если такъ, пусть воля Божія будетъ! но пусть я лучше умру въ этихъ мукахъ, а кошелекъ этотъ не отдамъ никому кромѣ мужа моего Пе́тро, хотя бы и исцѣлить меня за эту жертву кто могъ! Знаешь ли ты, монахъ, до чего я скоро пресытилась безъ него этими деньгами? Ежедневно сыпала я ихъ предъ собой на коверъ, и онѣ меня не радовали. Деньги ручьемъ изъ кошелька лились, а у меня ли-

лись слезы по мужѣ моемъ, и я думала: на что́ жъ мнѣ это золото и на что́ мнѣ бѣлое серебро, когда я *его* золотыхъ кудрей не вижу и *его* бѣлаго лица не цѣлую!

Тутъ только повѣрилъ Пе́тро, что покаяніе ея искренно, и, открывъ лицо свое, сказалъ ей:

— Вотъ тебѣ твой Петро!..

Онъ взялъ у нея кошелекъ, далъ ей горькое яблоко, и она и смѣясь, и плача съѣла его скоро, несмотря на всю горечь его, говоря, что оно слаще меда.

И какъ только она проглотила послѣдній кусочекъ, такъ огромные рога ея обратились въ пепелъ и разсыпались и стало видно небо сквозь большія отверстія разобранной крыши.

Царя позвали и женщинъ всѣхъ. Всѣ благословляли Бога и радовались. Всѣ примирились, и кормилица упала въ ноги Пе́тро, и онъ ее простилъ.

Потомъ онъ тотчасъ же послалъ гонца за Христо и Христиной и купилъ имъ земли и домъ началъ имъ строить не слишкомъ спѣша. А самъ пошелъ съ войскомъ противъ непріятеля, бунтовщиковъ и разбойниковъ, и тѣхъ побѣдилъ, а разбойниковъ изловилъ и повѣсилъ въ городѣ.

Кончивъ все это, Пе́тро сказалъ царю и царевнѣ, что пора отшельника погребать теперь. Онъ приказалъ царевнѣ разуться и нѣжными ногами босой итти за нимъ; самъ пошелъ босой и всѣ люди шли босые, и духовенство пошло съ кадильницами и иконами и книгами. Всѣ пошли въ то дикое ущелье, гдѣ спасался старецъ и учитель Пе́тро. Пе́тро шелъ впереди, указывая дорогу, и несъ самъ лопату.

Только царя Аго́на покоили въ пути на пышныхъ носилкахъ; онъ не могъ итти по стремнинамъ и камнямъ. Царевна все время мучилась безъ обуви, и ноги ея, которыя были какъ пухъ лебедя нѣжны и бѣлы, всѣ были въ крови; но она радовалась этому и не кричала, а только немножко стонала и спрашивала часто у мужа: «скоро ли дойдемъ?» Пе́тро смѣялся ласково надъ ней и говорилъ: «скоро!»

Подъ вечеръ дошли туда и нашли старца лежащимъ внѣ пещеры на площадкѣ просторной. Онъ отошелъ уже къ Богу, и руки его были скрещены на груди.

Пе́тро самъ вырылъ могилу, и старца похоронили съ великимъ почетомъ.

Пока еще домъ Христо и Христины не былъ готовъ, у Пе́тро было денегъ безъ конца. Онъ сдѣлалъ большой запасъ ихъ для государства, для церкви, для себя и для бѣдныхъ; и на томъ мѣстѣ, гдѣ скончался старецъ, воздвигъ большую обитель иноческую съ самымъ строгимъ уставомъ.

Потомъ онъ кончилъ домъ для своихъ благодѣтелей. И тогда кошелекъ его изсякъ навсегда.

Съ той поры они жили съ царевной согласно, и она родила ему многихъ дѣтей.

Царь Аго́нъ, утѣшенный, скоро перешелъ въ вѣчность, и Пе́тро сталъ вмѣсто него царствовать и прославилъ царство и увеличилъ его.

Христо съ Христиной прожили еще долго и достигли, радуясь на питомца своего, до глубокой старости.

Каждый годъ, въ день погребенія своего старца, Пе́тро босой и царевна босая и всѣ дѣти ихъ тоже разутыя ходили на поклоненіе въ тотъ тихій монастырь, который построили надъ его могилой...

И не одной царской семьѣ, но и всѣмъ мірскимъ людямъ была польза отъ того, что́ они тамъ видѣли. Особенно пользовались люди, когда они сравнивали необычайную пышность и богатство церквей этой обители, облаченіе и утварь и красоту зданій съ тѣснотой, мракомъ и сыростью монашескихъ келій и съ пищею скудной монаховъ, которые жили такъ близко отъ этихъ несказанно пышныхъ Божьихъ храмовъ.

«Для Бога тутъ все,—говорили всѣ люди,—а для людей ничего».

И они много укрѣплялись этимъ примѣромъ въ трудахъ и огорченіяхъ домашней, мірской жизни своей.

ЕГИПЕТСКІЙ ГОЛУБЬ.

РАЗСКАЗЪ РУССКАГО.

(1881 г.)

Рукопись эту я получилъ недавно. Авторъ ея скончался около года тому назадъ въ своемъ имѣніи. Онъ поручилъ одному изъ своихъ родственниковъ передать ее мнѣ вмѣстѣ съ другими отрывками изъ своихъ воспоминаній. Хотя мы съ покойнымъ Ладневымъ друзьями не были и встрѣтилъ я его въ жизни моей всего два раза, но объ эти встрѣчи были самыя благопріятныя для сближенія. Я не стану подробно описывать ни нашего перваго знакомства въ томъ самомъ Константинополѣ, гдѣ начинается его разсказъ, ни нашего второго свиданія на Дунаѣ. Между этими двумя встрѣчами прошло около десяти лѣтъ, и Ладневъ за это время совсѣмъ измѣнился: онъ постарѣлъ и сталъ очень печаленъ.

Въ письмѣ его родственника, между прочимъ, сказано вотъ что: «Покойный незадолго до смерти своей, чувствуя себя нездоровымъ, однажды отперъ ящикъ своего письменнаго стола, показалъ мнѣ эту рукопись и сказалъ: «Когда я умру, пожалуйста пошли это К. Н. Ему это доставитъ удовольствіе, и напиши, что я даю ему право даже и напечатать этотъ разсказъ. Пусть вспомнитъ онъ наши долгія бесѣды на палубѣ дунайскаго парохода *Софія* и наши прогулки зимними днями по улицамъ Царьграда».

Ладневъ угадалъ! Я вспомнилъ *очень* многое!..

Быть можетъ я рѣшусь прибавить еще нѣсколько словъ и отъ себя въ заключеніе разсказа.

I.

Когда я жилъ въ Адріанополѣ, въ турецкомъ (восхитительномъ для меня) кварталѣ, на моемъ дворѣ, въ углу у высокой и сырой стѣны было большое персиковое дерево.

Оно росло у самаго окна моей маленькой гостиной, и на вѣткахъ его часто ворковалъ голубь.

Люди мнѣ сказали, что это не простой голубь, а египетскій. И въ самомъ дѣлѣ, я помню, голубь этотъ не былъ синеватый, какъ обыкновенные голуби, а больше былъ похожъ цвѣтомъ на горлицу. Воркованье его было тоже иное, короткое, густое и съ какимъ-то особымъ внезапнымъ возгласомъ, который мнѣ казался исполненнымъ томительной любви и почти болѣзненной радости.

Солнце поутру вставало съ той стороны, гдѣ росъ подъ окномъ персикъ и гдѣ тосковалъ и радовался воркуя мой голубь. Какъ часто это солнце утромъ освѣщало яркимъ свѣтомъ мою гостиную, въ остальное время дня темную и прохладную! Я входилъ въ нее рано; голубь изъ-за окошка привѣтствовалъ меня своимъ милымъ привѣтствіемъ. Я задергивалъ занавѣски, садился на длинный, кругомъ всей комнаты диванъ мой, покрытый простою и темною матеріей, задумывался, глядѣлъ на стѣны и деревянный рѣзной потолокъ аспиднаго цвѣта съ бѣлыми бордюрами и клѣточками, въ которыхъ были нарисованы розы, тоже бѣлыя. Сидѣлъ я и думалъ, думалъ, думалъ... Никто меня не тревожилъ и не развлекалъ. Я сидѣлъ и думалъ, и все ждалъ *чего-то*. А голубь мой все ворковалъ и ворковалъ, все громче и громче, любовнѣе и любовнѣе. Что за счастье, что за мучительное счастье! Что за тоска! Что за ожиданіе!

Я ожидалъ, ожидалъ и *дождался! Все это* случилось почти въ одно время; я влюбился въ Машу Антоніади и узналъ, что и она меня любитъ, именно тогда, когда Велико, молодой болгаринъ, бѣжалъ изъ казацкаго полка Садыкъ-паши и скрылся у меня въ домѣ. Тогда и персикъ у высокой стѣны моей покрылся весь розовыми цвѣтами, потому что настала весна; въ то время и я самъ сталъ все лучше и лучше понимать, *что* воркуетъ, *что* говоритъ и пророчитъ мнѣ мой египетскій голубокъ!

Маша Антоніади была очень мила и красива собой. Глаза большіе, черные, «бархатные», ласковые, хитрые; и что за цвѣтъ лица, золотистый и «теплый»!.. Правда, самое лицо

это было немного узко, немного длинно; такъ, по крайней мѣрѣ, говорили многіе... Но недостатки въ женщинахъ я всегда любилъ; мнѣ казалось всегда, что женщина чувствуетъ этотъ недостатокъ сама, если даже онъ и малъ; что ей страшно хочется нравиться (точно такъ, какъ и мнѣ самому тогда хотѣлось нравиться) и что ей отъ этого немного, чуть-чуть больно; я думалъ объ этомъ, я это чувствовалъ, даже и не думая, и меня влекло къ ней уже потому, что мнѣ становилось ее жалко...

Я смолоду очень любилъ *жалѣть*... Жалѣть было въ то время для меня наслажденіемъ...

И хотя Маша была и молода, и очень красива, и богата, и здорова, однако, мнѣ при первомъ же знакомствѣ пришлось слегка *пожалѣть* ее, не только потому, что у нея лицо было *немножко* узко: этотъ недостатокъ такъ мало портилъ ея красоту, что я его долго вовсе и не замѣчалъ; но и по другой причинѣ.

Вотъ какъ это было. Въ первый разъ мы встрѣтились въ Буюкъ-Дере.

Мы всѣ были у обѣдни въ посольской церкви. Дамы посольскія стояли на своихъ мѣстахъ, мы на своихъ. Посланницы не было; тогда только ждали со дня на день новаго посла; но на мѣстѣ посланницы стояла молодая совѣтница, жена повѣреннаго въ дѣлахъ.

Отошла уже половина обѣдни; растворили царскія врата, запѣли Херувимскую пѣснь. Всѣ стояли тихо; многія изъ дамъ опустились на колѣни...

Какъ вдругъ она вошла (въ бѣломъ платьѣ и прекрасныхъ синихъ лентахъ). Вошла и не стѣсняясь нимало, не смущаясь, стала выше совѣтницы, тоже преклонила колѣни и стала молиться...

Пока пѣли Херувимскую пѣснь, пока архимандритъ стоялъ передъ алтаремъ съ Дарами, никто не обнаружилъ ни малѣйшаго недовольства, но какъ только притворили царскія врата, совѣтница оглянулась и на насъ, и на другихъ посольскихъ дамъ и слегка съ досадой пожала плечами. Одинъ изъ секретарей сдѣлалъ два-три шага. Онъ хотѣлъ тотчасъ

же сдѣлать вѣжливое замѣчаніе неизвѣстной дамѣ, нарушившей обычаи нашей посольской церкви; но совѣтница остановила его взглядомъ и сказала ему тихо: «Потомъ...»

Мнѣ стало почти страшно за эту бѣдную, красивую и такъ хорошо одѣтую незнакомку... Кто она, я не зналъ...

Обѣдня кончилась. Я все слѣдилъ за интересною дамой и пошелъ вслѣдъ за ней. На крыльцѣ меня обогналъ секретарь и, подойдя къ незнакомкѣ, началъ говорить ей почтительно:

— Я долженъ извиниться передъ вами; у насъ въ церкви заведенъ такой порядокъ, что посторонніе лица выше посланника и посланницы и вмѣстѣ съ тѣмъ ближе къ алтарю, чѣмъ служащіе при посольствѣ, становиться не могутъ... Я прошу тысячу разъ извинить меня...

Милая незнакомка покраснѣла такъ быстро и такъ сильно, какъ только можетъ покраснѣть человѣкъ...

Я стоялъ очень близко на лѣстницѣ за секретаремъ... Я поспѣшилъ такъ встать, чтобы видѣть лицо молодой женщины, чтобы слышать ея отвѣтъ...

Она покраснѣла очень сильно, это правда (бѣдная!), но взглянула на насъ тихими глазами... Нѣтъ! простое слово «глаза» нейдетъ къ прелестному и кроткому взгляду ея черныхъ, большихъ и бархатныхъ *очей!*.. Это были именно тѣ черныя *очи*, которыя воспѣвались поэтами въ стихахъ.

Она взглянула такъ кротко и такъ томно, и такъ просто отвѣчала на самомъ чистомъ русскомъ языкѣ.

— Я не знала, виновата. Другой разъ я буду становиться сзади. Благодарю васъ за то, что вы сказали мнѣ.

Ни гнѣва, ни смѣшной обидчивости, ни натянутой гримасы, такъ называемаго достоинства. Такъ просто и естественно!.. Покраснѣла только. Немножко стыдно, чуть-чуть больно отъ неожиданности, и такой находчивый въ своей простотѣ и скромности отвѣтъ!

Мнѣ показалось, что не я одинъ былъ этимъ тронутъ. Молодой человѣкъ, на котораго было возложено это щекотливое порученіе, по фамиліи Блуменфельдъ, всегда почти дерзкій, капризный и насмѣшливый, на этотъ разъ разсы-

пался въ извиненіяхъ. Выраженіе лица его стало не толѣко любезно, но въ высшей степени добродушно.

— Извините меня, — воскликнулъ онъ съ ударенiемъ на словѣ *меня*.—Это порядокъ дамами заведенный, и мнѣ очень другъ другу: «Эй! бана-бакъ!»

Она уходила по дорожкѣ, отвѣтивъ ему что-то, чего я уже разслышать не могъ. Блуменфельдъ все время не надѣвалъ шляпы и кланялся ей слегка, но безпрестанно; наконецъ онъ надѣлъ шляпу и подалъ ей руку, которую она приняла. Они скрылись за деревьями.

Въ эту минуту изъ коридора вышелъ на лѣстницу другой нашъ товарищъ, камеръ-юнкеръ, франтъ и формалистъ въ свѣтскомъ отношеніи. По службѣ человѣкъ основательный и трудолюбивый, но во всемъ остальномъ до невозможности скучный. Хотя съ виду мы жили съ нимъ очень мирно, потому что онъ былъ характера ровнаго, серьезнаго даже и въ свѣтскихъ мелочахъ, и очень обязателенъ, какъ товарищъ, но я его что-то не любилъ; другой членъ посольства, очень язвительный, насмѣшникъ и выдумщикъ разныхъ прозвищъ, прозвалъ его (за глаза, разумѣется) «вѣстовымъ»: это очень было удачно, потому что у него были черты лица очень грубыя, лицо красное, бѣлокурые и густые солдатскіе усы, безъ бороды. Я гдѣ-то видѣлъ такихъ солдатъ.

Онъ вышелъ на лѣстницу въ ту минуту, когда Блуменфельдъ и милая незнакомка не завернули еще за поворотъ дорожки. Я оглянулся на него; онъ поглядѣлъ имъ вслѣдъ и равнодушно сказалъ:

— Я ее знаю; это жена одного здѣшняго *банабака*, Антоніади.

Что значитъ банабакъ, я уже зналъ тогда. *Бана-бакъ* значитъ по-турецки: «эй ты! смотри на меня!» т.-е. «слушай, я тебя зову!..» Простые люди въ Турціи безпрестанно кричатъ другъ другу: «эй! бана-бакъ!»

Поэтому и сдѣлали изъ этого особое названіе *банабакъ*: простой, «*здѣшній* восточный человѣкъ»; въ родѣ нашего русскаго *хамъ*, только съ менѣе злымъ и подлымъ смысломъ... Просто: человѣкъ *здѣшній*... и больше ничего.

— Она не похожа на жену банабака, — сказалъ я галантерейному и раздушенному *вѣстовому*.

— Не похожа, а жена, — отвѣчалъ онъ.—И почему жъ не похожа! Что жъ въ ней особеннаго... Эти синія ленты у ней, правда, очень хороши (вѣстовой былъ тонкій знатокъ въ женской одеждѣ), замѣтили вы на нихъ тонкіе бордюры соломеннаго цвѣта? Это очень мило; очень мило. И шляпка хороша. Она, впрочемъ, воспитывалась въ Одессѣ; изъ порядочной семьи негоціантовъ. А онъ *банабакъ*. Впрочемъ, былъ долго въ Англіи... Не пойдете ли и вы вмѣстѣ завтракать въ Бельвю?

— Пойдемте.

Мы спустились вмѣстѣ съ лѣстницы и встрѣтили Блуменфельда. Проводивъ такъ любезно «жену банабака» до воротъ, онъ вернулся съ лицомъ уже недобрымъ, недовольнымъ и насмѣшливымъ, и съ перваго слова началъ передразнивать эту женщину, передъ которой онъ только что такъ искренно, казалось, разсыпался.

— «Виновата, я другой разъ буду становиться сзади...»,— говорилъ онъ съ гримасой и немного картавя (она, правда, немного картавила или, вѣрнѣе сказать, «пришепетывала», я долженъ употребить это слово, хоть и ненавижу его; мнѣ кажется оно слишкомъ грубо для Маши и для ея тонкаго и едва замѣтнаго недостатка).

— Pardon, chère maman! — продолжалъ Блуменфельдъ, глядя на меня и на камеръ-юнкера съ насмѣшливою улыбкой. — Pardon, chère maman... Я буду умница... Ingénue!.. каналья... бестія!.. Молодой человѣкъ! (такъ любилъ онъ звать меня, хоть самъ былъ еще года на три моложе меня) а! Молодой человѣкъ... Умоляю васъ, не влюбитесь въ эту бестію... Я уже по глазамъ вижу, что эта баба шельма, которая васъ сдѣлаетъ на всю жизнь несчастнымъ.

— Хорошо, я не буду влюбляться въ нее,—отвѣчалъ я смѣясь. — Да и гдѣ же мнѣ ее найти.

— Вы хотите найти... Что вы мнѣ сдѣлаете, даромъ не скажу вамъ адреса!

— А! Блуменфельдъ ужъ узналъ самъ... справился тамъ за кустами! — воскликнулъ камеръ-юнкеръ. — Не огорчай-

тесь (прибавилъ онъ обращаясь ко мнѣ) и не уступайте Блуменфельду ничего, я знаю ея адресъ и скажу вамъ: Grande rue de Pèra. Потомъ къ маленькому Кампу, въ первый переулокъ.

— Къ швеѣ-то ты не заходи, — перебилъ Блуменфельдъ изъ Гоголя.

— Не зайдетъ, не зайдетъ къ швеѣ; онъ прямо къ ней, — сказалъ добрый «вѣстовой» и продолжалъ объяснять мнѣ адресъ madame Антоніади, котораго я и не спрашивалъ, потому что не имѣлъ никакого приличнаго повода сдѣлать ей визитъ.

— Оставьте, оставьте эту опасную женщину!—воскликнулъ Блуменфельдъ. — Не развращайте молодого человѣка. Пойдемте поскорѣй ѣсть.

Мы пошли вмѣстѣ завтракать въ Бельвю; перемѣнили разговоръ; и о красивой madame Антоніади въ этотъ день не было болѣе ни рѣчи.

II.

Прошло можетъ быть съ недѣлю, не помню. Въ посольствѣ всѣ скучали; ждали новаго посла, опасались перемѣнъ по службѣ; не знали, какъ уживутся съ нимъ. Несмотря на то, что близилась осень, жара была нестерпимая. Меня задержало въ Константинополѣ одно личное дѣло, одна «непріятность», одно столкновеніе съ иностранцемъ, изъ котораго я вышелъ очень удачно и лестно для моего самолюбія, но за эту *удачу* все-таки по службѣ нужно было отвѣчать «формально»... Переписка съ *иностранцами* тянулась. Мнѣ уже становилось скучно и тяжело быть такъ долго здѣсь, въ столицѣ *не у дѣлъ*, жить четыре мѣсяца не то гостемъ, не то подсудимымъ за слишкомъ смѣлое самоуправство, и очень хотѣлось вернуться скорѣе въ провинцію, къ освѣжающей и дѣловой борьбѣ. Я сидѣлъ однимъ жаркимъ полуднемъ въ прекрасномъ посольскомъ саду, на ска-

мѣ въ тѣни, и ужасно скучалъ. Я не могу на словахъ ни передать, ни изобразить то мѣсто, гдѣ я сидѣлъ, но скажу, что направо отъ меня былъ недалеко боковой флигель, гдѣ наверху помѣщалась канцелярія, а подъ канцеляріей, въ нижнемъ этажѣ проходныя ворота; а налѣво, за деревьями и кустами былъ скрытъ отъ глазъ большой павильонъ, котораго нижній этажъ занималъ М. Х—въ, одинъ изъ драгомановъ посольства. У него была молодая, умная и очень милая жена. И я и съ мужемъ и съ нею былъ друженъ и часто бывалъ у нихъ; дойти до нихъ было легко, но въ эту минуту я даже и этого не желалъ.

Такъ сидѣлъ я очень долго подъ тѣнью огромнаго дерева и все тосковалъ и скучалъ, глядя то на синее небо и пышную зелень сада, то на бѣлую каменную ограду, которая прямо передо мной отдѣляла садъ отъ набережной и Босфора и заслоняла совершенно видъ на нихъ. О мадамъ Антоніади у меня и помысла не было никакого. Какъ вдругъ она явилась изъ проходныхъ воротъ; вышла и остановилась. Опять она была хорошо одѣта; опять мой свѣтскій «вѣстовой» похвалилъ бы ея туалетъ. Я не буду описывать его подробно; боюсь, чтобы надо мной не смѣялись, боюсь напомнить «модные» разсказы въ *Современникѣ* покойнаго Панаева.

Однако, какъ ни боюсь я этого, мнѣ этотъ мигъ ея неожиданнаго появленія въ воротахъ былъ до того пріятенъ, что мнѣ хотѣлось бы передать другимъ все, все до самыхъ пустыхъ мелочей... Да! она опять была одѣта такъ мило, такъ изящно. На ней было въ это утро такое хорошее желтоватое батистовое платье, а поясъ былъ черный... очень широкій и длинный; шляпка была совсѣмъ кругленькая и низкая, обшитая чернымъ бархатомъ съ двумя перьями изъ крыльевъ неизвѣстной мнѣ птицы: жесткія, рыжія, какія-то въ родѣ орлиныхъ, но съ большими бѣлыми горошинками... Она остановилась и оглядѣлась; я всталъ и поклонился не совсѣмъ кстати даже, потому что никто меня ей не представлялъ и она меня вовсе не знала...

Несмотря на эту необдуманную и не совсѣмъ сообразную

съ приличіями вѣжливость мою, она обратилась ко мнѣ очень привѣтливо и спросила, какъ пройти къ мадамъ Х., къ женѣ драгомана; я поспѣшилъ указать ей на дорожку вдоль стѣны, и мы разставаясь молча поклонились другъ другу. Я опять сѣлъ на ту же скамью и сталъ смотрѣть все на тѣ же прекрасныя деревья и кусты, и на ту же бѣлую стѣну, которая была предо мной такъ близко. Но эта скучная стѣна теперь не была уже такъ безжизненна и пуста ослѣпительною бѣлизною своей. Отъ меня зависѣло вызвать изъ моей собственной души милую тѣнь, прошедшую мимо. И я видѣлъ ее передъ собою. Я видѣлъ взглядъ черныхъ глазъ, ласковый и кроткій, но съ тонкимъ лучомъ почти неуловимаго лукавства. «Что-то умоляющее и доброе...» казалось мнѣ иногда; «что-то странное и немного коварное», казалось мнѣ въ другія минуты...

Я сидѣлъ на скамьѣ не просто: повѣренный въ дѣлахъ обѣщалъ мнѣ прислать за мной въ садъ своего камердинера, какъ только онъ кончитъ переговоры съ толстымъ и несноснымъ совѣтникомъ той западной націи, съ чиновникомъ которой я имѣлъ *слишкомъ удачное* столкновеніе, до беззаконности удачное. Западный совѣтникъ пріѣхалъ къ намъ за окончательнымъ объясненіемъ по тому дѣлу, по которому меня вызвали въ Царьградъ. Онъ сидѣлъ уже давно, и я понималъ, что борьба между двумя дипломатами идетъ за меня... Но я былъ довольно покоенъ. Я давно уже рѣшилъ, какія уступки я могу сдѣлать по приказанію начальства и какихъ не сдѣлаю ни за что...

Меня позвали, наконецъ, и я оставилъ скамью мою вскорѣ послѣ появленія милаго призрака въ батистовомъ платьѣ. Нашъ повѣренный въ дѣлахъ видимо былъ доволенъ, что переговоры кончились ничѣмъ и что самъ иностранецъ предпочиталъ отложить рѣшеніе до пріѣзда нашего новаго посла и до возвращенія изъ отпуска его собственнаго начальника.

— Ваше дѣло ладится, — сказалъ мнѣ повѣренный въ дѣлахъ. — «Непріятель» дѣлаетъ уступки. Надобно и вамъ быть немного податливѣе. Я понимаю вашъ поступокъ, но вѣдь согласитесь, что онъ неправиленъ!

— Я, конечно, не искалъ формальной правильности, поступая такъ, — отвѣчалъ я. — Я нахожу, что *по чести* русской я поступилъ правильно, проучивъ этого негодяя... Я прошу помнить, что онъ сказалъ мнѣ (или вѣрнѣе сказалъ *не мнѣ*, а *русскому*): «извольте выйти вонъ и чтобы нога ваша не была болѣе на порогѣ нашей канцеляріи...» Развѣ можно было не ударить его?

— Что *эти господа* нестерпимы, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, — сказалъ повѣренный въ дѣлахъ и отпустилъ меня.

Я былъ свободенъ въ эту минуту и пошелъ тотчасъ же къ той самой русской дамѣ, женѣ драгомана, къ которой мадамъ Антоніади ходила съ визитомъ. Я думалъ, что я застану ее тамъ, однако, нѣтъ: ея уже тамъ не было. Но я засталъ тамъ «вѣстового» и Блуменфельда. Они оба у X. бывали очень часто.

Разговоръ у нихъ шелъ о посторонникъ предметахъ, совсѣмъ не о томъ, что̀ меня интересовало въ эту минуту. Дверь изъ гостиной въ нижнемъ этажѣ была растворена прямо въ садъ, и за этою дверью была видна та широкая и чистая дорожка, по которой *она*, вѣроятно, только что ушла. Но никто не упоминалъ объ ней ни слова!..

Говорили о томъ, что надо ждать со дня на день новаго посла и объ его прежнихъ дипломатическихъ успѣхахъ; еще о томъ, какъ ловко острилъ по-французски одинъ русскій генералъ. Недавно онъ гулялъ по набережной, и большая свѣтящаяся муха сѣла на его густую и красивую рыжую бороду. Одна Перотка (она сильно *румянилась*), встрѣтивъ его, сказала: «Mon général, vous portez un *phare* dans votre barbe!» — Pourvu, madame, que je n'en aie pas sur la figure (du *fard*), отвѣчалъ генералъ.

Я самъ очень любилъ остроты этого генерала; но теперь я все ждалъ *иной бесѣды*... Потомъ разсказали, какъ директоръ оттоманскаго банка запретилъ своей молодой женѣ знакомиться безъ его разрѣшенія съ новыми неизвѣстными ему лицами и, что она, повинуясь ему, не позволила кому-то представить себѣ португальскаго посланника, а когда испан-

скій посланникъ вызвалъ за это мужа на дуэль, то директоръ банка (человѣкъ, впрочемъ, исполненный энергіи и храбрости) нашелъ, что жена его виновата тѣмъ, что не умѣла различить представителя европейской державы отъ здѣшнихъ *банабаковъ*... и воскликнулъ даже: «Ma femme n'est après tout qu'une jeune fille!» И они помирились.

Я обрадовался этому слову «*банабакъ*»... Я думалъ: вотъ кто-нибудь изъ нихъ скажетъ: «А какъ вы находите жену банабака Антоніади, которая сегодня была у васъ съ визитомъ?» Самъ я съ *не совсѣмъ уже чистою* совѣстью не хотѣлъ спросить объ этомъ. Но никто не упомянулъ о ней. Такъ прошло около часа. Вдругъ на дорожкѣ, противъ дверей, показалась наша молодая, но вовсе некрасивая и тихо надменная совѣтница. Она шла не спѣша своею спокойною и прекрасною походкой. Хозяйка дома вышла къ ней навстрѣчу.

Онѣ поздоровались и пришли вмѣстѣ. Мы всѣ встрѣтили ихъ на балконѣ. Совѣтница, отвѣтивъ намъ всѣмъ едва замѣтнымъ движеніемъ головы, больше снизу вверхъ, чѣмъ сверху внизъ, сказала: «Можетъ быть кто-нибудь изъ васъ объяснитъ мнѣ, *что̀ такое* мадамъ Антоніади? Вотъ ея карточка. Она была у меня, только мнѣ не хотѣлось ее принять... Почему она явилась ко мнѣ?..»

Жена драгомана поглядѣла на визитную карточку и засмѣявшись сказала: «Это та самая дама, которую попросили въ прошлое воскресенье не становиться впереди всѣхъ... Она была сегодня у меня съ визитомъ. Она довольно мила...»

— Все это прекрасно,—возразила совѣтница,—но почему же она дѣлаетъ мнѣ визитъ...

Жена драгомана, видимо, хотѣла заступиться за мадамъ Антоніади и сказала:

— Она родомъ изъ Одессы, изъ довольно порядочнаго дома одесскаго негоціанта, русская подданная. Путешествовала и жила въ Англіи... Ну вотъ пріѣхала сюда, хочетъ быть принята у насъ...

Совѣтница слегка пожала плечами, положила карточку на столъ, какъ будто она до нея не касалась, какъ будто она

не удостоивала даже и принять ее на свой счетъ, сѣла и перемѣнила разговоръ. Она просидѣла довольно долго и, собираясь уходить, подошла къ столу, взяла снова карточку, поднесла ее близко къ глазамъ и прочла громко еще разъ:

— Madame Antoniadi, tout court...

Потомъ обращаясь ко всѣмъ намъ, спросила еще разъ, почти съ досадой:

— Я бы желала знать, зачѣмъ же эта дама мнѣ сдѣлала визитъ?

На это отвѣтилъ Блуменфельдъ съ пренебреженіемъ, по-русски:

— Наглая бабенка... Ей хочется втереться въ посольство...

— Что жъ, она изъ такихъ дамъ, которымъ платятъ визиты или нѣтъ? — спросила опять совѣтница.

— Я думаю, нужно, — сказала жена драгомана.—Впрочемъ, вотъ monsieur Несвицкій ее знаетъ, кажется, лучше насъ.

— Да, я ее знаю немного, — сказалъ «вѣстовой». — Я имѣлъ случай ужинать съ ней у ***. Она довольно мила, это правда. Но она не свѣтская женщина. Вообразите, на этомъ ужинѣ она ѣла въ перчаткахъ... Всѣ обратили вниманіе...

— Вѣдь въ Англіи многіе, я слышала, дѣлаютъ такъ, — возразила жена драгомана. — Я несогласна съ этимъ; я нахожу, что она женщина хорошаго общества et qu'elle a l'air très distingué...

Несвицкій на это замѣтилъ слѣдующее, съ значительною и основательною, почти научною точностью:

— Я позволю себѣ различить понятіе «свѣтская женщина» отъ понятія женщина «distinguée». Она можетъ быть distinguée, мила и все, что вамъ угодно, но я не позволю себѣ назвать «свѣтскою» женщиной женщину, которая не знаетъ приличій и принятыхъ въ свѣтѣ обычаевъ. Мѣстные обычаи въ Англіи не могутъ вездѣ быть приложимы... Это смѣшно здѣсь, гдѣ высшее общество вполнѣ космополитическаго характера...

— Можетъ быть, — отвѣчала хозяйка дома, и на этомъ

ученомъ замѣчаніи скучнаго камеръ-юнкера разговоръ о мадамъ Антоніади опять прекратился.

Но сношеніямъ моимъ съ Машей Антоніади еще не суждено было ограничиться этими двумя встрѣчами.

Мнѣ очень было обидно за нее, и я досадовалъ на эту сухость совѣтницы, тѣмъ болѣе, что считалъ все это напускнымъ и даже глупымъ.

Я понималъ всегда необходимость общественной іерархіи и даже любилъ ее; но я находилъ, что человѣкъ съ умомъ долженъ дѣлать исключенія; а константинопольское общество къ тому же такого смѣшаннаго и оригинальнаго состава, что дѣлать эти исключенія, мнѣ казалось, здѣсь было легче, чѣмъ гдѣ-нибудь. Я очень безпокоился за эту бѣдную мадамъ Антоніади, съ которой мнѣ не пришлось даже и говорить ни разу, какъ слѣдуетъ. Нельзя же было назвать разговоромъ то, что она спросила у меня, какъ пройти къ женѣ драгомана, что я вывелъ ее на дорогу и сказалъ: «Вотъ здѣсь, прямо». А она поблагодарила меня и ушла. Несмотря на это, ея миловидность и, какъ мнѣ казалось, что-то въ родѣ ея безпомощности въ нашей посольской средѣ привлекало меня къ ней, и мнѣ хотѣлось непремѣнно достичь того, чтобы наши дамы отдали ей визиты. Она воспитывалась и выросла въ Одессѣ, говорила по-русски такъ же чисто, какъ мы всѣ, молилась усердно въ нашей церкви, была, можетъ быть, такъ рада, по возвращеніи изъ Англіи и Франціи, видѣть столькихъ русскихъ и еще такихъ порядочныхъ, умныхъ, образованныхъ, хорошаго тона... Зачѣмъ же ее оскорблять?

Съ женой перваго драгомана мнѣ было бы легко объясниться; она держала себя очень просто; я сказалъ уже, что съ мужемъ ея и съ ней самою я былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Разсуждать и спорить тонко и умно она очень любила... Но у нея были свои недостатки; она была иностранка, и родная сестра ея была замужемъ въ Германіи за самымъ простымъ, хоть и богатымъ шляпнымъ фабрикантомъ. Несмотря на такое неизящное родство, она сама выросла въ высшемъ петербургскомъ обществѣ и могла бы быть

въ этихъ случаяхъ вполнѣ самостоятельною; но она при большой независимости ума была очень непостоянна въ своихъ принципахъ и вкусахъ и вообще по характеру какъ-то не слишкомъ надежна; я зналъ, что ей гораздо пріятнѣе и легче будетъ побывать у мадамъ Антоніади послѣ совѣтницы, чѣмъ первой показать примѣръ. Поэтому я рѣшился убѣдить прежде всего совѣтницу. Это было не совсѣмъ легко; она, какъ я уже не разъ говорилъ, была женщина очень тихая и вѣжливая, но очень недоступная (быть можетъ и оттого, что лицомъ была дурна), и несмотря на то, что мужъ ея любилъ меня, часто звалъ къ себѣ обѣдать и обращался со мной почти по-товарищески, она едва-едва протягивала мнѣ руку и все какъ будто чего-то опасалась. Однако, если человѣкъ чего-нибудь захочетъ, онъ выждетъ случая и воспользуется имъ.

III.

Не болѣе, какъ дня чрезъ три послѣ нашей встрѣчи съ мадамъ Антоніади въ саду, я обѣдалъ у совѣтника и остался по его приглашенію на цѣлый вечеръ. Мадамъ Х. пришла запросто послѣ обѣда. Скоро совсѣмъ стемнѣло; утихшій Босфоръ былъ покоенъ, и на азіатскомъ берегу прямо противъ нашего балкона свѣтился на какомъ-то суднѣ пунцовый огонь. Совѣтникъ съ Блуменфельдомъ и генеральнымъ консуломъ сѣли играть въ залѣ въ карты, а я остался на балконѣ одинъ съ обѣими дамами. Мы всѣ сначала то молчали, то говорили о ничтожныхъ предметахъ, потому что всѣ трое были задумчивы и всѣмъ хотѣлось смотрѣть на тихій проливъ и на красный огонь. Мадамъ Х. первая прервала наше задумчивое молчаніе.

— Вы мечтаете сегодня? — спросила она у совѣтницы.

— Нѣтъ, — отвѣтила та, — я не мечтаю; я смотрю на этотъ красный огонь и вспоминаю другой такой же огонь въ Бейрутѣ... Во время этихъ сирійскихъ ужасовъ... на такой огонь я смотрѣла тоже однимъ вечеромъ... Это ужас-

но вспоминать... Какая жестокость у людей этихъ, какое варварство!.. И сама я выучилась такой жестокости... Какъ я была рада, когда Фуадъ-паша пріѣхалъ и началъ разстрѣливать этихъ начальниковъ!..

— Я думаю! — замѣтила на это мадамъ Х.,—вы только что пріѣхали тогда въ Турцію, и первыя впечатлѣнія ваши были такія страшныя!..

Совѣтница, вообще неразговорчивая, на мое счастіе въ этотъ вечеръ была возбуждена и общительна. Она разсказала, какъ кто-то (не помню кто; я должно быть не слишкомъ внимательно слушалъ) давалъ балъ въ Бейрутѣ незадолго до начала борьбы между друзами и маронитами, перешедшей въ повсемѣстное избіеніе христіанъ. На этотъ большой балъ были приглашены и главные вожди друзовъ, великолѣпные воины въ оригинальныхъ одеждахъ. Никто въ этотъ вечеръ не предвидѣлъ, что руки этихъ красивыхъ людей, которые держали себя на мирномъ балу съ такимъ простодушнымъ достоинствомъ, такъ скоро обагрятся кровью... «Одинъ изъ нихъ (говорила совѣтница) очень наивно заснулъ на диванѣ, и многіе изъ мужчинъ ходили любоваться на него... Онъ спалъ и ничего не слышалъ...»

Окончивъ этотъ разсказъ, совѣтница прибавила:

— Да, когда вспомнишь весь этотъ страхъ, этотъ ужасъ!.. Вообразите, одинъ изъ самыхъ богатыхъ негоціантовъ, французъ... онъ имѣлъ какую-то фабрику или что-то въ этомъ родѣ около Бейрута и у него были три дочери, большія и очень красивыя... Этотъ человѣкъ тайно отъ жены и дочерей подложилъ подъ домъ свой боченки съ порохомъ... Понимаете, чтобы взорвать всѣхъ ихъ на воздухъ, если бы друзы или мусульмане напали бы на ихъ жилище. Вообразите, эти несчастныя жили столько дней надъ этимъ «волканомъ» ничего не подозрѣвая!.. И эти ежедневныя извѣстія!.. И нельзя бѣжать!.. Мужу нельзя оставить своей должности, и съ моей стороны было бы низко оставить его одного въ такія минуты!.. Послѣ, когда все это кончилось, мнѣ не разъ казалось, что

это все неправда, что этого никогда не бывало, не могло быть.

Совѣтница одушевилась и говорила еще долго и все такъ же хорошо.

Я молчалъ пока, но тотчасъ же сообразилъ, что можно воспользоваться этимъ предметомъ разговора на пользу мадамъ Антоніади «tout court». Дамы продолжали разсуждать о варварствѣ и жестокости. Наконецъ, выждавъ время, я сказалъ:

— Мнѣ хочется по этому поводу сдѣлать нѣсколько очень откровенныхъ замѣчаній, но мадамъ Н. (совѣтница) всегда своимъ спокойствіемъ и недоступностью наводитъ на меня такой «священный ужасъ», что я иногда не рѣшаюсь заговорить съ ней, какъ бы не испортить себѣ карьеру и всѣ дѣла.

Écoutez, — возразила она мнѣ на это довольно рѣзко, — какое мнѣ дѣло до вашей карьеры, согласитесь сами?

— Вотъ видите, какъ я правъ, — воскликнулъ я. — Я еще и мнѣнія своего не собрался сказать, а вы уже спѣшите уничтожить меня... Я вѣдь не говорилъ вамъ, что я правъ въ моей боязни... Я хотѣлъ сказать, только что «священный ужасъ» мой такъ великъ при взглядѣ на васъ, что я теряюсь и думаю всякій вздоръ, напримѣръ, о карьерѣ и т. п.; особенно, когда изрѣдка я сижу такъ близко отъ васъ, какъ теперь... Чинъ у меня не великъ еще... знаете...

— Вы очень дурно начинаете... Вы говорите обидныя вещи... Эти чины! — прервала меня Елена Х. (она, замѣчу между прочимъ, очень была довольна, что мужъ ея такой еще молодой и уже статскій совѣтникъ).

— Ну да, разумѣется, — сказала совѣтница.

Однако, я былъ правъ; я заставилъ ее въ первый разъ обратить вниманіе на то, что она ужъ слишкомъ сухо держитъ себя не со мною однимъ, а со многими. (Незадолго предъ этимъ, одинъ молодой товарищъ нашъ поднялъ съ полу платокъ, который она уронила, и хотѣлъ ей отдать, но она не взяла изъ рукъ въ руки, а показала ему движеніемъ головы на столъ и сказала: «туда»). Мой при-

ступъ былъ ужъ тѣмъ хорошъ, что немного смягчилъ и какъ бы пристыдилъ ее. Послѣ этого я продолжалъ:

— Развѣ вы хотите, чтобъ я не «трепеталъ», а былъ бы откровеннѣ?

Она сказала:

— Смотря по откровенности...

— Моя откровенность будетъ вотъ въ чемъ: я нахожу, что есть случаи, въ которыхъ и вы, и мадамъ Х—а обнаруживаете больше жестокости, чѣмъ начальники друзовъ и мусульмане Дамаска. Что жъ прикажете: *трепетать* или не трепетать?

— Не трепещите... Впрочемъ, вы все притворяетесь... Трепещутъ совсѣмъ иначе... не такъ, какъ вы...

— C'est très curieux! — воскликнула мадамъ Х—а. — Гдѣ же это варварство наше?

— Жестокость, жестокость, а не варварство; это разница, — сказалъ я. — Извольте, вотъ въ чемъ. Я понимаю, что толпы людей, возбужденныя идеей, совершаютъ ужасы во время войны или междуусобій. Я понимаю также вполнѣ вашу радость, когда разстрѣливали тѣхъ, которые ужасамъ потворствовали или руководили фанатиковъ... Это война, кровопролитіе... Пожаръ страстей... Но зачѣмъ тонкая жестокость въ мирное время?.. Зачѣмъ эти «общественныя обиды». Les variations insolentes de la politesse (это не мое это слово одного французскаго публициста)...

— Что такое! Что такое! Какія variations? — воскликнули дамы съ любопытствомъ.

— А вотъ какія... Отчего вы не захотѣли заплатить визитъ молодой женщинѣ, русской, которая выросла въ Одессѣ и рада русскихъ видѣть; которая очень мила и прилична; а посланницу, леди Б., хромую, скучную, глупую, по-моему, съ краснымъ носомъ, которая похожа на пьяницу-кухарку, вы принимаете почтительно и спѣшите сами къ ней... Это жестокость... и вмѣстѣ съ тѣмъ простите, я не смѣю сказать...

— Говорите ужъ все...

— Недостатокъ *вкуса!*

— А! — перебила Елена Х.,— онъ влюбился въ эту мадамъ Антоніади и жалѣетъ ее. Но если такъ, то намъ нужно платить визиты и женѣ Боско, нашего portier, чтобъ и она была довольна?

— Вы сами знаете, что это не такъ,—сказалъ я.—Жена Боско не претендуетъ на это. А если у васъ много доброты и мало жестокости, то надо и невинныя претензіи въ другихъ щадить... Развѣ у насъ всѣхъ трехъ нѣтъ вовсе претензій?

— У васъ ихъ даже много, — замѣтила совѣтница, только очень добродушнымъ тономъ.

Я постарался также придать моему голосу и тону величайшую почтительность, почти молящую и дѣтскую кротость и сказалъ:

— Ну, такъ сдѣлайте на этотъ разъ исключеніе. Вы такъ обѣ поставлены выгодно, что вы этимъ не унизитесь, потворствуя на этотъ разъ моимъ претензіямъ... Прошу васъ....

— Что же вы въ самомъ дѣлѣ влюблены? — спросила мадамъ Х—а; а совѣтница сказала ей:

— Послушайте, исполнимъ его желаніе; только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ впередъ хоть немножко «трепеталъ», а то онъ именно потому и говоритъ о «священномъ ужасѣ», что онъ ничего такого не чувствуетъ...

— Согласенъ, — отвѣчалъ я; — я дамъ вамъ слово, что нѣсколько мѣсяцевъ, если угодно, я буду уходить куда-нибудь въ дальній уголъ, какъ вы только войдете въ комнату...

— Хорошо...

— Но это вѣдь ко мнѣ не относится, — возразила жена перваго драгомана. — Это вы его можете ужасать, а я для него нипочемъ... Онъ даже бранитъ меня иногда. Мое условіе для визита другое. Я поѣду съ тѣмъ условіемъ, что я при всѣхъ и при Блуменфельдѣ и при другихъ разскажу, какъ онъ влюбленъ въ мадамъ Антоніади...

— Извольте, — согласился я. — Я не боюсь... Всѣ эти молодые люди были когда-нибудь и сами влюблены; и будутъ еще. Что жъ такое!..

Но въ самомъ дѣлѣ мнѣ это было очень непріятно. Я согласился только для того, чтобы достигнуть цѣли; но я рѣшился просто упросить послѣ мадамъ Х., чтобъ она этого не дѣлала. А теперь надо было ей уступить...

Разумѣется, все это было дѣло случая. Мадамъ Антоніади была такого рода и такого положенія женщина, что онѣ обѣ могли бы сдѣлать ей визитъ безъ моего ходатайства, могли и не сдѣлать... Если бы мужъ ея былъ и хуже, но былъ бы однимъ изъ русскихъ подданныхъ, торгующихъ въ Царьградѣ, русскій *примать* (un primat russe), то сдѣлать ей визитъ разъ или два въ годъ было бы пожалуй даже обязанностью для нашихъ чиновныхъ дамъ. Но Антоніади имѣлъ французскій паспортъ, и жена его никакого *политическаго* значенія для посольства имѣть не могла, а имѣла только *общественное*, которое казалось не достаточно велико... Сама же по себѣ мадамъ Антоніади была достойна ихъ общества, и главное затрудненіе, мнѣ казалось, происходило оттого, что совѣтница была сама *не въ духѣ* въ это время. Она надѣялась, что мужъ ея послѣ долгаго управленія останется тутъ посланникомъ; назначеніе новаго раздражило ее, и она, предвидя скорый отсюда отъѣздъ свой, была ко всему окружающему равнодушна и не хотѣла взять на себя ни малѣйшаго труда.

Однако она сдержала свое слово. Чрезъ нѣсколько дней я опять обѣдалъ у нихъ. Она вышла къ обѣду и, увидавъ меня въ толпѣ другихъ, назвала меня по имени и, указывая на дальній темный уголъ, сказала:

— Идите туда... Понимаете?

— Понимаю, — сказалъ я и покорно пошелъ въ этотъ уголъ.

— Что такое? что такое? — спросили всѣ.

— Ничего, — отвѣчала она. — У насъ такой уговоръ есть... Пари.

— Намъ нельзя знать? — спросилъ мужъ.

— Можно. Я скажу послѣ.

И отвернулась отъ меня.

Я посидѣлъ, разумѣется, недолго въ углу, всталъ и

хотѣлъ выйти на балконъ; но она позвала меня и сказала:

— Я исполнила... она въ самомъ дѣлѣ *ничего!*.. Elle est très bien, quoique un peu prétentieuse, un peu précieuse... Вы были въ углу; теперь остается при всѣхъ обнаружить, что вы къ ней неравнодушны, но я предоставляю это Еленѣ Х., она сбиралась обличить васъ...

— Какъ вамъ угодно! — сказалъ я очень сухо, и она, увидавъ на лицѣ моемъ досаду и боль, была такъ добра и деликатна, что за обѣдомъ даже ни слова не упомянула о мадамъ Антоніади.

Что касается до Елены Х. (она тоже была у мадамъ Антоніади съ визитомъ въ этотъ же день), то я пошелъ къ ней вечеромъ, поцѣловалъ у ней за это руку и откровенно и убѣдительно просилъ ее не «дразнить» меня и не говорить ни при комъ *объ этомъ*.

— Вы развѣ въ самомъ дѣлѣ влюблены? — спросила она меня съ искреннимъ участіемъ.

— Нѣтъ еще, — отвѣчалъ я; — но если вы будете такъ шутить при всѣхъ, а потомъ я самъ познакомлюсь и начну въ домѣ бывать, то это ей повредитъ со временемъ... вы такъ добры сами и честны... зачѣмъ же вы будете дѣлать зло молодой женщинѣ, которая сама вамъ понравилась...

— Это правда, — сказала добрая Елена, дала мнѣ слово не шутить этимъ и тоже сдержала его.

IV.

Послѣ этого я сталъ искать случая познакомиться съ семействомъ Антоніади. Я могъ бы достичь этого легко чрезъ Блуменфельда, который хотя и бранилъ ихъ за глаза и смѣялся надъ ними, однако былъ у нихъ нѣсколько разъ, какъ я узналъ отъ камеръ-юнкера. Но развѣ этотъ человѣкъ могъ къ чему-нибудь подобному отнестись просто? Его-то именно я и не хотѣлъ просить ввести меня въ этотъ домъ. Во всякій другой, только не въ этотъ!

Было еще и другое затрудненіе... я былъ очень дурно

одѣтъ. У меня былъ очень хорошій новый фракъ, въ которомъ я часто обѣдалъ въ посольствѣ, но ежедневное мое платье было не хорошо. Почти всѣ мои знакомые и товарищи были такіе щеголи, а я ходилъ по набережной Буюкъ-Дере въ какихъ-то бѣлыхъ лѣтнихъ сюртукахъ въ родѣ военныхъ кителей. Не скажу, чтобы меня это слишкомъ огорчало или стѣсняло, я былъ спокоенъ и не стыдился; а сослуживцы мои, надо отдать имъ эту справедливость, при всемъ щегольствѣ своемъ, связяхъ и богатствѣ вели себя со мной совершенно по-товарищески и сами приглашали меня на такія прогулки и сборища, въ которыхъ принимали участіе и самые знатные, самые чиновные иностранцы. Разъ только одинъ изъ секретарей посольства сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе по поводу моего костюма, но такое дружеское, что оно обидѣть никакъ не могло. Онъ сказалъ мнѣ съ участіемъ и грустью:

— Когда это, милый Владиміръ Александровичъ, я увижу васъ хорошо одѣтымъ. Эти бѣлыя штуки ваши мнѣ ужасно надоѣли!..

— Если онѣ надоѣли вамъ, то каково же мнѣ? — отвѣчалъ я ему. — Что жъ дѣлать!.. Надо имѣть терпѣніе. Дайте денегъ взаймы, я сошью себѣ платье у Мира.

— Проигралъ много, а то бы далъ съ радостью! — печально сказалъ на это секретарь...

Однако это замѣчаніе принесло свои плоды...

Я сталъ думать о томъ, какъ бы мнѣ устроить это дѣло и явиться предъ милою Антоніади; я не говорю чѣмъ-нибудь особеннымъ, а хоть такимъ *какъ всѣ*... Нужно было занять. Но гдѣ? У кого?

Я сталъ было просить впередъ мое жалованье у нашего казначея Т., добродушнаго, толстаго грека-католика. Онъ иногда давалъ. Но на мою бѣду Т. былъ въ то время подъ самымъ неблагопріятнымъ для меня впечатлѣніемъ.

Одинъ изъ небогатыхъ сослуживцевъ нашихъ, родомъ болгаринъ, незадолго предъ этимъ взялъ у него впередъ жалованье за два мѣсяца, заболѣлъ и умеръ. Толстый Т. топалъ ногами и съ мрачнымъ видомъ кричалъ:

— Вообразите, какой фарсъ разыгралъ со мной «ce diable de Stoyanoff!» Взялъ деньги и умеръ! И я теперь плачу казнѣ свои... Я не буду больше никому давать ни копейки.

Что мнѣ было дѣлать? Мѣра терпѣнія моего истощилась; та внутренняя самоувѣренность, та гордость, которая до этой минуты *возвышалась надъ бѣлыми старомодными и странными жителями*, начала почему-то слабѣть... мнѣ становилось больно, скучно...

Счастливая случайность выручила меня неожиданно. Тоскуя о новомъ платьѣ, я зашелъ къ Вячеславу Нагибину, молодому чиновнику русскаго почтоваго вѣдомства въ Константинополѣ.

Онъ былъ юноша богатый; расчетливый до скупости; по слово во всемъ признаваться въ этомъ разсказѣ), удивлялъ вый, какъ куколка; охотникъ до хорошихъ вещей, до древностей, до восточныхъ ковровъ, до кипсековъ. Я съ нимъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ; во время пріѣздовъ моихъ въ столицу находилъ всегда пристанище на прекрасномъ диванѣ его пріемной, и даже признаюсь (я далъ себѣ слово во всемъ признаваться въ этомъ разсказѣ), удивлялъ всѣхъ тѣмъ, что умѣлъ, несмотря на его чрезвычайную расчетливость, занимать подъ его археологическіе вкусы. На этотъ разъ мнѣ опять удалось то же самое и въ гораздо большихъ размѣрахъ. Нагибинъ досталъ гдѣ-то очень рѣдкое иллюстрированное изданіе *Секретный Помпейскій Музей*. Я началъ объяснять ему, почему эти повидимому безстыдныя изображенія помпейскихъ жилищъ не производятъ на человѣка со вкусомъ и нравственнымъ чувствомъ того возмутительнаго впечатлѣнія, которое производятъ на него циническія картины нашего времени. Я доказывалъ ему (конечно не безъ основанія), что *сравнительное* цѣломудріе и изящество древняго сладострастія происходило отъ того, что было освѣщено какъ бы косвенными лучами самаго религіознаго начала, господствовавшаго въ греко-римской жизни, и потому самыя безстыдныя изображенія были чужды того циническаго юмора и той грязной грубости, съ кото-

рою приступаютъ ко всему подобному люди нашего времени (и особенно дикіе эти французы) вопреки христіанству...

— Растлѣніемъ античнаго міра,—сказалъ я,—какъ будто бы правили благородные демоны Мильтона и Лермонтова; современнымъ развратомъ правитъ отвратительный Мефистофель. Въ нравственномъ отношеніи,—прибавилъ я,—быть можетъ это и лучше, такъ какъ есть умы и сердца, которые, отвращаясь отъ грязи и цинизма, легко поддаются тонкому обаянію плотской эстетики. Но въ отношеніи искусства—совсѣмъ иначе.

Вячеславъ Петровичъ былъ въ восторгѣ отъ моего объясненія и спросилъ:

— Отчего вы объ этомъ не напишете?

— Куда мнѣ писать!—отвѣчалъ я.—Я могъ бы писать въ хорошей обстановкѣ, я не хочу быть похожимъ на газетнаго скромнаго труженика... Это очень обидно. А тутъ денегъ нѣтъ никогда! (Я еще разъ сознаюсь, что у меня тогда были большія и самыя разнородныя претензіи.)

— Сколько вамъ теперь нужно?—спросилъ Нагибинъ,—скажите откровенно...

— Рублей двѣсти,—отвѣчалъ я,—но вы мнѣ столько разъ уже давали; про васъ говорятъ всѣ, что вы скупы на все кромѣ вашихъ этихъ рѣдкостей...

— Вы тоже рѣдкость! Я и еще вамъ дамъ; вы мнѣ тѣ заплатили,—сказалъ онъ любезно и пошелъ доставать изъ своего бюро деньги, которыя я долго, очень долго потомъ не въ силахъ былъ ему возвратить.

За эту вину мою Нагибинъ былъ одно время на меня основательно сердитъ; но это случилось гораздо позднѣе, а въ тѣ дни, которые послѣдовали за моимъ неожиданнымъ и столь удачнымъ займомъ, Нагибинъ былъ доволенъ мною, а я совершенно счастливъ.

Я одѣлся хорошо, такъ хорошо, что переходъ отъ «бѣлыхъ кителей» былъ ужъ слишкомъ рѣзокъ и бросался всѣмъ въ глаза.

Товарищи шутили, но такъ мило и не зло, что ихъ ласко-

выя насмѣшки не только не оскорбляли меня, но даже усиливали мое удовольствіе.

Первый секретарь посольства сообщилъ мнѣ съ улыбкой, будто бы всѣ иностранцы спрашиваютъ:

— Кто этотъ молодой и элегантный консулъ, который давеча вышелъ изъ воротъ русскаго посольства? Кто это? Кто это?

— Непремѣнно консулъ. Отчего жъ не секретарь посольства?—спросилъ я.

И прибавилъ:

— Вы вѣрно не находите меня этого званія достойнымъ? Какой-нибудь оттѣнокъ?..

— Мы, секретари, люди мирные, люди пера,—отвѣчалъ съ улыбкой первый секретарь,—а у васъ усики такъ приномажены и подкручены, что всякій приметъ васъ за консула. Ex ungue leonem!.. Консула люди воинственные; они считаютъ долгомъ все разносить, чтобы доказать величіе русскаго призванія на Востокѣ...

Меня это объясненіе восхитило своею тонкою ядовитостью... Одинъ изъ драгомановъ (тотъ самый, который такъ жаждалъ видѣть меня хорошо одѣтымъ) обнялъ меня и воскликнулъ:

— Наконецъ-то моя мечта осуществилась... Молодцомъ! молодцомъ... Поздравляю, голубчикъ... Поздравляю!

Янинскій консулъ Благовъ, съ которымъ мы были «на ты» и знакомы съ дѣтства и который только что пріѣхалъ въ отпускъ, хотѣлъ сочинить стихи на мое новое платье... (Онъ писалъ иногда очень хорошія эпиграммы и сатиры.) Но, по его собственному увѣренію, было такъ нестерпимо жарко, что злая муза его дремала и онъ дальше одного стиха не пошелъ:

Тому цвѣту *Bismàrk* изумлялся народъ...

Замѣчу, что я по всегдашнему расположенію моему подозрѣвать въ людяхъ скорѣе доброе, чѣмъ худое, не повѣрилъ, что Благовъ изнемогаетъ отъ жары, приписалъ неудачу его стиховъ высокому чувству самой тонкой доброты;

я думалъ, что онъ не хочетъ даже и легкою горечью пріятельской насмѣшки отравить ту почти отроческую радость, которую онъ могъ предполагать во мнѣ... Да я ее и не скрывалъ!

Самой надменной совѣтницѣ нашей я сказалъ:—*Теперь* я васъ буду меньше бояться!

— Смотрите не ошибитесь, не будетъ ли хуже?—возразила она довольно благосклонно.

Однако ничего *худшаго* не вышло ни отъ нея, ни отъ другихъ, и мнѣ оставалось только найти случай познакомиться съ мужемъ Антоніади. Этотъ случай представился самъ собою раньше, чѣмъ я ожидалъ. Дѣло было вотъ какъ. Мы ждали пріѣзда новаго посланника въ Буюкъ-Дере. Два дня продолжалась ужасная буря. Страшно было подумать, какъ плыветъ онъ теперь по Черному морю изъ Одессы съ семьей?.. Но въ самый день вступленія маленькой *Тамани* въ Босфоръ погода разгулялась; проливъ сталъ синій и ровный; все утихло и приняло праздничный видъ. Стало такъ хорошо, что одинъ изъ сослуживцевъ нашихъ съ завистью воскликнулъ: «*Этому человѣку* (посланнику) на роду написано счастье! Даже и погода для него разгулялась!»

Повѣренный въ дѣлахъ и всѣ чиновники посольства готовились встрѣтить начальника, надѣли фраки. Было дано уже какъ-то знать, что *Тамань* вступила въ проливъ. Я не принадлежалъ къ посольству, не искалъ присоединиться къ этой свитѣ, хотя бы мнѣ никто, конечно, этого бы не запретилъ.

Не знаю и не помню почему, я предпочелъ пойти на квартиру того казначея Т., который такъ сердился на неожиданно умершаго болгарина, и смотрѣть оттуда на въѣздъ и встрѣчу изъ окна. Т., самъ приглашая меня воспользоваться его окнами, отворенными прямо на прекрасную набережную Буюкъ-Дере, предупредилъ меня, что я найду у него гостей.

— Un certain Antoniadi Chiote *). Brave homme quant au

*) Уроженецъ острова *Хіоса*.

fond; mais anglomane comme un sot! —сказалъ онъ съ мрачною энергіей и прибавилъ подмигивая: —Possedant du reste une femme, une jolie femme, dont vous me donnerez des nouvelles, je veux bien l'espérer!» И притопнувъ значительно ногой, толстякъ надѣлъ круглую шляпу и удалился поспѣшно, потому что повѣренный въ дѣлахъ его давно ждалъ.

Я пошелъ къ нему на квартиру и увидалъ тамъ этихъ «гостей».

Была тутъ одна пожилая, почтенная дама; гречанка тоже и какъ самъ хозяинъ римскаго исповѣданія; двоюродная ему сестра; не знаю, почему-то она давно уже носила трауръ. Я ее зналъ и прежде, и мнѣ очень нравилась ея пріятная и благородная наружность. Сѣдые волосы и блѣдное лицо; плавная и величавая походка, черная одежда печали и тонкія черты лица, милая моложавая улыбка, нѣсколько лукавая—все это вмѣстѣ располагало меня къ ней, хотя я встрѣчалъ ее рѣдко и еще рѣже имѣлъ случай съ ней говорить.

Она сидѣла на диванѣ рядомъ съ другою дамой, тоже не молодою.

Эта другая дама была совсѣмъ иного рода. Я ее видѣлъ въ первый разъ. Одѣта она была недурно и сообразно съ годами и держала себя очень скромно. И несмотря на все это, въ ея наружности было что-то подозрительное, притворное и отталкивающее. Она была очень бѣла, блѣдна и несвѣжа; волосы ея были свѣтлы, какъ ленъ, черты лица неправильны и некрасивы; губы тонки, а вѣки очень красны. Она придавала себѣ сантиментальный видъ. Взглянувъ на нее, я разомъ вспомнилъ о трехъ очень далекихъ другъ отъ друга образахъ—о бѣломъ кроликѣ съ розовыми глазами, о какой-нибудь несчастной, никѣмъ на свѣтѣ не любимой и некрасивой старой дѣвушкѣ и еще о начальникѣ султанскихъ не черныхъ, *а бѣлыхъ* евнуховъ... мнѣ хотѣлось поклониться ей и сказать:

— Здравствуйте, m-lle *Кызларъ-агаси*!..

Но она была не дѣвица, а вдова изъ Одессы, пріятель-

ница г-жи Антоніади, безо всякаго опредѣленнаго общественнаго положенія.

— Madame Игнатовичъ, ваша соотечественница, изъ Одессы, пріятельница madame Антоніади,—сказала кузина хозяина, знакомя меня съ ней.

И фамилія эта самая, Игнатовичъ, была такая неопредѣленная, она могла быть и польскою, и сербскою, и малороссійскою, и даже великорусскою, все равно.

Эта женщина возбудила во мнѣ къ себѣ сразу отвращеніе...

Предъ этими двумя дамами, привлекательною и ужасною, сидѣвшими рядомъ на диванѣ, качался тихонько на качалкѣ блѣдный какъ воскъ брюнетъ съ густыми и длинными черными бакенбардами и съ цилиндромъ въ рукѣ. Это былъ самъ Антоніади, —«Chiote; bon homme, quant au fond...»

Жена его сидѣла у окна и облокотясь на подоконникъ смотрѣла на Босфоръ, за которымъ зеленѣлъ азіатскій берегъ.

Она сидѣла, одною рукой облокотившись на окно, а другою обнимала дочь свою, дѣвочку лѣтъ семи. И въ одеждѣ дочери была видна душа изящной матери. Дѣвочка была одѣта очень мило, въ бѣломъ кисейномъ съ зелеными горошками платьѣ и въ шляпкѣ, украшенной колосьями, васильками и пунцовымъ макомъ; но лицомъ она была нехороша и больше походила на отца, чѣмъ на мать.

Кузина хозяина подала мнѣ руку и познакомила меня со всѣми.

Когда мадамъ Антоніади обернулась и глаза наши встрѣтились, не знаю почему, я до сихъ поръ не въ силахъ объяснить этого... не знаю почему, сердце мнѣ сказало что-то особое...

«Она будетъ любить тебя».

Или: «Она тебѣ не будетъ чужою...»

Не знаю хорошо, что́ именно, но что-то особое...

Я сѣлъ и началъ о чемъ-то говорить съ привлекательною кузиной... О чемъ мы говорили, не помню; но помню только пріятныя движенія ея головы и ея улыбки, ея одобре-

нія. Я говорилъ должно быть недурно; хотя и не помню о чемъ, но я знаю, что обращаясь *къ ней*, я говорилъ не для нея, а для той, *которая сидѣла у окна*.

Мадамъ Антоніади шептала въ это время что-то дочери, показывая ей на Босфоръ.

Кузина хозяина обратилась къ ней и спросила: «Вы начинаете свыкаться съ нашимъ Востокомъ?»

Я еще не слыхалъ въ это утро ея музыкальнаго голоса и ждалъ, что она скажетъ; но она сказала очень обыкновенную вещь: «Природа здѣсь восхитительна; но общество здѣшнее я недостаточно еще знаю, чтобъ объ немъ судить».

— Здѣсь не одно общество, а двадцать разныхъ,—отвѣчала кузина.

Въ эту минуту раздались пушечные выстрѣлы... *Тамань* была уже близко...

Мадамъ Антоніади вздрогнула; дѣвочка запрыгала у окошка, спрашивая:—C'est le ministre, maman? c'est le ministre?..

Мы всѣ поспѣшили къ окнамъ....

Выстрѣлы раздавались одинъ за другимъ; стрѣляли турецкія пушки и съ одного русскаго военнаго, случайно зашедшаго въ Босфоръ...

Тамань уже была видна изъ нашихъ оконъ... Предъ деревянною пристанью, противъ воротъ Миссіи, качалась лодка, готовая вести весь персоналъ посольскій навстрѣчу послу. *Тамань* остановилась. Выстрѣлы не умолкали... Чиновники наши толпой во фракахъ и цилиндрахъ спѣшили къ пристани во слѣдъ за повѣреннымъ въ дѣлахъ. Они сѣли въ лодки и поплыли къ пароходу.

— Mon gros cousin est tout essoufflé, je suppose, — сказала мнѣ съ улыбкой мадамъ Калерджи, кузина хозяина.

— Какой прекрасный, почтенный человѣкъ вашъ cousin! — замѣтилъ ни съ того, ни съ сего г. Антоніади съ натянутымъ восторгомъ.

— Да, онъ очень добръ,—прибавила жена его равнодушно и потомъ вдругъ, обращаясь ко мнѣ, спросила:—отчего вы не участвуете въ этой церемоніи?

— Я не принадлежу къ посольству. Я здѣсь въ гостяхъ, на время. Я только могу быть зрителемъ.

— Востокъ вамъ нравится?—спросила она еще.

— Ужасно,—отвѣчалъ я съ жаромъ.

— Что́ жъ вамъ именно нравится, я бы желала знать? Это очень любопытно...

Я пожалъ только плечами и отвѣтилъ, что для меня непонятно, какъ можетъ Востокъ не нравиться...

— Васъ удивляетъ, кажется, мой вопросъ?—сказала она.

— Да, удивляетъ,—сказалъ я.—Здѣсь все... или почти все хорошо.

— Это не объясненіе,—возразила она съ милою улыбкой.

Дочь ея перебила насъ въ эту минуту; она хотѣла знать: Что́ теперь будетъ?—Отчего le ministre не ѣдетъ сюда? Что́ онъ теперь дѣлаетъ?.. Есть ли у него жена и дѣти?

Мнѣ пришлось съ досадой объяснить все этой дѣвочкѣ, такъ какъ мать сказала ей, что я все это лучше ея знаю... Я сказалъ, что у посланника есть жена очень молодая, красивая и богатая, что есть пока еще одинъ только маленькій сынъ и что посланникъ принимаетъ теперь на пароходъ повѣреннаго въ дѣлахъ и будущихъ подчиненныхъ своихъ, но вѣроятно скоро будетъ на берегъ... Я говорилъ все это терпѣливо и вѣжливымъ голосомъ, но глядѣлъ на дѣвочку очень сухо и внушительно, чтобъ отнять у нея охоту обращаться еще разъ ко мнѣ.

Мать замѣтила эту досаду и улыбнувшись сказала дочери по-гречески: «Не надоѣдай своими вопросами».

Освободившись на минуту отъ докучнаго ребенка, я началъ такъ:

— О Востокѣ надо или говорить много и основательно, или отдѣлываться такими фразами, что природа хороша, что все это очень оригинально, но что общества здѣсь нѣтъ.

Я хотѣлъ развить мою мысль дальше, но за спиной моей и очень близко раздался голосъ вставшаго со своего мѣста мужа:

— Вы называете это фразами? Но вѣдь это истины о Востокѣ... Почему же вы называете это фразами?

Я не замѣтилъ, какъ онъ приблизился, и чуть не вздрогнулъ отъ этой непріятной неожиданности.

Онъ, улыбаясь немного, щипалъ одною рукой свои черныя, длинныя и смолистыя бакенбарды...

Одну секунду отъ новой и мгновенной досады я не зналъ, что отвѣчать, но тотчасъ же справился съ собой и сказалъ:

— Да, я считаю это фразами, потому что все это говорится безъ мысли и безо всякаго живого, личнаго чувства. Слышатъ это другъ отъ друга; вкуса мало, идеалы жизни ложные, какіе-то парижскіе...

— Почему же парижскіе,—возразилъ мужъ.—Люди и сами могутъ судить. А если жители Парижа дѣлаютъ вѣрныя замѣчанія, почему же отвергать истину по предубѣжденію...

— Что такое *истина*?—спросилъ я какъ Пилатъ, не найдя на первую минуту ничего лучшаго (мнѣ хотѣлось отвѣчать ему дерзко и грубо, хотѣлось сказать, какъ сказалъ недавно еще при цѣломъ обществѣ, очень высокомъ, одинъ изъ нашихъ консуловъ, человѣкъ очень горячій по характеру: «Кто жъ ѣздитъ въ Парижъ теперь? *Развѣ какія-нибудь свиньи?*» Но, конечно, я воздержался)...

— Во всемъ сомнѣнія? *Пирронизмъ*?!—съ легкимъ и почти насмѣшливымъ поклономъ замѣтилъ хіосскій торговецъ и, прекращая споръ, прибавилъ, глядя въ сторону *Тамани*:

— Вотъ кажется посланникъ съѣзжаетъ на берегъ...

Всѣ глаза (кромѣ моихъ) опять устремились на синія и тихія воды прекраснаго пролива... Я говорю: кромѣ моихъ, потому что въ эту минуту чета Антоніади интересовала меня больше всего и эти нѣсколько язвительныя возраженія мужа, и моя собственная, какъ мнѣ казалось, ненаходчивость меня взволновали больше, чѣмъ я могъ ожидать при первой встрѣчѣ съ людьми незнакомыми, къ которымъ я долженъ былъ бы быть совершенно равнодушнымъ...

Но... увы, я уже съ перваго взгляда вполнѣ равнодушенъ не былъ...

V

Я не помню, какъ и на чемъ ѣхалъ посланникъ съ парохода до пристани, на посольскомъ ли каикѣ или на военномъ какомъ-нибудь катерѣ, я не помню, была ли и въ это время пушечная пальба или нѣтъ. Я не помню даже, глядѣлъ ли я въ окно въ эти минуты или нѣтъ. Вѣроятно глядѣлъ; но былъ до того равнодушенъ ко всему церемоніалу, что у меня не осталось въ памяти никакого впечатлѣнія. Я помню только одно, что я былъ не въ духѣ. «Пирронизмъ! Пирронизмъ!» Зачѣмъ хіосскому купцу и такому непріятному знать такъ твердо названія философскихъ системъ!..

Посланникъ приближался къ пристани.

— Жена его съ нимъ! жена!—говорила блѣдная дѣвочка, прыгая у окна.

Старшіе всѣ молчали.

Посланникъ и посланница вышли на берегъ.

Посланница шла одна впереди. Посланникъ слѣдовалъ за нею. Посланница была одѣта очень скромно, въ чемъ-то сѣромъ и въ круглой шляпѣ.

— Она очень молода!—замѣтила кузина хозяина.

— Но отчего она такъ блѣдна?—спросила нѣжно и жалостно бѣлая дама съ красными вѣками.

— Вчера была буря; она вѣроятно страдала,—сказалъ Антоніади.

— Это ужасно!—воскликнула еще сантиментальнѣе дама съ обще-славянскою фамиліей.

Маленькая дочь Антоніади недоумѣвала.

— Развѣ она очень хороша?—спросила она про красивую посланницу.

— Ты ничего не понимаешь, Акриви *), она красавица,—возразила ей мать.—Ты не воображай, что ты сама хороша. Ты будешь гораздо хуже ея.

---

*) *Дорогая*, греческое собственное имя.

— Я знаю, что я не хороша,—прошептала Акриви и спрятала лицо на груди у матери.

Послѣднее замѣчаніе меня обрадовало; маленькая Акриви напоминала отца, такіе же тихіе черные глаза, покойные, скучные; цвѣтъ лица вовсе не такой золотистый, какъ у матери, а блѣдно-восковой, какъ у *него*... Это строгое замѣчаніе матери, повидимому любящей и ласковой, было не лестно для *того*, на кого дочь ея была больше похожа... Вотъ что меня обрадовало немножко, вотъ что подавало мнѣ хорошее мнѣніе о вкусѣ мадамъ Антоніади. Я не желалъ зла ни ей, ни мужу... За что́ же! Я въ первый разъ ихъ видѣлъ... Я вовсе не желалъ бы узнать, что они живутъ между собой дурно и въ раздорѣ. Нужно быть негодяемъ, чтобы радоваться несчастію чужой семьи... Я всегда чтилъ семью, и супружескій миръ казался мнѣ всегда однимъ изъ высшихъ благъ земной жизни... Пусть они уважаютъ другъ друга! Пусть они живутъ мирно и дружно, я очень радъ... Но что́ жъ мнѣ дѣлать!.. Я хочу быть правдивъ и откровенъ какъ на исповѣди въ этомъ разсказѣ! Что́ жъ мнѣ было дѣлать! Она меня заинтересовала; она мнѣ сразу понравилась, а мужъ и дочь, его напоминавшая, были мнѣ вовсе не по вкусу... Поэтому въ строгомъ замѣчаніи, которое мадамъ Антоніади сдѣлала дѣвочкѣ, я прочелъ что-то особенное... Какую-то, казалось мнѣ, тонкую предпамѣренность... Вѣдь защитить несомнѣнную красоту посланницы она могла бы и другими словами, не говоря дѣвочкѣ, что она сама вовсе не будетъ красива. Положимъ это полезно «смирять» ребенка и убивать въ немъ рано зародыши гордости и тщеславія. Но сама молодая мать показалась мнѣ съ перваго взгляда, съ первыхъ словъ расположенною къ тщеславію, и едва ли она была наклонна къ строгости съ этой точки зрѣнія.

Однимъ словомъ, мнѣ какъ-то и почему-то понравилось ея нѣсколько жесткое замѣчаніе дочери... Я поспѣшилъ взглянуть украдкой въ сторону *того*, на кого дочь была похожа и котораго *тонъ* въ разговорѣ со мной былъ мнѣ такъ не по душѣ. Онъ все стоялъ у другого окна рядомъ

съ мадамъ Калерджи и хладнокровно глядѣлъ, какъ вслѣдъ за новымъ посланникомъ причалила къ пристани лодка возвращающихся повѣренныхъ въ дѣлахъ и всѣхъ другихъ членовъ посольства. Они вышли всѣ и исчезли за воротами.

Когда вся эта небольшая толпа людей въ цилиндрическихъ шляпахъ, во фракахъ и лѣтнихъ пальто поверхъ фрака исчезла изъ глазъ, Антоніади тихо повернулся на каблукахъ и, отойдя отъ окна, сказалъ спокойно:

— Finita la comedia!..

Жена его возразила ему слегка и съ очень милымъ движеніемъ головы:

— Почему же комедія? Это слишкомъ рѣзко... Я нахожу,—продолжала она,—что прибытіе русскаго посланника въ Константинополь имѣетъ слишкомъ большое политическое значеніе, чтобы называть все это комедіей. Я, напротивъ того, нахожу, что это все такъ величественно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ просто.

Она не кончила своей мысли и сдѣлала только и рукою и головой премилое движеніе.

— Простое всегда величественно, — прошептала бѣлая дама.

Въ первый разъ мнѣ пришлось согласиться не *съ ней*, а *съ нимъ*.

Я поспѣшилъ вмѣшаться въ разговоръ.

— Нельзя согласиться ни съ тѣмъ, что это комедія, ни съ тѣмъ, что это величественно. Это именно очень просто, вотъ и все. Вотъ вы спросили у меня, чѣмъ мнѣ нравится Востокъ; теперь я вамъ объясню это лучше. Востокъ живописенъ; Европа въ самомъ дурномъ смыслѣ проста. Посмотрите на всѣ эти одежды, какъ штатскія, такъ и военныя, на эти цилиндры и кепи... Я не виню никого... За что же? Они всѣ платятъ дань времени... «La simplicité»... Знаете эту скуку, «la simplicité»!.. Они *вынуждены* носить эти уродливые и смѣшные головные уборы, выдуманные во Франціи. Они подчиняются тѣмъ убійственнымъ (даже для развитія у насъ въ Россіи пластическихъ искусствъ убійствен-

нымъ) вкусамъ, которые господствуютъ у насъ со временъ великаго голландца Петра, исказившихъ образъ и подобіе Божіе въ русской землѣ...

— Вы не шутите! ваши выраженія сильны, — перебила меня мадамъ Антоніади.

Но я не хотѣлъ уже останавливаться.

— Я не только не шучу, я не нахожу словъ отъ обилія мыслей, доказательствъ и примѣровъ... Я затрудняюсь въ выборѣ... Я понимаю величіе вотъ какъ: когда Бёкингамъ представлялся Людовику XIII, и жемчугъ нарочно былъ пришитъ слегка, но во множествѣ къ его бархатной мантіи... и при каждомъ шагѣ и поклонѣ его сыпался на полъ и французскіе дворяне подбирали его... Или когда польское посольство, не помню при какомъ султанѣ, въѣзжало въ Константинополь на лошадяхъ, которыя всѣ были такъ слабо подкованы серебромъ, что эти подковы спадали съ копытъ... Это величіе!.. Или когда я вижу теперь еще здѣсь на Востокѣ пеструю толпу этихъ людей не по-европейски одѣтыхъ, я признаюсь, что я каждымъ проявленіемъ души и ума въ нихъ невольно больше дорожу, чѣмъ несравненно болѣе сильными чувствами и достоинствами, скрытыми подъ этимъ гадкимъ сюртукомъ и сакъ-пальто... Эти символы паденія, эта безобразная *мода!*.. Это — смерть, это трауръ!.. Вотъ мое мнѣніе.

Всѣ слушали меня внимательно. Антоніади былъ серьезенъ и счелъ долгомъ замѣтить:

— Есть значительная доля правды въ вашихъ словахъ... Востокъ еще живописенъ; это, впрочемъ, знаютъ всѣ...

При этихъ послѣднихъ словахъ онъ сдѣлалъ какой-то знакъ плечами и головой, какъ будто хотѣлъ дать мнѣ понять, что я говорю не новыя, а очень извѣстныя вещи.

Уже почти взбѣшенный, я торопился возразить и началъ такъ:

— Конечно, всѣ путешественники надоѣли даже, говоря о живописномъ Востокѣ. Но дѣло не въ маскарадѣ какомъ-то, а въ томъ, что европейская цивилизація мало-по-малу сбываетъ все изящное, живописное, поэтическое въ музеи

и на страницы книгъ, а въ самую жизнь вноситъ вездѣ прозу, тѣлесное безобразіе, однообразіе и смерть...

— Это очень смѣло, — замѣтила мадамъ Антоніади.

— Mais c'est de la vraie poésie! Monsieur est poète! — томно пропѣла бѣлая Кызларъ-агаси. Меня немножко покоробило, и я, обратясь къ ней, сказалъ вѣжливо, но очень сухо:

— Madame (не знаю, какъ перевести слово: madame. Положимъ — «сударыня»)... Сударыня, поэзія всегда истина... Поэзія — это сама истина, облеченная въ плоть.

Антоніади молчалъ, но интересная кузина предложила мнѣ вопросъ, который заставилъ меня на минуту задуматься.

— Неужели вамъ въ Турціи все нравится, все безъ исключенія? Это невозможно... — спросила она.

— Ахъ, да, да!—воскликнула madame Антоніади,—вотъ интересный вопросъ... Я жалѣю, что я сама не догадалась предложить его.

Я сказалъ, что вопросъ этотъ заставилъ меня задуматься. Я зналъ очень хорошо, *что именно* мнѣ не нравится на Востокѣ... Мнѣ не нравилась тогда сухость единовѣрцевъ нашихъ въ любви. Мнѣ ненавистно было отсутствіе въ ихъ сердечной жизни того романтизма, къ которому я дома въ Россіи съ самаго дѣтства привыкъ. Съ этой и только съ одной этой стороны я былъ «европеецъ» до крайности. Я обожалъ всѣ оттѣнки романтизма: отъ самаго чистаго аскетическаго романтизма Тогенбурга, который довольствовался только тѣмъ, что изрѣдка видѣлъ, какъ вдали «ангелъ красоты отворялъ окно своей кельи», и до того тонкаго и облагороженнаго обоготворенія изящной плоти, которой культомъ такъ проникнуты стихи Гёте, Альфреда де Мюссе, Пушкина и Фета.

Ничего подобнаго я въ средѣ мѣстныхъ христіанъ не видалъ и тѣмъ болѣе въ средѣ, которую зовутъ почему-то «интеллигентною»... Скорѣе у горцевъ и простыхъ горожанъ замѣтны проблески подобной поэзіи; но она исчезаетъ безслѣдно, какъ только болгаринъ, грекъ или сербъ снимаетъ національную одежду свою и начинаетъ считать себя «образованнымъ». Утрата бытового стиля и эпической

простоты не вознаграждается на Востокѣ, какъ нерѣдко вознаграждается она у насъ глубиной и тонкимъ благоуханіемъ возвышенныхъ чувствъ, которыми я дышалъ подъ дѣдовскими липами еще тогда, «когда мнѣ были новы всѣ впечатлѣнья бытія». На мѣсто умолкнувшей и милой пастушеской пѣсни не поется у христіанъ Востока блестящая арія страстной любви... Вотъ *что* мнѣ не нравилось въ Турціи; вотъ *что* возмущало меня на Востокѣ и наводило тоску. Если бы къ прелести и пестротѣ картины окружающихъ нравовъ возможно было бы прибавить потрясающую музыку страстныхъ чувствъ и наслажденья живой и тонкой мысли, то мнѣ казалось, что лучшей жизни нельзя бы было во всемъ мірѣ найти.

Вотъ о чемъ *я задумался*, даже нѣсколько тревожно, когда мнѣ предложили эти дамы весьма естественный вопросъ: «Неужели вамъ здѣсь все нравится, все безъ исключенія?» Есть и другая сторона жизни, тѣсно связанная съ вопросомъ о романтизмѣ въ сердечныхъ дѣлахъ: это вопросъ о *семьѣ*... Всякій знаетъ, какъ отношенія между христіанскою семьей и сердечнымъ романтизмомъ многосложны, противорѣчивы и вмѣстѣ съ тѣмъ неразрывны и глубоки. То дополняя другъ друга въ разнообразной и широкой жизни обществъ истинно развитыхъ и возводя семейный идеалъ до высшей степени чистоты изящества и поэзіи, то вступая въ раздирающую и трагическую борьбу, какъ въ сердцахъ несчастной Анны Карениной и благороднаго Вронскаго, романтическій культъ нѣжныхъ страстей и быть можетъ нѣсколько сухой съ перваго взгляда (я говорю: *только съ перваго взгляда*) спиритуализмъ христіанскаго воздержанія проникаютъ духомъ своимъ издавна всю исторію западныхъ обществъ, господствуя даже и въ безсознательныхъ сердцахъ, то въ полномъ согласіи, увѣнчанные благодатью церкви, то вступая въ эту страшную и всѣмъ намъ такъ близко, такъ болѣзненно знакомую коллизію, въ ту коллизію, которой и драма, и поэзія, и романъ, и музыка, и живопись обязаны столькими великими и вдохновенными моментами...

На Востокѣ, у христіанъ образованнаго класса я этого ничего не видалъ... Въ ихъ сердечной жизни нѣтъ ни пафоса, ни музыки, ни граціи, ни ума; я встрѣчалъ у нихъ только двѣ крайности: или сухую нравственность привычки и боязни, или тайный, грубый и безчестный развратъ...

Для меня все это было уже давно ясно; все это было обдумано давно, подведено въ умѣ моемъ подъ тѣ ясныя границы, чрезъ которыя, положимъ, жизнь всегда переступаетъ тонкими оттѣнками, но безъ умственнаго начертанія которыхъ невозможно было бы ни мыслить, ни наблюдать, ни даже говорить серьезно съ другими людьми.

И вотъ, пользуясь тѣмъ, что для меня все это было уже ясно, что всему были найдены уже въ умѣ моемъ мѣсто и степень заслуги, — я бы могъ все объяснить безобидно, толково, можетъ быть даже и съ нѣкоторымъ блескомъ, если бы далъ себѣ волю высказать все и если бы остался вѣренъ самъ себѣ и своему внутреннему міру. Я бы могъ начать чуть не цѣлую диссертацію занимательную, живописную и правдивую, если бы не заразился нѣсколько отъ большинства посольскихъ знакомыхъ моихъ тою сдержанностью рѣчи и тою иной разъ *искусственною бѣдностью* мысли, которою они подчасъ даже щеголяли... Да!.. щеголяли; потому что навѣрное многіе изъ нихъ были умнѣе и серьезнѣе, чѣмъ казались, и понимали гораздо больше, чѣмъ хотѣли высказывать... Свѣтская осторожность, иногда даже своего рода свѣтское остроуміе заставляли ихъ показывать меньше чувства и мысли, чѣмъ у нихъ было на самомъ дѣлѣ или, еще точнѣе выражаясь, у многихъ изъ этихъ дамъ и кавалеровъ одинъ родъ ума болѣе язвительный или болѣе мелкій изгонялъ или заключалъ въ оковы другой родъ, — родъ болѣе задушевный и серьезный. Серьезность свою мужчины берегли для службы, а дамы для минутъ нѣкотораго «abandon» съ друзьями или съ тѣми, кто имъ особенно нравился. Все это я такъ долго и подробно объясняю для того только, чтобы сказать, что я въ этотъ разъ поступилъ ужасно безтактно, чтобы сознаться, какъ я грубо ошибся, именно тѣмъ, что не остался

вѣренъ себѣ и не началъ длиннаго разсужденія, которое удовлетворило бы, можетъ быть, до извѣстной степени всѣхъ и никого бы не оскорбило! Но я по какому-то роковому движенію души вдругъ вздумалъ быть сдержаннымъ и краткимъ и на повторенный дамами вопросъ: «Что жъ вы задумались? Что вамъ на Востокѣ не нравится, скажите?» отвѣтилъ съ неумѣстнымъ на этотъ разъ лаконизмомъ такъ: «Мнѣ ужасно не нравится христіанская семья на Востокѣ...»

Сказалъ эту глупость и замолчалъ.

— Ah! c'est bien drôle! — воскликнула кузина нѣсколько сухо.

Антоніади ровно ничего не сказалъ, но глаза у него сдѣлались злые. Мадамъ Антоніади съ удивленіемъ замѣтила: «Мнѣ кажется, напротивъ, если есть что-нибудь очень хорошее на Востокѣ, такъ это именно чистота семейной нравственности... Не правда ли?»—спросила она, обращаясь къ мужу.

Антоніади съ чуть замѣтною улыбкой отвѣтилъ на это, пожимая слегка плечами: «О вкусахъ спорить нельзя!»

Я чувствовалъ, что онъ могъ думать о чемъ-то несравненно худшимъ, чѣмъ *странный* вкусъ, могъ счесть меня до невозможности безнравственнымъ человѣкомъ, не пустить къ себѣ въ домъ. Я опомнился, догадался, что началъ совсѣмъ не съ того конца, и поспѣшилъ поправиться:

— Позвольте, уговоримся прежде; entendons-nous... Я начну, извините, издалека... Когда я въ критской деревнѣ или въ Балканахъ вступаю на глиняный полъ греческой или болгарской хижины, то видъ этой почтенной, солидной и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтической семьи...

Я хотѣлъ было продолжать такъ: «Я исполняюсь почти благоговѣнія предъ непритворною, наивною чистотой ихъ нравовъ, предъ ихъ религіознымъ чувствомъ... Вся эта простодушная, высокая святыня домашняго очага, въ соединеніи съ своеобразными нравами и прелестью картиннаго быта, дѣйствуетъ на меня почти такъ же, какъ дѣйствуетъ храмъ... Я самъ становлюсь строго-нравственнымъ человѣкомъ, и...»

Но судьба рѣшила иначе! Я даже и этого не успѣлъ ска-

зать... Я едва успѣлъ вспомнить все это; эти образы и воспоминанія едва успѣли мелькнуть въ умѣ моемъ, какъ вдругъ раздался въ прихожей шумъ шаговъ и говоръ нѣсколькихъ людей. Хозяинъ квартиры громко кричалъ слугѣ своему:—«Эй, Кеворкъ... завтракать! завтракать! Ради Бога завтракать, мы голодны какъ собаки!..»

— Кеворкъ, ахъ, любезный Кеворкъ! — раздался голосъ злого Блуменфельда...—Любезный Кеворкъ!.. Это правда, что мы голодны. Пожалуйста, накормите насъ!..

Пріемъ у посланника былъ конченъ, и казначей зазвалъ къ себѣ еще нѣсколькихъ человѣкъ на завтракъ.

Не скрою, я былъ уже раздосадованъ, что мнѣ, какъ нарочно, не дали кончить мою «диссертацію», полудидактическую, полуоправдательную и, сверхъ того, я еще былъ нѣсколько испуганъ во глубинѣ моего сердца... Я боялся, чтобы которая-нибудь изъ этихъ дамъ не возобновила этого разговора въ присутствіи нашихъ дипломатовъ (и особенно при Блуменфельдѣ). Я боялся, чтобы мнѣ не пришлось выбрать одно изъ двухъ: или вынести кротко какія-нибудь дерзкія насмѣшки, или, не уступая ни шага, довести дѣло до какого-нибудь рѣзкаго столкновенія, послѣ котораго могли бы даже и въ Петербургѣ сказать: «Съ нимъ нельзя дѣла имѣть. Онъ не только оскорбляетъ чиновныхъ иностранцевъ; онъ и со своими доходитъ до всевозможныхъ крайностей». Но, одушевленный присутствіемъ женщины, которая мнѣ начинала нравиться, я, подумавъ немного, рѣшился въ случаѣ какой-нибудь необходимости предпочесть опасный путь дерзости — постыдному, мнѣ казалось тогда, рессурсу уступчивости и добродушія.

Рѣшившись на это, я успокоился и тотчасъ же опять повеселѣлъ.

VI.

Мы слышали только голоса хозяина нашего и Блуменфельда; но кромѣ ихъ въ гостиную вошло еще трое гостей: неизбѣжный нашъ Несвицкій, Нагибинъ, тотъ самый моло-

дой чиновникъ почтоваго русскаго вѣдомства въ Царьградѣ, который сшилъ мнѣ платье, и третій тоже очень еще молодой вице-консулъ нашъ въ Варнѣ, просто Петровъ. Вячеслава Нагибина я уже описалъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Петровъ былъ человѣкъ совсѣмъ другого рода. Онъ былъ пламенный панславистъ; для Россіи охранитель, революціонеръ для Востока, вѣчно занятый болгарскими или сербскими дѣлами; горячій, стремительный, прямой до неосторожности (это онъ сказалъ, при дамахъ, на обѣдѣ, что только свиньи ѣздятъ въ Парижъ); со всѣми фамильярный, почти безъ различія званія и чина; нервный, худой и блѣдный, одѣтый всегда небрежно, какъ попало, онъ, казалось, ничего вокругъ себя не замѣчалъ и почти не хотѣлъ знать, кромѣ политическихъ интересовъ и политическихъ дѣлъ. Волоса у него были всегда острижены подъ гребенку и приподняты щеткой; онъ былъ постоянно возбужденъ, постоянно какъ бы внѣ себя; говоря, то наступалъ на собесѣдника, то отскакивалъ отъ него, широко раскрывая глаза и излагая свои любимыя мысли безстрашно, пламенно, часто слишкомъ даже нерасчетливо-прямо; вотъ каковъ былъ Петровъ. Турки любили его за доброту и простоту обращенія, но постоянно жаловались, что его *пармакъ* (палецъ) вездѣ, гдѣ не надо, и увѣряли, что онъ чуть не съ тарелкой ходитъ собирать на возстаніе христіанъ и т. д.

Петровъ дѣлалъ множество ошибокъ, но зато былъ незамѣнимъ во многихъ случаяхъ; въ средѣ христіанъ онъ былъ чрезвычайно популяренъ, и начальство принуждено было многое ему прощать. Съ теченіемъ годовъ характеръ его выровнялся; онъ устоялся, достигъ высшихъ должностей, и его имя останется навсегда въ исторіи послѣднихъ дней Оттоманской имперіи.

Но въ это время надъ нимъ много подтрунивали товарищи; онъ только что поссорился съ пашой изъ-за одной плѣнной славянки, которая его обманула, по согласію съ турками; пріѣхалъ въ Царьградъ жаловаться и хлопотать объ удовлетвореніи; удовлетворенія ему не дали и осно-

вательно признали его неправымъ. Легкомысленные товарищи смѣялись надъ его пылкими и сантиментальными отношеніями къ «угнетеннымъ братьямъ, славянамъ», и сочинили — будто одно изъ его донесеній начиналось такъ:

«Милостивый государь,

«Ея имя было Милена! Она была сирота...»

Петровъ горячился, отбивался, ссорился, но все такъ прямодушно, честно и просто, что его продолжали любить и уважать.

Всѣ четверо — Блуменфельдъ, «вѣстовой», Петровъ и Вячеславъ, вошли въ гостиную вслѣдъ за хозяиномъ.

Блуменфельдъ съ первыхъ минутъ уже обнаружилъ свою придирчивость. Когда хозяинъ дома представилъ Вячеслава Нагибина мадамъ Антоніади и ея *бѣлой съ красным подругѣ*, Блуменфельдъ не могъ оставить въ покоѣ молодого человѣка и тотчасъ же, вслѣдъ за хозяиномъ, сказавшимъ просто: Monsieur Нагибинъ! воскликнулъ: «извѣстный всѣмъ болѣе подъ именемъ l'irrésistible *boyard russe Wenceslas...*»

Скромный *бояринъ* ничего на это не возразилъ.

Потомъ Блуменфельдъ обратился ко мнѣ и съ видомъ особенно стремительнымъ сказалъ:

— А! молодой человѣкъ, и вы здѣсь... Очень радъ, очень счастливъ...

На это я ничего не отвѣтилъ, но тотчасъ же «вооружился» внутренно и сказалъ себѣ: «Я самъ его первый затрону...» И ждалъ случая.

Завтракъ былъ оживленный. Хозяинъ самъ ѣлъ много, пилъ и намъ всѣмъ подливалъ хорошаго вина.

Несвицкій сѣлъ около мадамъ Антоніади и очень скучнымъ тономъ, какъ всегда, началъ что-то тянуть про встрѣчу новаго посланника, про знатное родство и генеалогію его супруги и про то, кому и какъ ѣхать въ Порту для исполненія нѣкоторыхъ формальностей; идетъ теперь споръ: первый драгоманъ посольства говоритъ, что онъ ѣдетъ въ Порту и беретъ съ собой перваго секретаря; а первый се-

кретарь, на основаніи точныхъ справокъ у Мартенса, Валлата, Пинейро-Феррейро и другихъ, доказывалъ, что въ Порту ѣдетъ *онъ, первый секретарь, и беретъ съ собой перваго драгомана.*

Я ничего не имѣлъ противъ этихъ формальностей; но раздушенный «вѣстовой» умѣлъ придать всему, до чего онъ только ни касался, такую несносную пустоту и скуку, и солдатское лицо его представляло такой изящный контрастъ съ галантерейнымъ ничтожествомъ его рѣчей, что не только я, но и самъ лукавый простакъ, хозяинъ нашъ вдругъ прервалъ его возгласомъ:

— А! Ба! Voyons! Оставимъ это... всѣ эти діавольскія формальности... Я замѣчу съ моей стороны, что новая посланница прекрасна...

— У нея профиль камеи, — сказала его почтенная кузина.

Хозяинъ обратился къ Блуменфельду:

— А вы, угрюмый человѣкъ, оставьте вашу суровость и скажите намъ что-нибудь... что-нибудь пріятное, любезное, интересное... Какъ вы умѣете, когда вы въ духѣ... Скажите даже что-нибудь злое, если хотите...

Блуменфельдъ улыбнулся и отвѣчалъ:

— Я скажу нѣчто любезное, а не злое. Вашъ армянинъ дѣлаетъ прекрасныя котлеты... Я такъ ими занятъ, что не нахожу времени ни для чего другого...

— Кто и что́ вамъ больше всего понравилось при сегодняшней встрѣчѣ? — спросила у Блуменфельда мадамъ Антоніади.

Блуменфельдъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Мнѣ больше всего понравилась маленькая китайская собачка...

Всѣ засмѣялись.

«Вѣстовой» поморщился; онъ былъ недоволенъ, что хозяинъ и Блуменфельдъ прервали такимъ вздоромъ его глубокія разсужденія о дипломатическихъ церемоніяхъ... Потомъ спохватился и, принужденно улыбнувшись, началъ разсказывать объ этой самой собачкѣ.

— Да, эта собака историческая. Когда союзныя войска

взяли Пекинъ и китайскій императоръ, какъ извѣстно, бѣжалъ въ Монголію, — во дворцѣ не нашли ни души... Только маленькія собачки бѣгали по заламъ и лаяли. Одну изъ такихъ собачекъ...

Но Блуменфельдъ, насытившись котлетами, уже опять съ двусмысленнымъ взглядомъ и съ раздражающею улыбкой взглянулъ въ эту минуту по очереди на меня и на Нагибина.

Я снова готовился защитить боярина Вячеслава или дать отпоръ за себя, но онъ почему-то заблагоразсудилъ оставить насъ пока въ покоѣ; я спрашивалъ себя, на кого онъ теперь накинется. Жребій выпалъ Петрову.

— А! Петровъ, я забылъ вамъ сказать новость. Въ канцелярію пришла бумага изъ Порты: турки требуютъ бѣлье Милены, которое осталось у васъ въ чемоданѣ...

Добрый и умный Петровъ не сконфузился и отвѣчалъ очень просто:

— Неужели? Они требуютъ?.. Ну, что же... Я все доставлю. Тамъ, кажется, лишь нѣсколько платковъ и два фартука...

— Вы бы хоть одинъ платочекъ сохранили на память, — сказалъ Блуменфельдъ, какъ только могъ нѣжнѣе.

— На что мнѣ платокъ, — возразилъ Петровъ, — я и такъ этой исторіи не забуду; я чрезъ нее имѣлъ столько непріятностей! Развѣ можно забыть, когда со стороны своихъ русскихъ ничего не видишь, кромѣ предательства... Если бы меня поддержали во-время, то все бы кончилось хорошо...

— Je demande une reparation éclatante! — воскликнулъ Блуменфельдъ съ комическою важностью.

Петровъ ничего не отвѣчалъ на эту послѣднюю выходку и, желая, вѣроятно, перемѣнить разговоръ, обратился къ хозяину съ вопросомъ:

— Я давеча поутру забылъ у васъ нѣсколько болгарскихъ книжекъ, связанныхъ вмѣстѣ... Гдѣ онѣ? Мнѣ онѣ очень нужны...

Хозяинъ указалъ на окно, гдѣ лежала связка... Но Блуменфельдъ не унимался:

— Отдайте, отдайте ихъ скорѣе Петрову. Очистите поскорѣе воздухъ нашего жилища... «Блъгрски читанки»... Блъгрски читанки»... Не правда ли, какой благозвучный языкъ этихъ братьевъ-славянъ...

Мнѣ захотѣлось поддержать Петрова; я вмѣшался и сказалъ:

— Это правда, что всѣ эти языки и сербскій, и чешскій, и даже польскій, намъ съ непривычки кажутся чуть не карикатурами на русскій... «Стрѣлять — пуцать»... «Человѣкъ, чилекъ-отъ»... Конечно, это смѣшно. Но надо опредѣлить все это точнѣе и отдать себѣ ясный отчетъ. Звуки другихъ языковъ, совершенно намъ чуждыхъ по корню... не могутъ такъ оскорблять нашъ слухъ... напримѣръ, французскій, турецкій или греческій... Хлѣбъ — экмекъ, псѳми, du pain... Здѣсь мы встрѣчаемся со звуками, совершенно новыми, которые могутъ показаться странными, но ничего смѣшного или глупаго не могутъ намъ представлять.

Нетерпѣливый Петровъ, котораго я вздумалъ защищать, вдругъ перебилъ, напалъ на меня и началъ обвинять меня въ расположеніи ко всему иностранному, въ какой-то «великосвѣтской», какъ онъ выразился, причудливости вкусовъ.

— Это одинъ предразсудокъ, женскій капризъ: почему «пуцать» хуже, чѣмъ «стрѣлять» — я не знаю... Это распущенность ума, кокетство, въ родѣ женскаго!..—выходилъ онъ изъ себя... расширяя на меня глаза, какъ будто онъ хотѣлъ перепрыгнуть чрезъ столъ и растерзать меня...

— Постойте, — сказалъ я, — постойте, дайте мнѣ уяснить мою мысль...

Но въ ту минуту, когда Петровъ обвинялъ меня въ великосвѣтскихъ претензіяхъ и умственномъ капризѣ, Блуменфельдъ, найдя, что я предаюсь педантизму и довожу основательность моего тона до смѣшного, не далъ мнѣ договорить и съ лукавымъ взглядомъ, наклоняя немного голову на бокъ, произнесъ насмѣшливо, не своимъ голосомъ, съ какою-то особенною граціей, какъ какая-нибудь плохая дама, растаявшая предъ плохимъ писателемъ:

— Отчего же вы обо всемъ этомъ не напишете диссер-

таціи, статьи, этюда, молодой человѣкъ... очерка, чтобъ это все опредѣлить точнѣе и отдать ясный отчетъ, если не другимъ, потому что это невозможно, то хоть самому себѣ...

Это было слишкомъ! Прошла минута молчанія, и я отвѣтилъ на это такъ:

— Теперь я занятъ другимъ. Я хочу написать что-нибудь о жизни въ Буюкъ-Дере и описать васъ... Знаете, какъ нынче пишутъ: «дверь отворилась. Вошелъ молодой человѣкъ высокаго роста и съ небрежными движеніями; лицо его довольно, впрочемъ, пріятное, несмотря на частыя улыбочки, выражало какую-то скуку и претензію на разочарованіе и пренебреженіе ко всему... Хотя никто не могъ понять, какія онъ на это имѣетъ права...»

— Это не дурно, — замѣтилъ Блуменфельдъ, немного краснѣя. — А какъ же вы меня назовете... Пожалуйста, не нужно этого нѣмецкаго *фельдъ*. Я хочу русскую фамилію...

Я нашелся:

— Надо, однако, чтобы что-нибудь напоминающее хоть *цвѣты*... Блуменъ... Блуменъ... Ну, хорошо, я назову васъ по-русски Пустоцвѣтовъ!

Всѣ опять засмѣялись, но гораздо неудержимѣе и громче, чѣмъ тогда, когда Блуменфельдъ сострилъ про собаку.

Лицо Блуменфельда потемнѣло отъ досады, но онъ, впрочемъ, вышелъ изъ этого очень умно и просто. Онъ сказалъ по-товарищески и вовсе не сердито:

— Ахъ вы! Какъ вы смѣете мнѣ такія вещи говорить... Погодите, я вамъ послѣ за это задамъ.

(Я думалъ, что тѣмъ все и кончится, но Блуменфельдъ послѣ этого долго избѣгалъ говорить со мной).

Я взглянулъ мелькомъ въ сторону мадамъ Антоніади и прочелъ на лицѣ ея тихое и дружеское одобреніе...

Я былъ внѣ себя отъ радости, и мысль, что сердитый Блуменфельдъ, который былъ, конечно, не робкаго десятка, пришлетъ мнѣ секунданта, хотя и представилась моему уму тотчасъ же, но ничуть не смутила меня. У меня въ то время было какое-то мистическое (хотя и вовсе, каюсь, не православнаго происхожденія) чувство, что меня хранитъ

для чего-то высокаго невидимая и Всемогущая сила... и все будетъ служить моимъ выгодамъ, даже и опасности...

Завтракъ кончился, но пріятное возбужденіе у всѣхъ только усилилось послѣ него за чашкой кофе; образовались группы: хозяинъ, Антоніади, Петровъ и камеръ-юнкеръ спорили о будущности Турціи и въ особенности Босфора. «Боярин Вячеславъ» занялся (на мое счастіе) дѣвочкой Антоніади и показывалъ ей у стола картинки въ кипсекѣ. Около нихъ пристроился сантиментальный бѣлый евнухъ въ юбкѣ и тоже глядѣлъ въ кипсекъ. Я желалъ, чтобъ *она* подошла и сѣла бы около меня, но не смѣлъ надѣяться на такую отважность со стороны гречанки или, вѣрнѣе сказать, жены грека. Однако и эта почти несбыточная и мгновенная мечта моя тотчасъ же осуществилась.

Блуменфельдъ «толкнулся» было къ *ней* и что-то спросилъ у нея, но она, отвѣтивъ ему очень любезно слова два, отошла и сѣла опять на томъ же креслѣ, у того же окна, гдѣ сидѣла предъ завтракомъ. Я забылъ сказать, что я нарочно подошелъ еще прежде къ этому самому окну. О чемъ мы говорили съ ней подъ шумъ веселыхъ голосовъ, не знаю.

Я помню свое чувство, веселое, праздничное, побѣдное и мечтательное; я помню ея взгляды... Словъ почти не помню... О «любви» мы конечно и не говорили... Мы говорили, я помню, о совсѣмъ посторонних предметахъ, быть можетъ даже о самыхъ сухихъ... Но бесѣда наша была похожа на пустое либретто восхитительной оперы, на ничтожныя слова прекрасной музыки чувствъ...

Изъ словъ я помню очень немногія... Я помню только вотъ что изъ нашей бесѣды:

— Вы хвалите Востокъ,—сказала она,—а я терплю здѣсь большія умственныя лишенія. Одесса въ Россіи считается торговымъ городомъ; однако, тамъ университетъ, библіотеки... тамъ есть умственная жизнь, а здѣсь этой жизни нѣтъ и мнѣ очень скучно...

— На что вамъ университетъ...—воскликнулъ я съ удивленіемъ. — На что вамъ библіотеки... Я бѣжалъ ото всего

этого и счастливъ. Книги хорошія и здѣсь можно найти... Но вы напрасно думаете, что въ мѣстахъ болѣе такъ сказать *ученыхъ* больше мыслятъ... Почитайте газеты наши... Развѣ это мысль... Думайте сами больше, если это вамъ пріятно...

— Однако! — возразила она робко и почти съ удивленіемъ.

Долго ли мы говорили или нѣтъ, я право не помню. Я помню дивный видъ изъ окна, вѣтерокъ съ пролива, благоуханіе ея одежды, ея глаза, шумъ голосовъ вокругъ и даже крики въ спорахъ... Я слышу и теперь еще всегда влачащуюся рѣчь Несвицкаго, который говорилъ:

— Что касается меня, то я нахожу, что Босфоръ долженъ считаться международнымъ портомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого выраженія. Что мнѣ за дѣло, если будетъ принадлежать Босфоръ грекамъ, англичанамъ или никому, — лишь бы развели какъ можно больше садовъ, чтобы сдѣлали хорошую мостовую, чтобы была хорошая опера, цирки и публичныя лекціи... Чтобы можно было, напримѣръ, слушать популярныя чтенія физики и химіи съ опытами... Помните этотъ милый анекдотъ про химика Тенара и про герцога Орлеанскаго? «Теперь эти два газа, кислородъ и водородъ, будутъ *имѣть честь соединиться въ присутствіи* вашего высочества...»

Эту рѣчь я слышалъ ясно, потому что при моихъ антиевропейскихъ культурно-патріотическихъ мнѣніяхъ она была ударомъ кинжала въ мое сердце, но я и на нее *рѣшился* не возражать, несмотря на *физическую* боль, которую мнѣ причиняли подобныя мысли русскихъ людей, — до того я былъ занятъ *ею* въ эту минуту. Далѣе ничего не помню изъ нашей бесѣды у окна...

Всѣ, наконецъ, стали расходиться; ушелъ и я. Я видѣлъ, какъ супруги Антониади вышли подъ руку; видѣлъ, какъ они наняли на набережной каикъ.

Маша сѣла первая; мужъ поднялъ дочь и передалъ ее женѣ, потомъ спустился за ней самъ и сѣлъ съ ней рядомъ на днѣ каика.

Сильный каикчи ударилъ веслами, и они скоро удалились отъ берега.

Я долго глядѣлъ имъ вслѣдъ, и мнѣ цѣлый день послѣ этого было очень скучно.

VII.

И на слѣдующій день мнѣ опять было какъ будто грустно. Я все думалъ о *ней*.

Какъ познакомиться съ нею покороче? сдѣлать или не сдѣлать ей визитъ? Ни она сама, ни этотъ ледяной ужасный мужъ ничего мнѣ не сказали объ этомъ. А между тѣмъ я что-то чувствовалъ, что-то прочелъ въ ея взглядахъ, въ ея недосказанныхъ словахъ, въ ея движеніяхъ. Мнѣ казалось, что во всемъ этомъ есть нѣчто большее, чѣмъ простое желаніе видѣть меня у себя въ домѣ... Но какъ она мила и свѣжа и какъ онъ несносенъ! Какъ онъ прилично, опрятно, казенно ужасенъ! Я видѣлъ такихъ блѣдныхъ восковыхъ куколъ съ придѣланными черными какъ смоль бородами.

Я, кажется, уже говорилъ, что не имѣлъ никакой опредѣленной и непремѣнно безнравственной *цѣли*. Я заранѣе готовъ былъ *отречься* отъ полной побѣды. Я не стану въ этомъ разсказѣ ни очернять, ни оправдывать свое давнее прошедшее, на что это? Я не стану унижать себя нравственно чрезъ мѣру и не стану возноситься. Я не былъ тогда какимъ-нибудь невиннымъ, чистымъ и «духовнымъ» юношей, но не былъ и во всѣхъ случаяхъ безнравственнымъ человѣкомъ. У меня были правила личной чести; у меня было великодушіе, у меня было желаніе наслаждаться «поэзіей жизни», не причиняя никому страданій и обидъ даже, если возможно, не оскорблять и восковую куклу съ «приклеенною черною бородой».

Скажу еще проще, я былъ по природѣ *добръ* и если бъ я зналъ навѣрное, что мои сношенія съ мадамъ Антоніади разстроятъ семейное счастье ея мужа, то я ни за что не

пошелъ бы къ ней. Но съ другой стороны, мнѣ до того хотѣлось изящныхъ наслажденій, меня такъ сильно и почти ежеминутно томили жажда новыхъ впечатлѣній и какое-то боготвореніе полуплотской, полуидеальной любви... Мнѣ такъ вздыхалось часто, такъ нравились любовные стихи... Я съ такимъ невыразимымъ восторгомъ перечитывалъ и повторялъ наизусть то Пушкина, то Фета:

Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ...

Вотъ что̀ мнѣ было нужно, вотъ чего я искалъ, вотъ о чемъ думалъ въ свободные отъ дѣлъ часы! Въ Машѣ Антоніади было именно то, что̀ мнѣ было нужно. Въ ней было нѣчто такое, что̀ меня томило; въ ней какъ будто таилось что-то изящно-растлѣвающее, нѣчто тонко и сдержанно безнравственное, нѣчто ѣдкое и душистое, доброе и лукавое, тщеславно милое, — однимъ словомъ что-то такое, что̀ заставляло меня глубоко «вздыхать», вздыхать *счастливо*, вздыхать отъ той сладкой сосредоточенности, которая тѣснитъ грудь и открываетъ предъ влюбленною мыслію безконечныя и восхитительныя, въ самой неясности своей, перспективы...

Такъ вздыхалъ я въ этотъ день, бродя по набережной Буюкъ-Дере. Въ этотъ часъ еще не играла тутъ музыка и не начиналось ежедневное «европейское» гулянье, которое я терпѣть не могъ, не находя въ немъ ни личнаго интереса, ни той живописной и этнографической, такъ сказать, прелести, которая восхищала меня въ истинно народныхъ скопищахъ Востока. Круговая пляска болгарскихъ мужиковъ подъ рѣзкую музыку волынки или толпа задумчивыхъ и пестрыхъ турокъ, провожающихъ мертвое тѣло какого-нибудь собрата своего на кладбище, гдѣ̀ многія сотни бѣлыхъ мраморныхъ столбовъ, увѣнчанныхъ чалмами, тѣснятся какъ привидѣнія въ густой и безмолвной рощѣ исполинскихъ кипарисовъ, — казались мнѣ гораздо благороднѣе и многозначительнѣе этого «европейскаго» сновання цилиндровъ и жакетокъ, туда и сюда, взадъ и впередъ по одно-

му и тому же направленію, подъ звуки вальсовъ, пустыхъ кадрилей и слишкомъ уже знакомыхъ оперныхъ отрывковъ, напоминавшихъ мнѣ ненавистный и тошный Петербургъ, изъ котораго я бѣжалъ въ Турцію, чтобы хоть здѣсь скрыться отъ *этого наноснаго и одуряющаго «прогресса»*.

И вотъ я ходилъ по пустой набережной и «вздыхалъ». Воздухъ былъ жаркій и тяжелый; вѣтеръ дулъ съ юга, и синія волны Босфора пѣнились и кипѣли. Я не зналъ, что̀ мнѣ дѣлать съ бездѣльемъ своимъ, какъ вдругъ изъ переулка вышла моя сѣдая и столь уважаемая мною мадамъ Каледжи. Она шла къ кому-то съ визитомъ; она шла *своею удивительною красивою и благородною поступью, на которую* я всегда такъ любовался. Она издали первая поклонилась мнѣ съ привѣтливою улыбкой. Я счелъ ее въ эту минуту посланницей небесъ: она лучше всякаго другого могла разрѣшить мои сомнѣнія насчетъ того, дѣлать ли мнѣ визитъ супругамъ Антоніади или нѣтъ?

Я подошелъ къ ней и, еще разъ почтительно поклонившись, предложилъ ей руку.

Она сказала мнѣ, куда ее вести, и къ счастью, я услышалъ, что разстояніе будетъ настолько велико, что мнѣ можно будетъ объясниться съ нею.

Опершись на руку мою, эта милая женщина обратилась ко мнѣ съ самымъ ласковымъ, дружески насмѣшливымъ выраженіемъ лица и сказала коротко и выразительно: «Seul, avec sa pensée!»

— Да,—отвѣчалъ я ей,—вы угадали: seul avec *une* pensée... Съ одною мыслью, съ однимъ тяжелымъ сомнѣньемъ, которое вы, именно вы лучше всякаго другого человѣка можете разрѣшить.

— *Что̀ такое? Боже мой, что̀ такое?* — *спросила она* съ притворнымъ и веселымъ страхомъ.

— Вотъ безпокоюсь, колеблюсь и т. д., дѣлать ли мнѣ визитъ супругамъ Антоніади или нѣтъ?.. Они мнѣ ни слова не сказали, ни тотъ, ни другой; но вѣдь насъ познакомили, и она была довольно внимательна ко мнѣ; а онъ?..

ну, онъ былъ только вѣжливъ; впрочемъ, я замѣтилъ на завтракѣ, что онъ со всѣми таковъ.

Сѣдая красавица моя задумалась и опустила на минуту глаза внизъ.

Я чувствовалъ, что не ошибся въ ней и что каяться не буду въ томъ, что обратился къ ней такъ прямо. Ни намека, ни нескромнаго вопроса, ни улыбки безтактной или недоброй!.. Она тотчасъ же поняла въ *чемъ дѣло* и поняла, что я желалъ бы серьезно отнестись къ этому, повидимому, несерьезному дѣлу и поступила именно такъ, какъ я того желалъ и какъ самъ счелъ бы долгомъ на ея мѣстѣ поступить съ другимъ. Послѣ всѣхъ этихъ неизбѣжныхъ и все-таки не совсѣмъ пріятныхъ шуточекъ нашихъ посольскихъ кавалеровъ и дамъ ея пріемъ казался мнѣ небесно добрымъ и рыцарски честнымъ.

Ни намека, говорю я, ни улыбки, ни вопроса!

Она задумалась и опустила глаза.

Съ благоговѣніемъ я ждалъ.

Она подняла на меня свѣтлыя, честныя, но очень зоркія очи свои и сказала серьезно:

— Сдѣлайте визитъ... Сдѣлайте визитъ дня черезъ два-три, потому что они теперь уѣхали въ гости на Принцевы острова. Я и безъ того хотѣла вамъ сказать, что мадамъ Антоніади въ восторгѣ отъ васъ и не скрываетъ этого. Не скрываетъ даже и отъ мужа. Она восхищается вашимъ умомъ, вашимъ краснорѣчіемъ. Она узнала всѣ подробности той исторіи, благодаря которой вы живете здѣсь, и называетъ васъ *паликаромъ*. Этотъ ударъ хлыста! этотъ возгласъ: «Et vous n'êtes qu'un triste européen!» въ отвѣтъ на крикъ оскорбленнаго противника «misérable!» — Это, говоритъ она, такъ своеобразно, такъ дышитъ крѣпкимъ убѣжденіемъ. Это крикъ души: «Vous n'êtes qu'un triste européen!..» Я повторяю ея слова...

Я молчалъ нѣсколько секундъ, подавленный счастьемъ; потомъ спросилъ: — А мужъ?

— Ахъ да, мужъ!—сказала моя фея съ серебряными волосами. — Мужъ... Онъ и доволенъ, и недоволенъ, даже очень недоволенъ вами, какъ грекъ, и грекъ Россіи не вра-

ждебный... Знаете, онъ кажется не глупъ; онъ англоманъ въ привычкахъ, а въ политикѣ руссофилъ, вѣдь это очень умно, не правда ли?

— Еще бы. Чрезвычайно умно! — воскликнулъ я... — Что жъ дальше? Я слушаю... Я весь вниманіе...

— Ну, вотъ что изъ этихъ вкусовъ ясно, какъ онъ долженъ къ вамъ отнестись: какъ грекъ очень хорошо, какъ мужъ — прескверно...

Я невольно остановился и въ недоумѣніи спросилъ:— Почему жъ?

— Развѣ это не ясно? что вы проговорили про семью христіанскую...

— Да! *эти несчастныя слова мои; они меня до сихъ* поръ мучатъ. Если бъ я могъ предвидѣть, что меня такъ скоро прервутъ и не дадутъ мнѣ изложить пространно мой взглядъ, то я ни за что бы этого не сказалъ! Я васъ умоляю, позвольте мнѣ вамъ теперь все это объяснить. И если вы найдете, что въ моихъ словахъ есть доля истины, оправдайте меня предъ ними.

И я постарался изложить ей какъ можно осязательнѣе все, о чемъ я *тогда*, предъ завтракомъ едва успѣлъ подумать и вспомнить. Мадамъ Калерджи выслушала меня со вниманіемъ и нарочно замедлила свой шагъ. Когда я кончилъ, она сказала:

— Вы сами виноваты, что начали съ конца. Теперь переносите наказаніе за вашу ошибку. Антоніади, какъ мужъ, повторяю, негодуетъ на васъ, но какъ грекъ, какъ вашъ единовѣрецъ, понимаете, онъ очень доволенъ вашимъ поступкомъ съ извѣстнымъ вамъ «печальнымъ европейцемъ». Объ этомъ вѣдь такъ много писали въ греческихъ газетахъ, и ваше имя въ греческой печати извѣстнѣе, чѣмъ вы думаете. Онъ не любитъ ту націю, представитель которой пострадалъ отъ русской руки... Поэтому подите все-таки и сдѣлайте имъ визитъ. Онъ приметъ васъ внимательно и самъ, конечно, отдастъ вамъ его.

— Я пойду дня чрезъ три, но какъ же вы такъ изучили его мнѣніе обо мнѣ? — спросилъ я съ любопытствомъ.

— Я не изучала. Онъ самъ все это говорилъ. Онъ при

мнѣ вчера, въ одномъ домѣ просто ужасался вашей замѣткѣ и семьѣ и говорилъ даже: «c'est inoui...» «c'est souverainement immoral ce que ce jeune homme a la hardiesse de prêcher...» А ваше дѣло съ ***, вашъ «ударъ хлыста» хвалилъ и радъ, что начальство ваше выдастъ васъ не вполнѣ, а только отчасти...

Мы были уже близко отъ дома, куда она шла, но она была такъ снисходительна, что продолжала итти все тише и тише, полагая, что я имѣлъ еще что-нибудь сказать.

Но я былъ уже погруженъ въ безмолвіе тихаго блаженства... И съ чувствомъ пожавъ ей руку, простился съ ней у воротъ богатаго армянскаго дома...

Я прожилъ послѣ этого два дня въ пріятномъ ожиданьи и мнѣ уже не было теперь скучно. На третій день я долженъ былъ сѣсть на пароходъ и ѣхать въ городъ, чтобы сдѣлать имъ визитъ.

Но всѣ мечты мои, вся моя радость разлетѣлись въ прахъ! Я былъ человѣкъ подневольный. На второй день вечеромъ меня призвалъ начальникъ и сказалъ:

— Собирайтесь *непремѣнно завтра* въ Адріанополь. Консулъ Богатыревъ ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ; ему необходимо сейчасъ ѣхать въ отпускъ. Онъ умоляетъ меня не задерживать васъ. Къ тому же это и для васъ выгодно: вы сейчасъ же вступите въ управленіе консульствомъ, и ваши противники, понимаете (онъ показалъ съ улыбкой, какъ бьютъ хлыстомъ), увидятъ, что мы исполнили противъ нихъ весь долгъ дипломатической вѣжливости, перевели васъ, какъ будто въ угоду имъ, изъ мѣста столкновенія въ другой городъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ не выдали васъ, потому что тотчасъ же поручили вамъ очень серьезный постъ. Вы понимаете, что совершенно безъ уступки, хотя видимой, нельзя. Всякій русскій можетъ быть радъ, что вы его съѣздили (чтобъ онъ не смѣлъ русскимъ грубить); но вѣдь нельзя *открывать новую эру* дипломатіи побоевъ на основаніи вашего прецедента, который лично, положимъ, можетъ все-таки нравиться. Держите русское знамя высоко; я буду,

вѣрьте, помогать вамъ; но старайтесь не прибѣгать ужъ слишкомъ часто къ такимъ voies de fait...

Я былъ и обрадованъ, и немного смущенъ этою рѣчью молодого и молодцеватаго нашего начальника: тутъ было столько и лестнаго, и ободрительнаго, и слегка насмѣшливаго, и повелительнаго, и товарищескаго.

Я краснѣя поклонился и пошелъ сбираться.

Службой своею я дорожилъ; скажу яснѣе: я ужасно любилъ ее, эту службу, совсѣмъ не похожую на нашу домашнюю обыкновенную службу. Въ этой дѣятельности было столько именно не европейскаго, не «буржуазнаго», не «прогрессивнаго», не нынѣшняго; въ этой службѣ было тогда столько простора личной волѣ, личному выбору добра и зла, столько довѣрія со стороны національной нашей русской власти! Столько простора самоуправству и вдохновенію, столько возможности дѣлать добра политическимъ «друзьямъ», а противникамъ безнаказанно и безъ зазрѣнія совѣсти вредить!.. Жизнь турецкой провинціи была такъ пасторальна съ одной стороны, такъ феодальна съ другой!..

Итакъ, я уѣхалъ изъ Царьграда и не успѣлъ *ей* сдѣлать визита. Я хотѣлъ служить хорошо, хотѣлъ наслаждаться борьбой за русскую идею на Востокѣ, и, конечно, въ эту минуту нашъ посланникъ, самъ молодой, самъ лихой и чрезвычайно ласковый и умный, былъ мнѣ нужнѣе загадочной и лукавой этой Маши, полу-гречанки, полу-русской...

Я спѣшилъ повиноваться и уѣхалъ, не видавъ ея больше. Но всю дорогу я безпрестанно думалъ о ней и пожималъ плечами съ удивленіемъ:

«На что́ такая ненужная встрѣча? такой мгновенный просвѣтъ незрѣлаго чувства; такія пустыя и безслѣдныя вспышки безполезнаго огня? Изъ взглядовъ ея, чуть замѣтныхъ, положимъ, изъ чего-то еще очень тайнаго, очень издалека ободряющаго въ словахъ и едва уловимыхъ движеніяхъ (я не могу даже выразить всего этого) и еще болѣе изъ разсказовъ мадамъ Калерджи о томъ, что она восхищается мною, я видѣлъ, что эти мгновенные просвѣты были не въ

моей только душѣ, но и въ ея, что огонь загорѣлся не во мнѣ одномъ, но и въ ней быть можетъ еще больше...

Такъ ѣхалъ я верхомъ по скучной степи южной Ѳракіи и думалъ: «На что́ это?» Я думалъ объ этомъ, завернувшись въ бурку подъ осеннимъ дождемъ; я вспомнилъ о ней на ночлегахъ въ грязныхъ *ханахъ*; я видѣлъ, какъ она входитъ въ церковь, какъ она идетъ мимо бѣлой стѣны посольскаго сада, какъ она держитъ дочь обнявши, сидя у окна... Я помнилъ ея ленты, ея позы, ея перчатки, ея голосъ и опять спрашивалъ себя: «На что́ все это?»

Наконецъ мнѣ показалось, что я понялъ! Дождь пересталъ лить. Осеннее солнце снова тепло и весело освѣщало мелкую, сырую зеленую травку на пригоркѣ, гдѣ мы съ Цыганомъ суруджи *) и турецкими жандармами остановились на минуту, чтобы дать вздохнуть лошадямъ. Я сошелъ съ лошади и ходилъ взадъ и впередъ. Эта сырая зеленая трава напомнила мнѣ родину. И вдругъ представился мнѣ одинъ островокъ посреди круглой сажалки въ заброшенномъ и опустѣломъ дѣдовскомъ имѣніи. Я гулялъ однажды совсѣмъ еще юношей по этому забытому саду, въ маѣ мѣсяцѣ, и увидѣлъ, что на этомъ островѣ въ чащѣ густого и грубаго лозняка цвѣтетъ кустъ черемухи... Осыпанный бѣлыми цвѣтами онъ цвѣлъ и благоухалъ въ этой чащѣ; я его видѣлъ, но ни я, ни кто другой дойти до него не могли: на болотистой заброшенной, но глубокой еще сажалкѣ не было ни плота, ни мостика, ни простой переклади́нки... Черемуха цвѣла какъ будто сама для себя; я не могъ дойти до нея *и ни разу послѣ того* и не видалъ ни этого сада, ни этого имѣнья, ни сажалки этой, ни цвѣтущаго куста; но я *не забылъ его и не могу забыть*... И только...

Вотъ такъ и эта милая женщина останется на вѣкъ въ памяти моей; я ее больше, вѣроятно, и не встрѣчу, но образъ ея будетъ благоухать и цвѣсти въ моемъ воображеніи, какъ цвѣтетъ до сихъ поръ въ немъ этотъ только издали мною видѣнный кустъ душистой черемухи!..

---

*) Верховой ямщикъ вольной турецкой почты.

VIII.

Въ Адріанополѣ я сталъ забывать о *ней*. Мнѣ было некогда; иныхъ впечатлѣній было такъ много, что думать часто о молодой женщинѣ, которая явилась предо мной только какъ «мимолетное видѣнье», было невозможно и неестественно. Къ тому же я былъ не только очень занятъ, я былъ доволенъ, постоянно возбужденъ и вмѣстѣ спокоенъ духомъ.

Я давно мечталъ жить въ Турціи, на Востокѣ, и вотъ мечты мои исполнились: я въ Турціи. Я хотѣлъ видѣть кипарисы, минареты и чалмы: я вижу ихъ. Я хотѣлъ быть дальше, какъ можно дальше отъ этихъ ненавистныхъ, прямыхъ, широкихъ улицъ Петербурга... я былъ далеко отъ нихъ.

Занятія мои были мнѣ по вкусу — неспѣшныя, обдуманныя, по смыслу не пустыя, съ легкимъ и пріятнымъ жаломъ честолюбія... со щитомъ патріотическаго долга...

Отвѣтственность на мнѣ лежала большая; я былъ одинъ *русскій* на цѣлую обширную иноземную область съ населеніемъ смѣшаннымъ, политически впечатлительнымъ. Мой молодой начальникъ Богатыревъ уѣхалъ на родину въ Москву, въ отпускъ; я управлялъ за него очень долго. Мнѣ нужно было ежеминутно бодрствовать и трудиться. О службѣ моей я здѣсь разсказывать не буду; скажу только, что мной были довольны, и когда Богатыревъ, возвращаясь изъ Одессы, проѣздомъ былъ въ посольствѣ, то самъ посланникъ сказалъ ему полушутя за обѣдомъ:

— При васъ было хорошо, но и безъ васъ у Ладнева не хуже.

На это Богатыревъ великодушно отвѣчалъ:

— Я готовъ самъ о немъ на крышахъ кричать!

Мѣсяцевъ черевъ десять Богатыревъ возвратился и принялъ снова всѣ дѣла въ свои искусныя и опытныя руки. По возвращеніи его жизнь моя совсѣмъ перемѣнилась. Отвѣтственности уже не было при немъ; заботы меньше; нуж-

но было только помогать ему, исполнять его волю. Я меньше сталъ думать о подробностяхъ службы, о мелочахъ текущей жизни моего одинокаго тогда сердца и въ мірѣ моей фантазіи, въ то время еще необузданной и смѣлой. И мнѣ опять было и такъ *сначала* хорошо, пожалуй даже лучше... Я умѣлъ быть дѣятельнымъ, предпріимчивымъ и заботливымъ, когда того требовалъ мой долгъ и мое самолюбіе (всѣ это знаютъ), но жизнь созерцательная и свободное мышленіе мнѣ еще больше нравились... Я понималъ всѣмъ сердцемъ прежняго турка, вощественнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ лѣниваго, который, вставая съ широкаго дивана, садился бодро на коня и мчался въ далекій набѣгъ, гдѣ терпѣливо переносилъ жестокія лишенія, но возвратившись домой, опять спускался на этотъ «цвѣтной диванъ» и «въ дыму кальяна» думалъ свободно свою тихую думу, о чемъ хотѣлъ и какъ хотѣлъ.

Да, мнѣ сначала эта жизнь понравилась... Исполнивъ въ канцеляріи все то, что требовала отъ меня служба, я уходилъ домой, предоставляя Богатыреву заботиться о томъ, чтобы знамя русское стояло во Ѳракіи честно и грозно. Какъ *гражданинъ* я былъ спокоенъ; я зналъ, что Богатыревъ еще гораздо лучше меня будетъ держать это знамя чести, потому что онъ былъ молодецъ.

Я только что нанялъ себѣ квартиру. Пока Богатыревъ былъ въ долгомъ отпуску, я жилъ у него въ консульствѣ. Теперь я завелся своимъ хозяйствомъ. Жилище мое мнѣ очень нравилось... Оно совсѣмъ было не похоже на доводившіе меня до отчаянія болѣе и желтые европейскіе дома, въ шесть этажей и съ мѣдными дощечками на дверяхъ сосѣдей, вовсе не знающихъ другъ друга... Домъ моего стараго турка въ бѣлой чалмѣ, сердитаго и съ краснымъ носомъ, былъ совсѣмъ иной; онъ былъ небольшой, двухъэтажный, снаружи выкрашенный темно-краснымъ цвѣтомъ, съ двумя галлереями внизу и вверху. Все маленькія комнаты рядомъ и двери всѣ на галлереи; передъ домомъ дворъ, какъ цвѣтникъ, убранный мозаичными дорожками изъ сѣрыхъ, бѣлыхъ и черныхъ камешковъ и по бокамъ дорожекъ все

стриженыя мирты кругами и изгибами. Между этими миртами цвѣли желтый фіоль и фіалки во множествѣ раннею весной (когда у насъ въ Россіи еще снѣгъ и холодъ), благоухали по всему двору, около дорожекъ и даже въ разсѣлинахъ между каменными плитами старой лѣстницы, которая спускалась отъ дверей моихъ къ воротамъ.

Домъ стоялъ высоко надъ дворомъ, а желтая стѣна, ограда отъ улицы, была построена еще ниже, но сама она была высока. Съ улицы тому, кто стучался въ мои ворота, едва видна была крыша дома; а съ моей верхней галлереи былъ прекрасный и широкій видъ на городъ.

Все дома и дома разноцвѣтные, голубые, бѣлые, розовые, и блѣдно-краснаго цвѣта, и зеленаго, и желтаго, и темно-кирпичнаго, или темно-кровнаго цвѣта «terre de Sienne brulée».

Между домами въ Адріанополѣ много зелени; шелковица, листья которой такъ блестятъ на солнцѣ, и высокіе пирамидные тополи. Съ ними рядомъ высится много тонкихъ минаретовъ. Видъ изъ оконъ моихъ былъ такъ обширенъ; были видны даже и поля за городомъ, и изгибы рѣки Марицы, песокъ на берегу, и дальніе каменные мосты на рѣкахъ, и сады шелковицы по полямъ. Тамъ, налѣво, за послѣднимъ, кажется, мостомъ на Тунджѣ, стояло большое, коричневаго цвѣта строеніе, кажется, чей-то деревянный *бедженклыкъ* *) для развода шелковичныхъ червей. Я и это мрачное, одинокое строеніе помню. И оно было видно изъ моихъ оконъ. Прелестный видъ! Пестрый и веселый... Часто солнце свѣтило ярко надъ этою картиной, и дымъ домашняго труда поднимался изо всѣхъ очаговъ.

Я велъ очень уединенную жизнь. Общество болгарскихъ и греческихъ старшинъ, сухихъ, лукавыхъ, скучныхъ, однообразныхъ купцовъ, докторовъ и учителей—мнѣ не нравилось и кому могло нравиться? Со времени возвращенія Богатырева я продолжалъ посѣщать ихъ изрѣдка для того только, чтобы не слишкомъ ихъ оскорбить. Во время упра-

*) Сарай.

вленія моего для цѣлей политическихъ я принужденъ былъ видаться съ ними безпрестанно, такъ какъ именно въ этомъ ужасномъ *полу-европейскомъ* и дѣловомъ классѣ людей мы находили теперь главную опору нашимъ дѣйствіямъ; отъ нихъ получали и лучшія свѣдѣнія наши; и если бъ я *теперь* пересталъ вовсе видаться съ ними, то они поняли бы, до чего я тягощусь ими, и это впослѣдствіи могло бы невыгодно отозваться на службѣ моей. Особенно ихъ *жены*, церемонныя, неподвижныя, хитрыя, крикливыя, неизящно по-европейски одѣтыя, приводили меня въ отчаяніе.

Итакъ, я жилъ одинъ, или почти одинъ, наединѣ съ моими мыслями...

Прогулки пѣшкомъ или на конѣ, книги, иногда оживленныя бесѣды съ консуломъ о Россіи и о здѣшнихъ дѣлахъ, его интересные разсказы о нашей старой дипломатіи, исторію которой онъ зналъ лучше меня, — вотъ моя жизнь, вотъ мои утѣшенія въ то время...

Я очень полюбилъ одинокія прогулки по дальнимъ и тихимъ кварталамъ. Пока я управлялъ, былъ *обязанъ* ходить съ кавассомъ, чтобы меня не оскорбили на улицѣ подъ предлогомъ того, что не знаютъ «кто я», чтобъ уступали мнѣ дорогу, чтобы часовые турецкіе отдавали мнѣ честь ружьемъ. Теперь я могъ ходить одинъ, и эта перемѣна мнѣ временно понравилась; я чувствовалъ себя свободнѣе; теперь я не обязанъ былъ требовать вниманія отъ часовыхъ; оскорбленій личныхъ я не боялся; я надѣялся на собственную смѣлость и на крѣпкую палку, съ которою ходилъ

Я помню много хорошихъ дней за это время.

Въ бумагахъ моихъ цѣлъ отрывокъ, написанный мною по возвращеніи съ одной восхитительной прогулки.

Вотъ онъ:

«Я не могу изобразить хорошо моихъ чувствъ.

«Если бы въ прозѣ нашей русской можно бы писать такъ, какъ мнѣ хочется! Мнѣ бы хотѣлось вотъ какъ писать:

«О, дымокъ, дымокъ мой! сѣрый дымокъ надъ нагими садами зимы!.. Какъ ты милъ мнѣ, зимній дымокъ турецкаго пестраго города. Иду я одинокій вдоль рѣчки отъ живопис-

наго Михаль-Кэпрю, иду домой подъ вечеръ и думаю: «Какъ я счастливъ, о, Боже!» Мнѣ такъ ловко и тепло въ моей мѣховой русской шубкѣ, крытой голубымъ сукномъ. Какъ я радъ, что я русскій. Какъ я радъ, что я еще молодъ! Какъ я радъ, что я живу въ Турціи! О, дымокъ ты мой милый и сѣрый дымокъ домашняго труда! О, какъ кротко и гостепріимно восходишь ты предо мной надъ черепицами многолюднаго тихаго города! Я иду по берегу рѣчки отъ Михаль-Кэпрю, а заря вечерняя все краснѣе и прекраснѣе. Я смотрю впередъ и вздыхаю, и счастливъ... И какъ не быть мнѣ счастливымъ? По берегу рѣчки, по любимой моей этой прелестной дорогѣ отъ Михаль-Кэпрю къ городскимъ воротамъ растутъ кусты черной ежевики... Вотъ здѣсь по восхитительной *для меня* (да, *для меня* только, *для моего*, исполненнаго радости сердца), на восхитительномъ изгибѣ берега на кустѣ три листочка, три листочка поблекшихъ, всѣ они бѣлые съ одной стороны и такіе темно-бархатные, такіе черные съ другой. И на черномъ этомъ бархатѣ я вижу серебряныя пятна,—звѣздочки зимней красоты... А заря все краснѣе и краснѣе разгорается вдали за городомъ, и на аломъ небѣ этомъ все нѣжнѣе и нѣжнѣе мнѣ кажутся тонкіе и темные узоры обнаженныхъ и безчисленныхъ вѣтвей. Я счастливъ... Я страдаю... Я влюбленъ безъ ума... влюбленъ... Но въ кого? Я влюбленъ въ здѣшнюю жизнь; я люблю всѣхъ встрѣчныхъ мнѣ по дорогѣ; я люблю безъ ума этого стараго бѣднаго болгарина съ сѣдыми усами, въ синей чалмѣ, который мнѣ сейчасъ низко поклонился; я влюбленъ въ этого сердитаго, тонкаго и высокаго турка, который идетъ предо мною въ пунцовыхъ шальварахъ... Мнѣ хотѣлось обоихъ ихъ обнять; *я* ихъ люблю одинаково!..

«Вотъ какъ желалъ бы я долго и много писать. Такъ писать мнѣ пріятно. Но кто станетъ читать меня, если я такъ напишу длинную повѣсть любви и буду мечтать безо всякаго порядка и правилъ?

«Никто!»

IX.

Но нельзя было, къ несчастію, вѣчно жить одинокими прогулками къ Михаль-Кэпрю, нельзя было дышать лишь восхищаясь вечернею зарей и узоромъ зимнихъ вѣтвей, вдали сливавшихся во что-то туманное и до того прекрасное и родное, что оно было для меня милѣе самой лѣтней зелени рощъ и садовъ. Я не могъ и не имѣлъ даже права съ безпристрастіемъ художника всегда равно любить и «стараго болгарина въ синей чалмѣ, который мнѣ поклонился, и пунцоваго турка, который, проходя мимо, такъ мрачно взглянулъ на меня». *Мнѣ* все равно, это правда!.. Но я не затѣмъ, увы, тутъ живу, чтобы воспѣвать природу и поэзію восточной жизни.

Я принужденъ видѣться съ разными людьми, имѣть сношенія съ ними; соображаться не со вкусами, а съ дѣлами моими. Я часто бывалъ, напримѣръ, у богатаго болгарина Чобанъ-оглу. Онъ былъ изъ тѣхъ немногихъ болгаръ, которые и въ *то еще* время (лѣтъ болѣе пятнадцати тому назадъ) говорили такъ:

— Оставьте всѣ эти разнообразные проекты разрѣшенія Восточнаго вопроса! Оставьте! Это все хаосъ. Надо разрѣшить дѣло просто: Адріанопольская *губернія*. Филиппопольская *губернія*... Понимаешь: присоединеніе къ Россіи...

Простой сердцемъ, прямой, съ виду угрюмый и осторожный, но пылкій въ сочувствіяхъ своихъ, религіозный вмѣстѣ съ тѣмъ не для *политики* одной, не съ виду и для вліянія на простой народъ, какъ многіе славянскіе и греческіе старшины, Чобанъ-оглу былъ однимъ изъ самыхъ надежныхъ и полезныхъ помощниковъ русской политики въ тѣхъ странахъ. Недостатокъ въ этомъ отношеніи у него былъ только одинъ: онъ былъ plus royaliste que le roi. Ни одинъ изъ дипломатовъ нашихъ, ни одинъ изъ консуловъ, дѣйствовавшихъ во Ѳракіи, никогда не считали для Россіи выгоднымъ присоединеніе этой страны; большинство русскихъ, служившихъ на Востокѣ, не безусловно восхищались нашею до-

машнею организаціей и нашими порядками. Одни изъ нихъ находили, что у насъ уже слишкомъ все по-европейски; другіе—что недостаточно по-западному, и многіе изъ этихъ дѣятелей нашихъ на Востокѣ (можетъ быть и ошибочно) ожидали, напротивъ, чего-то освѣжающаго и вполнѣ славянскаго отъ жителей этихъ странъ, освобожденныхъ изъ-подъ турецкой власти.

Докторъ Чобанъ-оглу смотрѣлъ на дѣло проще. «Сила Россіи, говорилъ онъ, государь и войско, которымъ я восхищался въ Петербургѣ на майскомъ парадѣ; соборъ св. Исаакія... Чего же лучше?»

Чобанъ-оглу получилъ медицинское свое воспитаніе въ Италіи, но красоты св. Петра въ Римѣ и св. Марка въ Венеціи не затмили въ глазахъ его красотъ Исаакіевскаго собора и Кремля.

— Пускай себѣ они лучше, эти католическіе храмы!—говорилъ онъ угрюмо, поправляя очки свои.—Хороши и наши, ничего! Подожди, дай Россіи въ Босфорѣ поплавать. Мы еще лучше построимъ что-нибудь. Мы св. Софію подновимъ! Увидишь!..

Конечно, намъ, русскимъ, это пристрастіе нравилось. И энтузіазмъ въ нашу пользу, если мы даже и не со всѣми его мечтами и проектами согласны, вредить не можетъ. Энтузіазмъ можно охладить, когда того требуетъ нужда. Какъ пробудить его, когда его мало, вотъ что трудно.

Такіе взгляды располагали насъ, русскихъ, къ Чобанъ-оглу. Не стану увѣрять, однако, чтобы общество его было особенно занимательно, чтобы въ домѣ его и въ его семейной жизни была какая-нибудь особенная привлекательность. Домъ его нравился мнѣ потому только, что это былъ старинный домъ въ турецкомъ вкусѣ, съ обширными сѣнями, занимавшими почти весь нижній этажъ, и большою широкою лѣстницей, снизу раскрашенною радужными зигзагами. Но этотъ домъ былъ мраченъ, и въ самомъ Адріанополѣ можно было найти много жилищъ въ томъ же самомъ восточномъ вкусѣ, но несравненно болѣе красивыхъ и пріятныхъ.

Кофе подавали у доктора какой-то невкусный, у горничной, гречанки, которая стояла съ подносомъ, пока гости пили кофе, я помню, были такія широкія, красныя, отвратительныя руки! Жена доктора была тоже гречанка, не старая еще и лицомъ недурная, но жеманная и громогласная; все съ самолюбивою улыбкой на устахъ, одѣтая по-европейски, но дурно и съ претензіями на отсталую моду. Я ее не любилъ и бывалъ въ отчаяніи, когда заставалъ ее одну дома. Со стыдомъ добавлю, мнѣ кажется—я ей нравился. Эта обидная для моего самолюбія склонность ужасной докторши еще больше стѣсняла меня съ глазу на глазъ съ нею. Она говорила мнѣ комплименты; я страдалъ и оскорблялся, что нравлюсь такой непріятной и ничего не понимающей женщинѣ. Самъ Чобанъ-оглу тоже былъ довольно скученъ. Въ медицинской наукѣ онъ былъ недалекъ, въ политическихъ взглядахъ, какъ мы видѣли, немногосложенъ. Италія, въ которой онъ учился медицинѣ, не оставила почти никакихъ слѣдовъ на вкусахъ его или, вѣрнѣе, только направила ихъ къ худшему. Чобанъ-оглу настолько сталъ европейцемъ, насколько нужно греку или болгарину, чтобы стать пошлѣе и, утративъ оригинальность, не пріобрѣсти ничего того высшаго, что можетъ дать истинная образованность.

Единственный человѣкъ, который мнѣ самъ по себѣ (а не по взглядамъ своимъ) нравился въ семьѣ и родствѣ добраго и скучнаго Чобанъ-оглу—это былъ отецъ его, самъ старый Чобанъ*). Онъ приходилъ иногда по праздникамъ къ сыну, въ темной одеждѣ изъ толстаго сукна домашней работы, въ бараньей шапкѣ; входилъ, садился на диванъ и кланялся оттуда по-турецки. Разговаривалъ о чемъ-то (о чемъ, не помню; все-таки и его рѣчи были довольно скучны); шутилъ съ младшимъ внукомъ своимъ, приговаривая съ улыбкой любви все бранныя и даже неприличныя слова: «Рогачъ ты такой! Сводникъ, негодяй», и еще хуже. Изо всѣхъ его рѣчей это еще было занимательнѣе всего. При старикѣ хоть

*) *Чобанъ* значитъ пастухъ; *Чобанъ-оглу* — сынъ пастуха, фамилія въ родѣ *Пастухова*.

и не становилось веселѣе, но по крайней мѣрѣ все дѣлалось въ домѣ доктора на мигъ характернѣе. Эта шапка баранья на диванѣ въ такомъ почетѣ! Эти грубыя ласки внуку! Сама докторша какъ будто пріобрѣтала иное, какъ бы «историческое» значеніе. Она почтительно вставала предъ старымъ пастухомъ, подавала ему чубукъ, сама нагибаясь, ставила ему подъ трубку чистое мѣдное блюдечко (чтобы не жечь ковра) и сама же приносила ему щипцами уголь изъ жаровни, чтобы онъ раскуривалъ. Въ эту минуту я ее уважалъ, и будь на ней самой не плохая какая-то зуавка и кринолинъ, а будь надѣто что-нибудь тоже старинное, я былъ бы совсѣмъ доволенъ ею, и она можетъ быть хоть на минуту и понравилась бы мнѣ...

Что еще сказать о домѣ и родствѣ доктора Чобанъ-оглу? Былъ у него сынъ старшій, отрокъ еще, лѣтъ пятнадцати-шестнадцати... Не дуренъ, но обезображенъ всегда какимъ-то медвѣжьимъ долгополымъ сюртукомъ.

У жены доктора былъ еще братъ, отвратительный собою грекъ, лѣтъ двадцати трехъ. Лицо у него было сѣрое, очень круглое, все въ мелкихъ дыркахъ (я этого терпѣть не могу). Пузырь какой-то пучеглазый, чернозубый и еще болѣе крикливый, чѣмъ сестра... Онъ учился въ Аѳинахъ и не давалъ никому слова сказать, чтобы не вмѣшаться, не закричать на весь домъ, не показать свою ученость и «воспитаніе».

Одинъ гость говоритъ, я помню: «тамъ были эти танцовщицы...»

— Да! балерины! — кричитъ сѣрый пузырь.

Я говорю однажды доктору: «Вы долго были въ Италіи?»

— Онъ былъ въ Римѣ,—перебиваетъ тотъ,—видѣлъ святѣйшаго непогрѣшимаго отца... ха! ха! ха! Непогрѣшимый.

Боже мой! при видѣ такого молодого человѣка даже единовѣрію съ нимъ своему я былъ не радъ... и готовъ былъ на зло ему и предъ папой склоняться въ прахъ...

Впрочемъ все это такъ несносно... И если я вспоминаю и говорю объ этомъ, то только для того, чтобы было виднѣе, *почему именно* оно было скучно.

Однажды мы съ Михалаки Канкеларіо зашли къ Чобанъ-

оглу въ праздникъ, послѣ обѣдни. Православная обѣдня въ Турціи служится очень рано,—тотчасъ по восхожденіи солнца, и зимой, и лѣтомъ. Это было зимой и было около 8 часовъ по-европейски (кажется, около трехъ по-турецки), когда мы сидѣли у доктора. Въ обширныхъ сѣняхъ его стариннаго дома была наверху галлерея съ колоннами и балюстрадой, и съ галлереи этой открывалось много дверей во внутреннiе покои. Внизу, въ самыхъ сѣняхъ, мощеныхъ плитками, была построена особая маленькая комнатка, въ родѣ бесѣдки, вся въ стеклахъ и съ деревяннымъ потолкомъ, очень пестрымъ и веселымъ, какъ персидскій коврикъ. Кругомъ трехъ стѣнъ шелъ турецкій диванъ, а на полу коверъ; зимой тамъ ставили мѣдную жаровню, притворивъ крѣпко стеклянную дверь въ сѣни, и тогда въ этой бесѣдкѣ становилось очень тепло, и въ стекла все было видно, что происходитъ въ сѣняхъ: кто выходилъ и входилъ.

Мы сидѣли, курили и пили кофе. Докторша въ бѣличьей шубкѣ, крытой атласомъ, играла золотою цѣпочкой своею и разсказывала намъ о томъ, какъ она испугалась, когда французскіе солдаты въ пятьдесятъ четвертомъ году, увидавъ ее съ улицы изъ окна, вздумали стучаться въ дверь, и какъ мужъ ея пошелъ потомъ жаловаться къ Боске.

— Дураки вообразили себѣ,—прервалъ ее мужъ,—что порядочная женщина на востокѣ у окна не сидитъ! Увидали ее и подумали, что они имѣютъ право сюда войти! Гдѣ жъ и сидѣть нашимъ женщинамъ, какъ не у окна? У насъ развлеченій нѣтъ.

Мы всѣ согласно начали бранить французовъ, и мало-помалу разговоръ перешелъ въ разсужденіе о католической пропагандѣ, съ которою мы въ эти годы во Ѳракіи ежедневно боролись.

Около этого времени мы начали пересиливать. На нашей сторонѣ былъ и Куру-Кафа, болгарскій простолюдинъ, самый хитрый и ловкій изъ столькихъ хитрыхъ и ловкихъ болгаръ.

Въ болгарскую школу, основанную нами въ предмѣстьѣ Киречь-Хане, стали въ то время изъ уніатской школы десят-

ками переходить болгарскія дѣти и цѣлыя семьи болгарскія, увлеченныя на мигъ тѣми вещественными выгодами, которыя обѣщала имъ пропаганда, приходили безпрепятственно просить прощенія у греческаго митрополита и возвращались толпами подъ духовную власть православной церкви. Мы говорили объ этомъ и радовались.

Михалаки Канкеларіо сказалъ:

— Говорятъ, что польскіе попы ввели незамѣтно для народа filioque при чтеніи Символа вѣры въ уніатской церкви?

Госпожа Чобанъ-оглу прибавила:

— А я слышала, что они распятіе сдѣлали въ церкви католическое, выпуклое...

— Погодите!—сказалъ докторъ съ таинственной улыбкой,—все это разсыплется въ прахъ. Это все пустяки. Папа ничего не можетъ сдѣлать; нужно только, чтобы между православными было согласіе. Я и сегодня жду кой-кого... Подождите, еще есть кающіеся... Вотъ они, — воскликнулъ онъ, вставая и глядя черезъ стеклянную дверь въ сѣни.

Кто-то осторожно стучалъ кольцомъ съ улицы въ большую дверь.

Служанка отворила.

И я всталъ посмотрѣть и увидалъ двухъ очень молодыхъ людей въ европейскомъ платьѣ и фескахъ.

Одинъ изъ нихъ былъ повыше и покрасивѣе, другой пониже и очень дуренъ собой.

Они довольно робко стали у дверей и осматривались...

Докторъ отворилъ дверь изъ бесѣдки и позвалъ ихъ. Имена ихъ были болгарскія. Одного (красиваго) звали Стоянъ Найденовъ, а другого, дурного собой—Іованъ-оглу.

Они оба были около года уніатами и служили чѣмъ-то при уніатской церкви въ Киречь-Ханѣ.

Теперь они рѣшили отказаться отъ уніи и пришли къ доктору, чтобъ онъ помогъ имъ какъ-нибудь, чтобъ онъ научилъ ихъ *чѣмъ имъ жить* въ новомъ ихъ положеніи, когда ужъ ни польскіе священники, ни французскій консулъ помогать имъ не будутъ.

Стоянъ былъ не только выше и красивѣе, онъ былъ

одѣтъ получше: у него сюртукъ былъ не старъ и феска красная и свѣжая, а на шеѣ былъ ярко-малиновый шарфъ, заколотый стразовою булавкой, которую онъ безпрестанно поправлялъ, чуть-чуть краснѣя...

На Іованъ-оглу короткая жакетка оливковаго цвѣта едва держалась. Бѣлья на немъ не было вовсе видно; а лицо его, широкое, грубое, но доброе, было очень желто и старообразно. Онъ сначала ничего почти не говорилъ, предоставляя всѣ объясненія Стоянну Найденову.

Присутствіе грека Михалаки въ первую минуту какъ будто стѣснило молодыхъ людей, но докторъ сказалъ имъ *по-гречески*:

— Что вы боитесь? Господинъ Михалаки Канкеларіо другъ нашъ и человѣкъ православный. Что вы такое дѣлаете, чтобы вамъ бояться? Не противъ турецкаго правительства вы идете: вы только оставляете ваши религіозныя заблужденія.

— Это такъ, господинъ докторъ, конечно, мы только возвратились на правый путь отеческой вѣры...

— Что же вы думаете теперь дѣлать?—спросилъ я.

— Что случится,—продолжалъ Стоянъ.—Намъ стала ненавистна іезуитская ложь. И что добрые люди для насъ сдѣлаютъ, то пусть и будетъ.

Желтый Іованъ-оглу все молчалъ; выраженіе лица его оставалось непріятнымъ, черные огневые глаза его только изрѣдка вовсе недружелюбно взглядывали то на Канкеларіо, то на меня.

Я сказалъ, что можно на первый разъ найти имъ занятіе въ православной школѣ Кирчь-Ханѐ.

Молодые люди молчали.

Михалаки послѣ этого простился и ушелъ.

Мы думали, что безъ него эти юноши станутъ смѣлѣе разговаривать, но они и безъ него были все такъ же сдержанны какъ и при немъ.

Желая слышать что-нибудь отъ Іована-оглу, докторъ обращался нѣсколько разъ къ нему съ разспросами о родныхъ его, о томъ селѣ, въ которомъ онъ родился, объ

училищѣ, гдѣ обучался грамотѣ, о томъ, кто убѣдилъ ихъ пойти въ унію.

На вопросы о селѣ и родныхъ Іованъ-оглу отвѣчалъ кратко и просто; когда же докторъ спросилъ у него о первомъ его совращеніи въ уніатство, онъ отвѣтилъ такъ:

— Зачѣмъ мнѣ слушать людей? Я самъ не глупый. Я самъ могу понять пользу народа нашего... Надъ нами два ига—турецкое и греческое... Надо прежде свергнуть то, которое слабѣе. Надо намъ отдѣлиться отъ греческаго *Патрика*! Если бы всѣ такъ дѣлали, какъ мы, то болгарскій народъ былъ бы всегда свободенъ.

Религіозному доктору эти рѣчи не могли нравиться.

— Какой-такой греческій патріархъ? Я никакого не знаю. Есть патріархъ вселенскій, константинопольскій, и вѣра у насъ одна, что въ Петербургѣ, что въ Тырновѣ, что въ Аѳинахъ... Ея портить нельзя... И грековъ надо вамъ оставить въ покоѣ.... Надо потерпѣть! Падетъ Турція, и все тогда сдѣлается само собою. Найдутся люди сильнѣе и справедливѣе насъ, которые все это подѣлятъ какъ надо...

Молодые люди ничего не возразили на это.

Я тогда спросилъ Іованъ-оглу:

— Если вы находили католическую пропаганду полезною для вашей родины, для чего же вы оставили уніатство?

Іованъ-оглу, немного смутясь, отвѣчалъ:

— Обстоятельства измѣнились.

— Какія обстоятельства?—спросилъ я.—Если вы желаете, чтобы вамъ дали должность, вы должны быть откровенны и внушить довѣріе.

Іованъ-оглу молчалъ.

Стоянъ посмотрѣвъ на него, сказалъ ему:

— Отчего ты не говоришь? Говори.

— Что я буду говорить,—возразилъ угрюмый Іованъ-оглу, пожимая плечами.

Стоянъ поправилъ свой малиновый галстукъ и уклончивымъ тономъ отвѣчалъ за него:

— Если бы весь народъ сталъ уніатомъ, то болгары сразу бы отдѣлились отъ вселенской церкви, и Болгарія могла бы

стать особымъ царствомъ, даже не возставая противъ турокъ. Вотъ такъ, какъ теперь будетъ Венгрія въ Австріи. Султанъ назывался бы царемъ болгарскимъ, Болгарія имѣла бы свою конституцію, свое войско и свою автономію.

Докторъ вспыхнулъ въ лицѣ и воскликнулъ съ жаромъ:

— Мечтанія! Дѣтскія мечтанія... Какая глупость! Я эту глупость слыхалъ. Турки всѣхъ васъ въ куски изрубятъ прежде, чѣмъ вамъ дать автономію... Какая глупость!..

Стоянъ поспѣшилъ продолжать свои объясненія.

— Позвольте, господинъ докторъ, такъ и мы думаемъ. Я излагалъ взгляды тѣхъ, кто старался обратить насъ въ уніатство. Но мы поняли, что это все ложь и невозможно. Уніатство, вмѣсто того, чтобъ отдѣлить насъ отъ грековъ, въ самомъ народѣ производитъ раздѣленіе и раздоръ.

— Вотъ это умно! Вотъ это прекрасно!—замѣтилъ докторъ.—И вы прекрасно сдѣлали, что поспѣшили оставить это заблужденіе. Мы всѣ постараемся что-нибудь для васъ сдѣлать...

Я тоже обѣщалъ рекомендовать ихъ консулу и, желая еще больше привлечь этихъ юношей, пригласилъ ихъ къ себѣ обѣдать на слѣдующій день.

Они благодарили насъ и ушли.

Докторъ былъ недоволенъ моимъ радушіемъ и находилъ, что я увлекся на этотъ разъ слишкомъ добрымъ чувствомъ. Онъ говорилъ объ этихъ молодыхъ соотечественникахъ своихъ такъ:

— Понамари! *Кандильнафты**) и больше ничего!.. Зачѣмъ ихъ приглашать обѣдать? Это слишкомъ много чести для нихъ. Развращенные мальчишки! Имъ вѣрно показалось что-нибудь невыгодно у католиковъ; они ожидали для *себя*, а не для народа отъ пропаганды золотыя горы; и имъ надоѣло зажигать свѣчи въ уніатской церкви. Я не приглашу ихъ обѣдать.

Я впрочемъ былъ несогласенъ съ докторомъ и находилъ,

---

*) Люди, которые зажигаютъ свѣчи и лампады.

что намъ необходимо видѣть и привлекать къ себѣ разныхъ людей... Ему, рожденному во Ѳракіи, по привычкѣ уже многое кажется яснымъ и все ему знакомо; а я хочу самъ видѣть какъ можно больше и понять окружающую меня жизнь со всѣхъ сторонъ яснѣе. Мнѣ нужно видѣть разныхъ людей и слышать разныя рѣчи.

На другой день Стоянъ пришелъ ко мнѣ одинъ; Іованъ-оглу не явился. Стоянъ сказалъ мнѣ, что товарищъ его нездоровъ. Черезъ недѣлю я узналъ, что Іованъ-оглу возвратился къ уніатамъ и что ему французскій консулъ выдалъ особое пособіе. Я до сихъ поръ не понимаю, что былъ такое этотъ молодой человѣкъ; фанатикъ ли своего народнаго дѣла, который не могъ выносить даже и доброжелательныхъ возраженій своего соотечественника-доктора, или жадный мальчишка, который хотѣлъ только пострацать католиковъ, чтобъ они дали ему денегъ. Я его послѣ этого никогда болѣе не встрѣчалъ и слышалъ, что онъ погибъ во время послѣднихъ безпорядковъ. Онъ былъ учителемъ въ какомъ-то небольшомъ городѣ, и турки, какъ слышно, утопили его въ рѣкѣ съ камнемъ на шеѣ.

Стоянъ обѣдалъ у меня одинъ. Онъ держалъ себя очень порядочно и скромно; говорилъ хорошо. Онъ сказалъ мнѣ, что *filioque* не прибавили еще въ Символъ вѣры, что онъ самъ читалъ его, и что всю литургію польскіе священники служатъ очень правильно и хорошо по православному обряду. Но распятіе выпуклое есть, это правда.

— Но они, то-есть священники польскіе, — передавалъ онъ, — сказали намъ, что такія выпуклыя изображенія употребляются и въ Россіи.

Подъ конецъ обѣда онъ, дождавшись, чтобы вышелъ слуга (слуга былъ грекъ), обратился ко мнѣ съ одной просьбой:

— Со мной, — сказалъ онъ, — дѣлайте какъ угодно. Рекомендуйте меня въ школу, если это возможно, я буду очень благодаренъ. Какъ вамъ угодно, такъ со мной и поступайте, я не пропаду; я знаю грамотѣ. Но я васъ убѣдительно прошу за брата моего родного. Спасите его. Онъ еще моложе

меня и служитъ въ полку Садыкъ-паши. Онъ хочетъ бѣжать оттуда теперь. Онъ мальчикъ простой души и не желаетъ больше служить въ этомъ войскѣ. Слышно, что казаковъ и драгунъ скоро пошлютъ въ Балканы для усмиренія болгаръ. Онъ не можетъ сражаться противъ своихъ, и я умоляю васъ спасти его какъ-нибудь. Онъ убѣжитъ, но надо скрыть его до тѣхъ поръ, пока не уѣдутъ изъ Адріанополя всѣ польскіе офицеры.

Я съ готовностью согласился сдѣлать, что могу, и Стоянъ сказалъ мнѣ, что братъ его придетъ ко мнѣ вечеромъ. Исторія этого юноши заинтересовала меня, и я ждалъ его съ нетерпѣніемъ.

Насталъ вечеръ. Я предупредилъ слугу моего, человѣка очень вѣрнаго, чтобъ онъ не вводилъ прямо ко мнѣ *одного болгарскаго мальчика* (который долженъ по секретному дѣлу притти ко мнѣ) въ томъ случаѣ, если у меня будутъ посторонніе люди, а только бы спряталъ его и далъ бы мнѣ тотчасъ знать какъ-нибудь.

Когда совсѣмъ стемнѣло, бѣглецъ постучался въ мою дверь, и такъ какъ гостей у меня не было, то его и привели прямо ко мнѣ.

Съ перваго взгляда я увидалъ, что лицо этого красавца мнѣ знакомо: я случайно однажды видѣлъ его верхомъ на базарѣ. Онъ ѣхалъ безъ сѣдла и стремянъ. На рукавахъ его или подъ ними было что-то красное... что — не помню... Помню, на головѣ его была феска; онъ былъ полка Садыкъ-паши. Помню также, что лошадь то взвивалась на дыбы, то шла бокомъ, горячась и играя, и народъ на базарѣ разступался, любуясь конемъ и всадникомъ. Но какой масти была лошадь, не помню и не могу сказать теперь, что былъ такое самъ Вѐлико, драгунъ или казакъ полка Чайковскаго. Не хочу и заботиться объ этихъ подробностяхъ и буду звать его казакомъ. Я успѣлъ замѣтить еще, что Вѐлико былъ очень молодъ и улыбался, отъ радости вѣроятно, что на него любуется народъ.

И я постоялъ, и я полюбовался, и хотѣлъ уже итти дальше; но одинъ прохожій грекъ фамильярно обратился

ко мнѣ и воскликнулъ, можетъ быть, съ насмѣшкой, а можетъ быть и съ радостью:

— Вотъ христіанское войско!

Я сказалъ ему въ отвѣтъ на это: да, и ушелъ. Я ушелъ, а молодецъ этотъ съ красными рукавами проѣхалъ дальше и скрылся, и я пересталъ думать о немъ. Теперь онъ былъ не въ казацкомъ мундирѣ съ откидными красными рукавами; онъ перемѣнилъ одежду, и на немъ были куртка и шальвары изъ толстаго болгарскаго домашняго сукна какого-то блѣдно-розоваго цвѣта, чуть-чуть съ фіолетовымъ оттѣнкомъ. Я не разъ видѣлъ на молодыхъ болгарахъ такое сукно, и оно очень мнѣ нравилось. Въ этой одеждѣ Вéлико былъ еще красивѣе. Онъ казался спокойнымъ и даже веселымъ и протянулъ мнѣ руку; я думалъ, что онъ хочетъ пожать мнѣ ее, и подалъ ему свою; но онъ нагнулся, поцѣловалъ мою руку почтительно и сказалъ:

— Эффенди, спасите душу мою отъ напрасной смерти. Теперь поляки и турки могутъ убить меня, если они меня поймаютъ.

Я отвѣтилъ ему, чтобъ онъ не безпокоился и что мы его ни за что не выдадимъ ни полякамъ, ни туркамъ. Пока есть русскій флагъ въ Адріанополѣ такого позора и такой жестокости случиться не можетъ.

Вéлико былъ очень радъ, и я велѣлъ его накормить внизу и устроить ему въ домѣ такое мѣсто для ночлега и житья, гдѣ бы онъ не могъ легко попадаться на глаза каждому приходящему.

И Вéлико остался жить у меня.

X.

Первые дни я все радовался на моего бѣглеца. Вéлико былъ очень ровенъ характеромъ, послушенъ; сѣрые большіе глаза его съ длинными черными рѣсницами вначалѣ сіяли радостнымъ свѣтомъ; онъ не могъ взглянуть на меня безъ пріятной и почтительной улыбки. Но скоро онъ

сталъ скучать взаперти. Братъ его, Стоянъ, былъ всего только разъ у него на минуту; онъ жилъ далеко и былъ очень занятъ въ той школѣ, куда мы его съ Богатыревымъ опредѣлили.

Должности для Вѐлико у меня въ домѣ не было никакой. Прислуживалъ мнѣ его же лѣтъ юноша, критскій грекъ Яни; вѣрный, добрый, умный, преданный какъ сынъ, я не могъ и подумать удалить его, чтобы найти занятіе для Вѐлико. Посылать его по городу съ комиссіями и за покупками было невозможно: онъ могъ бы попасться кому-нибудь.

Я придумалъ, наконецъ, посылать Яни, который уже зналъ немного грамотѣ, каждый день въ греческую школу, а Вѐлико долженъ былъ прислуживать мнѣ вмѣсто него. Онъ очень скоро привыкъ; дѣлалъ все съ большимъ усердіемъ, мелъ весь домъ и дворъ. Увидавъ, что въ домѣ есть оружіе— пара пистолетовъ у меня и охотничье ружье у повара — онъ очень обрадовался и вычистилъ ихъ тотчасъ же; выпрашивалъ и у консульскихъ кавасовъ, турокъ, ихъ оружіе и его чистилъ. Но самая лучшая его отрада была моя лошадка, вороная, съ прекрасной иноходью, съ такою иноходью, про которую мѣстные люди говорили: «Вотъ *рахванъ* (иноходь)! Это такой рахва́нъ, что можно ѣхать и въ одной рукѣ держать чубукъ, а въ другой кофе: и кофе не разольется, и огонь не просыплется».

Эту лошадку Вѐлико чистилъ, холилъ, водилъ по двору, кормилъ изъ своихъ рукъ и сокрушался несказанно, что не можетъ на ней прокатиться.

Какъ онъ мнѣ завидовалъ, когда я, вскочивъ на нее за отворенными воротами, пускалъ прямо почти отъ двора вскачь. Я слышалъ самъ, какъ онъ восклицалъ громко мнѣ вслѣдъ по-турецки: «Э! Аманъ! Аманъ! Что мнѣ дѣлать..»

Мнѣ было иногда ужасно трудно удержать его дома...

Темнымъ вечеромъ его легче было бы съ осторожностью выпускать; но вечеромъ-то именно ему никуда и не хотѣлось. Милый Кандіотъ Яни, съ которымъ онъ подружился, бывалъ тогда дома; приходилъ часто по вечерамъ же кон-

сульскій поваръ, тоже молодой грекъ ѳракійскій, Каріотъ Паскаль. Веселый, лукавый, ловкій плутъ и щеголь; онъ былъ постарше и поопытнѣе обоихъ; пѣвецъ и немножко донъ-жуанъ, носилъ шелковыя курточки, суконныя шальвары, богато расшитыя шнуромъ, и часы на красивой серебряной цѣпочкѣ во всю грудь. Заходилъ иногда и одинъ изъ кавасовъ, Али, добрѣйшій турокъ, глупый и простодушный, смирный, честный, блѣдный и худой какъ щепка... Всѣ мои молодые христіане очень любили этого турка, и ловкій Паскаль даже подтруниваль надъ нимъ по-пріятельски... Если мнѣ случалось самому быть дома, я только и слышалъ, что пѣсни турецкія, славянскія и греческія, *тамбуру**), смѣхъ, крикъ за картами.

На сонъ грядущій Яни разсказывалъ мнѣ потомъ всякія новости, и анекдоты, и сплетни.

Вотъ онъ-то, жалѣя Вéлико, и сказалъ мнѣ, что молодой болгаринъ нестерпимо тоскуетъ; что ему хочется на волю, хочется въ поле, на коня, или домой въ деревню...

Что мнѣ было съ нимъ дѣлать!

Михалаки Канкеларіо, съ которымъ я совѣтовался, въ деревню къ роднымъ пускать его не совѣтовалъ. Село ихъ слишкомъ было близко отъ города; безопасности нельзя было ожидать. И самъ Вéлико казался еще недостаточно благоразумнымъ.

Я призвалъ его и сказалъ ему: — Ты все скучаешь? Въ полку было веселѣе?

Вéлико застыдился какъ дѣвушка. Онъ припалъ однимъ плечомъ къ стѣнѣ, отвернулся, краснѣя, къ ней лицомъ и сначала молча чертилъ что-то пальцемъ по этой стѣнѣ, а потомъ, когда я повторилъ мой вопросъ, началъ такъ горько плакать, что я не зналъ, какъ его утѣшить...

Кое-какъ уговорилъ я его потерпѣть еще, пока мы всѣ покровители его — консулъ нашъ, я самъ и нашъ изобрѣтательный Михалаки Канкеларіо — что-нибудь для него придумаемъ. Сходилъ я потомъ нарочно въ городъ, купилъ ему

---

*) *Балалайку.*

шерстяной, самой яркой желтой съ малиновыми цвѣтами матеріи на новую куртку, отдалъ ему и велѣлъ тотчасъ же сшить. Онъ бросился цѣловать мою руку и какъ будто на время забылъ свою тоску.

Но потомъ явились все новыя и новыя затрудненія. Меня посѣщали разные люди; всякаго рода христіане, греки, болгаре, армяне; бывали иногда евреи и турки; изрѣдка и консулы дѣлали мнѣ визиты. Нельзя сказать, чтобы посѣтители эти бывали у меня часто; напротивъ того, они бывали очень рѣдко. Я тогда не управлялъ консульствомъ; не было нужды никому у меня часто бывать; но *всѣ* однако изрѣдка бывали. Всякій *могъ* притти. Съ тѣхъ же поръ, какъ Яни сталъ ходить въ школу, кому было кромѣ Вѐлико отворять ворота, когда раздавался стукъ желѣзнаго кольца?

Такъ и случилось раза три. Вѐлико вынужденъ былъ отворять. Я не былъ покоенъ и за него, и за «принципъ» консульскихъ «приличій».

Перестать посылать Яни въ школу? Нельзя. Зачѣмъ же приносить въ жертву его выгоду безопасности другого?

Вѐлико я берегъ и жалѣлъ; онъ былъ такъ кротокъ, такъ беззащитенъ, представлялъ такое поразительное юношеское сочетаніе душевнаго младенчества и тѣлеснаго мужества.

Вѐлико я берегъ и жалѣлъ; Яни я любилъ, я былъ почти обязанъ ему: онъ былъ такъ вѣренъ и такъ преданъ мнѣ. Я рѣшился войти поэтому въ новые расходы и нанять особаго человѣка нарочно, чтобы только было кому раза три, четыре въ недѣлю отпирать калитку и показываться въ ней.

Мнѣ нашли для этого болгарина, старичка, низенькаго, боязливаго и очень бѣднаго, обремененнаго большою семьей. Звали его Христо.

Кажется можно было успокоиться! Вѐлико сталъ привыкать къ красивой темницѣ своей и сталъ меньше скучать; такъ докладывали мнѣ и Яни, и старикъ Христо. Самъ онъ на мои вопросы отвѣчалъ все стыдясь и краснѣя:

— Теперь ничего. Теперь мнѣ хорошо, эффенди мой.

Такъ мы примѣнились наконецъ понемногу къ обсто-

ятельствамъ, и за Вѣлико я сталъ покойнѣе; но зато около этого же времени самъ я началъ тосковать нестерпимо. Все то, что было для меня около года тому назадъ и даже еще не такъ давно источникомъ блаженства, стало теперь орудіемъ пытки. Мечтательное одиночество мое, живописный пестрый видъ изъ окна, безмолвные переулки и таинственные дома съ рѣшетками на окнахъ, крикъ муэззиновъ на круглыхъ балконахъ минаретовъ, разноцвѣтныя одежды жителей, громкіе стоны голубя моего (я ихъ около этого времени сталъ впервые замѣчать), хозяйственный привѣтливый дымокъ изъ трубъ, огненные вензеля изъ висячихъ плошекъ Байрама на страшномъ мракѣ зимней ночи, — все это начинало раздражать и томить меня до истинной муки. Посреди всего того, что мнѣ такъ нравилось, я скитался какъ сказочный принцъ, запертый навѣки въ волшебномъ саду, безъ отвѣта и любви!

Созерцать и вѣчно созерцать, ожидать и томиться чѣмъ-то и о комъ-то безъ конца, это невозможно! Это нестерпимая пытка!..

Однажды я не могъ заснуть всю ночь и почти до разсвѣта провелъ на галлереѣ, то сидя у открытаго окна, то лежа на диванѣ. Ночь была темна, и я различалъ только небо и городъ; небо было немного свѣтлѣе; городъ чернѣе неба. О, что за мучительная была эта ночь!

Какъ пѣли пѣтухи въ эту ужасную, въ эту темную ночь! какъ они пѣли! какъ они мучительно пѣли! Я думалъ о множествѣ женскихъ молодыхъ сердецъ, которыя, казалось мнѣ, бьются счастьемъ и тоской подъ столькими кровлями этого чужого города, чернѣвшаго такъ широко у ногъ моихъ. Я думалъ о «жарѣ моей души, истраченномъ въ пустынѣ». Я былъ бы счастливъ здѣсь одною дружбой въ этой живописной пустынѣ сердца, я былъ бы счастливъ даже кокетствомъ однимъ. Мнѣ нужно сердце, нужно чувство, а не плоть.

Я заснулъ на разсвѣтѣ и когда проснулся, солнце опять освѣщало весь городъ и узорный дворикъ мой, и дикій съ бѣлыми розами потолокъ моей гостиной. На персиковомъ

деревѣ въ углу подъ окномъ около глухой и высокой стѣны опять кричалъ, ворковалъ и стоналъ мой мучитель — египетскій свѣтлый голубокъ, напрасно призывая меня къ жизни сердца, къ сладкимъ и восторженнымъ мукамъ взаимной любви.

Когда я вспоминаю эти дни безплоднаго и нестерпимаго томленія, я радъ иногда, что я уже не молодъ и что теперь мои мученія совсѣмъ иного рода. Они гораздо слабѣе уже потому, что я давно привыкъ страдать и потому, что скорбь считаю теперь настоящимъ назначеніемъ человѣка на землѣ. Тогда я считалъ ее обидой и неправдой. Я вѣрилъ тогда въ *какія-то мои права* на блаженство земное и на *высокія идеальныя радости* жизни!

Мнѣ было тяжело еще и оттого, что даже и подѣлиться чувствами моими было не съ кѣмъ.

Богатыревъ тоже скучалъ. Дѣла по службѣ его шли прекрасно. Основанная на русскія деньги болгарская школа начинала процвѣтать; греческій митрополитъ сносился, подъ вліяніемъ Богатырева, съ эллинскимъ консуломъ и съ мѣстными старшинами изъ болгаръ и грековъ для общей борьбы противъ католичества. Уніаты-болгаре цѣлыми сотнями возвращались въ лоно церкви и приходили просить прощенія и разрѣшенія у греческаго владыки. Вліяніе англійскаго консула Виллартона въ самомъ конакѣ паши падало такъ низко, что Виллартонъ приходилъ почти въ отчаяніе и безпрестанно бѣгалъ къ Богатыреву, стараясь его всячески задобрить. Но Богатыревъ былъ равнодушенъ ко всему и, управляя чужими интересами и слабостями привычною и ловкою рукою, почти шутя, былъ въ сердцѣ занятъ совсѣмъ инымъ. Онъ возвратился въ Адріанополь женихомъ и жилъ, скучая, отъ почты до почты. Невѣста его была очень молода, красива, благовоспитана и богата. Она была влюблена въ него и съ позволенія матери писала ему длинныя письма, читая которыя, онъ блаженствовалъ. Свадьба по какимъ-то расчетамъ родителей была отложена на полгода. Вотъ почему Богатыревъ былъ не веселъ и жилъ только надеждой, какъ я сказалъ, отъ почты до почты.

Съ кѣмъ же говорить, съ кѣмъ подѣлиться моею сладкою и ядовитою скорбью?

Разъ мы стояли на моей галлереѣ съ Михалаки Канкеларіо и смотрѣли на знакомый прелестный видъ. Михалаки Канкеларіо былъ человѣкъ очень злой и очень умный, очень вѣрный *намъ* (русскимъ) и очень *мнѣ* (Ладневу) противный... Въ семьѣ своей почти злодѣй; въ политическомъ дѣлѣ никѣмъ незамѣнимый другъ и помощникъ. Около года я видѣлся съ нимъ почти каждый день и цѣлый годъ подъ рядъ я то ненавидѣлъ его всѣмъ сердцемъ, то восхищался имъ.

Мы стояли и смотрѣли оба молча. Михалаки Канкеларіо сказалъ наконецъ:

— Какъ это красиво, не правда ли?

А я отвѣчалъ ему вздыхая:

— Да! только красиво!

— Что такое? — спросилъ онъ, стараясь угадать мою мысль, — что такое? Вѣрно для васъ вся эта прекрасная картина отравлена мыслью, *что это Турція?* что христіанство подъ игомъ?

Я поколебался. Положеніе мое въ городѣ, какъ русскаго, заставляло меня быть осторожнымъ; я опасался оскорбить политическое чувство этого человѣка столь нужнаго намъ, столь незамѣнимаго даже. Поколебавшись немного я однако рѣшился немного раздосадовать его и сказалъ откровенно:

— О, нѣтъ! Я не думалъ теперь ни о Турціи, ни о рабствѣ; я думалъ вовсе о другомъ... По вашему, быть можетъ, — пустомъ и легкомысленномъ. Видъ восхитительный конечно; но фантазія людей, особенно фантазія христіанъ здѣсь такъ безжизненна и жизнь сердца невыразимо скучна.

Михалаки обернулся ко мнѣ вдругъ лицомъ и поглядѣлъ на меня молча и внимательно. Хитрые, злые глаза его стали веселѣе; онъ долго улыбался. Онъ не оскорбился, онъ былъ чему-то радъ.

— Романы? Вы любите романы. Э! что дѣлать! Мы, правда, дочерямъ своимъ и женамъ романовъ не даемъ читать... Мы рвемъ такія книги, когда находимъ ихъ. Но...

Онъ еще разъ пріостановился, все улыбаясь и все сіяя какою-то адскою веселостью, все глядя на меня, какъ бы желая проникнуть взглядомъ своимъ до глубины моего сердца, и наконецъ сказалъ по-французски, значительно качая головой:

— Cependant... il nous arrive, il nous arrive quelque chose... И здѣсь *бываютъ дѣла*. Надо только знать, *гдѣ что* найти,— (прибавилъ онъ таинственно).

И опять коварный человѣкъ умолкъ на мгновеніе, все не сводя съ меня глазъ... Онъ будто собирался съ силами, готовясь открыть мнѣ тайну величайшей важности. (Онъ умеръ теперь, этотъ Михалаки Канкеларіо, но въ моей душѣ живутъ и до сихъ поръ эти сверкающіе лучи его пронзительныхъ глазъ! Что это были за глаза, ядовитые, упорные!)

Я подозрѣвалъ однако, что онъ при всемъ своемъ умѣ, по грубости сердца и по пищенству фантазіи вовсе не понялъ меня и говоритъ не о томъ, о чемъ я думалъ, не о любви «мучительной и сладкой», а о какомъ-нибудь тайномъ, грубомъ и купечески расчетливомъ развратѣ. Я не могъ сказать ему прямо то, что думалъ: «Вы ошибаетесь. Я не о томъ говорю, что вы, напримѣръ, женатый и пожилой и вовсе некрасивый человѣкъ, соблюдая для вида нѣкоторые посты и посѣщая нерѣдко храмъ Божій, почти каждые два-три года выдаете замужъ съ приданымъ молодыхъ беременныхъ служанокъ... И всѣмъ извѣстно, что вы чахоточную смирную жену вашу, которая едва ходитъ по комнатѣ, драли за косы еще недавно...» Связанный расчетами службы, я не могъ ему этого сказать. Я отвѣчалъ короче:

— Вы ошибаетесь. Вы, конечно, говорите о какомъ-нибудь тайномъ растлѣніи, я же говорю о романтической любви, которая искренностью своей можетъ облагородить многіе проступки...

Михалаки Канкеларіо разсмѣялся и сказалъ гораздо добродушнѣе и даже со вздохомъ:

— Нѣтъ. Я понялъ васъ... И повторяю... Бываетъ и это... Бываетъ и любовь... Бываетъ, увѣряю васъ.

И, еще разъ многозначительно улыбнувшись, ненавист-

ный переводчикъ ушелъ, а я остался у окна одинъ, все скучая, все тоскуя!

XI.

Прошло еще недѣли двѣ. Я почти утратилъ всѣ простыя и пріятныя ощущенія жизни. Сонъ былъ тревожный; голодъ слабѣе; птички для меня уже не пѣли; вѣтерокъ прохладный не освѣжалъ меня. А если случайно и видѣлъ или слышалъ что-нибудь хорошее, если невольное впечатлѣніе пробуждалось во мнѣ на мигъ и неожиданно, — то становилось еще больнѣе. Зачѣмъ я не чувствую такъ сильно, какъ слѣдовало бы чувствовать? Зачѣмъ я не радуюсь тому, что должно бы меня радовать...

Я дошелъ наконецъ до того шагъ за шагомъ, что задумалъ одно очень худое и постыдное дѣло; я обратилъ вниманіе на одну молодую дѣвушку болгарку пятнадцати лѣтъ... Я хотѣлъ... *не то, чтобъ обольстить... не то, чтобъ обмануть* ее какъ-нибудь... О! нѣтъ. Избави Боже! На это я былъ вовсе не способенъ; нѣтъ! до этого никакія муки и страданія не могли бы меня довести. Я никогда не понималъ, чтобы скука или какое бы то ни было страданіе могли бы довести человѣка до низкой жестокости и до гадкаго преступленія; мои намѣренія хотя были и безнравственны, но не до такой презрѣнной степени. Она мнѣ понравилась, и я деньгами, подарками и ласками *хотѣлъ привязать* ее къ себѣ, обезпечить ее и жить съ ней въ любовной связи, какъ живутъ многіе и долго, стараясь ее не *обидѣть*. Я кажется сказалъ уже, что, къ сожалѣнію, воспитаніе мое не было *дѣйствительно христіанскимъ*. Какъ я избавился отъ этого грѣха и проступка, — я скажу послѣ... Въ такія минуты трудъ самый нелюбимый и общество людей самыхъ непріятныхъ, — лучшее средство забыть на время убійственное уныніе сердечной пустоты...

На мое счастіе явились новыя дѣла. Консулъ поручилъ мнѣ собрать свѣдѣнія о цѣнахъ съѣстныхъ и тому подобныхъ *припасовъ на адріанопольскомъ рынкѣ для отсылки* этихъ свѣдѣній въ департаментъ торговли и мануфактуръ. Я прямо изъ канцеляріи пошелъ въ контору нашего Канке-

ларіо, чтобы сообщить ему о желаніи консула. Контора Михалаки вмѣстѣ съ конторами другихъ негоціантовъ (католиковъ мѣстныхъ и грековъ) помѣщалась въ большомъ каменномъ зданіи, которое звали «ханомъ». Вѣроятно въ старину здѣсь былъ богатый караванъ-сарай. Всѣ двери и окна конторъ въ этомъ большомъ, темномъ и довольно величавомъ зданіи были обращены на просторный, мощеный дворъ. Контора Канкеларіо была въ верхнемъ этажѣ, кругомъ котораго шла галлерея. Я вошелъ на дворъ. Изъ-подъ темныхъ воротъ взглянулъ случайно наверхъ въ ту сторону... Взглянулъ и вздрогнулъ... На галлереѣ, у дверей Михалаки, разговаривая съ нимъ, стоялъ Антоніади. Я до того обрадовался, до того смутился, до того испугался вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ вѣроятно *одинъ* и пріѣхалъ сюда на самое короткое время по какому-нибудь коммерческому дѣлу, что у меня какъ-то слабѣе стали ноги.

Я долженъ былъ сдѣлать надъ собой большое усиліе, чтобы никто ничего не могъ замѣтить и, слава Богу, очень скоро справился съ этимъ неумѣстнымъ и досаднымъ волненіемъ.

Къ счастію я, по мѣрѣ того, какъ всходилъ на лѣстницу, настолько овладѣлъ собою и одумался, что безъ труда воздержался и отъ другой крайности — отъ неестественной и ненужной, въ подобномъ случаѣ, сухости... Мы встрѣтились просто и хорошо, какъ добрые знакомые, и вернулись вмѣстѣ въ контору Михалаки. Антоніади возвратился, понятно, только для меня; съ Канкеларіо его дѣло было кончено.

Бесѣдовали мы съ г. Антоніади недолго. Я все ждалъ, что онъ, какъ англоманъ и человѣкъ все-таки довольно пошлый, скажетъ: «время — деньги». И самъ удивился, что угадалъ такую мелкую подробность. *Онъ сказалъ это...* Да! Онъ всталъ и съ улыбкой сказалъ, покачиваясь слегка съ носковъ на каблуки и съ каблуковъ опять впередъ (у него была такая привычка): «Однако время — деньги... Мнѣ пора разстаться съ вами!» И мы простились. Но и эти десять минутъ меня переродили!

Вскорѣ послѣ него и я ушелъ, счастливый и бодрый. Я узналъ, что *она* пріѣдетъ черезъ двѣ недѣли и надолго, быть можетъ, навсегда... Антоніади переселялся во Ѳракію для торговли шелковыми коконами и пшеницей.

Онъ уже наводилъ справки о цѣнахъ квартиръ и отопленія.

Чего мнѣ было большаго желать? Черезъ двѣ недѣли она въ самомъ дѣлѣ пріѣхала.

Антоніади еще до пріѣзда ея сдѣлалъ визиты, и Богатыреву, и мнѣ. Богатыревъ не спѣшилъ; но я тотчасъ заплатилъ ему визитъ, и на этотъ разъ мы побесѣдовали побольше и порадушнѣе.

Все шло хорошо. И когда мы узнали, что Маша уже здѣсь, то я упросилъ Богатырева поѣхать къ ней вмѣстѣ. Скрывать отъ Богатырева, что я знакомъ съ Машей, было бы неумѣстно, и я не только не скрылъ этого, но даже разсказалъ ему всю исторію константинопольскихъ визитовъ и изобразилъ ему всѣ оттѣнки въ отношеніяхъ къ ней нашихъ посольскихъ дамъ и кавалеровъ. Уронить ее это не могло въ его глазахъ. Напротивъ. Хотя они ее бранили *тамъ*, хотя на нее нападали, но все-таки имѣли съ ней *общественныя* сношенія: *признавали* ее. Изъ адріанопольскихъ дамъ ни *одну* бы *тамъ* въ этомъ смыслѣ не признали.

Итакъ, мы сѣли на коней и поѣхали. Рыжая лошадь Богатырева была виднѣе, крупнѣе и дороже моей, но у нея не было тѣхъ живыхъ и въ высшей степени пріятныхъ аллюровъ, которыми одаренъ былъ мой милый вороной шоходецъ, восхищавшій всѣхъ и галопомъ, и «рахваномъ» своимъ! Къ тому же молодой консулъ гораздо хуже моего ѣздилъ верхомъ; онъ только въ Адріанополѣ сталъ учиться и былъ еще робокъ на сѣдлѣ; а я чувствовалъ себя на немъ совершенно свободнымъ.

Мы эффектно подскакали ко крыльцу того греческаго дома, гдѣ у родственниковъ своихъ остановились супруги Антоніади временно, пока найдутъ себѣ хорошую квартиру.

Ни хозяина этого жилища, ни Антоніади не было дома.

Они были заняты съ утра по торговлѣ. Насъ встрѣтила хозяйка, старая гречанка; худая, немного горбатая, очень опрятная съ виду и очень ядовитая женщина, про которую самъ мужъ, плохо, но очень смѣло говорившій по-французски, отзывался съ ужасомъ: «Ah! ma femme! ma femme! c'est un mauvais sujet... Elle est très méchante, très mauvais sujet».

Богатыревъ, сухо поздоровавшись съ нею, поспѣшилъ заявить съ самымъ серьезнымъ и офиціальнымъ видомъ, что мы желаемъ видѣть мадамъ Антоніади и пріѣхали именно для нея. Богатыревъ по-гречески зналъ очень мало, и я служилъ ему переводчикомъ.

— Знаю, очень хорошо знаю это!—не безъ значительности сказала старуха.—Госпожа Антоніади сейчасъ придетъ.

Маша, въ самомъ дѣлѣ, не заставила себя долго ждать; она пришла, и я представилъ ей Богатырева. Мнѣ очень хотѣлось, чтобы Богатыревъ потомъ похвалилъ ее, или, по крайней мѣрѣ, чтобъ онъ хотя бы *молча*, не сообщая мнѣ ничего, въ сердцѣ своемъ одобрилъ бы ее. Здѣсь, въ Адріанополѣ, въ этой средѣ, имѣвшей для меня лишь *объективное* значеніе, она мнѣ показалась вдругъ совсѣмъ *моею*. Какъ моею? Какъ бы то ни было, но *моею* близкою душой; душою, которой самолюбіе—мое самолюбіе, которой успѣхъ—мой успѣхъ, и неудача—моя неудача... Сестрою, другомъ, дочерью, матерью, женою, любовницей, русскою знакомой на чужбинѣ. Словомъ *моею*.

Богатыревъ былъ очень уважителенъ, любезенъ и веселъ. И онъ давно уже не говорилъ съ женщиной, имѣвшей *извѣстнаго рода* понятія и привычки; и ему, видимо, стало вдругъ легче.

Маша сумѣла очень хорошо удовлетворить насъ обоихъ; она была одинаково къ намъ обоимъ любезна, и разговоръ ея на этотъ разъ былъ очень занимателенъ.

— Съ вами,—сказала она мнѣ, крѣпко и долго пожимая мнѣ руку,—мы ужъ старые знакомые.

И потомъ, съ нѣсколько преувеличеннымъ энтузіазмомъ, поднимая глаза къ небу, прибавила:

— А! вы не знаете, до чего я люблю русскихъ и все русское!.. И какъ я рада... встрѣтить здѣсь русскихъ людей...

Богатыревъ, вставивъ въ глазъ свой монокль, отвѣчалъ на это небольшимъ поклономъ и сказалъ:

— Да, здѣсь скучно иногда... Это правда...

Потомъ они начали говорить о посольствѣ нашемъ, и Маша чрезвычайно хвалила нашихъ дамъ: «Какъ онѣ любезны, просты, какъ умны». (Она и не подозрѣвала... бѣдная, что въ исторіи *ея визитовъ* онѣ были и не любезны, и не просты, а развѣ только не глупы въ томъ отношеніи, что меня послушались и отдали ей визиты).

Богатыревъ, поддерживая разговоръ, и хвалилъ, и порицалъ, и разсказывалъ кой-что про этихъ же самыхъ дамъ.

Я слушалъ и почти не вмѣшивался въ ихъ оживленный разговоръ и изъ вѣжливости, глубоко страдая и принуждая себя, разспрашивалъ что-то по-гречески у ядовитой хозяйки. Но, наконецъ, усилія эти истощили меня, и я, сказавъ себѣ мысленно: «довольно!» и точно вырвавшись на свѣжій воздухъ, отвернулся отъ нея и спросилъ у Маши:

— Какъ же вы совершили ваше путешествіе по Ѳракіи? Вотъ это любопытно...

— А! мое путешествіе? — сказала Маша весело. — Лучше чѣмъ ожидала... Эти фуры, какъ ихъ зовутъ здѣсь... кажется *брошовъ?*.. Онѣ покойны... Мы съ моею горничной все время лежали тамъ.

Потомъ, помолчавъ немного, Маша прибавила:

— Я часто васъ вспоминала дорогой... Особенно въ одномъ греческомъ домѣ, гдѣ мнѣ пришлось ночевать.

— Почему жъ это вы меня такъ часто вспоминали? — спросилъ я съ любопытствомъ. (Я почувствовалъ въ ту же минуту, что сильно краснѣю; но, замѣтивъ, что Богатыревъ на меня не глядитъ, а она, напротивъ, *видитъ* и *понимаетъ*, до чего сильно ея слова на меня подѣйствовали, я остался доволенъ этимъ невольно-обличеннымъ волненіемъ самолюбія. Маша едва замѣтно, самымъ быстрымъ и только, мнѣ прямо заинтересованному, уловимымъ выраженіемъ лица дала какъ будто почувствовать, что она *видитъ* и

поняла. Какая-то тѣнь удовольствія, какое-то подобіе улыбки. Чуть замѣтная искра въ глазахъ. Я не знаю, что такое, не умѣю описать).

— Почему я васъ вспоминала? Развѣ вы забыли нашъ разговоръ въ Буюкъ-Дере? «La couleur locale», которую вы такъ любите.

И она разсказала прежде о грязныхъ ханахъ, которые однако занимали ее своею оригинальностью. Потомъ о ночлегѣ и вечерѣ, проведенномъ ею въ городкѣ Баба-Эски у одного богатаго грека, русскаго подданнаго, котораго мы оба съ Богатыревымъ знали хорошо и сами не разъ ночевали у него проѣздомъ.

Разсказъ ея былъ очень живъ и милъ. Она хвалила чистоту и порядокъ этого дома: «на этомъ ночлегѣ она *поняла меня лучше прежняго».*

— Это въ самомъ дѣлѣ хорошо, — сказала она.

Ей понравился этотъ большой двухъэтажный домъ, выкрашенный темно-синею краской съ бѣлыми цвѣтами и разводами вокругъ оконъ и дверей; понравились необыкновенно чистые, некрашеные полы просторныхъ комнатъ; большія мѣдныя *мангалы**); простые, широкіе, покойные диваны сплошь вокругъ комнатъ. Въ главной пріемной диванъ былъ красный, шерстяной ворсъ все петельками, сотканный дочерьми хозяина, молодыми дѣвушками, одѣтыми по-мѣстному, съ пунцовыми толстыми шерстяными фартуками; въ другой большой комнатѣ, тамъ, гдѣ ночевала madame Антоніади, диванъ также былъ домашней работы, весь изъ шестиугольниковъ разноцвѣтнаго ситца.

— Какъ хорошо они подобраны — эти кусочки, съ какимъ вкусомъ, — говорила Маша и потомъ спросила:

— Я только не могу понять, на что это у нихъ на стѣнѣ виситъ что-то плетеное изъ соломы и даже колосья пшеницы оставлены какъ бахрома съ одной стороны?

Богатыревъ не помнилъ этого украшенія, а я помнилъ его, но тоже не могъ объяснить его значенія.

---

*) Жаровни для согрѣванія комнатъ.

— Вы полѣнились спросить у самихъ хозяевъ, — сказалъ я ей. — Я васъ понимаю. И я всегда этимъ грѣшу во время путешествія. Наблюдаю только то, что само напрашивается на вниманіе. Со стыдомъ я долженъ сознаться, что я систематически и терпѣливо изучать страну могу только по долгу службы; тогда я дѣлаю это охотно; а для себя все спрашивать, записывать, всего доискиваться, какъ дѣлаютъ европейскіе туристы и нѣкоторые наши ученые — я не умѣю. Лѣнь!

Богатыревъ прибавилъ къ этому:

— А я еще хуже васъ. Я не только не спрашиваю, когда дѣло не касается службы, но просто не обращаю вниманія... и вижу гораздо меньше васъ. Вы, по крайней мѣрѣ, любите все то, что видите здѣсь, а я даже и не люблю. Вотъ хоть бы эти классическіе диваны вокругъ стѣнъ; они покойны, конечно, но въ нихъ есть большое неудобство.

— Какое? — спросила Маша.

Богатыревъ, улыбаясь лукаво, отвѣчалъ:

— Съ ними невозможны въ обществѣ никакіе tête-à-tête. Разговоръ долженъ быть непремѣнно общимъ... если нѣтъ особыхъ креселъ и разныхъ *уголковъ*. Здѣсь женщинамъ слишкомъ не довѣряютъ, чтобы допустить такіе уголки...

— Можно соединить, я думаю, и то, и другое: и диваны и эти уголки. Я на своей квартирѣ постараюсь такъ сдѣлать, — сказала madame Антоніади.

Такъ она, разнообразя бесѣду, «занимала» насъ, и въ самомъ дѣлѣ «заняла»! Богатыревъ и не замѣтилъ, какъ просидѣлъ у нея около двухъ часовъ, и собрался ѣхать, видимо, не совсѣмъ охотно.

Прощаясь съ нами, madame Антоніади сказала намъ, что надѣется обоихъ насъ видѣть у себя часто. Мы поблагодарили, обѣщали, сѣли на нашихъ лошадей и уѣхали.

Домой мы прямо не поѣхали. Въ тотъ день была прелестная зимняя погода: было прохладно, свѣтло, дулъ легкій вѣтерокъ; мелкая травка кое-гдѣ зеленѣла.

Богатыревъ предложилъ мнѣ прокатиться за городъ, и мы весело поскакали по берегу Тунджи въ ту самую сто-

рону, откуда лѣтъ сорокъ тому назадъ пришли побѣдоносныя войска Дибича.

Мы долго ѣхали рядомъ по сухой и гладкой дорогѣ. Въ воздухѣ было что-то ободряющее... хотѣлось какой-то веселой битвы, чего-то не то лихого, не то задумчиваго и музыкальнаго. Я былъ невыразимо счастливъ и молча думалъ о томъ — какимъ раемъ земнымъ *при ней* будетъ теперь Адріанополь.

Я съ особою любовью смотрѣлъ въ этотъ разъ на встрѣчающіеся намъ длинные болгарскіе обозы. Мнѣ нравились всегда эти тяжелыя арбы, медленно влекомыя могучими, тихими буйволами; усатые, худые и крѣпкіе хозяева въ синихъ чалмахъ и бараньихъ шапкахъ; ихъ дочери и жены, покрытыя чистыми бѣлыми платочками, въ темно-синихъ одеждахъ съ бѣловатыми или блѣдно-розовыми (какъ мнѣ казалось) мелкими отдѣлками на юбкахъ. Все это было такъ здорово, свѣжо, все это имѣло на себѣ печать такого эпически-мощнаго однообразія, что нельзя было не любоваться на подобную картину въ одно и то же время и родственную намъ, русскимъ, и совсѣмъ для насъ новую.

Любовался я всегда, но теперь я предвидѣлъ, *я зналъ*, что мнѣ будетъ съ кѣмъ дѣлиться мыслями и чувствами. Ни Богатыревъ, ни люди, подобные Чобанъ-оглу и Михалаки, цѣнить по-моему этихъ картинъ не умѣли. Для Богатырева и эта была такая же «скука», какъ и общество по-европейски одѣтыхъ старшинъ, необходимыхъ намъ для политики; для самихъ же этихъ старшинъ бытъ простыхъ болгаръ и грековъ (изъ среды которыхъ они сами вышли) былъ только «полезною для политическихъ цѣлей наивностью» и больше ничего. Богатыревъ проходилъ мимо всего подобнаго съ равнодушіемъ и презрѣніемъ; старшины смотрѣли на всю эту гомерическую поэзію съ глупою улыбкой цивилизованнаго снисхожденія и развѣ-развѣ съ ощущеніемъ привычной съ дѣтства теплоты.

Иначе цѣнилъ все это я тогда; я съ восторгомъ во всемъ мѣстномъ, окружающемъ меня, прозрѣвалъ залоги недозрѣвшей, неразвитой, еще греко-славянской самобытной

культуры, полной силы, величія, красоты и страшной угрозы для запада, ниспавшаго до обыкновеннаго мѣщанскаго либерализма, до культа «машинъ», до господства газетъ и адвокатовъ, до *сюртука* и *кепи*, до канкана, ненавистныхъ табльд'отовъ и шансонетки...

Я надѣялся обо всемъ этомъ говорить *теперь* съ нею и ѣхалъ долго молча въ тихомъ упоеніи.

Богатыревъ тоже очень долго не говорилъ ни слова; вѣроятно, онъ думалъ о шестнадцатилѣтней невѣстѣ своей.

Наконецъ мы повернули коней домой.

— Пора обѣдать, — воскликнулъ консулъ и, подумавъ еще немного, сказалъ мнѣ особенно густымъ басомъ и какъ-то мрачно:

— Однако ваша одесская Марья Спиридоновна не дурна... Только у нея язычокъ все «между зубами».

— Вы этого не любите? — спросилъ я.

— Что́ жъ тутъ хорошаго? — отвѣчалъ Богатыревъ. — Вы, кажется, ужъ «втрескались» въ нее сразу; вотъ вамъ все и нравится.

Несмотря на этотъ неблагопріятный отзывъ и на грубоватый тонъ, съ которымъ Богатыревъ отозвался о Машѣ Литоніади, я бы не повѣрилъ ему при другихъ обстоятельствахъ. Я принялъ бы эту выходку его за хитрость и считалъ бы его очень опаснымъ соперникомъ, если бъ у меня были тогда какія-нибудь, я не говорю непремѣнно порочныя цѣли, но и просто опредѣленныя цѣли. Богатыревъ былъ молодъ, моложе меня; красивъ, мужественъ, ростомъ очень высокъ, одѣвался изящно и со вкусомъ. Борода у него была темнорусая, густая, глаза какіе-то *купеческіе*, томные и хитрые; басъ его былъ очень пріятенъ; держалъ себя онъ гордо; имѣлъ огромное вліяніе въ странѣ, былъ твердъ и лукавъ; серьезной образованности или начитанности у него было, положимъ, очень мало, но въ моихъ собственныхъ глазахъ этотъ недостатокъ не былъ недостаткомъ; мнѣ въ Петербургѣ ужъ наскучили «вполнѣ современные» люди и мнѣ очень нравился этотъ богатый и надменный московскій «матушкинъ сынокъ», въ которомъ

такъ хорошо и «національно» сочеталась какая-то помѣщичья, сознательная и преднамѣренная грубоватость съ самыми утонченными европейскими преданіями. Читалъ онъ, до знакомства со мною, это правда, очень мало, и товарищи въ посольствѣ говорили про него со злостью (изъ зависти къ его успѣхамъ по службѣ): «онъ этой дурной привычки—читать книжки—не имѣетъ». Я уговорилъ его однако немного побольше читать, чтобъ и въ этомъ не быть вовсе ужъ хуже другихъ, и заставалъ его иногда надъ Гизо или Маколеемъ, и онъ, вставляя въ глазъ монокль, взглядывалъ на меня съ надменною улыбкой и говорилъ: «Слушаюсь васъ, слушаюсь, видите... читать началъ!»

И я замѣчалъ, что онъ все прочитанное понималъ скоро и вѣрно, лучше многихъ, постоянно читающихъ.

Богатыревъ былъ бы ужаснымъ и непобѣдимымъ соперникомъ, если бъ онъ не былъ такъ занятъ въ это время невѣстой. Онъ всѣ досуги свои отъ службы употреблялъ на переписку съ нею и съ ея матерью. По цѣлымъ часамъ разглядывалъ ея портретъ и перечитывалъ по нѣскольку разъ ея французскія письма. «Écoutez donc!» такъ начинала она одно изъ своихъ послѣднихъ писемъ. И Богатыревъ восхищался, смѣялся и повторялъ при мнѣ: «Какъ она пишетъ: Écoutez donc! Какая она милая и смѣшная!»

Я, конечно, думалъ про-себя, что тутъ нѣтъ ничего особеннаго и что «язычокъ на зубахъ» гораздо обворожительнѣе, чѣмъ это вступленіе: «Écoutez donc!» но молчалъ и очень радовался, что Богатыревъ такъ увлекается другою.

Если бъ онъ занялся Машей и сумѣлъ бы усыпить какъ-нибудь своею чрезвычайною ловкостью бдительность мужа, то, кто знаетъ, что́ могло бы случиться!

Но при томъ настроеніи, въ которомъ тогда былъ мой молодой начальникъ, онъ былъ мнѣ очень полезенъ. Онъ могъ ходить *туда* вмѣстѣ со мной и занимать разговоромъ мужа.

Соображая все это, я и сказалъ ему тутъ же:

— Однако, согласитесь, что домъ Антоніади будетъ большимъ для насъ здѣсь ресурсомъ?..

Богатыревъ въ отвѣтъ на это улыбнулся и замѣтилъ:

— Ну смотрите, батюшка...

— Что́ жъ смотрите. Развѣ нельзя къ нимъ ходить? Она сама зоветъ насъ.

— Ходить можно, только осторожно! Я на самого Антоніади сильно разсчитываю pour les affaires du pays... Надо мирить теперь грековъ съ болгарами, чтобы западные товарищи наши не удили рыбу въ мутной водѣ. Антоніади человѣкъ видимо умѣренный и въ мѣстныя интриги и страсти еще не запутанный. Понимаете? *Ходить* не только можно, даже должно. Виллартонъ (такъ звали англійскаго консула) уже началъ ухаживать за нимъ... Нашъ Михалаки все это провѣдалъ и донесъ мнѣ сегодня... Виллартонъ началъ что-то опять бѣгать по купеческимъ конторамъ, у самого Антоніади былъ два раза и угощалъ его ужъ обѣдомъ... Soyons vigilants, mon cher! А если вы увлечетесь слишкомъ Марьей Спиридоновною, вы вооружите его противъ себя и лишитесь, на случай моего скораго отъѣзда, хорошаго и вліятельнаго союзника... Распря между греками и болгарами здѣсь, слава Богу, не такъ ужъ сильна, какъ въ Филиппополѣ, гдѣ самъ русскій консулъ изъ болгаръ, и его, несмотря на всѣ мои старанія, почему-то не хотятъ удалить оттуда... Поэтому мы не должны портить нашего здѣсь личнаго положенія...

— Я все это, кажется, понимаю и самъ,—отвѣчалъ я немного раздражительно.—Но отъ удовольствія бесѣдовать съ порядочною женщиной, которая говоритъ по-русски и даже русскихъ поэтовъ читаетъ, до увлеченій любви и до промаховъ по службѣ еще очень далеко....

— Знаемъ мы эти «чтенія» русскихъ поэтовъ! Мнѣ, впрочемъ, вѣдь все равно; я для вашей пользы... Поскачемте лучше опять; пора намъ домой. А бывать можно, конечно. Мы опять, если хотите, вмѣстѣ пойдемъ къ нимъ. Я на него даже имѣю особые виды!

Тѣмъ кончился разговоръ нашъ въ этотъ день съ Богатыревымъ.

XII.

Совѣты Богатырева быть поосторожнѣе возбуждали во мнѣ досаду, потому именно, что я и безъ него намѣренъ былъ не позволять себѣ ничего лишняго.

— Зачѣмъ учить меня тому, что́ я самъ знаю не хуже его? Онъ очень лукавъ, и я готовъ подозрѣвать его во всякой хитрости... Посмотримъ еще, какъ онъ самъ будетъ вести себя!.. Развѣ мало людей, которые позволяютъ себѣ развлеченія въ ожиданіи отложенной надолго свадьбы, даже и съ дѣвушкой любимою до нѣкоторой степени?.. Я буду слѣдить за нимъ... И уступать ему ни шагу не намѣренъ! Другое дѣло чтить права мужа; другое дѣло уступать его претензіямъ.

Но подозрѣнія мои оказались напрасными; Богатыревъ дѣйствительно думалъ больше о томъ, чтобы расположить мужа къ русской политикѣ, чѣмъ о томъ, какъ бы понравиться женѣ. Послѣ перваго нашего визита супругамъ Антоніади онъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца ни разу у нихъ въ домѣ не былъ; но вмѣстѣ съ Канкеларіо былъ у Антоніади въ конторѣ раза два, и Антоніади одинъ разъ у него завтракалъ.

Я на этомъ завтракѣ не присутствовалъ и не знаю, о чемъ они говорили; но Богатыревъ остался доволенъ хіосскимъ торговцемъ.

— Антоніади очень порядочный человѣкъ,—сказалъ онъ мнѣ потомъ.—Онъ своею порядочностью больше похожъ на фанаріота, чѣмъ на этихъ провинціальныхъ грековъ. Я даже замѣтилъ, что онъ должно быть каждый день мѣняетъ бѣлье...—Вы замѣтили?..

— Да, замѣтилъ, — отвѣчалъ я, — онъ всегда хорошо одѣтъ и кажется даже *сами* кладетъ на свои вещи... Хорошо пахнетъ отъ него...

Богатыревъ засмѣялся и, поспѣшно вставивъ въ глазъ монокль, чтобы лучше меня видѣть, воскликнулъ:

— А! Ну ужъ это, повѣрьте, *она*!.. *Она* сама кладетъ ему

саше! Марья Спиридоновна! Повѣрьте, что она... гдѣ бы ему!

— Вѣрю, вѣрю!—сказалъ я весело.—Что жъ за бѣда?.. Пусть кладетъ!

Я не только не досадовалъ на Богатырева за подобныя шутки, я почти наслаждался ими: при невозможности часто видѣться съ Машей для меня было истинною радостью слышать ея имя и имѣть самому возможность упомянуть о ней въ безвредной и случайной, не мною даже вызванной бесѣдѣ.

Этотъ первый мѣсяцъ мы видѣлись съ ней всего три раза, и первые два раза почти мелькомъ. Она была все это время очень занята: дѣлала визиты женамъ консуловъ и разнымъ адріанопольскимъ «коконамъ» въ платочкахъ и плохихъ шляпкахъ, въ родѣ г-жи Чобанъ-оглу или той язвительной родственницы мужа, у которой они остановились по пріѣздѣ своемъ. Ихъ было такъ много! Кокона Евгенко, кокона Катинко, кокона Люксандра, кокона Клеопатра... Все скучныя, завистливыя, крикливыя, однообразныя, церемонныя супруги торговцевъ, медиковъ, консульскихъ драгомановъ и вообще членовъ той христіанской «интеллигенціи», которая первенствуетъ въ коммерческихъ дѣлахъ турецкихъ городовъ, дѣятельно правитъ мѣстною политикой въ спокойное время и почти вся куда-то скрывается, когда событія принимаютъ болѣе грозный и хотя сколько-нибудь опасный для жизни характеръ... Я понималъ, какъ все это было несносно и тяжело для бѣдной madame Антоніади; я зналъ по опыту, какой это подвигъ, какое это несносное общественное тягло—бесѣда этихъ дамъ!.. Кончила она визиты,—сами дамы эти съ мужьями какъ потокъ полились къ ней обратно!.. Ихъ надо было ждать, имъ надо было улыбаться, ихъ необходимо было задобривать для пользы мужниныхъ сношеній...

Антоніади самъ, встрѣтившись со мной на улицѣ, сказалъ мнѣ:—Жена моя очень устала.—И прибавивъ съ небольшою, чуть замѣтною гримасой досады: —Эти визиты!.. Вы знаете!..

О «людяхъ» онъ не позволилъ себѣ ничего сказать.

Обремененная этими посѣщеніями и безпокойствомъ о томъ, какъ бы не оскорбить кого-нибудь и не создать мужу враговъ, madame Антоніади была въ то же время до огорченія озабочена хлопотами о будущей квартирѣ своей. Съ мужемъ у нея по этому поводу были несогласія.

Я долго надѣялся, что они поселятся неподалеку отъ насъ.

И моя квартира, и консульство были въ турецкомъ предмѣстьи *Кыкъ*, высокомъ, просторномъ и красивомъ, недалеко отъ восхитительной мечети Султанъ-Селима и отъ выхода за городъ къ старому турецкому кладбищу на краю высокаго обрыва, за которымъ рѣка Тунджа вилась по тучному лугу, гдѣ высились полуразрушенныя башни и шумѣли пышные, вѣковые вязы и тополи Стараго Серая.

Мы предпочитали чистый воздухъ этого живописнаго мусульманскаго предмѣстья; но Антоніади, хотя и жилъ долго въ Англіи и съ виду, какъ справедливо замѣтилъ Богатыревъ, напоминалъ благовоспитаннаго фанаріота, былъ все-таки хіосскій грекъ-купецъ и безъ своихъ грековъ (и даже безъ болгаръ торгующихъ) ему должно быть было скучно. Ему нужно было быть поближе къ нимъ ежеминутно, и онъ нанялъ большой и довольно хорошій домъ въ самомъ тѣсномъ и людномъ мѣстѣ старой цитадели, въ Кастро, гдѣ гнѣздится православная «интеллигенція» города, вмѣстѣ съ евреями и армянами, подальше отъ турокъ и потѣнѣе. Напрасно жена просила его нанять домъ богатаго бея недалеко отъ насъ; домъ этотъ былъ ярко-голубого цвѣта, на большомъ дворѣ, за рѣшеткой и палисадникомъ, и на одномъ концѣ палисадника былъ окнами на улицу построенъ очень милый кіоскъ съ разноцвѣтными стеклами. Можетъ быть въ этомъ кіоскѣ бѣдная Маша хотѣла бы читать какую-нибудь увлекательную книгу въ ожиданіи, что вотъ-вотъ раздастся стукъ копытъ и выѣду я изъ-за угла на вороной моей лошадкѣ, которая бѣжала такою красивою иноходью и съ такимъ возбуждающимъ звономъ подковъ по грубой мостовой,—выѣду я на воро-

ной этой лошадкѣ, въ круглой шапочкѣ набекрень и въ шубкѣ, лихо подтянутый ремнемъ, въ шубкѣ лисьей, въ шубкѣ русской такой, въ шубкѣ такого же ярко голубого цвѣта, какъ домъ этого бея съ кіоскомъ, или какъ іюльское небо теплыхъ странъ. И выѣду я, и подскачу къ кіоску со скромною лихостью, и прищелкну, пристукну чѣмъ-нибудь, чѣмъ придется, и остановлюсь и скажу: я въ русской шубкѣ, въ русской шапкѣ, въ турецкомъ кварталѣ, у кіоска турецкаго скажу ей... милый... Что я скажу ей? Что-нибудь самое простое сначала, приподнимая шапку: «La matinée est bien belle, n'est-ce-pas?»

Но Антоніади сказалъ себѣ: «это невозможно! Дѣла мои требуютъ, чтобъ я въ Кастро нанялъ квартиру...» И не только жена убѣждала его нанять небесный домъ бея съ пестрымъ кіоскомъ; его уговаривали нанять домъ поближе къ намъ и французскій консулъ, и англійскій, у котораго былъ тоже въ Канкѣ собственный домъ, и тотъ говорилъ ему «что здѣсь воздухъ лучше и мы всѣ (то-есть консульское общество) ближе». Но упрямый и хладнокровный Антоніади никого не слушался. Раскачиваясь по привычкѣ слегка и чуть замѣтно съ каблуковъ на носки и опять назадъ, онъ гладилъ черныя бакенбарды свои большою и красивою рукой и отвѣчалъ на всѣ доводы почти одно и то же... Не знаю, что онъ говорилъ дома женѣ... не вооружался ли онъ въ прозорливо-ревнивомъ сердцѣ своемъ немножко и противъ тої *бель-вю* съ пестрымъ стекломъ, гдѣ восхитительная Маша могла мечтая возводить къ небу хитрыя, глубокія и черныя очи свои и снова опускать ихъ долу, прислушиваясь къ топоту копытъ. Не знаю, не знаю, *что онъ ей говорилъ*. Можетъ быть онъ ей сказалъ: «не хочу, чтобы ты была близко...» Нѣтъ, нѣтъ, не знаю, что онъ могъ ей сказать. Но французскому консулу онъ отвѣчалъ при мнѣ очень вѣжливо, почтительно и твердо:

— Это невозможно. Дѣла мои требуютъ, чтобъ я въ Кастро нанялъ квартиру.

— Здѣсь ближе ко всѣмъ намъ,—возразила еще разъ жена французскаго консула.—Madame Антоніади женщина

европейскаго воспитанія; она никогда не сойдется со здѣшними дамами. Ей будетъ скучно въ Кастро.

— Мы будемъ ходить сюда... она любитъ ходить пѣшкомъ... мы будемъ часто ходить сюда.

Французскій консулъ сказалъ тогда Машѣ:

— Что́ жъ мы будемъ дѣлать съ пословицей: «женщина хочетъ—Богъ хочетъ?»

— Эта пословица сдѣлана для всѣхъ кромѣ г. Антоніади,— отвѣчала Маша съ такою явною и даже неумѣстною досадой, съ такимъ движеніемъ самаго дурного чувства, что всѣмъ стало неловко. Всѣ замолчали и перемѣнили разговоръ.

Въ первый разъ я видѣлъ тогда, что Антоніади смутился, покраснѣлъ и почти потерянно улыбнулся. Мнѣ показалось въ этотъ день, что они очень несчастны и почти ненавидятъ другъ друга.

Я не настолько былъ низокъ, чтобъ обрадоваться этому корыстною радостью. Напротивъ того, мнѣ стало вдругъ очень грустно глядя на нихъ. Эта «невыдержка», эта безтактная и неприличная, хотя и минутная ссора съ мужемъ при людяхъ совершенно чужихъ и вовсе, быть можетъ, недоброжелательныхъ, возбудила во мнѣ какой-то стыдъ за нее и вмѣстѣ съ тѣмъ опять ту братскую жалость, которая была мнѣ такъ знакома еще съ Буюкъ-Дере.

Итакъ, насчетъ выбора мѣстности Антоніади былъ непоколебимъ, и снисходительность его къ женѣ выразилась только тѣмъ, что онъ (какъ я узналъ отъ нея послѣ) ни словомъ, ни взглядомъ, ни намекомъ не упрекнулъ ее за ея немного грубую выходку въ домѣ французскаго консула, а напротивъ того, объявилъ ей очень любезно, что она можетъ искать домъ въ Кастро, не стѣсняясь въ цѣнѣ, не думая о расходахъ.

Маша нашла немного старый, но удобный домъ въ одномъ особенно тихомъ переулкѣ. Онъ былъ снаружи бѣлаго цвѣта, съ какими-то турецкими изображеніями и надписями въ видѣ золотисто-желтыхъ круглыхъ щитовъ около оконъ и надъ воротами. Бѣлый цвѣтъ стѣнъ этого дома, который казался бы столь несноснымъ въ Аѳинахъ, Корфу или

въ нашихъ новороссійскихъ городахъ, гдѣ всѣ почти дома бѣлые или желтые, здѣсь въ этомъ адріанопольскомъ Кастро, почти сплошь красноватомъ, кирпичномъ, розовомъ, темно-кровавомъ, производилъ пріятное и веселое впечатлѣніе. Маша, у которой потребность тонкаго вкуса и тщеславіе были гораздо сильнѣе «экономіи», очень обрадовалась позволенію мужа не думать о расходахъ и велѣла все подновить, выкрасить, починить, побѣлить снаружи; убрала внутри какъ можно милѣе, и немного ветхій домъ сталъ красивъ и свѣжъ, какъ «бомбоньерка». Снаружи не было и слѣдовъ осыпавшейся штукатурки; внутри стало тепло и пестро; рѣзные и цвѣтные деревянные потолки сіяли новыми красками. Вездѣ запахло духами и свѣжимъ тесомъ. На дворѣ, гдѣ прежде посреди высокаго бурьяна было видно лишь нѣсколько кустовъ «Божьяго дерева», теперь проводились дорожки и намѣчались клумбы въ ожиданіи весеннихъ цвѣтовъ. Вотъ тутъ-то, недалеко отъ ея новаго жилища, мы съ ней встрѣтились второй разъ случайно на улицѣ и, остановившись, поговорили не больше двухъ минутъ; она была расположена продолжать разговоръ и предложила итти вмѣстѣ, но я позволилъ себѣ отказаться и сказалъ ей такъ:

— Вы еще не знаете здѣшнихъ нравовъ. Если бы мы встрѣтились въ турецкомъ кварталѣ, то можно было бы вмѣстѣ пройтись: турки живутъ въ особомъ мірѣ, и отношенія ихъ къ женщинамъ до того не похожи на наши, что они едва ли могутъ и понять, что́ у христіанъ прилично и что́ неприлично. Я думаю, имъ *все* кажется неприличнымъ. Мимо турецкихъ домовъ я бы охотно прошелся съ вами. Но здѣсь, въ центрѣ города, это невозможно. Здѣсь живутъ все гречанки, армянки, болгарки. Имъ скучно, въ жизни ихъ только и есть, что хозяйство и любопытство, полное зложелательства. Онѣ сами не умѣютъ ни говорить съ мужчинами, ни чувствовать ничего идеальнаго и потому самую простую вещь объясняютъ по-своему. Я слишкомъ дорожу вами и вашимъ обществомъ, чтобы не беречь васъ... *Поймите!*

Я въ самомъ дѣлѣ былъ увѣренъ, что эти пять минутъ, въ которыя мы съ madame Антоніади простояли другъ предъ другомъ на узкой улицѣ Адріанопольскаго кáстро *), не прошли для насъ совершенно безнаказанно. Я былъ убѣжденъ, что изъ окошекъ всѣхъ этихъ домовъ высокихъ и тѣсно построенныхъ уже смотрятъ на насъ десятки женскихъ глазъ съ болѣзненнымъ любопытствомъ, завистью и съ готовностью даже на клевету.

Маша поблагодарила меня, *поняла* и ушла поскорѣй въ одну сторону, а я въ другую.

Третій разъ мы поговорили съ ней подольше и посвободнѣе.

Богатыревъ остался вѣренъ своему намѣренію ухаживать за мужемъ, и мы вмѣстѣ выждавъ время пріѣхали къ нимъ съ визитомъ въ праздникъ до обѣда, нарочно въ такой день, когда торговыя конторы были заперты, и Антоніади былъ дома.

Богатыревъ много говорилъ съ нимъ, а я съ ней; были и общіе разговоры.

Богатыревъ старался доказать мужу, до чего Виллартонъ вреденъ здѣшнимъ христіанамъ.

— Онъ на все способенъ,—говорилъ консулъ,—съ нимъ надо соблюдать величайшую осторожность. Онъ цѣлый день живетъ въ конакѣ паши, даже роняетъ этимъ свое достоинство; онъ фамильярно сходится со всѣми и потомъ готовъ доносить туркамъ на всякаго; онъ держался за грековъ, пока думалъ, что всѣ болгарскіе старшины очень преданы Россіи, но какъ только стали ясно обозначаться въ болгарской средѣ разныя партіи, онъ сталъ потворствовать уніатству, несмотря на то, что онъ какъ протестантъ долженъ бороться здѣсь противъ римской пропаганды. И теперь онъ другъ всѣмъ тѣмъ болгарамъ, которые противъ грековъ и противъ насъ...

Антоніади слушалъ его почтительно, но, казалось мнѣ, не совсѣмъ довѣрчиво, и даже возражалъ иногда съ боль-

*) *Кáстро* — крѣпость, центръ города, населенный христіанскимъ и европейскимъ достаточнымъ, торговымъ классомъ.

шою осторожностью, какъ будто бы онъ больше справлялся и поучался, чѣмъ возражалъ.

— А нельзя ли подумать, — (говорилъ онъ напримѣръ), что подъ этимъ г. Виллартонъ скрываетъ свою настоящую игру? Не таится ли тутъ еще что-то?

Богатыревъ, недовольный, краснѣлъ, лицо его дѣлалось мрачнымъ и надменнымъ, и онъ отвѣчалъ почти грубымъ топомъ:

— Я его знаю! Я это говорю... Ничего больше, кромѣ того, что я знаю, не можетъ у него таиться. Виллартонъ дипломатъ плохой и чувствъ своихъ скрыть не умѣетъ. Обманывать и быть шпіономъ у турокъ, это еще не дипломатія.

Антоніади спѣшилъ повидимому уступить.

— О! я не спорю. Я политикой вообще мало занимаюсь, а потому я не компетентенъ въ подобныхъ дѣлахъ. Вы конечно, господинъ консулъ, посвящены во всѣ тайны и лучше можете судить чѣмъ я. Я только позволяю себѣ спросить.

Богатыревъ успокоившись начиналъ опять объяснять ему, какъ необходимо теперь, особенно при новомъ учрежденіи здѣсь вилайетовъ и при новыхъ пашахъ, крѣпко сплотить христіанскую общину, не различая болгаръ отъ грековъ, и всѣмъ православнымъ стать заодно противъ совокупнаго дѣйствія Виллартона и католическихъ консуловъ. Надо прекратить эти распри между болгарами и греками за церковь въ предмѣстьѣ Керечь-Хане, гдѣ во время богослуженія еще на-дняхъ одинъ грекъ по имени Каліасъ обнажилъ ножъ для устрашенія болгаръ и т. д.

— C'est affreux! Какое поруганіе святыни! — хладнокровно покачивая головой, сокрушался Антоніади.

А мы между тѣмъ съ нею въ другомъ углу комнаты говорили о другомъ. Мы говорили о «множествѣ міровъ» и о «загробной жизни».

Я взялъ случайно въ руки книгу Фламмаріона, которую Маша положила около себя на столикъ въ ту минуту, когда мы вошли и, разсѣянно взглянувъ, раскрылъ

ее на томъ мѣстѣ, гдѣ она загнула уголъ. Это было на той страницѣ, гдѣ описывались особаго рода люди вѣчно плавающіе въ жидкой розовой атмосферѣ небеснаго тѣла.

Маша заглянула тоже въ книгу и сказала:

— Да, вы застали меня въ хорошую минуту... Я читала о людяхъ, которые все должны видѣть въ розовомъ свѣтѣ.

— А есть еще тутъ и другіе люди, у которыхъ всегда «ушки на макушкѣ», — замѣтилъ я и напомнилъ ей о тѣхъ обитателяхъ иныхъ міровъ, у которыхъ одно ухо на верху головы.

— Что значитъ «ушки на макушкѣ»? — спросила съ удивленіемъ madame Антоніади,—это вѣрно русская поговорка? Я ее не знаю... Что она значитъ? У русскихъ такъ много хорошихъ поговорокъ... Онѣ мнѣ нравятся по инстинкту даже и тогда, когда я плохо понимаю ихъ.

— «Ушки на макушкѣ» — значитъ, сколько я понимаю, осторожность, — отвѣтилъ я.

— Вотъ какъ! — сказала Маша съ особою значительностью и потомъ продолжала серьезнымъ и почти печальнымъ тономъ: — не знаю, правъ ли этотъ Фламмаріонъ, хорошій ли онъ астрономъ или нѣтъ. Но мнѣ какъ пріятно думать, что мы не одни на свѣтѣ и что на другихъ звѣздахъ можетъ быть жизнь счастливѣе нашей.

— Вѣдь вы сказали,— перебилъ я,— что вы сегодня расположены видѣть все въ розовомъ свѣтѣ...

— Да, только эта книга напоминаетъ мнѣ очень тяжелые дни въ моей жизни. Когда я потеряла своего старшаго сына (это былъ мой первый ребенокъ), я долго не могла молиться и только все читала астрономическія книги...

Признаюсь, мнѣ показалось немного смѣшнымъ и неловкимъ это выраженіе «des livres d'astronomie» (она очень скоро перемѣнила русскій языкъ на французскій, нарочно, мнѣ кажется, для мужа, который по-русски зналъ очень мало и у котораго были, можетъ быть, въ это время именно «ушки на макушкѣ» и не оттого ли, кто знаетъ... онъ такъ сухо относится къ политическимъ внушеніямъ Богатырева?). «Des livres d'astronomie!» «Не могла молиться!» А

между тѣмъ она говоритъ о такомъ важномъ событіи въ жизни женщины, о такой святынѣ материнскаго сердца, какъ смерть любимаго сына и перваго ребенка! Я нашелъ эти слова безтактными; но счастіе мое было въ томъ, что я вовсе не идеализировалъ мадамъ Антоніади... Она мнѣ нравилась такою, какою она мнѣ представлялась, и всѣ маленькія слабости ея тщеславія, какъ свѣтскаго, такъ и книжнаго, мнѣ казались привлекательными недостатками, безъ которыхъ она была бы хуже и скучнѣе.

Поэтому и эта неловкая «книжность», въ которой самолюбіе мое прочло прежде всего желаніе и этимъ между прочимъ понравиться мнѣ, не отвратили меня отъ нея, а только расположили поскорѣй перемѣнить разговоръ. Я спросилъ:

— А ваша дочь?.. Я ее не вижу. Гдѣ жъ она?

— Моя дочь была не совсѣмъ здорова, она осталась у бабушки своей въ Константинополѣ, у родной тетки моего мужа... Но она скоро будетъ сюда съ гувернанткой... Я ихъ жду съ нетерпѣніемъ...

Потомъ, помолчавъ, Маша спросила меня по-русски и потише:

— Прошу васъ, отвѣтьте мнѣ откровенно на одинъ очень трудный вопросъ.... Вы согласны?

— Постараюсь...

— Вѣрите ли вы въ будущую жизнь? Въ жизнь за гробомъ...

Я остановился въ недоумѣніи. Такого рѣшительнаго, такого громоноснаго вопроса я не могъ никакъ предвидѣть!

Не говоря уже о неожиданности такого вопроса (и тѣмъ болѣе въ присутствіи двухъ дѣловыхъ людей, которые могли обоихъ насъ съ ней осмѣять, прислушавшись къ нашимъ словамъ). Я еще и потому не вдругъ собрался ей отвѣтить, что самъ въ то время (какъ далеко оно теперь! Какъ оно чуждо мнѣ — это время!), я самъ еще не постигъ, какъ именно и въ какомъ смыслѣ я вѣрю въ міръ невидимыхъ духовъ и въ загробную жизнь. Правда, въ Бога я вѣрилъ пламенно и разумомъ и сердцемъ: разумомъ я вѣрилъ прежде всего въ томъ смыслѣ, что не могъ

понять, какъ безсознательная природа могла бы безъ полнаго и высшаго сознанія сотворить неполное и низшее наше личное сознаніе? Какимъ образомъ слѣпой творецъ-природа можетъ быть ниже познающаго эту природу—человѣка? Сердцемъ я тоже вѣрилъ; въ иныя минуты я молился; я обращалъ съ глубокимъ вздохомъ взгляды мои къ небу, къ распятію или къ родной иконѣ во дни горести слишкомъ сильной, или въ часы радости внезапной и живой, или въ минуты страха за мою жизнь и за мое земное будущее... Но это случалось рѣдко, очень рѣдко! Церковь православную я чтилъ, я любилъ ее всѣми силами души моей; но я любилъ ее больше русскимъ и поэтическимъ чувствомъ, чѣмъ духовнымъ или нравственнымъ. Обрядъ ея, ея пышность, ея преданія, утварь и одежды, ея пѣніе—вотъ, что влекло меня къ ней; но моими поступками и моими сужденіями о людяхъ въ то время, всею моею нравственною жизнью тогда руководило не ученіе православія и не заповѣди Божіи, а кодексъ моей собственной гордости, система моей произвольной морали, иногда можетъ быть и благородной, но нерѣдко въ высшей степени безнравственной. Если я скажу, что я не только думалъ, но и говорилъ тогда часто: «лучшій критеріумъ поступковъ—это, что̀ къ кому идетъ», то этимъ я кажется скажу все!

Понятно послѣ этого, до чего смутны были мои представленія объ отношеніяхъ загробной жизни къ земной и какъ мало «небесные вѣнцы» принимались мной въ расчетъ тогда при рѣшеніяхъ моей нравственной жизни. Вѣнецъ самолюбія довольно строгаго, который я самъ возлагалъ на себя, когда находилъ себя этого достойнымъ, былъ мнѣ дороже рая, о которомъ я (несчастный!) и не умѣлъ тогда думать; и внутреннее самоуничтоженіе или заслуженная злая насмѣшка людей были мнѣ страшнѣе гнѣва Господняго...

И если теперь, когда я совсѣмъ перемѣнился и такъ много обо всемъ подобномъ передумалъ, когда я вѣрю совсѣмъ иначе, мнѣ надо многое вспомнить и о многомъ помыслить,

чтобы быть въ силахъ написать и эти немногія строки, что я могъ отвѣтить ей тогда и такъ внезапно, какъ она этого требовала?

Я отвѣтилъ однако.

— Вѣрю ли я въ загробную жизнь? — переспросилъ я.— Да, не вѣрить въ нее глупо. Матеріализмъ — философія слишкомъ ужъ простая, пустая, грубая. Однако турокъ вѣритъ въ загробную жизнь по-своему, христіанинъ по-своему, вашъ Фламмаріонъ опять иначе.

— Нѣтъ, подождите, — перебила меня madame Антоніади, — я спросила не такъ: вѣрите ли вы, что души, которыя здѣсь на землѣ не могли соединиться, потому что имъ въ этомъ препятствовало очень многое, за гробомъ будутъ наслаждаться симпатіей своею безо всякихъ препятствій, безо всякихъ тогда стѣсненій? — повторила она съ жаромъ. — Вотъ я что хотѣла спросить...

Говоря это, она смотрѣла на меня какъ всегда или вѣрнѣе сказать равнодушнѣе обыкновеннаго; она какъ будто нарочно старалась придать милому лицу своему самое покойное и безстрастное выраженіе...

Несмотря на этотъ оттѣнокъ (казалось мнѣ преднамѣренный) я принялъ этотъ вопросъ хотя и не за прямое объясненіе въ любви, но за ободреніе слишкомъ явное и, внутренно смутясь отъ радости, отвѣтилъ такъ:

— Не знаю, имѣю ли я право вѣрить въ такого рода симпатію; но до чего желалъ бы вѣрить въ нее, это я знаю хорошо!

Мы поглядѣли другъ на друга молча, и Маша первая изъ насъ опустила глаза. Въ эту минуту опять раздался громкій басъ Богатырева, я не разслышалъ всѣхъ его словъ... Я слышалъ только:

— ...Никогда! О, никогда!.. (онъ даже громко и съ негодованіемъ засмѣялся). Россія не можетъ держаться въ греко-болгарскомъ вопросѣ и ни въ какомъ другомъ односторонней славянской политики. Если вы вспомните, что есть на свѣтѣ поляки и другіе католическіе славяне, то вы поймете, что я правъ...

Сказавъ это, молодой консулъ всталъ и подошелъ къ намъ. Мужественное и серьезное лицо его озарилось лукавою веселостью.

— Мосье Ладневъ вамъ проповѣдуетъ что́-то?.. Какую-нибудь свою ужасную ересь? Я угадалъ?

— Нѣтъ, вы не угадали! Напротивъ того, я исповѣдую мосье Ладнева, — сказала madame Антоніади съ ударе́ніемъ на *я*...

— И что́ жъ, онъ кается?

— Кается...

— Нельзя узнать—въ чемъ?—спросилъ въ свою очередь улыбаясь Антоніади.

— Развѣ духовникъ имѣетъ право передавать эти тайны?..—отвѣчала Маша.

Антоніади шутя извинился.

Богатыревъ между тѣмъ взялъ со стола книгу Фламмаріона, поднесъ ее какъ можно ближе къ своимъ близорукимъ глазамъ и всмотрѣвшись воскликнулъ:

— А! высшая философія!.. Міры... міры иные...

— Жена моя всегда «въ пространствахъ» (dans les espaces), — замѣтилъ Антоніади не безъ язвительности, какъ мнѣ показалось.

Маша ничего на это не отвѣтила. Она какъ будто была чѣмъ-то недовольна.

Богатыревъ взялся за свою боярку, но Антоніади точно какъ будто только этого и ждалъ.

— Monsieur le consul, — сказалъ онъ съ легкимъ оттѣнкомъ искательности въ лицѣ и манерахъ (съ очень легкимъ впрочемъ),—я виноватъ, не желая прерывать ходъ тѣхъ въ высшей степени интересныхъ политическихъ соображеній, которыя вы излагали мнѣ сейчасъ, не успѣлъ сдѣлать вамъ одного весьма нужнаго для меня вопроса. Я желалъ бы знать, могу ли я, имѣя паспортъ греческаго подданнаго, пользоваться въ дѣлахъ коммерческихъ и вашею защитой въ случаѣ нужды? Безъ лести скажу вамъ, я ото всѣхъ слышу о преобладаніи здѣсь русскаго вліянія.

Богатыревъ сильно покраснѣлъ. Я догадался, что онъ

вспыхнулъ отъ радости. Дорогая и рѣдкая коммерческая птица сама рвалась въ его консульскіе силки.

— Мы подумаемъ, какъ это устроить, — отвѣтилъ онъ задумчиво и значительно, потомъ улыбнувшись обратился къ Машѣ и прибавилъ: — Въ Турціи нѣтъ ничего невозможнаго. Это составляетъ единственную прелесть нашего здѣсь существованія.

Послѣ этого мы простились и ушли. Дорогой у насъ съ Богатыревымъ былъ оживленный разговоръ о супругахъ Антоніади. Богатыревъ сказалъ мнѣ:

— Вотъ вы тамъ въ углу совращали жену съ пути истиннаго, а я мужа обращалъ на путь истинный. У васъ все звѣзды тамъ да небеса... А мы люди terre à terre, знаете! — Посмотримъ, кто изъ насъ скорѣе успѣетъ!

— Вы все о моихъ успѣхахъ, — отвѣчалъ я съ жаромъ искренности, — могу васъ увѣрить... я готовъ божиться и честное слово вамъ дать, что я никакихъ цѣлей не имѣю. Я бы и мужу самому готовъ былъ бы присягнуть всѣмъ священнымъ въ томъ же, лишь бы онъ мнѣ позволилъ почаще проводить время и разговаривать съ этою милою женщиной.

— Позволитъ, погодите, позволитъ... Я за васъ постараюсь. Дайте мнѣ забрать его въ руки въ дѣлахъ, и тогда онъ самъ будетъ приглашать васъ читать женѣ «про звѣзды».

Богатыревъ говорилъ все это съ большимъ добродушіемъ; его видимо нѣсколько тронула та нота искренности и честнаго чувства, которыя звучали въ моихъ словахъ...

— Что́ же вы думаете сдѣлать, чтобъ доставить ему русскую протекцію на случай надобности? — спросилъ я.

— Подумаю, — отвѣчалъ консулъ, — поговорю съ нашимъ адріанопольскимъ Меттернихомъ, Михалаки Канкеларіо. Надо вырвать непремѣнно Антоніади изъ рукъ Виллартона. Антоніади не дуракъ; въ политикѣ умѣреннаго взгляда; богатъ, довольно свѣдущъ... Онъ будетъ намъ очень полезенъ для умиротворенія христіанской общины. Михалаки нашъ придумаетъ, измыслитъ!..

И Богатыревъ былъ правъ; Михалаки придумалъ!

XIII.

Послѣ этого послѣдняго визита нашего, послѣ этихъ рѣчей о симпатіи сердецъ и загробномъ соединеніи душъ, на землѣ раздѣленныхъ неодолимыми преградами, насталъ для меня невыразимо свѣтлый праздникъ жизни. Онъ длился долго, всю остальную часть зимы, всю весну и все лѣто...

Были препятствія, была борьба, наставали тяжелые дни. «Скорби, нужды, гнѣвъ», объ устраненіи или смягченіи которыхъ мы такъ постоянно молимъ Бога въ христіанскомъ храмѣ, конечно не исчезли на все это время мнѣ въ угоду съ лица земли. Были и скорби, томили нужды, и гнѣвъ обуревалъ не разъ; случалось и самый тяжкій родъ гнѣва— гнѣвъ безсильный.

Я не знаю, могъ ли хоть одинъ человѣкъ когда-нибудь и гдѣ-нибудь прожить полгода, мѣсяцъ даже, безъ этой переходящей боли тонкихъ и тайныхъ ощущеній.

Конечно, все это *было*, и о многихъ я помню живо и съ болью до сихъ поръ. Но чтобы даже и мнѣ самому стало яснѣе теперь, почему я считаю счастливымъ этотъ годъ, я скажу вотъ что: хотя я былъ и молодъ въ то время, но молодъ не опытомъ, а только годами и еще болѣе характеромъ. Въ лѣта самой первой юности, при самомъ вступленіи моемъ въ сознательную жизнь, тогда еще

Когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія...

я испыталъ много душевныхъ лишеній, мукъ и обидъ; но жизнь мнѣ нравилась. Я сталъ учиться пользоваться ею.

Послѣ первыхъ удачъ, сообразныхъ съ моими идеалами, я полюбилъ жизнь со всѣми ея противорѣчіями, непримиримыми во вѣки, и сталъ считать почти священнодѣйствіемъ мое страстное участіе въ этой живописной драмѣ земного бытія, которой глубокій смыслъ мнѣ казался невыразимо таинственнымъ, мистически неразгаданнымъ.

Пріучая себя къ борьбѣ, я вмѣстѣ съ тѣмъ учился какъ можно сильнѣе и сознательнѣе наслаждаться тѣмъ, что посылала мнѣ судьба. Немногіе умѣли такъ, какъ я умѣлъ восхищаться розами, не забывая ни на мигъ ту боль, которую причиняли мнѣ тогда же даже и самые мелкіе шипы!

Люди любятъ разсказывать о томъ, какъ они нестерпимо страдали, я же хочу здѣсь разсказать о томъ, какъ и чѣмъ я былъ счастливъ въ то время.

Малымъ ли я былъ доволенъ или я требовалъ многаго разомъ—я не знаю; объ этомъ судить не мнѣ.

Я не забуду, конечно, въ разсказѣ моемъ и этихъ «шиповъ на вѣткахъ розы», но, право, они были такъ ничтожны!

Такъ все ладилось тогда само собою, такъ удавалось! Такъ счастливо вырастало изъ самыхъ ничтожныхъ обстоятельствъ. Все возбуждало меня итти смѣло на битву и на радость.

Опять ожили вокругъ меня картины любимаго Востока; опять защебетали птички; лица на улицахъ повеселѣли; обнаженные зимніе сады стали еще узорнѣе и милѣе прежняго, движеніе пестрыхъ и грязныхъ базаровъ осмысленнѣе и живописнѣе. Прежде всего это было похоже на драгоцѣнную, прекрасную рамку, въ которой еще нѣтъ полотна, или на полотнѣ которой нѣтъ милаго образа; теперь на меня изъ разноцвѣтной рамы этой взираютъ добрыя, большія, черныя «очи» и свѣтитъ мнѣ знакомымъ свѣтомъ лукавая улыбка—не то небесная по кротости, не то заманчиво и неуловимо растлѣвающая—не знаю какая, но знаю, *какъ* она свѣтитъ мнѣ. И все мнѣ кажется, что только мнѣ одному!

Стояли теплые дни, и солнце было ярко; я восхищался тѣмъ, что я на югѣ. Начиналъ падать снѣгъ, и становилось холодно; я радъ былъ огню печей и мечтательно вспоминалъ о милой и бѣдной родинѣ моей, такъ недавно и такъ жестоко покинутой мною! Всѣ силы мои удвоились; я сталъ и дѣятельнѣе по службѣ, и пріятно-лѣнивѣе во время отдыха; я сталъ и добрѣе, и въ то же время до злости смѣлѣе; я больше мыслилъ (мнѣ казалось такъ), чаще пѣлъ и декла-

мировалъ стихи и дома (погромче), и въ дальнихъ кварталахъ на прогулкѣ (вполголоса и оглядываясь):

Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ.
Всѣхъ въ немъ цвѣтовъ благовонія слышны;
Кудри твои такъ обильны и пышны,
Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ.

***

Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ.
Яснаго взора губительна сила.
Нѣтъ, я не вѣрю, чтобъ ты не любила:
Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ.

***

Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ.
Счастію сердце легко предается,
Мнѣ близъ тебя хорошо и поется.
Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ!...

Я пѣлъ и декламировалъ. Я дѣлалъ новые подарки Вѐлико и другимъ домочадцамъ своимъ, чтобъ и они чувствовали, до чего мнѣ хорошо теперь, чтобъ и они всегда помнили меня *именно въ это время!*

Конечно, одно только присутствіе Маши Антоніади въ городѣ, одинъ только осторожный намекъ ея *на любовь* не могли бы такъ очаровательно и сильно, сразу и надолго вдохновить меня. Нѣтъ, кромѣ чувства ея близости, кромѣ ея намековъ, были и другіе поводы къ веселому напряженію душевныхъ силъ моихъ. Сама по себѣ адіанопольская жизнь къ серединѣ этой зимы стала гораздо занимательнѣе и оживленнѣе. Всеобщій подъемъ духа на Востокѣ и въ Европѣ отзывался и здѣсь. Въ Критѣ уже давно геройски бились греки; въ центрѣ Европы подымалась новая грозная сила — униженная Австрія облачалась для прикрытія своей политической нищеты въ подавленную и поношенную мадьярскую одежду; въ Балканахъ ждали волненій; въ дальнемъ Петербургѣ давали балы въ пользу критянъ; славяне сбирались пировать на съѣздѣ въ Россіи. Сербія гро-

зила вступить съ Элладой въ союзъ противъ султана, и нѣкоторые изъ ѳракійскихъ болгаръ, преувеличивая себѣ разстройство Турціи и силу княжества (впослѣдствіи оказавшейся столь малою), уже начали бояться, что сербы пройдутъ безпрепятственно чуть не до Царьграда и захватятъ себѣ часть ихъ земель.

Другіе въ городѣ опасались вспышки мусульманскаго фанатизма. Въ то время еще были живы многіе люди двадцатыхъ годовъ; они помнили со свѣжестью дѣтской памяти прежнія казни, помнили слезы, крики женщинъ, видали кровь и блѣдныя лица отцовъ и родныхъ своихъ.

Христіане и въ городѣ, и въ ближнихъ селахъ были робки; возстанія никто здѣсь не ждалъ, но боязнь избіеній, подобныхъ сирійскимъ, была отъ времени до времени сильна.

Турки со своей стороны принимали мѣры, спѣшили реформами, передвигали войска. Прибыли съ этою цѣлью изъ Константинополя вмѣстѣ двое пашей: Хамидъ-паша—генералъ-губернаторъ всей области, худой, высокій, важный и почтенный, губернаторъ округа Арифъ, толстый, низенькій боснякъ, игравшій въ славянскую популярность, умный, просвѣщенный, но лукавый до низости и безстыдства. Учреждались новыя области — вилайеты и новые суды.

Адріанополь въ то же время наполнился поляками. Сначала, когда я еще въ первый разъ видѣлъ Ве́лико верхомъ на базарѣ, въ городѣ стояла небольшая часть этой кавалеріи.

Молодцеватые бѣлокурые офицеры въ фескахъ и съ кривыми саблями гордо ходили по городу, встрѣчались съ нами въ обществѣ; явились и дамы полковыя; показались лишнія противу прежняго кареты; всадники, драгуны и казаки гарцовали по улицамъ. Высокій, энергическій, полный и красивый Мурадъ-бей, графъ Доливо-Ландцковскій былъ замѣтнѣе всѣхъ; Вехби-бей, пожилой и почтенный полковникъ (когда-то просто—Вержбицкій, офицеръ русской службы на Кавказѣ), пріѣхалъ съ женой еще довольно молодою и двумя бѣлокурыми дочерьми, у которыхъ волосы были необыкновенно густы, свѣтлы и красивы.

Все вокругъ меня, и вблизи, и въ отдаленіи, было возбуждено и взволновано, тревожно. Все становилось крупнѣе и какъ бы осмысленнѣе; всѣ ждали общаго пожара національныхъ и религіозныхъ страстей. Все спѣшило куда-то вдаль, все было въ движеніи. Все отражалось и на мнѣ: все меня возбуждало, веселило: все придавало боевой и многозначительный характеръ даже нашему письменному съ Богатыревымъ труду. Я помню, однажды я сидѣлъ ночью въ канцеляріи консульства и кончалъ большой, срочный трудъ къ проѣзду изъ Рущука въ Царьградъ русскаго верхового курьера. Богатыревъ, который вообще готовъ былъ заниматься дѣлами еще больше моего, на этотъ разъ усталъ и удалился на покой. На дворѣ была оттепель; ночь была не морозная, а только прохладная, какія бываютъ у насъ въ сентябрѣ. Желѣзную печку натопили слишкомъ жарко, до красна, и я, раскрывъ окно, чтобъ освѣжить и увлажить слишкомъ высохшій, горячій воздухъ комнаты, продолжалъ съ одушевленіемъ трудиться. Канцелярія была въ нижнемъ этажѣ, но окна были настолько высоки, что пѣшеходы не могли меня видѣть. Да ихъ почти и не было; было уже очень поздно, и темная улица была безмолвна. Какъ вдругъ раздался крикъ и громкій свистъ; застучали по мостовой конскія копыта... Я слушалъ. Стукъ копытъ приближался; раздался свистъ еще громче и ближе... Верховые поравнялись съ окнами моими... Я не знаю до сихъ поръ, что это было — запоздалая турецкая верховая почта или верховой какой-нибудь объѣздъ.... Я продолжалъ писать.

Всадники, поравнявшись съ окнами нашими, примолкли; они, должно быть, придержавъ лошадей, смотрѣли на меня. Я былъ ярко освѣщенъ свѣчами.

— Пишетъ!—сказалъ одинъ изъ нихъ громко.

— Кто это?—спросилъ другой,—и они проѣхали.

Топотъ и крики опять на мгновеніе усилились и потомъ мало-по-малу затихли. Я вообразилъ себѣ чувства этихъ мусульманъ (а можетъ быть и поляковъ) при видѣ пишущаго русскаго. «Что онъ можетъ писать, кромѣ вреднаго намъ?» и хотя мнѣ лично и турки, и польскіе офицеры очень

нравились, я съ удовольствіемъ и съ улыбкой гордости вспомнилъ объ ихъ политической ненависти и сказалъ себѣ:

— Какъ бы, можетъ быть, было имъ пріятно теперь бросить мнѣ въ голову большой камень или даже прицѣлиться въ меня!

И правда, писалъ я въ эту ночь вещи невыгодныя и для турокъ и для римской пропаганды, которою такъ справедливо со своей точки зрѣнія должны были дорожить лихіе наѣздники лихого пана и поэта Садыкъ-паши.

Я наслаждался внутреннимъ сознаніемъ той полуоткрытой, почти ежеминутной борьбы, въ которую все сильнѣе и сильнѣе вовлекались и мы среди всеобщаго броженія умовъ; я былъ бы радъ, если бы борьба эта приняла и здѣсь открытый и страшный видъ войны или возстанія. Самолюбіе мое внушало мнѣ, что я сумѣлъ бы выйти хорошо изъ тѣхъ затрудненій и опасностей, которыя всегда могли предстоять здѣсь русскому въ такіе дни...

Конечно, все это ощущать, всѣмъ этимъ наслаждаться я могъ бы и въ отсутствіи Маши, но мнѣ пріятно было имѣть близко «даму сердца», которая могла бы оцѣнить и бесѣду мою «о мірахъ» и «загробной жизни», и голубую шубку русскаго покроя, и шапочку набекрень, и лошадку вороную, и доброту души (которой я тогда между прочимъ тоже гордился), и политическій тактъ на службѣ, и какой-нибудь ударъ хлыста, въ родѣ того, за который меня, наказуя для вида, перевели сюда и повысили, поручивъ сразу серьезный и дѣятельный постъ.

Кустъ «весенней черемухи» цвѣлъ теперь ужъ близко отъ меня, и я могъ надѣяться когда-нибудь, срывая цвѣты его, сплесть изъ нихъ себѣ «душистый и свѣжій» вѣнокъ побѣды. Какой побѣды? надъ кѣмъ? надъ чѣмъ побѣды? Я не зналъ и не жаждалъ знать. Мнѣ было весело; мнѣ было пріятно жить тогда на свѣтѣ; мнѣ стало пріятнѣе прежняго и гулять, и трудиться, и ѣсть, и пить, и спать, и бодрствовать, и мыслить, и смѣяться, и не только любить,—мнѣ ненавидѣть даже стало какъ-то слаще.

Я ненавидѣлъ, напримѣръ, новаго драгомана австрійска-

го консульства: фамилія его была Бояджіевъ; онъ былъ болгаринъ-уніатъ, отъявленный врагъ Россіи и поклонникъ всего европейскаго. Серьезный, солидный, черный какъ цыганъ, съ большимъ горбатымъ носомъ, всегда въ фескѣ и какомъ-то грубомъ сакъ-пальто лиловаго цвѣта, сшитомъ изъ мѣстной «абы», для покровительства національному рукодѣлію. Онъ воображалъ себя образованнымъ и позволялъ себѣ отъ времени до времени судить обо всемъ съ гордымъ, стойкимъ и язвительнымъ видомъ. Я ненавидѣлъ его солидность и презиралъ его пошлость. Мнѣ казалось почему-то, что онъ въ душѣ презираетъ меня...

И вотъ (я сказалъ, что многое само собою слагалось въ этотъ годъ лиризма и удачи)... и вотъ пришлось мнѣ сразу въ одинъ день и почти въ одинъ часъ проучить надолго этого ненавистнаго мнѣ человѣка,—и узнать кое-что о такихъ дѣлахъ, которыя могли имѣть большое вліяніе на положеніе въ городѣ мужа милой моему сердцу женщины.

Проучить глупца и врага Россіи и остаться правымъ! Узнать секретъ и тотчасъ же воспользоваться имъ съ немедленнымъ успѣхомъ для себя и для консульскихъ дѣлъ—развѣ это не весело? развѣ не надо цѣнить такіе ясные дни?

Я ихъ цѣнилъ и веселился!

XIV.

Случилось все это вотъ какъ.

Дня черезъ два, черезъ три, можетъ быть, послѣ того «чреватаго будущимъ» визита въ «бѣлый» домъ, *среди домовъ розовыхъ и темнокрасныхъ*, я увидалъ поутру, что на дворѣ туманъ и сырость, и мнѣ это очень понравилось.

Я спросилъ себя: «куда бы мнѣ пойти?» и рѣшилъ, что лучше всего пойти къ тому самому человѣку, подъ начальствомъ котораго состоитъ ненавистный мнѣ «въ принципѣ» уніатъ и ученый мужикъ Бояджіевъ,—къ австрійскому консулу *Остеррейхеру*.

Да, его фамилія была такая странная — *Östеррейхеръ* *), хотя родомъ онъ былъ, напротивъ того, вовсе не изъ Австріи, а баварецъ, и только послѣ цѣлаго ряда замѣчательныхъ приключеній поступилъ на службу имперіи Габсбурговъ.

Östеррейхера я любилъ. Онъ нравился не мнѣ одному своею удивительною оригинальностью. Хорошій, благонравный семьянинъ лѣтъ около сорока; худой, сухой, высокій, сильный, лицомъ безобразный, краснокожій; взоромъ мрачный, въ иныя минуты даже страшный съ виду, но въ сущности веселый и общительный. Вспыльчивый нерѣдко до изступленія, до дерзости онъ, горячась, имѣлъ привычку щипать себя ногтями со злости за лицо такъ сильно, что на лбу и щекахъ его оставались надолго небольшія пятна. Большею частью любезный и до изысканности вѣжливый, пока его не раздражали. Танцоръ, съ большими шпорами, всегда въ какой-то полувоенной формѣ, въ какихъ-то чуть не курточкахъ залихватскаго покроя; серьезно начитанный, воинственный, и въ политикѣ и лично; драчунъ и добрый малый; атеистъ и покровитель римской пропаганды, въ ея дѣйствіяхъ противъ насъ и православія. Родомъ баварецъ (какъ я сказалъ), австріецъ по службѣ, по духу дѣйствій на Востокѣ, пруссакъ по общегерманскимъ сочувствіямъ, смолоду онъ былъ революціонеромъ, соціалистомъ; едва не былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ прусскими войсками; бѣжалъ и спасся; служилъ кажется матросомъ на купеческомъ кораблѣ, который привезъ его въ Царьградъ; здѣсь онъ жилъ сначала письменнымъ трудомъ, сумѣлъ обратить на себя вниманіе интернунція и поступилъ на австрійскую службу. Жена его, смирная, бѣленькая, простоватая, полная, многодѣтная, всегда не по модѣ и безъ вкуса одѣтая— была ему кузина; онъ ее когда-то и гдѣ-то увлекъ, похитилъ, а теперь кричалъ на нее даже при насъ грозно: «Schlechte Kuh!», когда она ему чѣмъ-нибудь надоѣдала, и танцовалъ съ нею какую-то особенно лихую польку или *шотишъ* на консульскихъ вечерахъ; бряцая шпорами, онъ нѣж-

*) Австріецъ.

но улыбался ей сначала, потомъ внезапно отталкивалъ ее отъ себя съ грознымъ видомъ, чтобъ она танцовала особо и, подперевъ руки въ боки, опять умильно улыбался и снова рыцарски бряцалъ, наскакивалъ на бѣдную женщину, которая танцовала бы, можетъ быть, и гораздо лучше, если бы не была такъ напугана имъ. Какъ было не любить такого занимательнаго человѣка?

Я бывалъ у Остеррейхера нерѣдко прежде, и мы за кружкой пива иногда до поздней ночи бесѣдовали съ нимъ о всевозможныхъ предметахъ, но любимымъ его разговоромъ былъ разговоръ о развитіи германской націи въ отношеніяхъ: политическомъ, экономическомъ, *эвическомъ*. Онъ кричалъ объ этомъ по-французски, произнося *дэ* какъ *тэ*, а *j* и *g* какъ *ша*.

— Вотъ, вотъ наше призваніе на Востокѣ: распространять въ средѣ здѣшняго славянства германскую культуру. Вотъ наше призваніе, вотъ оно!

И потомъ начиналъ хохотать и, хватая меня за руку, восклицалъ:

— О! вы молчите, вы улыбаетесь... Знаю, знаю. Я знаю, что вы представители этой бюрократической и самодержавной націи, вы намъ самые опасные соперники... Vous êtes des compétiteurs habiles et terribles, mais terribles... Schlechte Kuh! (кричалъ онъ вдругъ грозно на мадамъ Остеррейхеръ, которая послѣ полуночи начинала обыкновенно дремать, слушая насъ съ работой въ рукахъ): — Ты спишь. Donnerwetter, вели подать намъ еще пива!

И, проводивъ жену взглядомъ минутной ненависти, онъ обращался снова ко мнѣ вѣжливо и спокойно, съ улыбкой любезной тонкости на раскраснѣвшемся отъ пива больше обыкновеннаго худомъ и суровомъ лицѣ:

— Но простите, если вамъ я скажу: вы дѣлаете одну ошибку, да!

— Какую? просвѣтите насъ.

— Эта *ортодоксія* ваша! И вы, и вашъ Богатыревъ люди образованные; онъ человѣкъ привыкшій къ высшему свѣту, вы человѣкъ съ большою начитанностью. И вы встаете

рано, ходите къ *мессѣ* въ это Іерусалимское подворье. Ба! (онъ топалъ ногой)... Всѣ эти здѣшніе греки и болгары старшины, они ни въ Бога, ни въ дьявола не вѣрятъ, такъ же, какъ и я. Богатыревъ читаетъ самъ Сенъ-Поля и Сенъ-Пьерра въ церкви. *Donnerwetter!.. Поэтому и мы должны* противодѣйствовать вашей препотенціи на той же почвѣ. Эти польскіе попы въ одеждѣ восточнаго клира! это не плохая выдумка. А? Qu'en dites-vous?..

— Желаю вамъ успѣха! — говорилъ я смѣясь...

— А! какая фраза!.. Амалія, гдѣ ты? Гдѣ пиво, чортъ возьми!.. Пиво!.. Да, въ настоящемъ вы здѣсь очень сильны, но будущее наше... Ха-ха! Вы не вѣрите? Вы вѣрите въ призваніе de la Sainte Russie. Ну что жъ, исторія покажетъ, поборемся. Цивилизація за насъ! Le développement économique, éthique et éthnique est notre force, vous ne possedez que la force politique! Амалія!.. Чортъ возьми! Еще пива...

Я очень любилъ его патріотическое хвастовство и, нимало не сомнѣваясь въ благопріятномъ для Россіи исходѣ борьбы за преобладаніе на Балканскомъ полуостровѣ, забавлялся только тѣмъ, что еще болѣе возбуждалъ его высказываться, и потомъ, конечно, передавалъ все Богатыреву, который тоже очень утѣшался его выходками и восклицалъ иногда: «бѣдный Österreйхеръ!» *И дѣйствительно*, въ то время Австрія очень мало значила во Ѳракіи; родъ службы Österreйхера былъ болѣе наблюдательный, чѣмъ дѣятельный въ самомъ дѣлѣ. Въ дѣятельную и серьезную борьбу были вовлечены четыре консульства: французское, великобританское, греческое и наше. Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ этотъ умный, энергическій чудакъ выдумалъ выписать польскихъ священниковъ и одѣть ихъ по-православному въ черныя рясы и камилавки, но осуществить все это, устроить и поддержать денежною помощью могъ только французскій консулъ, а никакъ не австрійскій, бѣдный даже и *и матеріальными средствами*. Поэтому-то вся лихость Österreйхера казалась намъ больше занимательною, чѣмъ опасною, и въ самой его манерѣ говорить и хвастаться было что-

то добродушное и забавное, которое насъ не только не оскорбляло, но заставило даже искать его общества.

Во время продолжительнаго и убійственнаго унынія, въ какомъ я находился, я пересталъ къ нему ходить. Я исполнялъ тогда лишь мои служебныя обязанности, но бесѣда мнѣ въ то время нужна была иная, мнѣ нужны были тогда стоны сердца, томленія неудовлетвореннаго романтизма. Только такой человѣкъ, съ которымъ бы я могъ вмѣстѣ томиться, изливая всю душу мою, который могъ бы оживить меня, и понимая мою тоску, заставить меня ее забыть!.. Но этого я не встрѣчалъ даже и въ московскомъ нашемъ Богатыревѣ. Мы съ нимъ никогда не заходили далеко въ откровенности, и пріязнь наша была только внѣшнею пріязнью удачно ужившихся сослуживцевъ. Какая же была возможность сказать австрійскому консулу (въ особенности такому, каковъ былъ Österreйхеръ), что я тоскую оттого, что мнѣ не въ кого влюбиться и не съ кѣмъ тосковать? Онъ бы топнулъ ногой и закричалъ: — «А! ба!.. Старый романтизмъ, отъ котораго давно пора отказаться!..» Или прибавилъ бы, можетъ быть, въ добрую минуту:

— Vous êtes encore *cheune* mon cher. La *cheunesse* est un *téfaut* dont on se *corriche chaque chour*!..

Или, наконецъ, подумалъ бы или сказалъ бы мнѣ съ восторгомъ:

— C'est que romantisme *chermanique!* Это доказываетъ, какъ я правъ, утверждая, что мы, южные нѣмцы, должны надѣяться на полное торжество германскаго духа въ этой податливой славянской средѣ, на распространеніе и въ здѣшнихъ странахъ des principes politiques, économiques, éthiques et éthniques, pour ainsi dire, du *chénie chermanique*... Амалія, вели дать еще пива!

И къ тому же, какая возможность говорить объ идеальныхъ чувствахъ сердца, о томъ, что меня терзаетъ «жаръ души, истраченной въ пустынѣ» человѣку, который при мнѣ кричитъ на жену свою: «Schlechte Kuh!»

Вотъ почему я такъ долго не былъ у Österreйхера. Теперь, когда всѣ силы души моей были возбуждены и

утроены, я захотѣлъ и съ нимъ повидаться и опять слышать его крикъ и топотъ вперемежку съ разумною, тихою и вѣжливою рѣчью.

Задумалъ и пошелъ...

XV.

Я засталъ Österreйхера на этотъ разъ не за пивомъ и не въ обществѣ дремлющей Амаліи, а въ обществѣ Бояджіева и за бутылкой мѣстнаго краснаго вина.

Österreйхеръ, казалось, очень мнѣ обрадовался и началъ разспрашивать меня: почему я такъ долго у него не былъ? чѣмъ я теперь занимаюсь въ часы досуга? и т. п.

Я нарочно (несмотря на присутствіе «интеллигентнаго» идола въ фескѣ и показывая видъ, что «игнорирую» его), съ цѣлью слышать какой-нибудь оригинальный и рѣзкій возгласъ, сказалъ австрійцу, если не всю правду, то почти.

— Все унывалъ, все скучалъ, — отвѣчалъ я, — а въ часы досуга читалъ Чайльдъ-Гарольда...

— А! прежде я угадалъ! parbleu! — воскликнулъ Österreйхеръ, — Шайльдъ-Гарольдъ!.. Все старина!.. все поэзія! Ха-ха-ха!..

Но потомъ онъ на минуту призадумался и, отпивъ немного вина, сказалъ:

— Безъ сомнѣнія, поэзія есть великая вещь. Но въ наше время она должна служить инымъ интересамъ. Времена Байрона прошли и не вернутся. Вы имѣете понятіе о Кинкелѣ?

— О Кинкелѣ? Кто такое Кинкель? Ни малѣйшаго понятія, — отвѣчалъ я съ удивленіемъ.

Österreйхеръ съ негодованіемъ затопалъ ногами и, воздѣвъ руки къ небу, яростно вскрикнулъ:

— Кинкель! Кинкель! Не знать Кинкеля!.. Кинкель, это былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей германской революціи 48 года! Онъ былъ заключенъ въ тюрьму и посаженъ за ткацкій станокъ.

Съ этими словами австрійскій консулъ вскочилъ и бряцая шпорами кинулся къ дверямъ столовой.

— Амалія! Амалія! — закричалъ онъ пронзительно, — гдѣ мои перстни? Перстни! Пришли мнѣ перстни мои, бѣлый эмалевый съ яхонтомъ и другой маленькій... Амалія, гдѣ ты?..

— Я слышу, слышу, сейчасъ, — отвѣчалъ голосъ Амаліи.

— И еще пришли мнѣ ту маленькую книжку, желтую, гдѣ Кинкелевы пѣсни... Слышишь ты или нѣтъ?..

— Сейчасъ, сейчасъ.

Бояджіевъ все это время молчалъ и съ достоинствомъ курилъ и пилъ понемногу вино.

Турокъ кавасъ скоро прибѣжалъ и принесъ перстни и книжку, въ которой воспѣвались страданія Кинкеля за ткацкимъ станкомъ.

Österreйхеръ радостно схватилъ книжку, надѣлъ перстни и началъ читать мнѣ стихи съ большимъ чувствомъ.

Я не помню ни одного слова, ни одной мысли изъ этого чтенія. Едва ли я и тогда внимательно слушалъ. Я былъ до того равнодушенъ къ несчастной судьбѣ «великаго» Кинкеля, что вѣроятно все, что̀ и слышалъ, невольно тотчасъ же забылъ. И даже теперь я пишу наобумъ и не совсѣмъ увѣренъ, твердо ли я запомнилъ имя этого героя соціальной революціи. Кинкель онъ былъ или иначе звался, признаюсь, не знаю и не интересуюсь знать. Почитатель «мученика революціи» занималъ меня несравненно больше, чѣмъ самъ мученикъ; а мое отвращеніе къ безмолвному Бояджіеву все росло и становилось мало-по-малу гораздо живѣе, чѣмъ всѣ остальныя чувства.

(Мнѣ показалось, что онъ позволилъ себѣ насмѣшливо улыбнуться, когда я заговорилъ о Байронѣ!)

Österreйхеръ прочелъ еще два-три стихотворенія и остановившись спросилъ меня:

— Какъ вы это находите?

— Извините, я нахожу это очень скучнымъ... Вашъ Кинкель и всѣ подобные ему люди не внушаютъ мнѣ ни малѣйшей симпатіи. Я очень радъ, что его засадили. Я не понимаю, что̀ именно подобные люди чувствуютъ, и удивляюсь, какъ могутъ такіе утилитарные мечтатели вдохновить истиннаго

поэта!.. Вотъ несчастная судьба вашего же Бенедека меня трогаетъ. Я люблю вашихъ молодцовъ въ бѣлыхъ мундирахъ, и хотя вы намъ соперники въ политикѣ, какъ вы сами говорили мнѣ не разъ, но какое-то живое чувство заставляетъ меня всегда жалѣть, когда ихъ побѣждаютъ или убиваютъ. Еще прусскій юнкертумъ можетъ мнѣ внушить то же сочувствіе; всѣ эти Штейнмецы и Мантейфели напоминаютъ мнѣ мое дѣтство и русскихъ генераловъ хорошаго стараго стиля... Слышится что-то содержательное, крѣпкое, глубокое, не до дна еще исчерпанное, но я вѣдь не понимаю штатскихъ бунтующихъ съ утилитарною цѣлью.

Остеррейхеръ слушалъ съ большимъ вниманіемъ; онъ былъ, видимо, тронутъ и, покачавъ головой, отвѣтилъ задумчиво и кротко:

— *Ché* vous comprends! *Ché* vous comprends... (Я васъ понимаю, я васъ понимаю!) Это въ своемъ родѣ ясно и послѣдовательно...

Бояджіевъ въ эту минуту разверзъ уста:

— Сочувствіе милитаризму и аристократіи очень понятно въ русскихъ, которые такъ недавно принуждены были отказаться отъ рабства, — сказалъ онъ.

Я вспыхнулъ, но на первый разъ ограничился только тѣмъ, что спросилъ его тихо:

— Вы такъ думаете?

— Да, — отвѣчалъ Бояджіевъ, — таково мое убѣжденіе!

Остеррейхеръ насупилъ брови; онъ былъ недоволенъ этою выходкой своего переводчика и, слегка притопнувъ, сказалъ ему, впрочемъ, болѣе уговаривающимъ, чѣмъ сердитымъ тономъ:

— Милитаризмъ, аристократизмъ! Надо эти понятія отличать... Англія, напримѣръ, страна аристократіи, но милитаризма въ ней нѣтъ; Франція напротивъ.

Но Бояджіевъ настаивалъ:

— Это такъ, г. консулъ, но я говорю о Россіи. Къ ней примѣнимы оба термина. Привилегированное дворянство и военный деспотизмъ императора.

— Не совсѣмъ такъ, — возразилъ я уже съ бо̀льшимъ

раздраженіемъ. — Привилегій у дворянства уже нѣтъ, а тотъ деспотизмъ, который вамъ такъ не нравится, судя по вашему тону, теперь я нахожу, недостаточно строгъ ко всякой сволочи, воображающей себя въ правѣ разсуждать, оттого, что она, эта сволочь (cette canaille), кой-чему обучилась. И у насъ въ Россіи развелось, къ несчастью, много разсуждающей и пишущей дряни.

Бояджіевъ снисходительно улыбнулся и замѣтилъ совершенно спокойно:

— Я не думаю, чтобы въ Россіи очень много писали! Чтобы литература была развита, необходимы многочисленные читатели, а въ Россіи ихъ не можетъ быть много. Русскіе, это всѣмъ извѣстно, почти такъ же необразованны, какъ и наши болгары.

Эта послѣдняя дерзость, высказанная рѣшительно и твердо гадкимъ славяниномъ, никогда даже въ Россіи не бывавшимъ, до того поразила меня, что я внезапно впалъ, не знаю, какъ и выразить во что̀—скорѣе всего въ тихое и въ своемъ родѣ непоколебимое спокойствіе отчаянія и, обратясь къ Бояджіеву, сказалъ:

— Вотъ видите, г. Бояджіевъ, выслушайте меня внимательно,—это вамъ будетъ полезно. Когда разсуждаетъ о Россіи, даже и не зная ее хорошо, такой, напримѣръ, человѣкъ, какъ г. Österreйхеръ, это еще не бѣда. Съ нимъ я могу спорить: онъ сынъ, дѣйствительно, великой германской цивилизаціи, которой и мы, русскіе, очень многимъ обязаны. Но вы? Ваши какія права? Вы даже не понимаете, что̀ вѣжливо и что́ нѣтъ... Русскому, конечно, нѣтъ обиды въ томъ, что вы ничего не понимаете—и вы можете безъ насъ обнаруживать сколько угодно вашу плачевную образованность пока я здѣсь, я прошу васъ въ разговоръ не мѣшаться и со мной не говорить вообще ничего и никогда. Слышали?

Бояджіевъ покраснѣлъ и не сказалъ на это ни слова. Я думалъ, что по крайней мѣрѣ уйдетъ, но онъ остался, продолжая молча пить и курить.

Österreйхеръ былъ нѣсколько смущенъ. Онъ что-то чертилъ пальцами по столу и принужденно улыбался.

Вѣроятно, онъ былъ обуреваемъ разными противоположными чувствами:—желаніемъ заступиться за драгомана, который какъ уніатъ былъ ему очень нуженъ по дѣламъ пропаганды; восхищеніемъ по поводу того, что я призналъ такъ торжественно его собственныя великія культурныя права; досадой на то, что я такъ смѣло позволяю себѣ командовать у него въ домѣ; сочувствіемъ своему брату консульскому чиновнику, умѣющему обрывать «этихъ банабаковъ». Donnerwetter!.. Это иногда необходимо для консульскаго *престижа* (pour conserver le *prestiche* des *achents* consulaires). Чортъ возьми! Поколебавшись съ минуту, онъ, однако, поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Такъ вы скучаете здѣсь,—сказалъ онъ мнѣ съ участіемъ.

— Я не говорю, что я скучаю всегда. Теперь мнѣ опять весело; но было время унынія.

— Это отъ недостатка общества.

— На что̀ мнѣ это общество!—возразилъ я съ досадой.—Вы ошибаетесь. Все зависитъ отъ нашего внутренняго чувства.

— Нѣтъ, нѣтъ,—настаивалъ Österreйхеръ,—это недостатокъ общества. Нѣтъ театровъ, нѣтъ баловъ, литературныхъ чтеній.

Я хотѣлъ еще разъ протестовать, но Österreйхеръ возвысилъ голосъ чтобы перекричать меня и продолжалъ:

— Да, теперь стало въ Адріанополѣ скучнѣе, но года два тому назадъ было очень весело. Тутъ были и нѣкоторыя условія мѣстной политики, которыя благопріятствовали общественному оживленію. Генералъ-губернаторъ былъ знаменитый Ахмедъ-Киритли. Вы знаете, это настоящій grand-seigneur. Онъ самъ былъ не разъ великимъ визиремъ и посломъ при европейскихъ дворахъ. Онъ былъ послюмъ при коронаціи вашего императора въ Москвѣ, имѣетъ ленту св. Анны, образованъ, уменъ, у него множество энергіи и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ скорѣе принадлежитъ къ старо-турецкой партіи по убѣжденіямъ, чѣмъ къ партіи Мидхадъ-паши, который теперь въ Рущукѣ. Передъ пріѣздомъ Богатырева

все было въ разладѣ, господствовалъ одинъ Виллартонъ, потому что онъ пресмыкался (Остеррейхеръ съ пренебреженіемъ пожалъ плечами и топнулъ ногой; онъ не любилъ англійскаго вице-консула) передъ Киритли-пашой. Съ предмѣстникомъ Богатырева, Шамшинымъ, Киритли былъ на ножахъ за переселеніе болгаръ въ Россію; съ французскимъ консуломъ еще хуже, за то, что велѣлъ схватить по подозрѣнію французскаго кавасса—албанца на улицѣ,—по подозрѣнію въ укрывательствѣ одного изъ тѣхъ арнаутовъ-разбойниковъ, которые на Филиппопольской дорогѣ убили американскаго миссіонера. А, Боже мой, что тутъ было! телеграммы къ Тувенелю, телеграммы отъ Тувенеля сюда. Послѣдняя отъ Тувенеля была такая: «Пошлите секретаря вашего сказать Ахмедъ-Киритли-пашѣ, что его поступокъ недобросовѣстенъ и что онъ будетъ имѣть дѣло со мной самимъ, если не освободитъ сейчасъ же каваса!..» А! каково это было вынести Ахмедъ-Киритли?.. Конечно, все это поселяло холодность и раздраженіе, и мѣстная власть всегда можетъ найти тысячу случаевъ «класть палки въ колеса» тѣмъ консуламъ, которые ей досадили. Мы были трое—Шамшинъ, французскій консулъ Мульяръ и я—почти всегда заодно, но этотъ дьяволъ Виллартонъ помогалъ всячески пашѣ парализовать наши усилія; когда же пріѣхали почти въ одно и то же время Богатыревъ и де-Шервиль, тогда все перемѣнилось въ общественной нашей жизни... Богатыревъ сумѣлъ расположить къ себѣ пашу и сблизился съ Виллартономъ...

Тутъ Остеррейхеръ пріостановился и чуть-чуть улыбнувшись спросилъ:

— Вы видѣли мадамъ Виллартонъ?

— Да, я познакомился съ нею всего дней за пять до ея отъѣзда въ Вѣну.

— Это женщина довольно умная... довольно умная, да!— продолжалъ австріецъ. — Она больше дипломатъ, чѣмъ ея мужъ!.. Богатыревъ сталъ чаще и чаще бывать у нихъ. Они у него. Начались вечера, балы, пикники, театры. Киритли-паша принималъ во всемъ участіе... Мы веселились тогда.

Однажды, въ вашемъ консульствѣ, послѣ ужина, когда паша уѣхалъ, мы даже затѣяли драку... Тогда только что кончились шлезвигъ-голштинскія дѣла, и Виллартонъ любилъ дразнить меня, какъ нѣмца, геройствомъ датчанъ. Онъ предложилъ представить въ лицахъ шлезвигъ-голштинскую войну. Вообразите, онъ влѣзъ въ залѣ у Богатырева на угловой диванъ, схватилъ подушку и кричалъ: «Я Данія, я Данія!..» Кто со мной противъ нѣмцевъ?..» Де-Шервиль схватываетъ другую подушку и тоже прыгаетъ на диванъ и кричитъ: «Я противъ нѣмцевъ». Богатыревъ со мною; онъ изображалъ Пруссію... Мадамъ де-Шервиль испугалась и спряталась за молодого человѣка, за Джемса, вы знаете его. Она говорила потомъ, что никогда не видала, чтобы такіе взрослые, серьезные мужчины дрались и кидались подушками... Это былъ штурмъ... Parbleu! настоящій штурмъ... Я повалилъ Виллартона, самъ упалъ... Жаль, что вы не знаете мадамъ Виллартонъ, — это интересная женщина...

Я ждалъ еще новыхъ занимательныхъ подробностей, тѣмъ болѣе, что Österreйхеръ выпилъ много вина, но насъ прервали.

Вошелъ кавасъ и почтительно остановился у дверей.

Österreйхеръ опять нахмурился.

— Что такое? что тебѣ нужно? — спросилъ онъ тихо и сурово.

— Одинъ суддитъ*) пришелъ, нашъ суддитъ.

— Который?

— Азаріанъ, армянинъ.

Österreйхеръ произнесъ вполголоса, сдерживая гнѣвъ свой, нѣсколько самыхъ непристойныхъ турецкихъ ругательныхъ словъ: «Кератà! пезевенгъ!» и потомъ прибавилъ громко и спокойно: — Зови!

Азаріанъ вошелъ. Онъ былъ одѣтъ по-восточному, въ фескѣ, въ длинной шубѣ на легкомъ мѣху, съ широкими

---

*) *Суддитъ* — sujet, такъ зовутъ турки *иностранныхъ подданныхъ* преимущественно мѣстныхъ уроженцевъ, снабженныхъ иностраннымъ паспортомъ, въ отличіе отъ подданныхъ султана — *райя*.

рукавами, какъ у монашеской рясы, и въ полосатомъ халатѣ снизу, подпоясанномъ кушакомъ.

— Садись,—сказалъ ему консулъ по-турецки довольно скромно и кротко. (Вѣроятно, онъ вспомнилъ въ эту минуту или объ эѳическомъ принципѣ германскаго генія или объ экономическомъ строѣ мѣстной жизни, такъ какъ Азаріанъ былъ богатъ и могъ поэтому пригодиться).

Азаріанъ сѣлъ почтительно на край дивана и уже сидя раскланялся со всѣми нами по-турецки.

Консулъ вѣжливо, и даже съ маленькою улыбкой, отвѣтилъ ему; но я чувствовалъ, что онъ волнуется, и, зная его, ожидалъ грозы.

Азаріанъ глядѣлъ на всѣхъ насъ и лукаво, и весело, и глупо, ожидая новаго вопроса.

— Э, что̀ новаго? — спросилъ Österreйхеръ все еще вѣжливо.

— Гюзельликъ *)! — равнодушно произнесъ армянинъ.

Долгъ восточныхъ приличій требовалъ, чтобъ онъ не начиналъ прямо съ изложенія своего дѣла, а велъ бы сначала съ господиномъ консуломъ пріятные общіе разговоры о здоровьѣ, погодѣ, о взаимной дружбѣ и т. д.

Но это слово «гюзельликъ» было искрой, воспламенившею австрійскій порохъ. Österreйхеръ затопалъ, зазвенѣлъ шпорами, застучалъ кулакомъ по столу, закричалъ какъ бѣшеный:

— Гюзельликъ! а! гюзельликъ! мнѣ нѣтъ времени твоими гюзельликами заниматься! Говори дѣло, начинай прямо съ дѣла... что̀ у тебя тамъ?.. Гюзельликъ! гюзельликъ! — повторилъ онъ съ ненавистью.

Азаріанъ, вѣроятно уже привычный къ такимъ вспышкамъ, не особенно испугался, но смиренно и спокойно склонивъ голову, даже улыбнулся и сказалъ:

— Ну, хорошо, хорошо. Начнемъ съ дѣла.

Österreйхеръ утихъ и слушалъ.

Дѣло было несложное: о недоплатѣ денегъ другимъ армя-

*) Все прекрасно! «Красота, тишина». Все равно что у насъ. «слава Богу!»

нинмъ, турецкимъ подданнымъ, за проданнаго ему Азаріаномъ буйвола, который у новаго хозяина тотчасъ же издохъ.

Österreйхеръ велѣлъ Бояджіеву пойти съ Азаріаномъ въ канцелярію и записать для памяти имя противника и сущность дѣла и прибавилъ ласково:

— Бояджіевъ, mon cher, вы займитесь тамъ, а мы пока побесѣдуемъ съ мосье Ладневымъ.

Оставшись со мною наединѣ, Österreйхеръ почти тотчасъ же заговорилъ объ Антоніади и Виллартонѣ.

XVI.

Какъ только Бояджіевъ исчезъ за дверями вмѣстѣ съ Азаріаномъ, мнѣ захотѣлось поскорѣе и вполнѣ увѣриться, что Österreйхеръ не сердится на меня,, и я сказалъ ему:

— Мнѣ, право, очень жаль, что я былъ вынужденъ дать вашему драгоману такое строгое наставленіе. Я считаю себя правымъ, но мнѣ непріятно, что это случилось у васъ въ домѣ и при васъ. Впрочемъ, увѣряю васъ, что мое искреннее уваженіе къ вамъ заставило меня придать всему этому болѣе мягкую форму. Въ другомъ мѣстѣ я позволилъ бы себѣ большее.

Österreйхеръ принужденно улыбнулся и отвѣчалъ:

— Да, онъ немножко грубъ и не знаетъ, что можно сказать и чего нельзя.

Потомъ онъ дружески подлилъ мнѣ еще вина и продолжалъ:

— Эти драгоманы большое затрудненіе. Я въ одномъ завидую вамъ, русскимъ, что вамъ такъ давно служитъ такой несравненный человѣкъ, какъ Михалаки Канкеларіо. Это сокровище. И съ какимъ удовольствіемъ отнялъ бы я его у васъ! Но я знаю, что это невозможно. Онъ не разстанется съ русскимъ консульствомъ.

Österreйхеръ былъ правъ; положеніе нашего драгомана было совсѣмъ не похоже на положеніе другихъ драгомановъ въ городѣ. Михаилъ Канкеларіо, даже и не служа

при русскомъ консульствѣ, по состоянію своему, по чрезвычайно тонкому уму и по нѣкоторой образованности своей имѣлъ бы видное мѣсто въ городѣ. У него былъ въ Кастро хорошій домъ (мнѣ нравилось то, что онъ былъ ярко-синяго цвѣта); была прекрасная дача въ подгородномъ селѣ Карагачѣ, съ садомъ, бесѣдками, обвитыми душистымъ жасминомъ, съ небольшимъ фонтаномъ; были свои лошади; торговалъ онъ счастливо разнымъ мелкимъ и грубымъ товаромъ, стеклянною посудой, гвоздями, замками, желѣзными печами, дешевыми коврами европейской поддѣлки. Безвозмездная служба при русскомъ консульствѣ въ соединеніи съ его независимыми средствами, при способностяхъ и тактѣ, удваивала его силу и значеніе въ средѣ христіанъ Адріанополя. Въ консульскихъ домахъ онъ былъ бы принятъ и не служа, какъ «архонтъ» или «приматъ», какъ одинъ изъ представителей мѣстной плутократіи. Консульскія жены платили визиты его старой и болѣзненной женѣ, которая ходила въ короткихъ платьяхъ и повязывалась платочками. Михалаки бывалъ по торговымъ дѣламъ въ Парижѣ и въ Вѣнѣ, и практическое знаніе французскаго языка еще больше облегчало ему сношенія запросто съ консулами. Совсѣмъ иначе были поставлены въ обществѣ драгоманы другихъ консульствъ. Драгоманъ французскаго консульства былъ въ то время полякъ Менжинскій, энергическій фанатикъ польскаго дѣла, галиційскій эмигрантъ, бѣдный, бездомный скиталецъ, врагъ русскихъ до такой явной степени, до такой личной дерзости, что Богатыревъ вынужденъ былъ официально отказать ему отъ входа въ консульство даже и по дѣламъ, встрѣчаясь не говорилъ и не кланялся съ нимъ и мнѣ приказывалъ поступать такъ же. Французскіе консулы протестовали, выставляя на видъ официальное значеніе Менжинскаго, но тщетно. Богатыревъ не уступалъ. Бояджіева я уже описалъ; онъ тоже самъ по себѣ, безъ австрійскаго драгоманата, мало бы значилъ въ обществѣ. Бѣдный болгаринъ, народный учитель изъ дальняго и глухого города, перешедшій изъ политическихъ видовъ и корысти въ уніатство—что могъ онъ значить въ обществѣ, если бы не служилъ у Остеррейхера? При этомъ, какъ

видно было всякому сразу, грубый, невѣжливый, напыщенный кой-какимъ знаніемъ языковъ и воображаемою ученостью. Его консулы принимали только по дѣламъ и въ торжественные дни царскихъ именинъ и королевскихъ рожденій. Визитовъ ему не платили. Богатыревъ руку подавалъ ему, но всегда сурово и стараясь не глядѣть на него. У Виллартона по мелкимъ дѣламъ въ Портѣ и въ другихъ консульствахъ хлопоталъ скромный, небогатый, робкій, низенькій, невзрачный и умомъ ограниченный грекъ Сотираки. Онъ имѣлъ небольшой домикъ въ дальнемъ предмѣстьи Ильдиримъ; въ общество консульское и высшее торговое самъ втираться не старался, на него тоже мало обращали вниманіе, но скорѣе по какому-то забвенію, чѣмъ по недоброжелательству. Я сказалъ, что онъ былъ человѣкъ скромный и почтительный; у Виллартона при почетныхъ гостяхъ онъ сидѣлъ на кончикѣ стула, въ углу, и очень скоро куда-то скрывался. Словомъ, если примѣнить приблизительно впечатлѣніе, которое производили всѣ эти четыре драгомана, къ оттѣнкамъ нашей русской провинціальной жизни, то выйдетъ такъ, что въ пріемной Богатырева, Виллартона и де-Шервиля (весьма благовоспитаннаго человѣка) Сотираки производилъ впечатлѣніе скромнаго и дѣльнаго управляющаго имѣніемъ; Менжинскій—отставного майора, бѣднаго, но гордаго и сердитаго, съ которымъ многіе боятся сблизиться, чтобъ онъ не прибилъ или не вызвалъ на дуэль; Бояджіевъ былъ похожъ на твердаго и ничего (даже и вѣжливости) не признающаго нигилиста, который обѣдая случайно съ дворянами думаетъ о томъ, какъ бы хорошо было ихъ всѣхъ перевѣшать или зарыть живыми въ землю, орошенную потомъ и слезами «меньшей братіи». И только одинъ нашъ Михалаки напоминалъ не совсѣмъ благообразнаго, вовсе не изящнаго, но все-таки равноправнаго съ богатыми и свѣтскими хозяевами дома сосѣда-землевладѣльца. Немного mauvais genre, немного подлецъ, очень скверно одѣтъ, но чрезвычайно уменъ, всякому очень нуженъ по положенію своему и умѣетъ держать себя въ обществѣ независимо и почтительно.

Понятно поэтому, что австрійскій консулъ былъ правъ,

сокрушаясь о томъ, что у него нѣтъ такого Михалаки (вдобавокъ около двѣнадцати лѣтъ служащаго безплатно вѣрой и правдой только изъ идеи и самолюбія).

— Да! — продолжалъ австрійскій консулъ. — Бояджіевъ мнѣ необходимый человѣкъ, и я очень имъ дорожу. Но мнѣ бы хотѣлось имѣть еще другого, собственно почетнаго драгомана «ad honores», для представительства въ Портѣ и для общественныхъ сношеній. Бояджіевъ райя, это его иногда стѣсняетъ, и кромѣ того, ce n'est pas un homme du monde! Я обратилъ недавно вниманіе на одного человѣка. Но Виллартонъ предлагаетъ ему то же самое. Я вчера узналъ это изъ самаго вѣрнаго источника. Вы угадываете?

Österreйхеръ сдѣлалъ плутовское лицо. Я догадался, смутился до чрезвычайности, самъ не знаю почему, и поспѣшилъ отвѣтить, какъ бы недоумѣвая:

— Нѣтъ, право, не могу догадаться!.. Не могу!

— Ба! это такъ легко! Конечно, я говорю объ этомъ хіосскомъ купцѣ, объ Антоніади. Онъ человѣкъ богатый и представительный; я довѣряю вамъ эти планы по личной пріязни, и еще потому, что онъ, кажется, вамъ давно знакомъ. Жена его русская. Быть можетъ вы поддержите меня и даже возьмете на себя трудъ узнать мысли Антоніади. На чью сторону онъ склоняется, на сторону Виллартона или на мою? Берегитесь, Виллартонъ большой интриганъ. Вамъ Антоніади не нуженъ, у васъ есть Михалаки.

Что мнѣ было отвѣчать на такую рѣчь? Я отвѣчалъ такъ:

— Я очень радъ вамъ сдѣлать услугу, но вы знаете, что я не могу себѣ позволить никакого подобнаго шага безъ разрѣшенія г. Богатырева. Хотя я увѣренъ, конечно, что и онъ не меньше моего будетъ радъ быть вамъ полезнымъ. Онъ очень любитъ и уважаетъ васъ.

— О! Богатыревъ прекрасный коллега! — съ восторгомъ воскликнулъ Österreйхеръ.—Это истинный джентльменъ! Я всегда говорю, что именно для дипломатіи необходимо сохранить аристократическій оттѣнокъ воспитанія. Есть нѣчто неуловимое у людей такого типа! Однако согласитесь, что этотъ элементъ рыцарской власти, извѣстный оттѣнокъ

привычной препотенціи внесенъ первоначально въ европейскую жизнь все тѣмъ же германскимъ завоевательнымъ и устрояющимъ геніемъ (*touchours* par ce *chénie chermanique* conquérant et organisateur!). Однако оставимъ это и обратимся къ Антоніади. Если можно будетъ вамъ взять на себя это дѣло, прошу васъ внушить Антоніади, что я для какихъ-нибудь коммерческихъ тяжбъ отрывать его отъ личныхъ дѣлъ не буду. Цѣль моя, повторяю, только одно представительство въ Портѣ и въ консульствахъ. Бояджіевъ не умѣетъ держать себя ни въ конакѣ, ни въ обществѣ консульствъ.

— Все это такъ,—отвѣчалъ я,—но услуга за услугу. Вы говорите, что узнали именно о такихъ видахъ Виллартона на Антоніади изъ самаго вѣрнаго источника. Мнѣ пріятно было бы знать—отъ кого? Довѣрьтесь мнѣ.

Австрійскій консулъ засмѣялся.

— Отъ самого Виллартона, конечно. Вы знаете, когда онъ поставитъ предъ собой маленькій турецкій столикъ, начнетъ подливать воду въ *ракы*, вы знаете, послѣ этого онъ... говоритъ...

— Да, это бываетъ съ нимъ,—сказалъ я,—радуясь такому положительному свѣдѣнію.

Я обѣщалъ австрійскому консулу мое содѣйствіе въ предѣлахъ возможности; онъ горячо поблагодарилъ меня, и я собрался итти. Я спѣшилъ къ Богатыреву, чтобы отдать ему во всемъ этомъ отчетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы поскорѣе узнать, что придумалъ Михалаки сдѣлать съ нашей стороны, все для той же цѣли—для привлеченія «хіосскаго купца».

Остеррейхеръ проводилъ меня до самаго крыльца со множествомъ лестныхъ дружескихъ словъ и добрыхъ пожеланій, а въ заключеніе всего сказалъ:

— Нѣтъ, послушайте меня, оставьте ваше уныніе. Vous êtes *cheune, ropuste, choli* garçon. *Choissez!* Заходите попрежнему вечеромъ, мы опять займемся за кружкой пива вопросами высшей цивилизаціи. Помните, какъ мы съ вами хорошо спорили, чуть не до разсвѣта, а жена моя дремала и меня это бѣсило?

Все это Öстеррейхеръ сказалъ такъ весело и мило, какъ будто онъ находилъ, что такъ и надо, что кричать при мнѣ на Амалію «Schechte Kuh!» есть одно изъ необходимыхъ и наилучшихъ проявленій культурной германской этики.

Распростившись съ нимъ, я немедленно пошелъ къ Богатыреву и засталъ его съ Михалаки за завтракомъ. Они оба очень мнѣ обрадовались, и Богатыревъ воскликнулъ:

— Вотъ, вотъ, посовѣтуйте! разрѣшите одинъ очень трудный вопросъ! Иванъ, подай скорѣе приборъ.

Я сѣлъ и приготовился отвѣчать на этотъ трудный вопросъ.

XVII.

Важный вопросъ былъ вотъ въ чемъ: Богатыревъ хотѣлъ дать обѣдъ по случаю учрежденія вилайета во Ѳракіи и въ честь пріѣзда обоихъ новыхъ пашей, Вали-Хамида и Каймакама-паши-Арифа. Надо было все рѣшить и кончить скорѣе, чтобы кто-нибудь изъ другихъ консуловъ не предупредилъ насъ.

Богатыревъ такъ увлекся этою затѣей, что, не кончивъ еще завтрака, спросилъ листъ бумаги и тутъ же сталъ карандашомъ чертить нѣчто въ родѣ плана обѣденнаго стола, чтобъ яснѣе было, гдѣ кого разсадить по чинамъ и по правамъ дипломатическаго старшинства.

Онъ начертилъ длинный четыреугольникъ; на одномъ концѣ написалъ: Вали-паша, на другомъ: le Cons. de Russie. Потомъ сталъ ставить крестики и начальныя буквы: le C. d. F. (французскій консулъ), M. L. (господинъ Ладневъ) и т. д. Число персонъ выходило нечетное, девять человѣкъ, считая съ Михалаки Канкеларіо... Между мною и Каймакамъ-пашой некого было посадить... Выходило съ одной стороны стола пусто и некрасиво.

Богатыревъ былъ очень этимъ недоволенъ...

— Посовѣтуйте, какъ же быть? — сказалъ онъ мнѣ.

— Пригласите новаго австрійскаго драгомана и посадите

его vis-à-vis съ monsieur Михалаки,—отвѣчалъ я съ улыбкой.

Михалаки вспыхнулъ, и глаза его засверкали.

— Какъ? — воскликнулъ онъ, — Бояджіева? уніата! Этого босоногаго негодяя!.. Въ такомъ случаѣ я прошу г. Богатырева лишить меня чести обѣдать въ такомъ высокомъ обществѣ... Мнѣ легче отказаться.

Въ негодованіи Михалаки готовъ былъ, кажется, и сейчасъ даже выйти изъ-за стола. Его обычная сдержанность и почтительность предъ нами, представителями русской власти, которую онъ почти страстно любилъ, не могли устоять противъ такого оскорбленія... Одного «плутократическаго» чувства его было бы достаточно, чтобы возмутиться такимъ предложеніемъ. «Этотъ *босоногій* негодяй» станетъ на одну съ нимъ доску!

— Постойте, monsieur Ладневъ вѣрно шутитъ, — сказалъ Богатыревъ. — Самъ Халимъ-паша оскорбился бы, если бъ учителя и райя Бояджіева посадили съ нимъ за одинъ столъ...

— Я не Бояджіева имѣлъ въ виду, а другого почетнаго драгомана, Антоніади, — отвѣчалъ я и поспѣшилъ успокоить Михалаки, разсказавъ обо всемъ томъ, что случилось сегодня въ австрійскомъ консульствѣ.

Слушатели мои были очень довольны. Михалаки негодовалъ на Бояджіева и съ любовью глядѣлъ на меня, когда я разсказывалъ о томъ, какъ я проучилъ грубаго уніата.

— Quel animal, quel animal! — повторялъ онъ, качая головой. — Отзываться такъ о великой Россіи, о святой Россіи!.. *Кюпекъ-оглы* (собачій сынъ)! — прибавилъ онъ еще по-турецки.

Богатыревъ тоже одобрилъ мое поведеніе.

— Это вы отлично сдѣлали, что этому болвану нотацію прочли, — сказалъ онъ. — И счастливо сошло вамъ это съ рукъ! Остерреіихеръ вѣрно къ вамъ за вашу «философію» очень благоволитъ, а то бы другому онъ показалъ дверь или бы еще что-нибудь хуже... Ну, а что жъ мы будемъ дѣлать теперь съ Антоніади? Какъ вы скажете, господа? Гдѣ намъ выгоднѣе его видѣть — въ англійскомъ консульствѣ или въ австріискомъ?

Онъ не пойдетъ служить въ австрійское консульство,— сказалъ Михалаки.

— Отчего?

— Греки вообще австрійцамъ служить не любятъ. Есть какой-то на это инстинктъ! — замѣтилъ адріанопольскій политикъ. — Это очень глубоко. Я не могу даже объяснить это, — прибавилъ онъ скромно, какъ бы кокетничая и желая вызова на дальнѣйшія разсужденія.

— Нѣтъ! — сказалъ весело Богатыревъ. — Пожалуйста объясните... Для насъ сдѣлайте это, monsieur Михалаки. Вотъ вамъ для подкрѣпленія еще немножко.

И онъ налилъ ему еще вина.

Михалаки, принявъ тогда снова тотъ твердый и вмѣстѣ съ тѣмъ ядовито-проницательный видъ, который былъ ему обыкновенно свойственъ, пристально глядя то на консула, то на меня, началъ такъ:

— *Il y a quelque chose!...* Въ интересахъ и преданіяхъ грековъ есть нѣчто такое, что́ больше ихъ располагаетъ служить Россіи и Англіи, чѣмъ католическимъ державамъ. Относительно Англіи и Австріи я скажу, что тутъ быть можетъ сохраняется чувство еще со временъ Меттерниха и Каннинга. Но, кромѣ того, вообще слѣдуетъ замѣтить, что славяне гораздо легче, чѣмъ греки, располагаются искренно къ державамъ католическимъ, и это очень натурально: у грековъ нѣтъ ни въ Австріи, ни въ Польшѣ милліоновъ католическихъ братьевъ. Греки *одни* на свѣтѣ; ихъ четыре милліона съ небольшимъ, и вся сила ихъ въ православныхъ преданіяхъ, а не въ племени. Россія и греки — вотъ столпы православія. А славяне могутъ измѣниться. Интересы и Россіи и грековъ требуютъ прежде всего, чтобы православіе было крѣпко, а у славянъ могутъ быть и другія наклонности.

— Такъ что́ же Англія? — спросилъ я, хотя и самъ почти предугадывалъ отвѣтъ Михалаки.

— Англія, — сказалъ онъ, — можетъ вредить грекамъ только поверхностно. Она можетъ что-нибудь отнять, присоединить; но она не можетъ развратить ни грековъ, ни славянъ такъ, какъ могутъ развратить ихъ католическія

державы. *Религія* при англичанахъ, такъ же какъ и при туркахъ, не въ опасности. Вы знаете, что греки Іоническихъ острововъ религіозиѣе, чѣмъ греки свободной Эллады.

— Поэтому - Антоніади... — подсказалъ Богатыревъ.

— ...не пойдетъ въ драгоманы къ австрійскому консулу, а къ Виллартону можетъ быть согласится.

— Но я васъ спрашиваю, что́ выгоднѣе намъ, намъ? — еще разъ спросилъ Богатыревъ.

Михалаки помолчалъ съ минуту и потомъ сказалъ:

— Вы знаете, турки говорятъ *дели-базаръ, бокъ-базаръ**) ! Пусть Антоніади служитъ у Виллартона; намъ будетъ лучше.

Богатыревъ засмѣялся отъ удовольствія.

— Вы думаете, — спросилъ онъ, — что такъ какъ Виллартонъ *дели* и слишкомъ обнаруживаетъ свою игру, то Антоніади будетъ все знать и будетъ передавать намъ?

— Зачѣмъ *намъ!* — скромно съежившись возразилъ Михалаки. — Это слишкомъ прямо, и Антоніади кажется не такой человѣкъ. Ему это покажется низкимъ... что-то въ родѣ шпіона. Но я найду другіе пути. Есть косвенныя сношенія, есть разные пути!

При этомъ Михалаки дѣлалъ такіе убѣдительные и извилистые жесты руками, что было ясно, — онъ знаетъ эти *пути*.

— Однако, — замѣтилъ Богатыревъ, — прежде всего не надо забывать, что Антоніади желаетъ пользоваться русскою протекціей. Онъ вѣдь самъ заявилъ мнѣ. Хорошо ли это будетъ, если мы его предоставимъ Виллартону вполнѣ?

— Зачѣмъ вполнѣ! Для Антоніади выгодно имѣть защиту и протекцію въ турецкихъ судахъ съ разныхъ сторонъ. Въ иныхъ случаяхъ ему пригодятся привилегіи, которыя ему дастъ англійскій драгоманатъ, а въ другихъ — наша помощь.

— Если бъ у него была здѣсь собственность, — прервалъ Богатыревъ, — то вѣдь жена его русская подданная, и онъ

---

*) *Дели́* — безумный; *бокъ* — навозъ, грязь или еще хуже.

могъ бы все записать какимъ-нибудь образомъ на ея имя... да и это очень сложно. Но вѣдь у него всѣ дѣла будутъ въ коммерческомъ судѣ, и какой способъ придумать, чтобы въ случаѣ нужды намъ защищать его интересы — я и не знаю...

Михалаки опять принялъ смиренный видъ. Хитрое лицо его выражало въ эту минуту спокойную, почти до равнодушія доходящую увѣренность подчиненнаго въ томъ, что начальникъ (и еще какой начальникъ... Богатыревъ!) знаетъ и понимаетъ все лучше его.

Богатыревъ прибѣгъ къ своему монаклю и, разсмотрѣвъ хорошо это выраженіе лукаваго грека, засмѣялся.

— Ne faites donc pas l'innocent, mon cher monsieur Mikhalaki!.. Мы ждемъ всего отъ вашей изобрѣтательности. Вы сами давно догадались.

— Что сдѣлать? я не знаю, — отвѣчалъ Михалаки задумчиво. — Я желалъ, чтобъ онъ и у насъ служилъ, и у Вилартона. Мнѣ такъ больше нравится. Я цѣлый день вчера объ этомъ думалъ. Нельзя ли сдѣлать Антоніади однимъ изъ членовъ тиджарета отъ русскаго консульства. Нашъ банкиръ Московъ-Самуилъ все старѣетъ и мало приноситъ пользы. Только мнѣ жаль старика обидѣть. Хотя и жидъ, но онъ такой добрый и невинный!

— О! это ничего! — воскликнулъ съ радостью Богатыревъ. — Мы найдемъ, чѣмъ утѣшить Самуила. Можно его будетъ сдѣлать вторымъ послѣ васъ почетнымъ драгоманомъ и брать иногда съ собой въ Порту для виду. Это доставитъ ему прекрасный случай надѣть свою рысью шубку, повязать феску хорошимъ шелковымъ платкомъ, *сидѣть* предъ генералъ-губернаторомъ и разговаривать съ нимъ! Онъ будетъ счастливъ этимъ... Вы начните съ этого поскорѣй, monsieur Михалаки, предложите ему быть вашимъ помощникомъ. А насчетъ Антоніади мы тоже постараемся. Отлично! — И, обратясь ко мнѣ, консулъ еще разъ спросилъ: — Владиміръ Александровичъ, не правда ли, отлично?

— Очень хорошо, — сказалъ я.

— А не позволите ли вы мнѣ, — спросилъ Михалаки вкрадчиво, — подать бѣдному Самуилу надежду на золотую

медаль на лентѣ св. Анны? Такъ, отъ себя, только надежду. Онъ такъ долго и усердно служилъ консульству банкиромъ и членомъ тиджарета *). Это расположитъ къ намъ всю здѣшнюю еврейскую общину, евреи скажутъ: «Вотъ служи англичанамъ; что за корысть! У нихъ и орденовъ вовсе нѣтъ. То ли дѣло Россія!»

— *Очень радъ! очень радъ!* — воскликнулъ Богатыревъ. — Подайте ему эту надежду не только отъ себя, но и прямо отъ меня. Я выхлопочу ему это непремѣнно. Итакъ дѣло рѣшено, по крайней мѣрѣ въ принципѣ... А объ обѣдѣ мы и забыли. Я тороплюсь, боюсь, чтобы Виллартоны... Кого же намъ посадить, я все-таки не знаю. Если бы къ тому дню даже и былъ назначенъ Антониади англійскимъ драгоманомъ, то я не вижу никакого основанія дѣлать Виллартону такую особую честь: приглашать только его драгомана. Какія основанія? И что за *прецедентъ* для будущаго? Вы, monsieur Михалаки, другое дѣло, вы *нашъ*, вы почти принадлежите къ *хозяевамъ консульства; и къ тому же я хочу*, чтобъ и сами паши видѣли, какъ мы васъ цѣнимъ. Но чужой драгоманъ?.. Подумайте и объ этомъ, прошу васъ.

Михалаки уже стоялъ въ эту минуту съ фуражкой въ рукѣ; онъ спѣшилъ въ Порту и долженъ былъ еще зайти къ Самуилу. Слыша такія рѣчи отъ гордаго консула, онъ, не совладавъ съ собою и покраснѣвъ отъ блаженства, какъ молодая дѣвушка, слабымъ голосомъ прошепталъ: «Je vous remercie, monsieur le consul!» и поспѣшно ушелъ, приговаривая: «Поищу, поищу и для обѣда кого посадить...»

Богатыревъ, проводивъ его глазами, глухо и тихо сказалъ: «Радъ-то какъ!» и потомъ, обратясь уже прямо ко мнѣ, началъ весело и плутовски смѣясь:

— Теперь я васъ обрадую.

— Какъ?

— Да ужъ обрадую, — продолжалъ мой молодой начальникъ все такъ же лукаво и добродушно. — Ужъ все пущу

*) *Тиджаретъ* — коммерческій судъ въ Турціи, въ немъ каждое консульство имѣло двухъ своихъ представителей для тяжебныхъ дѣлъ между турецкими подданными и иностранными.

въ ходъ. Мнѣ нужно, чтобы христіане здѣшніе не воображали, что мы нуждаемся въ содѣйствіи и дружбѣ англійскаго консула. Идите-ка вы, батюшка, знаете куда? Идите къ Марьѣ Спиридоновнѣ. Да! къ *самой* къ Марьѣ Спиридоновнѣ... А! какъ вы обрадовались! Да, вы влюблены. Это ясно. Вы влюблены. Вы больше обрадовались, чѣмъ Михалаки моимъ комплиментамъ...

— Перестаньте, — сказалъ я, конфузясь невольно. — Прошу васъ... ну радъ, ну влюбленъ, что вамъ до этого!..

— Да ничего, ничего. Я сочувствую вамъ. Дѣло житейское. Такъ вы идите скорѣе. Сейчасъ. Мужъ небось въ конторѣ теперь, считаетъ деньги. А вы къ ней. Начните поздѣшнему издалека... «La pluralité des mondes»... напримѣръ, «l'immensité de l'éspace; l'amitié; l'amour avant tout, le devoir conjugal après...» А потомъ и поручите ей все узнать, чего мужъ хочетъ. Скажите прямо, что Österreйхеръ просилъ васъ дѣйствовать въ его пользу, но что вы не знаете, какъ это, и зачѣмъ, и что съ политической точки зрѣнія консульству *все равно*, понимаете?.. Это главное — *все равно*... Вотъ оттѣнокъ. Поговорите отъ меня и отъ себя о тиджаретѣ и о Виллартонѣ узнайте... Я не совсѣмъ въ этомъ отношеніи съ Михалаки согласенъ. Все было бы лучше и проще, если бъ Антоніади былъ подальше отъ Виллартона и зависѣлъ бы въ дѣлахъ только отъ насъ.

И пріостановившись Богатыревъ прибавилъ опять шуточно:

— Вѣдь и для вашихъ будущихъ благъ было бы лучше, если бъ Антоніади зависѣлъ только отъ васъ, въ случаѣ моего отъѣзда?

Этотъ новый оттѣнокъ шутки мнѣ не понравился, и я отвѣтилъ Богатыреву серьезно:

— Послушайте, мнѣ ваши шутки вообще нравятся. Вы не Блуменфельдъ, я знаю... У него самое простое слово дышитъ злостью, раздраженіемъ и обидой. Я понимаю, что у васъ совсѣмъ другой оттѣнокъ. Но еще разъ я васъ прошу, умоляю даже, шутите надо мной сколько вамъ угодно, — надъ моимъ чувствомъ, что я влюбленъ, что я страдаю, все,

что вы хотите; но не придавайте, ради Бога, никакого грязнаго характера вашимъ рѣчамъ объ этой женщинѣ... Какое она зло вамъ сдѣлала? И если я хочу уважать ее, почему же вамъ не щадить моего чувства? Къ чему эта мысль о какой-то чиновничьей эксплуатаціи, о начальствѣ надъ мужемъ... Какая гадкая мысль!

Богатыревъ сильно нахмурился и очень грубымъ голосомъ сказалъ:

— Васъ не разберешь. Вы сами защитникъ женской свободы въ любви. Поклонникъ Жоржъ-Зандъ. А тутъ обижаетесь за одно слово! Я буду впередъ...

И, не кончивъ съ досады фразы, онъ все съ разсерженнымъ лицомъ всталъ и пошелъ къ дверямъ канцеляріи.

Я взялъ шапку съ окна и собрался итти, но консулъ, остановившись въ дверяхъ, оборотился ко мнѣ и замѣтилъ холодно и строго:

— Вы, впрочемъ, тамъ не слишкомъ распространяйтесь. Я хочу знать скорѣе о результатѣ. И еще предупреждаю васъ, что завтра курьеръ: у меня четыре большія донесенія, и я самъ не намѣренъ сегодня переписывать. У васъ работы будетъ на цѣлый вечеръ, тѣмъ болѣе, что вы скоро и красиво писать не можете.

— Потрудитесь прислать мнѣ на домъ. Все будетъ готово, — отвѣчалъ я такъ же сухо и холодно.

Мы разстались, и я, раздосадованный и смущенный, пошелъ къ Антоніади.

Погода становилась все хуже и хуже. Утренній туманъ, въ которомъ была своя поэзія, разсѣялся; теперь шелъ мелкій и частый дождикъ, напоминавшій мнѣ Петербургъ (я ненавидѣлъ все то, что мнѣ напоминало эту язву Россіи). Грубая адріанопольская мостовая была покрыта слоемъ липкой грязи, по которой бродили худыя и покрытыя сыпью безпріютныя собаки базара.

— Что за низость эти выходки (думалъ я въ величайшей досадѣ). «Дѣла мужа будутъ въ вашихъ рукахъ!» Вѣдь если бы послу или министру нравилась какая-нибудь женщина, онъ не позволилъ бы себѣ такъ шутить. Отчего же

бы я въ этомъ случаѣ не сдѣлалъ различія между чувствомъ министра и моего собственнаго слуги? Мнѣ было бы стыдно. Или я лучше многихъ созданъ? Или я больше ихъ понимаю?.. Но чего тутъ не понять Богатыреву? Онъ не Михалаки какой-нибудь здѣшній. Это отвратительно! И эта дѣтская какая-то месть чиновника: «переписывай же сегодня всѣ донесенія до поздней ночи за то, что ты отъ начальства не выносишь какихъ попало шутокъ». И неужели онъ и этого не стыдится?.. Не понимаю! не понимаю!

Въ такихъ непріятныхъ размышленіяхъ провелъ я всю дорогу отъ консульства до дверей *бѣлаго* дома въ *Кастро*.

XVIII.

Стучалъ я долго желѣзнымъ кольцомъ въ дверь и съ ужасомъ думалъ: «И вдругъ ея дома нѣтъ!» И въ ту же минуту я вспомнилъ почти съ отчаяніемъ, что это именно свиданіе было бы первымъ нашимъ свиданіемъ съ глазу на глазъ. Въ первый разъ мы были бы съ ней одни, и не на улицѣ, а въ домѣ. Ни мужа, ни Богатырева, ни посольскихъ товарищей, какъ было въ Константинополѣ на завтракѣ.

Я былъ такъ остороженъ, такъ терпѣливъ (быть можетъ и вопреки моей природѣ), такъ берегъ ея репутацію (напримѣръ, при встрѣчѣ нашей на улицѣ)! Теперь моя совѣсть оправдана даже порученіемъ по службѣ. Все было бы такъ хорошо! А эту дверь не отпираютъ, и ея быть можетъ нѣтъ дома!

Наконецъ послышались шаги, и эта дверь отворилась.

Предо мной предстала смуглая Елена, гречанка съ острова Чериго, вѣрная и давнишняя горничная Маши.

— Пожалуйте, пожалуйте, — привѣтливо сказала она.

Она какъ будто рада была меня видѣть.

Печаль моя тотчасъ же облегчилась, и я пошелъ наверхъ.

Елена шла за мной и говорила мнѣ:

— Вы насъ извините, что мы опоздали отворить вамъ дверь. — У насъ все вверхъ дномъ.

— Отчего?

Маленькая наша Акриви вчера пріѣхала съ учительницей своей изъ Константинополя. Привезли много вещей... Мы все теперь приводимъ въ порядокъ, и госпожа Марія наша не хотѣла никого принимать, но когда увидала васъ изъ окна, сказала: «Бѣги, бѣги, Елена, скажи, что прошу его. Какъ я рада, что онъ пришелъ». Очень она любитъ русскихъ!

Такъ говорила добрая Елена, не зная, до чего ея слова для меня радостны. Въ залѣ я увидалъ и *ее*, и дочь, и гувернантку, ту самую *бѣлую съ краснымъ Кизляръ-Агаси* Игнатовичъ, которую я встрѣтилъ на завтракѣ у Т. полтора года тому назадъ. Акриви выросла; Кизляръ-Агаси была все та же.

Въ залѣ, правда, былъ въ эту минуту большой безпорядокъ. На полу было много сѣна, валялись доски отъ большихъ ящиковъ; столы были загромождены посудой, и стояло много попарно связанныхъ внизъ и вверхъ ногами стульевъ, тщательно обернутыхъ бумагой.

Маша радостно встрѣтила меня, крѣпко пожала мнѣ руку и сказала:

— Ахъ, какъ я рада васъ видѣть! какъ вы давно у насъ не были, что̀ съ вами?

Я не зналъ, что̀ отвѣтить на это (она должна же была понимать, что я не былъ давно именно потому, что слишкомъ сильно желалъ быть ежеминутно съ нею!)

— Акриви! — продолжала Маша, — ты помнишь monsieur Ладиева? Здоровайся же съ нимъ скорѣе!

— Нѣтъ! не помню, — отвѣчала дѣвочка съ недоумѣніемъ, присѣдая.

Съ г-жей Игнатовичъ мы поздоровались, какъ старые знакомые, и вотъ какъ мѣняется человѣкъ! Эта сантиментальная, непріятно увядшая женщина съ красными губами и красными вѣками, которая въ Царьградѣ тогда показалась мнѣ ужасною, здѣсь произвела на меня совсѣмъ другое впечатлѣніе; то-есть не она сама, не лицо ея, не вся ея особа, а только присутствіе ея здѣсь показалось мнѣ благо-

пріятнымъ. По какому-то тайному, сердечному инстинкту, по какому-то невыразимому сразу физіологическому соображенію я предугадалъ въ ней будущую усердную мнѣ потворщицу и дружески пожалъ ей руку, говоря:

— Вотъ неожиданная и пріятная встрѣча!

Легкій румянецъ удовольствія покрылъ щеки г-жи Игнатовичъ, и жалкое лицо ея выразило такое смущеніе, что сердце мое сжалось внезапно отъ состраданія. Если встрѣтить ее я не ожидалъ, то еще менѣе ожидалъ чувствовать все то, что̀ я почувствовалъ въ эту минуту. Не правъ ли я былъ, говоря, что драма жизни нашей со всѣми ея тайными и тонкими ощущеніями полна мистической неразгаданности!

Питать такое отвращеніе, и вдругъ!

Маша велѣла продолжать Еленѣ уборку вещей въ залѣ; увела меня въ другую небольшую пріемную свою, которую я еще не видалъ, и извинившись оставила меня одного.

Я сѣлъ и любовался. Гостиная эта была только что заново отдѣлана и украшена съ удивительнымъ вкусомъ. Рѣзной деревянный потолокъ, стѣны и дулапы *) въ стѣнахъ были выкрашены свѣтло-оливковою краской во всѣхъ углубленіяхъ, а выпуклые узоры, карнизы и бордюры — блѣдно-краснымъ цвѣтомъ. Гостиная эта въ родѣ кіоска освѣщалась съ улицы тѣснымъ рядомъ оконъ, почти безъ простѣнковъ, и подъ этими окнами во всю длину шелъ одинъ простой и широкій турецкій диванъ. Онъ былъ обитъ тонкимъ сукномъ темно-краснаго цвѣта, а всѣ кантики на его швахъ, на длинномъ рядѣ подушекъ, какіе-то полукруглые уголки на этихъ подушкахъ и тяжелая бахрома внизу, все это было ярко-палеваго цвѣта, — странное сочетаніе, которое, однако, очень любимо турками и къ которому скоро привыкаетъ русскій глазъ, тоскующій по столь родственной ему пестротѣ. Скатерть на кругломъ столѣ посреди комнаты была черная бархатная, по заказу въ Царьградѣ, расшитая великолѣпными разноцвѣтными турецкими над-

*) Углубленія въ стѣнахъ, съ дверцами, наподобіе шкафовъ.

писями и вензелями, коверъ на полу смирнскій, темно-зеленый, съ густымъ ворсомъ; тамъ и сямъ стояло нѣсколько покойныхъ креселъ европейскаго фасона, обитыхъ также сукномъ, только не краснымъ, какъ диванъ, а какимъ-то почти оливковымъ, подходящимъ подъ цвѣтъ стѣнъ и потолка. Чугунная американская фигурная печь топилась направо. Налѣво, у другой стѣны, на бѣломъ мраморѣ узкаго стола стояли двѣ большія вазы... японскія или китайскія, не знаю и названія этого фарфора не помню, только онъ весь нарочно дѣлается какъ бы мелко истресканнымъ. Но чуть ли не лучшимъ украшеніемъ этой странной и прекрасной комнаты были четыре стула, изъ числа тѣхъ, которые я обвязанными видѣлъ въ залѣ. Дерево на нихъ все было заново позолочено, а подушки, какъ на сидѣньѣ, такъ и овальныя на спинкахъ были вышитыя по канвѣ; на фонѣ бѣлаго шелка были изображены пастушескія сцены, деревья, зелень, овечки. Пастушка прядетъ, пастухъ-юноша беретъ ее за подбородокъ; пастухъ играетъ на свирѣли одинъ, пастушка ласкаетъ собаку. Этотъ бѣлый шелкъ и золото! Прелестно.

Видно было, впрочемъ, что эту комнату только что обновили; въ ней было все, такъ сказать, свѣжо, изящно, но еще пусто, съ ней еще не сжился никто: не было ни книги на столѣ, ни женской работы, ни забытой дѣтской игрушки. «Но это придетъ само собою!» думалъ я и, осматриваясь кругомъ, продолжалъ восхищаться.

Когда мадамъ Антоніади вернулась съ работой въ рукахъ и сѣла, я выразилъ ей свой восторгъ.

— И эти стулья, шелкомъ шитые! это такъ кстати! — сказалъ я: — овечки, пастушки рококо посреди всей этой турецкой пестроты. Точно какой-нибудь великій визирь прошлаго вѣка купилъ ихъ какъ рѣдкость для своего гарема или даже привезъ ихъ какъ добычу изъ какого-нибудь австрійскаго ограбленнаго замка!

— Эти стулья мое созданіе; я сама вышивала ихъ, — сказала Маша.

— Нѣтъ! — продолжалъ я, — визирь прошлаго вѣка не

сумѣлъ бы такъ убрать свой гаремъ! Для этого нужно именно то, о чемъ я такъ напрасно мечтаю для насъ, русскихъ — смѣлое соединеніе восточныхъ вкусовъ съ европейскою тонкостью пониманія!

И я опять то любовался на милыя эклоги золотыхъ стульевъ, то разсматривалъ скатерть, то удивлялся удачному въ смѣлости своей сочетанію красокъ въ этомъ убранствѣ, то хвалилъ рѣзьбу потолка.

Мадамъ Антониади улыбаясь слѣдила за моими движеніями и, наконецъ, сказала:

— Я все время думала объ васъ, когда убирала. Мнѣ хотѣлось угодить вамъ. Кажется удалось?

— Я не могу на это отвѣчать, — сказалъ я даже съ досадой. — Что̀ тутъ слово! Впрочемъ оставимъ это. Я долженъ вамъ сказать, что я пришелъ къ вамъ съ порученіемъ.

— Отъ кого это? — съ любопытствомъ спросила она.

— Отъ двоихъ консуловъ.

Любопытство ея возрастало; она оставила работу и съ живостью переспросила:

— Ко мнѣ — отъ консуловъ? Отъ какихъ? Отъ какихъ? Что̀ такое?

Но насъ прервали. Дверь изъ залы тихонько отворилась, и вошла Акриви. Она была одѣта такъ, какъ одѣваются турецкія дѣвочки, только лучше ихъ. На черныхъ и смолистыхъ (какъ у отца) волосахъ ея, остриженныхъ въ кружокъ, былъ небольшой бѣлый газовый платочекъ, обшитый мелкою и пестрою бахромой; платочекъ былъ пришпиленъ съ одного боку двумя брилліантовыми звѣздами на витой проволокѣ, и звѣзды эти дрожали и блистали при каждомъ движеніи маленькой Акриви. Одежда на ней была вся изъ палеваго яркаго шелка, съ какими-то небольшими черно-лиловыми и бѣлыми фигурками. Верхній кафтанчикъ былъ перехваченъ поясомъ съ серебряными круглыми пряжками, а шальвары очень пышны и широки, до земли, но сшиты такъ, что они нисколько не мѣшали ей ступать и даже бѣгать, если бъ она захотѣла. Въ рукахъ Акриви

держала небольшой серебряный подносъ съ двумя прекрасными *зарфиками* чернаго фарфора.

Въ ту минуту, когда дверь отворилась, показалась въ ней Елена. Она отворяла эту дверь и, пропуская впередъ барышню съ подносомъ, сказала громко и весело:

— Иди, иди, *туркуда* наша. Иди, милая, весели русскаго нашего *челибея* *).

Акриви шла ко мнѣ съ кофеемъ не спѣша. Ея блѣдное, восковое личико было серьезно, и черные, тихіе, покойные глаза удивительно напоминали отцовскіе.

Принимая изъ рукъ ея кофе, я сказалъ вполголоса, какъ бы не обращаясь ни къ кому:

— Что жъ это такое?.. Это можно съ ума сойти!

Дѣвочка взглянула на меня съ удивленіемъ и вдругъ спросила все съ тѣмъ же серьезнымъ и почти печальнымъ лицомъ:

— Отчего?

Мать громко засмѣялась; а я, взявъ за руку Акриви, притянулъ ее къ себѣ и сказалъ:

— Оттого, что ты такъ мила въ этой одеждѣ, что мнѣ хочется расцѣловать тебя.

Акриви немного попятилась и, пожавъ плечами, сдѣлала небольшую гримасу и опять такъ же кратко и рѣзко воскликнула по-французски:

— Pourquoi m'embrasser?...

А потомъ, обратясь къ матери, спросила по-гречески:

— Поцѣловать его или нѣтъ?

Мадамъ Антоніади очень забавлялась этими выходками дочери и велѣла ей меня поцѣловать. Тогда Акриви обняла меня прямо рукой за шею и поцѣловала крѣпко и радушно прямо въ губы.

Я былъ очень тронутъ этимъ простымъ движеніемъ серьезнаго и задумчиваго ребенка.

Послѣ этого Акриви спросила у матери:

---

*) *Челибей* — господинъ.

— Что мнѣ, сѣсть теперь или стоять съ подносомъ, пока monsieur будетъ пить кофе?

— Сядь, сядь, — сказала ей мать. — Теперь мнѣ не до тебя, подожди... Какой же консулъ далъ вамъ ко мнѣ порученія? *Ко мнѣ!* какъ это странно.

— Во-первыхъ, Остеррейхеръ. Онъ очень желаетъ, чтобы вашъ мужъ служилъ у него почетнымъ драгоманомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ боится, что Виллартонъ пересилитъ. Виллартонъ самъ признался Остеррейхеру въ своихъ видахъ на вашего мужа... И Остеррейхеръ просилъ меня вывѣдать какъ-нибудь, которое изъ двухъ консульствъ онъ предпочитаетъ.

— Вотъ какъ! — сказала мадамъ Антоніади, — мой мужъ здѣсь, я вижу, словно хорошенькая женщина: его разрываютъ на части!

— Это понятно, — замѣтилъ я, — вашъ мужъ богатый негоціантъ, образованный, дѣльный, основательный. Соединеніе такихъ качествъ рѣдкость въ Адріанополѣ, и я понимаю консуловъ; они хотятъ украсить, такъ-сказать, вашимъ мужемъ свои консульства.

Мадамъ Антоніади задумалась надъ своею работой. Она долго молчала и потомъ, пожавъ плечами, сказала довольно сухо:

— Что же я тутъ? Это воля monsieur Антоніади. Вы бы обратились къ нему.

— Я не могъ навѣрное знать, что онъ теперь въ конторѣ (солгалъ я); разумѣется, если бъ онъ былъ дома, я бы обратился къ нему самому. А теперь я вынужденъ спѣшить, потому что я не говорилъ еще о третьемъ соперникѣ, который тоже имѣетъ претензіи завладѣть сердцемъ monsieur Антоніади.

— Это еще кто? Неужели monsieur де-Шервиль!? У него этотъ страшный Менжинскій. Развѣ онъ съ нимъ разстается?

— Нѣтъ, не де-Шервиль, а нашъ Богатыревъ!

— Богатыревъ!? — съ удивленіемъ спросила Маша и даже покраснѣла отчего-то (я думаю, отъ тщеславной радости, что за ея мужемъ такъ ухаживаютъ).

— А что вы дѣлаете съ вашимъ знаменитымъ Канкеларіо?

— Ничего мы съ нимъ новаго не дѣлаемъ. Все то же. Богатыревъ нуждается въ хорошемъ представителѣ для тиджарета: вотъ что хочетъ онъ предложить вашему мужу, такъ какъ онъ самъ желалъ пользоваться русскою протекціей.

— Да, вотъ что! — воскликнула m-me Антоніади и опять задумалась, продолжая прилежно вышивать свой вензель на батистовомъ платкѣ.

Акриви во все это время, пока мы разговаривали, сидѣла смирно и ждала, чтобъ я допилъ кофе.

Я кончилъ; Акриви привстала, поднялась на цыпочки, поглядѣла издали въ мою чашку и сказала матери:

— Monsieur Ладневъ кончилъ свой кофе. Могу ли я уйти теперь?

— Иди.

— Я раздѣнусь, — прибавила Акриви, — я должна еще помогать Еленѣ разбирать вещи. Я боюсь испортить платье.

— Хорошо, хорошо, иди, — сказала мать съ нетерпѣніемъ. Видимо ей хотѣлось что-то наединѣ мнѣ сказать.

Когда мы остались одни, m-me Антоніади начала такъ, *пожимая плечами и не безъ смущенія:*

— Послушайте, вы меня ставите въ трудное положеніе. Я здѣсь еще ничего не знаю. Вы вѣрно хотите, чтобъ я какъ-нибудь подѣйствовала на мужа. Я боюсь сдѣлать вредъ его интересамъ и потомъ (она стала очень серьезна и опустила глаза), потомъ я на него имѣю очень мало вліянія. Мы съ нимъ никогда не сходимся въ понятіяхъ. Это иногда очень скучно!

Я молчалъ и ждалъ, что она дальше скажетъ.

Она продолжала опять пристально и серьезно взглядывать мнѣ въ глаза:

— Я ничего не понимаю еще въ здѣшнихъ дѣлахъ—что опасно, что выгодно. Теперь такія волненія. Можетъ быть англійскій консулъ можетъ лучше насъ оберегать отъ какой-нибудь турецкой несправедливости. Я говорю вамъ, что и ничего, ничего этого не знаю, и потомъ я такъ ненавижу

всю эту коммерцію, всѣ эти суды, всѣ эти *дѣла!* Отецъ мой, правда, занимался тоже торговлей въ Россіи и Молдавіи. Но я на все это не обращала никакого вниманія! Понимаете?

— Понимаю.

— А вмѣстѣ съ тѣмъ я не могу взять на себя какую-нибудь отвѣтственность въ такихъ дѣлахъ. Какъ я рѣшусь вліять на мужа! Я, можетъ быть, сдѣлаю что-нибудь не такъ, *чтобы понравиться русскимъ, которыхъ я такъ люблю.* А это будетъ вредно! Понимаете?

Говоря это, она чуть-чуть покраснѣла, и я, отвѣчая ей «понимаю», тоже смутился отъ радости.

— Постойте, я еще не кончила, — сказала она съ жаромъ. — Я хочу быть откровенною съ вами сегодня. Видите, я терпѣть не могу коммерціи, но вѣдь я этой его коммерціи обязана всѣми удобствами моей жизни. Онъ пріобрѣлъ свое богатство большою энергіей и большими лишеніями. Да! я вамъ обо всемъ этомъ когда-нибудь разскажу. Онъ много перенесъ, и при этомъ онъ честный человѣкъ, вѣрьте мнѣ! А у меня ничего не было, кромѣ кой-какихъ вещей. Des petits riens! И вотъ что еще, слушайте — вотъ я эту турецкую одежду сшила моей дѣвочкѣ еще въ Константинополѣ. Я знала, что *вамъ* это понравится. Ну? Вы понимаете, на чьи труды, на какія деньги я доставляю себѣ такія удовольствія. Да, поймите. Я трачу много на себя и на дочь для моего удовольствія, потому что люблю такъ же, какъ и вы, чтобы все было красиво. Что жъ мнѣ дѣлать, если безъ этого мнѣ тоска. Я скучаю нестерпимо въ томъ коммерческомъ кругу, въ которомъ принуждена жить съ нимъ. И терплю это, а онъ выноситъ мои расходы. Я говорю, что мы иногда бываемъ несогласны, и вы видѣли примѣръ, какъ я глупо разсердилась у monsieur де-Шервиля въ домѣ, когда мы спорили, гдѣ нанимать квартиру. Нѣтъ, лучше объ этомъ не говорить. Я была очень глупа и противна тогда. Мой мужъ былъ правъ. Но это бываетъ очень рѣдко. Прошу васъ, не думайте, что ссоры у насъ бываютъ часто. Мнѣ было бы очень стыдно. Ихъ почти никогда не бываетъ:

мы оба вовсе не вспыльчивы. Простите, я такъ много наговорила, что сама теперь не знаю, что̀ вамъ сказать.

— Вы хотѣли объяснить, — сказалъ я, — почему вы не можете вмѣшаться въ тѣ дѣла, о которыхъ я вамъ говорилъ. Но вы, кажется, не ясно поняли, о чемъ рѣчь. Вашъ мужъ самъ, вы помните, при васъ спрашивалъ у Богатырева, нѣтъ ли какого-нибудь средства пользоваться русскою протекціей въ тяжебныхъ дѣлахъ и вообще въ торговыхъ. Мы придумали сдѣлать его русскимъ представителемъ въ тиджаретѣ.

— Что̀ такое тиджаретъ? я забыла.

— Тиджаретъ — коммерческій судъ. Всѣ дѣла по распискамъ, векселямъ и т. п. судятся въ этомъ тиджаретѣ, и каждое консульство имѣетъ въ немъ двухъ представителей изъ какихъ угодно подданныхъ и какой угодно вѣры, лишь бы знали дѣла. Правда, что положеніе такого *азы* (они называются *аза*) не даетъ права на такое безусловное покровительство со стороны русскаго, напримѣръ, консула, какимъ пользуется русскій подданный, русскій драгоманъ, русскій кавасъ. Но все-таки это способствуетъ...

Маша покачала печально головой и вздохнула.

— Что̀ съ вами? — спросилъ я съ удивленіемъ.

— Это ужасно скучно все, что̀ вы говорите! Что́ мнѣ до этого за дѣло? Вы мнѣ скажите просто, чего вы отъ меня хотите: хотите вы, чтобы мужъ мой былъ австрійскимъ драгоманомъ или англійскимъ, или чтобъ онъ у другихъ вовсе не служилъ, такъ и скажите.

Я смотрѣлъ на нее. Выраженіе лица ея было все-таки такое хитрое! Что̀ мнѣ ей отвѣтить? Я отвѣчалъ искренно:

— Я? Я чего хочу? Я хочу прежде всего, чтобы вамъ было хорошо и чтобы вы не могли на меня жаловаться. А насчетъ того, будетъ ли у кого-нибудь вашъ мужъ драгоманомъ или нѣтъ, по правдѣ сказать, мнѣ все равно. Конечно, какъ-то лучше, чтобъ онъ не служилъ ни у Вилльартона, ни у Österreichера. Обманывать онъ едва ли ихъ станетъ, а безъ обмана будетъ раздвоеніе, хотя, простите... и безъ вашего мужа наши главные интересы въ странѣ бу-

дутъ соблюдены. Я не знаю, что̀ думаетъ объ этомъ консулъ. Но если бъ я былъ консуломъ, я не желалъ бы, чтобъ онъ служилъ у Виллартона.

— Почему?

— Виллартонъ старается во всемъ намъ мѣшать. Пріятно ли будетъ вашему мужу служить намъ въ тиджаретѣ и обдѣлывать подъ нашимъ флагомъ свои личныя дѣла у турокъ; а потомъ дѣлать съ Виллартономъ совсѣмъ другое — или насъ обманывать, или его.

— Скажите какой-нибудь примѣръ, чтобъ я поняла, — сказала она.

Я не долго затруднялся представить ей живой примѣръ. Я разсказалъ ей исторію моего Ве́лико; объяснилъ ей, что держать въ своемъ консульствѣ его было бы неудобно, такъ какъ тамъ бываетъ множество посѣтителей, и бѣглецъ, незаконно у насъ скрывшійся, можетъ быть легко узнанъ и поэтому онъ живетъ у меня, пока я не управляю, и многихъ принимать не обязанъ.

— Итакъ, — сказалъ я ей, — вообразите себѣ, что вашъ мужъ служитъ у Österreйхера или у Виллартона. До нихъ доходятъ, положимъ, смутные слухи о какомъ-то молодомъ болгаринѣ, скрытомъ у меня въ домѣ. Виллартонъ поручаетъ вашему мужу нарочно посѣщать меня почаще и вывѣдать истину. Онъ возбуждаетъ пашу протестовать; положимъ, мы, не стѣсняясь ничуть, отрекаемся, отвѣчаемъ даже очень дерзко на это, а сами тайкомъ отправляемъ Ве́лико куда-нибудь въ безопасное мѣсто. Все это такъ; мы его не выдадимъ. Но пріятно ли будетъ вашему мужу стать такимъ сыщикомъ, и противъ кого же? Противъ той Россіи, которую *вы* такъ любите и которой протекціей онъ самъ желаетъ пользоваться? Къ тому же, вы знаете, Богатыревъ не сегодня, завтра, уѣдетъ въ отпускъ, чтобъ обвѣнчаться со своею невѣстой, и безъ него всѣ дѣла будутъ опять въ моихъ рукахъ. А мнѣ положительно было бы непріятно, если бы вашъ мужъ былъ драгоманомъ у Виллартона. Про австрійскаго консула я не говорю: къ нему онъ, вѣроятно, самъ не пойдетъ.

— Благодарю васъ, — сказала Маша, — мнѣ больше ничего не нужно. Я постараюсь, чтобы мой мужъ Виллартону не служилъ. Я докажу вамъ сейчасъ, какъ я вамъ вѣрю!

Она вышла на минуту и воротилась съ небольшою запиской, которую и дала мнѣ прочесть.

Записка была отъ Виллартона къ ея мужу, на французскомъ языкѣ.

«Дорогой мой monsieur Антониади, зайдите сегодня ко мнѣ попоздиѣе. Я сообщу вамъ много интереснаго, и къ тому же намъ необходимо рѣшить поскорѣе, будете ли вы у меня драгоманомъ или нѣтъ? То, что вы мнѣ говорили о множествѣ заботъ вашихъ и недостаткѣ времени, меня безпокоитъ. Я надѣюсь убѣдить васъ и положить конецъ вашимъ колебаніямъ. *Нѣтъ ли тутъ какихъ-нибудь враждебныхъ мнѣ вліяній?*

Весь вашъ Виллартонъ».

Я прочелъ записку, поблагодарилъ m-me Антониади за такое довѣріе и, взглянувъ на часы, рѣшился съ ней разстаться, хотя это было мнѣ очень тяжело.

— Ну, прощайте, — сказала она, взявъ мою руку.—Когда жъ мы увидимся?

Раздосадованный уже тѣмъ, что надо еще разъ уходить, не дождавшись еще и на этотъ разъ прямого, яснаго до грубости объясненія въ любви, я отвѣтилъ ей съ небольшимъ раздраженіемъ.

— Это странно, что вы не хотите понять меня! Прикажите, и я буду ходить каждый день. Я не смѣю.

Машѣ мое раздраженіе понравилось.

Она опять вспомнила Фламмаріона и сказала:

— Надо все видѣть *въ розовомъ свѣтѣ*, «надо плавать въ въ розовой атмосферѣ», и вмѣстѣ съ тѣмъ...

Она остановилась.

— Что вмѣстѣ съ тѣмъ?.. Это мученье!

— И вмѣстѣ съ тѣмъ, помните: держать «ушки на макушкѣ». Я все *понимаю*, не безпокойтесь. Пожалуйста постарайтесь и вы понять все, какъ должно.

— *Какъ должно?* Я не знаю.

— Поймете, поймете, — настаивала она. — Да, я забыла вамъ сказать: мадамъ Чобанъ-оглу, вы знаете, мнѣ сосѣдка. Я съ ней хочу подружиться; она очень неинтересна, бѣдная. Но она держитъ себя посвободнѣе другихъ здѣшнихъ дамъ. Мы будемъ съ ней часто можетъ быть гулять по утрамъ въ Эски-Сарай и къ Михаль-Кёпрю. Имѣйте и это въ виду. А сюда ходить... какъ вамъ сказать? Надо наградить ваше терпѣніе. Я очень, очень вамъ за него благодарна. Ходите иногда разъ въ недѣлю, иногда два, всегда вечеромъ, а иногда *такъ, какъ сегодня* — до обѣда. Понимаете?

— Конечно, понимаю! — воскликнулъ я.

— Я сказала вамъ, что вы все поймете понемногу.

И опять, пріостановившись на мигъ, она вдругъ испортила всю мою эгоистическую радость такого рода неожиданными словами:

— Поймете лучше и мужа моего и мои къ нему отношенія. Они не совсѣмъ такія, какъ вы, кажется, думаете. Если я не ошибаюсь, они гораздо лучше! Ну, идите, идите теперь.

Я опять ушелъ, смущенный и взволнованный, не зная, радоваться ли мнѣ *чему-то* или огорчаться?

XIX.

Въ консульствѣ я засталъ Виллартона. Они оба съ Богатыревымъ сидѣли посреди большой залы у стола на качалкахъ и молча качались. Богатыревъ задумчиво вертѣлъ въ рукахъ какую-то записку, а лицо его было очень серьезно.

Виллартонъ, всегда очень подвижный и впечатлительный, быстро вскочилъ со своего мѣста, чтобы поздороваться со мной, и привѣтливо сказалъ:

— Что съ вами? Васъ совсѣмъ не видно! Вы такъ давно и у меня не были.

Я замѣтилъ на лицѣ его, въ его выпуклыхъ и безпокойныхъ глазахъ какіе-то неопредѣленные, но очень знакомые мнѣ слѣды недавняго волненія.

Виллартонъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ при всѣхъ сильныхъ ощущеніяхъ къ глазамъ приливаетъ кровь и готовы даже навернуться слезы.

Вотъ нѣчто подобное я уловилъ на его лицѣ въ ту минуту, какъ мы здоровались.

Я догадывался, что между двумя, прежде столь дружными, а теперь враждующими представителями Англіи и Россіи былъ предъ моимъ приходомъ какой-то тяжелый разговоръ. Я не ошибся.

Виллартонъ побылъ при мнѣ недолго. Онъ былъ все въ волненіи; вставалъ, садился, кидался на качалку, опрокидываясь назадъ и высоко поднимая ноги, шутилъ со мной. Но все не весело. И потомъ вдругъ надѣлъ шляпу и, протягивая Богатыреву руку, сказалъ:

— Такъ до свиданія. До завтра? Я буду ждать!

Богатыревъ отвѣтилъ что-то глухо, очень глухо, едва привставая съ кресла, и оба сильно покраснѣли въ ту минуту.

Виллартонъ ушелъ, и Богатыревъ не потрудился даже проводить его до дверей.

— Ну, что же, какое рѣшеніе вы принесли? — спросилъ у меня консулъ, когда мы остались одни.

— Мадамъ Антоніади берется повліять на мужа, чтобъ онъ у Виллартона не служилъ. Она показала мнѣ записку Виллартона.

Я передалъ Богатыреву содержаніе записки и не забылъ, конечно, сказать «о враждебныхъ вліяніяхъ».

— Это хорошо, — сказалъ хладнокровно консулъ, — вотъ и другая его же записка ко мнѣ. Прочтите.

Говоря это, онъ подалъ мнѣ ту бумажку, которою онъ такъ долго молча игралъ.

Я читалъ съ изумленіемъ. Это былъ вопль о пощадѣ.

«Cher ami, писалъ Виллартонъ,—я не знаю, почему вы такъ перемѣнились ко мнѣ. Я теперь одинъ въ Адріано-

полѣ, безъ семьи: мнѣ очень грустно, а вы ко мнѣ вовсе не ходите».

Слѣдовали воспоминанія о прежнихъ дняхъ дружбы и веселости, при Ахметъ-Киритли-пашѣ, о домашнихъ спектакляхъ, словомъ, о томъ весломъ времени пировъ и умнаго дурачества, о которомъ такъ сожалѣлъ и Остеррейхеръ этимъ же самымъ утромъ въ разговорѣ со мной. Письмо кончалось убѣдительною просьбой отобѣдать завтра en tête-à-tête въ англійскомъ консульствѣ.

— Бѣдный Виллартонъ! — сказалъ я, возвращая записку.

Богатыревъ весело и безжалостно улыбнулся и сказалъ:

— Онъ тутъ сидѣлъ и почти плакалъ. Вотъ до чего онъ доведенъ. Il se sent complétement isolé; де-Шервиль ему не довѣряетъ; у грековъ и болгаръ здѣшнихъ онъ не популяренъ, хотя и ухаживаетъ за ними. Одинъ нашъ Михалаки сколько ему вреда сдѣлаетъ въ христіанской общинѣ, онъ его лично за разныя прежнія шуточки и насмѣшки ненавидитъ. Остеррейхеръ тоже. Этому ужъ одно то досадно, что Виллартонъ лучше его жить умѣетъ и что мадамъ Виллартонъ никогда съ его Амаліей не могла быть дружна, — скучно съ нею.

— Все это хорошо, — сказалъ я; — но неужели необходимо теперь совсѣмъ забросить его и не бывать у него вовсе и всячески раздражать его? Вы можете дѣйствовать противъ него въ политикѣ, продолжая быть съ нимъ лично любезнымъ, если ему это пріятно.

— Нѣтъ, — рѣшительно воскликнулъ Богатыревъ, вставая, — съ нимъ это невозможно. Развѣ вы не помните, что тотчасъ по пріѣздѣ моемъ онъ началъ ежедневно съ утра ходить ко мнѣ и слѣдить за всѣмъ, что́ я дѣлаю, много ли пишу, кого принимаю? Надо довести его до того, чтобъ онъ отвадился отъ нашей двери и пересталъ бы за нами слѣдить!

И, дѣйствительно, я вспомнилъ одинъ случай, на который я не обратилъ сначала большого вниманія. У Богатырева былъ званый обѣдъ для однихъ только православныхъ. Это было одно изъ тѣхъ сборищъ, посредствомъ

которыхъ консулу удалось примирить и укрѣпить не такъ давно разстроенную и обезсиленную раздоромъ православную общину. Предсѣдалъ на этомъ пиру самъ митрополитъ Кириллъ; былъ греческій консулъ, перешедшій тогда на нашу сторону; были всѣ самые вліятельные и умѣренные по образу мыслей греческіе и болгарскіе старшины. Конечно, присутствіе всякаго иностраннаго консула было бы неумѣстнымъ на сборищѣ чисто-православнаго духа. Но Виллартону непремѣнно хотѣлось знать, что́ у насъ дѣлается, и онъ, не приглашенный никѣмъ, подъ предлогомъ давней дружбы и фамильярности съ Богатыревымъ, пришелъ въ консульство въ самый разгаръ пированія.

Обѣдъ былъ въ нижнемъ этажѣ, въ столовой; я сидѣлъ противъ стеклянной двери, выходившей въ большія сѣни. Докторъ Чобанъ-оглу только что всталъ съ бокаломъ, возбужденный, раскраснѣвшійся, пламенный, феска назадъ, и началъ такъ:

— Я пью за здоровье и долгоденствіе русскаго Императора! Я пью за процвѣтаніе великой православной Россіи нашей. Я говорю *нашей*, потому что безъ нея всѣ мы, и греки, и болгары, и сербы, и молдовалахи, давно бы исчезли безъ слѣда и погибли бы подъ пятою враговъ. *Ура!*

Всѣ отвѣчали ему восторженнымъ крикомъ.

Въ эту самую минуту въ освѣщенныхъ сѣняхъ, за стеклянною дверью, явился Виллартонъ въ круглой шляпѣ. Онъ пріостановился какъ бы на одно мгновеніе и озираясь почти бѣгомъ кинулся наверхъ по лѣстницѣ. Мы слышали его быстрые шаги по ступенькамъ. Всѣ переглянулись, кто въ смущеніи, кто съ улыбкой.

— Пускай его себѣ! — сказалъ Богатыревъ и, вставъ, началъ еще громче, чѣмъ Чобанъ-оглу, говорить по-турецки (такъ какъ по-гречески онъ, не приготовленный, не могъ говорить, а по-французски не всѣ понимали). Онъ провозгласилъ на турецкомъ языкѣ тостъ за единеніе и силу христіанской общины во Ѳракіи.

Когда обѣдъ кончился, Виллартона уже не было наверху. Онъ какъ-то прошелъ назадъ незамѣченнымъ.

Поступокъ этотъ, почти ребяческій и, конечно, агенту великой державы не совсѣмъ приличный, объяснялся чрезвычайно нетерпѣливымъ и безпокойнымъ нравомъ Виллартона. Онъ узналъ, вѣроятно, что у насъ пируютъ друзья Россіи, не утерпѣлъ, чтобы не взглянуть, подъ предлогомъ того, что всѣ привыкли его видѣть прежде безпрестанно въ русскомъ консульствѣ запросто; прибѣжалъ какъ будто нечаянно, увидалъ, услыхалъ кой-что и скрылся!

Все это такъ, но что́ же мнѣ дѣлать, если даже эта выходка веселаго англичанина болѣе забавляла, чѣмъ возмущала меня?

— Вы правы, можетъ быть, — замѣтилъ я Богатыреву.— Но я придалъ бы всему этому на вашемъ мѣстѣ другой оттѣнокъ. Общество Виллартона все-таки пріятно, и самъ онъ такой все-таки славный малый, особенно здѣсь, гдѣ каждый день выносишь сношенія, и даже очень близкія, съ торговцами, подобными нашему Михалаки.

Богатыревъ разсердился:

— Я сколько разъ просилъ васъ о Михалаки при мнѣ худо не говорить, — воскликнулъ онъ, — не только вы, но и я безъ него здѣсь бы ничего не значилъ. Нельзя...

Споръ нашъ былъ прерванъ слугой, который позвалъ насъ обѣдать; у дверей столовой мы встрѣтились съ Михалаки. Онъ вошелъ въ нее вслѣдъ за нами и остался обѣдать. Лицо его сіяло.

— Eh bien? — спросилъ его консулъ.

— Eh bien, — повторилъ драгоманъ самодовольно и весело, — des succès, des succès et encore des succès!..

— Говорите, говорите...

— Антоніади радъ, Московъ-Самуилъ радъ. Пропагандѣ новый ударъ; десятаго гостя для пустого мѣста нашелъ... Съ чего начать прикажете мой отчетъ?

— Съ гостя, съ десятаго гостя! — весело закричалъ консулъ.

— Османъ-паша изъ города Эноса пріѣхалъ за инструкціями къ Вали-пашѣ. Un bon Turc, un vrai Turc! *старый*, такой, какихъ намъ нужно. Ничего не понимаетъ. *Калòсъ*

Христіанòсъ, какъ мы здѣсь говоримъ; я уже велѣлъ стороной предупредить его, чтобы онъ не уѣзжалъ; извините, я позволилъ себѣ сказать, что вы завтра сдѣлаете ему визитъ.

— Непремѣнно, непремѣнно! благодарю васъ... Какой вы молодецъ, monsieur Михалаки, вы все умѣете сдѣлать. Ну дальше что̀?

— Теперь о пропагандѣ. На-дняхъ пришелъ ко мнѣ Куру-Кафа *). Я пока молчалъ объ этомъ. Въ этомъ дѣлѣ было нѣчто щекотливое, и потому я молчалъ и предпочелъ принять все на себя. Приходитъ ко мнѣ Куру-Кафа и говоритъ: «Есть еще у насъ въ Кирѣчь-Ханѣ нѣсколько уніатскихъ семействъ. Они хоронили своихъ покойниковъ въ одномъ пустомъ мѣстѣ, на которомъ былъ прежде, давно, виноградникъ одного грека. Я задумалъ искоренить все это и предложилъ этому человѣку обратиться въ Порту съ прошеніемъ, чтобы кости этихъ болгаръ приказали перенести, куда хотятъ. Земля его. Народъ у насъ, вы знаете, простой, скажутъ: нѣтъ, мы въ самомъ дѣлѣ вѣрно согрѣшили, что стали уніатами, вотъ и кости нашихъ родителей повыкидали! И перейдутъ всѣ опять въ православіе». Это Куру-Кафа мнѣ все говоритъ и проситъ доложить вамъ.

— Что̀ же вы ему на это сказали?—спросилъ Богатыревъ.

Михалаки придалъ своему лицу особаго рода серьезный оттѣнокъ, который былъ намъ уже очень хорошо извѣстенъ. Оттѣнокъ этотъ означалъ: «теперь я притворяюсь.

— Я сказалъ Куру-Кафѣ (продолжалъ Канкеларіо невинно), что консулу докладывать объ этомъ боюсь, что русскіе не то, что̀ здѣшніе люди. Они очень всѣ религіозны и сочтутъ такое дѣло за поруганіе святыни... А надо какъ-нибудь иначе. Что̀ жъ, конечно, хозяинъ виноградника одно слово «хозяинъ», имѣетъ право! Мѣшать этому нельзя.

— Ну и что̀ жъ?

---

*) Очень извѣстный въ свое время вождь болгаръ-уніатовъ, возвратившійся потомъ въ православіе. Простой лавочникъ, но очень способный.

— Кости выкинули, и уніаты были у митрополита и покаялись: возвратились въ православіе. Только непріятно то, что отцовъ этихъ семействъ посадили теперь турки въ тюрьму. Пропаганда платила за нихъ подати, и польскіе священники имѣютъ отъ нихъ расписки, какъ всегда. Ихъ представили, и этотъ толстый Арифъ-Каймакамъ-паша посадилъ ихъ въ тюрьму. Надо ихъ выкупить. Мы съ докторомъ Чобанъ-оглу немного собрали. Но надо еще. Я увѣренъ, что это все интриги Виллартона; онъ очень сближается съ Арифомъ и дѣйствуетъ даже въ пользу католиковъ, чтобы только повредить православію и намъ.

— Вотъ видите! — воскликнулъ Богатыревъ, обращаясь ко мнѣ. — Развѣ можно его щадить!.. Мы завтра же выкупимъ этихъ болгаръ. Дайте знать имъ туда, чтобъ они были покойны. Я самъ поѣду къ митрополиту и къ пашѣ. А сколько нужно еще денегъ?

— Не такъ много, — отвѣчалъ Канкеларіо, — пять-шесть лиръ, не болѣе.

Богатыревъ тотчасъ же досталъ свой портмоне и положилъ золото предъ торжествующимъ драгоманомъ.

Послѣ этого Михалаки приступилъ къ отчету о своихъ свиданіяхъ съ Антоніади и Московъ-Самуиломъ.

— Самуилъ, бѣдный, очень радъ. Онъ въ восхищеніи отъ мысли, что у него будетъ золотая медаль, тогда какъ даже у меня серебряная. Антоніади тоже, кажется, доволенъ. Впрочемъ, о службѣ у Виллартона или у Остеррейхера я ему ничего не говорилъ. Я не былъ на то уполномоченъ.

Богатыревъ замѣтилъ, что этимъ уже я занялся и что съ одной стороны мы, кажется, обезпечены. Потомъ онъ разсказалъ ему о запискѣ и объ огорченіи англійскаго консула, и мнѣ опять стало жаль Виллартона и стало досадно, зачѣмъ это Богатыревъ предаетъ уже до такой степени этого *джентльмена* на поруганіе... И кому же! Этому злому *хаму?*.. Михалаки слушалъ съ умиленіемъ и потомъ, обратясь ко мнѣ, воскликнулъ:

— Des succès! Partout des succès?! N'est-ce pas, monsieur Ladnew? Я издали увидалъ васъ, какъ вы поворачивали въ

Кастро и тогда же подумалъ: Антоніади нашъ!.. И *тамъ*, вѣроятно, былъ успѣхъ...

Разсуждая теперь, черезъ столько лѣтъ, я думаю, что слова Михалаки были очень просты и что въ нихъ не было ни малѣйшаго яду; но тогда, подъ вліяніемъ другихъ впечатлѣній, я прочелъ въ нихъ какую-то фамильярность, какое-то поползновеніе на *что-то*, которое меня нѣсколько раздражило.

Я пожалъ только слегка плечами и молчалъ.

— Какъ! — съ удивленіемъ спросилъ Михалаки, — вы не находите, что у насъ во всемъ теперь успѣхъ и безпрестанныя хотя и небольшія, но очень важныя по своимъ послѣдствіямъ, побѣды?

Мнѣ захотѣлось сказать ему что-нибудь непріятное. Я всегда удивлялся, какъ это можетъ Богатыревъ такъ тѣсно и неразрывно сливать въ поведеніи своемъ свои политическія сочувствія съ личными: про ненавистнаго Михалаки онъ даже и мнѣ, даже съ глазу на глазъ не давалъ сказать ничего худого; а къ Виллартону, лично столь пріятному и доброму, онъ былъ безпощаденъ; я до сихъ поръ не знаю, чему приписать это, крайней ли жестокости сердца и фальшивости Богатырева или чему-нибудь лучшему, иному — не знаю.

Я, разумѣется, понималъ, что дѣйствовать по службѣ надо въ тѣсномъ союзѣ съ Михалаки, противъ Виллартона; но зачѣмъ же быть *точно какъ бы въ самомъ дѣлѣ искреннимъ* въ своей дружбѣ къ политическому союзнику и въ отвращеніи къ политическому врагу? Мнѣ казалась такая односторонность всегда чѣмъ-то лишнимъ и чуть не глупымъ.

И на этотъ разъ мнѣ захотѣлось отравить хоть немного радость нашего гадкаго союзника, и на второй его вопросъ я отвѣчалъ такъ:

— Я согласенъ, что удачъ много; но я нахожу, что ругаться надъ могилами уніатовъ все-таки не слѣдовало. Ужъ лучше просто бы пообѣщать, что заплатятъ за нихъ подати. Какъ можно принимать на себя такую ужасную отвѣтствен-

ность изъ-за такихъ пустяковъ. Если бы здѣшніе приматы, какъ болгары, такъ и греки, претендующіе на образованность, имѣли болѣе искренности въ религіозномъ чувствѣ своемъ и не дѣлали бы тайкомъ всякихъ мерзостей, не обманывали бы народъ, такъ не нужно было бы прибѣгать ни къ какимъ «sacrilèges». А то какой-нибудь *архонтъ* православный ѣстъ дома постное для дѣтей и прислуги и потомъ тихонько бѣжитъ въ локанду и жретъ тамъ мясо (Михалаки это дѣлалъ). Нѣтъ, это не только ужасно, это низко и мелко!.. И народъ не обманешь... Онъ остается вѣренъ своей святынѣ, но въ вождей своихъ онъ утрачиваетъ вѣру, и прямые пути обращенія и проповѣди теряютъ свою силу.

Я попалъ мѣтко... Михалаки покраснѣлъ и смутился; онъ отвѣчалъ довольно мягко:

— Меня это удивляетъ въ васъ, — сказалъ онъ. — Конечно, я изъ деликатности долженъ былъ простому лавочнику болгарину Куру-Кафѣ упомянуть о религіозности русскихъ; но позвольте... Развѣ, monsieur Ладневъ, человѣкъ столь начитанный и ученый... философъ, можно сказать, — развѣ онъ можетъ вѣрить, что *есть душа?* Что такое эта *душа?*

Я засмѣялся и возразилъ:

— Одинъ русскій писатель... Вы вѣдь здѣсь русскихъ писателей не знаете... Онъ описываетъ, что у его отца былъ крѣпостной лакей, котораго посылали учиться фельдшерскому искусству. Онъ заболѣлъ, и когда отецъ писателя предложилъ ему причаститься, то онъ отвѣчалъ, что не можетъ, потому что учился анатоміи и знаетъ, что души нѣтъ! Теперь и я вамъ то же скажу, что и вы мнѣ: какъ это вы, господинъ Михалаки, человѣкъ умный, не стыдитесь говорить то же, что этотъ слуга?

Это уже было слишкомъ! Глаза Михалаки засверкали яростью: онъ поблѣдиѣлъ теперь и взволнованнымъ голосомъ возразилъ совершенный вздоръ:

— Бываютъ *разныя философіи*, но мы здѣсь люди практическіе и безъ нихъ обходимся!

Богатыревъ былъ, видимо, ужасно недоволенъ мною за это. Онъ такъ дорожилъ своимъ незамѣнимымъ драгома-

номъ! Онъ молча и нахмурившись ѣлъ, пока мы говорили, и потомъ, возвысивъ тонъ, почти до повелительности, обратился ко мнѣ *по-русски* (Михалаки по-русски не зналъ):

— Вы бы ужъ оставили это... Всякій имѣетъ право вѣрить или не вѣрить, какъ хочетъ...

— Оставилъ, оставилъ, — сказалъ я улыбаясь. — Довольно съ васъ и этого.

— Напрасно, напрасно! — прошепталъ Богатыревъ очень тихо и опять замолчалъ.

Обѣдъ нашъ, начавшійся такъ весело, кончился мрачно... Никому говорить не хотѣлось. Послѣ обѣда Михалаки ушелъ къ себѣ, поклонившись мнѣ очень почтительно, но издали; я спросилъ у консула, отправилъ ли онъ ко мнѣ на домъ тѣ бумаги, которыя онъ приказывалъ давеча мнѣ переписать къ завтрашнему курьеру.

— Отправилъ, — глухимъ басомъ, чуть слышно и вовсе не глядя на меня отвѣчалъ Богатыревъ.

Я ушелъ къ себѣ домой, говоря про себя: много случилось сегодня такого, о чемъ надо подумать!

XX.

Какъ я былъ радъ вернуться домой! Съ утра я былъ все съ людьми, и мнѣ было такъ пріятно сосредоточиться и отдать самому себѣ медленный и внимательный отчетъ во всѣхъ моихъ впечатлѣніяхъ за этотъ оживленный день. Я велѣлъ зажечь лампы и затопить обѣ чугунныя печки въ пріемной, съ диваномъ кругомъ стѣнъ и на узкой галлереѣ, которая служитъ залой. Лампы засвѣтились; печи запылали тотчасъ; добрый старикъ Христо и оба юноши мои Вѣлико и Яни съ особою радостью и усердіемъ, какъ будто они цѣлый мѣсяцъ меня не видали, спѣшили исполнить мои приказанія. Они всѣ улыбались мнѣ, смотрѣли мнѣ въ глаза. Яни даже заговорилъ со мной первый; затапливая печку, онъ приподнялся немного и, опираясь одною рукой на полъ, *взглянулъ на меня ласково и спросилъ:*

— Что это васъ цѣлый день не было дома? Мы безъ васъ соскучились...

— Дѣла, Яни, разныя дѣла, — сказалъ я.

— Дѣла! — повторилъ Яни, качая головой. — А вотъ для нашего молодца, для Вѐлико, — продолжалъ онъ, — дѣла не хороши!

— Чѣмъ? что̀ такое? — спросилъ я съ нетерпѣніемъ (мнѣ такъ хотѣлось, чтобъ они всѣ поскорѣе ушли!)

— Одинъ ляхъ офицеръ (такой здоровый!) нанялъ себѣ домъ на углу противъ насъ. Теперь я говорю, Вѐлико, совсѣмъ къ нашимъ воротамъ не подходи: увидятъ тебя, и эффенди нашему будутъ непріятности.

— Конечно, надо теперь стать еще осторожнѣе, — замѣтилъ я. — Но ты, Вѐлико, все-таки не долженъ слишкомъ бояться и терять голову. Яни правду говоритъ, хлопоты и непріятности будутъ намъ съ консуломъ, и даже консулу болѣе, чѣмъ намъ; но тебя мы, не бойся, ни за что̀ не выдадимъ...

Вѐлико въ это время поправлялъ лампу, стоя ко мнѣ спиной; онъ обернулся и, взглянувъ на меня кротко и покойно своими большими и томными сѣрыми глазами, сказалъ:

— Я у васъ, эффенди, ничего не боюсь!

— Вотъ и прекрасно, — воскликнулъ я и велѣлъ имъ уйти и оставить меня поскорѣй одного.

Я былъ ужасно радъ, когда они, притворивъ за собой дверь, побѣжали съ лѣстницы, играя и толкая другъ друга съ громкимъ смѣхомъ...

— Наконецъ я одинъ, я свободенъ!

Тяжелыя ворота мои крѣпко-накрѣпко заперты. Теперь поздно, и никто не ударитъ въ нихъ желѣзнымъ кольцомъ. Голоса добрыхъ слугъ моихъ утихли въ дальней кухнѣ. Во всѣхъ окнахъ мракъ, и многолюдный городъ безгласно чернѣетъ у подножія ногъ моихъ за высокою стѣной высокаго двора.

Безмолвіе, блаженное безмолвіе!.. Даже привѣтливый голубокъ, мучительный и милый другъ моихъ утреннихъ мечтаній, теперь не воркуетъ у окна пріемной моей, а спитъ на

обнаженной вѣтки персика у сырой стѣны... Только чугунныя печи по всѣмъ комнатамъ пылаютъ огнемъ и весело мечутъ искрами. Тамъ, правда, гдѣ-то на столѣ лежитъ порядочная кипа бумагъ, — все плоды Богатыревскаго самохвальства. Богъ съ ними! ночь длинная, и я не коснусь ихъ до тѣхъ поръ, пока... О, мысли мои, мысли! гдѣ вы? Дайте собрать мнѣ васъ, дайте связать васъ крѣпкою связью яснаго вывода рѣшимости! Какъ все тихо, Боже!.. Какой дѣятельный день былъ сегодня! «Успѣхи, успѣхи и еще успѣхи!» изрекъ сегодня этотъ мерзавецъ, котораго я такъ жестоко обличилъ въ лакейскомъ атеизмѣ. Такъ ли это? и у кого эти успѣхи? У нихъ съ Богатыревымъ?.. можетъ быть!.. *И то я не вижу ничего выходящаго изъ ряда.*

Но у *меня?* у меня вотъ что̀ важно! *Мои* побѣды, мои удачи, — гдѣ онѣ? Я хочу сознать, перечислить ихъ! Конечно, я хорошо оборвалъ Бояджіева... И это не только сошло мнѣ съ рукъ, но я сумѣлъ такъ взяться за дѣло, что бѣшеный и смѣлый Österreйхеръ остался доволенъ и далъ мнѣ даже довѣрительное порученіе. Я почтительно (какъ слѣдуетъ человѣку охранительнаго духа) доказалъ консулу, что онъ былъ грубъ и неправъ въ своихъ шуткахъ надъ моими отношеніями къ семьѣ Антоніади; я стеръ почти съ лица земли ядовитаго клеврета нашего Михалаки только за одинъ непріятный оттѣнокъ фамильярности въ тонѣ, возбуждавшій во мнѣ какое-то смутное безпокойство. Все это такъ; но все это такъ ничтожно и такъ пусто! *Она, она* что̀ сказала и что̀ сдѣлала сегодня? какъ взглянула? какъ сидѣла? Когда краснѣла? при какихъ своихъ или моихъ словахъ? Она вѣдь не сказала *люблю... положимъ...* Нѣтъ, она не сказала *люблю!*.. Но развѣ это нужно?

И я вставалъ съ дивана и начиналъ ходить, еще глубже, еще внимательнѣе думая... Печи все пылали; лампы тихо свѣтили; городъ безмолствовалъ; въ окнахъ былъ мракъ... и я все думалъ и думалъ, и бился, и блаженствовалъ въ одно и то же время. Тонкія недоумѣнія эти не отравляли моей задумчивой и бодрой радости, они лишь слегка подстрекали мое рвеніе притти скорѣе къ выводу...

Какъ дѣйствовать впредь?.. До сихъ поръ я все остерегался, до сихъ поръ я не спѣшилъ... Но теперь!.. Эта дочь, въ угоду мнѣ одѣтая по-турецки... Этотъ уговоръ приходить иногда и до обѣда, когда мужъ въ конторѣ, это стремленіе довѣряться мнѣ, положиться на меня, когда дѣло идетъ даже о торговыхъ и гражданскихъ интересахъ этого мужа , богатствомъ и трудами котораго она пользуется и дышитъ. Нѣтъ, это много, очень много. Она хитра, она осторожна. И если она обнаружила столько сразу, то участь ея сердца рѣшена — она меня любитъ и вѣроятно готова на все... А если она хочетъ только меня увлечь и дружбой, и кокетствомъ? Нѣтъ! Это ясно: она готова на все. Но я?.. готовъ ли я на все? У меня былъ и тогда свой нравственный критеріумъ, въ иныхъ случаяхъ довольно строгій.

Онъ былъ *мой*, этотъ критеріумъ, *мой собственный*, долгимъ взаимодѣйствіемъ внимательнаго ума, добраго сердца и страстной фантазіи утвержденный и гордостью взлелѣянный. Мнѣ не было нужды до того, былъ ли онъ пригоденъ для остальнаго человѣчества или нѣтъ. Моему тогдашнему нравственному чувству онъ удовлетворялъ вполнѣ и—чего же больше? Такъ я думалъ въ эти веселые годы молодого самомнѣнія!..

Склонивъ въ раздумьи голову на руку мою, въ безмолвномъ просторѣ моего турецкаго жилища, я вспомнилъ и представилъ себѣ примѣры. Я вспомнилъ, хотя и смутно какъ-то, одно лицо изъ Диккенса. Почтенный старецъ, простодушный, добрый, ученый, сѣдой младенецъ кабинетнаго труда. У него молодая жена; она желаетъ пребыть ему вѣрною, даже вопреки дурному вліянію родной матери. Она жалѣетъ, чтитъ, она любитъ своего честнаго и невиннаго старца. Вотъ если бъ я встрѣтилъ такую чету... о!.. Я не могъ болѣе сидѣть и вставалъ, чтобы въ движеніи найти новый исходъ и опору мыслямъ. Такая чета, конечно!.. И если бъ юная супруга такого старца подошла бы сама (сама, непрошенная) ночью къ дверямъ моей комнаты, я сказалъ бы ей: «Бѣги, бѣги скорѣй, пока никто тебя не видалъ, молись... усни и забудь эту ночь... не омрачай его чистаго и тихаго

заката... не оскверняй высокой святости души твоей... Даже и со мной (*понимаешь ты*—со мной!), это будетъ оскверненіемъ твоего храма!..»

И на что́ мнѣ Диккенсъ! Вотъ здѣсь на углу недалеко торгуетъ въ табачной лавкѣ почтенный и добрый турокъ Гуссейнъ. Онъ сидитъ на прилавкѣ съ окладистою бородой, лицо его кротко и блѣдно, чалма чистая, бѣлая, густыя брови черньѣе бороды. У него такіе милые котята, сѣрые, полосатые, веселые, и онъ ихъ такъ любитъ. Самъ холодный извергъ нашъ Михалаки и тотъ говоритъ про него съ чувствомъ: «прекрасный человѣкъ! Никогда онъ никого даже изъ христіанъ не обидѣлъ! Святой человѣкъ!» Пусть по неожиданнымъ и ужаснымъ случайностямъ войны или другихъ событій этотъ старецъ Гуссейнъ довѣрилъ бы мнѣ молодую жену и весь гаремъ свой, чтобъ я ихъ хранилъ. Есть ли хоть тѣнь сомнѣнія, что если бы самъ Богъ, одинъ только Богъ могъ знать и видѣть мои поступки, то они были бы такъ же точно чисты и праведны, какъ были бы праведны въ присутствіи Гуссейна или на многолюдствѣ базара!.. Или если бы другъ (быть можетъ и самъ по себѣ не особенно интересный) страдалъ бы по женѣ своей, любилъ бы ее нѣжно, ревновалъ бы ее не изъ самолюбія, не изъ страха чужихъ перешоптываній и насмѣшекъ, а изъ боязни лишиться ея расположенія,—неужели я не оттолкнулъ бы даже грубо жену этого бѣднаго друга... Я не подлецъ, и слабымъ героемъ Тургенева и жалкихъ его подражателей я не былъ и быть не хочу, несмотря на весь пылъ моего воображенія, на всю алчность моего ненасытнаго, неутомимаго тщеславія... Самоуниженія «сороковыхъ годовъ» я знать не хочу, я его презираю. Я хочу быть правымъ предъ высшимъ судіей моимъ, предъ *самимъ собою!*

Антоніади не Гуссейнъ; Антоніади не старецъ Диккенса, невинно грѣющій у камина хладѣющія ноги! Антоніади не другъ влюбленный и страдающій, онъ сухой и холодный хамъ; онъ одинъ изъ тѣхъ европейскихъ буржуа, которыхъ весь родъ я до фанатизма, до глупости ненавижу.

И пусть бы онъ былъ не старецъ и не другъ страдаю-

щій. Нѣтъ, нѣтъ! вотъ пусть бы онъ былъ, напримѣръ, такой, какъ этотъ Вѐлико. Взгляните на этотъ ростъ и плечи атлета, эту славянскую русую скобку волосъ, на чистыя, большія, юныя темно-сѣрыя очи. Какъ длинны черныя стрѣлки этихъ рѣсницъ. Полюбуйтесь на эту пеструю курточку, на красивыя складки шароваръ, на жесткія и большія, но прекрасныя формой рабочія руки, на безсознательное сочетаніе силы и женственной стыдливости его движеній. Эта простая вѣра въ *насъ*, русскихъ, въ непобѣдимость защиты моей! И вотъ если бъ онъ, этотъ Вѐлико, избралъ себѣ подругу-отроковицу, такую же невинную и простую, какъ онъ самъ,—развѣ эта дѣвушка не была бы для меня дочерью, несмотря на то, что я самъ еще молодъ?

Я ударилъ кулакомъ по столу и сказалъ громко, какъ будто я говорилъ ему самому: «Оставь со мной ее на годъ и больше и вѣрь, что ты отдалъ ее родному отцу!.. Да!»

Но этотъ коммерсантъ, этотъ европеецъ! Это ужасно! Плечи его немного узки; борода растетъ почти изъ глазъ! Ну, что́ это! Изъ homme honnête, ferme et laborieux, какъ любятъ выражаться прогрессивные французы. Покоенъ, твердъ, приличенъ даже! «Банабакъ!» Нѣтъ, онъ и не банабакъ восточный! Его хамство тонкое, самое вредное для жизненной поэзіи! Просвѣщенное общечеловѣческое хамство! Въ немъ даже греческаго мало; въ немъ нѣтъ той симпатичности, которую мы видимъ нерѣдко въ какихъ-нибудь усатыхъ и грубыхъ капитанахъ парусныхъ греческихъ судовъ; наивное сочетаніе патріотическаго самохвальства, набожности, отчаянной отваги, корысти, лжи и добродушія. Въ немъ и этого нѣтъ. За что́ и на что̀ его шадить, скажите?.. И развѣ я забылъ его тонъ въ Царьградѣ, его улыбочки, его томно-самоувѣренные взгляды, его твердыя и пошлыя возраженія... «Пирронизмъ! Пирронизмъ! Во всемъ сомнѣнія!» Или: «То, что́ вы сказали о живописности Востока, всѣмъ извѣстно». Каково! Это онъ *мнѣ* говоритъ. Ну, хорошо!..

Довольно отреченія! довольно нестерпимой тоски и одинокаго унынія... Я имѣю *особыя права*, права высшихъ потребностей. Я *долженъ наслаждаться*; вѣдь я

«Критонъ, младой мудрецъ,
Рожденный въ рощахъ Эпикура!»

А онъ?

Нѣтъ! я не откажусь отъ нея. Она сама не хочетъ моего отреченія... и къ тому же развѣ я знаю ея прошедшее? Если другіе?.. Она столько странствовала, такъ часто оставалась одна безъ мужа, когда того требовали ихъ дѣла. А если она его обманывала прежде, но такъ искусно и умно, что не возмутила до сихъ поръ его счастья? Зачѣмъ же я буду такъ простъ, такъ глупъ, такъ наивенъ? Не правъ ли будетъ Блуменфельдъ, взывая ко мнѣ такъ часто и такъ несносно съ укоромъ: «молодой человѣкъ! молодой человѣкъ!» (смѣшной человѣкъ! наивный человѣкъ!) Нѣтъ, я не откажусь отъ нея.

Но всѣ эти размышленія мои были внезапно прерваны ударомъ кольца въ ворота.

Я былъ взбѣшенъ.

Кто же это и такъ поздно вздумалъ меня тревожить?

Стукъ усиливался. Изъ кухни послышались голоса Яши и Христо. И кто-то изъ нихъ кинулся съ фонаремъ черезъ дворъ къ воротамъ. Переговоры у воротъ длились недолго.

Посѣтителя впустили.

Я смотрѣлъ внимательно изъ высокихъ оконъ моихъ внизъ на темный дворъ. Людей различить было невозможно, но показались рядомъ два фонаря; нашъ былъ простой, стеклянный, который свѣтилъ тускло, но со всѣхъ сторонъ; у гостя былъ фонарь европейскій, съ толстымъ круглымъ стекломъ, которое одинокимъ большимъ глазомъ ярко сверкало во мракѣ. Глазъ этотъ двигался, бросая предъ собой продолговатый и неровный свѣтъ, но владѣлецъ фонаря казался отъ этого погруженнымъ въ еще большую тьму.

Я слѣдилъ съ досадой и не могъ вспомнить, у кого я видѣлъ такой фонарь.

Только приблизившись къ крыльцу, неожиданный гость приподнялъ фонарь къ лицу своему, и я увидѣлъ, что это былъ самъ Антониади.

Боже мой! Что такое? Ужъ девятый часъ вечера. Для турецкой провинціи это очень поздній часъ. Это ночь. Чего хочетъ отъ меня этотъ «честный» супругъ и «образованный» коммерсантъ?

Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, въ умѣ моемъ мелькнуло нѣсколько догадокъ, одна другой нелѣпѣе и несообразнѣе, но самое простое мнѣ и въ голову не пришло.

Я привѣтствовалъ его какъ можно радушнѣе и спросилъ, чему приписать, что онъ потрудился по грязи, ночью притти въ этотъ дальній кварталъ.

Антоніади желалъ быть любезнымъ и, перекачнувшись по привычкѣ своей чуть замѣтно съ каблуковъ на носки и опять назадъ, отвѣчалъ улыбаясь:

— Мнѣ за множествомъ хлопотъ не удалось до сихъ поръ побывать у васъ. Я не считаю перваго визита, который былъ моимъ долгомъ. — И, оглядывая мою галлерею, онъ прибавилъ:—Какъ у васъ хорошо! Это то, что англичане зовутъ *home*!.. Очень хорошо. Въ старомъ турецкомъ, въ *вашемъ* вкусѣ.

Послѣднія слова онъ сказалъ съ особымъ почтительно-дружескимъ удареніемъ.

— Это правда,—отвѣчалъ я,—меня до отчаянія доводитъ убранство въ европейскомъ вкусѣ. Особенно, если оно дешевое.

Антоніади на это снисходительно замѣтилъ:

— Да, у восточныхъ людей есть свой стиль.

И потомъ помолчавъ продолжалъ:

— Вы сегодня были у насъ? Жена моя мнѣ все передала.

«Какъ все?»—подумалъ я съ мгновеннымъ ужасомъ и ждалъ своего приговора.

— Насчетъ господина Österreihera и Виллартона,—объяснилъ Антоніади.—Но она не совсѣмъ ясно и подробно передала мнѣ все это, и мнѣ очень было бы пріятно слышать все основательнѣе отъ васъ самихъ. Я прошу у васъ тысячу извиненій и надѣюсь, что это не слишкомъ васъ затруднитъ.

Я началъ передавать ему все подробно; разсказалъ ему даже смѣясь о моей схваткѣ съ Бояджіевымъ (Машѣ я забылъ объ этомъ сказать, потому что съ ней мнѣ было не до этого).

Антоніади былъ чрезвычайно внимателенъ; все чуть-чуть усмѣхался, гладилъ рукой концы бакенбардъ. А я былъ разсѣянъ и нѣсколько разъ даже чувствовалъ, что говорю наобумъ и вотъ-вотъ сейчасъ остановлюсь; потому что мысли мои были совсѣмъ не въ австрійскомъ консульствѣ и не въ коммерческомъ судѣ и о Бояджіевѣ вовсе я въ эту минуту не думалъ. Меня тревожили въ это время совсѣмъ другія мысли. Я смотрѣлъ на эту бѣлую, большую, *очень* красивую и безукоризненно (не по-здѣшнему) выхоленную руку и не могъ никакъ освободиться отъ вопроса: цѣлуетъ ли Маша эту руку? и когда цѣлуетъ, то какъ—по движенію *извѣстнаго* чувства или изъ дружбы и уваженія? Она сказала: «вы поймете, что *мои отношенія* къ мужу *лучше*, чѣмъ вы думаете...» Когда жъ я пойму? когда?! Я хочу понять, постичь все до глубочайшей тонкости сейчасъ же... Руки хороши, но развѣ въ этомъ дѣло! Самъ онъ, самъ... Впрочемъ... Боже мой... Я не то говорю... я путаюсь... О ужасъ! Онъ что-то мнѣ говоритъ, должно быть очень нужное... Я ничего не слыхалъ... я слышу только: «и давно это?» Что *это?* что *давно?*?—не знаю!

Я встрепенулся черезъ силу и сказалъ наугадъ:

— Давно ли? Право не знаю.

— Какъ же это? — спросилъ Антоніади съ преднамѣренною тонкостью и недовѣріемъ.—*Вы вѣроятно* это лучше всякаго знаете; но... я не смѣю настаивать. Дипломатія имѣетъ свои тайны.. Хотя... я думалъ... конечно...

— Что вы думали?

— Я думалъ, что г. Богатыревъ самъ не намѣренъ скрывать отъ публики того недоброжелательства, которое существуетъ теперь между русскимъ и великобританскимъ консульствомъ.

(Вотъ оно что! вотъ о чемъ онъ спросилъ: «давно ли они разошлись?»)

— Нѣтъ, право, я не могу вамъ навѣрное опредѣлить этого срока, —сказалъ я.—Ссоры явной не было никакой... Г. Виллартонъ слишкомъ ужъ дѣятеленъ и живъ характеромъ; онъ слишкомъ слѣдилъ за нами... Это не всегда удобно. Но онъ добрый человѣкъ и прекрасный собесѣдникъ. Хорошо знаетъ Востокъ...

Антоніади сдѣлалъ отрицательное движеніе головой (снизу вверхъ, по-восточному) и возразилъ съ сожалѣніемъ:

— Востокъ онъ знаетъ; но характеромъ онъ для Востока не годится. Здѣсь любятъ людей иного рода... Онъ слишкомъ подвиженъ и слишкомъ просто себя держитъ. Между христіанами онъ очень не популяренъ, а это жаль.

— Почему?—спросилъ я.

— Мое мнѣніе то, что христіанамъ лучше жить въ Турціи, когда Россія и Англія заодно. Это согласіе подавляющимъ образомъ дѣйствуетъ на турокъ. Это общее правило можно примѣнить и къ мѣстнымъ условіямъ: христіане сильнѣе, когда русское консульство въ союзѣ съ англійскимъ.

(Ему хочется быть англійскимъ драгоманомъ и въ то же время служить намъ «азою» *) въ тиджаретѣ, подумалъ я.)

И потомъ спросилъ:

— Однако что́ жъ мнѣ сказать г. Öстеррейхеру отъ васъ именно? Не лучше ли вамъ сходить самому и выразить австрійскому консулу ваше сожалѣніе, если вы не хотите принять его предложеніе.

— Да, я тоже полагаю, что надо сходить самому, хотя это очень непріятно. Я не желалъ бы возстановлять противъ себя господъ консуловъ. Времена такія смутныя! можно ожидать даже всякихъ опасностей. Это ужасно! Въ Критѣ, вы слышали, опять были избіенія... Консулы здѣсь—наша единственная опора... Хорошій консулъ въ Турціи—это иногда якорь спасенія жизни и собственности. Но удостойте меня пожалуйста вашимъ совѣтомъ: что̀ мнѣ сказать г. Öстеррейхеру въ мое оправданіе?

---

*) *Аза тиджарета* — членъ коммерческаго суда.

Я воспользовался этимъ оборотомъ разговора, чтобы польстить ему.

— Я никогда не повѣрю, чтобъ эллинъ и притомъ такой высокообразованный, какъ вы, нуждался въ совѣтѣ такого рода, — сказалъ я.

Антоніади сдѣлалъ томные глаза и наклонилъ молча голову въ знакъ благодарности за комплиментъ.

— Я не здѣшній человѣкъ и плохо еще знаю здѣшнихъ людей и потому прошу еще разъ вашего совѣта, — настаивалъ онъ.

— Скажите ему просто, что вамъ некогда и что самъ Ладневъ, когда передавалъ вамъ это, еще не зналъ, что вы ужъ уговорились съ г. Богатыревымъ о службѣ при тиджаретѣ. Я полагаю, этого будетъ достаточно.

— Да, это такъ. Но если я рѣшусь принять предложеніе Виллартона, тогда Österreichеру это будетъ обидно. Для англійскаго драгомана нашлось время, а для австрійскаго нѣтъ. Боже сохрани меня создавать себѣ здѣсь сильныхъ враговъ! У меня есть семья.

Значитъ я угадалъ, онъ хочетъ быть почетнымъ англійскимъ драгоманомъ, и видно правду говорила Маша, что она мало имѣетъ на него вліянія. Подумавъ однако немного, я рѣшился все это дѣло взять на себя помимо Богатырева и уклониться отъ духа его инструкцій; показывать, что намъ все равно. Я имѣлъ и право, и средство говорить прямо отъ себя, въ виду того, что могъ со дня на день самъ стать во главѣ всѣхъ адріанопольскихъ и оракійскихъ дѣлъ подобнаго рода. Рѣшившись дѣйствовать по-своему, я началъ такъ:

— Послушайте, мсье Антоніади. Я буду съ вами прямъ. Вы знаете, что г. Богатыревъ можетъ очень скоро уѣхать? Вы понимаете также, что безъ него всѣ русскіе интересы до самаго мельчайшаго будутъ на моей отвѣтственности. Я же не скрою отъ васъ, что мнѣ будетъ очень непріятно, если вы будете служить у Виллартона.

— Жена моя уже передала мнѣ вашъ взглядъ на этотъ вопросъ. Она даже говорила о какомъ-то дезертирѣ.

— Да, онъ здѣсь внизу, и я могу вамъ его даже показать, потому что вы одинъ изъ лучшихъ у насъ здѣсь представителей христіанства. Правда, онъ болгаринъ; но такъ какъ тутъ идетъ борьба между католичествомъ и православіемъ, то не можетъ быть сомнѣнія, что честный грекъ скорѣе сохранитъ тайну, чѣмъ какой-нибудь Бояджіевъ, связавшій свои интересы съ уніей, Австріей и поляками.

— Конечно! — пожимая плечами, сказалъ Антоніади. — Кто же станетъ думать объ общемъ и серьезномъ политическомъ вопросѣ, когда дѣло идетъ о безопасности бѣднаго юноши, почти ребенка!.. Это было бы неблагородно!.. Жена моя мнѣ все это разсказала, и я понимаю васъ вполнѣ.

— Но...

Онъ засмѣялся, посмотрѣлъ на меня внимательно и подумавъ рѣшился тоже яснѣе высказаться.

— Времена смутныя,—сказалъ онъ,—англійскій консулъ въ случаѣ волненій и опасностей большая сила! Если бъ, я говорю, напримѣръ, если бы критское возстаніе привело къ европейской войнѣ; если бы (вы понимаете, это говоритъ во мнѣ безпокойство семьянина и собственника), если бы Россія двинула сюда войска, можно ли ручаться, что въ туркахъ не проснется старое янычарство? Не будутъ ли насъ убивать, какъ собакъ... Я вѣдь отецъ семейства, мсье Ладневъ, и живу трудомъ!

Говоря это, Антоніади оживился, глаза его блистали и глядѣли на меня вопросительно и смѣло.

— Положимъ такъ,—отвѣтилъ я,—хотя я почти увѣренъ, что войны не будетъ; а что касается избіеній, то едва ли турецкое правительство допуститъ это тамъ, гдѣ сами христіане не обнаружатъ явнаго намѣренія возстать. Портѣ невыгодно безъ крайности возстановлять противъ себя общественное мнѣніе даже и на Западѣ... Но пусть будетъ по-вашему. Что же значитъ тутъ англійскій консулъ?.. Во время дамасскихъ избіеній всѣ консулы принуждены были отдаться подъ охрану паши; одинъ англійскій ничего не боялся, какъ будто онъ былъ въ заговорѣ. Въ Критѣ, въ 58-мъ году, когда при Вели-пашѣ турки города Канеи гро-

злились перерѣзать всѣхъ грековъ, били стекла конака и влачили за ноги трупъ молодого грека, котораго въ угоду имъ Вели-паша велѣлъ удавить. Что дѣлалъ г. Онглей, англійскій консулъ? Въ то время, когда всѣ другія консульства были полны семьями христіанъ въ надеждѣ на то, что толпа не рѣшится посягнуть на флаги великихъ державъ, г. Онглей заперъ наглухо свои двери и не пустилъ никого. Я увѣренъ, что и нашъ милый, веселый и даже очень добрый Виллартонъ сдѣлаетъ то же самое или въ этомъ родѣ. Нація великобританская истинно великая нація по духу, и потому на представителяхъ ея отражается это величіе. Они никогда не впадаютъ въ это пошлое смѣшеніе личной нравственности съ ненужною и глупою политическою моральностью.

— Это правда, — произнесъ Антоніади тихо и значительно. — Англійская нація истинно великая! Постичь ея духъ не легко иностранцу! Я нѣсколько лѣтъ провелъ въ Англіи и не смѣю сказать, что я постигъ ее. Даже внѣшній видъ — что-то странное. Я помню первые дни моего пріѣзда. Толпа народа, экипажи; какая-то молодая дѣвица играетъ предъ гостиницей на скрипкѣ! Пушки палятъ почему-то. Пріѣхалъ откуда-то какой-то генералъ или адмиралъ, я не понялъ. Въ гостиницѣ курить не позволяютъ въ нумерѣ. Это было мнѣ мученье! Эти парки, это богатство, эта строгая нравственность семьи! И въ то же время наши греческіе матросы съ торговыхъ судовъ разсказывали мнѣ, что къ нимъ на корабли являются цѣлыми партіями очень красивыя дѣвушки *извѣстнаго рода* и просятъ даже не денегъ, а вообразите! пакли! старой пакли, чтобы продать ее и купить себѣ хлѣба. Потомъ — эти слуги! Слуга, съ которымъ вы будете обходиться фамильярно, сочтетъ за униженіе служить у васъ. «Вы не джентльменъ!» Все это такъ странно, такъ глубоко даже, я позволю себѣ сказать... Великая нація!

Я слушалъ его не безъ удивленія. Никогда еще я не видалъ его столь одушевленнымъ и многорѣчивымъ. Въ эту минуту онъ въ первый разъ мнѣ немного понравился; я и самъ, никогда не бывавъ въ Англіи, былъ въ этомъ

именно смыслѣ англоманомъ, оставаясь русскимъ, быть можетъ, иногда и до фанатизма, то-есть я желалъ бы, чтобы Россія была такъ же глубока и самобытна въ своемъ *руссизмѣ*, какъ Англія въ своихъ нравахъ; чтобъ она поскорѣй доросла до Англіи, отъ корней до цвѣтовъ и плода отличаясь и отъ нея, и ото всей Европы.

— Мы отвлеклись, простите! — сказалъ Антоніади. — Вы хотѣли выразить ваше мнѣніе о г. Виллартонѣ, кажется?

— Да,—отвѣчалъ я.—Этотъ Виллартонъ такой милый, веселый собесѣдникъ, съ которымъ я такъ люблю кататься за городъ верхомъ; онъ не стѣснится, когда Сенъ-Джемскій кабинетъ найдетъ это выгоднымъ, распалять и здѣсь мусульманскія страсти и обагрить кровью всѣ эти мирныя и тихія улицы ѳракійскихъ селъ и городовъ. Въ такую минуту, если вы опасаетесь, не надѣйтесь на него. Вы хотѣли знать мое мнѣніе, вотъ оно.

Антоніади молча и съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ подозрительности смотрѣлъ на меня; наконецъ, собравшись съ духомъ, сказалъ:

— Но вѣдь своего драгомана, своего employé, такъ сказать, онъ пощадилъ бы?..

Видя его колебанія, я рѣшился нанести ему послѣдній ударъ и началъ такъ:

— Какъ вамъ угодно, вы хотѣли совѣта, я вамъ его даю. Повторяю вамъ, что я все это говорю вамъ отъ себя. Изъ разговоровъ г. Богатырева я замѣтилъ, что онъ относится ко всему этому дѣлу равнодушнѣе, чѣмъ я, ему можетъ быть и все равно, будете ли вы драгоманомъ у другого консула или нѣтъ. Что́ жъ, онъ можетъ быть опытнѣе, способнѣе меня; но всякій дѣйствуетъ по-своему; оно и вѣрнѣе. Я прямо предупреждаю васъ, что при всемъ моемъ желаніи быть полезнымъ вамъ и m-me Антоніади, я, разъ оставшись управляющимъ, тотчасъ же смѣню васъ, лишу васъ должности въ тиджаретѣ, если вы будете англійскимъ драгоманомъ. А вы сами знаете, что при умѣренности и тактѣ, котораго у васъ такая бездна, вы, служа въ тиджаретѣ, можете сблизиться съ самими турками. Супруга

ваша русская подданная; иныя дѣла можно будетъ переводить на ея имя и дѣйствовать прямо подъ русскимъ флагомъ. Познакомьтесь съ беями, съ Тефикъ-беемъ, онъ прекрасный человѣкъ; съ Ахмедъ-беемъ, онъ родомъ грекъ и христіанъ нѣсколько жалѣетъ; съ Изетомъ. Пошлите m-me Антоніади знакомиться по гаремамъ; это ее займетъ, скажите ей, чтобъ она ото всѣхъ турецкихъ дамъ уплаты визитовъ не ждала. У нихъ есть своя глупая гордость, на которую совѣтую не обращать вниманія, быть можетъ это и не гордость, а робость какая-то. Сблизьтесь главное съ нашимъ Михалаки Канкеларіо, онъ васъ всему научитъ; онъ и съ турками коротко знакомъ. Онъ вамъ откроетъ разные ходы. А въ случаѣ опасности (которой вѣроятно и не случится) опять-таки супруга ваша русская подданная и прежде всѣхъ другихъ имѣетъ право на убѣжище въ русскомъ консульствѣ, а за ней разумѣется и предъ вами эти двери всегда будутъ широко раскрыты. И Богатыревъ, и я, все равно мы сумѣемъ, я надѣюсь, оправдать довѣріе, котораго мы удостоены, и представлять здѣсь Россію такая честь, что изъ-за нея и опасности стоитъ подвергнуться, если нужно. Не безпокойтесь за вашу семью ни въ какомъ случаѣ. Я увѣренъ, что здѣшніе турки даже и не посягнутъ на русское консульство. А пока для ежедневныхъ интересовъ съ васъ совершенно будетъ достаточно съ одной стороны вашего эллинскаго паспорта, а съ другой— этой должности въ тиджаретѣ, которой (прибавилъ я улыбаясь), извините, я васъ непремѣнно лишу, если вы поступите къ Виллартону, котораго впрочемъ я очень люблю. Если хотите, можете ему это даже и передать.

— Quelle idée!—воскликнулъ Антоніади и потомъ прибавилъ тоже съ улыбкой:—Что жъ дѣлать! Надо согласиться съ вами. Всѣ знаютъ, что г. Богатыревъ и предшественникъ его сумѣли такъ поставить здѣсь свое консульство, что оно вліятельнѣе всѣхъ! Къ тому же и согласиться не очень трудно. Я отъ русской политики самъ не хочу отдѣляться совершенно. Она благодѣтельна въ этихъ странахъ, и только одни мечтатели «великой эллинской идеи»

распространенія Эллады до Балканъ или даже Дуная—могутъ быть въ средѣ грековъ враждебны здѣсь этой осторожной и умѣренной политикѣ. Я, вы знаете, не изъ ихъ числа.

— Знаю, оттого мы вами такъ и дорожимъ.

Послѣ этого Антоніади нѣсколько времени чему-то молча улыбался, какъ будто вспомнилъ о чемъ-то веселомъ или пріятномъ. Потомъ сказалъ все съ тою же легкою улыбкой.

— Къ тому же, вы знаете les femmes! Ah! les femmes... Я всегда говорю: «мужъ глава, положимъ, но жена *шея*». Шея вертитъ голову. Жена моя такая руссофилка, я сказалъ бы патріотка даже, если бъ она не была замужемъ за эллинскимъ подданнымъ. Она тоже не очень хочетъ, чтобъ я служилъ Великобританіи. Il faut subir cette douce influence!.. — И онъ простеръ даже руки и опустилъ голову въ знакъ смиренія.

Мы пробесѣдовали съ нимъ послѣ этого о разныхъ предметахъ почти до полуночи. Уходя Антоніади вспомнилъ, что Маша поручила ему передать мнѣ приглашеніе приходить иногда по вечерамъ почитать съ ней вмѣстѣ что-нибудь русское.

— Когда же прикажете?—спросилъ я.

— Когда угодно,—сказалъ Антоніади.—Она любитъ поэзію и сказала мнѣ имя одного стараго вашего поэта. Не могу вспомнить... Зу... Жу... Шу... Pardon!..

— Жуковскій?..

— Да, да! Она хочетъ его вспомнить, и у нея есть, но не всѣ томы... Нѣтъ ли у васъ? Она просила васъ также передать отъ нея то же самое приглашеніе и г. Богатыреву, если ему это не наскучитъ. Маленькіе литературные вечера, en petit comité.

Я поблагодарилъ, и мы дружески простились.

Опять засвѣтился круглый глазъ его фонаря во мракѣ, стукнуло желѣзо воротъ; опять воцарилось вокругъ меня безмолвіе, опять я былъ одинъ самъ съ собою.

— Странный день, странный день,—день разнообразныхъ

впечатлѣній, день досады, гнѣва, колебаній, любви и несомнѣнныхъ удачъ!..

И какой путь почти незамѣтно пройденъ съ нашей первой встрѣчи на Босфорѣ!.. Гдѣ теперь эта тихая гордость г. Антоніади въ обращеніи со мной, тогда ненужнымъ и неизвѣстнымъ ему человѣкомъ? Гдѣ эти насмѣшечки: «пирронизмъ!» и т. п. Нѣтъ и слѣдовъ этого тона... Конечно, онъ держитъ себя хорошо и съ достоинствомъ, въ тонѣ его и пріемахъ нѣтъ ничего унизительнаго... Но *я ему сталъ нуженъ теперь*. Завтра, послѣзавтра у меня опять будетъ (какъ было тутъ съ годъ тому назадъ) въ рукахъ извѣстная ему доля власти. И вотъ онъ меня слушается; онъ проситъ моихъ совѣтовъ, немного даже заигрываетъ со мной, вопреки своей серьезной и сухой природѣ. И я радъ этому, я торжествую...

И вдругъ я вспомнилъ давнишнюю грубую шутку Богатырева («для вашихъ будущихъ благъ!»), вспомнилъ мое негодованіе, мою косвенную ему месть въ видѣ оскорбленія, нанесеннаго любимому имъ Михалаки,—вспомнилъ все это и воскликнулъ мысленно: «Неужели же эти люди, грубо называющіе вещи по имени, такъ часто бываютъ правы?..» «Начальническая эксплуатація»,—сказалъ я давеча въ негодованіи. Я и теперь не хочу этой низости... Не то, не то!.. Однако... Безъ вины людей, безо всякихъ происковъ условія жизни и отношенія наши съ этимъ человѣкомъ стали незамѣтно совсѣмъ иныя, чѣмъ были въ день первой встрѣчи нашей на берегу Босфора... Тогда онъ ужасался тому, что я сказалъ неосторожно: «мнѣ не нравится христіанская семья на Востокѣ», и видимо не желалъ меня видѣть у себя въ домѣ. Теперь онъ зоветъ меня *почаще, читать* женѣ русскихъ поэтовъ; теперь если онъ и скажетъ мнѣ при случаѣ: «пирронизмъ!», то музыка возгласа будетъ другая, не ядовитая, а почтительная или ласковая. Чѣмъ виноватъ я, что судьба посылаетъ мнѣ такой случай вліять на его интересы!.. Des succès, des succès et encore des succès! Бываютъ и у насъ романы, бываетъ и у насъ кой-что!.. Негодяй Михалаки!.. Ненавистный человѣкъ!.. Какъ ты

отвратительно, какъ ты подло уменъ! Съ этимъ-то заключеніемъ я уснулъ въ ожиданіи «будущихъ благъ».

Нѣсколько словъ отъ издателя.

Здѣсь въ разсказѣ Ладнева перерывъ. Въ рукописи, присланной мнѣ его родными, я нашелъ послѣ двадцатой главы нѣсколько неоконченныхъ отрывковъ; иные изъ нихъ довольно длинны и наполнены повтореніями одного и того же и побочными подробностями о политическихъ дѣлахъ; другіе, напротивъ того, слишкомъ кратки и даже похожи на какой-то конспектъ.

Напримѣръ:

(Удача офиціальнаго обѣда. — Паши: Хамидъ, Арифъ, Османъ. — Билетики на тарелкахъ съ именами. — Виллартонъ все волнуется; заранѣе какъ будто шутя приподымаетъ салфетку, ищетъ свое имя. — Недоволенъ; рядомъ съ Канкеларіо. — порядокъ соблюденія Богатыревымъ строгій; придраться нельзя. — Остеррейхеръ и Виллартонъ вице-консулы; но Остеррейхеръ назначенъ въ Адріанополь раньше. — Де-Шервиль и Булгаридисъ (эллинскій) оба консулы. — Они заняли мѣсто по сторонамъ Хамида (haut-bout); двое младшихъ пашей около хозяина дома (bas-bout). — Австріецъ и Виллартонъ ниже ихъ vis-à-vis; а я и Канкеларіо ниже де-Шервиля и Булгаридиса. — Краткая и очень недурная рѣчь Остеррейхера на турецкомъ языкѣ: онъ поздравляетъ генералъ-губернатора съ прибытіемъ въ ново-учрежденный вилайетъ. — Сладкія улыбки сердитаго австрійца. — Виллартонъ очень всѣмъ недоволенъ и очень плохо это скрываетъ; неудовольствіе между нимъ и Богатыревымъ еще больше усиливается. Главная досада, я думаю, за то, что не онъ первый, а русскій консулъ догадался оказать новымъ пашамъ такое вниманіе).

Дальше я нашелъ особо начатое и неоконченное описаніе какого-то праздника въ Портѣ.

Вотъ оно:

«Была иллюминація: на обширномъ и пустомъ какъ плацъ-парадъ дворѣ играла военная музыка; толпы народа разной вѣры тѣснились во всю длину темной улицы противъ конака. Въ пріемной паши собирались приглашенные почтенные гости. Сердитый и милый мой чудакъ Österрейхеръ былъ въ мундирѣ съ полковничьими эполетами, съ прекраснымъ густымъ плюмажемъ изъ бѣлыхъ и красныхъ перьевъ на треугольной шляпѣ; онъ гремѣлъ огромными шпорами, рыцарски разсыпаясь предъ мадамъ де-Шервиль, женой французскаго консула. Самъ французскій консулъ былъ въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ съ красною ленточкой légion d'honneur въ петлицѣ. Онъ по обыкновенію своему довольно ко всему равнодушный былъ разсѣянъ и все искалъ заговорить съ кѣмъ-нибудь объ охотѣ, своемъ единственномъ пристрастіи. Виллартонъ казался печальнымъ, настолько, насколько онъ могъ при своемъ живомъ и легкомысленномъ характерѣ.

«Когда мы съ Богатыревымъ вошли въ пріемную, онъ въ углу на диванѣ что-то съ жаромъ, хотя и очень тихо, говорилъ новому каймакамъ-пашѣ-Арифу.

«Они сближались все тѣснѣе и тѣснѣе...

«Увидавъ насъ, Виллартонъ вскочилъ и почти подбѣжалъ къ намъ, протягивая намъ руки, какъ искренно обрадованный другъ. Впрочемъ онъ и въ самомъ дѣлѣ быть можетъ радъ былъ насъ видѣть... Ему нужны были прежде всего—борьба, движеніе, жизнь и онъ и врагамъ политическимъ былъ радъ, лишь бы они были не скучны.

«Я понималъ его хорошо съ этой стороны, и этимъ онъ мнѣ нравился. Безъ него было бы скучнѣе въ Адріанополѣ... *Побѣждать* его было такъ пріятно!..

«Однако я тревожился. Всѣ мѣстные *приматы* и православные и католики пріѣзжали одинъ за другимъ. Богатые католики и *почетные консулы* *) мелкихъ державъ: Даніи, Швейцаріи, Бельгіи, Голландіи уже давно возсѣдали тутъ съ супругами: Петраки Врадетти, Бертоме Гве-

*) Мѣстные жители безъ жалованья и безъ полныхъ правъ.

рацца, Франсуа Врадетти и Фредерикъ Гверацца, Фредерикъ Врадетти, Франсуа Гверацца, Антуанъ Гверацца и Жоржъ Врадетти... Ихъ было очень много: всѣ купцы, всѣ родня, всѣ толстые, всѣ скупые, всѣ дѣятельныя орудія римской пропаганды, всѣ враги намъ, православію и грекамъ, враги, старающіеся всячески завлечь болгаръ въ уніатство... всѣ союзники Остеррейхера и де-Шервиля. При видѣ ихъ Михалаки Канкеларіо (онъ надѣлъ сюда сюртукъ поповѣе и орденъ Станислава въ петлицѣ) кажется забываетъ на время свою на меня злобу за то, что я такъ недавно *почти назвалъ* его «лакеемъ» за его невѣріе; онъ подходитъ ко мнѣ близко и, глядя на всю эту западную буржуазію, собравшуюся какъ-то глупо въ одну кучу, шепчетъ мнѣ... нѣтъ, онъ не шепчетъ... онъ *шипитъ*, сверкая взорами:

«— Вотъ оно все «мышиное гнѣздо» вмѣстѣ! Все *понтикопедіи**)! Ахъ, когда бы дожить до разрѣшенія восточнаго вопроса... показали бы имъ...

«— А развѣ есть средство имъ отмстить за всѣ ихъ интриги?..

«— Есть, есть! — говоритъ Михалаки. — Только чтобы *мы* были живы; *мы* найдемъ!..

«Я едва слушаю его адскія рѣчи... Въ другое время я такія злыя рѣчи его любилъ... Дѣлать зло во имя вѣры и отчизны противникамъ своимъ такъ пріятно... Но теперь мнѣ не до того... Восточный вопросъ еще не разрѣшенъ; часъ отмщенія не ударилъ... А Маша и мужъ ея не ѣдутъ!..

«Вотъ Хаджи-Петро пріѣхалъ и другіе греки-купцы; вотъ согнувшись подбѣгаетъ къ генералъ-губернатору и касается его полы молодой и богатый болгарскій архонтъ Карагеоргіевъ, онъ щеголяетъ въ тепломъ пальто-сакъ съ бобровымъ воротникомъ и въ фескѣ; вотъ серьезный и почтенный докторъ Ступа со своею худощавою *Ступиной*; она безъ перчатокъ, но для парада надѣла на султанское празднество какую-то чуть не мужскую двухбортную коротень-

*) *Мышиное гнѣздо* по-гречески.

кую жакеточку изъ желтоватаго трико съ большими стеклянными пуговицами...

«Пріѣхалъ и добрый нашъ Чобанъ-оглу со своею непріятною докторшей. Онъ выбрилъ себѣ на этотъ разъ подбородокъ; но на затылкѣ его виденъ изъ-подъ воротника какой-то шнурокъ: должно быть обрывокъ вѣшалки. Мадамъ Чобанъ-оглу закуталась въ широкій бурнусъ изъ бѣлаго кашемира съ кистями и задрапировалась вся такъ странно, что бурнусъ сталъ похожъ спереди на огромную салфетку, которою завѣсили огромнаго ребенка, чтобъ онъ не пачкался за обѣдомъ... Она мимоходомъ поглядѣла на меня сладострастно... Я отвернулся. Чобанъ-оглу *присѣдаетъ* предъ пашами и предъ г-жей де-Шервиль... Глаза жены его сіяютъ, и лицо ея пылаетъ тщеславнымъ смущеніемъ и радостью, когда генералъ-губернаторъ, не вставая съ кресла, привѣтствуетъ ихъ съ мужемъ поклономъ съ пріятною улыбкой...

«Антоніади все нѣтъ!.. А я такъ старался всѣ эти дни! И какъ мнѣ было трудно и стыдно... Мнѣ хотѣлось непремѣнно добиться, чтобы супруги Антоніади были сопричислены Хамидъ-пашой къ лику здѣшнихъ *архонтовъ* и чтобъ ихъ не забыли пригласить въ конакъ...

«Я не хотѣлъ говорить объ этомъ *своимъ*, ни консулу, ни тѣмъ болѣе *этому* Михалаки. Я старался устроить это чрезъ греческаго консула...

«Онъ извѣстилъ меня, что желаніе мое исполнится. Однако ихъ все нѣтъ...

«Наконецъ одинъ изъ греческихъ купцовъ сказалъ мнѣ: «А вотъ новый членъ тиджарета со своею *коконой!..*»

«*Они* вошли...

«Откуда она достала эти свѣжіе жонкили? И какъ хорошо придумала она украсить ими и свою косу черную и черный барежъ платья на груди!..

«Музыка на большомъ дворѣ все играла... Свѣтъ отъ плошекъ колебался, и толпа тѣснилась къ рѣшеткѣ...»

Окончанія этого отрывка я вовсе не нашелъ; но на той же страницѣ карандашомъ написано: *Нужно ли это?* И больше ничего. Видно по всему, что авторъ этихъ воспоминаній сталъ все больше и больше тяготиться своимъ трудомъ и не зналъ долго, какъ отъ него освободиться. Даже почеркъ его сталъ гораздо хуже, чѣмъ въ началѣ разсказа. Иныя мѣста я совсѣмъ не могъ разобрать.

Какое-то сомнѣніе, какое-то болѣзненное чувство, подобное раскаянію или досадѣ, замѣтно терзало его...

Потомъ онъ должно быть или поборолъ его или подъ вліяніемъ новыхъ и случайныхъ впечатлѣній опять примирился со своими воспоминаніями. Мнѣ такъ казалось, потому что послѣ перерыва разсказъ идетъ опять довольно правильно.

Догадки мои скоро оправдались: между другими бумагами Ладиева, тоже высланными мнѣ его родными, я нашелъ нѣсколько страницъ, которыя объяснили мнѣ даже и внутренній смыслъ его колебаній и смущенія...

Вотъ эти страницы:

15 декабря 1879 года.

«Зачѣмъ я началъ этотъ несносный, этотъ мучительный разсказъ? Что мнѣ за дѣло теперь до этой *Маши?* Что общаго между *тѣмъ* Ладневымъ и мною? Я началъ писать это въ одну веселую минуту, когда я осмѣлился (да, осмѣлился — несчастный я) подумать на мгновеніе, что и для меня пѣсня жизни не совсѣмъ еще спѣта.

«*Тогда*, когда на персиковой вѣтви ворковалъ мой бѣдный голубь, у меня было такое множество желаній, я такъ любилъ въ *то время* жизнь... Самыя страданія мнѣ иногда невыразимо нравились...

«А теперь?

«Теперь я хочу одного — забвенія, покоя. Но какого покоя? Всякій лишній звукъ, всякое лишнее движеніе ненавистны мнѣ въ иные дни до ужаса.

«Съ людьми я вижусь по нуждѣ. Мнѣ нельзя не ви-

даться съ ними! Но даже самые искренніе друзья не могутъ дать мнѣ того, что̀ нужно человѣку для того, чтобы быть веселымъ: тѣлесныхъ силъ, любви къ борьбѣ житейской, честолюбія, здоровья, вѣры въ какое-то близкое и привлекательное будущее.

«Я сталъ находить блаженство въ равнодушіи. Я иногда ищу желаній, я съ любопытствомъ иногда спрашиваю себя: «Какъ это возможно ничего не желать, кромѣ необходимой пищи, мирнаго сна и легкой молитвы, и все безъ усилій? Не можетъ быть, я вѣрно чего-нибудь желаю! Я только не созналъ еще ясно этихъ новыхъ желаній моихъ!»

«И вотъ съ такими мыслями я недавно стоялъ въ церкви и слушалъ крестясь, какъ дьяконъ молилъ Бога о «мирѣ міра», «благорастворенiи воздуха, объ изобиліи плодовъ земныхъ», о властяхъ, объ епископѣ нашемъ; крестились всѣ, и я крестился... Но я хотѣлъ бы отыскать что-нибудь личное, иное, особое, нѣчто такое, что̀ нужно только мнѣ одному и о чемъ я бы могъ вознести совсѣмъ особую, горячую, личную молитву сердца. Искалъ и не нашелъ. Я видѣлъ столько горя и грѣха отъ исполненія не только самыхъ страстныхъ, но даже и самыхъ невинныхъ и безкорыстныхъ желаній нашихъ, что не понимаю теперь: зачѣмъ искать, хотѣть, когда не хочется? Зачѣмъ? Я думалъ объ этомъ; я вспоминалъ странныя событія послѣднихъ лѣтъ моей жизни; я видѣлъ духовную нить, связующую ихъ, непонятную для глупаго практическаго разума, для вѣры ясную какъ день... Я видѣлъ эту дивную нить и страшную и отрадную. Мысль моя снова овладѣвала тою тайной жизни, которая открыта только вѣрѣ, и когда діаконъ сталъ молить о христіанской кончинѣ жизни нашей, «безболѣзненной» и «мирной», и о «добромъ отвѣтѣ на судѣ Христовомъ», я вдругъ почувствовалъ желаніе положить глубокій поклонъ и всталъ съ земли не скоро и, касаясь лбомъ пола, думалъ: «вотъ этого, конечно, и *только этого* мнѣ должно желать».

«И послѣ этого мнѣ писать объ этой Машѣ! Думать о любви, полуидеальной, получувственной, дѣлать зачѣмъ-

то усилія ума, чтобы вспомнить, что было прежде и что было послѣ...

«Да, если бы вспоминалось всегда ровно и легко, то отчего жъ бы не разсказывать? Это правда моей жизни, *это было.*

«Но не всегда вспоминается легко, надо думать, надо мыслить, — вотъ принужденіе, страданіе. Зачѣмъ страдать? Кому такое страданіе полезно? И самъ я не знаю въ тишинѣ моей медленной, предсмертной тоски, что мнѣ пріятнѣе — все забыть или все вспомнить.

«Пріятно вспоминать только то, что помнится безъ усилій, не дѣлать усилій, вотъ теперь земной рай моей старости, вотъ мой идеалъ!

«И все, что я вижу теперь вокругъ себя, и все, что я слышу, и все, чего я желаю, такъ не похоже на то, что я видѣлъ тогда, на то, что я тогда слышалъ, на то, чего я желалъ въ то время.

«Я не вижу предъ собой ни фіалокъ, которыя расцвѣтали такъ рано въ сырыхъ разсѣлинахъ между камнями лѣстницы на моемъ дворѣ; ни садовъ блестящей шелковицы, ни минаретовъ, ни старыхъ и прочныхъ каменныхъ мостовъ съ золотыми арабскими надписями надъ широкою и мутною Марицей. Теперь я вижу предъ собой бѣлый снѣгъ и высокія сосны... Одно и то же съ утра и до вечера. Я вижу ихъ только изъ оконъ, и выйти, какъ другіе, не смѣю и не въ силахъ. На дорогѣ недалеко отъ окна моего стоятъ русскія дровни; молодые крестьяне расчищаютъ дорогу, они кладутъ снѣгъ въ сани и свозятъ его со двора. Быть можетъ и я рѣшусь выйти на воздухъ. Вотъ они бросили лопаты и начали играть, бороться и кидать другъ въ друга снѣгомъ. Какія у нихъ здоровыя, красныя, веселыя лица... Какъ они радостно смѣются, какъ они еще молоды всѣ трое... И какъ я отвратительно старъ, не годами, а душой и силами!

«Мнѣ даже ничуть и не завидно имъ! Я не хочу смѣяться.

«А это вѣдь такъ близко все, это все мое: и дворъ мой,

и снѣгъ мой, и лошади эти мои, и молодые люди эти служатъ мнѣ за мои деньги. И все это мнѣ чуждо... Я радъ покою и безмолвію моего теплаго и просторнаго жилища. Безмолвіе! беззвучное, безстрастное, безгласное забвеніе за моремъ глубокихъ снѣговъ.

«Я больше ничего не ищу. Все прошлое отравлено; все новое мнѣ чуждо.

«И вотъ, наполовину уже перешедшій въ невозвратную вѣчность, я долженъ писать о такихъ веселыхъ дняхъ тщеславнаго ничтожества.

«И въ самомъ дѣлѣ, не правда ли, какъ это пусто все? Не похожа ли тогдашняя жизнь души моей на букетъ искусственныхъ цвѣтовъ, слегка обрызганныхъ духами?

«Въ моей собственной жизни были года и событія совсѣмъ иного рода, иной силы и значенія.

«Зачѣмъ же я выбралъ это время, эту Машу, эту красивую, быть можетъ, но мелкую и безполезную пустоту?.. Не знаю».

19 февраля 1879 года.

«Моя предсмертная тоска такъ нестерпима, унынiе мое, мое нѣмое отчаяніе въ иные дни такъ ужасны, что исцѣлить ихъ не можетъ ничто...

«Я страшусь смерти, а жизнь мою, почти всю проходящую теперь въ этомъ жалкомъ страхѣ за мое существованiе, нельзя назвать и жизнью... Высшая радость моя — это тишина и возможность, не заботясь ни о чемъ, считать съ позорною болью испуганнаго сердца дни, часы, минуты быть можетъ, которыя осталось мнѣ еще дышать!

«И этотъ тѣсный гробъ! и эти гвозди!.. и земля!.. и боль, и тоска послѣдней борьбы...

«Кто, кромѣ святого человѣка, забывшаго плоть, можетъ помириться съ холоднымъ ужасомъ этого близкаго и неизбѣжнаго конца?..

«А я какъ неразумный звѣрь держусь изо всѣхъ силъ моихъ за мое никому уже ненужное существованiе... держусь за него безъ угрызеній, безъ стыда и предъ людьми,

и предъ самимъ собою. На что мнѣ стыдъ? На что мнѣ люди, кромѣ тѣхъ людей, которые мнѣ служатъ и которымъ, слава Богу, дѣла нѣтъ до моего *внутренняго* достоинства.

«Какой же смыслъ будетъ имѣть для меня *принужденіе* въ трудѣ, подобномъ этому разсказу?..

«Правда, была одна черта въ исторіи моихъ сношеній съ *этою женщиной*, черта дорогая и рѣдкая въ жизни... Мы разстались безъ пресыщенія, безъ горечи, безъ распрей, безъ раскаянія, безо всякой примѣси того яда, который таится почти всегда на днѣ благоухающаго сосуда восторженной любви...

«Другихъ я любилъ гораздо сильнѣе, продолжительнѣе, самоотверженнѣе быть можетъ, но ясности и чистоты воспоминаній нѣтъ...

«И что же? Неужели только моя «честность» или ея «чувство супружескаго долга» восторжествовали надъ легкомысленною страстью? Увы! нѣтъ! нѣтъ!.. Разгадка здѣсь иная,—гораздо болѣе таинственная.

«И вотъ я рѣшилъ *не принуждать себя болѣе*... Если эта разгадка *должна быть* обнаружена, если *суждено* ей быть достояніемъ праздная любопытства посторонняхъ, то желаніе продолжать разсказъ явится у меня само собою, и я его кончу.

«А если нѣтъ—нѣтъ!»

Этимъ кончаются отрывки въ запискахъ Ладнева. «Желаніе явилось», и разсказъ его принялъ опять довольно правильное теченіе.

XXI.

Я объ Вѣлико не забылъ. Я долго не писалъ о немъ. Это правда. Писать разомъ нельзя обо всемъ томъ, что въ жизни совершается почти въ одно и то же время.

Я его видѣлъ каждый день и постоянно о немъ думалъ и заботился. Нашъ vis-à-vis—желтый польскій офицеръ, котораго такъ опасался старикъ Христо, скоро пересталъ

тревожить меня; онъ выходилъ, выѣзжалъ съ женой въ каретѣ; до насъ онъ ничуть не касался; Ве́лико, самъ испуганный этимъ сосѣдствомъ, дверь теперь никому не отворялъ; напротивъ того, онъ прятался подальше, какъ только раздавался стукъ желѣзнаго кольца на нашихъ воротахъ. Кавасы наши, хотя и мусульмане, были очень вѣрны. Посторонніе турки у меня бывали рѣдко; на визиты пашей я, какъ секретарь, претендовать еще не могъ; младшіе турецкіе чиновники и беи, хотя и любили общество русскихъ, но, опасаясь, чтобы свое начальство не подозрѣвало ихъ въ чемъ-нибудь политическомъ, рѣдко позволяли себѣ близкія сношенія съ иностранными агентами и помощниками ихъ.

Все это было бы не страшно. Но былъ одинъ человѣкъ въ Адріанополѣ, котораго посѣщенія стали меня опять въ это время тревожить. Это былъ все тотъ же неугомонный Виллартонъ; по мѣрѣ того, какъ Богатыревъ все больше и больше старался отдалить его отъ себя, онъ все чаще и чаще сталъ звать меня къ себѣ, угощалъ обѣдами и хорошимъ виномъ, ѣздилъ со мной верхомъ за городъ и самъ заходилъ ко мнѣ не разъ. Вотъ онъ-то и казался мнѣ опаснымъ, если не для самого Ве́лико, то для «приличій» нашей службы и для сохраненія хорошихъ отношеній съ мѣстною властью. Ве́лико мы могли бы еще кое-какъ спасти, но удобно ли будетъ, напримѣръ, получать «ноты» о томъ, что мы скрываемъ у себя дезертира? И какъ отнесется посольство наше къ нашимъ дѣйствіямъ, если мы не сумѣемъ быть ловкими? Наше начальство было умно и требовало ума и отъ насъ: этого рода дѣла надо судить по-спартански; «можно и даже должно иногда украсть, но не должно попадаться». Турки также готовы были нерѣдко смотрѣть сквозь пальцы на наши продѣлки («les intrigues moscovites»), но лишь при условіи соблюденія съ нашей стороны хоть внѣшняго уваженія къ ихъ законнымъ правамъ. Думая обо всемъ этомъ, я ни на минуту не забывалъ и того, что скоро конецъ моей безотвѣтственности и не далекъ тотъ день, въ который я провожу Богатырева верхомъ за городъ до садовъ

Хадумъ-Ага и вернусь въ городъ одинъ, хозяиномъ русскихъ дѣлъ во Ѳракіи. Я предвидѣлъ также, что нѣкоторыя крайности, въ которыя впалъ недавно Богатыревъ по отношенію къ Виллартону, облегчатъ во многомъ мою будущую дѣятельность.

Богатыревъ, при своей хитрости и здравой осторожности, увлекся на этотъ разъ и ежедневными удачами своими и какимъ-то личнымъ капризомъ жестокости. Онъ черезъ мѣру терзалъ самолюбіе англійскаго консула и какъ бы тѣшился его несомнѣнными страданіями. Я думаю даже, что впечатлительный Виллартонъ въ теченіе предшествовавшихъ двухъ лѣтъ политическаго согласія и тѣсной личной дружбы, отчасти и сердцемъ по-товарищески привязался къ Богатыреву, и тѣмъ больнѣе были ему обиды, почти ежедневно наносимыя ему нашимъ упрямымъ и гордымъ москвичомъ.

Я говорю—Богатыревъ перешелъ далеко и за черту приличій и за черту обязательной борьбы. Дальнѣйшая жестокость къ разстроенному Виллартону была не только не нужна для нашего *русскаго дѣла*, но могла стать и вредною. Мягкіе и уступчивые люди становятся иногда ужасны въ мести своей, когда видятъ, что противникъ разсчитываетъ на эту слабость. Я хотѣлъ *поберечь для себя* или, лучше сказать, *для своей службы* Виллартона; я находилъ, что, сохраняя съ нимъ лично хорошія отношенія, я могу еще легче дѣйствовать противъ него тайно, при тѣхъ хорошихъ помощникахъ, которыхъ мы имѣли въ городѣ въ средѣ христіанской.

Все это такъ, но какъ бы онъ не дознался при своихъ слишкомъ частыхъ посѣщеніяхъ, что Вѐлико не просто уніатъ, возвратившійся къ православію (это законно), но что онъ бѣглецъ изъ полка Садыкъ-паши? Опасенія мои почти оправдались.

Особенно одинъ визитъ англійскаго консула заставилъ меня задуматься.

Богатыревъ незадолго до этого переполнилъ чашу его терпѣнія. Случилось это вотъ какъ.

Отъ радости, что самъ Антоніади пригласилъ меня читать женѣ своей Жуковскаго, я *медлилъ*. Я все боялся испортить дѣла свои. Я думалъ: «и такъ хорошо! на что торопиться?»

Послѣ праздника въ Портѣ, гдѣ она повторила, что ждетъ насъ, я собрался. Надо было звать съ собой Богатырева. Къ тому же та часть Жуковскаго, въ которой была *Эолова Арфа*, была у него. Я зашелъ къ нему и сказалъ ему:

— Пойдемте сегодня вечеромъ вмѣстѣ къ Антоніади. Онъ пригласилъ меня читать женѣ громко Жуковскаго!

— Какой дуракъ,—отвѣчалъ Богатыревъ весело.—Когда я женюсь, я вамъ не позволю читать моей женѣ Жуковскаго. Нѣтъ, батюшка, отойди отъ зла и сотвори благо!..

— Перестаньте,—возразилъ я,—во-первыхъ, съ какой стати вамъ сравнивать себя съ этимъ скучнымъ Антоніади. Въ васъ жена будетъ навѣрное такъ влюблена, что тутъ не только нравственный Жуковскій, но и другіе поэты ничего не помогутъ.

Богатыревъ, несмотря на всю свою выдержку, не могъ скрыть своего удовольствія, услыхавъ такую лестную правду (это и оказалось правдой со временемъ; жена безъ ума любила его). Онъ покраснѣлъ и даже сконфузился, опустилъ глаза и сталъ разсматривать свои руки. Потомъ, совладѣвъ со своимъ минутнымъ смущеніемъ, онъ ужасно лукаво улыбнулся и сказалъ:

— Voyons—trève de flatteries! Vous voulez me faire servir de paravent... Eh bien! soit... Только на что это вы старину такую ей тащите? Началъ было я самъ *Ундину*. Знаете, скучновато... Вы бы лучше ей какого-нибудь Павла Пѣтухова снесли. И мужъ бы послушалъ Поль-де-Кока... А то что жъ онъ пойметъ! Онъ заснетъ, обидится и не будетъ васъ больше пускать къ себѣ... Я въ вашихъ интересахъ говорю.

— Онъ жилъ въ Одессѣ и понимаетъ немного по-русски.

— Да что жъ, что понимаетъ!—возразилъ Богатыревъ.— Что-нибудь о «пшеницѣ», «тащи мѣшки» какіе-нибудь... А вы *Ундину* ему...

Однако я стоялъ за Жуковскаго, и Богатыревъ, который все это говорилъ нарочно, потому что былъ въ этотъ день въ духѣ, кликнулъ своего Ивана, настоящаго орловскаго камердинера, и сказалъ ему, вставая:

— Принеси мнѣ перчатки и шапку и вели кавасу сейчасъ зажечь фонарь... мы пойдемъ...

Итакъ мы собрались итти. Я замѣтилъ, что Богатыревъ искалъ что-то на столѣ своемъ, нашелъ и захватилъ съ собою это *что-то*, это нѣчто, которое онъ хотѣлъ отъ меня скрыть... Повернувшись ко мнѣ спиной, онъ поспѣшилъ положить въ боковой карманъ какую-то небольшую вещь и потомъ, обращаясь ко мнѣ съ самымъ равнодушнымъ видомъ, воскликнулъ: «Пойдемъ дѣлить досугъ печальной нашей крали».

Я не отвѣчалъ на эту новую насмѣшку надъ Машей, и мы, взявъ Жуковскаго, каваса и фонарь, пошли въ Кастро, не спѣша, по темнымъ улицамъ, на которыхъ давно уже ходили, постукивая толстыми палками по мостовой, безмолвные и закутанные *пазванты* *).

Было не очень холодно, шелъ мелкій снѣжокъ; подъ ногами онъ таялъ и обращался въ густую грязь. Мы долго шли молча, выбирая гдѣ посуше и переступая съ камня на камень, въ мѣстахъ почти безлюдныхъ, все между лавокъ, запертыхъ уже съ ранняго вечера.

Изъ-подъ ногъ нашихъ безпрестанно вставали худыя, никому не принадлежащія уличныя собаки, кротко уступая намъ дорогу. Въ одномъ мѣстѣ мы чуть-чуть было не наступили на цѣлое гнѣздо щенятъ, для которыхъ чья-то сострадательная рука постелила соломки около столба.

Я любилъ все это: и эту грязь, и безмолвіе и отсутствіе газа, каретъ, и бѣдныхъ собакъ, этихъ нищихъ духомъ «о Магометѣ»... и запертыя лавки, и внезапный звонкій стукъ сторожевой дубины о камни мостовой... Но Богатыревъ сердился, переступая съ камня на камень черезъ лужи и снѣгъ.

— Не дождусь, когда я уѣду изъ этой трущобы! — говорилъ онъ угрюмо.

---

*) *Пазванъ*, или пазванъ — ночной сторожъ.

Я не отвѣчалъ, но думалъ: «И я не дождусь, чтобы ты уѣхалъ! Тогда я буду всему здѣсь самъ хозяинъ!..»

Наконецъ мы подошли къ ихъ двери, и кавасъ нашъ застучалъ кольцомъ...

Снизу изъ сѣней мы услыхали громкій и, казалось, намъ обоимъ незнакомый голосъ...

— Кто это у васъ наверху? — спросилъ съ недовольнымъ видомъ Богатыревъ у служанки.

— Это г. Михалаки, вашъ драгоманъ, привелъ какого-то старика, который все кричитъ и кричитъ, — отвѣчала Елена, — кричитъ и потомъ какъ кошка дѣлаетъ вотъ такъ: пффф!..

Елена, очень забавно отскочивъ отъ насъ, представила лицомъ и руками испуганную и разсерженную кошку...

Я тотчасъ же догадался и сказалъ:

— А, это нашъ русскій подданный, философъ Маджараки... это онъ...

Я любилъ этого оригинальнаго старика и обрадовался этой неожиданной встрѣчѣ; я сообразилъ кстати, что они съ Михалаки могутъ занять Антоніади и Богатырева и этимъ облегчатъ мнѣ возможность отдѣльной бесѣды съ Машей. А читать можно и въ другой разъ.

Маджараки, уроженецъ и житель уѣзднаго городка Кыркъ-Килисси и русскій подданный, имѣлъ тяжебное дѣло въ Адріанополѣ съ однимъ армяниномъ, турецкимъ подданнымъ. Антоніади, новый членъ торговаго суда, долженъ былъ на-дняхъ принять участіе въ обсужденіи этого дѣла, и вѣчно дѣятельный Михалаки Канкеларіо, безо всякаго даже побужденія со стороны консула, взялъ на себя трудъ привести Маджараки къ Антоніади въ домъ, чтобы подсудимый могъ какъ можно лучше изложить свою тяжбу еще неопытному въ мѣстныхъ дѣлахъ, но испытанному жизнью и коммерческою борьбой судьѣ. Къ тому времени, какъ намъ притти, разговоръ о тяжбѣ уже кончился. Михалаки игралъ въ шахматы съ Антоніади, Маша сидѣла на диванѣ съ работой; около нея была m-me Игнатовичъ, а низенькій и толстый Маджараки стоялъ посреди залы, опершись правою ру-

кой на спинку стула и, потрясая отъ времени до времени лѣвою, говорилъ дамамъ такъ, съ изступленіемъ страсти и фанатизма:

— Вы, вы, жительницы большихъ городовъ... вы можете позволять себѣ европейскую роскошь... Но мои дочери? мои дочери должны носить толстые красные болгарскіе фартуки! Онѣ метутъ, работаютъ, онѣ ѣдятъ руками... Да, моя покойная мать тоже ѣла руками, и сокъ!.. сокъ отъ кушанья текъ по груди ея... сокъ этотъ текъ (повторялъ онъ съ любовью и восторгомъ, качая умиленно сѣдою головой)... да, сокъ этотъ текъ, но мать моя была здорова, красива и сильна.

Мы прервали его рѣчь...

Онъ умолкъ мгновенно, увидавъ консула. Всѣ поспѣшно встали, хозяинъ дома встрѣтилъ насъ у дверей залы, Маша тоже встала съ дивана и сдѣлала нѣсколько шаговъ намъ навстрѣчу. Маджараки отошелъ въ сторону, вытянулся и притворился робкимъ и скромнымъ. (Я говорю *притворился*, потому что онъ никого и ничего не боялся, своею смѣлостью съ турками довелъ даже себя до цѣпей и суда, послѣ чего и добылъ себѣ въ Одессѣ русскій паспортъ).

Богатыревъ, поздоровавшись съ хозяевами дома, едва повелъ головой въ сторону Маджараки и не удостоилъ отвѣтить даже привѣтливымъ взглядомъ на его почтительный поклонъ. Онъ находилъ старика несноснымъ, да и вообще на всѣхъ здѣшнихъ людей смотрѣлъ только съ точки зрѣнія политическихъ интересовъ Россіи и выгодъ собственной службы. Сами по себѣ они всѣ для него не существовали, и онъ не считалъ ихъ достойными ни малѣйшаго вниманія. Мнѣ же, напротивъ того, случалось съ этимъ Маджараки проводить цѣлые вечера и до усталости слушать его разсужденія о философіи, богословіи и грамматикѣ. Я находилъ его замѣчательнымъ человѣкомъ и часто изумлялся его метафизическимъ способностямъ, развившимся такъ сильно и независимо въ такомъ удаленіи отъ главныхъ центровъ научной и умственной жизни.

Я предоставилъ Богатыреву заняться съ Машей, надѣясь вознаградить себя позднѣе, и, взявъ дружески за руку бѣд-

наго и никѣмъ непонятаго мыслителя, усадилъ его около себя и спросилъ, чѣмъ онъ теперь занимается.

Маджараки взглянулъ на меня весело, плутовски и сказалъ:

— Сравнительнымъ изученіемъ глаголовъ въ эллинскомъ и турецкомъ языкахъ...

— Простите меня, — перебилъ я, — я уже говорилъ вамъ прежде, что философія и богословіе меня больше интересуютъ, чѣмъ грамматика. Ваши труды по метафизическимъ вопросамъ гораздо мнѣ понятнѣе, чѣмъ эти глаголы.

— Прошу васъ, г. Ладневъ, извинить меня, но я позволю себѣ замѣтить, что вы не совсѣмъ правы... — воскликнулъ Маджараки значительно и прибавилъ по-французски: — Il n'y avait pas de grand philosophe, qui ne fut grand grammairien: et il n'y avait pas de grand grammairien, qui ne fut grand philosophe.

Онъ произносилъ такъ смѣшно, что Богатыревъ и всѣ присутствующіе мужчины переглянулись съ улыбкой и пріостановили свою бесѣду, прислушиваясь къ нашей. Маджараки, не замѣчая ничего, продолжалъ съ жаромъ:

— Филологическая идея поддерживаетъ во мнѣ метафизическую, метафизическая родитъ грамматическую. О! Это наслажденіе, небесное наслажденіе — слѣдить за проявленіемъ божественнаго духа во всѣхъ феноменахъ человѣческаго ума. Я не оставляю метафизики. Такъ, напримѣръ, недавно я убѣдился, что троица или тройственность суть дѣйствительно основаніе всему, и такимъ образомъ самый основной и священный догматъ православія находитъ для себя полнѣйшее оправданіе и въ метафизическихъ законахъ бытія и мышленія... Извольте, вникните (тутъ Маржараки придалъ своему лицу выраженіе особенно задумчивое и глубокое, даже съ небольшимъ оттѣнкомъ какого-то испуга, и, собравъ всѣ пальцы своей руки кучкой, трясъ ими предъ глазами и лбомъ своимъ): вникните: *Суть*... Суть всего... сущность... сущій... «*То ὄν*» (Το ων)... (Потомъ лицо его приняло болѣе ожесточенный видъ, и онъ началъ быстро и долго стучать ребромъ руки по столу).

— *Энтелехія*... Безконечное проявленіе, безначальное и безконечное рожденіе, вѣчное дѣйствіе, неразрывное съ этою сущностью... Тукъ, тукъ, тукъ... Тукъ, тукъ, тукъ!.. Энтелехія!..

Наконецъ, выразивъ и глазами, и извилистымъ движеніемъ руками, и всѣми физическими средствами своими нѣчто въ родѣ гибкости и проницательности, Маджараки докончилъ:

— *Способъ* дѣйствія... *Трѝпосъ*... Понимаете, — даже пространства заключить или замкнуть нельзя безъ трехъ линій; треугольникъ — это первая фигура геометріи...

Я слышалъ, что Маша вполголоса говорила Богатыреву и мужу:

— Il est charmant ce vieux... Écoutez, il faut que vous lui fassiez absolument gagner son procès au tribunal de commerce.

— Онъ несноснъ! — возразилъ глухимъ голосомъ консулъ.

— Я не согласна, онъ премилый, — повторила Маша и потомъ обратилась къ самому старику по-гречески: — киръ Маджараки, отчего вы отдаете такое предпочтеніе одному г. Ладневу? Отчего вы насъ не удостоиваете вашей интересной бесѣды? Вы насъ считаете недостойными?

Наивный старикъ всталъ почтительно и отвѣтилъ съ большимъ достоинствомъ:

— Кирія Мариго! Я уже настолько опытенъ, чтобы понимать, до чего вкусы и наклонности людей высокаго образованія могутъ быть различны, и не желаю никому быть въ тягость. Вотъ и г. Ладневъ удостоиваетъ вниманія мои скромные метафизическіе труды и отвращается отъ моихъ же грамматическихъ изысканій.

— Нѣтъ, нѣтъ! — сказала Маша, — садитесь ближе, мы всѣ хотимъ васъ слушать.

Богатыревъ нахмурился; а я былъ очень радъ, что она такъ мило обращалась съ оригиналомъ этимъ, котораго я предпочиталъ другимъ здѣшнимъ жителямъ. И въ этомъ поступкѣ ея я увидалъ желаніе показать, что она во всемъ, *во всемъ* сочувствуетъ мнѣ и не выдаетъ меня даже и въ мелочахъ.

Она придвинула кресло къ дивану и пригласила старика сѣсть къ себѣ поближе.

Богатыревъ, избалованный въ Адріанополѣ своею властью и вліяніемъ, покраснѣлъ и прошепталъ по-русски: «Уйду сейчасъ въ шахматы играть. Право уйду... Мсье Михалаки, не хотите ли партію?..»

Маджараки сіялъ и собирался видимо начать какую-то рѣчь, какъ вдругъ раздался внизу стукъ въ двери, и немного спустя Елена почти вбѣжала съ возгласомъ: «Англійскій консулъ!»

Богатыревъ взглянулъ на меня и пожалъ плечами.

Виллартонъ былъ уже въ дверяхъ залы.

XXII.

Сначала все пошло хорошо.

Мадамъ Антоніади была настоящая свѣтская женщина въ томъ отношеніи, что, разъ принявъ въ домъ свой кого бы то ни было, она была со всѣми одинаково любезна и старалась даже скорѣе низшихъ замѣтно возвысить, боясь обидѣть ихъ.

Она удержала старика Маджараки около себя; Виллартона пригласила сѣсть съ другой стороны, тоже поближе. Мы съ Богатыревымъ сидѣли напротивъ за круглымъ столомъ. Михалаки и мужъ ея около насъ. Бесѣда стала скоро оживленною и общею.

Антоніади принесъ изъ другой комнаты какой-то французскій журналъ съ карикатурами, и всѣ стали смотрѣть ихъ.

Особенно заняли всѣхъ рисунки разныхъ французскихъ и прусскихъ военныхъ чиновъ и полковъ, только что отличившихся подъ Кениггрецомъ. На каждой картинкѣ было по французу и по пруссаку. Напримѣръ, французскій гусаръ, стройный, красивый, ловкій, самоувѣренный, и гусаръ прусскій, средняго роста, широкій, нескладный, въ огромной мѣховой шапкѣ, надвинутой на брови. Французскій маршалъ,

тоже стройный, элегантный, въ треугольной шляпѣ съ плюмажемъ, въ расшитомъ мундирѣ и весь *окруженный сіяніемъ прежней славы*, рядомъ съ нимъ стоитъ не развязно и вытянувъ руки прусскій генералъ, въ простомъ будничномъ военномъ кафтанѣ, въ каскѣ безъ султана, лица изъ-подъ козырька почти не видно, и *на каскѣ очки учености*...

Изображенія французовъ сопровождались длинными подписями любезно-шутливыми, самыми лестными воспоминаніями о великихъ удачахъ и подвигахъ прошедшаго; у пруссаковъ такихъ воспоминаній не было; вездѣ были вмѣсто нихъ поставлены точки съ повтореніемъ одной и той же насмѣшки: «... mais solide!» (... *зато надеженъ!*)

До Седана и Меца было еще далеко, и никто ихъ тогда еще предвидѣть не могъ. Похвалюсь однако, я *полупредчувствовалъ* ихъ и сказалъ:

— Какъ бы господамъ французамъ не пришлось горько каяться въ этихъ насмѣшкахъ!.. Исторія любитъ новое. И я, признаюсь, очень былъ бы радъ, если бъ этой передовой націи дали добрый урокъ. Они забыли Росбахъ...

Солидному Антоніади тоже это хвастовство не очень нравилось, и онъ замѣтилъ:

— Я согласенъ съ вами. Развѣ дурное качество — солидность въ войскѣ? Это самое лучшее, какъ и во всемъ.

Виллартонъ просто смѣялся отъ души, разглядывая эти рисунки, и обратилъ вниманіе только на то, что французы представлены здѣсь слишкомъ красивыми.

— Я былъ съ ними вмѣстѣ подъ Севастополемъ, — сказалъ онъ. — Они вообще скорѣе некрасивы.

— Вы избалованы красотой и благороднымъ видомъ вашихъ англійскихъ войскъ, оттого вы строги, — замѣтилъ я, желая ему польстить (все приготовляя себѣ удобства въ *близкомъ будущемъ*). — Я тоже служилъ тогда въ Крыму и послѣ заключенія мира восхищался вашими *гайлендерами* въ красныхъ мундирахъ.

Богатыревъ, выросшій въ Москвѣ, на французскихъ фарсахъ и французскихъ вкусахъ самаго легкомысленнаго стиля, сталъ защищать все французское и кончилъ тѣмъ, что

досталъ изъ кармана ту книжку, которую онъ предъ уходомъ изъ дома такъ таинственно положилъ туда. Это была довольно забавная глупость: *Исторія одной пуговицы, пропавшей съ мундира нѣмецкаго солдата*. Опять насмѣшки надъ нѣмецкими формальностями, надъ нѣмецкимъ патріотизмомъ и т. п. Авторъ, вѣроятно настоящій французъ, придумалъ себѣ русскій псевдонимъ — *Piotre Artamoff*.

Въ небольшомъ нѣмецкомъ городкѣ у солдата пропадаетъ съ мундира пуговица. Все начальство приходитъ въ волненіе; пишется множество донесеній, отношеній, предписаній, при этомъ жизнь предъявляетъ свои требованія, и кто-то запѣлъ патріотическую германскую пѣсню, которая *вся* состояла изъ повторенія двухъ стиховъ:

Bois de la bière,
Bonne, bonne Lisette!
Bois de la bière!

*
* *

Bois de la bière,
Bonne, bonne Lisette!
Bois de la bière!

*
* *

Bois de la bière,
Bonne, bonne Lisette!
Bois de la bière.

По-нѣмецки:

Trinck Bier,
Liebe, liebe Lischen!
Trinck Bier!

*
* *

Trinck Bier,
Liebe, liebe Lischen!
Trinck Bier!
.....

И больше ничего!..

Ни одинъ изъ жителей города не можетъ устоять про-

тивъ восхитительнаго дѣйствія этой національной поэзіи; одинъ за другимъ нѣмцы и нѣмки начинаютъ подтягивать запѣвшему, другіе сосѣди подхватываютъ, восторгъ растетъ, голоса все громче, пѣніе все изступленнѣе, и скоро весь городъ становится огромнымъ хоромъ, который гремитъ:

Trinck Bier,
Liebe, liebe Lischen,
Trinck Bier...

Всѣ дѣла забыты, даже и тревога о пуговицѣ...

Какой-то часовой и тотъ даже забываетъ въ этотъ волшебный мигъ строгость своего долга и съ увлеченіемъ присоединяется къ хору согражданъ.

Богатыревъ читалъ хорошо; онъ кончилъ маленькую книжку при дружномъ хохотѣ всего общества. Только Маджараки видимо улыбался изъ вѣжливости: онъ ничего не понялъ. Онъ изо всего французскаго языка зналъ только наизусть ту фразу о грамматикахъ и философахъ, которую давеча онъ такъ ужасно произнесъ. Вспомнивъ объ этомъ, Маша обратилась къ нему и сказала:

— Французы очень остроумны, вы знаете...

— Да, — отвѣчалъ Маджараки значительно, — особенно Фонтенель. Я читалъ его въ переводѣ. Онъ удивительно тонокъ, напримѣръ, говоря въ томъ, что съ разныхъ небесныхъ тѣлъ небо можетъ казаться обитателямъ этихъ тѣлъ совсѣмъ не того цвѣта, какимъ представляется оно намъ по причинѣ другой окраски атмосферы... И, упоминая о какомъ-то цвѣтѣ... положимъ розовомъ... не помню... говоритъ такъ тонко, обращаясь къ знатной госпожѣ, своей читательницѣ: «Я угадываю, сударыня, что́ вы теперь думаете: какъ хорошо бы сдѣлать такое платье?»

— Это очень мило, прелестно! — сказала Маша.

Злой Михалаки, знавшій уже наизусть всѣ рессурсы своего стараго соотечественника, придумалъ между тѣмъ нарочно нѣчто такое, что́ могло быть не совсѣмъ пріятно англійскому консулу.

Онъ сказалъ хозяйкѣ дома съ самымъ невозмутимымъ и невиннымъ видомъ:

— У г. Маджараки удивительно то, что онъ воздаетъ каждому должное. Онъ очень уважаетъ французскую словесность, но когда ему, вслѣдствіе непріятностей съ турками, посовѣтовали принять французское подданство, онъ отвергъ эту мысль съ негодованіемъ, — поѣхалъ въ Одессу и сказалъ: «Не моя была воля родиться подданнымъ мусульманскаго государства, но по свободному выбору я могу подчиниться только законамъ православной державы...» Г. Маджараки твердъ какъ желѣзо въ своихъ убѣжденіяхъ...

— Это прекрасно! — сказала Маша.

Виллартонъ не остерегался и замѣтилъ насмѣшливо и фамильярно:

— И выгодно... Возвратиться опять въ государство мусульманское и пользоваться въ немъ всѣми удобствами русской протекціи...

Маджараки вспыхнулъ, и глаза его засверкали; онъ задрожалъ:

— Эти руки!..—воскликнулъ онъ, показывая свои руки, — эти руки были въ турецкихъ колодкахъ... Тяжелыя цѣпи за одно только подозрѣніе... обременяли это старое тѣло... И если я живъ, если меня не кинули въ Марицу съ камнемъ на шеѣ, если меня не убили, не повѣсили на суку адріанопольскаго дерева, то этимъ я обязанъ православной русской крови, которая проливалась за христіанъ Востока, со временъ Великой Екатерины и до послѣдней несчастной войны противъ Франціи, въ союзѣ съ двумя мусульманскими державами...

Маджараки былъ уже на ногахъ... онъ опять фыркалъ: «Пффф! Пффф!», выходя изъ себя, и сжималъ кулаки.

Богатыревъ вмѣшался; онъ догадывался, что̀ хочетъ сказать изступленный философъ, и спросилъ:

— Какія же двѣ мусульманскія державы?.. Турція одна...

Маджараки, забывъ всю свою формальную почтительность, взглянулъ на Богатырева съ высокомѣрною улыбкой, какъ на безсмысленнаго ребенка, даже помолчалъ почти

съ презрѣніемъ и, наконецъ, промолвилъ, небрежно улыбнувшись:

— Самая великая и вредная истинному христіанству мусульманская держава въ мірѣ—это Великобританія... Въ числѣ ея подданныхъ...

Хозяинъ встревожился и поспѣшилъ перебить его:

— Вы, можетъ быть, не знаете, кто передъ вами, — это г. Виллартонъ, англійскій консулъ...

Маджараки (который зналъ это очень хорошо) притворился и перемѣнилъ тонъ.

— Прошу его сіятельство извинить меня, я не имѣлъ чести до сихъ поръ встрѣчаться, — сказалъ онъ плутовато и смиренно.

Виллартонъ покраснѣлъ. Онъ видимо былъ недоволенъ, но не желая, конечно, въ этомъ сознаться, воскликнулъ:

— О, ничего, ничего! Продолжайте, продолжайте!.. Это разговоръ частный... Меня очень интересуетъ ваше мнѣніе... А что вы думаете, напримѣръ, о будущности Босфора или Константинополя?..

Это было съ его стороны довольно ловко придумано, чтобы затруднить всѣхъ насъ. Мы всѣ замерли на минуту... ждали, что скажетъ старикъ.

Маджараки немного поколебался, немного подрожалъ въ какомъ-то страстномъ и сдержанномъ волненіи и, наконецъ, отвѣтилъ такъ, обращаясь прямо къ Виллартону:

— Насчетъ Босфора и прекрасной столицы, украшающей берега его, я, ваше сіятельство, долженъ отвѣтить вамъ такъ: тотъ будетъ проченъ на берегахъ этихъ и тотъ будетъ всѣмъ жителямъ этихъ странъ пріятенъ, кто на всякій западный товаръ наложитъ въ Дарданеллахъ *сто на сто*... Торговыя и промышленныя западныя державы погубили въ Турціи всякую промышленность и развратили насъ ложною роскошью... Если султанъ въ силахъ наложить эти сто на сто, да здравствуетъ султанъ!.. Пффф! Пффф!..

Отвѣчено было прилично, оригинально и умно; мы всѣ, кромѣ Виллартона, были довольны...

Вскорѣ послѣ этого Маджараки простился и ушелъ. А

немного погодя собрались и мы итти домой. Маша нашла случай сказать мнѣ тихо:

— *Намъ не удалось почитать Жуковскаго. Тѣмъ лучше.* Приходите утромъ: мы будемъ одни...

Потомъ она посмотрѣла на меня внимательно, показала рукой на мой лобъ и замѣтила:

— Вы хорошѣете все... Какое у васъ сегодня милое выраженіе - доброе, ясное такое... «L'amour est un prisme que nous portons au front et qui illumine nos entrailles»... Откуда это?

— *Не помню...*

— Поищите дома. У васъ эта книга есть...

— L'amour pour qui? — спросилъ я...

— Pour madame Чобанъ-оглу, конечно... у васъ такой гадкій вкусъ...

Мы простились и вышли вчетверомъ: Богатыревъ, Виллартонъ, Михалаки и я. Кавасъ несъ впереди фонарь. Консулы шли рядомъ и молча за нимъ. Мы съ Михалаки сзади. Вдругъ изъ темноты сосѣдняго переулка послышался топотъ бѣгущихъ толпой людей, и раздался отчаянный вопль турецкихъ пожарныхъ: «Янгынъ варъ*)!»

Мы всѣ пріостановились, но Богатыревъ грубо сказалъ кавасу: «иди прямо! что ты стоишь!..»

И мы опять пошли...

Пожарные, занятые своимъ дѣломъ, бѣжали прямо на насъ. Они несли на себѣ тяжелую трубу и продолжали кричать, чтобы бѣдствіе не застало спящихъ обывателей врасплохъ и чтобы встрѣчные на улицѣ люди сторонились заранѣе и не задерживали бы ихъ.

Они были уже близко, когда Богатыревъ, вдругъ остановившись, сорвалъ черный кожаный чехолъ со своей бѣлой фуражки, чтобъ она была виднѣе въ темнотѣ, и закричалъ еще громче ихъ своимъ сильнымъ голосомъ:

— Куда вы, ослы? Стой... не видите вы, кто передъ вами!.. Негодяи! Али! Вынь ятаганъ, — руби ихъ!..

---

*) Пожаръ! «*Пожаръ есть*» слово въ слово.

Али, не колеблясь, мгновенно правою рукой извлекъ ятаганъ, а лѣвою почти бросилъ фонарь на землю и сдѣлалъ шагъ впередъ, приготовляясь безпрекословно кинуться на цѣлую толпу. Пожарные тотчасъ же остановились, разступились, прижались къ домамъ молча и почтительно, и мы прошли...

Я былъ возмущенъ этимъ поступкомъ консула, этою ненужною несправедливостью, этимъ безполезнымъ эффектомъ.

Я всегда любилъ то, что нынче выдумали звать самодурствомъ; особенно любилъ я самодурство національное, во имя *идеи*; но это было глупо, неумѣстно, даже низко по-моему... О! если бъ эти пожарные были «честные» граждане—республиканцы Цюриха и Берна или самоувѣренные подданные *узурпатора съ распомаженными усами*, котораго куаферы въ кепи тогда еще не были такъ восхитительно проучены при Вёртѣ и Седанѣ... Тогда я бы не сказалъ ни слова... Но эти бѣдные турки!.. Они вѣдь спѣшили на доброе дѣло! Довольно съ насъ и того, что мы *обязаны* дѣлать *противъ нихъ* для явной политической пользы единовѣрцевъ нашихъ...

«Ce n'est même pas de bon gôut!» думалъ я про себя съ негодованіемъ...

Михалаки, напротивъ того, и этому былъ радъ—поздиѣе онъ «щипѣлъ» мнѣ, что все это Богатыревъ дѣлалъ хорошо: надо показать этому Виллартону, что энергическій русскій агентъ имѣетъ право *все дѣлать здѣсь* безнаказанно...

Если *я*, русскій, никогда съ этимъ согласиться не могъ, то какое же бѣшенство должно было обуревать въ эту минуту душу англійскаго консула, рожденнаго и выросшаго въ Турціи?!

Вѣроятно отъ избытка гнѣва Виллартонъ на этотъ разъ сдержался и не сказалъ ни слова.

Вотъ послѣ этого-то случая онъ вовсе пересталъ ходить въ наше консульство, и даже отъ Антоніади сталъ все больше и больше удаляться, сталъ суше обращаться съ нимъ при встрѣчахъ и ни разу не былъ у него въ домѣ въ теченіе цѣлаго мѣсяца...

Встревоженный этимъ хіосскій купецъ оказывалъ ему сначала всякаго рода вниманіе, конечно—«въ предѣлахъ своего личнаго достоинства» (Антоніади любилъ такъ выражаться); но Виллартонъ не уступалъ, и Антоніади, скрѣпя сердце, долженъ былъ теперь понять, что онъ надолго, если не навсегда попался въ русскія «сѣти». Надо было держаться еще крѣпче за русскихъ, когда англійскій консулъ самъ, безо всякой вины съ его стороны, не хочетъ его больше знать!..

Для меня лично обстоятельства слагались все выгоднѣе и выгоднѣе... Удаляясь отъ Богатырева и Антоніади, Виллартонъ сталъ искать сближенія со мною, посѣщенія его *запросто* день ото дня учащались...

Я былъ очень радъ и безпокоился только о томъ, чтобы Вѐлико не попадался ему безъ крайности на глаза...

Я сказалъ, почему я этого не могъ желать.

XXIII.

Однажды я сидѣлъ на верхней галлереѣ моего милаго пестраго жилища и наслаждался...

Вѐлико, веселый и нарядный, стоялъ предо мной съ подносомъ, а я курилъ наргиле, пилъ кофе и разспрашивалъ его кой-о-чемъ деревенскомъ: какъ одѣваются у нихъ въ Сазлы-Дерѐ женщины, что́ носятъ онѣ на головахъ, бѣлые платки, или что-то въ родѣ фесокъ съ повязками, какъ я видѣлъ въ иныхъ мѣстахъ, какого цвѣта фартуки?.. Въ это время въ Москвѣ готовилась этнографическая выставка и ждали славянъ на съѣздъ общенія «любви»... Богатырева просили распорядители выставки доставить одежды и утварь, но онъ, ко всему подобному, прямо не касавшемуся службы, довольно равнодушный, принялъ эту просьбу чуть не насмѣшливо и предложилъ мнѣ и отвѣтъ написать и свѣдѣнія собрать о томъ, какія нужны одежды и что́ будетъ это стоить. Я взялся за это дѣло съ величайшимъ рве-

ніемъ и думалъ, что сдѣлаю пользу и заслужу благодарность... Мы такъ занялись съ Вéлико нашею бесѣдой, что и не замѣтили, какъ Виллартонъ вдругъ вошелъ въ незапертую на этотъ разъ дверь и громко спросилъ уже на лѣстницѣ: «эфенди дома?» И вслѣдъ затѣмъ показался уже и самъ въ дверяхъ галлереи... Вéлико не тронулся съ мѣста; только покраснѣлъ немного...

Виллартонъ тотчасъ же, послѣ первыхъ привѣтствій, сказалъ мнѣ по-турецки (вѣроятно нарочно, чтобы Вéлико понялъ его).

— У васъ новый служитель?

— Да! — сказалъ я, — болгаринъ...

— Хорошій мальчикъ! Какъ тебя, мальчикъ, зовутъ? — спросилъ онъ...

Виллартонъ, глядя на Вéлико, старался сдѣлать выпуклые глаза свои самыми... самыми... не понимаю даже какими... или очень равнодушными или ужасно многозначительными. Я зналъ очень хорошо эти выпуклые глаза его. О! какъ я ихъ помню и теперь... я умѣлъ по привычкѣ читать въ нихъ многое, но изобразить словами прочитанное не могу хорошо...

— Какъ тебя, мальчикъ, зовутъ?

Не правда ли, это очень просто... Какъ тебя, мальчикъ, зовутъ? Но глаза при этомъ становились *многозначительны*: они дѣлались вдругъ равнодушными до уныніе, до печали... Да! до печали... Я это хорошо сказалъ, — они дѣлались равнодушными до печали. Это вѣрно. Но что́ значило это равнодушіе? Было ли это неудачное желаніе скрыть какое-нибудь злоумышленное любопытство... Или, напротивъ того́, очень тонкая угроза?

«Вы думаете, гг. русскіе, что я очень веселъ, живъ, откровененъ и даже какъ будто вѣтренъ иногда и неосторожень? Да, это мой характеръ, правда... Но я докажу вамъ, что бороться съ вами я умѣю и буду мстить вамъ на каждомъ шагу за ваши частыя побѣды надо мною въ здѣшнихъ дѣлахъ...»

— Какъ тебя, мальчикъ, зовутъ?

У Ве́лико глаза потускнѣли; но онъ отвѣтилъ твердо и почтительно: «Ве́лико, эфендимъ».

— Гайдукъ Ве́лико! (Разбойникъ Ве́лико),—воскликнулъ англичанинъ, раскидываясь съ хохотомъ на диванъ.—Ты знаешь пѣсню: «Гайдукъ Ве́лико»?

— Знаю,—чуть-чуть краснѣя, отвѣчалъ мальчикъ.

— А это знаешь:

Покарàло й мàлко момчé,
Мàлко момчé сиво стàдо
Из корня султàнова
Султанова султанъ-бéйска.
Хóра думат мàлко момчé*)...

— Нѣтъ, этого не слыхалъ.

— А изъ какой ты деревни?..

— Изъ села Сазлы-Дере́.

Онять унылое равнодушіе на бородатомъ и веселомъ лицѣ мистера Виллартона.

— Сазлы-Дере? Сазлы-Дере? Гдѣ это Сазлы-Дере?

— Недалеко, часа три отсюда,—вмѣшиваюсь я, чтобъ облегчить душу бѣдному Ве́лико, и потомъ говорю ему:

— Подай господину консулу кофе...

Я говорю это въ надеждѣ, что инквизиціонные вопросы прекратятся. Пока Ве́лико сходитъ за кофеемъ, англійскій консулъ можетъ займется чѣмъ-нибудь другимъ... Я постараюсь даже занять его. Начну жаловаться нарочно на злоупотребленія турецкихъ чиновниковъ. Онъ будетъ спорить, кричать, вспрыгнетъ съ дивана и, наконецъ, воскликнетъ: «Я васъ прошу не оскорблять меня! Турція—это моя отчизна... Я здѣсь родился, здѣсь выросъ и люблю Турцію больше, чѣмъ самую Англію...» Я немного уступлю, и мы за это не поссоримся. Или скажу ему, что прочелъ въ русскихъ газетахъ, какое множество уніатовъ въ Польшѣ перешло въ православіе, а онъ тоже вскочитъ и вскрикнетъ: «Ah, bah! Ses uniates!.. Nous en savons quel-

*) Переводъ: «Молодой малый погналъ; Молодой малый сѣрое стадо; По пастбищу султана; Султана царя господина. Люди говорятъ молодцу.. » и т. д.

que chose! Имъ русскіе солдаты штыками раскрываютъ зубы для того, чтобы попъ могъ насильно влить имъ причастіе. Вотъ ваша пропаганда!.. Вотъ ваша свобода!..» И какъ онъ покраснѣетъ, какъ онъ ужасно раскроетъ глаза свои! Я уже видѣлъ все это, все это знаю...

Мнѣ нужно теперь, чтобъ онъ только забылъ о Вѐлико... А если онъ разсѐрдится за упіатовъ и турокъ и еще упорнѣе будетъ стараться узнать, что это у меня за болгаринъ и откуда онъ? Нѣтъ, я не буду бранить турокъ... Я буду бранить французовъ, это ему будетъ пріятно, и я буду искреннѣе... Я турокъ предпочитаю французамъ. Французы выдумали демократическій прогрессъ. На этомъ мы съ Виллартономъ скорѣй сойдемся... Или начну я хвалить тѣ англійскіе обычаи и вкусы, которые мнѣ знакомы: святки, боксъ, пунцовые мундиры; онъ это тоже любитъ. И въ этомъ я буду естествененъ. Англичане, даже и враждующіе противъ насъ, мнѣ все-таки очень нравятся; или еще лучше, буду турокъ хвалить?.. Итакъ, хвалю турокъ... хвалю ихъ отъ души...

— Вчера,—(такъ я приступаю къ моей «политикѣ»),— я былъ въ Эски-Сарѣ и вспомнилъ васъ, г. Виллартонъ; въ сущности я съ вами во многомъ согласенъ, если хотите... Иду я по берегу рѣки. Гуляло тутъ и кромѣ меня много народа. Вижу, пожилой, такой почтенный турокъ разостлалъ подъ деревомъ коврикъ и молится при всѣхъ... Онъ никого знать не хочетъ, онъ кладетъ земные поклоны свои и не обращаетъ вниманія на то, что мимо проходятъ насмѣшники или ненавистники его вѣры... Вотъ это я чрезвычайно уважаю въ туркахъ.

Я не ошибся въ расчетѣ. Виллартонъ былъ такъ тронутъ моимъ замѣчаніемъ, что вскочилъ съ дивана и воскликнулъ:

— Вы знаете эти стихи? Послѣднія слова взяты изъ Корана·

«Какая рука и какой языкъ могутъ заплатить долгъ благодарности Богу?» И точно, Богъ сказалъ: «Воздайте мнѣ благодарность, о, потомки Давида! ибо только немногіе изъ слугъ моихъ умѣютъ быть благодарными».

И глаза его (я замѣтилъ это тотчасъ же) немного покраснѣли отъ навернувшихся на нихъ мгновенныхъ слезъ... Выпрямившись предо мною, Виллартонъ повторилъ еще разъ... И хотя эта цитата была не особенно кстати и не слишкомъ выразительна, я ее нашелъ прекрасною, а мои дипломатическія дѣйствія еще во сто разъ прекраснѣе... Однако кофе не несутъ!.. Придетъ Вѐлико, Виллартонъ опять начнетъ свой допросъ...

Вотъ-вотъ шаги... несутъ кофе... Боже мой... Однако, какъ хитры эти единовѣрцы наши! Я сказалъ этому юношѣ, болгарину, почти отроку: «Вѐлико, подай кофе г. консулу!» Онъ долженъ бы былъ исполнить буквально слова мои, самъ подать ему, однако, онъ предпочелъ прислать съ кофеемъ каваса-турка, а самъ скрылся... А можетъ быть это, напротивъ того, глупость?.. Подозрительно... Но Виллартонъ сталъ спокойно пить кофе и о Вѐлико не сказалъ ни слова. Тогда я спросилъ у каваса:

— Гдѣ же Вѐлико?.. Отчего не онъ подаетъ кофе?

— Онъ подметаетъ теперь вашу комнату...

— Ну, хорошо... Только скажи ему, все-таки, что онъ глупъ: кофе подавать его дѣло, а не твое...

Между тѣмъ оживленное, подвижное лицо Виллартона вдругъ принимаетъ особенное какое-то выраженіе, почти побѣдное.

— Я все вспоминалъ, гдѣ я его видѣлъ прежде; я вспоминалъ все время, гдѣ я замѣтилъ его красоту?.. въ числѣ солдатъ Садыкъ-паши или въ уніатской церкви?.. И вспомнилъ, что это было въ уніатской церкви... Я заходилъ туда разъ изъ любопытства... Онъ былъ тамъ *кандильанафтомъ* *). А насчетъ казацкихъ этихъ полковъ, можетъ быть, я ошибаюсь. Какъ будто мнѣ кажется, что я видѣлъ его гдѣ-то въ мундирѣ. Но это, можетъ быть, и ошибка. А въ уніатской церкви въ Киречь-Хане я его видѣлъ — это вѣрно. На немъ была эта самая малиновая *аба* **).

Мало-по-малу лицо Виллартона во время этихъ словъ опять доходило до выраженія того многозначительнаго, при-

*) Понамаремъ.

**) Сукно.

творнаго унынія, которое мнѣ такъ было знакомо, и онъ кончилъ свою значительную рѣчь такимъ простымъ и, повидимому, небрежнымъ вопросомъ:

— Онъ недавно, значитъ, оставилъ уніатство, онъ перешелъ опять въ ортодоксію?..

— Да, недавно, — отвѣчалъ я съ улыбкой, которую стараюсь сдѣлать настолько же двусмысленною, насколько загадочно его «уныніе». — Да, онъ перешелъ къ намъ. Мы раскрыли ему зубы русскимъ штыкомъ, какъ вы говорите.

— Не золотымъ ли ключомъ? — отшучивается Виллартонъ...

— Чѣмъ придется, — отвѣчаю я. — Съ такими искусными соперниками на Востокѣ, какими мы окружены... что̀ дѣлать... Напримѣръ, хотя бы вы. (Я знаю, что Виллартонъ, который годъ или два тому назадъ шагу не давалъ сдѣлать спокойно католической пропагандѣ, теперь старается помогать *даже и ей*, съ досады на наши послѣднія удачи, по злобѣ на русскую препотенцію и съ отчаянія, что нашъ ловкій Богатыревъ поставилъ его совершенно въ изолированное положеніе.)—Изъ одного ли любопытства вы посѣщаете уніатскіе храмы?

Виллартонъ, который долго оставаться въ одной позѣ не могъ никогда, давно уже ходилъ по комнатѣ, высоко поднимая носки при каждомъ шагѣ, какъ бы маршируя, и весело притоптывая каждый разъ. Онъ вдругъ остановился въ удивленіи и, опустившись близко около меня на диванѣ, оборотился ко мнѣ лицомъ и началъ говорить дружески, такъ довѣрительно и такъ душевно:

— Écoutez! Я самый удобный и простой коллега. Со мной можно жить. Я буду прямъ. Я знаю, вы подозрѣваете, что я потворствую католикамъ?

Я хотѣлъ протестовать, но Виллартонъ, возвышая голосъ, продолжалъ убѣдительно:

— Я знаю, знаю... Но, если бъ и такъ (хоть это не совсѣмъ такъ), кто жъ виноватъ? Вашъ консулъ очень плохой дипломатъ. Онъ вооружилъ противъ себя всѣхъ; всѣ недовольны имъ...

Я не хотѣлъ слушать и дѣлалъ нетерпѣливыя движенія.

— Онъ не только для меня консулъ, онъ другъ мой...— возражалъ я.

— Оттого, что онъ другъ, я и совѣтую вамъ привлечь его вниманіе на тѣ невыгодныя условія, въ которыя онъ ставитъ русскую политику во Ѳракіи. Онъ еще молодъ и очень гордъ; онъ увлеченъ удачами. Я отдаю справедливость его уму; онъ человѣкъ лучшаго общества, онъ вполнѣ джентльменъ... Но... все-таки, я долженъ сказать вамъ правду. Повѣрьте, я знаю гораздо больше о его дѣйствіяхъ, чѣмъ вы думаете... Посовѣтуйте ему... прошу васъ... Англія и Россія — державы могучія, большія, обѣ консервативныя; онѣ могли бы жить такъ спокойно другъ около друга и здѣсь могли бы итти рука объ руку во всемъ, или почти во всемъ. Да, впрочемъ, въ высшихъ сферахъ власти такъ и дѣлаютъ; но это личное честолюбіе мѣстныхъ агентовъ большое зло, и оно распаляетъ вражду. А мы были такъ дружны съ Богатыревымъ, и я съ моей стороны старался всячески помогать ему. Какъ мы тогда хорошо проводили время! Знаете, я вспоминаю при этомъ фразу вашего князя Горчакова, въ его нотѣ, по поводу сѣверо-американскихъ дѣлъ. Онъ тамъ говоритъ, кажется, такъ про Штаты Сѣвера и Юга: «Соединенные, они дополняютъ другъ друга; раздѣленные, они парализуютъ»... кажется, такъ, въ этомъ родѣ... Вотъ такъ и мы теперь съ Богатыревымъ: прежде мы оба были сильны; теперь мы оба стѣснены. Видите, какъ я прямъ.

Опять у него покраснѣли глаза. Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ прямъ на этотъ разъ, и съ нимъ это случалось нерѣдко... Онъ сильно увлекался своими чувствами; онъ былъ агентъ находчивый, изобрѣтательный и дѣятельный донельзя; но онъ не могъ быть политикомъ осторожнымъ и холоднымъ; онъ безпрестанно переходилъ за черту умѣренности и дѣлалъ ошибки, хотя и умѣлъ скоро поправлять ихъ разными ухищреніями и изворотами.

На все это я отвѣтилъ ему такъ:

— До меня, признаюсь, все, что́ вы говорите, не касается прямо, и не мое дѣло въ это входить; вы поговорили бы сами съ господиномъ Богатыревымъ.

Англичанинъ выпрямился и сухо возразилъ:

— Нѣтъ, этому противится мое достоинство! Это невозможно!

Сказавъ это, онъ взялъ шляпу и очень весело и мило, пригласивъ меня къ себѣ обѣдать на слѣдующій день, запросто, пожалъ мнѣ руку съ дружескою выразительностью и ушелъ или, лучше сказать, бѣгомъ сбѣжалъ съ моей лѣстницы. Я не успѣлъ и проводить его до низу, какъ слѣдовало по обычаю мѣстной учтивости. Немного погодя я узналъ, что, сойдя такъ быстро по лѣстницѣ, онъ спросилъ у кавасса: «гдѣ Вѐлико?» И, получивъ отвѣтъ, что на кухнѣ, мимоходомъ заглянулъ туда, и когда мальчикъ смущенный вскочилъ передъ нимъ, онъ со смѣхомъ сказалъ ему по-турецки: «А я тебя вѣдь знаю. Ты кандильанафтомъ былъ у франковъ въ церкви. Я узналъ тебя!» Вѐлико (разсказывали люди) поблѣднѣлъ и не успѣлъ еще отвѣтить, какъ Виллартонъ уже опять принялъ серьезный видъ и, поглаживая важно свою длинную бороду, прибавилъ патріархально и все по-турецки:

— Это ты, дитя мое, очень хорошо сдѣлалъ, что оставилъ унію. Не надо хорошему человѣку мѣнять вѣру отцовъ. Ты долженъ быть «ортодоксъ-булгаръ», а не «унитъ»... Э! прощай... Будь здоровъ!..—и ушелъ, щелкая бичомъ.

Узнавъ эти послѣднія подробности отъ моихъ людей, я тотчасъ пошелъ къ Богатыреву, чтобы посовѣтоваться съ нимъ*).

---

*) Разсказъ авторомъ не конченъ. *Ред.*